

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн
**МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ПРИВОРОТ**

500 000

ЧИТАТЕЛЕЙ УЖЕ ПОЛЮБИЛИ ЭТУ КНИГУ!

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Можно ли приворожить молодого человека? Можно ли сделать так, чтобы он полюбил тебя, выпив любовного зелья? А можно ли это вообще делать, и будет ли такая любовь настоящей? И что если этот парень — рок-звезда и кумир миллионов? Именно такими вопросами задавалась Катрина — девушка из творческой семьи, живущая в своем собственном спокойном мире. Ведь ее сумасшедшая подруга решила приворожить солиста известной рок-группы и даже провела специальный ритуал! Музыкант-то к ней приворожился — да только, к несчастью, не тот. Да и вообще все пошло как-то не так, и теперь этот самый солист не дает прохода Кате. А еще в жизни Катрины появился странный однокурсник непрезентабельной внешности, которого она раньше совершенно не замечала. Кажется, теперь девушка стоит перед выбором между двумя абсолютно разными молодыми людьми. Популярный рок-музыкант с отвратительным характером или загадочный студент — немногословный, но добрый и заботливый? Красота и успех или забота и нежность? Кого выбрать Катрине и не ошибиться? Ведь по-настоящему ее любит только один...

- [Анна Джейн](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

Анна Джейн

Музыкальный приворот

Книга 1

Я хочу сказать спасибо своим родителям. И выражаю искреннюю благодарность троим людям. Марине П. — за всяческую помощь, бесценные советы, вдохновение и поддержку, без которой было бы тяжело. Алене Белан — за веру в меня и в мое творчество. И ее брату Диме Билану — за помощь и содействие в издании.

Все события и персонажи вымышлены, а любые совпадения случайны.

«Можно ли приворожить молодого человека? Можно ли сделать так, чтобы он полюбил тебя, выпив любовного зелья? А можно ли это вообще делать и будет ли такая любовь настоящей?» — писала я на своей страничке в блоге, который вела уже второй год подряд и не собиралась покидать его. Мне нравилось проводить время в Интернете, ибо здесь я встречала куда более адекватных людей, чем в реальной жизни. Хотя, конечно, может быть, это я такая «счастливая», что окружают меня не обычные, а в основном довольно-таки странные личности с кучей тараканов в головах. Из-за них я как-то на досуге даже составила некое подобие «тараканьего рейтинга».

От одного до двух тараканов. Начало процесса разжижения мозга. Моя давняя подруга и соседка по площадке Настя принадлежит к этой категории. Она немного помешана на сильном поле и находится в постоянном поиске собственного прекрасного принца. Идеал ее должен быть ростом от метра восьмидесяти, обязательно светлокожим блондином и иметь голубые глаза (остальные цвета она попросту презирует), а также красивое лицо с правильными чертами и навороченного коня под названием «бентли» или там «феррари». В итоге подружка постоянно остается одна, прогоняя неподходящих поклонников недвусмысленными намеками сходить к матушке нечистого...

От трех до четырех тараканов. Слабая степень разжижения мозга.

Моя младшая сестра Нелли страдает этим недугом уже два года. Она ярая поклонница аниме и всяких разных «кавайчиков» мужского пола. Нет, конечно же, любители японской анимации могут быть вполне нормальными людьми, просто у Нельки эта любовь зашкаливает по всем параметрам. К месту и не к месту она вспоминает героев любимых мультиков и часто издает странные звуки типа «ня!», «сугой» или «кавай». Первое время я думала, что сестричка говорит «на» и «ковать», и не понимала, что это — японские словечки, произносимые ею на русский манер. А однажды поддалась на уговоры сестренки и посмотрела вместе с ней на этих ее нарисованных парней-милашек. Стало немного неловко и страшно. За Нельку — ну почему ей парни нетрадиционной ориентации нравятся?

От пяти до семи тараканов. Средняя степень разжижения мозга.

К этой категории относится мой старший брат, который целыми днями сидит у собственного компьютера. У Эдгара красные глаза, плохая осанка и самая настоящая интернет-зависимость. Словно загипнотизированный, он зависает сутками перед монитором и лихорадочно щелкает по клавишам. Иногда он пишет какие-то странные программы, что-то где-то модерирует, но чаще всего просто-напросто играет в онлайн-игры. У него куча виртуальных друзей по всей России и за рубежом, даже в таком Богом забытом месте, как Уганда. Зато в реальной жизни — только один. Такой же задохлик и раб мировой сети по совместительству.

От восьми до десяти тараканов. Среднеповышенная степень разжижения мозга. Мой собственный, единственный и неповторимый папочка имеет честь представлять эту категорию людей. Он — художник-постмодернист. Рисует необыкновенную и просто-таки удивительную гадость. Его среднестатистическая картина выглядит так, как будто ее малевал пятилетний ребенок, которому вручили кисти с красками и попросили перерисовать Мону Лизу по памяти. Кроме того, свои ужасные картины папа развешивает по всему дому, и порой мне даже страшно приглашать людей в гости. Вдруг их напугает очередной черно-красно-сине-зеленый шедевр? Кстати говоря, мой родитель очень сильно обижается, когда его работы не понимают и критикуют, зато без ума от комплиментов. Но, надо сказать, и на картины Томаса Радова находят поклонники, а большинство из них с успехом продается в галереях.

От одиннадцати до тринадцати тараканов. Сильная степень разжижения мозга. Такое состояние мозга у младшего брата моего папы, который не разрешает называть себя дядей, и я вынуждена величать его просто Лешей. Он относительно молод — ему двадцать восемь лет, самонадеян и самовлюблен. По моей версии, Алексей — второе воплощение античного Нарцисса. Этот человек без ума от себя, любимого, и делает все возможное, чтобы сохранить свою «неземную красоту» навсегда. Он гордо называет себя метросексуалом и имеет целую коллекцию одежды и обуви. По крайней мере вещей у него намного больше, чем у меня и сестры, вместе взятых. Немудрено, ведь с недавних пор дядя стал дизайнером, а до этого работал моделью. С Томасом они частенько конфликтуют, причем очень забавно. Однажды папа взялся рисовать его портрет, и в результате у обоих произошла утечка мозговых тараканов. У Леши от увиденного на холсте, а у папы от истерических криков брата, вроде: «Это уродство на меня совсем не похоже!» и «Почему у меня четыре когтистые лапы и нет головы?»

От четырнадцати до шестнадцати тараканов. Сильнейшая степень разжижения мозга с осложнениями. А вот сюда относится моя лучшая подруга Нина со славной фамилией Журавль. С виду она кажется милой, общительной и симпатичной — нет, даже красивой девушкой. Роскошные светлые волосы до талии, большие голубые глаза с длинными ресницами, обаятельная улыбка, великолепная фигура, острый ум, манеры, отличные оценки в университете, множество поклонников... На первый взгляд она идеальна. Но это только на первый. На самом деле Нинка помешанная. Ненормальная. Чокнутая. Мало кто знает, что ангельская внешность и показная доброжелательность обманчивы. Несмотря на хрупкий вид, моя подруга отличается своевольным капризным нравом, повышенной наглостью и резкостью. Она никогда не стесняется и не смущается. Манипулирует окружающими. Может очень больно ударить противника. Обхамить сумеет так, что ее слова запомнятся надолго. Журавлик прекрасно играет роль очень хорошей девочки. И все, кто никогда близко с ней не сталкивался, считают ее примером доброты и милосердия. В университете она умная и отличная девчонка, которая поможет с домашним заданием. В глазах моих родственников — пример для подражания. В театральной студии, где она занималась пару лет, Ниночка — талантливый ангелок во плоти и будущая великая актриса. А уж что думают о ней представители мужского пола!.. Для них она —

божественная красotka и умненькая милашка, с которой не стыдно показаться на людях.

В общем, мой пост, который я только что напечатала в блоге, и был как раз про нее, мою дорогую и любимую подругу, превосходно умеющую втравить в неприятности кого бы то ни было. Особенно меня.

А началось все с того, что полгода назад мы всего лишь вместе посмотрели телевизор. Если бы Журавль тогда не щелкала пультом, как дятел клювом по дереву, а спокойно бы дожидалась начала своих любимых ужастиков, то ничего бы, может быть, и не произошло... Впрочем, расскажу все по порядку.

Дело было в Нинкиной квартире, в которую я пришла с ночевкой. Родители подруги уехали в какую-то срочную командировку, вернее, уехал ее всегда занятой папа, а мама как бесплатное приложение отправилась вместе с ним — контролировать. Брат улизнул на день рождения одноклассника, а старшая сестра так обрадовалась отъезду старшего поколения, что убежала в какой-то крутой клуб и обещала вернуться только утром. Ниночке ночевать одной было скучно, и она позвала меня. Вдвоем мы сгоняли в ближайший супермаркет, накупили чипсов, шоколада и газировки — всего того, что в принципе есть вредно, — и удобно устроились перед большим плазменным телевизором. Кажется, мы ждали какой-то очередной душераздирающий ужастик. Несмотря на ангельскую и кроткую внешность, Нинка всякие триллеры и ужасы просто безумно обожает. Когда другие боязливо отводят взгляд от особо кровавой сцены или в трепете отворачиваются от самых страшных монстров, моя подруга разражается истерическим смехом. Даже когда очередную несчастную жертву режут тупым ножом или совершают над ней какие-нибудь другие нехорошие и тошнотворные манипуляции, Нинка спокойно ест и даже глазом не моргает. Только ржет и комментирует.

В тот вечер она ждала то ли «Возвращения мертвецов-вуду», то ли «Проклятие кровавого некроманта», то ли нашумевший триллер «Из ада шлют приветы». До начала очередного шедевра оставалось еще минут двадцать-тридцать. От нетерпения Нинка живо обсуждала всех наших знакомых и высмеивала их недостатки. Сплетничать — вообще ее любимое занятие. Иногда она такое про людей скажет, что хоть стой, хоть падай.

— Эта деревенщина из соседней группы, Наташка Сотникова, меня бесит, — вещала Журавль. — Приперлась из дремучего леса, блин, и возомнила себя королевой. Королева, черт возьми! Если только королева Кривых Ног, ха-ха-ха!

— Чем она тебе не угодила? — поинтересовалась я у нее.

Обвинения Нинки, как правило, безосновательны и субъективны до безобразия.

— Она на меня плохо сегодня посмотрела. Наверняка за глаза обсуждает, косоное рыло. А эта ее подружка?

— Которая? — потянулась я к пакетику с чипсами, но Нина опередила меня, схватив их первой.

— Это с сыром, мои любимые, — заявила она. — Возьми другие, Катька.

То, что я тоже люблю именно чипсы с сыром, подругу не волновало. Впрочем, я к этому привыкла. С такими, как моя Нинка, или не общаются, или привыкают к ним.

— Ну и что там с ее подругой? — спросила я, открывая чипсы с беконом.

— А, эта носатая крыса носится за мисс Кривые Ноги, как полоумная, и все вынюхивает, докладывает ей, — выдала Журавль на одном духу.

Видели бы ее сейчас эти самые девушки, ведь обычно с ними подружка мила и приветлива!

— А тебе-то что с того?

— Они вдвоем меня обсуждают, — никогда не страдала от скромности Нинка. — Я это чувствую. Когда этих двоих вижу, у меня уши горят. Верный признак того, что кто-то обо мне говорит.

— Может, они хорошее говорят? — предположила я.

— Ага, конечно. Ты, дорогая, совсем того. С чего Кривой Ноге про меня хорошее говорить? Она же мне завидует. О, а знаешь, кто мне просто мегазавидует?

— Ну и кто?

— Кривой Нос!

— У тебя все кривые.

— Она самая кривая. О, кстати, а помнишь этого... как его... Тропинина, Антона Тропинина. Из нашей группы. Ну, такой, который редко в универ ходит. Похож на лоха, белый, как мышь-альбинос, и в очках? Стремный чувак.

— Естественно, помню, — осторожно ответила я, тут же вспомнив высокого скромного светловолосого паренька со смешной прилизанной прической в больших несуразных очках, абсолютно ему не идущих, — а что?

— Этот парень подкатил ко мне сегодня, когда ты на семинаре у этой козлихи-исторички Арины Петровны задержалась. И на свидание позвал. Я чуть не упала. Я с такими крестинами еще не встречалась. Прикинь, стоит,

мнется, шары на меня свои светлые вылупил — ты же знаешь, я люблю больше кареглазых парней — и мямлит: «Ме... бе... пошли...». — Мастерски и несколько утрированно передразнила она несчастного парня.

— А ты что? — заинтересовалась я, не удивляясь, что кто-то в очередной раз решил поближе с ней познакомиться. Нинка выглядит эффектно, поэтому она нравится многим парням и даже мужчинам. То, что ее приглашают на свидания, — дело обыденное. И то, что частенько подруга отфутболивает поклонников, — тоже. А потом рассказывает мне про них смешные гадости.

— Я что? Послала далеко и надолго. На фига мне такой кретин нужен? И вообще ты знаешь мой идеал.

— Знаю.

Всего лишь два слова характеризовали этот идеал. Богатый и красивый. Ни больше ни меньше. У Нины запросы ого-го! Такие же, как и ее самомнение. Хотя, с другой стороны, мужчина в ее глазах может стать идеалом, если он до неприличия богат, — количество денег с лихвой перекрывает красоту.

— А еще меня рыжий Мишка с четвертого курса на свидание приглашал. С клювом вместо носа. Жесть, да? Слушай, если я пользуюсь успехом у таких уродов, это не значит ли, что я сама не слишком хорошо выгляжу? — забеспокоилась Журавлик.

— Все у тебя уроды, — вздохнула я.

Если бы Нинку прослушивали инопланетяне-агрессоры, они бы точно не посмели напасть на нашу планету, подумав, что ее населяют жуткие и неприятные существа.

— Но этот Мишка точно страшила!

— У этого Мишки папа — известный бизнесмен, — невзначай сказала я.

Подруга даже чипсами подавилась.

— Насколько известный? — настороженно спросила она.

Как я и говорила, понятие «богатый» иногда перевешивало второе определение ее идеала — «красивый». Подруга практична — если молодой человек очень обеспечен, то Журавль старается не портить отношения с таким экземпляром. Хоть и в этом ее правиле есть исключение, но о нем я расскажу когда-нибудь позже.

— Намного, — неопределенно ответила я ей. — Я это от девчонок слышала. Они говорили, что Мишка хоть и не красавчик, зато папа у него крутой.

— Ну и ладно. Все равно не стала бы я с этим олухом встречаться. У

меня тоже фазер богатый.

Это было истинной правдой. Родитель Нины, в недавнем прошлом владелец небольшого продуктового магазина, каким-то образом открыл риелторскую фирму, которая сейчас успешно процветала. А потом занялся еще каким-то прибыльным бизнесом. Поэтому у подруги всегда водились деньги, и совсем немаленькие.

— И вообще красивых парней у нас в городе не осталось. Все какие-то полудефектные, — вынесла суровый вердикт блондинка, засовывая в рот целую кучу чипсов.

При мне она не стеснялась есть как попало, руками, и чавкать при этом, зато при посторонних была богиней эстетизма и культуры.

— А как же Ренат твой? — вспомнила я импозантного молодого человека, который недавно преподнес Нинке шикарный букет цветов.

Подруга с ним ходила на свидания целых пять или шесть раз, а это для нее своего рода рекорд. Дело в том, что если Нинка находит кого-то, кто подходит под описание ее идеала, то разочаровывается в объекте своей любви через два-три свидания и ищет новую жертву.

— Вовсе этот придурок не мой, — сквозь зубы произнесла Нина и запихала в рот целую горсть чипсов. — Шон шне ше шавится тешерь!

— Кто у тебя там шершавится? — не разобрала я.

— Не нравится, говорю, — прожевала она еду, — и не напоминай мне больше об этом квазимодо.

Я покивала головой. Разонравиться парень ей мог из-за любой ерунды. Однажды Нинка бросила молодого человека из-за того, что он не любил уже упомянутые мною фильмы ужасов, а в другой раз она далеко и надолго послала кавалера потому, что тот опоздал из-за пробки на семнадцать с половиной минут.

— Да где это чертово кино? — с грохотом стукнула кулаком по стене девушка. — Сколько можно ждать! Кать, дай пульт, я по каналам пощелкаю. А то скучно.

Вот она и дощелкалась. Лучше бы я тогда этим пультом ей в лоб запустила, честное слово, а потом, правда, стала бы счастливым обладателем сломанной руки, но зато не пережила бы всего того, что пришлось мне испытать.

Но тогда я кинула подруге длинный пульт управления телевизором, она ловко поймала его и стала давить на кнопки. Я же молча ела шоколадку.

— Дебильная реклама. И здесь реклама, — комментировала Нина. — Т-а-а-ак, тут мужланы по полю мяч гоняют. Глупая забава! А тут у нас... О

Боже, смотри, какая девка в фильме страшная! На Ритку похожа из школы! Помнишь ее? Ну и морда! Как таких только в актрисы берут!

— Девушка как девушка, — взгляделась я в лицо, показанное операторами крупным планом.

— Это у тебя вкуса нет и глазомер отсутствует, — не поленилась сказать комплимент подруга и продолжила комментировать программы: — А это кино я видела как-то, мдэ, голливудская тошниловка. Почему главный злодей в каждом таком фильме толкает герою целую речь, пересоленную пафосом, а тот, конечно же, находит способ убить разговорчивого идиота? Вот если бы я была злодеем... — подруга многозначительно замолчала, — хрен бы меня кто убил.

Да, если бы Журавль была злодеем, никто бы не выжил. Она уничтожила бы всех, причем каким-нибудь суперкошмарным способом, а потом еще и лезгинку сплясала на групповой могиле врагов, которую самолично бы и вырыла. В далеком детстве, когда мы играли в бандитов и полицейских всем двором, Нинка всегда становилась на сторону «зла», и бандиты выигрывали с завидным постоянством — она умело ими руководила, как будто бы жила в семье заправских разбойников, как одна из героинь «Снежной королевы».

Подруга продолжала щелкать пультом.

— Тут всегда такую фигню показывают, заснуть можно. Вечным сном. Хе-хе, а тут комментатор на спортивном канале такой тормоз... Пока он рассказывает про одного спортсмена, выступил уже второй и готовится третий. А-а-а, наши биатлонисты! Нет, на такие ужасы даже я не могу смотреть. Ф-у-у-у, безголосая плоскогрудка Ирэн Смит, кто ее вообще выпустил на сцену? Страх какой, — Нинка притворно перекрестилась. — Катька, видишь? Видишь? В этом фильме про летчиков такой хрен снимается, что смотреть страшно. За что ему «Оскар» дали? Лучше бы им по голове ему настучали. Или вместо оной в шею засунули. О, гляди, реклама духов от «Тассо». Жуткий отстой. Меня чуть не вывернуло, как я их поню... — И она неожиданно замолчала.

Я в это время печатала смс на телефоне — сестренка спрашивала, как мы там вдвоем в квартире поживаем, поэтому не видела, из-за чего словесный поток Нины прекратился. Слышала только звук ритмичной тяжелой музыки — во время очередного переключения Журавль попала на музыкальный канал.

Прошло десять секунд, двадцать, тридцать — подруга молчала.

— Ты чего? — забеспокоилась я и повернулась к Нинке.

Она, полуоткрыв рот, словно зомби, смотрела на широкий экран

телевизора. Очередная чипсина из ее пальцев выпала и радостно была слопана всеядным котом семейства Журавлей.

— Катя... — прошептала она, подползая к телевизору на коленях. — Смотри, какой...

Я думала, что она скажет что-то вроде «ужасный» или «страшенный», но вместо этого я услышала:

— ...милый... — ее тонкий палец с длинным ногтем, украшенным замысловатым маникюром, указал в телевизор, чуть не проткнув плазменный экран.

— Милый? — повторила я, если не с ужасом, то с удивлением глядя на бешено скачущих парней в странных костюмах из черной кожи с заклепками и шипами и раскрашенных, словно индейцы во время войны с бледнолицыми. Парни дергались под сплетенный в единый звуковой поток шум барабанов, ритм- и бас-гитар и что-то то ли пели, то ли кричали на английском языке. — Милый? Нин, ты чего?

— Я в него влюбилась, — все так же тихо произнесла она.

— В кого? — заботливо поинтересовалась я, пытаясь разглядеть хоть кого-то милого за страшным макияжем и брутальными масками.

— Вон в того, кто поет.

— В него?! Он-то милый?

Певец в кожаном плаще до пола, расшитом бордовой вязью, и с длинными же черными волосами, разметавшимися по плечам, милым мне совсем не показался. Подведенные глаза, алые линзы, по-потустороннему белое лицо, разрисованное диковинными узорами, черные ногти, несколько длинных колец-когтей на пальцах, высокие тяжелые ботинки на толстой подошве и со шнуровкой — во всем этом я ничего прекрасного не находила. Парень громко и надрывно что-то кричал в микрофон, а многотысячная толпа внизу радостно орала и подпевала ему.

— Какой голос... — слабо произнесла Нина, глядя в экран большими умильными глазами.

— Твой фильм уже должен начаться, — напомнила я ей заботливо. — Переключим?

— Не смей! — коршуном вцепилась в пульт подруга, не отрывая глаз от выступающих на сцене. — Записывать, записывать! — заорала она вдруг мне с силой. Я аж отшатнулась.

— Чего записывать, Нин?

— Название группы! Как их там? — подбежала к самому экрану девушка и лихорадочно принялась вбивать в телефон название этого превосходного музыкального коллектива.

— Red Lords, — прочитала я маленькую надпись в левом нижнем углу телевизора, после чего клип закончился и началась вездесущая реклама. — Нина, а ты кино будешь смотреть-то?

— Отстань от меня со своим кино! — огрызнулась она. — Я нашла человека своей мечты, а ты все по своему кино убиваешься. Ах! Какой он офигенный! Вот черт, раньше со мной ничего подобного не было!

Об ужастике она благополучно забыла. Полночи мы просидели в Интернете, где подруга искала информацию об этих самых «Красных Лордах» (так переводилось название группы). Каждый раз, когда она что-либо про них находила, дом оглашался ее воплями.

— Я и не знала, что они такие популярные! — с радостью говорила она, скачивая, наверное, уже пятисотую фотографию парней в очередных странных метало-готичных костюмах. — Какие они красивые... эпатажные. Особенно этот, — ткнула она пальцем в длинноволосого молодого человека, в середине фотографии.

Он отрешенно, словно молодой бог Тартара, смотрел вперед и двумя пальцами держал черную розу. Остальные музыканты, его величественная свита из высших демонов, кривили в улыбках-насмешках темные губы. От розы в руках длинноволосого отлетали лепестки и падали на голый живот валяющейся под ногами парней девушки в белых разодранных старинных одеждах.

— Чем он тебе так приглянулся? — не понимала я, разглядывая музыкантов на других фото.

— Тебе не понять. Ты вообще никого никогда не любила, как я, и не полюбишь, — вздохнула Ниночка.

— Да, я так никого любить не смогу, — преувеличенно согласно отозвалась я, и если бы подруга пребывала не в столь восторженном состоянии, она наверняка бы заметила, как подозрительно быстро я согласилась с ней.

— Я имею в виду — так же страстно, — все же несколько замялась она, заметив вдруг мой печальный, как у пойманной на крючок рыбины, взгляд.

Любые напоминания о любви заставляли частичку меня переживать вновь не самые приятные события, произошедшие в далеком, казалось бы, прошлом.

— И я опять соглашусь с тобой.

— Хм, ну, со мной трудно не согласиться, — отвечала Журавль. — А ты смотри, не грусти, детка-конфетка. Забудь обо всем. Жизнь прекрасна и прочие бла-бла-бла... Ой, смотри, смотри, он до пояса раздетый! Какой

милашка! Ой, их альбом докачался, теперь послушаем его голос еще раз!

— Я тебя прямо не узнаю, — ничуть не обиделась я на Нинку, которая помешалась на группе «Ред Лордс» буквально за пару часов. И прямо на моих глазах.

— Ой, помолчи. Ой какие же они популярные! Жалко, конечно, что они не из России...

— Они вообще непонятно откуда, — буркнула я. Судя по многочисленным статьям в Интернете, о парнях этой группы точных сведений не было. Вроде бы все они даже были из разных стран — такая вот сборная музыкальная солянка. Фанаты знали лишь их приблизительный возраст и некоторые интересы.

— Сама ты непонятно откуда. На, почитай, не мешай мне, — вытащила Журавль из горы распечатанного текста пару листочков и всучила мне, — а я пока видео с ними посмотрю. С тобой ведь смотреть невозможно, Радова. Всякие глупости говоришь. Ой, он здесь с хвостиком! Ах! Какое бледное элегантное лицо! Вау....

Мне оставалось только покачать головой. И это говорит гламурная дива, без труда разбирающаяся в фирменных шмотках и мировой моде!

— Такой милый! — было очень непривычно слышать от всегда критичной подружки столько позитивного, адресованного одному человеку!

Милый? Гот какой-то разукрашенный. Таких на улицах целая куча ходит, и почти все высокомерны, как славные потомки месье Наполеона.

— В фан-клуб запишись, — посоветовала я и принялась читать, чтобы хоть как-то отвлечься от полуистерических визгов этой ненормальной.

— Фан-клуб — для нищих умом. — Гордость Нинки мне всегда нравилась. — Что я там забыла? Я сама себе фан-клуб.

Музыканты RL: романтики и метал?

«Red Lords» — известная команда, играющая неформатную музыку, за короткое время покорившая множество душ и завоевавшая обширную аудиторию в самых разных странах мира. После выхода первого же сингла как поклонники, так и критики интересуются не только творчеством «Лордов», но и их личностями. Однако известно о новых героях музыкальной мировой тяжелой сцены немного.

Из очевидного. Группа состоит из шестерых парней со зловещим гримом, пирсингами, тату и прочей атрибутикой современной неформальной молодежи...

То, как одеты парни и каков у них грим, я благополучно пропустила. Рок я все же не очень любила. Может быть, сказалось музыкальное

образование.

...Музыка, тексты, даже имидж группы полностью придуманы самими музыкантами. «Психodelика, символизм, тайна, романтика, безумие, ритмика протеста максималистов и, как ни странно, равнодушные, — это все является добавками, которыми парни приправили свою музыку», — говорит Гуннар Бенгтсон, один из ведущих музыкальных критиков Европы, оценивая творчество Red Lords.

Наверняка его купили продюсеры группы... Бенгстон — дядька крутой, известный.

Они исполняют преимущественно тяжелую метал-музыку, хотя постоянно экспериментируют с жанром и называют себя свободными представителями инди-течения. Финансово независимы от мейджор-компаний, записываются на собственном инди-лейбле «RL» и поддерживают многие молодые группы, желающие заниматься творчеством, а не приносить баснословные доходы тем, с кем они подписали контракты...

Молодцы какие!

...Биографии «Лордов» очень туманны, известны лишь незначительные факты из их жизни, примерный возраст и увлечения. Настоящие имена, истинный возраст, семьи и даже национальности тщательно скрываются музыкантами. Причины этого общественности неизвестны...

Неизвестны причины? Три раза ха! По-моему, эта таинственность всего лишь способ «хорошенько пропиариться», как говорит мой дядя, понимающий толк в шоу-бизнесе.

Да, встряла моя Нинка. И я тоже, как оказалось. Но тогда, читая эту лабуду, я, не подозревая об этом, просто уснула.

Мне приснились пятеро молодых людей, чьи лица были скрыты плотными масками. Они громко смеялись и водили вокруг меня хороводы, издевательски напевая: «Каравай, каравай, кого хочешь — выбирай!». Я смотрела на них с глупой улыбочкой, хватала за руку то одного, то другого, и все время почему-то оказывалась в центре, вновь и вновь слыша дурацкую детскую песенку. Потом вдруг послышались раскаты чьей-то визгливой бас-гитары, круг разомкнулся, и ко мне подплыл парень в страшной маске, которая тут же напомнила голову Зверя из «Повелителя мух» Голдинга.

— Ты кто? — спросила я во сне. Ответа мне дано не было.

Под конец сна парни начали медленно растворяться, исчезая в воздухе, а на их месте появилась бледная и растрепанная Нинка, перекрашенная

почему-то в брюнетку. Она встала напротив меня, скрестила руки на груди и заявила:

— Тяжелая музыка — это жизнь.

— Чья? — не поняла я ее, собираясь уже проснуться.

— Моя. И твоя тоже.

Сказав это, Журавль тоже исчезла в дымке синего цвета, а меня разбудил кот подружки, улегшийся мне прямо на голову, явно перепутав меня и диванную подушку и принявшись умываться.

Я тут же согнала нахальное животное, явно позаимствовавшее у своей хозяйки не самые лучшие черты характера, и сощурилась от света, исходящего от экрана: Ниночка продолжала сидеть за своим компьютером, глядя документальный фильм, посвященный сами-знаете-кому, и не думала ложиться спать, хотя большие настенные часы показывали уже половину пятого утра...

С этого памятного вечера (а может, уже ночи) моя подруга стала самой настоящей фанаткой группы Red Lords, а заодно и всех групп подобного направления: как зарубежных, так и российских. Теперь идеалом настоящего мужчины для нее стал некий собирательный образ, в который были включены следующие компоненты: кожаная куртка/плащ с заклепками, цепями и ремнями; тяжеленные сапоги, или ботинки со шнуровкой типа «гриндерсов», «каamelотов» и «доктора Мартина», или хотя бы кеды; футболки и штаны цвета хаки и вообще одежда темных, мрачных тонов; нетрадиционная прическа, начиная от длинных волос и кончая фиксированными гелем разноцветными волосами разнообразной длины, уложенными на голову в творческом хаосе... А если у такого типа в руках находился микрофон или гитара, то Нинка вообще сходила с ума от радости. Она умудрилась даже познакомиться с парочкой неформальных парней, и хотя мне казалось, что им будут нравиться только такие же неформальные девушки, как и они сами, я глубоко ошибалась. Длинноволосая шикарная блондинка была популярна у всех категорий мужчин независимо от их возраста, мировоззрения и принадлежности к субкультурам.

Однако традиционно повстречавшись с каждым из них пару раз, подруга бросила этих ребят к чертям собачьим, сказав мне, что ей нужен «кто-то покруче», желательно настоящий музыкант, который сможет тронуть ее холодное сердце своей музыкой и голосом. И подруга принялась искать новую жертву, потому как со своим идеалом из «Красных Лордов» она встречаться не могла. Журавль могла лишь с упоением слушать музыку кумиров и восторгаться ими на расстоянии. Заодно она стала поклонницей

неформатных, тяжелых звуков и экстремальных видов вокала.

Опять же, обо всех этих закидонах знала только я, ее лучшая и единственная подруга. Для всех остальных Нина так и оставалась ангелоподобной глэм-девочкой, которая не может слушать таких ужасных тяжелых исполнителей, предпочитая величественную классику или современный джаз, и вообще рождена, чтобы на арфе играть и под луной петь серенады самой себе.

Через месяц бешеного и тайного поклонения этой группе, а также всему «тяжелому стилю» Нинка нашла себе что-то вроде местного заменителя Red Lords, который буквально за пару дней смог из категории «заменитель» перерасти в категорию «ню-кумиры» — так сильно они понравились моей взбалмошной подружке. Можно сказать, с этого неприятности и начались, а все остальное было предысторией.

«На краю».

Они называли свою команду именно так. И я тоже оказалась на краю, на самом краю то ли комедии, то ли трагедии, то ли полнейшего идиотизма, а может быть, на краю своих чувств. И не только своих.

Итак, кто же понравился Журавлику? Те, кто жили в нашем городе и исполняли ту самую музыку, от которой балдела подруга и закрывала уши я. Да, у нас все больше набирала популярность группа, чем-то неуловимо напоминающая парней из «Красных Лордов». Они играли в похожем стиле: некую смесь тяжелого альтернативного мелодичного рока с мрачными готическими и психоделическими мелодиями, одевались почти так же эпатажно и странно (видимо, это современная тенденция в мире неформальной музыки), имели это глупое название «На краю» и кучу проколотых ушей, носов и даже щек (если пересчитать все пирсинги участников группы, то наберется больше двадцати), а еще у них было множество почитателей. Ярых поклонников. Сумасшедших фанатов.

Журавль впервые познакомилась с этой группой, когда в образе неформалки притащилась с одним из своих парней-скейтеров в рок-клуб. Вернее, парень пригласил ее на концерт любимой группы, а она согласилась пойти. Этой группой и оказалась рок-команда «На краю». За вечер Нина здорово оторвалась на их выступлении, бросила скейлера, влюбилась в этих ребят-музыкантов, за ночь все о них разузнала, а утром прибежала ко мне — делиться эмоциями! После этого и я уже все о них знала...

Непонятная музыка, далекий от меня стиль жизни, загадочные имена-клички: Келла, Арин, Рэн, Фил и Кей — все это самым загадочным образом влилось в мой мир, а я забыла сказать им: «Добро пожаловать!».

Начинали все пятеро музыкантов «НК» в каких-то непрезентабельных местных клубах (в одном из них мне потом пришлось побывать вместе с неугомонной Нинкой, которая едва ли не каждую неделю перевоплощалась из модно и со вкусом одетой блондинки в какое-то подобие неформалки, но больше я с ней по ночным заведением никуда не совалась), а теперь уже выпустили несколько крутых и жутко популярных синглов, целый альбом, а также сняли три клипа, которые с удовольствием крутили по телику главные музыкальные каналы России. Какие-то кретины из журналистской братии даже называли «На краю» отечественным ответом «Красным Лордам», которые действительно, как я с сожалением убедилась, были известны едва ли не всему миру. Еще одни критики, из другого модного музыкального журнала, пророчили новым Ниночкиным любимцам не меньшую славу, чем у «Лордов», и частенько упоминали, что группа «На краю» вскоре сможет выйти на международную мьюзик-арену без особого труда, став первой ласточкой российской рок-музыки на Западе, где, как известно, наших отечественных исполнителей не особо знают.

Естественно, критиков у группы тоже было немало, и я, наверное, назло подружке, была одной из антифанатов, правда, по большей части я молчала, ехидничая в уме. А вот моя помешавшаяся Нинка была полностью согласна с тем, что ребятки из нашей российской группы очень талантливые и дадут фору этим самым «Лордам». Да, она словно сошла с ума. Фанатичка.

— Я так их люблю! И Гектора, и Кея. Кея и Гектора. Гектора и Кея. Люблю до галлюцинаций, — мечтательно говорила она, сидя на паре в университете.

Немолодой преподаватель что-то силился нам рассказать о великой русской литературе периода реализма, а мы, будущие юристы, совсем его не слушали.

Поясняю, Гектор — это тот самый длинноволосый фронтмен «Лордов», который запал в железное сердце Нины. Кей — лидер группы «На краю», высокий малый с проколотыми ушами, равнодушным взглядом и странной татуировкой-рисунком на щеке. Кроме того, он обладал пепельно-платиновыми шикарными волосами (наверняка крашенными!) и ледяными глазами цвета замерзшего моря (это не я так сказала, это Нинка выдала! И сколько я ее ни убеждала, что море не замерзает, она все равно стояла на своем, заявив, что на море вполне может быть лед, и даже стих написала, посвященный Кею, где словосочетание «глаза цвета ледяного моря» повторилось целых три раза!). А когда я напомнила ей, что кое-кто говорил, будто любит только темные глаза у парней, блондинка лишь

фыркнула и сказала, что ее вкусы поменялись.

— Ты чокнутая, — все время говорила я подруге.

Но она только отмахивалась, с маниакальным упорством собирая фото своих любимчиков и кучу информации о них. Плохо говорить про этих рок-ребят мне запрещалось — Нинка пообещала, что если я буду обзывать ее «кумирчиков», то она повесит меня на ближайшем дереве вниз головой, как Кот Базилио и Лиса Алиса Буратино. Охота мне было по такому поводу с ней ссориться? Естественно, нет. Мне оставалось только молча дивиться изменениям в ее поведении и смеяться про себя — раньше-то она терпеть не могла тяжелую музыку и представителей неформальных культур...

Итак, мы сидели на паре, совершенно не слушая старичка-литератора. Я писала лекцию, рисовала какие-то закорючки на полях и одновременно внимала Нинке, которая распиналась о том, что скоро «На краю» даст «мегаулетный концерт», на котором она, Журавль, обязательно побывает.

Перед нами расположились две подружки, наши одноклассницы, которые о чем-то шептались. Нинка, обожающая чужие секреты почти так же, как и ужастики, наострила ушки. Она даже чуть вперед подалась от предвкушения того, что у нее есть возможность узнать чьи-то тайны. Блондинка слушала, фыркала и недоверчиво косилась на сидящих впереди девочек. При этом ее глаза становились все больше, а на лице расплылась странная полуулыбка.

— Ты чего? — спросила я ее, отрываясь от написания конспекта.

— Не мешай, — прошипела она, продолжая усердно подслушивать.

Всегда изумлялась тому, какой у нее хороший слух. Все прекрасно слышит, да и зрение у нее острое. А вот с музыкальным слухом у подруги все было просто ужасно. Мне, как выпускнице музыкальной школы, было очень тяжело слушать ее завывания в домашнем караоке, но я всегда терпеливо молчала. Сама Нинка считала и считает свой голос великолепным. Кстати, однажды, еще в школе, когда мы учились в классе десятом, девушка, только что пришедшая в наш недружный и большой класс, сказала на новогоднем вечере, что голос у Нинки противный и ей на ухо медведь наступил, потоптавшись там для порядка пару веков. Девочка продержалась целую четверть. Моя хитрая и злопамятная подружка сумела выжить ее не только из класса, но и из школы.

После занятия, когда опечаленный нашим равнодушием к классике реализма преподаватель ушел, Нина вдруг стала любезно ворковать с этими впереди сидящими девчонками: Олей и Надей. Еще недавно она называла этих двух мисс Кривой Нос и Ботаничка-с-приветом, а теперь щебетала с ними так, словно все они втроем были лучшими подругами. Опять,

наверное, что-то задумала. Просто так тратить свое драгоценное время на других она не будет. И крутится около одноклассниц не просто так.

Когда завершилась последняя, третья пара и все мы вышли из раздевалки, Нинка сказала мне, загадочно улыбаясь:

— Пошли ко мне, Катринка. Я тебе такую новость скажу, закачаешься, — внезапно ее тон переменялся, сделался очень кротким и уважительным: — Здравствуйте, Александр Борисович! — пропела она.

Наш декан с улыбкой кивнул нам и поспешил дальше по своим важным делам.

— У, пень трухлявый, — зло сказала ему Нинка. Преподавателей она не любила за то, что они были преподавателями.

— Забей на декана. Что у тебя за новость?

— Пошли ко мне, тогда скажу! — схватила меня под локоть Нинка.

— Мне домой надо, — сопротивлялась я. — Нелька скоро из художки придет, а у нее ключей нет — вчера где-то потеряла.

— Вот дура твоя Нелька. Ладно, тогда к тебе пойдем, — решила Журавль. — И вообще у вас семья большая, неужели дома никого не будет, кроме тебя?

— Не будет, — вздохнула я. — Папа уехал рисовать натюрморты к друзьям на дачу...

— Представляю, что за натюрморты получатся, — хихикнула подруга. — Очередная гадость. Зеленое небо в полоску, вместо деревьев — невидимые обычному глазу инопланетяне с тремя хоботами. А вместо солнца — большой-пребольшой глаз навывкате.

Да, родитель и не такое может изобразить. Фантазия у него большая и странная.

— А чего ты тогда при нем его работы хвалишь? Сказала бы, что он дерьмо рисует. Ты его похвалишь, а он мне потом три дня мозги проедает. Мол, Нина такая чудесная, и художественный вкус у нее имеется, и работы мои она понимает. — Я в шутку рассердилась.

— Я говорю так, чтобы меня любили, — опять хихикнула она. — А остальные где?

— Брат оторвал-таки задницу от стула, а очи от монитора и поперся на какой-то флешмоб. А потом он пойдет к другу. Леша еще позавчера уехал на какой-то показ мод в Петербурге. Возомнил себя крутым дизайнером. — Я улыбнулась.

— Могла бы соседям ключи свои оставить, — нашла еще один повод придраться Нинка.

— Я хотела оставить, да некому. Настя сегодня на работе, ее предки и

бабушка укатали. Татьяна Олеговна из тридцать шестой уехала к дочери. А с остальными соседями мы не дружим, — вздохнула я.

Что правда, то правда. Мы жили на последнем этаже, и папа с дядей попеременно затапливали соседей снизу. Как-то так получалось, что вода от нас шла не только к тем, кто непосредственно проживал под нами, а во все квартиры нижнего, одиннадцатого, этажа. Иногда даже до десятого протекало. Соседи же постоянно приходили к нам и ругались. Они вообще постоянно устраивали скандалы. Весьма забавные, надо сказать. Считают нас, Радовых, сумасшедшими.

— Как у вас все сложно. Тогда я беру такси, и едем к тебе, дорогуша.

— Как хочешь, — не стала спорить я.

Как я уже говорила, у Ниночки с собой всегда есть приличная сумма денег, и потратиться на такси для нее — суший пустяк.

Уже через полчаса мы сидели в моей квартире, пили чай и глядели в окно с высоты двенадцатого этажа. Я всегда радовалась, что мы живем так высоко, — вид из окна всегда был отличным, в любую погоду. Да и небо не загораживали другие дома, поэтому я имела счастье в любое время любоваться на любимые облака или на луну со звездами.

— Выкладывай, что ты там узнала?

— Я узнала... Кать, ты просто закачаешься! Короче, эти две дуры, ну, Кривоносая и Ботаничка, базарили об одной тетке, которая занимается магией. Приворотами.

— Фуфло это все, — не слишком верила я в магию. — И что в этом такого?

— Кривой Нос влюбилась по самый свой нос в Анатолия из параллельной группы, — торжественно сообщила Нинка.

Что-то не вижу связи между каким-то там Анатолием и теткой-приворотчицей.

— В Анатолия? — наморщилась я, вспоминая. — Это которого?

— Ну, который темненький и боксом занимается. Вокруг него еще всегда девицы. Не можешь вспомнить? Катя, это лох тот накачанный, который себя крутым перцем возомнил и который с тобой познакомиться хотел в прошлом семестре. Он еще историю права восемь раз пересдавал. Про это все говорили. Что у тебя за память? В общем, она в него влюбилась и пошла к этой тетке, которая занимается приворотами. Между прочим, к ней полгорода ходит, и всем она реально помогает: кому сглаз снимет, кого вылечит, кому неверного мужа поможет найти.

Ну все, приехали, подружка моя совсем не в себе.

— А смысл ей идти? Вокруг этого Толика всегда куча девчонок... — Я

замолчала, вспомнив Анатолия. — Слушай, а я ведь их вчера видела. Они за руки шли, когда из универа возвращались!

— Вот видишь? — обрадовалась неизвестно чему Нинка.

— Вижу. Он ей нравится, она ему, вот они и стали встречаться.

— Капец, ты такая глупая! Поддай мне вон ту конфетку, — между делом попросила она.

Я машинально протянула ей конфету в яркой красной обертке.

— Что такого в том, что эти двое встречаются? — продолжала я.

— Что такого? Ты видела харю Кривого Носа? — возопила подруга. — Да даже если ей нос исправить, ее лицу понадобится, как минимум, пять пластических операций, чтобы выглядеть нормально!

— Ну, Толя, наверное, так не считает, — философски пожала я плечами, — раз с ней гуляет.

Мне вообще не было до них никакого дела.

— Разуй глаза, Катя! Кривой Нос ходила к ведьме, или как там эта тетка зовется! И ты видела результат!

— В смысле? — не понимала я.

— Построй логическую цепочку, — ласково произнесла Нинка.

Я засмеялась.

— О Боже. Ты хочешь сказать, что Оля обратилась к ведьме, а та ей Анатолия приворожила? Да ну, брось.

— Я брошу в тебя ложку, — пообещала подруга. — Я ведь не зря подслушивала. Нос, или, как ты ее ласково называешь, Оля, на паре рассказывала о том, как она ходила к этой тетке неделю назад. Та провела обряд какой-то. И уже через три дня малыш Толик ей позвонил и пригласил погулять! Ботаничка слушала это и аж прямо вся обзавидовалась. Теперь она тоже пойдет к этой тетке.

— А ты при чем? — я никогда раньше не замечала у Нинки любви к мистике.

— Приворожить хочу, — заявила она.

— Кого? — еще сильнее изумилась я.

Моя красавица подруга и так кого угодно могла в себя влюбить. Но тут хлопнула входная дверь, и послышался звонкий голос Нелли:

— Тадайма!^[1] А вот и я! Чего покушать есть?

— Потом все скажу. Не хочу при ней, — шепнула Нинка тут же.

Через полминуты в кухню вбежала голодная сестра, пришедшая со школы. Нелли худая, как палка, а ест невообразимо много, но все время голодная. В этом она похожа на Нинку. Та тоже худая, а ест, как слон. Вот я изредка сажусь на очередную диету, правда, держусь я на них не больше

недели. А эти две...

— Охаё, ^[2] Ниночка, — поздоровалась сестра с подругой. Та с улыбкой кивнула.

— Как дела, Нелличка? — заворковала она. — Как оценки?

— Все плохо, — сокрушенно произнесла Нелли. — Родителей в школу вызывают.

— Мне, что ли, опять идти? — обозлилась я.

Сестра вела себя в школе просто ужасно. Училась плохо. Изредка хамила преподавателям. Постоянно дралась. В последний раз от нее пострадал мальчишка, которому она цветочным горшком разбила лоб. Нелли говорила, что все это происходит потому, что многим хочется поиздеваться или поприкалываться над ней, заядлой анимешницей, не похожей на остальных. У них в школе существовал целый клуб любителей аниме и манги, и сестра была его постоянным членом. А ребят из этого клуба некоторые действительно недолюбливали, и кто-то из особо ярких противников аниме-движения старался подколоть или унизить их. Нелли, которая с детства отличалась бурным нравом, постоянно лезла на рожон и всем давала сдачи. К этому приложила руки и моя любезная подруга. Нинка самолично обучала сестру, как нужно правильно драться. Трудно поверить, но эта хрупкая блондинка ходила на самооборону и на борьбу.

— Сходи, онэгай симас, ^[3] — заныла Нелли, — а то мне влетит от завуча-самы. ^[4]

— А дядя Томас сходить не может? — вспомнила некстати папу Нинка.

Да-да, папу звали именно так. Свое старое имя Тимофей, данное ему моими бабушкой и дедушкой, ему не нравилось.

«Я не смогу реализовать себя как настоящий художник, пока меня будут звать Тимкой», — говорил он.

«Да уж попробуй, реализуй себя как-нибудь, друг мой дорогой Тимка», — говорила в ответ бабушка, считавшая, что ее старший сын с приветом.

«Я не могу быть просто Тимкой! Я буду кем-нибудь другим», — отвечал непосредственный папа. Имя он все же изменил. И действительно, слава пришла к родителю после того, как он поменял свое простое русское имя Тимофей на заморского Томаса. У меня в паспорте, кстати сказать, так и записано, что я — Радова Катрина Томасовна.

Почему Катрина? Ну, как глубоко творческий человек, мой отец не мог жить без выпендрежа, поэтому назвал меня Катриной, а не Екатериной. Все

меня зовут просто Катей или там Катькой, Катриной — только изредка домашние, а незнакомые люди, слыша мое имя-отчество, думают, что я немка. Чистокровная, причем. Я все хочу поменять имя в паспорте на нормальное, но никак руки до этого не доходят.

Старший брат, тот самый «компьютерный гений», между прочим, зовется у нас Эдгаром, в честь одного из папиных любимых художников Эдгара-Жермен-Илера де Га (или сокращенный вариант — Эдгар Дега). А вот имя Нельки давалось без папиного присутствия: в момент ее рождения он находился на каком-то там конгрессе во Франции. Поэтому родственники тайком называли девочку Нелли в честь прабабушки. Я до сих пор помню, какой скандал учинил папа, когда вернулся домой и обнаружил, что уже не сможет дать третьему ребенку имя Сельвестина, ибо она уже получила другое.

— Дядя Томас не сможет, — язвительно отвечала я подруге, наливая сестре тарелку супа из большой кастрюли. Наверное, это смешно, но в нашей семье готовить умеет лишь только мой чванливый дядя. Каждые выходные он варит кучу всего на неделю вперед. Запасы стоят у нас в холодильнике, и мы их только разогреваем. Леша ругается, грозит, что готовкой заниматься больше не будет, но все равно делает это. Если бы его многочисленные пассии узнали бы о том, что роковой красавец, модель в прошлом и дизайнер в настоящем, бегаёт по кухне с поварешками и в фартуке собственного пошива, они бы от смеха лопнули. — Дядя Томас считает непедагогичным ходить по всяким там школам.

— Непедагогичным? — переспросила Ниночка со смехом.

— А вообще он был у нас недавно, — подхватила Нелли, запихивая в рот печенье, — на родительском собрании. Училка попросила меня потом, чтобы папа больше не приходил.

— Это почему? — заинтересовалась тут же сплетница Нинка, которая считала нашу семью забавной. — Кать, я тоже еще супа хочу. И котлет. Спасибо.

— Пожалуйста, проглот, — ответила я, вновь раскладывая еду по тарелкам и одновременно рассказывая эту историю подруге. — Дядя Томас пришел на собрание после очередной выставки. Точнее, он сбежал с этой выставки, а потом намеревался вернуться обратно. Приперся в школу в костюме из голубой кожи, повсюду порванной и покрытой лаком. Это у них на выставке что-то вроде дресс-кода было — из-за антигламурной тематики.

— Леша этот костюм папе целых три дня делал и при этом страшно ругался, — подхватила сестренка.

Мне тут же вспомнилось, как, вместо того чтобы идти к друзьям на вечеринку, дядя сидел на полу и делал выкройки, а Томас ходил рядом и учил младшего брата правильно резать ножницами и рисовать линии мелом.

— Зачем художникам такой дресс-код? — поинтересовалась Журавль.

— Они там протестовали против моды, — сказала Нелли, усиленно жуя.

— Ага, протестовали, — подтвердила я, глядя на этих обжор. — Собрание было в восемь часов вечера, а Томас сбежал с выставки и очень, по ходу дела, хотел на нее вернуться. Поэтому он попросил знакомого байкера подвезти его на мотоцикле до школы. Чтобы пробки проскочить. Тот согласился. Подвез. Вместе с ним в школу поехали и его друзья, штук эдак восемь. А так как они, по-моему, все были слегка навеселе, — я выразительно поиграла бровями, — то очень сильно захотели пойти вместе с папой на собрание.

— Папа сказал, что байкеры соскучились по школьным временам и захотели освежить воспоминания, — вмешалась Нелли.

— И как, освежили? — оживилась в предвкушении подруга.

— Освеживали, это будет правильнее, — мрачно сказала я. — Только не воспоминание, а присутствующих. Вломились в класс всей толпой. В своих «косухах», шлемах, кожаных штанах, заклепках, браслетах с шипами. А там как раз куча учителей сидела, несколько завучей и даже директор, потому что обсуждали что-то важное. Они сначала испугались их, а потом, когда узнали, что это «родственники Нелли Радовой», чуть в обморок не попадали.

— Естественно, — хмыкнула сестра. — Никто не хочет ходить в школу, так что учителя думали, что у меня вообще родни нет.

А я продолжала:

— В результате байкеры остались вместе с папой в классе, довели молоденькую математичку до слез своими шуточками...

— Они называли ее «телочкой»!

— ...затем напугали завуча непристойными предложениями, поприставали к родителям и чуть было не устроили «серьезный разговор» с одним из отцов на школьном дворе. Директор, видя это, как можно быстрее закруглился и выставил Томаса и его дружков вон, в вежливой форме, правда... А потом вместе с классной руководительницей попросил Нельку больше не говорить папе приходить в школу до выпускного вечера. Да и на выпускной ему, типа, вовсе не обязательно идти.

— А Леша не пойдет ваш? — вспомнила про второго взрослого моя

беловолосая подруга, откровенно смеясь.

— Он не пойдет. Во-первых, я же сказала, что он уехал в Питер, а во-вторых, он тоже один раз был в этом значном месте — в школе, — устало отвечала я.

— И? — подняла на меня большие голубые глаза Ниночка.

— Наша физичка до сих пор его любит. Ну прямо с ума сходит, ба-а-ака, — со вздохом ответила сестра, приканчивая остатки котлеты. — А русичка меня ненавидит люто. Леша с ней встречаться не стал потому что. Хорошо еще, что в этом году она у нас больше не ведет русский. А то она бы меня живьем съела... Как будто я виновата, что она такой крокодил и Лешка ее вообще боялся!

— Я бы тоже на его месте побоялась. Поэтому идти мне, — сделала вывод я. — А в школу таскаться мне совсем не хочется.

— Сходи разочек, — опять заняла сестра. — Эдгар-то не пойдет...

Эдгар точно не пойдет. Посмотрит только на младшую сестру совиными глазами и скажет: «Иди в „Контру“ поиграй, не лезь ко мне». Нинка, зная это, бестактно захохотала.

— Ладно, так и быть... попозже, — пришлось согласиться мне.

Сестра тут же принялась орать «аригато» на весь дом — это значит японское «спасибо». Нелли на японском совсем помешалась. А ее «ня» меня порой раздражают!

Журавль вдруг подавилась, бурно закашлялась и уставилась на спину Нельки, которая как раз доставала из шкафа чай.

— «Лорды», — хищно произнесла Нинка и вмиг оказалась возле сестры.

— Ты чего? — удивилась та, прекратив верещать.

— Откуда майка? — все так же хищно блестя глазами, спросила голубоглазая девушка.

Я внимательно вгляделась в спину сестры и увидела на ней изображение Нинкиных любимчиков.

— Купила в Интернете, — пожалала плечами счастливая обладательница майки.

— Когда?

— Два дня назад. Они эксклюзивные, их только те, кто в российском фан-клубе официальном состоят, купить могут.

Нинка в фан-клубах принципиально не состояла.

— Ты любишь «Ред Лордс»? — вкрадчиво поинтересовалась она у сестры.

— Ага. Что, и ты тоже любишь? Они такие няшки,^[5] да? —

обрадовано спросила Нелли. — Ой, а я думала, ты только всякую там классику уважаешь!

Чтобы не терять свой правильный имидж в глазах ребенка, Нина тут же нашлась:

— Нет-нет, что ты, дорогая. Просто наша с Катей подруга из университета их очень любит, прямо с ума сходит. Ей тоже такую майку захочется иметь. А у нее как раз скоро день рождения. Давай я тебе дам денег, а ты ей такую майку закажешь?

Я покачала головой, но ничего не сказала.

— Хорошо, — тут же согласилась Нелли. — А ведь классная группа, послушайте! Хотя вы такую музыку не поймете... Но «Лорды» реально кавайны, ^[6] круты и популярны!

— Мы знаем, не отсталые, — ответила я ей.

Еще час я с тоской слушала, как Нелли соловьем разливается про «Красных Лордов». Нина делала вид, что впервые о них слышит. Вообще ей было приятно даже просто слушать о своих любимчиках даже то, что она сама давно знала. Я заметила, что собачники, к примеру, готовы слушать разговоры о собаках часами, или, скажем, молодым родителям нравится внимать давно знакомым историям о собственных чадах в пересказе друг друга. И вот фанаты тоже получают фактически физическое удовольствие, слыша сплетни о кумирах.

Потом Нинку вдругхватила собственная мать, которая ждала ее, дабы вместе с ней пойти в гости к какой-то высокопоставленной особе. Подруга убежала, оставив гору фантиков и три немытые чашки. Сестра вскоре тоже куда-то ушла, и я до самого вечера была одна — а это в нашем доме большая редкость. Нет конкуренции за телевизор или за Интернет, и сладкое всегда остается...

Я и думать забыла о какой-то там тетке, которая занимается магией и приворотами. И оказалось, что зря.

То, что задумала моя лучшая подруга, стало известно мне на следующий день.

Была суббота, и в этот день мы не учились (к большой зависти Нельки, у которой в шестой день недели стояло четыре урока). Я спокойно спала в своей комнате, с головой укрывшись одеялом, и видела чудесный сон с милым молодым человеком, который ласково держал меня за руку.

— Ты дорога мне, и я не знаю, как пробыл без тебя все эти годы, — говорил он приятные слова нежным бархатным голосом, а затем вдруг завопил:

— Ну давай же. Отрывай зад от кровати! Подъем! Ку-ку! Алло!

Я открыла глаза и увидела нависшую надо мной Нинку.

— Чего тебе? — прошептала я. — Где этот парень?

— Какой парень? — прищурила умело накрашенный глаз подруга. — Очнись, крошка. Мы опаздываем.

— Куда?

— Туда.

— Это ты, может быть, опаздываешь, — сердито сказала я. — А я никуда сегодня идти не планировала.

— Зато я планировала, — ничуть не смутилась эта сумасшедшая. — Значит, так. Даю тебе двадцать минут. Завтракай, умывайся, одевайся, и пойдем. Такси нас уже ждет.

— Куда это мы пойдем? И вообще кто тебе дверь открыл?

— Твой братишка, — ответила подруга. — Давай-давай, я не шучу. Через сорок минут мы должны быть на приеме.

— У психиатра? — нехотя вылезла я из кровати и стала нашаривать недавно купленные тапки в виде пушистых зайчиков.

— Не умничай. Руки в ноги, и пулей одевайся.

— Пока не скажешь, куда и зачем — не буду, — заупрямилась я.

— Как ты мне надоела. Ладно, объясняю. Поедем к той самой тетке, привораживать. Я тебе вчера из-за твоей сестрички не успела все рассказать.

— Ты рехнулась? — медленно спросила я, садясь.

— У Кривого Носа подействовало, значит, и у меня тоже подействует! — топнула ногой Нинка. — Я вчера этой тетке звонила и договорилась на сегодня. Она еле согласилась — у нее клиентов море.

— И кого ты там приворожить хочешь? — я хмуро глядела в красивое и раздраженное лицо подруги.

— Там и узнаешь. Ну, Катечка, ну, пожалуйста, ну поехали, — добреньким голоском стала убеждать меня Нина. — Солнышко, я тебя в дорогой ресторан отведу... Мне одной страшно... Милая, пошли, а?

И я согласилась. Если в эту светловолосую голову что-то взбредет, Нинка не успокоится, пока не воплотит в жизнь.

У местной ведьмы мы оказались вовремя. Субботним утром дороги были пусты, и водитель, молодой парень, который явно положил глаз на Нинку, быстро довез нас по нужному адресу, весело насвистывая какую-то мелодию.

— Может, телефончик оставите? — игриво спросил он Нинку, когда она протягивала ему деньги небрежным жестом.

— Пошел на хрен, — нелестно ответила та, захлопывая дверь авто, и первой подскочила к двери подъезда.

Тетка-магичка принимала на дому.

— Извините, — сказала я водителю, — у нее ПМС.

И поспешила следом за Журавлем.

Дом, в котором жила колдунья, ничуть не уступал дому Нины и ее семьи. Двенадцатиэтажная башня с темно-синими лоджиями и с одним подъездом, который, как оказалось, охранялся бдительными охранниками с оружием, производила хорошее впечатление.

— А прикольно ведьма живет, — одобрительно сказала я, осматриваясь вокруг. — Квартиры в таких домах совсем не дешевые.

— Я же говорю. К ней вся городская элита на приемы ходит, — сказала подруга и ступила на мраморный пол.

Цоканье от ее шпилек тут же наполнило пустое помещение. Мои каблуки стучали менее громко и вызывающе.

Охрана пропустила нас, только позвонив этой самой тетке и уточнив, ждет ли она таких ранних визитеров.

— У нас не такие звери стоят, — сама себе сказала Нинка, заходя в зеркальный лифт.

— И пальм столько у вас повсюду нет, — ехидно сказала ей я. — И паркет не такой начищенный.

Она недовольно посмотрела мне в глаза, но промолчала. А я все равно продолжала считать затею подруги полным бредом.

— Седьмой этаж, — ткнула длинным ногтем в кнопку она, и лифт бесшумно поехал вверх.

— Боишься? — спросила я Нину, пока мы ехали вверх.

— С тобой не очень, — честно призналась она. — Одной жутковато было бы ехать.

Выйдя из лифта, мы направились к квартире под номером 77. Стальная черная дверь с видеоглазком. И не скажешь, что здесь живет человек, занимающийся приворотами.

— Хороший номер квартиры. Как раз для ведьмы, — сказала я, шутя. В магию я не очень-то верила. Наверное, эта тетка просто-напросто хороший психолог, вот и все. А дураки, вроде одноклассницы Оли, верят во всю эту чушь. Только вот как на эту «недомистику» Нинка повелась, интересно мне? Хотя она человек настроения. У нее как что в голову стукнет, так не отпустит, пока она сама в этом не разочаруется.

— Заткнись, — нажала на звонок добрая и вежливая подруга.

Ведьма открыла нам не сразу, а через полминуты. За эти тридцать

секунд я еще раз сообщила подруге свою точку зрения на всяческие там привороты-отвороты. Она на меня нехорошо косилась, но молчала.

Открывшая дверь на ведьму не походила вообще. Ну не укладывается в моем мировосприятии, что ведьмой может быть ухоженная девушка лет двадцати пяти, с длинными волнистыми волосами почти такого же темно-орехового цвета, как у меня. Никаких четок, колец, амулетов и прочих магических атрибутов на хозяйке квартиры я тоже не заметила.

— Добрый день, — приветливо сказала нам девушка. — Я Людмила. Проходите, пожалуйста. Мы вас ждали.

Возле ног девушки крутился коричневый щенок, с интересом глядящий на гостей умными светло-кариими глазами.

— Какой милый, — тут же засюсюкала подруга, ненавидящая собак.

— Его зовут Джеки, — пояснила девушка.

— А какой Джеки породы?

— Австралийский терьер, — улыбнулась странная ведьма.

Да, в моем сознании сложился общепринятый стереотип: ведьма — это старая и страшная женщина, лет тридцать назад перешагнувшая бальзаковский возраст.

— Ой, у моих знакомых тоже есть такой. Очень умные песики! Все понимают с первого раза! — стала усиленно гладить собаку Нинка.

Я могла побиться об заклад, что о подобной породе подруга услышала впервые.

— Да, Джеки очень умный. Пожалуйста, проходите. Альбина вас сейчас примет.

— Так это не вы занимаетесь магией? — тут же охладела подруга к щенку и вытерла за спиной руки об обои.

Да уж, прекрасные у кого-то манеры.

Я украдкой погладила зверя. Он почему-то лизнул мне руку теплым языком. Давно хочу собаку, только вот у брата на них аллергия. А у папы аллергия на кошек. У дяди, кстати, тоже есть аллергия, душевная, на всех живых существ, кроме людей.

— Нет, я не волшебник, я только учусь, — процитировала известную фразу Людмила. — Проходите. Чай, кофе, сок?

Она что, действительно на ведьму учится? Как в фэнтези-книжках? Вот умора!

— Спасибо, ничего не на... — начала, было, я.

— Апельсиновый сок. Два. Со льдом, — тут же распорядилась подруга, шагая вслед за юной волшебницей.

Квартира была богато и со вкусом обставлена. Ноги наши утопали в

мягком золотистом ковре, а глаза (по крайней мере мои) радовались нормальным картинам в изящных рамках, во множестве висевшим по стенам. Большие окна со светло-желтыми тяжелыми портьерами придавали квартире уют. Светлая кожаная мебель и элегантные украшения интерьера наполнили ее спокойствием.

— Как все желто, — прошипела на ухо Нинка.

— Зато спокойно, — отозвалась я, разглядывая обстановку, выполненную под старину.

— В психушке тоже желтые тона предпочитают, — хмыкнула в ответ подруга. — И вообще вспомни Достоевского.

Наша проводница, неслышно ступавшая перед нами, наконец открыла одну из многочисленных дубовых дверей.

— Вас ждут, — вновь улыбнулась она.

Мы вошли. Огляделись. И поняли, что попали в некое подобие офиса, а не в обитель магии. Никаких свечей, карт и магических шаров. Тут даже положенной для всяких таких заведений темноты не было!

Перед единственным, но большим окном с вертикальными жалюзи высился большой черный стол, на котором светло-серым светом мерцал экран тонкого кристаллического монитора. Справа от стола находился высокий шкаф с многочисленными папками. И слева точно такой же, но с толстыми, явно дорогими, книгами. Перед столом располагались два обитых кожей кресла и удобный мягкий диван.

На высоком стуле за столом восседала коротко стриженная женщина в светло-розовом костюме и с очень ухоженным лицом, которая больше всего напоминала руководительницу среднего звена в какой-нибудь хорошей фирме, нежели гадалку. Ей нельзя было дать больше сорока лет. И какая она ведьма, простите?

— Доброе утро, — кивнула нам женщина. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я Альбина.

— Меня зовут Нина, а это моя подруга Катя. Мы очень рады, что к вам попали. Едва записались, — подруга мило улыбнулась, стремясь завоевать симпатии ведьмы.

Женщина кивнула. В это время легкой походкой в комнату забежала секретарша (а кем она еще могла работать у этой, с позволения сказать, волшебницы? Ну не ученицей же?) и поставила перед нами высокие стаканы с ярко-оранжевым соком.

— Если попали ко мне, значит, так должно было случиться, — туманно произнесла Альбина низким приятным голосом, не обращая внимания на вновь прибывшую. — У нас мало времени, и за это я приношу

вам свои извинения. Вы можете изложить мне свою проблему, и я постараюсь помочь. Не стесняйтесь и не бойтесь. Я здесь для того, чтобы оказать вам помощь.

Я почувствовала себя словно на приеме у психолога. И образование, наверное, у этой Альбины психологическое. Или психиатрическое, что вернее.

Нинка любила, когда дела делаются быстро, да и хватких людей она тоже ценила. Поэтому подруга, удобно устроившись на диване и закинув одну длинную ногу на другую, уверенным тоном произнесла:

— Во-первых, проверьте нас на негатив и все такое прочее. А во-вторых, нас интересует приворот.

— Меня не надо приплетать! — зашептала я и даже за руку ее дернула, так как сидела близко, но Нинка сказала мне лишь:

— Помолчи.

Женщина уставилась на нас, посмотрела так с минуту, прищурилась и сказала:

— На вас, Нина, почти ничего нет. У вас энергетика сильная. Очень сильная. Правда, вам завидуют много, но я вам скажу, что нужно сделать, чтобы от этого избавиться. А вот у вас, Катя, есть проблемы.

— Какие? — испугалась я. Мы вообще не договаривались с Ниной на такие эксперименты.

— Небольшие. Но есть, и они мешают вам. В основном психологического характера.

— Убрать можете? — деловито произнесла Нинка. Я почувствовала себя не в своей тарелке.

— Могу, конечно.

Альбина встала. Подошла ко мне. Поделала какие-то пассы руками (я в это время инстинктивно зажмурилась), а потом вновь села за свой длинный стол.

— Это все? — потрясенно спросила я.

— А вы думали, я тут заклинания начну читать, взывать к духам и пентаграммы рисовать? — усмехнулась женщина. — Я экстрасенс высокого класса. И опыт у меня большой, поэтому мне хватает пары минут, чтобы просканировать человека и понять суть его проблем.

— А будущее видите? — почему-то обрадовалась подруга, огромными глотками опустошая свой стакан.

— Вижу путь каждого человека. Но говорить не могу — этого делать мне нельзя, — опять напустила тумана Альбина.

Наверняка шарлатанка. Я тоже могу сказать, что вижу будущее, но

рассказывать о нем не могу. Мол, мне нельзя, духи запретили и все такое.

Альбина почему-то взглянула на меня, приподняла тонкую бровь, но ничего не сказала.

— Тогда давайте к привороту вернемся. Моя подруга Оля была у вас и очень, знаете ли, осталась довольна. Ей все чудесно помогло! Теперь она счастлива со своим объектом страсти, так сказать.

— Я называю это не приворотами, — ответила женщина, кивая. — А энергетическими зажимами. Но не буду вас мучить теорией. Покажите мне фото своего объекта любви. Кстати, вас предупреждали, что эти мои услуги недешевые?

— Конечно, — энергично махнула головой Нина. — Не беспокойтесь. Средства есть.

Покопавшись в сумочке, она вытащила три фотографии и, немного помедлив, протянула одну из них экстрасенсу. Я изнывала от любопытства — Нинка мне так и не показала, кого ей там вздумалось приворожить.

Я приподнялась и увидела, что с фото на Альбину не улыбаясь смотрит задумчивый Гектор! Лидер «Красных Лордов»! На этой фотографии он был без обычного грима и в черном костюме, поэтому не казался таким же экстравагантным, как всегда. Вроде бы как обычный парень, красивый, серьезный, только фото сделано профессионалом.

Нина сошла с ума. Чокнулась на фоне любви к этой группе. И она еще что-то там шутила про психушку. Это ведь ей туда прямая дорога! Это то же самое, если бы я сейчас притащила с собой фотографию Джонни Деппа или там Роберта Паттинсона! И сунула бы в руки этой Альбине.

Женщина внимательно уставилась на кусок бумаги и стала водить над ним рукой. Ладонь ее изредка подрагивала, словно наталкивалась на незримую преграду.

— Ты с ума сошла? — прошипела я подруге на ухо. — Ты кого ей принесла??

— Заткнись.

— Это твое любимое слово?

— Моим любимым словом скоро станет «убью». Не мешай работать экстрасенсу.

Поводив рукой, Альбина устало вздохнула и посмотрела на нас. Во взгляде ее не было ничего хорошего. Так обычно на ненормальных глядят в периоды их весенне-осенних заскоков.

— Девочки, — так же устало вздохнула она еще раз. — Шли бы вы домой, а не маялись ерундой. У меня, между прочим, сегодня действительно много клиентов.

— Почему, Альбина? — невинно поинтересовалась Нинка.

— Я понимаю, что выгляжу не слишком молодой и не имеющей понятия о современных молодежных тенденциях, — раздраженно откликнулась экстрасенс, откинувшись на спинку стула, — но я прекрасно знаю, что это за человек. Тем более что мне приходят видения, связанные с ним.

— И что это за человек? — пытливо уставилась на нее фанатка «Красных Лордов».

— Милочка, даже если не брать в расчет «картинок» из моего сознания, где этот парень находится на сцене перед большим скоплением людей, в гриме и с музыкальным инструментом, могу сказать следующее. Я эту группу слышу ежедневно. И лица их вижу тоже каждый Божий день. Моя дочь, знаете ли, их поклонница. Пожалуйста, идите домой.

Наверное, лицо у меня было изумленное. Ничего себе поворотец! На месте Альбины я бы точно нас выгнала! А вот Нина невозмутимо сказала:

— Извините, но мы не хотим домой. Мы хотим, чтобы вы нам помогли. И вообще я вот насчет этого парня пришла.

И на стол к Альбине плавно легла еще одна фотография. Я вновь вытянула шею и увидела на ней белобрысого Кея из второй любимой группы Нинки.

— Он мне нравится. И у меня есть возможность увидеть его, — уверенным тоном проговорила подруга. — Приворожите, пожалуйста. Или сделайте ваши энергетические зажимы. Иначе я совсем рехнусь.

— Ты уже рехнулась, — мрачно проговорила я. — Извините нас, Альбина, мы, правда, пойдем.

— Никуда мы не пойдем, — уперлась Нинка, зло сверкнув глазами. — Я пришла за помощью!

— Тебе помогут, — участливо сказала я, — в больнице.

Вдруг Альбина рассмеялась. Кажется, она подобрела, или Нинкино глупое бесстрашие ей понравилось.

— Ой, девочки, не могу я с вами. Вы прямо как моя старшая дочь. Приворожи мне этого, приворожи того, — мастерски изобразила подростковые интонации женщина. — Ладно, за этого парня возьмусь. С ним еще можно будет чего-то сделать. Но и он человек довольно известный, хоть и живет в нашем городе. Поэтому будет сложнее. И цена, соответственно, выше. Намного выше, чем обычно.

— Ничего, деньги есть, — пообещала Нинка, победно ткнула меня в бок и задала новый вопрос:

— Альбина, чисто из интереса спрашиваю — а вы теоретически могли

бы мальчика с первого фото приворожить?

— Я не ворожу. Я работаю с энергетикой, — машинально ответила женщина. — Чисто теоретически могла бы. Но, знаете ли, на всех известных и сильнейших мира сего стоит мощнейшая защита.

— Защита? — вскинула брови Нинка. — У них у всех что, личные маги есть?

— Экстрасенсы, — вновь поправила ее Альбина, почему-то глядя пальцем с аккуратным маникюром фото. — Естественно, все пользуются нашими услугами.

— Как все непро-о-о-осто, — протянула моя подруга, откидывая назад волосы.

— Жизнь вообще не простая, девочки.

Мне оставалось только изумленно тереть лоб.

От экстрасенса мы выкатились только через час. Я высказывала свои многочисленные претензии по поводу посещения «ведьмы», но эта нахалка меня даже не слушала.

— Ты что, сумасшедшая? — спросила я, едва мы вышли из квартиры. — Ты что за глупости творишь? Я понимаю, что ты вообще уже того, — выразительно покрутила я пальцем у виска, — но меня-то зачем впутывать? Ты бы ей еще фото нашего дорогого президента принесла!

— Слушай, Катрина, помолчи, а? Ну, так может, я просто хотела проверить. А ничего тетка, классная, хоть и обстановочка у нее в доме дебильная, я тебе скажу. Вот что бывает, когда у людей есть деньжата, а вот со вкусом проблемы.

— Это у тебя проблемы! — нажала я кнопку первого этажа. Подруга же просто стояла в лифте и улыбалась все той же фотографии несчастного парня Кея, который еще не знал, что Нинка объявила на него магическую охоту.

— У меня все окей. Теперь я смогу быть с Кеем.

— Может быть, ты попыталась бы сама с ним познакомиться?

Лицо Нинки мигом помрачнело.

— Думаешь, я не пыталась? — рявкнула она. — Мальчики после своих концертов не пускают никого в гримерку. Или пускают «избранных». Из разряда «мы с тобой будем неразлучны всю эту ночь». А потом они быстро-быстро делают ноги. А я, знаешь ли, пока еще не сильна, как сто миллионов мужиков, чтобы прорваться через охрану.

— Неужели у них так охраны много? — искренне изумилась я. — Они же только-только более-менее знаменитыми стали.

— В клубах охрана, балда. На концерты приходят не самые тихие

ребятки, кое-кто и на сцену прыгать начинает. А вообще во всем виноват их менеджер — хочет, чтобы дисциплина строгая была. Смотри там, мой пакет не урони, — напомнила мне Журавль.

— Не уроню. То есть в клубах, где они выступают, с ребятами никак не познакомиться?

— Никак. Я пыталась. Куча девок пытались. Однажды я хитростью прошла к их гримеркам и даже встретила гитариста — о Боже, он милашка! — но все остальные куда-то на фиг подевались. Не хотят «На краю» с фанатами общаться. А если иногда с фанами и встречаются, то они все от нашего женского внимания отнекиваются. По-моему, еще ни одной бабе...

— Что за выражения? — возмутилась я, перебивая подругу.

— Отстань. Ни одной еще знакомой мне девчонке не удалось уломать их на общение... И где они живут, никто не знает. Не выследить. Имена настоящие тоже ведь неизвестны.

— А на самом концерте можно познакомиться? — спросила я.

— Ой, дура, — покачала светловолосой головой Нинка. — Как? На сцену, что ли, к ним лезть и орать, чтобы взяли телефончик?

— А магически-то ты его как собралась завоевать, если эти парни такие неуловимые?

— Есть способ, — загадочно улыбнулась она. Напоминание об этом мигом повысило ее неустойчивое настроение.

— Кстати, я тебе обещала в ресторан сходить. Пойдем?

Нина легкой походкой и со счастливой улыбкой шла впереди, размахивала туда-сюда сумкой. Мне же выпала честь нести небольшой пластиковый пакет, в котором лежала «энергетическая» атрибутика, призванная заставить нужного парня проявить романтические чувства к девушке. Атрибутика эта была довольно странная: пирамидка из металлической проволоки, над которой Альбина целых полчаса водила руками, два маленьких бутылка с «особой заряженной водой», несколько круглых и гладких камушков розового цвета и ярко-красный листок картона, на котором были написаны непонятные иероглифы. Сверху всего этого сомнительного богатства лежал листок бумаги, в котором экстрасенс расписала целую инструкцию. В ней значилось:

1. Прийти к дому, рабочему или другому месту постоянного нахождения объекта. Здесь объект должен появляться не менее чем два раза в месяц, чтобы место хранило энергетику объекта.

2. Выпить 1 дозу заряженной воды (1 бутылек или 250 мл).

3. Выполнить контакт «глаза в глаза» с объектом.
4. В течение часа после этого остаться наедине с собой и взять пирамидку Боэ (конструкция из проволоки светлого цвета).
5. Левой рукой поводить над пирамидкой и представлять объект (около 3–5 минут по желанию).
6. Прodelать те же манипуляции правой рукой.
7. Вновь выпить 1 дозу заряженной воды (1 бутылек или 250 мл).
8. В месте нахождения объекта спрятать 1 камень любви (цвет от бледно-розового до темно-красного)
9. Вступить с объектом в общение (в течение пяти часов после контакта «глаза в глаза»).
10. После общения выкинуть оставшиеся камни в проточную воду для привлечения особой энергетики.
11. Любовный прямоугольник (10 на 15 см, красного цвета) носить с собой до тех пор, пока объект не начнет проявлять должных чувств.
12. После появления нужного результата листок закопать в земле.

Идиотизм!

Большей глупости я еще не встречала и еще раз уверилась в том, что Альбина — шарлатанка.

— Ну надо же! — всплеснула я руками, когда мы перечитывали эту странную инструкцию, сидя в небольшом и уютном кафе неподалеку от дома экстрасенса.

Ресторана мы не нашли, а я уж очень хотела есть — из-за спешки не успела позавтракать. Я не Нинка, мне и кафе обычного хватит.

— Как необычно! — разгорелись алчным огнем голубые глаза подруги. — Точно сработает!

Моей выразительно поднятой брови и насмешки в глазах эта сумасшедшая не замечала.

— Какая инструкция! И все так четко расписано!

— Ага. И про место с энергетикой объекта, и про чудесную пирамиду, и про любовные прямоугольники. А уж контакт «глаза в глаза»... Забавная инструкция.

— Радова! Я сказала, что сработает, значит, сработает!

Я с той же насмешкой вновь посмотрела на Нинку:

— Ну-ну. Все же я не поняла, ты как собираешься все это проворачивать? И, главное где, если даже не знаешь адреса этого своего белобрысого ненаглядного?

— Обычно. У «На краю» через две недели концерт в клубе

«Горизонт». Я тебя таскала туда однажды, и не говори, что не помнишь.

— Помню, — кивнула я ей.

Этот клуб еще надолго останется в моей памяти. Самый дорогой и модный клуб города, в котором, по мнению некоторых представителей прокуратуры, открыто процветала как продажа наркотиков, так и проституция, хорошо врезался мне в память. Нинка с очередным парнем потащила туда на его день рождения. Мне пришлось идти вместе с ней и терпеть ухаживания ужасного и непристойного друга этого молодого человека. Через два часа Журавль с поклонником разругалась и решила напиться. Домой ее волокла я. Нинку стошнило, и только чудом не на меня, а в какие-то чахлые кусты. В результате я привела подругу к себе домой. Иначе бы родители, увидев в таком состоянии дочь, устроили бы ей грандиозный скандал. А мои родственники, которые ничуть не возражали против умеренного употребления спиртного (мол, вы же еще молодежь, вам веселиться надо!), утром отпаивали Нину кофе и давали ей антипохмельные советы.

— Хорошо, что помнишь. Кстати, он как раз тут недалеко расположен... Наверное, это мне знак свыше, что все получится. В общем, у них там большой концерт. Автограф-сессия. И они вроде как решили журналистов пригласить.

— И что?

— Так мы и пойдем. Я уж с журналистским удостоверением точно в их гримерку проберусь. Они как раз в этом клубе выступают частенько. — С улыбкой сообщила сумасшедшая подруга.

— Хо-хо. А где же ты удостоверение-то возьмешь? На фотошопе нарисуешь? — ядовито улыбнулась ей в ответ я, попивая горячий ароматный капучино.

Мы сидели как раз напротив большого окна, и мне была видна улица, заполненная спешащими прохожими и многочисленными машинами. Проблемы Нинки казались не более чем ее очередной прихотью.

— Нет, — парировала подруга, принимаясь уже за вторую гигантскую порцию мороженого, — я его возьму в студенческой газете нашего университета. И, пожалуйста, не говори мне, что ты не знала, что у нас есть собственная газета.

Я правда не знала. Но промолчала.

— Так, я сейчас звонок одному начинающему борзописцу сделаю, кстати, — ловко вытащила Нинка из сумки тоненький сенсорный телефон четвертого поколения в ярко-алом пластиковом чехле и набрала чей-то номер. Я только плечами пожала.

— Алло, Славочка? — нежным голосом сказала подруга в трубку. — Славочка, это Нина. Узнал? Ах, так приятно, спасибо. Да-да, я помню, что мы сегодня встречаемся. Нет-нет... Мне так неудобно, Славочка... не могли бы мы перенести нашу встречу с пяти на семь? Ах... Да, милый. Спасибо... Пока-пока.

Она с шумом захлопнула мобильник и скрипучим неприятным голосом произнесла:

— Вот видишь. Я жертвую собой ради моего Кея. Буду встречаться с лопоухим Сеточкиным, с пятого курса журналистики. Этот кретин с кошмарной фамилией — Сеточкин, блин, вот умора! — как раз редактор университетской газеты.

— Ты меня поражаешь все больше и больше. А почему встречу-то перенесла?

— В пять начинается бокс, — честно призналась Нинка. — Мне посмотреть охота.

Она вновь принялась за свое гигантское мороженое. А ведь при остальных ест понемногу и кокетливо говорит, что «кушает как птичка и ей много не нужно». Самое забавное — ей верят.

Я все вглядывалась в толпу, суетливо спешащую по улице. Вроде бы и позднее утро субботнего дня, а людей в центре города немало. И так приятно осознавать, что они куда-то спешат, бегут по делам, торопятся, а ты спокойно сидишь и в свое удовольствие ешь сладкое, запивая чуть-чуть остывшим, но не менее вкусным от этого кофе.

— О, Нин, смотри, — кивнула я, узрев знакомое лицо. — Твой кавалер из нашей группы.

— Где? — задумчиво вгляделась в толпу Нина. Она о чем-то размышляла, ковыряя ложечкой в вазочке.

— Да вон идет. В темно-зеленой толстовке, — кивнула я ей. Тот самый паренек по имени Антон, что неосмотрительно позвал Нинку на свидание, с опущенной головой, но тем не менее быстро передвигался между потоками людей. Потом замер на светофоре.

— А-а-а. Пусть идет. Главное, не ко мне, — махнула рукой Нинка.

Антон этот ее то забавлял, то раздражал. Видно было, что она ему нравится в последнее время, и он действительно смешно вел себя, когда у нас были совместные пары и когда он оказывался рядом. Но его нерешительность, меланхоличное спокойствие и какая-то боязнь всего женского пола Нинке совсем не нравились. К тому же этот Антон не был шибко умным и не учился на пятерки — иначе моя сообразительная подруга сделала бы из незадачливого поклонника личного

интеллектуального раба. Парень к тому же часто прогуливал универ, и я даже не знаю, как еще не вылетел за прогулы.

— Вдруг к тебе? Будет валяться в ногах и умолять о любви? — поддела я ее. — Серенады будет петь.

— Не дай Бог! Это же стыд какой будет. Я лучше признаю Кривоносую эталоном красоты, чем буду слушать такой отстой.

— А мне его жалко. Говорят, он один живет. Хотя я точно не знаю, но....

— Тебе должно быть меня жалко, — перебила Нинка. — Пойдем в кино?

С этого дня эта сумасбродка тщательно готовилась к тому мигу, когда ей выпадет возможность приворожить Кея. Она вовсю улыбалась невысокому, худенькому и нескладному Сеточкину и сходила с ним на свидания целых четыре раза. После каждой встречи она приходила ко мне или звонила по телефону и начинала жаловаться на то, как скучно ей было с этим «писклявым комаром-задохликом». Общественность в университете с недоумением считала, что наконец-то Журавль выбрала себе постоянного спутника. Для всех оставалось загадкой, почему местная красавица-милашка предпочла прочим знатым мэнам столь щуплого и посредственного молодого человека с кафедры журналистики.

Одновременно с этим она делала с помощью Сеточкина себе временное журналистское удостоверение от газеты университета. Газета наша называлась «Созвездие» и выходила каждую неделю. С помощью того же Сеточкина и каких-то его знакомых Нина договорилась о том, что будет присутствовать на пресс-конференции, которую собралась проводить группа «На краю».

Хищница терпеливо ждала свою жертву.

К тому же Нинка обегала кучу салонов, накупила новой одежды и обуви. Меня она тоже терроризировала изрядно. По всем магазинам я ходила вместе с ней и всячески отбивалась от подарков щедрой ко мне подруги. При всем при этом она оставалась спокойной, как удав, а я пыталась над ней подтрунивать, но вывести Журавля из себя так и не смогла.

А еще из-за врожденной вредности Нина решила построить глазки Анатолию, чтобы проверить качество наложенных на него чар. Результат ее обрадовал. Несмотря на то что тот отказался идти с ней в кино, настроение подруги было просто замечательным.

— Вот как классно, правда? — говорила она мне в универе. У нас

было окно, и вся наша группа, вместо того чтобы присутствовать на семинаре по уголовному праву, шаталась по всему зданию родного учебного заведения.

— Ага... Невероятно классно. Почти через два месяца экзамены, — грустно проговорила я. — А я вообще ничего не знаю...

— Ох, темнота, — вздохнула подруга, — рядом с тобой я чувствую себя человеком из эпохи Просвещения, попавшего в глубокое Средневековье.

— Чего? Какого еще Просвещения? — Не поняла я.

— О Всемиловитый! Только не говори мне, что ты ничего не знаешь о Просвещении!

— Естественно, я о нем слышала, — задумалась я, — но совсем забыла, когда это было и что там делали.

— Там просвещали таких, как ты, отсталая, — бестактно сказала Нинка и заржала.

— Сама отсталая. — Как назло, мигом вспомнила я об этой эпохе европейской культуры.

Я обиженно стала смотреть в пол, на котором виднелись куски засохшей грязи, — весна в этом году выдалась ужасной.

У Нины память просто зверская. Ей один раз стоит посмотреть на текст или послушать его, как она моментально все запоминает. И на лица у нее память едва ли не фотографическая. Может быть, это и стало причиной ее мстительности — подружка помнила все плохое, что делал ей человек. Один раз, в третьем классе, ее обозвала старшеклассница. Журавль умудрилась запомнить это и когда в прошлом году встретила повзрослевшую обидчицу из школы в университете — та стала аспиранткой, то умудрилась отбить у нее жениха.

— Ну, Катька, даешь! А еще из интеллигентной семьи! — веселилась Нинка.

— Из какой такой интеллигентной семьи? — взорвалась я.

— Ну, мама вас считает интеллигентами, — нашлась тут же девушка. — Она все говорит, а остальные ей поддакивают: какая хорошая, дружная семья у твоей подруги. Интеллигентная! Папа — знаменитый художник, старший брат — дизайнер. Ну, это Леша маме моей представился твоим братом, а она поверила, — пояснила подруга, хорошо передразнивая высокий голос собственной мамы. — И бабушка у них в Союзе писателей России, и дедушка — военный. И Катенька, наверное, такой же интеллигентной будет.

— Не будет, — мрачно сказала я в ответ. Тетя Соня — мама Нинки,

почему-то считала нашу семью очень приличной и воспитанной.

— Катенька у нас будет знаменитым адвокатом, — хлопнула меня по плечу подруга.

— Тоже не будет, — огрызнулась я, все еще обиженная на «средневековье».

— У тебя рожа, как у недовольного ежа! — захихикала Нинка. — Запоминай, пока я жива, порядок культурных эпох. Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение. Не позорься больше.

Я поморщилась.

— Ой, не надо лекций мне читать.

— Ути-пути, наш будущий адвокат обиделся, — ласково погладила меня по волосам Нинка и тут же заметила: — Шампунь поменяй.

— Я вообще юристом не хочу быть, — сказала я.

— А на фига ты тогда сюда поступала? — сердито сдвинула умело подкрашенные брови Нинка. — И меня за собой потащила?

— Это ты сама себя потащила. Какая разница? Куда поступила, туда поступила.

Я не стала рассказывать ей о том, что на юрфак меня едва ли не насильно отправил собственный дядя. В то время деканом факультета была одна из его молодящихся любовниц, которая запихала меня на бюджетное место. Если я скажу это Нинке, то она меня точно засмеет. Она, кстати, после школы вообще никуда не хотела поступать и говорила, что будет моделью. Дядя Витя (папа Нинки) категорически заявил, что он в таком случае содержать ее не будет, ведь, по его авторитетному мнению, средняя дочь еще не доросла до каких-то там моделек. Обиженная и обозленная блондинка долго думала, где же будет учиться. Окончив школу с золотой медалью и превосходно сдав ЕГЭ, подруга могла поступить практически куда угодно. Я долго теребила ее, спрашивая, куда она направит свои стопы тридцать восьмого размера (и это при росте 179 сантиметров!), но девушка только отмалчивалась. Я даже на нее за это обиделась и не разговаривала.

Каково же было мое удивление, когда я пришла в университет 1 сентября и первым делом встретила у входа ухмыляющуюся Нинку.

— А вот и я, — сообщила она мне торжественно. — Мне скучно будет одной учиться. Ты рада?

Тогда я и поняла, что испытывают ребята из гоголевской комедии «Ревизор» в последней знаменитой сцене.

А вот родители Нинки подумали, что это я потащила ее учиться на такую серьезную, по их мнению, специальность, отговорив их дочь от сомнительной карьеры модели, и стали относиться ко мне едва ли не как к

родственнице.

Подруга продолжала наседать:

— Ну, так я не поняла, ты от нечего делать решила в юристы идти, а?

— Да буду-буду я юристом, — сказала я ей в ответ, и чтобы отвлечь ее внимание, добавила: — Гляди, твоя любимая одноклассница Ольга со своим Анатолием.

Эти двое, держась за руки, прошли мимо нас, ничего не видя и не слыша, — настолько были заняты друг другом.

— Фу, — поморщилась Нинка. — Влюбленные. Аж противно. Вот видишь, как ей повезло, Кривому Носу. Если я это сделаю над Кеем, то он точно моим станет. Увидит и обомлеет.

— Пока что от тебя млеет твой Сеточкин.

— Не напоминай мне об этом выродке человечества! — потеряла привычное хладнокровие подруга и выхватила вдруг у меня из рук бутылку колы.

— А чего вдруг? Все вокруг, между прочим, вас знатной парой считают... — продолжала я.

— В прошлый раз мне пришлось вынести пытку! Этот кадр полез ко мне целоваться! Могильное проклятие. Он даже не знал, что изобрели жвачку! Фу-у-у! — она резко открыла крышку от газированной воды, а та, жизнерадостно шипя, полилась на ее новый светлый свитерок, приобретенный в модном магазине не ранее как вчера.

— Твою ж дивизию, а! — не по-женски выругалась Нинка, нашаривая салфетки в своей новой бездонной сумке. Ее настроение портилось все сильнее. — Что за день сегодня такой? Но ничего, я все ради своего Кея вытерплю.

— Фанатичка ты все же, — я помогла оттереть от колы свитер.

— Завистница.

— Клоунесса.

— Крети... а тебе чего здесь надо? — рявкнула вдруг подруга.

— Ты чего? — аж вздрогнула я, проследила за ее недобрым взглядом и обернулась. Возле нас стоял все тот же Антон. В мешковатой толстовке с капюшоном, потертых джинсах, с рюкзаком за плечами, с большими глазами, скрывающимися за стеклами очков, он вообще больше походил на школьника-старшеклассника, чем на студента.

— Чего стоишь? — недовольным тоном спросила подруга у парня. — Иди куда шел.

С теми, кому Нинка отказывала, она вела себя по-хамски — то есть показывала истинную себя. Вроде бы как раз не нужен ей этот человек, так

и незачем перед ним строить из себя ангела.

Антон несмело, но по-доброму улыбнулся. Пальцами, наполовину скрытыми длинными рукавами толстовки, он поправил очки в черной толстой оправе.

— П-привет, Нина, — несколько заикаясь от волнения, начал он. — Я хотел бы тебе...

— Что хотел бы? — волком уставилась на парня Нинка.

— Ниночка, я хотел бы...

— Слушай, мальчик, иди-ка ты отсюда со своими хотелками, — бесцеремонно перебила его моя подруга. Парень несколько оторопел, но все же продолжил: — Сделать тебе подарок... Сегодня день анг... — он опять замолчал, видя, какими злыми глазами смотрит на него «истинное лицо» Журавля.

— Какой анг? — прервала его девушка. — Ты задолбал меня, честное слово! Чего надо?

— Нин, да ладно тебе, — тронула я ее за руку. — Прости... — Я хотел подарить тебе подарок, — не мигая смотрел в лицо злющей Нины Антон и медленно протянул небольшой нежно-фиолетовый сверток, который все это время держал спрятанным за спиной.

Нина взглянула на подарок, который, кажется, своим внешним видом ей совсем не понравился, скорчила какую-то страшную гримасу, подняла выразительно брови и сказала:

— Выброси. Вот дурак. Что там?

— Конфеты... — прошептал он едва слышно.

— Наверняка дешевка, — презрительно скривила ярко накрашенные губы Журавль. — Мне такое дерьмо не нужно. И вообще запомни: я люблю успешных, богатых и красивых. Ты не попадаешь ни под одну категорию, неудачник. Я в туалет, — бросила она мне без перехода, — эта проклятая кола везде. И, Кать, позаботься, пожалуйста, о том, чтобы к моему приходу этого несчастного здесь не было.

Спрыгнув с высокого подоконника, где мы, собственно, и сидели, она, громко стуча каблуками, удалилась. Мне стало неловко. Протянутая рука молодого человека так и застыла в воздухе. На его губах застыла полуулыбка. Наверное, ему неприятно. Мне бы тоже было неприятно на его месте...

— Извини, ты просто подошел в самое неподходящее время. У Нины сегодня... э-э-э... плохой день, — сказала я.

Он молчал, склонив голову так, чтобы я не видела его глаз, скрытых длинной челкой.

Вот же ситуация, а!

— Руку-то опусти, — посоветовала я. — Антон, не обращай внимания на нее, в душе Нина очень хороший человек, только резкий. Она просто постеснялась взять твой подарок, поэтому и повела себя так. Вот.

О, что же я чушь несу. Постеснялась взять, как же! И одновременно унизила. Ну что же такое? Почему Нинка унижает и обижает, а виноватой я себя чувствую? Я что — мать Тереза?

Я посмотрела на виднеющиеся из-под светлых волос широкие дужки очков и почему-то вспомнила собственного брата. А если бы его кто-нибудь такой же умный, как Нинка, унизил бы? Конечно, сомневаюсь, что братец способен признаться в чувствах кому-то кроме собственного системного блока, ну, или материнской платы, на худой конец. Но все же... Мой родственничек и этот паренек, похоже, одного поля ягоды — оба неуклюжие и зашуганные обществом ребята.

Мне стало жалко этого Антона. К тому же он показался мне по-своему милым.

— Антон, не переживай ты так, — я вновь принялась говорить ему, стоящему с опущенной головой, слова утешения бодрым голосом, — найдешь другую девушку. А у Нины характер сложный. Да... Она и послать может. И таких трехэтажных матов наговорить, что потом аж уши вянут. Давай свой подарок. Я передам его этой сбежавшей зануде. Давай, не бойся.

Я аккуратно взяла из его рук шуршащий оберткой сверток. На миг наши пальцы коснулись друг друга. Я вдруг замерла на мгновение, а когда посмотрела на парня, то заметила, как вдруг его плечи дернулись, а подбородок опустился еще ниже. Я вдруг поняла, почему он так до сих пор не поднял головы.

Мальчики не любят, когда девочки видят, что они плачут.

О Боже!

Он что, плачет?

Даже мой брат последний раз плакал в 13 лет, когда сломал ногу, неудачно поскользнувшись на банановой кожуре в коридоре.

Или, может быть, просто я не видела слез Эдгара?

— У нее сегодня день ангела, — просто сказал Антон, словно перебивая тишину. Голос его был тихим.

— Да? Э-э-э... Ладно, — не зная, как поступить, неуверенно произнесла я. — Я поздравлю ее от тебя. Просто не бери в голову случившееся.

Он очень медленно кивнул мне.

— Вот и отлично. А я пойду, хорошо? Подарок Нина с удовольствием съест — ты не думай. Она жуткая обжо... сладкоежка! Ну, пока!

И я неожиданно для самой себя улыбнулась ему и быстрым шагом направилась в сторону туалетов, чтобы встретить Нинку там. Если она узнает, что взрослый парень из-за нее разрыдался, она всему универу об этом растрезвонит.

Мне казалось, что Антон пристально смотрит мне в спину, но когда я все же оглянулась, его в коридоре уже не было.

Подругу, мрачно оглядывающую себя в большое зеркало, нашла в туалете. Ее свитер был безнадежно испорчен.

— Катрина? А я домой пойду. Не смогу отсидеть в таком убожественном виде еще пару.

Об Антоне она больше не вспоминала. Подарок я ей отдавать не стала — выкинет же еще, а мне отчего-то не хочется, чтобы она делала это.

Прости, парень, если обнадежила.

Нинка не вспоминала больше об Антоне, зато это пришлось сделать мне. И произошло это уже через два или три дня. Почему мы встретились опять и почему наша встреча была именно такой, я не знаю. Может быть, нам просто суждено было встретиться вновь?

Я, разговаривая по телефону, переходила улицу. Обе руки у меня были заняты: в одной держала мобильник, в другой — объемный пакет с книжками. Это была учебная литература, которая понадобилась мне для выполнения одного из многочисленных практикумов. Хорошо, что большая городская библиотека находилась совсем недалеко от моего дома. Честно сказать, обычно все эти практикумы помогала мне делать Нинка, но на этой неделе ее общее количество тараканов в голове невероятно повысилось, поэтому она почти совсем забила на учебу — все готовилась к встрече со своим любимым принцем со странным холодным именем Кей. Вот же у человека упорство, вот же стремление! Поставь она перед собой задачу завоевать Нобелевскую премию, у нее и это получилось бы.

Я шла, разговаривая с подружкой Настей по телефону, и не думала ни о чем плохом. А плохое случилось почти что незамедлительно.

Перед проезжей частью пришлось остановиться — пешеходам мрачно горел красный свет. Даже пришлось немного отойти на тротуар — из-за многочисленных дождей дорога была единой сплошной лужей, и брызги грязной воды так и летели из-под колес пролетающих мимо авто.

Рядом со мной стояло еще несколько человек: немолодой курящий мужчина, две бабульки, одна из которых держала за руку непослушного

внука, явно желающего искупаться в луже, и паренек-эмо с большими наушниками на черных крашеных волосах.

— Нет, Настя, — говорила я в трубку, не обращая внимания на окружающих, — я даже не знала об этом! У тебя новый парень на примете? А как ты...

И в это время какой-то дурак на той стороне решил перейти дорогу, не дожидаясь зеленого. Он, не очень думая о возможных последствиях, неспешным шагом поперся через проезжую часть. И этого смертника едва не сбила ярко-фиолетовая машина, успевшая затормозить, но все же слегка задевшая парня. Он, естественно, упал на дорогу под громкое оханье бабок. Кажется, не пострадал. Зато в фиолетовую машину чуть было не врезались две другие. Все это произошло едва ли не за долю секунды.

Люди вокруг зашептались, заволновались.

— А чего там дядя в луже сидит? — немедленно заныл ребенок. — Я тоже хочу туда.

— Помолчи, Саша, — поморщилась его бабушка. — Это плохой дядя.

— Самоубивец, что ли? — неодобрительно спросила вторая старушка. — Развелось иродов...

— Дурак он, а не самоубивец, — хмыкнул дядька.

Эмо с очень сочувственным видом поглядел на жертву неудавшегося самоубийства и тяжело вздохнул. Он еще бы руку ему пожал в знак солидарности!

Тем временем загорелся зеленый, и все поспешили перейти улицу. Из фиолетовой машины вылезла тетка в дорогом пальто и с красивой, только что уложенной у парикмахера прической. Она, заламывая руки, бросилась к пострадавшему, сидевшему на коленях прямо на асфальте.

— Я вас не убила? — кричала она истерически. — Как вы?! Что с вами?

— Смотреть нужно, куда бежишь, придурок! — были настроены не столь миролюбиво водители из других машин, которые чуть не попали в ДТП. — Вот же козел!

— Женщина за рулем — вообще упадок общества, — вставил какой-то из мужчин в авто. — Не орите на пацана.

— Со мной все в порядке, извините, — говорил чуть не рыдавшей от ужаса женщине в пальто парень, поднимаясь с асфальта. Кажется, его слегка шатало.

Я, до этого, как и все, глядевшая на молодого человека со смесью жалости и испуга, вдруг поняла, что где-то слышала этот голос. И темно-зеленая куртка кажется знакомой... И фигура, и прическа...

— Настя, я тебе потом перезвоню, — поспешно сказала я в трубку и тут же приблизилась к парню.

— Ты! — обличительно ткнула в него пальцем я. — Это же ты, Антон! Эй, ты как?

Это точно был он. Увидев меня, одноклассник даже попятился.

Чего это у него лицо такое отстраненное? Наверное, от страха, как и расширившиеся зрачки (это я чуть позже углядела).

— Мальчик, ты в порядке? — продолжала звать к нему владелица фиолетовой машины. — Может, в больницу?

— Нет-нет. Не надо, — кинул на нее затравленный или одурманенный взгляд тот. — Извините, я не хотел.

— Ты, правда, в порядке? — сочувственно спросила я.

— Вы его знаете, девушка? — обрадовалась женщина. — С ним все в порядке?

— Э-э-э... наверное, — внимательно посмотрела я на вроде бы живого и не покалеченного парня, опустившего голову, как нашкодивший котенок.

— Девушка, милая, присмотрите за ним, а то я на свадьбу к сестре опаздываю!

— Конечно! С ним все хорошо. Кажется...

— Вот, возьмите мой номер телефона, — сунула почему-то мне визитку она. — Если что, я оплачу медицинские услуги!

Усевшись в свое красивое авто, она умчалась. А мы наконец оказались на другой стороне улицы. Я с жалостью посмотрела на Антона. Его куртка и штаны были мокрые и грязные. На ладонях виднелись ссадины.

— Нигде не болит? — спросила я сочувственно.

— Нет, — помотал головой он, все такой же, наверное, из-за случившегося, отстраненный.

На раздумья мне хватило пары секунд. Почему бы не помочь человеку?

— Пошли, чучело садовое, со мной, — как можно более решительно заявила я. — Ты чего, дальтоник? Цвета не различаешь, что ли, у светофора? Ну же, пошли.

— Куда? — обронил он, но послушно пошел за мной.

— Туда, — кивнула я в сторону своего дома.

Только тогда, когда мы оказались на безопасной дороге, я вдруг поняла — этот чудик хотел совершить самоубийство! И единственная причина такого странного поведения этого парня — моя собственная лучшая подруга. Наверное. Мало ли какие у него еще неприятности в жизни есть? Я ведь о нем почти ничего не знаю, хоть мы и учимся в одной группе с

первого курса...

Я похолодела. Несчастные влюбленные — странные создания. Мало ли на что он способен? Ведь бросился под машину, хотя все обошлось. А если завтра он с горя таблеток наглотается? Или утопиться вздумает? А что, мост у нас высокий, хороший. Прыгай — не хочу.

И как раз вчера по местному телеканалу показывали длиннющий репортаж о самоубийцах: по статистике, в год из жизни добровольно уходит около одного миллиона человек в мире. Жителей нашей страны — около пятидесяти пяти тысяч. За последнее десятилетие число самоубийств среди молодежи выросло в три раза, и одна из главных причин этого — неразделенная любовь. К тому же наша страна занимает первое место по количеству подростковых самоубийц. А, да и мужчины доводят это дело до конца куда чаще, чем женщины... К тому же считается, что большой процент ДТП с единственной жертвой — фактически суициды.

Вспомнив все это, я похолодела и сжала руки в кулаки. Тропинин, ты что, дурак?!

— Эй, — окликнула я однокурсника, — ты специально это сделал?

Антон очень медленно кивнул. Расширившимися зрачками он глядел прямо на меня, склонив голову, и молчал.

Мои страшные догадки подтвердились. Теперь надо во что бы то ни стало отвлечь его от грустных мыслей. Почему этим должна заниматься именно я, я в тот момент не думала. Просто хотела помочь парню.

— Куда мы? — вновь спросил он тихо.

— Пошли ко мне, одежду почистишь, — вздохнула я. — Я как раз недалеко живу.

— Но... — попытался, было возразить этот неудачник.

— Не бойся. У меня дома только брат. Вы с ним роста одного, он тебе одолжит одежду.

— Я не хочу тебя беспокоить, — почти прошептал он.

— Ты меня и так уже побеспокоил. Пошли-пошли. Мой дядя вчера вкусные пирожные сделал. Попробуешь.

Ой, что же за чушь я несу? Леша действительно сделал пирожные. Но, думаю, этому Антону от такого заявления радостно не будет.

— Пошли, — я улыбнулась во все зубы, хотя мне было страшновато. — Тут пару минут всего идти.

И он пошел. Двигались мы странно. Я впереди, а он позади меня, ступая след в след. Ну прямо как собачка. Иногда я оборачивалась на него и пару раз видела, как он прикрывает закушенные губы ладонью. Ему плохо?

Вот же Нинка гадина! Сама напортачит, а я разгребай! А ведь моя

подружка сейчас сидит в салоне красоты — ей то ли новый дизайн ногтей делают, то ли прическу. Я же тут фактически психологом-спасателем работаю. Но все-таки как можно взять и оставить на улице несчастного человека, похожего на котенка со светлой шерсткой?

— А вот и мой дом, — радостно изрекла я, указывая на родную двенадцатизэтажку. — Мы на последнем этаже живем. Вид с окна — закачаешься! Посмотришь сверху на мир, на реку, на городской парк, и жить хочется, — выделила я слово «жить» интонацией.

Антон почему-то неуверенно улыбнулся. А я обрадовалась этому и сама не поняла почему.

— Нас ждут препятствия, — честно предупредила я. — И путь наш будет далеким. Лифт сломан уже второй день, и идти надо пешком. Но если ты устанешь, мы остановимся и отдохнем, — коварно добавила я. Обычно никогда не говорю таким тоном, но около Антона во мне прямо-таки просыпается желание ехидничать.

Или привлекать к себе его внимание?

— Я не устану, — ответил он и поправил свои очки.

— Ну и хорошо. А я устану. Я совсем не спортивная. Вот Нинка — другое дело, она... Ладно, не будем о неприятном, — я поняла, что сболтнула глупость про подружку. Ее сейчас вообще лучше не упоминать при этом потенциальном самоубийце.

Господи, как он вообще до такого додумался?

До квартиры мы добрались на удивление нормально. Он дошел, я доползла. Где-то на этаже третьем Антон заметил тяжелый пакет у меня в руках и по-рыцарски взял его. Я, честно говоря, думала, он надорвется вместе с этими книгами и мне придется нести и их, и одноклассника, но ничего страшного не произошло. Парень даже тяжело не дышал после двенадцатизэтажного забега и шагал легко и быстро. А я, когда мы оказались на нашей лестничной площадке, думала, что умру.

— Вэлком, — открыла я перед ним дверь, и Антон, осторожно оглядываясь, зашел.

— Не пугайся и не кричи, — участливо предупредила его я.

— Чего? — удивленно произнес он.

— Я сейчас в оборотня превращаться буду, — я засмеялась. — А если серьезно, то по всему коридору навешаны ужасные картины.

И я, нащарив в темноте, включила свет.

— Кто меня потревожил? — громовым басом разнеслось над нашими головами. — Убью на хре-е-еен!

— Это что? — опешил Антон и стал оглядываться.

— Это не что, а кто, — мрачно ответила я. — Один дурак, которому скучно просто так жить. Вообще это просто приколы такой — когда свет включаешь, слышится голос. Все пугаются — я не стала вдаваться в подробности.

На самом деле постарался один из многочисленных папиных друзей. Это он так нас на прошлое первое апреля разыграл: свистнул ключи у Томаса-раззявы, пришел, когда дома был только Эдгар, и подсоединил к выключателю какие-то проводки и схемки. Брат его не выдал. Более того, помог: записал голос дяди Бори (так звали этого мужика) на компьютер и переработал его. После они уже вдвоем поколдовали над проводками, и получилось то, что получилось. Включаешь в коридоре свет — орут про хрен.

Когда этот ор слышали мы с Нелькой, придя из кино, то от страха аж присели. Когда его услышал Леша, он подумал, что ошибся квартирой и выбежал вон из дома, испугавшись возмездия злых хозяев. Когда в гости заглянула бабушка, ей чуть плохо не стало, и она очень ругалась на них в чем не повинного папу. Только на двоих человек на моей памяти этот проклятый голос не произвел впечатления. На родителя, который ввалился в квартиру в больших наушниках, на полной громкости слушая свой тяжелый метал (да-да, он слушает именно его, обожая как группы своей молодости, так и вполне современные). И на Нинку, которая даже не вздрогнула, услышав этот кошмар, — она только расхохоталась.

За год мы привыкли к идиотскому крику и не обращали внимания. Даже гостей забывали предупреждать.

— Здорово, — сказал Антон, разглядывая наш дом с искренним любопытством.

Я уже говорила, что папа-художник развешивает свои полотна по всему дому. Обычно перед приходом гостей я их снимаю, чтобы не травмировать нежную психику людей. Но Антону придется потерпеть. Кто же знал, что я его встречу и домой приведу?

— Напротив тебя висит Чуня. Не пугайся, — начала экскурс по картинам я.

Около входной двери находилась небольшая прихожая, от которой шел длинный коридор, заканчивающийся дверью в туалет. Креативный родитель сделал так, что никто и не догадывался, что эта дверь ведет к «белому другу». Он повесил на нее длинную прямоугольную картину под названием «Нежный оборотень-хранитель». Как говорил сам папа, он изобразил доброго зверя, который «обладает разумом человека и немного страдает от одиночества». Знаете так, совсем чуть-чуть. Добрый зверь был

самой реалистичной картиной из всего его художественного творчества и выглядел впечатляюще. На фоне сине-зеленой луны и корявых веток («это души мира выются над волком!»), а также мерцающих черных звезд величиной с кулак ребенка сидело нечто, напоминающее зубастый колобок не первой свежести. Маленькие злые глазки колобка светились желтыми зловещими пятнами. Уши его напоминали два длинных носа. Из вытянутой пасти, украшенной тремя рядами зубов («три — это священное число»), капали ядовито-салатовые слюны, в которых почему-то плавали какие-то безобразные насекомые («люди погрязли в грехах!»).

«Это будет тотемом нашего дома! Назовем его Чуней», — объявил папа пять лет назад, вешая эту картину. Уж не знаю, стало ли это тотемом и охраняет ли оно наше жилище, но добрая половина соседей, видевших «нежного оборотня», считает нас едва ли не сектантами. Вторая не считает — она в этом уверена.

Обстановка в коридоре и в гостиной (а дальше соседи не заходили) впечатляющая. Темно-ржавого цвета линолеум, на котором светящейся в темноте краской прорисованы загадочные символы, напоминающие арабскую вязь. Зеркальный потолок, покрытый матовой полупрозрачной краской, на котором, по задумке Томаса, виднеются дымчатые «лики существ», способных напугать впечатлительных людей. Черные обои в тонкую светлую полосочку тоже немало способствовали созданию нашего нелестного имиджа в глазах соседей. Небольшая, но от этого не менее дурацкая скульптура из белой глины, изображающая полет человека на Луну (подарок папиного странного друга-скульптора), примостившаяся на круглом столике. У столика была особенность — его единственная ножка выполнена в форме ствола каштанового дерева, от которого в разные стороны отходили ответвления корней — о них частенько запинаясь наши гости. Шкаф для одежды был словно вытасчен из восемнадцатого века. А функции люстры в прихожей выполняли три светильника на стенах в форме черных свечей в золоченых подсвечниках.

Что и говорить, коридор и гостиная у нас обставлены хоть куда. Хорошо еще, что Леша хотя бы кухню отстоял от посягательств Томаса превратить ее в «место настоящей авангардной трапезной». А в гостиную мы все равно заходим редко, считая ее папиной комнатой.

Чуня в коридоре не скучал в одиночестве. Черные стены были завешаны другими ужасными картинами, изображающими всякую фигню типа «Ядерного мозгового взрыва» или «Атаки плутонианцев на плоть космического странника». Около самого Чуня вместо люстры на потолке качалась глупая металлическая конструкция с тремя лампочками по бокам.

А из-за зеркального потолка мне первое время было боязно — вдруг он на меня рухнет?

— Это оборотень Чуня, — сказала я, указывая на противоположный конец коридора. — Не пугайся его, пожалуйста. А то он оживет и съест тебя. Мне кровь неохота вытирать с пола.

— Спасибо, — почему-то сказал мой гость, разуваясь. — Ого! — вдруг воскликнул он, — это же работы художника Томаса Радова!

— Ты что, его знаешь? — искренне поразила я.

Антон кивнул:

— Я ходил на его выставки. И мы у... я бы хотел его картину купить.

— Еще один с приветом, — покачала головой я. — Как эту гадость можно любить?

— Он классный авангардист. У вас так много его работ! — с восхищением осматривался Антон. — И коридор такой... необычный.

Вот и хорошо, что он отвлекся от суицидальных мыслей. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Пусть смотрит. Но однокласснику я ответила:

— Глаза бы мои их не видели, эти работы. Это папа повесил и снимать запрещает.

— Твой папа связан с миром искусства? — у парня даже тон другим стал.

— Ага, художник он.

— А как его зовут? — все больше воодушевлялся Антоша. — Может быть, я видел его работы?

— Так его Томасом и зовут, — ответила я. — Радовым.

— Это квартира Томаса? — искренне поразился гость. — Ничего себе... Хотя, можно было и сразу понять... У тебя ведь тоже фамилия Радова...

В это время тишину дома пререзал истошный вопль, и вслед за ним раздалось нехорошее матерное слово. Антон резко оглянулся на крик.

— Спокойно! — покровительственно сказала я. — Это мой брат играет на компьютере, наверное, опять сорок шестой уровень в своей стрелялке не прошел. А когда он не может пройти уровень, то злится. Он, знаешь ли, интернет-зависим. Сейчас на кухню сгоняет за едой, утешится и опять будет играть.

Подтверждая мои слова, ближайшая дверь в коридоре распахнулась, и оттуда на автомате вышел брат. Не видя нас, он зашагал на кухню.

— Сейчас мы у него и попросим одежду для тебя. Эй, алло! — крикнула я Эдгару.

Тот подпрыгнул и обернулся. Красноватые глаза с интересом уставились на нас.

— Я и не видел, как ты пришла. А ты кто? — некультурно спросил Эдгар, почесывая плохо выбритую щеку.

Братишка вроде бы и учится на последнем курсе факультета информатики и вычислительной техники, но почти всегда находится дома, ничего не учит, мало куда ходит, но умудряется оставаться одним из лучших студентов курса — как, ума не приложу.

— Брат не страдает избытком вежливости. Он вообще такого слова не знает. Поэтому не печалься, — пояснила я несколько оторопевшему от такого приветствия Антону и повернулась к родственнику. — А это мой одноклассник, Эд! Его зовут Антон.

— Привет, Антон, — кивнул братишка, пожал руку гостю и пошел на кухню как ни в чем не бывало.

— Стой! — крикнула я ему в спину, и брат послушно замер. — Одолжи одежду.

— Зачем? Кому? — совершенно не замечал грязи на вещах нашего гостя Эдгар. — Тебе?

— Ему дадим, — кивнула я на Антона. — Видишь, он упал в лужу и испачкался.

— Точно. Сейчас, — больше не стал задавать вопросов Эдгар и опять почему-то направился в кухню.

Я вздохнула:

— У тебя что, одежда там лежит?

Брат остановился, постоял так немного, развернулся и пошел в противоположную сторону. Антон заинтересованно посмотрел ему вслед.

— А он не обидится? — почему-то шепотом спросил парень у меня. — Мне неудобно...

— Нет, конечно. Он вообще щедрый, — улыбнулась я. — Слушай, мне самой грязно становится, когда я на тебя смотрю. Иди-ка ты в ванную комнату, друже. Ванная у нас нормальная. Приведи себя в порядок, переоденься. А я, добрая душа, засуну твои вещи в стиральную машинку. Помоешься — иди на кухню. В общем, чувствуй себя, как дома, хорошо?

— Переукомплектация, — почему-то заулыбался брат, через пару минут отдавая вещи своему случайному гостю. — Апгрейдили чувака.

— Не обращай на него внимания, он тронутый, — посоветовала я рассмеявшемуся Антону. — А ванная наша сразу за Чуней, думаю, разберешься. — И я пошла на кухню, где меня ждали вкусные пирожные.

Я чувствовала себя суперкрутым меценатом. Кто знает, вдруг, если бы

не моя скромная персона, этот чокнутый сбросился бы в ближайшие часы с ближайшей же крыши?

Что ни говори, очень приятно делать людям добро. Даже чувство собственного достоинства повышается.

Через полчаса мы втроем сидели на кухне и ужинали под звуки висевшего тут же небольшого плоского телевизора. Никаких ужасных картин или режущих глаза цветов: все здесь было нормальных матовых и кремовых оттенков. Не зря все-таки дядя был дизайнером — вкус у него имелся. Кухню он самолично обставлял два года назад. Пусть здесь была и не слишком дорогая мебель, зато смотрелась она прилично и вносила необходимый уют. Особенно мне нравился круглый столик, за который при желании могли усесться человек десять. Стол стоял перед окном, занавешенным тонкой узорчатой шторкой из голубого материала — в тон к скатерти. Я любила за этим столом делать домашние задания или просто сидеть и смотреть вниз — на людей, на дороги. Или вверх — на звезды и облака.

Брат выдал Антону чудесную белую водолазку с длинными рукавами (когда-то ее привез в подарок племяннику Леша из самого Нью-Йорка, но Эдгар подарок не оценил и не носил) и темно-серые штаны с множеством карманов (это уже Нелька подарила ему такое, но он и этот подарок не таскал).

Я сначала думала, что брат и мой гость одинаково худые. Оказалось, что мне так только казалось. Антон был крупнее Эдгара — просто его нелепая мешковатая одежда скрывала его фигуру, довольно неплохую. В нормальной одежде Антон казался вполне таким интересным парнем с довольно широким, между прочим, разворотом плеч, руками, на которых даже проглядывались мускулы, узкими бедрами и длинными ногами. Только идиотские волосы и очки на пол-лица делали его ну... немного не от мира сего.

Сейчас одноклассник сидел в самом углу кухни, с чашкой обжигającego кофе в руках, старался ни на кого не смотреть своими расширившимися зрачками и изредка потирал голову, словно бы она у него болела.

Почему Эдгар вдруг вылез из своей норы, для меня оказалось загадкой. Может быть, захотел узнать, что в нашем доме делает какой-то незнакомый парень, пришедший вместе с сестрой. Может быть, просто сильно хотел есть. На кухне витало, весело посвистывая, напряжение. Антон, наверное, стеснялся брата, а тот его тоже опасался. Встретились же

два придурка-тормоза.

Кажется, я понемногу начинаю превращаться в свою лучшую подругу, в эту мисс Сквернословие...

— В какую ты игру сейчас играешь? — спросила я брата, чтобы нарушить молчание.

— «World Of Warcraft», — на плохом английском ответил он.

— Интересная? — название мне ничего не говорило.

— Ага.

— Какой жанр-то хоть?

— MMORPG, — вместо брата почему-то ответил Антон.

Не могу судить лишь по паре букв о его знании этого языка, но, кажется, произношение куда лучше, чем у Эдгара.

— Это еще что за странная аббревиатура? — удивленно произнесла я.

— Это многопользовательская онлайн-ролевая игра, — таким тоном сказал мне брат, что я почувствовала себя немного неполноценной.

Но после этого напряжение между этими тормозами пропало. Они нашли общий язык на основе любви к компьютерной игрушке. А потом начали обсуждать всевозможные другие игрушки. Надо же! Что только людей не сближает!

Когда у меня почти что окончательно завяли уши слушать этот их бред, посвященный загадочным играм, домой вернулся дядя. Он очень редко приходил так рано, а иногда даже только уходил в это время суток на очередные ночные тусовки или какие-то неясные презентации. А тут что-то неведомое принесло его домой.

— Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен! — проорал бас в прихожей.

Леша чертыхнулся и вскоре появился на кухне. Дамы находили, что выглядит он довольно интересно: красивый, высокий, стройный, с модной прической, всегда элегантный, чисто выбритый, ухоженный и надушенный модным парфюмом. Бабушка рассказывала, что мой папа в детстве называл его девчонкой за длинные пушистые ресницы, пухлые губки и слишком уж нежную кожу. Маленький Леша возмущался, плакал и даже бил старшего брата. А тот только ржал. Прошло много времени, и даже теперь во внешности дяди было что-то женственное. Но вопреки страхам бабушки, которые появились тогда, когда Леша пошел в модельный бизнес, ее младший сын любил не мужчин, а женщин и прослыл настоящим бабником.

— Сидим? — мрачно осведомился голос Алексея у нас за спиной.

— Сидим. А ты чего так рано? — подозрительно посмотрела я на него.

— Как пришел, так и пришел. И вообще я хочу дома поработать над новой линией, — ответил мне дядя важно. — А это кто? — так же невежливо, как и Эдгар, поинтересовался он, глядя на замолчавшего Антона, а потом вдруг расцвел в улыбке:

— А, ты, наверное, друг этого обалдуя? Слышал я, как вы тут компьютеры обсуждаете.

— Это мой однокурсник, — сказала я.

Брат подтверждающе кивнул.

Леша поднял брови, склонил голову на бок и с интересом принялся разглядывать Антона с ног и до головы.

— Ага, понятно. Алексей, — и пожал гостю руку.

Что ему там понятно?

— Антон, — ответил ему тот.

— Значит, — уселся на свободный стул Леша и уставился на гостя, — вы... однокурсники?

Мы кивнули синхронно.

— Он — классный парень, свой в доску, — вставил брат, нечаянно взглянул на настенные круглые часы и в ужасе вдруг выбежал из кухни, проорав, что «сейчас игра начнется!»

— И давно вы... однокурсники? — поинтересовался Алексей, наливая себе дымящийся кофе из кофейника.

— Давно, — ответила я. — С первого курса, знаешь ли.

— Ясно, — и он опять с интересом принялся изучать Антона, как сватья потенциальную невесту.

— А почему на тебе одежда чужая? Эдгарова? — вновь спросил дядя и с веселым интересом поглядел на меня, как будто бы и меня хотел увидеть в чужой одежде, например, в одежде этого Тропинина.

— Мы шли к нам домой, Антон случайно упал, и его одежда сильно испачкалась и вся промокла. Теперь она стирается в машинке, — терпеливо принялась пояснять я. — Братик был так добр, что одолжил свои вещи.

— Ну, хорошо-о-о. Кстати, Катя, если вдруг начнут по телефону звать меня и если это будет женский голос, скажи, что я уехал в командировку. Куда-нибудь в Восточную Сибирь. Нет, на Дальний Восток. Или лучше даже в Японию.

— Заметано. Опять кого-то бросил? — спросила я с любопытством.

Вот же Казанова! И куда только девушки смотрят, когда с ним знакомятся, сразу же видно, что Леша — слащавый ловелас! Каждой второй представительнице слабого пола он сообщает, что готов на ней жениться, и почти каждая первая из них ему верит.

— Бросил? Нет, что ты, — почему-то выразительно покосился в сторону Антона Леша, — просто одна бизнес-леди... заказывала у нас эксклюзивную одежду. Мы все... выполнили, но эта женщина успела за время заказа вытянуть все наши нервы своей ревн... решительными... э-э-э... указаниями. Теперь она хочет сделать второй заказ, но мы больше не хотим с ней работать. Она нас просто преследует.

Ух ты, неужели дядя не хочет при Антоне казаться ловеласом?

— Ей что, так первый заказ понравился?

— Не то слово, — со стуком поставил чашку на стол дядя, — просто проходу не дает. Хочет, чтобы я на ней же.... Э-э-э... Чтобы я с ней же поработал вновь. Но вся наша фирма против. У нас и так сильно много других заказов — более выгодных, — скомканно закончил он свою речь, улыбаясь Антону. Тот в ответ выдавил непонимающую улыбку.

— И вообще, молодой человек, — к моему огромному изумлению, произнес Леша, постукивая пальцами по все тому же столу, — девушек нельзя бросать просто так, особенно если ваши отношения только начинаются. Это крайне непорядочно и даже неэтично.

— Я знаю, — ответил Антон и вопрошающе посмотрел на меня, когда родственник отвернулся.

Я пожала плечами.

— Расставание — вещь очень серьезная, — продолжал вещать Леша. — Настоящий мужчина в первую очередь обязан заботиться о чувствах своей дамы. И вообще должен уметь защищать ее не только физически, но и морально. И ни в коем случае он не должен причинить ей страданий.

— Кто бы говорил, — едва слышно прошептала я.

— Вот скажи, друг мой Антон, если ты влюблен в девушку, ухаживаешь за ней и встречаешься с ней, можно ли обращать внимания на других особ противоположного пола?

— Нет.

— Правильный ответ, — щелкнул пальцами в воздухе дядя, — помни, на мужчине лежит огромная ответственность за девушку, даже если они только начали встречаться. А кто для влюбленного мужчины является идеалом красоты: Анжелина Джолли, Джей Ло или Ева Мэндес?

— Что за дебилские вопросы, — возмущенно спросила я. — Мы тут... заниматься пришли, а ты ерунду какую-то говоришь. Можно подумать, что ты пьяный. Иди со своими Джей Ло и Мэндес куда-нибудь в другое место. Ты вообще поработать хотел.

Антон вдруг ответил, пристально посмотрев на меня, — уголки его губ

при этом поднялись вверх и выражение лица немного изменилось:

— Идеалом всегда будет любимая девушка.

— Бинго! — обрадованно воскликнул Леша. — А ты молодец, парень!

И он пустился в длительное рассуждение о том, что такое настоящая любовь и что должен сделать нормальный мужчина, чтобы девушка чувствовала эту настоящую любовь.

Закончил свою двадцатиминутную бредовую речь Леша странновато:

— Именно плотская, а не платоническая любовь — лучшее доказательство искренности.

— Что ты имеешь в виду под плотской любовью? — искоса взглянула я на родственника.

— Слушай, — несколько надменно поглядел на меня дядя, — если ты не знаешь значения этого слова, то я вообще удивлен, как ты завела себе пар...

Но договорить он не успел. Кто-то вновь включил свет в темной прихожей.

— Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен! — как следствие, проорало на весь дом.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

— Когда эту штуку только уберут? — покачал только головой со стильно уложенной прической Леша и сам себе философски ответил: — Никогда. Кстати, Антон, запомни, брюнетки, они намного более верные, чем блондинки.

Это еще почему?

— У тебя что, статистика? — спросила я.

Дядя выразительно покрутил пальцем у виска, пока Тропинин не видел.

И только тут я поняла, к чему клонил все это время мой бесценный дядя. Он принял меня и это чучело огородное за пару! И решил Антона поучить тому, что должен делать «настоящий мужчина»! Вот ужас. Не переубеждать же дядю прямо сейчас, что он все неправильно понял.

— Яххо!^[7] А вот и я, — ворвалась в кухню сестра, с ног до головы одетая в розовую одежду. Юбка, маечка и даже колготки были ядовито-розовыми. Лишь многочисленные браслетики и значки приятно радовали глаза другими цветами.

— Ты, жертва безвкусицы, — немедленно переключился на нее Леша. — Что ты на себя напялила? Мне как дизайнеру хочется рыдать и стенать, блин. Будешь на улице в таком виде и увидишь меня — не подходи. Я позориться не хочу.

— Ва-а-а, нытик, — схватилась за голову девочка. — Ой, а кто тут у нас? Мальчик какой-то! Ой, ты мне так кого-то напоминаешь... Кто это, кто это?

— Это мой сокурсник Антон, а это моя сестра Нелли, — устало сказала я парню. — Слушай, пошли в мою комнату, они нас вдвоем точно задолбают.

— Ну чего ты, посидите со мной! — с ноющими интонациями заговорила Нелька. — Я хочу с мальчиком поближе познакомиться!

Такая реакция Антона явно смутила, но он все-таки сказал ей:

— Здравствуй.

— Оно разговаривает! — захихикала сестра. — Нет, ты мне все-таки кого-то напоминаешь! Определенно десу!^[8]

— Наверное, Дэвида Бэкхема. У него тоже одно время были белые волосы. — Вкрадчиво сказал Леша, и они вдвоем расхохотались.

Что дядечка, что племянница — оба обожают ехидные подколы.

— Не обращай на них внимания, — с укоризной посмотрела я на родственников. А если опять в этом чудике суицидальные наклонности проснутся из-за их шуточек?

Но наклонности крепко спали, потому как Антон тоже улыбнулся во весь рот.

— Нет! — вдруг заявила сестра. — Он напоминает мне Эла. Из «Тетради смерти». Энергетикой и выражением лица. Только тот был черноволосым и большой палец во рту держал. И сидел все время ногами на стуле!

— Зачем? — с искренним изумлением переспросил Леша. — Он что, олигофреном был, что ли, этот твой Эл?

— Сам ты олигофрен! Он был гениальным детективом! И просто кавайным лапочкой! — Нелли ненавидела, когда кто-то говорит гадости про ее любимых персонажей. А про эту «Тетрадь смерти» она мне в прошлом году прожужжала все уши. Мол, какое аниме интересное, и какие герои классные, и сюжет крутой. А когда там кого-то убили, сестра плакала целый день!

— И вообще это нужно считать комплиментом! — наставительно обратилась она к Антону. — Эл хорошенький! Я сейчас его покажу вам! — и она с топотом убежала в свою комнату.

Спустя минуту мы вчетвером принялись разглядывать принесенное изображение задумчивого, но милого с виду Эла.

— Хорошенький? — переспросил Леша. — Судя по его глазам и выражению лица, у этого парня из твоего аниме явное наличие

прогрессирующей болезни Дауна.

— Ой, блин, на себя посмотрел бы лучше, — надулась Нелька. — Дебил.

— И он брюнет, твой герой из мультиков, — продолжал Алексей, — а наш гость беловолос.

Я печально посмотрела на Антона, мол, прости, у меня дома душевнобольные проживают.

— Неважно! Я говорю про общее впечатление. Слушай, — обратилась младшая сестра ко мне, — а ты...

Как это всегда бывает у нас в квартире вечером, когда нужно включать свет в темной прихожей, прогремело знакомое:

— Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен!

— Папа пришел! — поскакала к входным дверям излишне активная сестра. — Ото-сан! Па-а-ап! У нас гости!

— Кто? — появился на пороге тот, даже не раздеваясь. Гостей наш художник любил безмерно.

— Вот он, — кивнул Леша на Нинкиного кавалера-неудачника, которого он принял за моего друга.

— А это кто у нас? — радостно осведомился Томас, горячо пожимая руку парню.

— А это у нас друг, — выразительно покосился на старшего брата Леша. — Однокурсник, так сказать.

— Меня зовут Антон, — почему-то встал парень.

Наверное, моя семья совсем затюкала его. И ничего ведь уже не поделаешь.

— Очень приятно, молодой человек, я — папа этой прелестной кареглазой леди, можете называть меня Томасом.

— Он знает, как тебя зовут, — скучным голосом сказала я. — И ему очень нравятся твои работы. Он как пришел, так сразу начал: «О, какие картины!», «Ах, это же Томас нарисовал!»

— Я не так говорил, — тихо произнес смутившийся Антон. — Просто ваше творчество мне давно уже нравится. Я бывал на ваших выставках. Вы — мастер.

Лицо папы просияло, словно он нашел два с половиной миллиарда долларов. Он картинно выставил вперед руку и начал разглагольствовать:

— Я вижу, вы большой знаток мира искусства! И настоящий эстет! Мое творчество сложно понять и сложно принять, и эти, — обвел он глазами нас троих, — меня совсем не понимают, а, главное, не воспринимают как настоящего художника!

— Какие мы злые, — покачал головой Леша. — Гения прозевали.

— Вот-вот, видишь их это отношение ко мне? А ведь мне пророчат славное будущее! Да меня постоянно приглашают за границу! Вот вчера, к примеру...

— На Украину, — ехидно вставил Леша, развалившись на стуле. — И в Белоруссию, кажется.

— Ну и что? — ничуть не смутился родитель. — Это тоже о чем-то говорит! И вообще я выставлялся в Штатах, Германии, Польше и во Франции. И сейчас со мной переговоры ведутся с Метрополитен-музеем для временной выставки!

— Это тот самый музей, в который можно пройти за любую плату или вообще бесплатно, если денег нет? — проявила я осведомленность.

— Как это? — спросил Леша.

Он хоть и любит показывать себя культурным, но его кругозор узок, как Нелькин лоб.

— Вот так. Там есть фиксированная цена, но всем на нее пофиг. Можно в кассу протянуть нормальную сумму денег, а можно совсем мелкую монетку или вообще просто так попросить дать билет. А вместо билета там маленькие круглые разноцветные значки, на каждый день свой цвет. Туристы эти значки забирают себе на память.

— Все правильно, — благосклонно покачал нечесаной головой папа. Уж он-то все знал о музеях и выставках. — Откуда ты знаешь, дочка? Неужели теперь в школе этому учат?

— Я в университете, папа, учусь, — обиделась я. — А вообще мне Нинка рассказала. Они же в позапрошлом году в Нью-Йорке были, — не подумав о возможно растоптанных чувствах Антона к подруге, сказала я.

— Бери пример с Ниночки — она очень умная. И вкус художественный у нее просто отпадный, то есть отличный, я хотел сказать.

Папа всю жизнь пользовался молодежным жаргоном, но при гостях, тем более поклонниках, он стеснялся так говорить, думая, что тогда будет выглядеть менее умным и талантливым. А в том, что он, Томас, талантливый, папа не сомневался.

— И простой вкус у нее тоже неплох, — тут же заметил Леша с намеком. — Всегда одевается в соответствии с модными тенденциями.

— Вы мне столько денег дайте, я тоже буду так одеваться! — вспыхнула я. Честно сказать, я не из тех, кто особо следит за модой. Хотя дядя, как заботливая кура, часто притаскивает мне собственноручно разработанные вещи. Я в них, правда, редко хожу — сильно уж они открыты или яркие. Частенько их у меня одалживает Нинка.

— Заработай, — ничуть не смутился Леша. — Я в твои годы уже работал, кстати.

— Ага, моделью, — язвительно ответила я, совершенно забыв, что у нас Антон. — И даже иногда подрабатывал натурщиком. Ужас!

— А моделью быть неплохо! — отбил выпад дядя. — И к тому же очень интересно. А уж про жизненный опыт я вовсе молчу. Я за время работы в модельном бизнесе этого опыта на тридцать лет вперед набрался. А ты остаешься такой же наивной малышкой.

Я уперла руки в боки. Вот ведь козел!

— Потому тебе не двадцать восемь, а все пятьдесят восемь. Раз опыта на тридцать лет вперед накопил! То-то я думаю, что ты себя ведешь, как старикан — все брюзжишь и брюзжишь!

— Да я душой моложе тебя! — оскорбился дядька. Тема возраста была для него не менее болезненной, чем у многих отчаянно молодых женщин. — Маленькая старушка.

— Кто это старушка? Сам дедок.

— Ну, хватит. Оба как дети, — попытался разнять нас папа. Он вообще терпеть не мог конфликты. — У нас в конце концов гости!

— Ничего, гости не обидятся! — посмотрела я на спокойного Антона. — А я вот захочу и пойду в модели.

— Кто тебя возьмет? — посмотрел на меня насмешливо дядя. — Вырасти еще вот сантиметров на десять хотя бы...

— У меня и так нормальный рост! — кинула я в него полотенцем.

Он ловко увернулся.

— Вот видишь, Антон, какая она у нас эмоциональная! Слова против сказать нельзя! Активная девушка! — со смехом обратился дядя к чудику, с интересом за нами наблюдавшему со своего стула.

— Ну, не ссорьтесь, — вновь выступил папа в роли миротворца. — Катенька, если ты хочешь пойти в модели — иди. Ты же у нас красавица.

От возмущения я покраснела. Леша, который в это время откусывал от лично им приготовленного пирожного кусок, подавился им, а потом опять захохотал. Нелька тоже захихикала мелким смехом. Даже Антон стал улыбаться, прикрывая ладонью рот.

— Это значит, — зловеще надвинулась я на Томаса, — папа Нинкин ей в модели идти запрещает, а мой родной отец разрешает? Мол, иди, доченька, иди в этот разврат, и пусть твою молодую душу и тело сожрут акулы модельного бизнеса? Так, что ли?!

— Ой, загнула! — хлопнул себя по коленке Леша. — Сожрут душу и тело!

Томас обескураживающе улыбнулся и произнес:

— Ты не так поняла, милая. Я ничего такого не говорил. Просто я хотел сказать, что ты можешь поступать так, как тебе хочется. Я — либерал, — гордо добавил он. — Антон, они просто дурачатся. А хотите, я вам покажу свои новые работы?

— Хочу, — с готовностью согласился до этого молчавший парень.

Мне опять показалось, что он улыбается.

— А у Ниночки-самы все-таки вкус лучше, — задумчиво произнесла сестра, глядя то на меня, то на Антона.

Я поняла ее намек. Мол, у твоей подруги парни красивые и крутые, а у тебя лохи какие-то в одежде с чужого плеча.

— Ну? Обрадуй. Чем лучше? — скривила я губы.

— А она аниме смотрит, а ты нет! — выпалила Нелька, высунула язык и, услышав телефонный звонок, побежала в коридор — снять ближайшую трубку.

В это время папа принялся допытывать Антона насчет собственных картин. Выяснив, что Антон больше всего любит одну из первых его работ «Абстракция сегодня», он так расчувствовался, что сказал ему:

— Теперь я тебя буду звать сыном! Сынок. Приходи к нам в любое время дня и ночи! И, пошли, я тебе картины покажу. И поведаю историю создания некоторых из них. У тебя будет что рассказать друзьям!

Я задумалась на миг. А есть ли у Тропинина друзья? В университете он ни с кем и не общается... Надо бы потом этого Антона о жизни расспросить, что ли?

— Лешка, — вбежала в кухню Нелька, чуть не столкнувшись с папой, — к тебе сейчас в гости девушка придет!

— Чего? — вытянулось у того лицо.

— Ну, я трубку взяла, а там девушка с таким противным голосом говорит: «Алексей дома?». Я говорю: «Да. Сейчас позову». Она мне такая в ответ: «Не надо, девочка, я сама сейчас приду!»

Леша резко встал, пару раз с шумом вдохнул воздух и проговорил:

— Ты дура?

— Хидой! — вновь блеснула сестра японским. На этот раз слово означало что-то вроде «злюки».

— Как ты с ребенком говоришь? — укоряюще воскликнул из коридора Томас. — Кстати, вы знаете, нам наконец лифт починили. А то я устал уже третий день по...

— Пофиг мне ваш лифт! — еще громче заорал Леша. — Она сейчас придет и убьет меня!

Починили? А нам с Антоном пришлось пешком идти — несправедливо.

— Кто убьет? — опять вернулся в кухню папа.

— Конь в пальто, — огрызнулся вежливый младший брат. — Она сейчас будет звонить. Ни в коем случае не открывайте этой сумасшедшей. Иначе на одного представителя нашей славной фамилии станет меньше. — И Леша затравленно стал глядеть в окно.

— По твою душу дамочка, что ли? — понимающе спросил папа Алексея.

Он хмуро посмотрел на Томаса и тяжело вздохнул. А потом начал ходить туда-сюда, взъерошивая пятерней волосы.

А я осведомилась, глядя на мечущегося дядю:

— Это, наверное, та самая клиентка пришла, да? Которая второй заказ хочет сделать, да?

— Не лезь! — рявкнул дядя и перевел тяжелый взгляд на меня и Антона. — Идите поиграйте в вашей комнате.

У однокурсника в глазах, скрытых за стеклами очков, мелькнул смех.

— Алексей, это несколько неправильно, такое невинным детям говорить. Они вообще-то уже взрослые. Не так поймут, — очень мягко заметил папа, не желающий лишаться собственного нечаянного фаната, которому, судя по всему, готовился излить душу.

— Какие, на фиг, невинные дети? — буркнул Леша. — И вообще я другое имел в виду, это просто каждый в меру своего извращенного сознания понимает... Вот! — возопил он, услышав три подряд настойчивых звонка в дверь. — Эта ведьма пришла! А все ты виновата, козявка! Зачем сказала, что я дома?

— Так надо было меня предупредить, — обиделась девочка. — Вообще больше телефонную трубку брать не буду. Сами бегать к ней станете. А то все «Нелька, возьми телефон» да «Нелька, ответь»!

Звонки раздались снова. Одновременно кто-то неслабо застучал по двери. Папа заспешил в коридор. Схватившийся за белобрысую голову Леша и хнычущая сестричка, что-то бормотавшая по-японски, помчались за ним.

— Не открывай! — завопил Леша. — Если ты откроешь, ты мне больше не брат!

— Не бойся! — подмигнул ему Томас. — Я знаю, как успокаивать женщин!

— Ничего ты не знаешь! — донесся приглушенный голос Леши из коридора.

— Зато ты знаешь! Не надо было ее бросать!

— Не надо умничать...

Я между тем за рукав схватила Антона и тихо произнесла, когда мы остались на кухне одни:

— Извини. Тебя тут, наверное, достало находиться. Я тебя развеселить хотела, а из-за них....

— Но мне и так очень весело, — произнес он вдруг.

И так улыбнулся, будто находился не в сумасшедшем эпицентре нашей отнюдь не тихой семейки, а в кинотеатре, на просмотре классного и смешного кино.

— Правда?

— Да, — кивнул он, — у тебя очень хорошая семья. И забавная.

— Ну, что забавная, — прислушалась я к шуму в коридоре, — это еще мягко сказано.

Я посмотрела на него снизу вверх. Почему-то раньше не придавала значения тому, что он меня выше. И вдруг поймала себя на мысли — а может, и не такой уж он стремный? Фигура у него прикольная, и сам он довольно-таки милый, особенно когда у него расправлены плечи...

Испугавшись того, что незванно-негаданно пришло мне в голову, я прикрыла рот ладонью и опустила глаза в пол. Последний раз подобный симбиоз эмоций и мыслей стал предвестником настоящего глубокого чувства.

— Тебе плохо? — взволнованно спросил Антон.

— Нет, то есть да. В общем, не обращай внимания. Если тебе будет еще веселее, пошли, послушаем их разборки. Это наверняка одна из бывших Леши. Иногда они приходят к нам и сильно скандалят. За это соседи нас очень сильно не любят.

— У тебя интересные братья, — опять улыбнулся он.

— У меня один брат. Леша — младший брат Томаса, мой дядя. Просто он выглядит хорошо, — я улыбнулась. — У него раза в три больше кремов и всяких там штук по уходу за кожей, чем у меня и сестры, вместе взятых, за всю жизнь. Ты в ванной часть его этого богатства видел.

— Я подумал, что это твое, — произнес Антон мягко, и я вновь поймала себя на мысли, что у него приятный голос.

— Нет, увы. Леша запрещает этим всем пользоваться, а мне и не очень-то и нужно. Слышишь, как они там орут, пойдем посмотрим!

Я схватила его за запястье и потащила за собой. Вдруг Тропинин повеселится?

М-м-м... Странное у него запястье. Нет, вообще-то оно было обычное:

мужское, широкое, крепкое, просто я привыкла, что так обычно хватаю за руку Нинку, Настю или сестру, а у них руки тонкие и совсем ненадежные.

— Уважаемая, его нет дома! — эти папины крики прервали мои беспокойные мысли. И хорошо, что прервали — не надо думать о всякой ерунде.

Мы вышли в прихожую и увидели, как папа, наклонившись, кричит в замочную скважину:

— Алексея нет дома! Он, знаете ли, уехал! Понимаете?

Та, что стояла за дверью, явно не понимала. Женщина бешено звонила в квартиру, пинала дверь и орала что-то вроде:

— Выйди, тварь!

Ну все, теперь это надолго. Я даже сценарий знаю примерный. Эта обманутая Лешей дура сейчас вдоволь наорется. Пока она будет изливать свой праведный гнев, колотя руками и ногами по дверной стали, прибегут соседи. В определенном порядке. Сначала придут те, кто живет по бокам от нас. Затем примчатся с двух нижних этажей. Потом причалит степенный семидесятилетний дедок с супругой, который является старостой подъезда. Соседи споются все вместе и будут хором уговаривать бушующую девушку успокоиться. Через какое-то время они все тем же хором начнут орать, чтобы вышел Леша и разобрался со всем этим балаганом. Тот, естественно, не выйдет, и соседи начнут вопить еще громче. Следом подойдет еще пара-другая жильцов подъезда, которым нечем заняться в весенний вечер, и они всем сборищем начнут обсуждать нашу семью. Затем перейдут на личности. Особенно часто от этого страдает мой папа — кем его только не считают: от умственно-неполноценного до идолопоклонника. Через какое-то время несчастная возлюбленная, наслушавшись криков, опять решит, что сможет выбить дверь, и будет ломиться в квартиру. В результате она уйдет лишь ночью. Потом же возможны варианты: кто-то караулит неверного Лешу с утра пораньше, кто-то приходит к двери следующим вечером, не забывая звонить перед этим весь день и угрожать, некоторые оставляют его в покое, понимая, что опозорились, а кое-кто даже просит прощения!

— Тварь, выходи! — рычали на лестничной площадке.

— Здесь нет никакой твари! — опять вежливо закричал папа в ответ.

— Есть! — явно не поверили ему. — Есть! Дома, козел, шифруется! Открывайте! Я ему устрою!

— Не откроем! Мы вас боимся!

— С ума сошел, — возмутился шепотом Леша, который почему-то стоял за шкафом, словно боялся, что старая пассия сможет увидеть через

дверь, — кто тут боится?

— Я боюсь, — так же шепотом пояснил папа. — Такое чувство, что она боксом занималась. Так стучаться — это же уметь надо! Бедная дверка.

— Она и занималась, — хмуро ответил ему младший брат. — И тхэквондо тоже занималась. У нее третий дан, между прочим. И четвертый она получить хочет — как раз лет десять занимается...

Томас только головой покачал.

— Ну, ты нашел, с кем шашни водить. Еще бы чемпиона по боям без правил нашел себе...

— А я и не водил, — заметил меня и Антона Леша. — Я просто... заказ ее не хочу принимать.

— Какой еще заказ? — внимательно глянул Томас на младшего брата. Женщина за дверью опять заорала:

— Откройте! Я его убью сейчас! Выходи, подлый козел!

— Подлый трус, — захихикала Нелька, крутившаяся тут же. — Я теперь тебя так буду звать. Лешенька — кот Леопольд.

— Заказ. Ну? Я же выполняю заказы, — сделал большие глаза Леша и, подмигнув папе, посмотрел на меня.

— Чего ты мне мигаешь? — не понял ничего папа. — Ты на почве этого, — покосился он на дверь, — совсем перестал адекватно воспринимать реальность?

— Соринка в глаз попала, — поджал губы Леша. — И давай об этом в другой раз поговорим? Дети, ну что вы тут стоите? Катя, напои гостя чаем.

— Да мы по вашей милости уже часа полтора чай пьем. И мы не дети.

Дверь тихонько затряслась. Несчастливая влюбленная продолжала отчаянно ругаться.

— Слушай, — посерьезнел Томас, — а она нам дверь не выбьет с этим твоим тхэквондо?

— Не знаю. А тхэквондо вообще-то не мое. Оно, видишь ли, корейское. Национальное.

В это же время женщина за дверью почему-то расхохоталась и завопила:

— К Алексею я пришла, ха-ха-ха! А он боится и не открывает! И я не успокоюсь! Ха-ха-ха-ха! Только вот дверь ему к чертовой матери, вышибу! **<запрещено цензурой>!**

За дверью ей в ответ раздалось невнятное бурчание. Кто-то из соседей уже пришел на крики.

— Семеновна, — глянул в глазок папа.

Семеновна или Татьяна Семеновна, являлась родной бабушкой моей

подружки и соседки Насти. От других старушек отличалась она крайне склочным характером, здоровой комплекцией и умением готовить такие ужасные блюда, что их запах долго не выветривался с нашей общей лестничной площадки. Настя постоянно страдала от родной бабули. Но надо заметить, что ко мне она обычно относилась довольно хорошо, в отличие от прочих своих пенсионерок-соратниц.

— Сейчас они начнут орать вместе, — с явным удовольствием сказала Нелька.

Для нее этот скандал — очередное развлечение, а мне стыдно перед Антоном. Он, конечно, не важный гость, но, согласитесь, не слишком приятно приходить к кому-то домой и становиться участником нелепых семейных сцен.

Как по заказу, Семеновна грянула:

— Чевой ты тут вопишь, как оглашенная! Иди, давай, отседава!

— Я к Алексею! — злобно откликнулась Лешина бывшая. — И не уйду, пока он мне не откроет.

— Да и не откроет он тебе! — загремел голос Семеновны. — Уходи давай!

— Оставьте меня в покое!

— Я те щас оставлю!

Все, кто сейчас находился в прихожей, застыли, как изваяния, и слушали то, что происходило на лестничной клетке, благо что слышимость была хорошей.

— Ступай отсюда, ступай! — поддержала соседку Татьяна Олеговна из тридцать шестой. По непонятным причинам она питала к Леше нежные симпатии и даже защищала перед разъяренными пассиями. — Лешеньки нету, он уехал! Нет его дома, девонька. Сама видела, как он в свою машину сел и уехал с утречка.

— Дома этот мудак сидит! Закрылся! — не поддавалась на развод его бывшая и застучала по двери ногой.

— Вот это силища, — восхищенно прошептал папа, — вот это напор! Вот это женщина!

— Ты ей еще памятник поставь, — буркнул Леша, так и стоявший за своим шкафом.

Тем временем Семеновна при поддержке своей лучшей подружки Фроловны, бабки куда более злобной, и еще пары соседей с одиннадцатого этажа стала популярно объяснять женщине, куда ей стоит пойти, чтобы не мешать честным людям.

— Бабка! — разъярилась не на шутку Лешина бывшая. — Захлопни

уже свой рот! И подавись нотациями!

— Ах ты, грубиянка! Бесстыжая! Убирайся!

— Не уйду, пока он мне не откроет, — очень упрямо произнесла женщина и заорала Леше. — Выходи, урод! Не будь бабой! Откройте!

— Я тебе сейчас сам открою! Чего орешь на весь дом, дура? — раздался зычный бас Олега Сергеевича, соседа с десятого этажа.

Вообще он руководитель одной крупной фирмы. Но выглядит Олег, как бандит из фильмов про бесчинства девяностых. Ну, или как мясник.

Женщина ничуть не смутилась и сказала столько невежливых и матерных слов, что Олег Сергеевич на пару секунд потерял дар речи.

— И где ты такую откопал? — то ли с восхищением, то ли с укором посмотрел Томас на Лешу.

Тот нервно тер щеку с модной трехдневной щетиной. Он ничего не ответил.

— Катя, может, мне уйти? — тихо спросил меня Антон.

Леша услышал и даже подскочил на месте:

— Парень, ты уйти не можешь! Если эта штука, — ткнул дядя в дверь, — откроется, фурия залетит сюда и меня растерзает.

— Из-за заказа? — блеснули за стеклами тонких очков глаза Антона.

Мне показалось, или он умеет иронизировать?

— А, ну да, из-за него самого. Слушай, будь другом — не выходи пока никуда? Ты же ведь не торопишься? — с надеждой спросил Леша.

Антон отрицательно покачал головой.

— Ну, вот и отлично! Посиди пока у нас, еще чаю попьем! Катя тебе покажет детские фотографии или еще чего-нибудь. Кино посмотрите! — преувеличенно бодро воскликнул дядя.

Антон вновь кивнул, только теперь положительно. Интересно, но все-таки смущается, или его забавляет такое вот положение вещей в нашей квартирке?

— Или уединитесь в какой-нибудь комнате, — продолжал родственник.

Папа на него укоряюще посмотрел, но промолчал, а Нелли заявила, что в таком случае будет подглядывать. Пришлось на нее рявкнуть.

Еще минут с десять мы все вместе слушали ругань Лешиной пассии и соседей. Прибывший староста скрипучим голосом призывал всех к спокойствию.

— Какое спокойствие? — визгливо закричала соседка, работавшая учительницей по физике. — Вечер пятницы, между прочим! Мы все пришли домой с работы, и все хотим отдохнуть! А из-за этих Радовых... —

она многозначительно замолчала. Остальные с жаром принялись поддерживать учительницу.

— Господа Радовы, откройте дверь вашей гостье!

— Извините, — сказал папа тут же, — это не ко мне гостья.

— Зато к вашему брату! — выкрикнула какая-то домохозяйка. — Она всему подъезду мешает! Сделайте что-нибудь!

— Я не могу ничего сделать, уважаемые!

— Пусть тогда ваш брат выйдет, — предложил староста.

— Моего брата нет дома! — под яростное пинание двери отозвался Томас. Пассия дяди не прекращала попытки выбить нашу дверь. — Он уехал!

— Он всегда у вас уезжает, когда к нему бабы приходят! — возмутился тут же голос какого-то дедка. — Каждые два месяца одно и то же, одно и то же. Бабы все — дуры! И чего в нем находят? Слюнявый да расфуфыренный!

— Это так про меня? — дрожащим от негодования голосом произнес Леша и заорал было: — Ах ты, старый хры...

Нелька ловко закрыла ему рот рукой.

— Да ты реальный дурак! Чего орешь, ты же не дома! — зашипела она.

От высказывания деда Лешина бывшая девушка вообще пришла в ярость. Кажется, эти слова открыли ей глаза на действительность:

— Так он бабник! Так у него таких, как я, тысячи!

— Ну уж не тысячи, — прошептал усталым тоном Леша. — Тысячи я бы не выдержал. Э-э-э... я хотел сказать, заказов тысячи.

Тем временем на лестничной площадке заголосили еще больше.

— Да эта семейка вообще сумасшедшая! — Тут же подхватил кто-то. — Вы у них коридор видели? А эти картины? Сектанты там живут придурочные.

— Точно, сектанты. Как бы и нас туда не затянули!

— И потопы они нам устраивают постоянно! — взвизгнула вновь учительница.

— Вот же дикий народ, — сокрушенно вздохнул папа, не отлипая от глазка, — не понимают, что такое искусство. И вообще, — развернулся он к нам, — футуристы провозглашали «искусство в массы» еще в далекие двадцатые годы. А народ их не понимал. Прошло почти сто лет. И до сих пор эти массы — отсталые люди! Темный лес! Не понимают сложное искусство. И никогда не поймут.

Пока он разглагольствовал, я прильнула к глазку. Перед самой дверью,

что-то бессвязно выкрикивая, стояла та самая ненормальная. Коротко стриженная блондинка в дорогом коротком пальто кремового цвета с широкими карманами. Кажется, Нинка недавно говорила, что такая верхняя одежда называется «тренчкот» в стиле сороковых годов.

Позади девушки, чье перекошенное от злобы лицо меня даже несколько испугало, стояли многочисленные соседи и бурно обсуждали нашу семью. Девушка перестала бить в ногами дверь, зато вновь принялась звонить.

— Иттай!^[9] Как громко! — сестра прикрыла уши руками. — Может, звонок перегорит и станет тихо?

— Тихо не станет до ночи, — возразил папа. — Давайте сделаем так — я перережу проводочки одни, и звонок сам собой... отключится.

— И никогда больше не включится, — добавила я и пояснила ничего не понимающему Антону: — У папы уникальные руки. Он может сломать все что угодно. Но вот сделать это потом крайне сложно.

— Нет уж, перережь свои проводочки. Этот трезвон меня заколебал! Сумасшедшая какая-то! — потребовал Леша, забыв, что именно он «виновник торжества».

— Откройте ей дверь! — музыкально проскандировали нам соседи.

— Открывай, зараза! — обрадовалась поддержке бывшая пассия. Теперь она билась в дверь всем телом.

— Ну не сможет же хрупкая женщина действительно стальную дверь выбить? — внимательно оглядел нас Томас.

Ответом ему было молчание.

В результате поступили так: папа все-таки лишил звонок электрического питания, и в квартире стало относительно тихо. Потом все мы переместились обратно на кухню, тщательно захлопнув дверь в нее, чтобы не слышать назойливые крики. Изредка папа ходил и проверял, все ли в порядке с дверью. Часу в двенадцатом бешеная девушка стала менее активной, да и почти все соседи разошлись по домам. Леша уговорил изрядно повеселившегося Антона остаться ночевать у нас. Тот, к моему ужасу, согласился. Знала бы Нина, что моя квартира стала приютом для ее несчастного поклонника! Почему-то представилась картинка, как подруга сидит дома, а к ее двери прорывается Антон и начинает ей орать, чтобы она вышла. Я тихо засмеялась.

Вот уж уморительная ситуация была бы!

— Сама с собой смеется уже, — произнесла над моим ухом Нелли, — вот видишь, до чего твои женщины со своими скандалами довели мою сестру, Лешка?

— Это моя клиентка, — показал ей украдкой кулак дядя.

— При чем тут твоя клиентка? — вновь поинтересовался папа.

Леша не выдержав схватил брата за плечо и выволок его из кухни сказав, что «надо поговорить бы».

Я не выдержала и под шумок выбежала вслед за ними (в это время Нелька терроризировала Антона какими-то расспросами). В коридоре, под уже слабеющие стуки в дверь, Алексей выговаривал папе:

— Ну почему ты не понимаешь! — змеем шипел он. — Я не хочу подавать плохой пример этому ее Антону! Я постоянно расстаюсь с женщинами и частенько по их вине попадаю в такие дурацкие положения. Но не хочу, чтобы этот чувак бросил твою драгоценную дочку! Она будет ходить сама не своя, ныть и действовать мне на нервы.

Я заулыбалась над словом «чувак». Меньше всего Антон походил на «чувака». Дядя бы его еще «крутым перцем» назвал!

— Почему он должен бросать мою дочку? — заволновался Томас, — он очень хороший. И в искусстве разбирается прекрасно. Отличный парень! С чего ты решил, что он с тебя пример будет брать?

— Ну как же? Парни помладше всегда берут с меня пример. Я не хочу, чтобы этот Каткин Антон думал, что я бабник. Начнет повторять за мной. Я ведь идеал мужчины, — хвастливо заявил Леша, на что папа заливисто расхохотался. Его младший брат обиженно закашлялся.

Я вернулась на кухню ровно за минуту до них.

— Ты уж извини, сынок, — подсел папа к Антону, который, кажется, не был огорчен тем, что его едва ли не насильно заставили ночевать в нашем доме, — что так получилось! Но мы очень тебе рады! Раньше Катя не водила домой мальчиков.

— Папа все ждал, когда приведет! — радостно поделилась с Антоном сестра под моим грозным взглядом. — Он уже думал, Катка старой девой будет.

— Что ты мелешь? — рассердилась я.

— Не стесняйся! — подмигнул почему-то мне папа. — Антоша, будь как дома! С Катенькой тебе не получится уснуть, вам будет мешать Нелли, я, пожалуй, постелю тебе в своей комнате....

— И тогда ты никогда не уснешь, парень. Советую спать в комнате Эдгара. Там удобный диван, — скороговоркой вставил Леша. — Комната нашего художника выглядит еще хуже коридора.

— Мне нравится стиль Томаса. Иногда мне кажется, что это смесь неоромантизма, натурализма и невероятного постмодерна, — улыбнулся Антон, и папа даже в ладоши захлопал — так ему понравились слова

парня.

А Нелли предложила поиграть в настольную ролевую игру «Корона Эмбера». Эту штуку подарила нам бабушка лет эдак десять назад, и сначала никто из Радовых не мог врубиться в правила игры по мотивам известного произведения Роджера Желязны «Янтарные Хроники». Однако потом, выучив их, мы могли целыми вечерами зависать над «Короной», расположившись за кухонным столом, выбрав одного из фэнтези-персонажей. У каждого из них были свои особенности, кидая игровой кубик и проходя задания, забывшись, что мы не в волшебном мире Желязны, а в обычной блочной двенадцатэтажке.

Обычно я выбирала себе карту наемника «Ниндзя» и была одной из лучших. Папа предпочитал быть «Звездочетом» — как и сегодня, — или «Безумным ученым», Алексей и Нелли постоянством не отличались — они успели перебрать едва ли не всех героев «Короны Эмбера», а сейчас остановились на «Эльф» и «Амазонке».

Антон, не слишком долго думая, стал «Оборотнем» — его выбор меня изрядно повеселил. А Эдгар, выползший к нам вновь, превратился в «Инопланетянина». Кстати, если с нами играла Нинка, то непременно становилась «Королевой ведьм».

— Три добрых, два злых и один нейтральный герой, — провозгласил папа, раскладывая карточки. — А злые у нас Катрина и Антон. Эх, парочка... Друг мой, — обратился он к нашему гостю, — она обычно впереди всех...

Но в этот вечер мне в игре совершенно не везло. Я злилась, пыталась даже мухлевать, но неизменно оставалась последней. В конце концов папа сказал мне с явным намеком:

— Не везет в картах или в другой любой игре — повезет в любви. Я прав, ребята?

«Ребята» дружно промолчали. Только сестра, по обыкновению, захихикала, но я легонько лягнула ее ногой, и она замолчала.

Вскоре, когда за окном стояла совсем уже непроглядная темень, все улеглись. Я слышала в нашей с Нелькой комнате, как папа что-то рассказывает Антону об искусстве и о своем к нему специфическом отношении. Тот изредка что-то спрашивал, и тогда Томас вновь отвечал ему целой тирадой.

Иногда притаившаяся за дверью фурия скребла по ней когтями и что-то вяло орала. Еще реже раздавались тихие победные вопли брата, проходившего очередную игрушку.

В довершение всего на улице громко лаяли собаки и ездили туда-сюда

две машины с нетрезвыми водителями, которые включили на полную громкость заводную клубную мелодию.

Под такой букет звуков я и уснула, надеясь, что завтра все в нашем доме нормализуется.

Но и следующее утро спокойным я назвать не смогла. И в этом была виновата Нинка, пришедшая с утра пораньше в гости. Сегодняшний день был для нее особенным — именно сегодня моя полубезумная подруга хотела «зачаровать» несчастного Кея по методу экстрасенса Альбины. Потому что концерт «На краю» должен был быть сегодня.

Я встала поздно, часов в одиннадцать. И проснулась из-за того, что в комнату через тонкую щелку между дверью и полом проник ароматный запах чего-то свежееиспеченного и вкусного.

— Нелли, что там готовят? — пробормотала я, отбрасывая одеяло.

Ответом мне было молчание. Как оказалось, сестра уже встала, и ее громкий писклявый голос слышался то ли на кухне, то ли в комнате у брата.

Нет, скорее всего она вертится на кухне — еще бы, там что-то варят! Где вкусная еда, там и Нелька. И Нинка такая же.

Зевая, я встала, нащарила босыми ногами тапочки, и, продолжая все так же сладко зевать, широко открывая рот, направилась к дверям. Когда моя рука уже потянулась к ручке двери, я сама себе сказала:

— Стоп!

У нас же гость. Глупый Антон, который вчера чуть не бросился под машину. Уж не знаю, хочет ли он вновь повторить свой подвиг и будем ли мы общаться в дальнейшем, но перед ним я что-то не горю желанием появляться в длинной белой ночной рубашке, расшитой мелкими розочками, спутанными волосами и сонным лицом с опухшими со сна глазами.

Вот же досадно-то как. Теперь в своем собственном доме мне придется приводить себя в порядок ранним (ну пусть не очень ранним) субботним утром.

Я переоделась, расчесалась и сделала хвостик. Подумала и помазала под глазами специальным гелем против темных кругов.

— И где здесь «моментальное действие»? — скептически поинтересовалась я у своего отражения. Оно, естественно, промолчало.

— Доброе утро, — безрадостно сказала я, придя наконец в любимое место сбора всей нашей семьи.

В кухне собрались все, за исключением моего брата, который, судя по всему, еще отсыпался в своей комнате после утомительных ночных

похождений в очередной игре.

— Охаё годзаймас,^[10] — сказала Нелька, прожевывая большущий кусок румяного блина. На столе их высилась целая горка. На самом верхнем блинчике сиротливо плавился желтый кусочек масла.

Папа, что-то взахлеб рассказывая Антону, сидевшему тут же, про «тенденции постмодерна» и интертекстуальность, только махнул головой. Светловолосый парень улыбнулся и сказал едва слышно:

— Доброе утро.

Леша мне хмуро кивнул. Наверняка это он тут готовил с утра пораньше. У Томаса, как я говорила, руки не предназначены для готовки, а мы с сестрой, как истинные дети своего отца, унаследовали этот папин талант. Только Леша почитался в нашей семье за шеф-повара.

— Молчит твоя... заказчица?

— Молчит, — ответил тот. — Она теперь вообще уехала в Москву. Чему я, собственно, и рад безмерно.

— Откуда ты знаешь? — села я рядом с ним.

— Вот знаю. Эта стерва, что тут вчера всех соседей на уши поставила, сегодня улетает. Мне нужно было переждать только один день.

Я шепотом поинтересовалась у него:

— А зачем ты ее бросил за один день до ее отлета? Подождать не мог? Тогда бы и скандала не было.

— А я ее и не бросал. Она меня в ресторане увидела с другой девушкой. И понеслось... Слушай, какая тебе разница? Ты вообще еще маленькая. Сиди и ешь. Ах ты, черт! Ни минуты покоя! — услышал он, как зазвонил его сотовый телефон, лежавший на холодильнике.

Леша схватил его и умчался в свою комнату разговаривать.

— Папа, — повернулась я к болтающему без умолку Томасу, — ты уже Антону своими разговорами голову расплавил.

— Ничего подобного! — запротестовал тот. — Мы культурно общаемся.

— Ты культурно выносишь ему мозги.

— И что ты за человек такой злой? Вот Ниночка, между прочим, очень добрый и отзывчивый человек. А ты со мной спорить готова до бесконечности!

Ну, папа, ну зачем при этом малахольном ее постоянно упоминать, а?

Я посмотрела на Антона — он слегка закусил губу и разглядывал пол, и я не могла понять, какие эмоции скрывает его лицо. Но я бы лично не выдержала столько упоминаний о том, кто тебе нравился и доставил тебе столько неприятных воспоминаний. Это милое чучело еще ничего —

крепится, однако.

А Нинка, не подозревающая о том, какой в моем доме сейчас находится гость, была в своем репертуаре — появилась в тот момент, когда ее вспомнили, словно она отождествляла собой одну очень и очень известную поговорку.

Этим солнечным и теплым утром подруга пришла так внезапно, что напугала меня едва ли не до икоты.

Сначала был просто едва слышный стук в дверь, настойчивый и короткий. Затем удары стали громче и громче.

Потом папина просьба открыть дверь, но «обязательно посмотреть в глазок, а то вдруг это вчерашняя сумасшедшая?».

А следом и сам глазок. Едва глянув в него, я увидела подругу, смотрящую куда-то в сторону. Она ждала, когда ей откроют дверь. Журавль, вероятно, сначала долго звонила, а потом, поняв, что звонок не работает, принялась стучать.

Нинка не простит мне такого вероломного предательства — того, что я приютила Антона, отшитою ею как непригодного для свиданий и прочих отношений. Вот же, блин, делай людям добро! Права пословица о том, что все благие помыслы ведут в ад, как же она верна.

С самой своей большой скоростью я бросилась обратно на кухню. Папа как раз с важным видом засовывал в рот очередной блин, только что побывавший в сметане.

— Помоги мне! — прокричала я.

От неожиданности Томас едва не подавился.

— Ты... ты чего? Что там такое? Ты почему дверь не открыла, Катрина?

— Ты! — ткнула я пальцем в удивленного Антона. — Иди сюда!

Предусмотрительно схватив его за рукав, а не за руку (вдруг мне понравится держать его за запястье?), я едва ли не вытащила его из кухни и приволокла к дверям папиной комнаты.

— Антон, умоляю, иди туда и сиди там, пока она не уйдет!

— Ты что? Кто не уйдет? — произнес он озадаченно.

— Нинка! Она пришла! Если она сейчас тебя тут увидит, мы с ней крупно поссоримся. Пожалуйста, ну посиди в той комнате, я очень прошу! Я все, что тебе угодно, сделаю.

Он пожал плечами, обтянутыми все той же белой водолазкой, и покорно шагнул в папину спальню и зал по совместительству. А Нинка продолжала стучаться.

— Кто там к нам ломится, точнее, в гости хочет? — вышел в коридор

Томас. Следом за ним выскочила Нелька, измазанная в сметане. Кажется, они оба подумали, что вернулась вчерашняя Лешина пассия, и морально готовились к длительной осаде.

— Пап, Нелли, — жалобно произнесла я, — там Нина.

— Ниночка! Пригласи ее с нами позавтракать, — обрадовался папа. Конечно же, он ничего не понимал.

— Иди уже, открывай. А то она подумает, что никого нет дома, и уйдет, — добавила Нелли и сама хотела, было, броситься к двери, но я ее перехватила.

— Стойте! Не говорите Нинке, что у нас Антон! — взмолилась я, оглядываясь на дверь. Нинка упрямая — знает, что все дома, и поэтому долбиться не перестанет.

— Это еще почему? — удивился папа.

— Да, почему? Ты что, у нее Антона увела? — раскрыла рот Нелли. — Вот это па-а-а-арень! Роковой, блин!!

— Да никого я не уводила! Мы с ним вообще просто одноклассники! — замахала я руками. — Прошу вас как ближайших родственников не говорите ей об Антоне, а он пока вообще спрятался по моей просьбе.

— Как у вас все серьезно. Ты нехорошо поступаешь с лучшей подругой, Катрина. И вообще я не привык врать, — жеманно отозвался родитель.

Я от злости побледнела.

— Если ты не сделаешь, что я прошу, — медленно произнесла я, подходя ближе к ним, — то Леша узнает, кто разбил его хрустальную награду прошлогодней дизайнерской премии. И он перестанет думать, что это был соседский кот, забежавший к нам в квартиру.

— Ну ладно, ладно! — мигом согласился Томас. Ему, наверное, вспомнилось злое выражение глаз младшего брата, который узнал, что награда, дорогая его сердцу, превратилась в тысячи осколков. — Я ничего не скажу ей про твоего друга, дочурка ты моя вымогательская.

— А я скажу! — заявила Нелли.

— Если ты моя сестра — не скажешь!

— Скажу! Или давай мне пятьсот рублей. Я новую мангу купить хочу.

Я подозрительно сощурилась:

— А не много ли?

— В самый раз. Тем более я видела, у тебя в тайнике как раз столько и есть.

— Ну, хорошо! Договорились, — прошипела я, прожгла Томаса и

сестру нехорошим взглядом и наконец открыла дверь.

Нинка за ней стояла крайне злая.

— Ты что, двигаться разучилась и слух потеряла, твою ма.... Ой, здравствуйте, Томас, привет, Нелли! — подруга заметила в коридоре других представителей семьи Радовых.

— А у нас, Ниночка, вчера звонок сломался, — улыбнулся ей папа, словно извиняясь, что девушке долго не открывали дверь, и тут же позвал на кухню.

Я точно знала, что подруга только что позавтракала (у нее правило — не выходить из дома голодной), но она все равно согласилась и пошла следом за отцом, расспрашивая об его творческих планах. Тот разразился едва ли не целой лекцией, но мы с Нелькой кое-как его заткнули. И на битых полчаса мы застряли в кухне.

Сначала папа расспрашивал Нину о родителях, здоровье и учебе. Потом плавно перевел тему разговора на новую свою городскую экспозицию. Нинка клятвенно обещала сходить на нее, папа радовался, Нелли изредка встревала в разговор и что-то спрашивала у Нинки. Та умудрялась общаться и с отцом, и с дочерью, и еще кивала мне многозначительно, что, мол, сегодня день Икс!

А я сидела и дергала ногой под столом. Как там этот растяпа? Не выдаст своего присутствия? Чем он занимается? Не решит ли покончить со своей жизнью в моем собственном доме или все же постесняется?

Нинка заметила мою нервозность и, конечно же, спросила приторным голоском:

— Катенька, у тебя что, приступ трясучки случился?

— Да, Ниночка, нервишки ни к черту, — таким же тоном ответила я ей.

Подруга пнула меня под столом, я ей тут же ответила. Это заметил папа и возмутился:

— Как ты себя ведешь с гостями? Как тебе только не стыдно!

Я очень тяжело вздохнула и под ироничным взглядом Нинкиных голубых глаз отвернулась к окну. За ним ласково светило солнце, наполовину высунувшееся из-за высоких домов. Ни ветра, ни дождя. Прекрасный солнечный весенний день. Погулять бы сейчас. Сходить бы на набережную или в парк...

— Привет, Нина! — вошел на кухню наговорившийся по телефону Леша. — С каждым днем ты становишься все красивее и красивее!

— Ну что ты, Леша! Это ты очень модно выглядишь даже дома.

— Ну что ты... Мне положено так выглядеть. А ты еще не собралась

стать моделью? Если что, ты знаешь — я смогу устроить тебе хорошую протекцию.

— Нет, спасибо, — отвечала, смеясь, подруга. — Но если я все-таки решусь на это, тогда опыта я буду набираться у тебя.

Дядя польщенно улыбнулся, оглянулся и сказал фразу, которую я очень сильно боялась услышать:

— А где Антон?

Мы втроем переглянулись. Это не укрылось от Нины.

— Хэ? Какой Антон? — глупо улыбаясь, спросила Нелли.

— Ну, не придируйся. Он отошел? Или вообще ушел домой? Я кое о чем с ним хотел бы побеседовать.

— Леша, Антон уже ушел домой, — сказал папа, постукивая по столу пальцами, — он так всегда делает, когда нервничает.

— Да? — протянул его младший брат. — А я думал, он с Катькой своей посидит, а то мы его вчера...

— Антона нет! — заглушая голос Леша, произнес папа поспешно.

Нинка заинтересованно спросила:

— Что за Антон?

— Ты не знаешь Антона? — рассмеялся дядя. — А я думал, Катя тебе первым делом о нем рассказала. Девчонки насчет своих мальчиков всегда сначала подру....

Нельке было жаль терять халявные пятьсот рублей, поэтому она звилась со своего стула и закричала, перебивая дядю:

— Смотрите, птица залетела! Ой какая птица странная!

Все мигом начали оглядываться, даже я.

— Где птица? Какая птица? — заговорили находившиеся в кухне одновременно и завертели головами.

Сестра сделала мне большие глаза и перевела взгляд на дядю, который тоже изумленно оглядывал то едва приоткрытое окно, то потолок.

— Вон, вон! Под потолком! — поддержала сестру я.

— Да где же? — удивлялся Томас. Пока он пытался вместе с Нинкой увидеть мифическую птичку, я прошептала на ухо Леше:

— Не говори Нинке ничего про Антона! Она не должна знать! Я тебя умоляю!

В отличие от папы и сестры тот не стал выделяться. Как-никак Алексей и сам частенько попадал в экстренные ситуации, связанные с взаимоотношениями и всяческими там любовными треугольниками. Он понял меня с полуслова и ничего не сказал. Только кивнул мне коротко.

— Я вас разыграла! — в этот момент заявила Нелли. — А вы

поверили, ха-ха-ха!

— Ты что, манеры у старшей сестры переняла? — с укоризной взглянул на нее Томас. — Нина, хоть ты научи этих двух дурочек правилам поведения.

Та молча согласилась, а потом опять спросила:

— Ну, так кто такой Антон? Мне так интересно. Чего ты мне, Катечка, ничего про Антона не рассказывала?

Вот же любопытная девица! Наверняка в прошлой своей реинкарнации она была безносой Варварой. Да-да, той самой, с базара.

— Это мой друг вчера приходил, — нашелся Леша. — Пришел к нам в гости и, представляешь, стал заигрывать с нашей Катькой!

— Во-о-от как? — подняла на меня выразительный взгляд подруга. — Кать, и как он тебе?

— Ничего так, — тихо ответила я. — Нормальный.

— Просто нормальный, и все? — не отставала она.

У Нинки иногда появляется мания — найти мне молодого человека, как будто я сама не в состоянии этого сделать.

— А человек может быть не просто нормальным? — раздраженно ответила я, не зная, что сказать.

— Этот Антон приехал из Москвы, — самозабвенно начал врать дядя, — мы были с ним в Питере на одних и тех же семинарах по дизайнерскому делу. В наш город он прибыл по делам и решил заглянуть ко мне. И кто бы мог подумать, что ему наша Катюша приглянется, — и он опять засмеялся.

Было видно, что Нинку буквально разрывает на части от любопытства:

— А как он выглядит-то? Надо же, Катя, как тебе повезло! Расскажите, какой он?

— Ей очень повезло! — заявила Нелли, не скрывая улыбки на лице. — Он просто каккоии!^[11]

— Он блондин, — начал Алексей, но под моим строгим взглядом осекся, — блондин с очень модной прической, выразительными глазами цвета стали. И фигура у него отличная. Подтянутый и симпатичный — я сразу вижу красивых людей. У него особенный шарм.

— И татуировка у него отпадная на плече и на спине! — вставила Нелли зачем-то, веселясь. — И крутые серьги в ушах.

— Очень стильный парень. Одевается только в фирменную одежду. У него прекрасный вкус. Он же бывшая модель, как и я, — продолжал бессовестный Леша. — А это говорит о многом.

Я чуть было сама не засмеялась. Нелка закрыла рот, чтобы не

расхохотаться в голос, даже папа улыбался. А глаза Нинки раскрывались все шире и шире.

— Кать, ну тебе повезло! А характер у него какой?

Леша опять открыл рот и поведал:

— Очень веселый парень, приветливый. Душа компании, — не моргнув глазом, соврал опять Леша. — Ниночка, ты не поверишь, у него такая харизма, что вокруг него всегда находятся люди! И очень много женщин.

— На гитаре играет, — опять вставила Нелли бессовестно. — И поет красиво!

— И к тому же умный. Два высших образования, Ниночка! И родители — обеспеченные люди, — неизвестно зачем добавил папа.

Нинка не сводила с меня восхищенных глаз:

— И ты молчала? Катя, я думала, ты мне все секреты рассказываешь!

— Так я не успела, — еще тише отозвалась я, — он же только вчера приходил. И вчера я его впервые и увидела... Хотела сегодня тебе рассказать...

— По смс бы хоть похвасталась! — не унималась Нинка.

— А у меня денег нет на телефоне....

— Понятно, — задумчиво произнесла подруга, а папа поспешно добавил:

— Жаль, что ты не увидела этого чудесного молодого человека, Ниночка. Он ушел буквально час назад.

— Так он все-таки ушел! — воскликнул Леша. — Вы мне бы раньше сказали! Теперь мы с ним только в Москве и увидимся. У него же сегодня рейс домой.

— То есть я его не увижу? — расстроено произнесла Нинка, и все мы одновременно покачали головами.

— Ой, жалко... А как он к тебе клеился-то?

— Это я тебе не при них расскажу, — ответила ей я. — И они вообще все выдумали, просто дразнят меня.

— Нет, Катька ему так понравилась, что он с ней встречаться хотел! — гнул свою линию дядя.

Подруга задумчиво произнесла:

— Значит, он к ней еще приедет? Так получается?

— Нет, — вставил папа, — я запретил им встречаться! Сказал, что они по возрасту друг другу не подходят. И он бабник страшный, хуже него, — кивнул на брата Томас.

Тот кисло покачал головой.

Дверь скрипнула. Кого там еще принесло?

— При-вет, — раздался механический голос сонного брата, который тоже соизволил встать с кровати. — Еда, — наткнулся его взгляд на заставленный стол.

— Садись, сынок, кушай, — заботливо похлопал по спинке стула Томас.

Эдгар сел.

— Опять всю ночь за своим белым железным другом просидел. Эд, ты так растеряешь все свои молодые годы! Тебе за девушками надо ухаживать, а не жить виртуальной жизнью, — покровительственно произнес Леша, считающий, что он сам живет полной и насыщенной событиями жизнью.

— Вот именно, — сказал папа. — Компьютер — это, конечно, хорошо. Но ведь и другими делами надо заниматься! Вот, например, на природу съездить. Или в кино сходить. Или на выставку.

— На твою, наверное, — заржал дядя.

— Отстаньте, — пробурчал Эдгар. — Налейте мне кто-нибудь лучше молока.

— Обслуги нет. Наливай сам, — тут же ответил Леша.

— А где ее друг? — спросил вдруг старший брат, увидев меня. — Он так классно в стратегиях разбирается, хоть с ним нормально поговорить можно. Не то что вы, лузеры.

— Ты имеешь в виду Антона? — преувеличенно ласково спросил папа.

— Ага, его. Этого парня в очках Антоном звали? — повернулся брат ко мне. Я машинально кивнула.

Леша тревожно глянул на Нинку, которая не слышала ничего о том, что у моего лже-поклонника плохое зрение.

— Знаете, — воскликнул он, — сейчас очень модно носить очки в яркой оправе! Самый писк. Так что плохое зрение тоже может быть... личной стильной фишкой.

— Пусть одежду мою не возвращает, — не слыша его, продолжал Эдгар, которого я готова была убить.

— А зачем ему его одежда? — заинтересовалась опять Нинка. — Он же модный парень? А Эдгар... — Она подозрительно на меня уставилась.

— Антон любит из старой одежды делать шедевры моды. Я ему кое-что из Эдгарова скудного гардероба отдал, — нашелся дядя.

Они еще несколько минут поморочили голову Нинке, долго рассказывали про посещение вчерашней Лешиной бывшей, и только потом мы вместе с ней удалились в мою комнату.

— Ну, вы чудите, — весело сказала она, — с утра настроение подняли.

— А тебе чего не спится-то? Чего так рано пришла? — мое настроение было намного ниже плинтуса. Не дай Боже, эта сумасшедшая узнает про Антона. Какой скандал она устроит!

— Радовалась бы гостям, балда. А я тебе...

Договорить ей помешала Нелька, вбежавшая в комнату. Не обращая на нас внимания, она под села к нашему общему компьютеру и запустила его.

— Сейчас в «Симс-3» поиграю! — поведала она нам. — Я там боев из «Ред Лордс» создала... Ух, оторвусь!

Видно было, что Нинка не хочет говорить при любопытной Нелли. Поэтому она прошептала мне на ухо:

— Выйдем, — и встала с дивана.

В коридоре она огляделась. На кухне болтал по телефону папа, в своей комнате слушал музыку Леша. Эдгар опять прирос к компьютеру, и из его комнаты слышался бешеный стук клавиш.

— Все занято. Что за люди. Пошли сюда, — к моему ужасу, подруга вошла в комнату папы.

— Стой! — крикнула ей я, но было поздно.

Нинка оказалась в том же месте, в котором прятался Антон. Я зажмурилась. Сейчас подруга зайдет туда и счастливо увидит Тропинина. Тогда она точно поймет, что тут шикарным модным блондином с татуировкой даже и не пахнет. Обидится.

Я простояла так секунду, две, три, а Нинка все не орала. Я открыла глаза и несмело шагнула в папину комнату. Антона нигде не было. А Нина сидела на широком мягком полукруге, который заменял и кровать, и диван. Я с опаской уселась на второй такой же полукруг и притянула к себе подушку в форме головы монстра. Все здесь было выдержано в черных или белых тонах: и обои, и ковер, и эти круги, на которых мы сидели. Одна из стен полностью являлась зеркальной. Большое окно закрывали черные непрозрачные рольшторы, расписанные баллончиком. Потолок тоже был расписан и разукрашен. Частые папины гости постарались над этим. Более-менее нормальной мебелью в этом месте, которое было увешано папиными работами, можно было назвать высокий шкаф, который достался ему еще от прадедушки. Отреставрированный шкаф, расписанный бело-черной вязью, стоял в дальнем углу напротив нас. Это было единственное место во всей комнате, куда мог укрыться Антон. Глядя туда, я нервно сглотнула. Хорошо, что этот тормоз хотя бы догадался спрятаться...

— Какая ты странная, — внимательно поглядела на меня подруга.

— Нормальная я. Просто не выспалась.

— Ну смотри мне. Три тысячи демонов! Ну и мерзость! — захохотала

Нинка.

— Где?

— Да везде! Как твой папан здесь только живет? — уставилась на огромную картину без рамы Нинка.

С полотна на нее смотрела выпученными жуткими глазами жаба с женскими волосами цвета расплавленного золота. Вокруг жабы весело порхала пара десятков миниатюрных эльфов с гранатометами в руках.

— Лучше бы спросила, как мой папа все это рисует! — хмыкнула я в ответ. — Это, между прочим, картина под названием «Идеал красоты эллипса».

— Если только эллипса... — с отвращением разглядывая жабу, проговорила блондинка. — Так, вернемся к делу. Почему я сюда пришла так рано? Я хотела сообщить, что ты идешь сегодня со мной.

— Куда? — глупо переспросила я.

— На концерт моих лапулек. Группы «На краю». Можно подумать, ты не знаешь, куда я сегодня вечером собираюсь, — раздраженно ответила подруга.

— Зачем? — не понимала я.

— Мне помогать.

— Но у меня нет билета!

— А тебе он и не потребуется, — как-то странно усмехнулась Нинка.

— Почему? Ты что задумала? — почувствовала я что-то нехорошее, глядя на сияющее чем-то действительно демоническим лицом Нинки.

— Та-дам! — пропела она и, как фокусник, вытащила откуда-то маленькую пластиковую карточку.

— Это что? — удивилась я.

— Это что? — пискляво передразнила меня подруга. — Это твой пропуск, журналист Радова.

— Чего? Какой журналист? Совсем со своим Сеточкиным рехнулась?

— Ты журналист нашей университетской газеты, милочка, — с победоносным видом ответила Нинка. — Пойдешь в клуб вместе со мной. Будем вдвоем брать интервью.

Я даже на ноги вскочила и повысила голос, забыв, что в шкафу засел мой гость.

— Никуда я не пойду! С чего ты это взяла? Совсем уже у тебя ум высох!

— Ты не можешь так со мной поступить! — в голосе подруги зазвенели слезы.

Тут Нинка стала использовать свой любимый прием — слезное

выпрашивание. Он безотказно действовал на всех, включая ее железобетонного папочку.

— Катечка, ну, пожалуйста, ты должна будешь мне помочь приворожить Кея! Милая моя, прошу! Ты же моя лучшая подруга!

— И единственная, — вставила я, хмурясь. Сейчас Антон это услышит и примет меня за психопатку.

— Вот именно! Мне не у кого больше попросить помощи! Ну, хочешь, я на колени встану?

— Не надо! — испугалась я.

— Нет, я встану, и пусть тебе будет стыдно, что ты не хочешь помогать своей лучшей подруге, которая может положиться только на тебя! — и она с мольбой заглянула мне в глаза.

— Может быть, я хочу быть фотожурналистом, — заочевряжилась я. Фотография была тем самым искусством, которое вызывало во моем сердце наибольший отклик. Когда-то я даже мечтала, что буду фотографом, и занималась этим.

— Ты камеру до сих пор себе сделать не можешь, — пробубнила Нинка. — Издеваешься, что ли? Фотожурналист, блин.

— Есть немного, — захихикала я.

— Катя! — заныла подруга. — Ну, Катечка, пожалуйста, прошу! Я правда на колени встану!

Через пять минут я была готова. Нет, я не умерла, а всего лишь, скрепя сердце, согласилась. Нинка кого угодно достанет!

— Ладно, я пойду с тобой, — сквозь зубы проговорила я. — Но это в последний раз ты втягиваешь меня в свои сомнительные авантюры.

Нинка тут же бросилась мне на шею, хотя ни я, ни она особенно не любим прикосновений или объятий.

— Спасибо! Спасибо! Катринка моя, я так и знала, что ты мне поможешь! — радостно завопила она. — И я приворожу Кея!

Нет, действительно, представляю, что там о ней бедняга Антон думает...

— Ори тише, не надо, чтобы об этом кто-нибудь знал. Да никого ты не сможешь приворожить, глупая ты моя подруга! Эта Альбина шарлатанка, которая дерет деньги с людей! — попыталась я ее вразумить. Но какое там. Это то же самое, что попытаться остановить движение поезда голыми руками.

— Ой, все пройдет отлично! Главное, что ты мне поможешь! Кстати, вот! — достала она из своей гигантской сумочки цвета морской волны пластиковый пакет. — Это тебе на хранение.

— Что это? — опасливо покосилась я на сверток и осторожно его потрогала. Мало ли что Нинка вздумает мне на хранение принести?

— Это атрибутика, которую дала Альбина. Понимаешь, эта скотина...

— Какая скотина? — не поняла я.

— Сестра моя, какая-какая! В общем, эта дура Ирка залезла в мой стол и чуть не нашла там пакет с магическими штучками от Альбины. Я едва выкрутилась, сказала, что это твое.

— Мое? — сощурилась я. Вечно она все на меня спихивает. Однажды в седьмом классе Нинка увлеклась пошлым занятием — рисовала уродливых человечков с длиннющими носами, капающей слюной и огромными бородавками, подписывая их именами одноклассников и учителей. Человечки были не только страшные, но и голые. Подруга тогда листов десять накропала рисуночков в стиле «безобразное ню» и очень этим гордилась. Через пару дней ее мама нечаянно нашла эти рисунки. Чтобы избежать наказания, эта сумасбродка свалила вину на меня и еще на одну одноклассницу, с которой мы тогда общались. Правда, об этом я узнала только спустя пару лет...

А подруга тем временам продолжала:

— Поэтому, я даю тебе его на хранение. Если сестрица найдет, то все матери доложит или отцу, а с ним мне отношения выяснять неохота.

Подруга всучила мне пакет со словами:

— И смотри, не забудь его взять. Я к тебе в пять часов заеду на такси. Мы вместе поедem на пресс-конференцию моей милой группы.

Я вздохнула. Нинка принялась кружиться по комнате в обнимку с подушкой-чудовищем, которую она нагло забрала у меня.

— Кей будет мой! Кей будет мой! И все вокруг от зависти сойдут с ума! Кей будет мой, он будет мой! Я буду им владеть одна! — фальшиво запела она под какую-то знакомую мелодию.

— Успокойся, — опасливо посмотрела я на шкаф. Вдруг этому чудику нехорошо там стало от ее воплей?

— Я выполню этот гребаный ритуал, — уселась со всего размаху рядом со мной подруга, — и Кей влюбится в меня. Я буду самой счастливой! Главное, чтобы увидеть его после ритуала...

— Нин, но даже если и произойдет чудо — а я в этом сильно сомневаюсь, — будет ли такая любовь настоящей? — вдруг спросила я.

А действительно? Человек, которого заставили искусственно почувствовать симпатию и привязанность, не может любить по-настоящему, всем сердцем. Ведь он всего лишь будет подчиняться чьей-то, неведомой ему воле. Разве подчинение — это и есть искренность и

настоящая любовь? Ну, если, конечно, отбросить любителей садомазо... то нет.

— Что за глупости, дорогая моя подруга? Ты сегодня ну очень странная. Температуры нет? — приложила холодную ладонь к моему лбу Нина, услышав мои рассуждения. — Вроде нет. Хм. Все в порядке, а всякую чушь несешь.

— Но это не чушь! Это же... а, ладно. Это уже не мое дело. Не я всяких там Кеев буду привораживать.

— Вот именно, Катерина! Я к тебе всего лишь прикоснулась, а уже передала часть своего здравомыслия!

— Или глупости. Ее ты мне точно давно передала, раз я тебе в твоих бесконечных авантюрах помогаю и во всем потакаю тебе!

— Я вовсе не глупостями занимаюсь, — отрезала Нинка.

— А как, по-твоему, твои прихоти называются? — ехидным тоном спросила я. — То ты вдруг захотела приворожить певца. То тебе вдруг надо купить телескоп, чтобы наблюдать за жильцами дома напротив. То тебе крайне необходимо кого-нибудь на публике унижить! То подставить преподавателя! Следующим что будет? В космос полететь?

Она вдруг вспыхнула:

— Ну, знаешь ли! Если бы не я, ты бы в своей комнате засела, как твой компьютерный червь Эдгар, и вообще ни чем не занималась! Предавалась бы, наверное, своей вселенской тоске! Я тебя развлекаю как могу. Я тебя, милочка, стараюсь повсюду таскать, чтобы ты не чахла, роясь в своих бесконечных воспоминаниях!

— Не роюсь я ни в каких воспоминаниях! — разозлилась я и отвернулась.

— А то я не знаю! Ты только и делаешь, что копаешься, копаешься, копаешься в себе! Надо жить, а не существовать! С тех пор прошло целых четыре года, а ты... — Нинка замолчала, — ладно, проехали.

— Не думай, что я безнадежная идиотка, — холодно отчеканила я, хотя вообще редко злилась на Журавлика. — И я стараюсь жить. И, заметь, пока еще не сдохла: не просто так, не от раздумий.

— Ой, девочки, — заглянула в этот момент сестра, — а я таких классных симов создала! Хотите посмотреть?

— С удовольствием, — проворковала Нинка.

Когда она вышла вслед за Нелли, то была недовольна мной. А я злилась на нее. За правду.

В результате подруга ушла уже минут через двадцать, холодно попрощавшись. Младшая сестра не хотела отпускать девушку — так ей

хотелось показать хоть кому-нибудь не только созданных человечков, но и их дома, построенные ею. Нинка пообещала, что придет в следующий раз, и тогда они «вместе будут строить дома».

Когда наконец входная дверь с шумом захлопнулась за Журавлем, я перевела дух.

Она ушла! Жаль, что мы повздорили... но мы обязательно помиримся. Так бывает всегда.

Облегченно вздохнув, я побежала освобождать Антона, куковавшего в своем шкафу. Какое счастье, что Нинка не нашла его! Не иначе как сегодня удача в кои-то веки была на моей стороне, а не пропадала невесть где!

Антон уже стоял посередине комнаты. Улыбался. И смотрел на меня куда более ясными глазами, чем вчера.

Что-то настроения у него полярные: то с жизнью хочет свести счеты, то веселый, словно только что его самолично развлекали господа Петросян и Задорнов, взявшись за руки.

— Ушла она, — хмуро сказала я. От того, что он, должно быть, слышал наш глупый разговор, мне было неловко. Но не могла же я сказать подруге: «Нин, тише, тут в шкафу кое-кто засел!»

— Я слышал, — вдруг сказал он.

— М? У Нинки заскоки начались весенние, запоздалые. Не обращай внимания. Она вдруг заделалась меломанкой.

— Извини меня, — добавил парень, отводя глаза. — Это ведь из-за меня так получилось.

— Да ну, ты брось, — великодушно махнула я рукой, — зато смешно вышло. Будет что вспомнить. Правда?

— Вполне возможно. Мне уже, наверное, пора, — задумчиво посмотрел он на наручные часы, прятавшиеся под длинными белыми рукавами.

Я не стала возражать или удерживать это чучело. Нет, чучело — в хорошем смысле. Он довольно-таки приятный парень. Я даже пригласила его к нам в гости, «когда у него будет свободное время», а потом отчего-то слегка засмушалась. Он мне улыбнулся.

Тут в комнату пришел папа и заговорщицки нам подмигнул:

— Вы тут вместе? Ну как, Ниночка ничего не узнала?

— Не узнала, — закивала я. — И Леша тоже ничего не узнает. Про его награду.

— Шантажистка, — вздохнул Томас. — Юная, но уже опытная. Дорогой мой сынок, женщины все такие. Вот у известного художника...

Он опять хотел присесть на уши Антону, но я действовала

решительно: сообщила папе, что Антон уже уходит и что он, мой родитель, уже всем надоел со своим искусством и прочими глупостями.

Не забыв схватить оставленный мне на хранение «колдовской пакет», я вытащила Тропинина из этой комнаты. Вскоре он ушел, переодевшись в свои чистые вещи. Хорошо, что стиральная машинка у нас новая и хорошая — все отлично отстирала от грязи. А вообще я заметила, что одежда, в которую одноклассник облачается, не совсем ему подходит. Точнее, совсем не подходит. Но это уж его проблемы, и, как говорит Нинка: «чьи проблемы, тот пусть и парится».

— Нина ушла? Как там твой Ромео? — выглянул из своей комнаты Леша с гаденькой улыбкой. — Неужели ты его у подружки-то увела, а?

Я, кажется, покраснела и рывкнула на него:

— Да никого я не уводила! Они просто... друг друга терпеть не могут, вот и все!

— Знаем-знаем, — не поверил Алексей, не переставая улыбаться. — Так где Ромео?

— Ушел твой Ромео, — ответила я и вернулась в свою комнату под веселое напутствие дяди:

— Пусть еще приходит! Вы забавно смотрите вместе!

— Сам дурак, — не в тему пробормотала я, но так, чтобы Леша не расслышал.

Нелька убежала от компьютера только через два часа и я, наконец, уселась за стол, уставясь в родной мерцающий экран. Как давно я не была в своем блоге. Напишу-ка я что-нибудь... об этой самой приворотной магии и нечестной любви.... Все-таки у Нинки куча тараканов в белокурой головке.

В результате я так засиделась за компьютером, что едва не опоздала. Очнувшись от манящего экрана только за полчаса до того, как Нинка должна была заехать за мной. Она послала мне смс, где сообщала, что ровно через тридцать минут я должна быть около своего подъезда. Пока я носилась по дому, собирая вещи (а полчаса для меня — это очень малое количество времени для сборов!), родственники по очереди приставали ко мне.

— Ты куда? — с интересом глянул на меня папа, когда я подвигала только что вымытые волосы, сидя на кухне. Да, странное место для наведения макияжа и прически, но здесь лучшее в доме освещение.

— Гулять, — не стала вдаваться я в подробности.

— С кем? — заинтересовался Томас.

— Как будто у меня есть много вариантов, с кем я могу пойти погулять! Ай! — обожгла я палец плойкой.

— Не надо портить волосы всякой фигней, Катрина, — сказал тут же папа. — Они и так хорошие.

— Ага, мне что, ходить такой же лохматой, как ты? И стричься раз в году? — Огрызнулась я. Томас о волосах редко заботился, забирал их в хвост, и все дела. А мне не нравилось, когда волосы торчали во все стороны и пушились. К тому же Нинка просила одеться сегодня как-нибудь понарядней.

— Я не лохматый. Я всегда такой. А ты поздно придешь? — продолжал он расспрашивать.

— Поздно, — кивнула я. Мне разрешалось приходить хоть следующим утром — главное, не забывать предупреждать кого-то из семьи об этом.

— А я тоже скоро буду собираться. В студию, — сообщил мне родитель.

У него была своя небольшая квартирка-студия, в которой он, собственно, и творил свои ужасные шедевры. Чаще всего он рисовал ранним утром, поздним вечером и ночью, поэтому иногда часто оставался в студии ночевать.

— Я тоже сегодня ухожу, — раздался голос Леши, который до этого что-то напевал в прихожей. — Поеду в загородный дом Шерри.

— Это кто? — спросила я, нанося светло-коричневые тени на веки.

— Шерри — моя новая подруга. Дочь банкира, между прочим, — хвастливо ответил дядя. — Катя, что за ужасный макияж? Лучше бы вообще не красилась.

— Вот и я говорю, что естественная красота — намного лучше! — обрадовался папа, который почему-то терпеть не мог, когда я или Нелли пользовались декоративной косметикой.

— Да отстаньте вы от меня! Что вам вечно надо?

— А куда ты, собственно, красишься? Ты вообще это дело редко делаешь, — заметил дядя.

— Она пойдет с кем-то гулять, — тут же сообщил папа, — сказала, что с кем-то из своего немногочисленного окружения!

— Тогда привет Антону, — отозвался Леша, как раз в то время, когда я, высунув от напряжения кончик языка, вновь подкрашивала ресницы тушью. Поэтому я, немного увлекшись, автоматически сказала:

— Передам.

— Вы с ним прямо каждый день встречаетесь. Молодцы, — похвалил меня родственник. — Смотри не надоедай ему сильно звонками и сообщениями. В девушке должна оставаться хотя бы капля загадки, которую настоящий мужчина стремится раскрыть и...

Я прервала словесный поток Алексея:

— Чего? — закричала я. — Слушай, ты что мелешь? Я с Нинкой иду!

— Ну-ну. А то мы не видим. Ради Нинки своей ты так красишься?

— А, Леша, оставь ее. Все влюбленные нервными становятся, — махнул рукой папа.

— Ну, Кэтрин, — потрепал меня по голове Леша, — желаю с ним удачи. Помни — не все парни такие же плохие, как твой любимый дядечка. Этот твой Антон хоть и похож слегка на чмо, зато тебя не бросит.

Нет, ну сколько уже можно? Почему они все думают, что меня и этого дурачка Антона связывают какие-то отношения?

— Это ты чмо, дядечка. Мы вообще не встречаемся, — с этими словами я нечаянно размазала тушь на правом глазу, взвыла и побежала в ванную — устранять этот непорядок.

Хорошо, что Алексей мне добродушно помог в этом нелегком деле. С косметикой он был на «ты», красить умел едва ли не совершенно и сделал мне действительно красивый, но не кричащий макияж, легкими движениями нанеся не только тени и тушь, но и тональный крем, пудру, румяна, помаду и блеск.

Как я не опоздала — уму непостижимо!

Когда Нина заехала за мной на своем обещанном такси, то уже не дулась, да и я остыла. Подруга чуть ли не разлеглась на заднем сиденьи, выставив босые ноги на второе пассажирское место.

— Сядь вперед, — коротко велела она мне, когда я открыла заднюю дверь.

Интересно, что у нее там случилось, что ее лицо такое сосредоточенное, а брови сведены к переносице? Да и манера сидения в авто у нее какая-то странная.

Едва я оказалась на месте рядом с водителем, пожилым мужчиной с седой бородкой, как тут же спросила подругу, оглянувшись:

— Нин, ты чего там без обуви расселась? Туфли, что ли, забыла?

— Забыла. Сотня бородатых уродов! — совсем не по-женски взвыла она, и водитель, выезжающий на перекресток, удивленно оглянулся.

— Что смотрите? — огрызнулась Нинка. — Лучше за дорогой следите.

— А я слежу, девушка, — ничуть не обиделся тот, поворачивая машину на дорогу.

— Ты, правда, забыла обувь? — несколько обескураженно спросила я, не почувствовав подвоха.

Вроде бы Нинка при полном параде: умело накрашенная, облаченная в новенькие узкие черные джинсы и трикотажную нежно-серую тунику,

которая словно кричала, что была куплена в бутике и подчеркивала достоинства фигуры Нинки. На тунике в свете вечернего солнца, проникающего сквозь окна машины, блестела и переливалась длинная нитка черного жемчуга. Этот же камень был и в ушах блондинки.

Подруга повернула лицо ко мне и выдала гневную тираду:

— Ты что, совсем того? Катя, ты вообще понимаешь, что ты иногда морозишь? Я вышла из дома без туфель! В плюс десять! Какая смешная шутка! Я тут спешу на самую важную встречу в моей жизни, а ты мелешь ерунду! Да, Катенька, да, я вышла босиком! А это, — потрясла она в воздухе черной изящной туфлей на огромном каблуке, — это я в машине нашла! Дяденька-водитель это, наверное, носит!

Дяденька-водитель оглянулся, увидел туфлю и тут же запротестовал:

— Нет-нет, это не мое!

— Это не его! — как маленькому ребенку сказала мне подруга. — Как думаешь, чье тогда?

Я спокойно улыбнулась ей. Хорошо, что Нинка нервничает и злится по пустякам. Если бы она до сих пор на меня обижалась, то вообще бы всю дорогу молчала. А ссориться с подругой, тем более из-за какой-то ерунды, мне совсем не хотелось.

— Так что с тобой? — вновь спросила я.

— Мозоль натерла, — коротко ответила подруга.

— Когда успела? — изумилась я. — Ты же утром была нормальная.

— Я и сейчас нормальная. Я, как ушла от тебя, решила пробежаться по магазинчикам. Полечить шопингом свои несчастные нервы. Видала? — ткнула себя в грудь Нинка. — Классная штука, туника из легкого французского трикотажа, последняя коллекция «Элизабэт Мэйлер». Но не об этом речь. Я купила себе новые туфли, — с ненавистью ее глаза уставились на предмет обуви, который подруга до сих пор сжимала в руке. — И прямо в магазине их надела. Решила разносить. А они... мне мозоль натерли, эти чертовы калоши! — она с размаху ударила ни в чем не повинной туфлей по мягкому сиденью.

Водитель опять оглянулся — наверное, хотел удостовериться, что его транспортному средству не принесли вреда действия странной длинноволосой блондинки.

— Бедная, — искренне посочувствовала я Нине, — сильно натерла?

— Сильно. До крови. И, главное, когда? В такой важный день! Но ничего, даже если обстоятельства против меня, я не сдамся! Проклятые туфли. Проклятый бренд. А чертов продавец меня убеждал, что они удобные и кожа в них мягкая! Ага, мягкая! Как наждачка.

Далее Нинка, потирая вытянутые ноги, сообщила мне, привычной ко всем ее ругательствам, и водителю, который немного опешил, в какое место она запихает наждачную бумагу бедному продавцу, куда вставит ему злосчастные туфли и почему заставит съесть его то, что не удалось в него же засунуть.

Выговорившись, она закашлялась от переизбытка эмоций. Я с сочувствием посмотрела на подругу.

— Нин, а чего ты другие туфли-то не обула, чтобы не так больно было? — поинтересовалась я.

— Мне одинаково больно во всех моих туфлях.

— Может быть, нужно было надеть балетки?

— Ненавижу их. Не понимаю обувь без каблуков, — поморщилась она, выуживая из сумки зеркальце в тонкой серебряной оправе.

— Кроссовки тогда можно было бы. — Не успокаивалась я.

— Нельзя! Я же не дура, чтобы под такую одежду спортивную обувь надевать. Ой, Катя, в тебе — бездна вкуса. Тебе только трусы носить на голове осталось.

Я обиделась. Подруга, не замечая этого, принялась подводить и без того щедро накрашенные светло-розовой помадой губы.

— Ты меня слезно уговаривала поехать, а теперь обзываешься, — укоризненно ответила ей я. — Ты забыла?

— Да ладно тебе, Катька. Кстати, я же сказала тебе одеться получше. А ты что напялила? Мы на рок-концерт идем или на твое собеседование в госструктуры?

— Отстань.

Я внимательно оглядела себя: расстегнутая бежевая куртка, черный жакет со вставленной косой молнией и белым воротником-стойкой, черная же прямая юбка чуть ниже колен. Вполне официальный костюм, я в нем обычно на экзамены хожу, чтобы преподаватели относились ко мне, нерадивой студентке, немного серьезней.

— Ну, журналисты же должны одеваться во что-то официальное, — осмотрела я еще раз собственную одежду. Чисто, опрятно и, как мне кажется, элегантно. Чего ей опять не нравится?

На это она лишь фыркнула:

— Должны, как же! Это же пресс-конференция рок-группы, а не будущего президента Российской Федерации. Вся журналистская братия припрется в нормальной повседневной одежде. А ты вообще на учительницу похожа. Надо было проследить за тобой, милочка. Хотя... Это даже твоему домашнему стилисту не под силу. — Нинка махнула рукой. —

Но что с тобой поделаешь? Не переодевать же тебя. Хоть накрасилась прилично, и с прической порядок. Леша постарался? Я так и подумала. Ты пакет-то взяла? Если нет — я тебя задушу, а водитель спрячет твоё тело.

Мужчина, сидевший за рулем, кисло посмотрел на Нинку.

— Что, не будете прятать? — спросила она у него тут же. — Я заплачу.

— Вы какая-то странная, девушка, — отозвался водитель, останавливаясь на светофоре.

— Я много заплачу, — с тем же серьезным видом сказала Журавль.

Мужчина почему-то отказался и добавил:

— Ваша подруга, наверное, ещё жить хочет?

— Хочет, — Нинка расхохоталась.

Я не принимала участия в её веселье. Смотрела в окно, за которым мелькали все те же сотни и сотни спешащих горожан и разноцветный поток машин. Когда уже распустятся листья на деревьях, когда станет зеленым город? Надоело уже смотреть на голые ветки, печально качаемые ветром.

Такси внезапно затормозило. Я-то была пристегнутой, и поэтому меня просто дернуло: сначала резко вперед, а потом назад. А вот развалившаяся сзади Нинка едва не упала.

— Вы водить умеете?! — заорала она на пожилого водителя, который отчаянно сигналил какому-то мальчишке, выбежавшему вдруг на проезжую часть.

Друзья ребенка стояли на противоположной стороне дороги и весело ему махали. Мальчик, только что едва не нырнувший под колеса машины, кричал им что-то в ответ, радостно улыбаясь.

— Ребятня развлекается, — проворчал водитель. — Нашли себе развлечение — через дорогу на красный свет бегать!

Нинка, не долго думая, открыла окно и, пока наше такси не уехало слишком далеко, прорычала, словно действительно была настоящей демоницей:

— Ты, гавнюк малолетний! Отупел? Ещё раз на дороге увижу, я тебе голову отрежу! И кровь выпью!

Мальчик замер и заморгал. Когда он что-то невнятно замямлил в ответ, мы уже были далеко.

— А вы, девушка, даёте! — покачал головой пожилой мужчина.

— Никому я ничего не даю. Ненавижу детей. Маленькие подонки! Тот, кто придумал поговорку «дети — цветы жизни», наверняка был бездетным.

— Ты будешь доброй мамой, — заметила я. — И будет большим счастьем, если твой сыночек или доченька не станут заиками от твоих воплей.

Водитель молчаливо поддержал меня. Нинка, осматривая свою «мозольную» ногу, с достоинством ответила:

— А то. Но в ближайшие лет пятнадцать мне никаких детишек не светит. И мужа тоже.

— Многие девочки в вашем возрасте уже о мужьях мечтают, — встрял водитель, которому было скучно просто так крутить свой руль. — Вон моя Женька, дочка старшая, так очень замуж хочет. Чуть ли не бредит девка.

Упоминание о возрасте Нинке не понравилось:

— В каком таком возрасте, дядя? Сейчас не модно рано жениться, чтоб вы знали. И вообще охота быть рабыней.

— Какой еще рабыней? — не понял пожилой мужчина.

— Обыкновенной! — высокомерно сказала Нинка. — Вы у вашей супруги поинтересуйтесь, она вам подробно и объяснит. О, Катька, смотри, дом Альбины торчит слева!

Действительно, высокий дом, в котором жила экстрасенс, виднелся над верхушками других зданий. На него падали косые лучи спускавшегося к горизонту солнца, поэтому казалось, что многоэтажка сияет золотом.

— Это знак, — восхищенно проговорила подруга, — от высших сил, что Альбинин метод подействует. И тогда я бу....

Машина, взвизгнув всеми четырьмя колесами, опять резко затормозила, лишь каким-то чудом не поцеловав бампер ехавшего впереди «опеля».

— Дядя, вы на дорогу смотрите лучше! — взвизгнула Нинка, доставая свою туфлю, улетевшую под сиденье. — Я не хочу ноги протянуть в таком молодом возрасте!

— И я не горю желанием, — мне тоже хотелось жить.

— Я профессиональный водитель. Не бойтесь, — уже вновь ехал по полосе шофер.

Мужик из «опеля» что-то орал ему вслед, высунувшись по пояс из окна. Нинка не сдержала свою хулиганскую натуру, показала мужику неприличный жест и ответила пожилому водителю в нашем такси:

— Но я почему-то боюсь! Вы точно права не покупали?

— Девушка! — опять обернулся к ней мужчина, оскорбившись. — Если вам не нравится мой способ вождения, садитесь сами за руль! А я, между прочим, вожу машину уже тридцать лет.

— Ну-ну, — явно осталась недовольной Нинка.

Сама она дико боялась водить автомобили, хотя ее папа и предлагал ей купить какую-нибудь машину вроде «фольксвагена поло» или «пежо 206», которые он считал чисто женскими. Но его младшая дочь была

категорически против, предпочитая ездить на такси или эксплуатировать родственников. Кстати сказать, у Нинки, как и у меня, есть не только сестра, но и брат, и подруга, как и я, — второй ребенок в семье. Только у нее сестра старше, а брат младше. В отличие от моего малахольного Эдгара братец Нинки — парень спортивный и веселый и считается первым красавчиком в своей школе, хотя характером он больше походит на избалованного капризного ребенка. Сестра подруги чем-то напоминает мне саму Ниночку: она тоже высокая интересная блондинка с боевым характером. Ирка штурмом берет все лучшие клубы города и околачивается там едва ли не сутками. В дневное время, когда клубы закрыты, эта мадам оккупирует все местные магазины и бутики. От младшей сестры Ирина отличалась большой нелюбовью к учебе и знаниям, не обладает такой же отличной памятью и ай-кью, зато редко притворяется и говорит прямо в глаза, что о ком думает, а не придумывает коварные планы подставы для потенциальных врагов...

Когда мы вышли из такси, водитель облегченно вздохнул. Кажется, мы ему порядком надоели.

— Ну, вот он, «Горизонт», — поглядела вперед Нинка.

Прямо перед нами высилось большое, в три этажа, темно-синее здание клуба с огромной округлой вывеской, говорящей, что это и есть популярный ночной клуб, в котором постоянно проходят одни из самых лучших вечеринок города. Ночью он красиво освещался голубой и розовой, плавно мигающей иллюминацией и, казалось, находился в какой-то таинственной дымке, скрывающей собой что-то загадочное и притягивающее одновременно. В тот единственный раз, когда я была здесь, я запомнила бесконечно глянцевые и переливающиеся стены и потолок, в которых ярко отражались бесконечные зелено-сине-фиолетовые неоновые огни, мигающие в такт громкой, энергичной музыке, отдающейся в легких.

На трех этажах этого модного здания размещались большой и вместительный концертный зал на тысячу двести человек, два изолированных друг от друга танцпола, три или четыре бара, кухня, ресторан и бильярдный клуб. По словам Нинки, «Горизонт» — самый прогрессивный и модный клуб города. Наверное, это так. И, по-моему, здесь можно встретить кого угодно. От фанатов неформальных групп до любителей какого-нибудь хауса и электронной музыки.

— Нам сюда, — царственно повела рукой Нинка, накидывая на плечи снятую в такси короткую кожаную курточку. — Кстати, завтра ночью тут будет неплохой диджей-сет... И сегодня, по-моему, тоже. Жалко, что ты темная и не хочешь ночью танцевать.

— Ночью я спать хочу.

— Да, точно — не слыша меня, воскликнула подруга, углядев афишу, — сюда же «Меллаут» приезжают!

— Какой аут? — не расслышала я.

— Молчи, темнота. «Меллаут» — это крупнейшие представители синти-попа. Да, я знаю, что ты не в курсе, что такое синти-поп, поэтому давай ты не будешь меня и дальше раздражать своей неграмотностью! Не спорь со мной, — не давала она мне и рта раскрыть. — Видишь, я нервничаю! И нога... ай, нога моя болит! Кать, пошли.

Она заковыляла к сверкающему клубу. Я поспешила за ней.

— Как же больно! — шипела Нинка, поднимаясь по невысокой лестнице, которая вела не к главному входу, а к другому... — Я сейчас сдохну!

— Ниночка, может, тебе обувь все же поменять, купить что-нибудь другое? — нахмурилась я.

— Нет, я выдержу эту пытку.

— А почему мы, собственно, не к главному входу пошли?

Подруга с кряхтением ответила:

— Там уже эти... как их там... тупые фанаты собираться начинают. Автограф-сессия же была... Поэтому журналистам здесь удобнее входить будет. Клубу принадлежат несколько залов для пресс-конференций, которые часто арендуют. И вход в них — именно здесь.

— А ты откуда знаешь? — про себя засмеялась я. Как будто Журавль сама — не одна из этих фанатов. Наверное, в своих мечтах подруга захомотала несчастного Кея и считает своей собственностью.

— Я все знаю, — со стоном потрясла ногой в воздухе Нинка. — Как же больно... Ой, я бедненькая... Малышка, — приказала она сама себе, — соберись, нам предстоит дело.

И она снова захромала.

Но как только мы переступили порог, подруга тотчас изменилась. Расправила плечи, на лице ее появилась очаровательная улыбка, походка стала легкой, будто бы никаких мозолей и в помине не было. Я только удивлялась выдержке этой полусумасшедшей влюбленной. Если, конечно, фанатизм по отношению к парню из рок-группы так можно назвать.

За дверью наши персоны ждал непонятно чему радующийся охранник. Когда он увидел нас, обрадовался еще больше.

— Куда? — спросил он, откровенно рассматривая Нинкины ноги.

— А вы как думаете? — излишне ласково спросила она у него.

Как вы поняли, она не слишком жаловала незнакомых людей, которые

не могли оказаться ей полезными.

— Я думаю... — начал, было, охранник, но подруга перебила его и заявила:

— Вам не нужно думать, это трудно. Вам нужно охранять. Вот, — ткнула она ему под нос добытый с таким трудом журналистский пропуск, — мы — пресса.

Я молчаливо показала охраннику и свое удостоверение, которое тут же поспешно повесила на шею.

— Проходите, пресса, — недовольно буркнул охранник, найдя наши фамилии среди списка приглашенных.

Как я помнила, Нина и ее Сеточкин заранее договаривались насчет нашего с ней прибытия в клуб.

Обстановка вокруг была совсем не клубной и не праздничной, а напротив, мы словно попали в офис. Светлые стены и пол, горизонтальные крупные жалюзи, кожаные диванчики, полукруглая бело-голубая стойка ресепшн, за которой находились две девушки в одинаковых матовых блузах.

— Подойдем к ним, — мигом сориентировалась подруга.

А я почувствовала чей-то внимательный взгляд и обернулась. Возле одной из дверей, скрестив руки на груди, стоял, прислонившись к стене, парень с темно-синими волосами и с пирсингами в губе и бровях. Довольно высокий, худощавый, но с развитой мускулатурой и широкими плечами. Лицо у него было нахальным и миловидным, с высокими скулами, волевым, как говорится, подбородком и слегка асимметричными изломанными посередине бровями. На секунду мне показалось, что если бы придать его волосам естественный цвет и убрать проколы, то его лицо стало бы даже благородным.

Я замедлила шаг, глядя на него с большим интересом. Ничего себе волосы у человека! Это нужно до какой ручки дойти, чтобы выбрать себе такую краску?

— Нин, посмотри на парня, — дернула я подругу за руку, но она уже не слушала меня, а подошла вплотную к стойке.

Одна из девушек щебетала по телефону, вторая вежливо с нами поздоровалась:

— Чем могу быть полезной?

— Мы на пресс-конференцию группы «На краю», — очень мило улыбнулась Нинка. — Куда нам пройти?

Я снова оглянулась — синеволосый исчез. Жаль.

Девушка сказала, как нам добраться до конференц-зала, и уже через

пару минут мы там появились, попав из относительно спокойного холла в царство людского гомона. Журналисты переговаривались, звонили куда-то по телефонам, кто-то смеялся, а кто-то щелкал фотоаппаратом, проверяя, вероятно, как он работает.

Все здесь произвело на меня впечатление: довольно большое светлое помещение с высокими потолками, большим количеством осветительных приборов и небольшим полукруглым возвышением, на котором находился длинный стол с высокими стаканами и напитками и табличками, на которых значились имена участников группы. Позади стола располагался масштабный по размерам стенд, на яростном темном водно-синем фоне которого были в полный рост изображены все участники группы «На краю». Это были пятеро довольно-таки эффектных парней в мрачной одежде и с абсолютно постными лицами, в которых просматривалась то ли готическая печаль, то ли полнейшее равнодушие к окружающему миру, то ли высокомерие.

На заднем плане стенда неизвестный художник-оформитель расположил полупрозрачный сине-бело-фиолетовый силуэт озлобленного водного дракона с раскрытой пастью, извергающего серо-голубое полупрозрачное пламя, складывающееся в буквы «НК» — инициалы любимой российской Нинкиной рок-команды.

Чуть ниже этой сцены стояло несколько громоздких профессиональных телекамер. За ними, в небольшом отдалении, располагалось рядов десять или двенадцать мягких и широких красных стульев с высокими спинками. Большая часть из них уже была забита людьми. Как Нинка и говорила, журналисты здесь были одеты весьма неброско и совсем неофициально. Например, мужчины почти все в джинсах и свитерах, а вовсе не в костюмах, как наивно полагала я.

— Какой милый! — загляделась подруга на своего Кея, изображенного на плакате ровно посередине, в окружении сотоварищей по музыкальному оружию.

— Потом полюбишься! Нам некогда.

— Да-да... Пошли искать место в первом ряду, — сказала Нинка и, несмотря на боль в ноге, уверенно устремилась вперед.

Свободных мест впереди не оказалось. Зато я увидела в одной из больших включенных камер маленький объектив, в котором видны были места за столом, предназначенные участникам группы.

— Смотри! Классно сделано! — показала я пальцем на камеру, как ребенок.

Подруга тяжело вздохнула, пробормотала что-то про «детство в одном

месте» и пошла дальше вдоль первого ряда.

Осмотревшись, Нинка пощелкала языком.

— Вот козлы, заняли все. Ладно, жди здесь, Ниночка все сделает по высшему разряду.

Она вновь огляделась, немного подумала и с крайне серьезным видом подошла к невысокому мужчине в зеленом пуловере. Она задумчиво крутил в ухе серьгу и тыкал пальцами в сенсорный экран мобильного телефона.

— Простите, это вы хозяин серебряистой «Хонды»?

Тот удивленно поднял голову, оставив серьгу в покое:

— А что?

— М-м-м, понимаете, ее, кажется, хотят угнать. Я просто видела вас, когда заходила в клуб, а когда вы ушли, возле двери вашего авто стали...

— Спасибо, девушка! — выкрикнул мужчина и ринулся в проход со скоростью торпеды.

Место освободилось.

— Какая вы молодец! — уважительно заметила сидящая рядом дама лет сорока пяти. Никогда бы не подумала, что на пресс-конференции альтернативной молодежной группы могут быть такие взрослые и серьезные женщины! Понимаю, если бы это был концерт какого-нибудь Баскова или Киркорова...

— Это мой долг, — скромно потупила глаза Нинка.

— Для журналиста быть внимательным — это очень важно, — наставительно произнесла ярко-красным ртом женщина. — Нужно быть зоркой, чтобы ничего не проморгать. Только такие выживают в нашем мире, — и она самодовольно улыбнулась, явно причисляя себя «к таким».

— Верно! Надеюсь, у этого мужчины все будет в порядке с его машиной.

— Садитесь, девушка. Пресс-конференция уже должна начаться.

— Я лучше посажу свою... коллегу, — кинула взгляд на меня Нинка. — У нее, знаете ли, зрение очень плохое. А сама я пойду в конец.

Женщина покачала коротко стриженной головой:

— Ваша заботливость не доведет вас до добра.

Нинка только улыбнулась.

— Садись, Катя, — подтолкнула меня подруга по направлению к одиноко стоящему красному стулу. — Отсюда ты все будешь прекрасно видеть и превосходно слышать.

Я выразительно закашлялась. Нинка повелительно кивнула мне.

— А ты? — спросила я, усаживаясь на мягкое сиденье и удивляясь щедрости Нины. — И как ты узнала, какая тачка у того зеленого?

— Тебе же сказали — внимательной нужно быть, — шепотом ответила Нинка. — Между прочим, он вместе с нами приехал, и я видела, на каком авто. Он не оставил его на охраняемой стоянке, потому что она вся забита. А я немножко соврала, чтобы он свалил.

— Вот дурак! — захихикала я, представляя, как мужик с серьгой прибегает к машине, а с ней все в порядке.

— Если бы я тебе сказала, что твою машину хотят угнать, ты бы сама побежала сломя голову, — серьезно ответила подруга. — Вот это тебе, — протянула она мне пластиковую прозрачную папку с листами бумаги, на которых было что-то напечатано, — тут вопросы, которые ты постарайся задать группе. Сама бы задала их своему Кеечке, но мне пора.

— Куда пора? — вцепилась я в девушку, машинально схватив папку — Ты мне ничего не говорила! Я не хочу здесь сидеть одна! Нинка!

— Я пошла делать то, ради чего мы сюда и приперлись, — выразительно покосилась она на женщину, которая явно прислушивалась к нашему шепоту.

— Я тебя сейчас убью, — прошипела я.

— Дорогая, просто сиди здесь и записывай ответы мальчиков на вопросы журналистов. И сама спрашивай. Этот мудака Сеточкин, — поморщилась она, одновременно забирая из моих рук черный пластиковый пакет с магическими атрибутами от экстрасенса Альбины, — заставил меня пообещать, что я задам «На краю» его дебилские вопросы. Он даже их записал. Вот, Катенька, тебе еще диктофончик, блокнотик и ручка. А я побежала!

— Но... — попыталась возразить я, ошеломленная таким предательством.

— Без но! Это поможет написать мне статью! Спасибо за помощь. Ты самая лучшая на свете подруга!

И она сбежала! Ясно, зачем этой сумасшедшей понадобилась моя помощь. Она там будет привораживать своего ненаглядного, а я буду сидеть на скучной для меня пресс-конференции, видеть не слишком любимые мной лица группы «На краю» и слышать, как настоящие журналисты задают вопросы. И самой задавать? Нет уж, увольте. Я писать и сочинять, конечно, люблю, но делать за Журавля ее работу не собираюсь!

А еще этой женщине, моей соседке с короткими волосами, не сиделось спокойно, и она то и дело мне что-то говорила и о чем-то спрашивала. Пришлось соврать ей, что я молодая журналистка пятого курса, которую эксплуатирует университетская газета. Женщина тоже представилась, и к моему огромному, очень огромному удивлению, оказалась известным

музыкальным обозревателем одного из самых модных столичных изданий. Ее звали Лина Ретто, и это имя постоянно было на слуху. А журнал, в котором она работала, был любимым периодическим изданием Нельки и ее друзей. Моя откровенная удивленная реакция женщине очень понравилась, и она стала относиться ко мне едва ли не по-матерински.

— Приехала посмотреть на эти новые дарования. Говорят, ребятки из этой группы станут мировыми звездами, — с такой ухмылкой произнесла Лина, что я поняла: по ее мнению, у парней из группы «На краю» очень мало шансов на это.

Я заулыбалась. Женщина верно истолковала мою улыбку:

— Сейчас, деточка, звездами хотят стать едва ли не все. Нет, вру — все. Поэтому в мире шоу-бизнеса, изнанку которого мне приходится видеть, почти нет настоящих талантов. Ты знаешь, что такое талант?

Я неопределенно пожала плечами, мечтая сбежать отсюда.

— Талант — это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее симулировать. Так говорил писатель Довлатов. Ты знаешь Сергея Довлатова?

Я на всякий случай кивнула, хотя только лишь слышала имя известного писателя-эмигранта от кого-то из папиных друзей, но пока что была знакома лишь с одним его юмористическим сборником.

— Молодец. Так вот, насчет таланта. Я всегда вижу его искру. И еще точнее вижу, когда этой искры нет, а есть только ее симуляция. Современный шоу-бизнес нашей родины — это глобальная симуляция. Всего лишь несколько действительно талантливых людей. Если не считать старую гвардию...

Я не стала слушать, кого Лина имеет в виду под старой гвардией. Я злилась. Я была в негодовании. Журавль что, себе рабыню нашла? Это уже ни в какие рамки приличия не лезет. Знала бы, не согласилась. А теперь даже уже и не уйти — неудобно получится. Пресс-конференция-то началась, по всей видимости! Даже эта разговорчивая критикесса замолчала и уставилась своими черными цепкими глазами вперед.

На невысоком полукруге появился какой-то импозантный мужчина в черных брюках, в черной же рубашке и светлом модном галстуке. Выглядел он лет на тридцать пять, а его внешнему виду можно было дать все десять баллов из десятибалльной шкалы — таким миловидным, ухоженным и элегантным он был.

— Дамы и господа, — начал он мягким, немного вкрадчивым голосом, который словно заструился в воздухе, — я — Андрей Коварин, менеджер группы, ради которой мы все здесь собрались. И я рад приветствовать вас

всех. И не только я. Участники «На краю», которые сейчас выйдут к нам, поприветствуют вас вместе со мной. Мы вместе постараемся сделать так, чтобы сегодняшний вечер запомнился вам всем. Почему — объяснит генеральный директор этого замечательного места под названием «Горизонт», которое через пару часов — совсем скоро — станет площадкой для выступления одной из самых динамичных групп России. Группы из круга неформата, которая смогла заинтересовать вас так, господа, что вы не поленились собраться сегодня здесь вместе с нами.

Возле красавца Андрея, от которого я буквального не могла отвести взгляда, появился грузный мужик с таким жизнерадостным лицом, что мне самой захотелось улыбаться.

— Добрый день, — хрипло произнес он в микрофон, — позвольте представиться — Игорь Иванович Тонеев, генеральный директор ночного развлекательного клуба «Горизонт». Я также рад видеть вас всех и, чтобы, так сказать, не отнимать у нас всех время, хочу кратко поблагодарить вас и сообщить — все вы приглашены, так сказать, на концерт группы «На краю» как специальные гости. — Он закашлялся. — А после концерта прошу в наш новый ВИП-зал «Карамель», чтобы, так сказать, вы смогли оценить нашу ночную программу.

Все зааплодировали. Я тоже, но с мрачным выражением лица. Только коротко стриженная журналистка рядом со мной хлопала мало, лениво и мрачно заметила, наклонившись к моему уху:

— Хочет, чтобы благодарные гости разрекламировали его клуб, — прошептала она. — Устаревший, но неплохой пиар-ход. Действенный. Сегодня ты можешь не беспокоиться об ужине.

— Почему? — не поняла я.

— Наш дорогой Игорь Игнатьевич, или как там его... Иванович, собирается сделать шикарный фуршет, по всей видимости. Ты разве не знаешь? Недавно открылся новый клуб «Параллели». Для «Горизонта» — мощный конкурент, вот директор и старается.

Интересно, откуда журналистка из Москвы знает такие подробности из жизни нашего города? Даже я не в курсе, где что открывается и закрывается.

Тем временем Андрей, который мне так понравился, вновь взял слово, заговорив о том, что на сегодняшней пресс-конференции музыканты смогут ответить на все интересующие журналистов вопросы. Лина очень неодобрительно на него посмотрела и заявила:

— Скользкий тип. Решил сделать на своих ребятках большие деньги. Поговаривают, он...

Что там кто поговаривает, я так и не расслышала, потому что вновь раздались нехилые аплодисменты, говорящие больше не о безграничной любви журналистов и прочих присутствующих к этой группе, сколько о том, что пришел конец ожиданиям пресс-конференции. Свет в зале приглушили, и через одну из дверей неспешно вошли те самые музыканты, ради которых все здесь собрались. Фотографы яро принялись их снимать на свои профессиональные камеры с неслабыми вспышками, и зал мгновенно наполнился щелканьем фотоаппаратов и отблесками яркого света. Ну прямо как в фильме!

Я внимательно вглядывалась в парней, склонив голову набок. К моему удивлению, ребята из «На краю» не слишком отличались от изображенных на стенде мрачных парней, исподлбья глядевших на этот мир, делая ему, миру, тем самым великое одолжение. Я не знаю, действительно ли это был их сценический образ или в жизни они оставались точно такими же хмурыми и надменными с виду, познавшими в столь относительно юном возрасте популярность, но выглядели парни весьма эффектно.

Их было пятеро, и все они были одеты преимущественно в темную одежду. Честно сказать, их манера одеваться мне вообще никогда не нравилась, так что и сейчас я не осталась в восторге, но все равно продолжала смотреть на них, не отводя взгляда — быть на пресс-конференции музыкальной группы было для меня в новинку. Одно дело лицезреть их физиономии в Интернете или на постерах, другое — разглядывать вживую.

А первым, кого я узнала, был тот самый синеволосый, которого я видела в холле. Он с независимым видом шагал самым первым, засунув в карманы военных штанов руки с закатанными по локоть рукавами свободной расстегнутой рубашки. Под рубашкой виднелись простая черная майка и металлические цепи на шее. Я изумилась — надо же, это не просто был обыкновенный синеволосый неформал, а синеволосый музыкант из популярной (в неформальной среде особенно!) альтернативной группы. Вот Нинка облажалась — послушала бы меня, оглянулась, увидела бы живьем своего любимчика. Или она принципиально любит только этого своего беловолосого Кея?

— Синие волосы — как экстравагантно. Нет, ну надо же, какие прически, какая одежда! Эксплуатируют ребята готический образ, эксплуатируют. Плащи, заклепки, рваные штаны, ботинки чуть ли не до колен, бесконечный пирсинг, — не хотела молчать музыкальный критик. — На «вижуал кей» понемногу напирают. У Запада желают перенять лучшее... Точнее, у Востока. А может, просто сумасшедшие. Если

присмотреться, у нас сейчас, к сожалению, много юношей и даже девушек в таком виде и даже в худшем шатаются по улицам. Да, деточка, знакомьтесь, это Келла, барабанщик. Судя по его досье, которое я читала сегодня в самолете, бунтарь, заводит и грубиян. Любитель девочек, а также драк, выпивки и, вероятно, чего-то более сильного.

И она ехидно засмеялась. Кажется, критик недолюбливала группу «На краю».

Вслед за синим появился парень с длинными, ниже плеч, черными волосами, такими блестящими и ровными, что я обзавидовалась. Его слегка пугающие, абсолютно белые глаза (несомненно, это линзы), подведенные чьей-то щедрой рукой, в которую попало сразу несколько черных карандашей для век, с видимым равнодушием смотрели на журналистов. Двигался он бесшумно, изящно, как будто бы на его ногах были не тяжелые ботинки со шнуровкой едва ли не до колен, а кроссовки «Найк». Взмахнув лапами кожаного плаща, он сел рядом со своим одноклассником и закинул ногу на ногу.

— Это у нас Арин, — сверилась с какой-то бумажкой Лина. — Парень молчаливый, готичный и, говорят, безразличный ко всему на свете. Терзает бас-гитару. Странно, что он при всем наличии на себе железа и цепочек не бренчал и не звякал, когда шел.

Следом за мрачным с виду Арином к столу направлялись два абсолютно одинаковых, не слишком высоких и тонкокостных молодых человека — только прически у них были разными. У одного светло-каштановые, мелированные волосы обрамляли неровными прядями несколько женственное лицо. У второго была какая-то сложная прическа, заправленная большим количеством лака — иначе бы его иссиня-черные волосы не торчали бы под разными углами, а просто рассыпались. Одеты молодые люди были тоже одинаково, словно стремились подчеркнуть свою похожесть: в черные рубашки с эполетами, из-под которых торчали кожаные темно-фиолетовые ремни, в широкие штаны и высокие кеды. Из украшений на парнях были кучи странных браслетов на обеих руках и грязно-сиреневые галстуки, порванные снизу. У светловолосого на спине мелькнула багряная нерадостная надпись: «В этом мире правят твари». Да и лицо его было не самым добрым: возможно, из-за грима, а может быть, из-за жутких линз, делающих радужку его глаз матово-черной и не отображающей свет. По крайней мере мне показалось именно так, когда я взглянула на его лицо с темными провалами дыр вместо глаз.

А черноволосый мог похвастаться красочными татуировками на обеих руках, расслабленной походкой и насмешливым выражением лица.

— Братики-близнецы. Мучают акустическую гитару и ритм-гитару, — не могла сидеть спокойно Лина. — И не просто мучают, а пытаются. Слышала, как у них струнно-щипковые стонут?

Странно она инструменты для игры в басовом диапазоне называет. Но я все-таки кивнула в ответ.

— С этими двумя нечисто что-то, — забормотала женщина, оценивающе разглядывая парней, которые совершенно синхронно улыбнулись камерам, — не могут они быть такими одинаковыми...

Я пожала плечами. Вообще-то могут.

— А вот и наш лидер этой милой почти дэз рок-бой-команды, — с видимым удовольствием произнесла критик, только что пальцем на парня не показала.

Последним, медленно и даже как-то плавно, как большая хищная кошка, вышагивал любимый Нинкин Кей. Его походку кто-то смешливо-ехидный в моей голове тут же назвал «поступью уверенного в себе мужчины». Одет он был неоригинально: тоже во все темное, но простое. Приталенная футболка с треугольным вырезом и какими-то белыми рваными надписями на английском, неширокие джинсы с заклепками по бокам и длинной светлой цепью, несколько украшений: пирсинги, серебряная цепь с синим камнем и напульсник на правой руке. Тяжелые кожаные ботинки в стиле «милитари» на здоровой платформе мрачно и неспешно, но твердо ступали по полу.

И хотя половина лица молодого человека и была закрыта черным непрозрачным платком, похожим на повязку, которую носят врачи, боящиеся заразиться от своих пациентов бактериями, я узнала его по бело-серебристым необычным волосам, разметавшимся во все стороны. Среди светлых прядей появилось несколько ярко-фиолетовых. Ну хоть какое-то цветовое разнообразие в облике Кея!

— Свиным гриппом, что ли, болеет? — словесный поток коротковолосой женщины никак не хотел прекращаться. — Напаялил масочку! А глаза-то у нас какие! Цвета янтаря!

Я внимательно поглядела на молодого человека — необычайные светло-оранжевые линзы делали его взгляд, мягко говоря, странным. Как будто он одновременно смотрел и на меня, и куда-то вдаль. Темные, длинные, но не черные, а, скорее, серо-коричневые брови вразлет словно подчеркивали эту особенность его плутонианского взгляда. С ярко-янтарными глазами он еще больше походил на большую дикую кошку — на осторожного и крайне умного тигра, знающего, что в цирке не стоит бросаться на людей. Лучше это делать тогда, когда дрессировщик не видит

этого.

На картинках и фотографиях этот Кей выглядел немного по-другому. Так же взросло, сдержанно, эффектно, но фото не могли передать его некой, как ни странно, величественности, которая сопровождала парня на сцене, и его мрачного магнетизма.

Он был ярким. Он был очень ярким — и это прослеживалось не только во внешнем, но и на внутреннем плане. Я чувствовала это. Такие люди, как этот Кей, не могли быть малозаметными. Сама природа наделила его гипнотической привлекательностью и заставляла бросаться в глаза. А еще, кажется, он был спокойным, выдержанным, ко многому равнодушным и очень властным. Может быть, даже деспотичным. Почему мне так показалось, я не знаю. Свои ощущения я пока была не научена контролировать.

Группа в полном составе уселась за стол, явив свои лица журналистам. Их красивый и импозантный менеджер Андрей также занял место рядом со своими подопечными. По мне, так он единственный, кто смотрелся среди них адекватно. Парни, конечно, прикольные, но явно не для меня, а вот он... Ничего. И голос у него такой классный. Манящий, привлекательный...

— Сейчас будет скучно. Начнут задавать глупые вопросы. Ребятки по очереди будут отвечать. Или не будут, — пробухтела Лина, отчего-то не сводя очей с солиста. — А этот Кей... черт возьми, нельзя рокеру быть красавчиком!

— А сколько это мероприятие будет длиться? — поинтересовалась я, потому как мне совсем не улыбалось торчать здесь слишком долго.

Одновременно с моим вопросом где-то в конце послышался слабый глухой стук, как будто что-то упало.

— Часа полтора. Потом у них концерт будет. Ну что же, — некрасиво ухмыльнулась она, — посмотрим, как живьем выступают.

— Или не живьем, — сказала я. Лина одобрительно кивнула.

Я ради интереса уставилась на сцену. Сидят, кумиры, блин. Отвечают на вопросы журналистов, которые настроены по отношению к группе весьма благодушно. Переговариваются друг с другом, явно не считаясь с залом... Но все равно выглядят необычно, как будто бы передо мной не музыканты, а инопланетяне с Юпитера пресс-конференцию дают.

Сначала мне было интересно, и я даже вся извертелась, глядя на парней и слушая их неторопливые ответы.

— *Какие у вас ближайшие планы?*

— *Когда будет выпущен новый альбом?*

- *Есть ли у вас девушки?*
- *В каких отношениях вы с фанатками?*
- *Секс, наркотики и рок-н-ролл, это про вас?*
- *Где вы берете вдохновение?*

В большинстве случаев отвечал, конечно же, Андрей, Кей высказался пару раз, но по делу, и когда он говорил, в зале была полная тишина. Загадочный Арин и один из близнецов молчали больше всех, зато показались мне самыми взрослыми — судя по их словам и интонациям, они были довольно серьезными парнями. Другой же близнец и синеволосый Келла больше ржали — вместе с журналистами.

«Планы? Планов много. Ребята немного отдохнут, дадут пару концертов и начнут запись альбома... Следующая наша ступень — целенаправленное покорение Запада, мы уже имеем там кое-какие позиции».

«О выпуске нового альбома будет объявлено на пресс-конференции через месяц-два».

«Наша личная жизнь — загадка для нас самих... Так что вопрос про девушек — трудный... Но мы их любим!»

«Фаны: и парни, и девушки — наше все. Без них нас бы не было. И к фанаткам мы относимся так же, как и к фанатам: мы благодарны им».

«Про нас, про нас, только два первых слова уберите... Мы — это только музыка, вы что, какой секс, какие наркотики, ха-ха-ха!»

«Вдохновение не берут, оно приходит в разум само. Открывается для сознания. Я думаю, вдохновение есть у каждого, оно запечатлено где-то на подсознательном уровне, просто его нужно... попытаться достать из себя. Любым способом».

Вокруг бушевал круговорот вопросов-ответов. А потом появилась некоторая отстраненность. В голову стали тонкими змейками заползать разные мысли. Как там Нинка? Она же в примерную пробраться хотела. Получится у нее, или она и дальше будет изводить меня? Как она это сделает? И как претворит в действие инструкцию экстрасенса? Вот же она глупая, поверила Альбине! Сидела бы она лучше тут, чем лазить, где попало. Вон ее Кей как близко, окидывает янтарным взглядом весь зал. Смотрит, изучает, медленно пьет воду... Лучше бы больше отвечал на вопросы приглашенной прессы, как-никак лидер группы. Или ему лень?

Единственным, на кого мне нравилось смотреть, — так это на менеджера, который отвечал на вопросы журналистов едва ли не больше, чем сами музыканты. Хоть он и старше их всех, зато обаятелен и элегантен. Умеет грамотно отвечать на вопросы, вон только что умудрился

рассмешить всех журналистов. Даже злобная Лина улыбнулась. Второй раз она улыбнулась тогда, когда Кей все же начал отвечать на один из вопросов, посвященный слегка специфичным текстам песен. Оказалось, что почти все тексты пишет он сам. Изредка ему помогает в этом деле Арин. Изредка над ними работает вся группа вместе. Голос у фронтмена группы оказался красивым, сильным и очень холодным, хорошо акцентированным, умеющим проникнуть если не в душу, то куда-то в район сердца. А речь его была не менее хорошо поставленной. Наверное, таким голосом у парня прекрасно получается шептать на ушко девушкам всякие глупости, милые непристойности и обещания, а потом не выполнять их...

Пока я смотрела на вокалиста, он вдруг опустил взгляд на меня. Блин, я сто раз читала, что восторженные фанатки пишут, будто бы на концерте их кумир посмотрел им в глаза, заметил, выделил из общей толпы. И меня это, честное слово, веселило! Но теперь я сама могу едва ли не поклясться, что Кей долго и внимательно смотрел в глаза мне, и я не могла отвести их, зачарованная таким вниманием. Янтарные, удивительные радужки...

Странно.

Очень странно.

Набраться храбрости и кивнуть?

Улыбнуться в ответ?

Поиграть в эту странную игру-гляделку?

Я не выдержала и первой отвела взгляд. Мне показалось, что губы Кея изогнулись в улыбке, — маску он к тому времени все же снял.

Хотя, наверное, мне это только показалось. Вот же козел! Уставился, навел смуту в моей и так невеселой душе и давай себе дальше журналистов слушать.

На середине пресс-конференции, когда задавался очередной вопрос о личной жизни музыкантов, посвященный интимными отношениями с фанатками, синеволосый почему-то поднялся со своего места и вышел. Это дало новый повод для язвительных замечаний Лины:

— Воспитанности выше крыши. Свалил и теперь вообще не вернется. Звезда-а-а...

Однако она ошиблась — парень вернулся минут через двадцать, довольный, как переевший сметаны кот. Он так широко улыбался, что сидевший позади нас молодой человек в полосатой рубашке, хохотнул, правда, очень тихонько, чтобы слышали только ближайšie соседи:

— С облегчением, чувак!

Я улыбнулась, а Лина, к моему удивлению, затряслась от мелкого смеха. Станные они, эти люди искусства.

Когда пресс-конференция подошла к концу, я столь облегченно вздохнула, что критик заметила:

— Тебе тоже надоело? Ну, ничего, скоро начнется концерт, фуршетик. Оттянемся.

До начала концерта я хотела найти Нинку, чтобы выместить на ней все свое плохое настроение. Из-за нее мне пришлось потерять столько часов драгоценного времени выходного дня! Я могла сидеть дома и читать книгу. Или кино новое смотреть. Или с родственниками препираться в конце концов, сидя на уютной кухне. А я сижу тут и в буквальном смысле фигней маюсь: единственная радость — посмотрела на красивого мужчину, которого больше никогда не увижу.

Но, с другой стороны, что там лукавить, мне хотелось найти свою неугомонную подружку, чтобы узнать: метод экстрасенса подействовал или нет? Хотя я больше склонялась к тому, что ничего не произойдет — странные ухищрения с пирамидкой, водой и камнями не дадут положительного результата. И приворожить известную личность совершенно невозможно! Ну пусть этот Кей еще не такой известный, чтобы о нем знало полмира, но популярностью-то он обладает. В социальных сетях существуют сотни сообществ, посвященных как и ему самому, так и его группе. И куча девчонок, так же как и Нинка, мечтают заполучить солиста и его дружков в личное пользование. Да и неформальных парней-фанатов немало... Говорят, на автограф-сессию, которая была перед конференцией, их собралось о-о-очень много сегодня — пришлось даже усиленный наряд милиции вызывать, чтобы фаны не устроили беспорядки.

Журналисты покидали свои места и с веселым гомоном (вероятно, предстоящий фуршет их так развеселил и ободрил) направлялись к выходу по одному и группками. Я тоже пошла вслед за ними, одновременно печатая смс Нинке. Примерно такого содержания:

«Ну как, подействовало уже?»

Ответ пришел достаточно быстро — когда я, немного смущаясь, сидела на одном из мягких низких диванчиков VIP-зала «Карамель», куда всех журналистов пригласил директор этого ночного заведения.

«Отстань. Ничего еще не случилось. Жду Кеечку, чтобы выполнить пункт 9!»

Кеечку она ждет! Что там за девятый пункт? По-моему, это вступление в контакт с объектом, как сказано в магической инструкции. Ну ладно, пусть ждет. Интересно, она возле гримерной его караулит или как? Раз Нинка уже готова с ним пообщаться, значит, все остальные пункты она выполнила. И когда она успела тогда глаза в глаза музыканту посмотреть?

Что-то я такого не помню.

Ладно, раз подруга сейчас будет занята, посижу в компании журналистов и бесплатной еды, которая в обилии была на длинном и широком шведском столе. Буду сегодня брать от жизни все.

Честно говоря, в VIP-залах я никогда раньше не бывала, и теперь мне было жутко интересно, чем они отличаются от обычных. Оказалось, много чем. Во-первых, кроме приглашенных, обходительных официантов и суровой охраны на входе, здесь никого не наблюдалось. А, во-вторых, тут было невероятно красиво! Как сказал кто-то из присутствующих, перед нами «классический вариант с нотками шика». Много яркого света, несколько искусно сервированных столов округлой формы, элегантные букеты цветов на них, мягкие стулья с резными спинками, приятная классическая музыка, радужные хрустальные люстры, отделка, выполненная из натуральных дорогих материалов цвета карамели. Присутствовали в зале даже пара изящных фонтанчиков и большие, в золоченых широких рамах картины. Слава Богу, на них была изображена природа, а не современная абстракция!

К тому же здесь был прекрасный обзор сразу в двух направлениях. Зал «Карамель» располагался на втором этаже, с одной стороны возвышаясь над концертной площадкой, на которой сейчас проводили чек-аут, настраивая звучание инструментов и усилителей, а другой стороной находился над одной из танцевальных площадок.

Сейчас на танцполе было пусто — как оказалось, ночная жизнь в «Горизонте» начинается строго в 23.30 по местному времени. Кстати, как объяснил директор клуба, при желании гостей можно было опустить особенные жалюзи, чтобы не слышать того, что творится внизу. Сначала я прилипла к той стороне, где настраивала звук целая команда техников, к которым чуть позже присоединились несколько музыкантов, а потом уселась за столик рядом с изящными перилами по приглашению отыскавшей меня Лины.

Сейчас почти все гости-журналисты, таскавшие бесплатные напитки и еду просто в бессовестно-огромных количествах, сидели на удобных белых стульях с мягкими спинками и ждали начала концерта. Внизу понемногу стали собираться те, кто пришел на выступление «На краю». Здесь были и девушки, и юноши: кто младше меня, а кто старше. Были и довольно взрослые мужчины и даже женщины, зачем они решили прийти — мне было не понятно.

Последовав примеру своих мнимых коллег и перестав беспокоиться, что меня разоблачат, я набрала в тарелку всего понемногу. Лина развлекала

меня и еще трех сидевших с нами за столиком журналистов своими байками из мира шоу-бизнеса.

Минут через сорок, когда уже самые голодные наелись, на сцене появилась группа «разогрева», а еще через полчаса наконец свершилось: «На краю» вышли на сцену. Поклонники разразились такими дикими воплями, что я прикрыла руки ушами. Мои соседи громкому звуку ничуть не удивились — наверное, часто бывают на подобных концертах.

Парни из группы за это время успели переодеться в еще более вызывающую и мрачную одежду. На лицах некоторых из них появились (или стали еще более заметными) подведенные глаза и прочий сценический грим. Количество ремешков, заклепок, кожи и латекса тоже заметно увеличилось.

Ор и гам фанатов перешел из бессвязных воплей в осознанный крик:
— На-кра-ю! На-кра-ю! На-кра-ю-у-у-у!!!

Лина что-то сказала мне, но я не разобрала ее слов — чтобы я услышала ее, коротко стриженной женщине пришлось бы орать мне в самое ухо. Она опять завела свою пессимистичную песню об этих парнях, кажущихся величественными на сцене.

— Я приветствую всех вас! — произнес в микрофон беловолосый Кей, поднимая вперед ладонь. Его несколько вкрадчивый и уверенный голос лидера разнесся по залу, и от этих четырех слов девушки-неформалки внизу завизжали, словно каждая из них нашла минимум по пять тысяч рублей. Или даже долларов.

— Сегодня особенный день, — говорил дальше солист группы, обводя янтарными глазами зал, — мы даем последний концерт в своем городе и предпоследний в России перед тем, как уехать в Германию на запись второго альбома. Мы все вас любим и очень благодарим за ту поддержку, которую вы нам оказывали в течение этого года!

Зал опять восторженно взревел. В это время, пока блондин говорил, близнецы из группы ходили по самому краю сцены и пожимали руки самым ярым фанатам, которые протиснулись к сцене, окруженной охраной. Кажется, зал был переполнен — на пресс-конференции Лина заметила, что директор велел продать куда больше билетов, чем было можно.

— Начнем? — задорно выкрикнул синеволосый, на секунду отбирая микрофон у коллеги по сцене. — Начнем или нет???

— Начнем! — заорал зал.

— А может, нам уйти? — надрывался парень, заводя толпу.

— Не-е-е-ет! — еще громче заорала публика, видимо, испугавшись, что в таком случае им не возместят деньги за билеты.

— Вы точно хотите нас слышать? — приложил свободную руку к уху неугомонный парень, снявший рубашку и остающийся сейчас в черной майке.

Да точно-точно. Иначе зачем бы они пришли? От скуки?

Зрители, которые едва ли не подпрыгивали от переполняющих их эмоций, очень громко сообщили своим кумирам, что они очень хотят, чтобы шоу началось.

И оно началось.

Заиграла тяжелая мрачная музыка, давящая на уши, яростно заметалось по сцене лазерное освещение, и не менее яростно стали выплескивать свою энергию застоявшиеся фанаты творчества группы «На краю», которые прыгали, толкались и хором подпевали солисту. Кей, взяв обеими руками микрофон и поднеся его близко к губам, исполнял самую первую популярную песню, сделавшую его группу известной едва ли не мгновенно. Песня называлась странно «Белый и горький», и речь здесь шла вовсе не о шоколаде, а о жутких любовных переживаниях не кого-нибудь, а маньяка-убийцы, между прочим. Я несколько раз слышала этот трек у Нинки (несколько сотен раз, если быть точной) и знала, чем кончатся маньяческие переживания: возлюбленная, которую он попытался похитить для создания здоровой ячейки общества, то есть семьи, зарезала его ножом и убежала. А он, несчастный и окровавленный, целовал выроненный ею платок, испачканный в его крови, пробуя его почему-то горький вкус, а потом-таки отошел в мир иной.

Увы, я успела послушать только одну эту песню. Из-за Нинки. Сначала она мне позвонила, но по понятным причинам я разговаривать с ней не стала — все равно слышно не будет. Потом она мне написала смс:

«Ты где? Немедленно приходи к залу, где была пресс-конференция!!!»

Пока я раздумывала, идти мне или не идти, она прислала еще штук пять подобных сообщений.

Лучше пойти. Нинка скорее всего убедилась в том, что магический способ привораживания не подействовал, и теперь рвет и мечет. Может быть, даже мечтает убить экстрасенса.

Да, у нее точно ничего не получилось — ее любимый Кей во все горло поет уже вторую песню, сжимая в руках микрофон так, что костяшки пальцев побелели. И ни к кому он не приворожился. Зато выдал сейчас мощный гроул^[12] в припеве, я аж вздрогнула! А глупая Нинка потеряла возможность поехать на халяву и посмотреть последний концерт в городе своих «милашек».

Я вышла из «Карамели» и с трудом нашла зал, в котором проводилась пресс-конференция. Сейчас там было относительно тихо и спокойно. Звуки рок-концерта были приглушены стенами.

Моя подруга стояла около входа в зал с крайне рассерженным видом, подпирая спиной стену. Голубые глаза пылали какой-то безграничной злобой, волосы были слегка растрепаны, ноздри трепетали.

— Ну, приворожила? — с откровенной усмешкой спросила я, приближаясь к Нинке.

— Ты дура? — не в тему спросила она.

— Нет, дура ты, Нина. Я заранее знала, что ничего не получится, — отозвалась я с превосходством. — Эта Альбина, или как ее там, жуткая шарлатанка. Но ты не расстраивайся, ты этого Кея и так закадришь. Наверное.

— Кто тебе сказал, что не подействовало? — обозленно прошипела она и стукнула кулаком по стене.

Если бы я, к примеру, видела ауру людей, как герои компьютерных игр, не сомневаюсь, что узрела бы вокруг Нинки настоящее огненное пламя!

Я опешила:

— Подействовало? Это как? — я абсолютно не верила в странную магию Альбины.

— Это обыкновенно! Но не на того! — невнятно объяснила Журавль, нервно дернув плечом. — Вот дерьмо, так ноги болят, а тут еще такое...

— Да какое? — едва ли не прыгала я вокруг подруги. — Расскажи! Что произошло?!

— Полнейший отстой, Катька...

Девушка принялась за свой рассказ, изредка с выражением вспоминая чью-нибудь маму или других родственников, а также прочие нелестные выражения.

Расставшись с Катриной, Нина спешно пошла в сторону гримерок. Удостоверение журналиста, болтавшееся на шее, сегодня пропускало ее туда, куда раньше ей как обычной фанатке вход был заказан. От осознания этого на пухлых розовых губках лжеангела играла почти что победная улыбка. Девушка привыкла, что она получает желаемое, а вот средства достижения цели ее совершенно не волновали — они могли быть любыми. К тому же с ней была любимая подруга, согласившаяся помочь и поддержать.

План клуба Нинкой был изучен уже давно, поэтому она знала, куда идти. В гримерную к группе ее, конечно, все равно не пропустят, но

выполнить пункт № 2 она сумеет. Посмотрит своему Кею в глаза, когда он будет выходить оттуда, чтобы пройти на пресс-конференцию. Перед этим она не забыла выпить залпом содержимое бутылечка, которое показалось Нинке чуть подслащенной водой.

Она остановилась посередине коридора, по которому в пресс-зал должны были пройти музыканты.

Пункт № 2 удалось повернуть очень легко — молодые люди вообще всегда обращали на нее внимание. Парни из группы «На краю», шедшие под предводительством приторно-красивого менеджера и пары сотрудников клуба, исключением не стали. Один из последних, важный дядька, игриво ей подмигнул.

Контакт глаза в глаза с Кеем получился. Увидев так близко своего будущего молодого человека (а в этом уверенная в себе Нина ни в коем случае не сомневалась), девушка почувствовала, как ее сердце переполняется бурной радостью и каким-то волнующим приятным чувством. «Ты будешь моим», — сказала она про себя, закусывая от радости нижнюю губу. Пластиковый пакет с магическими штучками она крепко сжимала в руках. Так как в саму комнату, где переодевались и гримировались музыканты, ей было не войти, девушка решила проводить все магические манипуляции около двери. Тем более в этом хорошо освещенном коридоре людей больше совершенно не наблюдалось.

Достав пирамидку Боэ и положив пакет прямо на пол, Нина выполнила все требования с 4 до 7-го пункта: поводила руками над пирамидкой, представляя Кея во всей красе. Никто ей не мешал, и она совсем не торопилась. Затем снова выпила волшебной воды и стала ждать, когда сможет вновь увидеть солиста группы. Нина планировала так и оставаться возле двери гримерной — парни же все равно будут возвращаться обратно, и это прекрасный шанс пообщаться. Тем более что Альбина, когда брала деньги, заверяла, будто подсознательно настроила молодого человека на симпатию к ней, Нине.

Пункт 8 вызвал кое-какие сложности — красный камень любви следовало оставить в закрытой комнате, как в «месте сбора его энергетики». Подумав, девушка выбрала самый тоненький и маленький камушек и с трудом просунула его в щель между дверью и стеной, едва не сломав ноготь, — это послужило катализатором к тому, что в беспокойной головушке тут же начали придумываться сами собой не самые милые ругательства как для тех, кто строил и проектировал клуб, так и для Альбины и ее камней любви.

Мысленно наругавшись всласть, Нинка вновь встала около гримерной

и принялась ждать, нетерпеливо постукивая ногой. Пока Нинка выполняла ритуал для приворота, мозоль почему-то совсем перестала болеть, а теперь жгла кожу с новой силой, заставляя Журавля придумывать заковыристую брань еще и для продавцов из бутика. Подумав, что все равно никого нет, светловолосая девушка сняла туфли, и ей сразу же стало легче.

Пока Нинка размышляла с коварной улыбкой на лице о том, как она будет представлять Кея своим многочисленным знакомым, а также родственникам и как все ей обзавидуются, в полутемном коридоре появился чей-то мужской силуэт. Приглядевшись, Нинка с изумлением поняла, что это барабанщик любимой ею группы «На краю». Он шел, засунув руки в карманы, глядя под ноги и насвистывая что-то безмятежное. Как уже говорилось выше, этот парень имел прозвище Келла и отличался от своих одноклассников несколько эксцентричным характером, задорностью, веселостью и любовью к шуточкам, не всегда, впрочем, остроумным и приличным, а также хулиганским нравом и бесшабашностью, присущими многим молодым людям холерического темперамента. На ударной установке Келла играл с большим энтузиазмом и весьма профессионально — он мог выдавать неплохие скоростные сбивки, да и игра его, по словам одного из многочисленных Нинкиных знакомых, увлекающегося тяжелым роком в целом и барабанными партиями в частности, была «технична, музыкальна и мощна». На живых выступлениях группы нередко можно было услышать его соло-партии с замысловатым барабанным рисунком, поднимающие всеобщий драйв.

Нинке Келла, конечно же, нравился, но гораздо меньше беловолосого солиста. Из-за врожденной гордости девушка не стала бросаться на молодого музыканта с требованиями дать автограф и сфотографироваться на память, решив, что если у нее будет собственный Кей, то автографы и фото ей уже будут без надобности, а если и понадобятся, она спокойно их добудет.

Стараясь не обращать внимания на Келлу (это далось любопытной блондинке с трудом), Нина сделала вид, что ей интересен пол.

«Иди отсюда, иди, — про себя приказывала барабанщику она, — у меня тут дело экстрасенсорной важности. Иди мимо, мимо...»

Но молодой человек с синими волосами не послушался ее ментальных просьб, мимо проходить не стал, а, дошагав до двери в гримерную, остановился, медленно повернул голову в ее сторону и очаровательно улыбнулся.

— Привет, милашка, — сказал он, оглядывая Нинку с ног до головы, словно хотел купить и не знал, сколько заплатить.

Немного ошарашенная таким поворотом событий, девушка кивнула головой.

— Что ты тут делаешь? — весело спросил Келла, все так же глядя на нее. Нинке совсем не нравилось, когда на нее так откровенно пялились, и она слегка занервничала.

— Стою, — процедила сквозь зубы она.

— Стоишь? — темные, чуть прищуренные глаза молодого человека остановились где-то в районе ее груди.

Девушке это явно не понравилось — она недовольно посмотрела на музыканта. Ей даже взгляда не пришлось поднимать: они оба были примерно одного роста.

— Ты красива, — вроде бы парень делал комплимент, но делал это с таким видом, словно красивой Ниночка была благодаря именно его собственным усилиям.

— Спасибо. Я знаю, — не удержалась блондинка от последнего предложения.

— Это знаю и я, кошечка.

Музыкант в скоростном режиме начинал Журавлику «разонравливаться». К тому же от него пахло ненавистной мятной жвачкой, а мяту девушка не переносила с самого детства. Да и голос Келлы был с подозрительно дурашливыми нотками.

— Постоим вместе?

— Наверное, не стоит, — отодвинулась от него подальше Нина.

— Почему? У тебя обалденные ножки. Ты очень классная. Как раз для меня, — сделал ей еще один сомнительный комплимент молодой человек, улыбаясь во весь рот.

Нижняя его губа справа была украшена металлическим пирсингом-кольцом, в брови виднелась штанга с острыми шипами, да и оба уха были тоже проколоты — чего стоило только длинное спиральное украшение, тянущееся от хряща до мочки и называемое «индастриал штанга».

— Спасибо, — с неприязнью ответила девушка, — но я одна хочу побыть.

«Проваливай, что тебе надо?»

— Ты какая-то странная, — поморщился Келла. — Может, ты наша фанатка?

Нинка, которая начинала злиться, помотала головой.

«Что приперся, даун? Иди своей дорогой! У тебя пресс-конференция», — думала она про себя, но хамить не хотела. Вообще у нее была такая проблема — большинство людей девушку жутко раздражали, и

всех их хотелось поставить на место, предварительно сказав им, сколько конкретно у них недостатков и куда нужно пойти, чтобы их исправить. Только вот часто ей приходилось молчать, улыбаться и строить из себя глупую и милую куклу, чтобы суметь понравиться людям и завладеть их доверием. Лишь избранные видели Нину Журавль такой, какой она была на самом деле, без покрыва вечной маски добросердечного земного ангела, а именно ее лучшая и единственная подруга Катя, брат, сестра, родители, кое-какие другие родственники, а также некоторое число бывших поклонников, над которыми девушка любила поиздеваться. Превращение из ангела в демона их всегда шокировало. Младший брат Сергей по этому поводу как-то даже сыронизировал, что это «метаморфоза из феи в тролля», за что получил кучу подзатыльников и укус руки от любящей сестренки. Увы, физически расправиться с Келлой блондинка не могла.

— Значит, ты просто так тут стоишь? — с такой же дебильной, по мнению Нины, улыбкой переспросил синеволосый и протянул: — Про-осто та-а-ак ничего не быва-а-ает... Точно просто так?

Она утвердительно тряхнула головой. Белокурые волосы упали на лицо вьющимися прядями — перед тем, как приехать в клуб, девушка долго мучила парикмахершу в любимом салоне красоты, и та в результате сделала ей красивую и пышную прическу, устав от своей назойливой и критичной клиентки так, как будто бы укладывала волосы по меньшей мере целому дивизиону гламурных девиц.

Келла, ничуть не стесняясь, осторожно заправил выпавшие пряди Ниночке за уши. Она от ярости побелела, но все еще молчала — прикосновения к себе она терпеть не могла, тем более от незнакомого «панка». Если бы рядом находились те, кто отлично знал характер девушки, они бы удивились такой ее длительной выдержке.

— Ты мне нравишься, — доверительно сообщил молодой человек, приближаясь к ней.

— Н-да? — Процедила сквозь идеально белые и ровные зубы Нинка, вопреки логике большинства обожающая посещать стоматолога.

— Очень, — с этими словами парень оперся рукой о стену очень близко с Нинкиным плечом и наклонился к ее лицу — их носы едва ли не соприкасались. — Повеселимся этой ночью, девочка, м?

Такое предложение, а также запах мяты прорвали барьер терпения незаметно сжимающей кулаки девушки, и она, бесцеремонно отпихнув от себя Келлу, который этого явно не ожидал, спросила сквозь зубы:

— Чего надо, мальчик?

Тот несколько удивленно поднял проколотую бровь и весело

засмеялся.

— Не вижу ничего смешного. Лапы убери и скачи дальше, придурок, — презрительно посмотрела на него блондинка.

— Ну милашка... Так вот ты кака-а-ая... — протянул парень и поинтересовался нормальным голосом: — А почему ты туфли в руке держишь?

— Чтобы проломить череп тому, кто будет ко мне приставать. Шуруй давай, пока я добрая! — рывкнула Нинка, которую очень нервировало появление синеволосого. Вдруг она из-за этого идиота пропустит своего Кея? И тогда все пойдет насмарку...

А со сцены он казался таким клевым.

— Ты мне нравишься. Я хочу с тобой пообщаться поближе. Я Келла, а ты? — не обращая внимания на грозные интонации девушки, спросил он, внимательно глядя на нее чуть раскосыми светло-кариими глазами с черными крапинками вокруг зрачков.

— А я твоя смерть, придурок, — ничуть не стесняясь, огрела его по голове туфлей Нина — парень наклонился слишком близко к ее рассерженно искривленным губам.

— Ты чего?! — отпрыгнул Келла, и на его красивом и слегка асимметричном лице появилась неподдельная обида. — А если ты мне этим каблуком голову бы реально раскроила?

— Жаль, что не раскроила. Проваливай, давай в темпе, мальчик, — сжала губы в тонкую полоску Нина, небрежно вертя туфлю в воздухе. — Я же сказала — шуруй!

«Мальчик» молча посмотрел на девушку, явно что-то взвешивая в голове, потом как-то нехорошо улыбнулся и неуловимым движением вырвал из ее рук грозное оружие, купленное в дорогом обувном магазине. А потом подхватил Нинку на руки и затащил в гримерку, которая, к ее ужасу, оказалась открытой. А она ведь чуть ноготь не сломала, пока запихивала камень любви в щелку — и нужно ведь было всего лишь повернуть ручку двери!

Одновременно блондинка брыкалась, царапалась и пыталась укусить Келлу за руки. Один раз у нее это даже получилось — только вместо запястья она цапнула музыканта за шею. Наверное, парню стало больно, и он выпустил ее из рук.

— Чертова вампирка! — заорал он громко, перекрывая ее нецензурную трехэтажную брань. — Ты вообще девка?

— Нет, я мужик! — со всей силы огрела его по плечу Журавль (она целилась в голову, но музыкант ловко увернулся) и добавила еще пару

ругательств, от которых слегка загорелые щеки Келлы покрылись стыдливым румянцем.

— Капец, ты... — пробормотал он, отбиваясь от цепких рук девушки. Пара ее ударов достигла своей цели. — Ну, в тебе и силы!

Молодой человек вновь приподнял ее и, стараясь увернуться от града ударов, бросил девушку на мягкий диван. А перед этим умудрился чмокнуть в щеку, разозлив Журавлика еще больше.

— Успокойся, — велел он.

— Сейчас. Не подходи! — ошетибилась блондинка, затаившись среди вороха одежды.

Келла неизвестно почему покачал головой и расхохотался.

Нинка краем глаза заметила в гримерной, в которую она раньше так мечтала попасть, небольшой складной ножик, забытый кем-то на столике около большого зеркала. Кстати, как мельком успела заметить внимательная девушка, в этой комнате выглядело все не совсем так, как по ее представлениям должна была выглядеть гримерная музыкантов или артистов. Минимум мебели: несколько высоких зеркал с заставленными столиками, длинная металлическая вешалка с большим количеством концертной одежды, стол с пепельницами и водой, два мягких дивана, на которых кто-то складировал в беспорядке кучу вещей. Повсюду бутылки из-под колы и пива, обертки, смятые тексты песен и ноты, медиаторы, провода, рюкзаки или сумки, чья-то гитара в чехле в углу, еще одна рядом...

Заметив нож, порядком испуганная поведением уже бывшего кумира, Нинка, которая вполне отдавала себе отчет, что она намного слабее этого кретина с синими волосами и просто так с ним не справится, решила добыть холодное оружие и сбежать. Про Кея она на время вообще забыла. Какой тут Кей, когда на ее честь, возможно, покушаются идиоты!

Келла, весьма удивленный как физическими способностями, так и словарным запасом хрупкой и милой с виду высокой блондинки, решил немного передохнуть и отступил к двери, недовольно морщась. Одновременно он хулиганским голосом уверял девушку, что ей с ним понравится. Мол, он нежный, заботливый и все такое.

Нинка, которую он уронил на диван, затаилась. Осторожно проползая по чьей-то зеленой толстовке и черному пуловеру, она не сводила прищуренного взгляда с парня. А тот в свою очередь думал: «Боги, она на меня как змея смотрит!» — и размышлял, как бы успеть запереть девушку в комнате и сбежать. Андрей за столь длительное отсутствие на пресс-конференции по голове не погладит и опять наедет с претензиями...

Времени у парня оставалось совсем мало.

Внезапно Нинка сделала прыжок вперед, напомнив Келле дикого миниатюрного кенгуру, схватила нож и, выставив его вперед, кинулась на опешившего барабанщика.

— Ты что?! — заорал он, не сомневаясь, что эта сумасшедшая с легкостью всадит ему нож куда-нибудь под ребра. — Убери, нельзя!

— Можно! — кровожадно фыркнула девушка, выставив нож перед собой. — Проваливай, наркоман!

— Я не наркоман, — очень скромно отошел от двери синеволосый, косясь на поблескивающий в электрическом свете нож.

— Ты просто псих! И дятел! Тупой скот! — с этим воплем Нина распахнула дверь и выбежала в коридор. Туфли она машинально сжимала в руках.

«Правду про него газеты писали — нарик проклятый!» — на ходу думала она, желая, чтобы барабанщика утащили куда-нибудь в преисподнюю.

Выглядывая из-за угла, светловолосая девушка выждала, когда синеволосый наглец уйдет, и вновь вернулась на свой пост, помня о том, что она должна пообщаться с Кеем. Сердце ее гневно выстукивало барабанный военный марш.

Только пообщаться этим вечером им все же не удалось. Когда она, почти через час, с замиранием сердца увидела толпу, идущую с пресс-конференции и состоящую из музыкантов ее любимой группы, откуда-то взявшихся техников, многочисленной администрации клуба, а также менеджера ребят с холеным лицом, Нинка уже готова была выскочить навстречу Кею, как вдруг ее опять заприметил сумасшедший огурец по имени Келла и с радостным восклицанием: «Моя малышка!» бросился к ней.

Журавль оторопела.

— Ты чего убежала? — укоризненно обратился он к девушке. — Я тебя напугал, да? Слушай, прости, просто ты мне так реально понравилась, что я ступил... Не знаю, что со мной такое... Ты мне, короче, нравишься, леди.

Дальнейшее Нинка не слышала. Она вдруг перестала чувствовать стук сердца. В ее голове что-то щелкнуло (она искренне надеялась, что это не клюв), и, к своему огромному ужасу, Нина поняла, что магический ритуал каким-то образом влюбил в себя не Кея, а Келлу! Может быть, потому, что именно он увидел ее самым первым после ритуала, а может быть, еще по каким-то причинам.

«Я убью чертову ведьму Альбину своими руками! Чтобы она сгорела!» — никогда не подозревала себя в неправильных действиях девушка. Во всем и всегда были виноваты другие.

— Слушай, давай получше познакомимся, а то ты меня не так поняла, детка! — Направился к Нине Келла, когда как ее драгоценный Кей, не обращая на нее, красавицу с шикарной прической и длинными ногами, никакого внимания, заходил в гримерную, разговаривая о чем-то с черноволосым бас-гитаристом!

Рядом с назойливым ударником же остался один из близнецов, в котором Нинка не без труда узнала Филя. Ей почему-то вспомнилось, что младшая сестра Кати, надоедливая и болтливая Нелька, этого самого Филя любит больше всех. Он, видите ли, самый милый, хотя на сцене может выглядеть очень диким.

— Ты знаешь, наркоман, — очень внимательно поглядела на молодого человека Нина, — лучше не надо.

— Почему? — нисколько не обиделся синеволосый, во все глаза уставившись на девушку.

— Потому. И не приближайся ко мне, — сощурилась Нинка.

— Приходи на наш концерт, — вмешался вдруг Фил, поправляя рукой сложную светло-каштановую прическу. — Я вижу, ты Келле нравишься. И вообще ты здорово выглядишь, очень женственно.

Голос у гитариста был не таким противным, как у Келлы, и выглядел парень так же здорово, как на постерах. И не ел ее глазами. И вообще был каким-то по-детски трогательным, явно отличаясь от сценического имиджа. Поэтому ему Нина симпатизировала и грубить не стала.

— Извините, я занята, — с достоинством сказала девушка и направилась в противоположную сторону, одновременно думая, что в первую очередь она отрубит коварной мошеннице-экстрасенсу и как ей отвязаться от Келлы, которого ей просто хотелось пристрелить.

Второе место уверенно занимали мысли о том, как теперь ей, Нине Журавль, расчетливой и упрямой девушке, привыкшей добиваться своего, приворожить симпатяжку Кея?!

— Нет! Приходи, малышка! — то ли с надеждой, то ли с весельем в голосе выкрикнул Келла и молниеносным движением бросил на стоящий рядом одинокий столик с расположившимся на нем цветочным горшком узкую и длинную цветную бумажку. А потом... миг — и вырвал из рук девушки сумочку.

— Ты что, совсем **<запрещено цензурой>!**? — далее из уст Нины полетели новые забористые матерные выражения, достойные лучших

сапожников. Но поймать коварного музыканта она так и не смогла — помешала непонятно откуда взявшаяся охрана, буравившая девушку тяжелым взглядом.

— Приходи на концерт! Там и отдам! — подмигнул ей синеволосый, прячась в гримерной. — Билет на столике! Я буду жда-а-ать!

В душе Нинки яростно заколыхалось пламя злости, грозящее перерасти в лютый пожар. От злости блондинка даже на пару секунд забыла, как дышать, и только лишь яростно сжимала кулаки, едва не сломав при этом ногти.

В сумке оставались все деньги, кредитная карточка и множество других дорогих сердцу Нинки вещей вроде косметички, духов или флешки с любимыми ужастиками, с которыми девушка не желала расставаться. Конечно, она могла бы сейчас заявиться в гримерную и устроить грандиозный скандал в своих самых лучших традициях, да только она не хотела показывать своего истинного лица Кею. К тому же ей что-то подсказывало, что ее приходу там явно не обрадуются и, несмотря на ее, Ниночкины, немалые достоинства, примут за фанатку и выставят вон.

Почти что полчаса Журавль успокаивалась, сидя на подоконнике в женском туалете и придумывая разнообразнейшие кары проклятому Келле и не менее проклятой Альбине за такую подставу. В милой головке проносились самые разнообразные сцены казни: от четвертования до утопления.

Это же надо такому случиться! Ее драгоценный план провалился! Кей не сможет быть ее собственным парнем! Наркоманский ублюдок Келла своровал сумку! Еще и шантажирует!

Сначала она хотела позвонить отцу, но потом передумала — тогда ей и самой достанется. Папа и так не одобряет всех этих походов в клубы. И вообще он думает, что средняя дочь сегодня пошла на Музейную ночь...

Чуть успокоившись, Журавль решила поговорить с Катриной, но почему-то связь отсутствовала, и Нинка смогла отправить смс и позвонить только через некоторое время. Плохая телефонная связь понизила ее настроение еще на пару градусов. Потом она все-таки написала Радовой сообщение, они встретились, и Нинка с видом рассерженной тигрицы сообщила, что с ней приключилось. Злость проходила. Присутствие лучшей подруги всегда ее успокаивало.

Ох, ну и зла же она была!

А я была поражена. Пусть и неправильно, но любовная магия, или как там называла свои манипуляции с энергетикой Альбина, действовала, и это было самым невероятным!

Это сработало! Нинка почти что приворожила Кея!!! Удивительное рядом! Хотя оно и неправильное...

— Чего радуешься? — хмуро глянула на меня подруга. — И что мне делать? На хрена мне этот кособокий урод?

— Кто? — не поняла я.

— Келла, кто! — взмахнула сразу обеими руками девушка. — Чертов ублюдок, угораздило же его появиться не вовремя!

— Да, я помню, он во время конференции уходил... а пришел счастливый донельзя, — вспомнился мне уход синеволосого.

— Сумку-то твою пойдем выручать? — спросила я раздраженную подругу.

— А как ты думаешь? — огрызнулась она. — Там все мои вещи... Поганый извращенец! — завопила она внезапно.

Наверное, Келлу вспомнила.

— Слушай, может тебе согласиться хотя бы на этого синего? — спросила я ее. — Глядишь, так и к Кею подберешься. Келла этот не страшный совсем. И тоже музыкант.

— Хватит глупости говорить, — отмахнулась она. — Пошли в концертный зал. Я свои деньги так просто ему не отдам. И вообще — никто не смеет мною манипулировать, тем более такой прыщ!

— Ну, он же из твоей любимой группы, — попыталась поддеть Журавлика я.

— Он теперь — исключение, — рявкнула подруга, которая быстро разочаровывалась в людях. — Идем! И я ему устрою прописку в аду, **<запрещено цензурой>!**

Лучше бы она вообще на концерт не ходила. Честное слово, я пыталась уговорить ее все-таки позвонить отцу. Он человек влиятельный. Вмиг разберется с пропажей сумки. Но Нинка упрямее самого противного осла — куда там мне ее уговорить!

На концерт Журавлю даже не понадобился оставленный барабанщиком билет — у нас ведь были журналистские пропуска.

Когда мы вошли в трясущийся и вибрирующий от топота, ора и громкой музыки зал, освещаемый мощными прожекторами, я прижалась к подруге — так страшно мне стало. Я в принципе знала, что такое слем, но попасть в него мне вовсе не улыбалось. Когда мы втиснулись в толпу, уверенный и усиленный микрофоном голос Кея разносился по всему залу:

— ...разделяйтесь на две половины! Давайте-давайте! Сделаем «стену смерти»! Когда я скажу три — и только когда я скажу три — разбегайтесь! Разбегайтесь, слышите?!

— Да-а-а-а! — взревел зал радостно.

Вот же мазохисты!

Слэм — это небольшой персональный ад, когда разгоряченная публика начинает агрессивно толкаться и врезаться друг в друга, махая руками и ногами. «Стена смерти» — своеобразная стенка на стенку. Это когда поклонники тяжелой музыки разбегаются и со всей дури врезаются друг в друга. Кому-то нравится и кто-то принимает в этом действе самое активное участие. А вот меня точно затопчут. Парни здесь совсем не маленькие и не хиленькие.

Моя подруга тоже это прекрасно понимала. Поэтому мы с Нинкой, молча взявшись за руки и уворачиваясь от прыгающих парней и девушек, подоברались к стеночке. Некоторые поступили так же — в слеме хотели участвовать не все, хотя желающих было очень много. Самые яростные из них образовали перед сценой с подбадривающими поклонников музыкантами мошпит — круг, в котором самые активные действия слема и производились. Именно там должна была сейчас появиться «стена смерти». Кажется, если я ничего не путаю.

Пробрались мы к спасительной прохладной стене вовремя. Потому что буквально секунд через сорок Кей под мощные аккорды бас-гитары оглушительно закричал:

— Готовьтесь, готовьтесь! Раз... я говорю раз... два, малыши, не боитесь?... два.... Три!!!

И фанаты побежали друг на друга. Веселье началось под захлебывающиеся резкие звуки музыкальных инструментов.

Вроде бы мне слышались звуки врезающихся друг в друга тел, но, думаю, это мне всего лишь казалось от излишней эмоциональности.

Я не видела, что там происходило с бушующими поклонниками, но, судя по тому, как наверху, находясь в своем красивом VIP-зале, прилипли к перилам журналисты, на мошпите было весело! Сверху одновременно снимали на камеры и фотоаппараты. Еще бы, там, наверное, настоящая мясорубка! Кажется, про группу «На краю» напишут очень много статей.

— Распрыгались! — проорала мне на ухо еще больше обозленная Нинка.

Как бы у нее нервный тик не начался.

Я согласна кивнула головой.

Мы с ней стояли возле стенки довольно долго, дожидаясь, пока толпа успокоится полностью. Нинка хотела пробиться к самой сцене, потому как она не совсем понимала, как «синильный козел» разглядит ее в такой толпе.

— Сейчас пойдем к сцене! — громко, чтобы я слышала, орала она мне

на самое ухо.

Я, чувствуя, как жесткая и громкая музыка заставляет вибрировать легкие, отвечала ей:

— Да ни за что!!! Я туда не пойду!

Мне было страшно идти в самую гущу разгоряченных любителей альтернативной музыки.

— Пойдешь! — кричала в ответ Нинка. — Ты же моя подруга! Немедленно пошли!

— Я не самоубийца!!! — пыталась я перекрыть музыку и с сожалением констатировала, что сделать этого не смогу, даже если мой голос усилить в четыре раза.

Идти нам не пришлось. Наверное, Небеса услышали мои молитвы, и в очередном перерыве между песнями, когда одни музыканты разговаривали с публикой, а вторые жадно пили минералку (между прочим, потом стаканчики с водой ребята отдавали стоящим у самой сцены поклонникам, и те с радостью принимали «угощение» из их рук), синеволосый Келла вновь на какое-то время завладел микрофоном.

— Сегодня в этом зале моя любимая девушка! — весело прокричал он, близко подходя к микрофону и едва ли не касаясь его губами.

Мужская часть одобрительно подбодрила ударника. Женская — скорее расстроилась, но тоже зашумела.

— Я хочу сказать ей, как сильно я ее люблю! И хочу! — еще громче завопил парень, а я почувствовала боль — так сжала мою руку обозлившаяся Нина. Я за нее держалась, чтобы случайно «не потеряться».

— В полночь, в ВИП-зале «Конфетти» я жду тебя, моя леди! Приходи, я отдам тебе все самое дорогое! Ай лав ю!

— Е-е-е-е-е! — поддержали музыканта поклонники. — Приходи!

Я не знала, на кого мне глядеть с сочувствием: на далекого весельчака Келлу или на рядом стоящую, пылающую от гнева Нинку. Что-то мне подсказывает, что эти двое друг друга стоят.

А зал, приветствуя новую композицию, уже вновь погружался в очередное штормовое море музыки, рискуя в нем утонуть.

Мы покинули концертную площадку и направились к журналистам, за столики.

— «Я отдам тебе все самое дорогое!» — противным голосом передразнивала Нинка этого странного Келлу. Почему-то в ее интерпретации он очень сильно шепелявил и имел тонкий гнусавый голос. — Да у него из всех вещей самое дорогое — это моя сумка!

— Думаешь, он такой бедный? — засомневалась я. — Они же вроде

как музыканты довольно известные...

— Да ты знаешь, сколько стоила эта сумка? — зло пыхтя, прорычала подруга. — Да меня отец чуть не убил, когда я ее из Италии заказывала! Это, между прочим, «Версаче»! А мои кредитки? А закладка с кристаллами Сваровски? А ручка «Паркер»?

— Зачем тебе ручка «Паркер»? — очень удивилась я.

— Тебе не понять, ты все равно модой не интересуешься!

— Раз ты такая модная, слушала бы гламурный г'n'b! — не отступала я. — А не всякую там альтернативу.

Подруга одарила меня таким тяжелым взглядом, что я перестала с ней спорить. Воспользовавшись этим, она вновь стала ругаться:

— Да если он мне мою сумку не отдаст, я ему сердце через нос вырву! Я его убью!

— Как?

— Его барабанные палочки в уши затолкаю, чтобы мозг.... Хотя, — осеклась она, — откуда у него мозг? У этой сволочи там вакуумное пространство сидит!

— Как вакуумное пространство может сидеть? — поинтересовалась я, припоминая физику. — Вакуум — это же среда.

— Среда, среда, — кивнула подруга. — Понимаешь, дорогая моя, когда мозг у человека выкипает, он превращается в газ. Газовую среду. А вакуум — это как раз состояние газа и есть. У него в башке вакуум, у этого проколото рыла...

— У него еще и губа проколота, и брови, —插вила я, уже откровенно веселясь. У меня теория с тараканами в голове, у нее с вакуумом...

— Да хватит меня перебивать!

— Успокойся, ты же его приворожила, вот парень теперь и хочет с тобой встретиться, — успокаивала я Нинку, озираясь, — на нас иногда с интересом смотрели люди, проходившие мимо, — подруга говорила вовсе не тихо.

— Там мои деньги! Там мои вещи! Да как он посмел! Моя сумка! Скотина!

— Ну, этот Келла же пообещал вернуть тебе все, — несколько опасливо тронула я за руку подругу. Та яростно прошипела:

— Пусть попробует не вернуть. Пусть. Я ему кишки на шею намотаю и повешу на них этого засранца! Я ему вены вытяну через уши и задущу ими! — очень мерзко расхохоталась подруга.

Даже я немного Нину сейчас боялась: столько ярости было в ее жестах

и словах. По-моему, если Нинку подпустить близко к этому синеволосому, она кинется на него, как разъяренный лев на гладиатора, и попробует узнать, каков он на вкус.

— Я его печень съем! — воинственно заявила она мне, напоминая демона. — Выпью кровь! Порву желудок! Из вен сыр-косичку сделаю.

Как у нее еще глаза красными огоньками не загорелись и рога не выросли?

— Нина, ну я же ем, — возмутилась я, передергиваясь от таких подробностей.

— И что? — уставилась на меня та.

— Мне немного неприятно. Слегка так.

— Ничего, переживешь, — она подхватила длинной изящной вилкой со дна своей тарелки кусочек хорошо прожаренного мяса. — Вот так вот возьму и съем его селезенку! — с этими словами подруга запихала в рот еду. — И пфофую!

Это она так слово «прожую» произнесла. Я отвернулась от нее. У меня нервы не стальные — вдруг тошнить начнет от ее слов. Воображение у меня богатое.

Хотя я понимаю злость подруги: она ехала сюда, абсолютно уверенная, что влюбит в себя милого сероглазого (или уже янтарноглазого?) Кея, а к ней в буквальном смысле прицепился совсем другой человек! И даже в примерную на руках зачем-то потащил — наверное, чести хотел лишиться. Или другие пакости задумал.

Представив картину, где синеволосый, мерзко улыбаясь, бросает дико орущую и не желающую сдаваться Нинку на диванчик, я захихикала. Что за глупая ситуация? Это так на него методика экстрасенса подействовала? Может, и мне при случае тогда к Альбине забежать? Мне менеджер понравился...

— Чего хихикаешь? — мрачно осведомилась Нинка, не сводя глаз с поющего Кея. — Проклятый жук-навозник... я ему ноги вырву и вместо них барабанные палочки вставлю. Ур-р-род.

Под навозником и уродом явно подразумевался коварный Келла. А я Нинке говорила, что все эти музыканты с приветом. Кто-то с маленьким, а этот синий — с большим.

Я не ответила. Пусть подруга и я вместе с ней попали в очередную глупую ситуацию, зато забавно вышло. Будет что вспомнить, так сказать. А Нинка уставилась на сцену, решив не ругаться, а наслаждаться музыкой и голосом ее несостоявшегося звездного парня. Взгляд ее сразу стал мягким.

— Я бы отправил тебя к господину всея пороков, — прошептал Кей

завершающие слова одной из песен завораживающим шепотом, — *чтоб преподать тебе, тварь моя, пару простых уроков...*

Фанаты опять шумно возрадовались непонятно чему, подхватывая его зловещие слова и завершая их:

— *Только найду тебя...*

Мдэ, ну и песня. Правда, поклонникам нравится...

Я внимательно посмотрела на Кея, уставшего, мокрого, но все еще энергичного и отчего-то искренне улыбающегося, точно зная, что он поет вживую. Всегда.

Сейчас мы с Журавликом сидели на удобных стульях ВИП-зала «Карамель», как и остальные журналисты, пришедшие на халявный фуршет и концерт группы «На краю». Само выступление недавно закончилось, и благословенная тишина казалась непривычной, как афроамериканец в далекой сибирской деревеньке.

Писательской братии, впрочем, было все равно — есть музыка или ее нет. Она активно ждала ночного открытия клуба и не менее активно поглощала еду и напитки, которые чудесным образом все не исчезали со столов. Кое-кто уже так хорошо распробовал алкоголь, что несвязно разговаривал.

До начала ночной работы «Горизонта», тогда, когда все три этажа заполнятся любителями ночной жизни, дискотек, танцполов и диджеев, оставалось около часа. Любезный директор клуба, а также несколько его помощников с милыми улыбочками ходили между приглашенными журналистами и призывали «немного подождать, чтобы увидеть сегодняшнюю божественную ночную программу». Гостеприимно размахивая руками, директор клуба Игорь Иванович сообщил:

— Дорогие гости! Сегодняшний день — специально для вас! По своим удостоверениям вы сможете побывать в любых, так сказать, частях нашего заведения. Начиная от большого танцпола, заканчивая бильярдом. Так сказать, все для вас! Все для вас!

Журналисты ему вяло поаплодировали. Многим уже было все равно, где поглощать алкоголь.

Ой, он так статьи-то хвалебные хочет, что все разрешает. Наверное, конкуренции все-таки опасается. Зато это чистой воды везение для моей озлобленной и несчастной Нинки. Кстати, что характерно, по тому поводу, что у нее ничего не получилось с Кеем, подруга почти не переживает — все ее добрые и светлые чувства к нему были отодвинуты на второй план ненавистью к Келле.

— Ну вот, — повернулась я к Нинке, после того как директор растворился среди гостей, — ходи где тебе хочется! Директор сказал, что для журналистов с их удостоверениями все открыто. Может, потом в журналисты податься, а? Халява такая.... Найдешь свой «Конфетти», встретишься с...

Я замолчала, глядя на подругу. Пока я говорила, она ловко перехватила у одного из ребят-официантов сразу два высоких бокала с ядовито-синими коктейлями и теперь большими, совсем не женскими глотками поглощала содержимое одного из них.

— Ты что, напиться тут захотела? — вцепилась я во второй бокал. — Не смей!

У Нинки и алкоголя странные взаимоотношения. Пара бокалов вина или одна-две бутылки пива никак на нее не действуют, разве что делают ее активнее и злее, чем обычно. Но большее количество алкоголя полностью меняет психику этой чудачки — она становится белой и пушистой, лезет обниматься и вообще похожа на вулкан, извергающий из себя добро. Просто не человек, а ангел, меценат и добрых дел мастер в одном лице! В таком состоянии она добродушная и милая, как никогда. Готова сделать все что угодно даже для незнакомого человека. Побыв хорошей, излишне болтливой и чересчур щедрой, Нина начинает слабеть, вянуть, как застоявшийся в воде цветок, и домой ее приходится тащить чуть ли не на руках.

— Я не напиваюсь, — уже присосалась ко второму бокалу Нинка, вырвав его из моих рук, — я себя поддерживаю в тонусе.

Темно-синяя жидкость коктейля исчезала из бокала с огромной скоростью, и мне лишь оставалось печально наблюдать за этим.

— В каком таком тонусе? Не пей, пожалуйста, много, я не хочу тебя на себе тащить домой!

— А тебе и не придется, балбеска! Я знаю, что я делаю. И вообще в двенадцать я встречу с синеволосым козлом, заберу свои вещи, ну и, конечно, расскажу ему, что воровать вещи у девушек — плохо. А потом мы с тобой пойдем веселиться, ясно? Тысяча чертей, — процитировала она одного из мушкетеров, — я найду его и заставлю пожалеть, что он такой недоносок!

— Думаешь, он считает себя недоноском? — скептически спросила я, вспоминая барабанщика. По его одному виду можно сказать, что у него самомнения выше крыши. Хотя до Нинки ему все-таки далеко.

— Я считаю. И этого достаточно, — потрясла кулаком в воздухе подруга. — Я из-за этого кретина не смогла Кея заполучить! Я его зарежу.

В подтверждение своих слов она потянулась рукой к коленям, на которых обычно лежала ее сумка. Сейчас там, естественно, было пусто — и ее рука нащупала не знакомое кожаное изделие, а воздух. Это рассердило Нинку еще больше, хотя я думала, что больше уже невозможно. Подруга, яростно потрясая гривой светлых волос, некрасиво ругалась, не стесняясь окружающих.

— Еще и мозоль болит! — горестно взывала она, ударившись о ножку столика.

— Лучше бы папе рассказала, — произнесла я. — Он бы за тобой приехал хотя бы.

Такой вариант развития событий ее не устраивал.

— Ну уж нет. Я тут потусуюсь! И вообще вдруг Кеечку встречу. Я слышала, кто-то из этих говорил, — обвела чуть затуманенным взглядом присутствующих Нинка, — что Кей останется в клубе. А жаловаться я вообще не хочу. Со своими проблемами могу справиться сама. Сама, и только.

Ее губы вдруг растянулись в неприятной улыбке, а глаза забегали в разные стороны, как у воришки.

— Ты чего? — растерянно посмотрела я на подругу.

— Ничего, — отвечала она. — Мне нужно позвонить. Сиди здесь и никуда не уходи, а то потом ищи тебя по всему «Горизонту»!

С этими словами подруга бабочкой выпорхнула из-за стола и скрылась в толпе людей.

Вернулась она минут через пять, крайне довольная, поигрывая бусами.

— И кому ты звонила? — смерила я ее подозрительным взглядом.

— Папе римскому! — в руках у Нинки появился новый бокал. На этот раз коктейль в нем был не синим, а рубиново-красным, где-то на середине бокала плавно переходящим в желтый.

— Хватит пить! Ты не для этого сюда пришла! — рассердилась я.

— Я же сказала — мне для тонуса, — отрезала подруга. — У меня сегодня день великого стресса, а ты ноешь. И вообще это последний.

— Так кому звонила-то?

— Папе, — радостно отозвалась Нинка.

Я облегченно вздохнула. Надеюсь, ее родитель заберет нас отсюда.

— И когда он приедет? — осведомилась я.

— Скоро. Сказал, что сейчас с одним мужиком разберется и прикатит с ребятами.

— В смысле разберется? — не поняла я.

— В прямом. Папа сейчас на разборке какой-то, — хмыкнула Нинка.

Она опять сняла свои туфли и, уже никого не стесняясь, сидела без них, босиком.

Я медленно перевела на подругу взгляд.

— На какой такой разборке?

Что-то не могу я представить представительного дядю Витю, главу семейства Журавлей, который в общем-то человек довольно хороший, хоть и нудный, пришедшим на бандитскую разборку. И не то у него социальное положение, чтобы такими глупостями заниматься.

Наверное, все-таки не стоило Нинке пить коктейли, потому что она стала нести какой-то бред.

— На обычной. Ты не знаешь, что такое «разборка»?

— Знаю. Но зачем ему на нее ехать? Ему делать больше нечего?

— Понятия не имею, — отрезала девушка. — Может, на него наехали, а может, он наехал на кого. Я же тебе не профессиональный уголовник со стажем. Откуда я знаю, чем Папа занимается?

— Зачем твоему папе бандитские разборки? — осторожно спросила я. — У него дела в фирме идут плохо?

— При чем тут мой отец? — рассвирепела Нинка. — Ты совсем с ума сошла? Тебе противопоказано в клубы ходить. Конечно, моему папочке заняться нечем, как в двенадцать ночи ехать на разборку! Он, наверное, весь свой офис собирает и мчится туда, не забыв прихватить с собой бейсбольные биты и стволы. А там его ждет другой бизнесмен со своими работниками. «Офисные войны», блин.

— Правда, что ли? — кажется, я глупею с каждой секундой.

— Ну конечно! — расхохоталась Нинка. — И Джордж Лукас будет про них фильмы снимать! Ой, Катя, умеешь ты настроение поднять! Надо же такие глупости еще умудриться сморозить, а?

Я растерялась:

— Но ты же сама сказала, что позвонила папе...

Она закрыла лицо ладонями и опять расхохоталась:

— Ой, Катя! Ну, ты даешь! Я позвонила не папе, а Папе. То есть не своему дорогому папочке!

— А чьему? — удивилась я, понимая, что кто-то из нас явно тупит. — Моему?

— Ага! Чтобы он сюда на своем холсте прилетел и всех кисточками распугал! Нет, он с собой Чуню возьмет, их все напугаются, и разборок вообще никаких не будет. Я позвонила Папе. Папа — это кличка, — принялась доходчиво объяснять мне подруга. — Ты наверняка его помнишь. Этого парня Иваном зовут, и он на «джипаре» разъезжает.

Я вздрогнула. Ивана этого я хорошо помнила. Здоровый мужик, у которого бритая налысо голова плавно перетекает в плечи, а лицо такое грубое, словно вырезанное из камня. На лбу у этого Ивана шикарный шрам в лучших традициях Франкенштейна. Нос переломан в двух местах и не отличается особой изящностью. Кажется, пару раз этот парень бывал в местах не столь отдаленных. И сейчас занимается чем-то противозаконным. Приятный человек, одним словом.

Каких только знакомых у Нинки нет!

А познакомились они совершенно случайно. Моя подруга сидела в такси и ждала собственного брата, который должен был вернуться из магазина, где продавали сноуборды и скейты, но запаздывал. Нинка сидела на переднем сидении и подпиливала ногти, очень сильно злясь на Сережку. Когда она в очередной раз выглянула в окно, чтобы посмотреть на дорогу, то ее взгляд наткнулся на появившегося, словно из воздуха, бугая со шрамом на лбу. Он оглядывался по сторонам и тяжело отдувался, словно ему пришлось немало побегать. Где-то вдалеке слышались крики, ругань и топот — за парнем мчалось не меньше пяти человек, очень похожих на него по комплекции.

Нинка верно решила, что просто так гнаться за человеком с харей бандита не будут. Тем более догоняющие очень громко грозились отправить накачанного парня в ад и поминали всех его родственников до восьмого колена. Они ясно давали понять, что если догонят бугая, то ему придется плохо. Поэтому подруга решила совершить добрый поступок, о котором хвасталась мне раз сорок пять. Перегнувшись через открытое окно, она крикнула:

— Запрыгивай в машину!

Несмотря на габариты, бугай ловко запрыгнул в авто, а Нинка, которой хотелось приключений на свою пятую непоседливую точку, велела водителю:

— Трогай, шеф!

Водитель тоже оказался далеко не слепым мужчиной — он прекрасно видел погоню. Поступок пассажирки его, конечно же, смутил, но перечить он не стал. Мало ли что этот здоровый детина, залезший на заднее сиденье, с ним сделает! Рассудив, что уж если теперь у него «на борту» столь сомнительный пассажир, которого следует опасаться, шофер с силой вдавил по газам и скрылся в облаке пыли, тайно радуясь, что номера у его такси забрызганы грязью.

Нинкин брат вышел из своего магазина, счастливо обнимая скейт, как раз в то время когда от такси с сестрой уже и след простыл, зато на дороге,

потрясая кулаками, грозно ругались странные бритоголовые люди с большим количеством татуировок на руках и пальцах.

Таким образом, Нина и познакомилась с Иваном. Тот оказался не просто каким-то там гопником, а правой рукой местного городского криминального авторитета по кличке Сивый. У Вани тоже было прозвище (о котором я совершенно забыла) — друзья и недруги называли его просто Папой. Как мне потом уже объяснила подруга, это из-за того, что у него была милая фамилия Папиков.

Господин Папиков, или просто Папа, был очень благодарен своей спасительнице, разузнал ее адрес и телефон и даже пригласил на ужин в дорожный ресторан. Там он назвал ее своею «сестренкой» и сказал, что сделает для Нинки все что угодно, стоит ей только попросить. Она не стеснялась и иногда просила кое о чем.

— Ты что, позвала этого бандита? — воскликнула я.

— Ага. Наподдаст пусть синему поганцу как следует!

Я схватилась за голову. Сама парня приворожила (пусть это произошло случайно, но это все-таки она виновата), а теперь еще и этого бугая Папу натравить на него хочет.

Пока я переживала насчет дальнейшей судьбы синеволосого, из толпы журналистов царственно выплыла коротко стриженная Лина, которой, по-видимому, было очень скучно.

— Ждете открытия, девочки? — обратилась она к нам.

— Ждем, — многообещающе произнесла Нинка. — Очень.

— Как вам концерт? — села, не спрашивая разрешения, рядом с нами критик известного музыкального журнала.

Я неопределенно пожала плечами. Выступление группы мы с Нинкой досматривали уже в этом VIP-зале, расположенном над сценой. Нинка целый час торчала у перил и смотрела на Кея, поющего или орущего очередную песню. Тогда выражение ее лица становилось умиленным. Изредка ее взгляд натывался на Келлу, который сосредоточенно, в такт бешеной музыке, со всей силы бил по тарелкам и барабанам. Честно сказать, играл он неплохо, профессионально, но при каждом его соло Нина кривила лицо или даже демонстративно закрывала уши. За ней было бы очень забавно наблюдать постороннему человеку.

— Мне понравился концерт. Только их барабанщик... раздражает, — ответила тут же моя подруга, непроизвольно сжимая руки в кулаки. — Синеволосый чурбан.

— Да, барабанщик у них почти что мистер Эпатажность. Хотя, среди прочих рок-музыкантов он не слишком-то выделяется. Красить волосы

синей краской — это уже неоригинально.

— Какой краской? — зло хохотнула Нина. — Он их в синьку окунул, теперь ходит, радуется! Знаете, как я его прозвала? Синильное Рыло.

Лина ужасно обрадовалась, что нашла человека, кто хоть в чем-то недолюбливает «На краю». Ведь, по ее словам, услышанным мною еще тогда, когда мы сидели рядом, «эта пресс-конференция абсолютно белая», то есть недоброжелательных представителей прессы на ней почти что не наблюдается.

— И играет он ужасно, — подхватила критикесса. — Да и не он один. Девочка, ты знаешь, что такое талант? — поинтересовалась Лина у Нинки.

Кажется, она тоже слегка выпила. Я, наверное, здесь одна трезвая осталась.

— Знаю, — тут же ответила подруга, кивая. Она возвела глаза к потолку и выдала: — Как говорил Горький, талант — как породистый конь, и необходимо научиться управлять им, а если дергать поводья во все стороны, конь превратится в клячу. Вот эту клячу с синей гривой мы могли наблюдать на сцене. Видали, как ее дергало?

Лина оценивающе улыбнулась. Сравнение «синеволосый — кляча» ей очень понравилось. Я думала, что она выдаст светловолосой девушке слова о таланте, принадлежащие Довлатову, те самые, что она говорила мне всего лишь пару часов назад, но критик блеснула новыми знаниями:

— Талант, по словам великого Бальзака — это развитие природных склонностей. Вы знаете Оноре де Бальзака?

Мне пришлось кивнуть, хотя и о нем я имела весьма смутные представления, а вот Нинка согласно заболтала головой, как болванчик. Ей нравилось показывать свою образованность и слышать похвалу за это. Тем более услышать похвалу от столичной известной гостьи...

— О, молодцы. Приятно видеть читающую молодежь. Так вот, талант есть развитие способностей. А у этого молодого человека с бесчисленными проколами способностей совсем нет. Один только ветер между ушами. Музыка — это великое искусство! А во что превратили его эти мальчишки? А вы видели это ужасное действо, когда их фанаты бросались друг на друга? И прыгали, прыгали... Всем повезло, что никому не пришлось вызывать «скорую»! Там же могли кого-то затоптать, не так ли? А музыканты, и особенно солист с этим синеволосым, побуждали толпу к этому ужасу! А тексты песен? Какая жестокость! Какая отсутствующая рифма! Какой полуночный бред! Кто их сочиняет?

— Давайте лучше о синеволосом! Говорят, он наркоман! — перевела тему Нина.

И эти две оставшиеся полчаса едва ли не по косточкам разобрали несчастного Келлу. Наверное, у него горели уши и он икал без остановки. Иногда Лина пыталась заговорить о Кее и других парнях, но Нинка это в корне пресекала. Потому что если моя сумасбродная подружка терпеть не могла только барабанщика, то Лина не слишком любила всю группу в целом. Про остальных Нина гадости слышать не хотела. Зато критик сумела немного пообсуждать менеджера-красавчика, заявив, что он бабник, плагиатор и откровенная сволочь, которая пытается заработать на группе большие деньги. У меня появилось такое чувство, что Андрей и критикесса знакомы лично и отношения их не самые доброжелательные.

Нина и Лина сумели найти друг друга. Они сидели, словно две кумушки, и с открытой, ироничной злобой критиковали всех и вся, одновременно блистая знаниями в самых разных областях. Начали с Келлы и его менеджера, закончили первыми лицами страны. Когда парочка перешла на обсуждение одного из последних международных конфликтов, возомнив себя великими геополитиками, клуб вновь ожил. Одиннадцать тридцать — законное время начала ночной сессии. На противоположной от нас стороне, которая выходила своим балконом на большой танцпол, сначала тихо, разогреваясь, а потом все сильнее и сильнее зазвучала ритмичная музыка. То ли техно, то ли хаус — в этом я совсем не разбираюсь. Плавными невидимыми рывками громкий пульсирующий звук заполнял все пространство клуба. Одновременно с музыкой ожили и яркие неоновые цвета — это было включено световое оборудование. Повсюду заискрились все цвета радуги, в такт музыке, и выглядело это очень красиво.

— С вами диджей Скрин! И много-много-много часов драйва! — разносилось эхом по клубу.

Пришедшие потанцевать с воплями приветствовали диджея.

Жаль только, что я уже привыкла к тишине. Нинка, отвлекшись от женщины-критика, наклонилась ко мне и проорала:

— «Горизонт» окрыли для дебилов! Как раз почти двенадцать! Сейчас пойдем искать этого выродка!

Чтобы попасть во второй ВИП-зал «Конфетти», нам пришлось спуститься вниз, на первый уровень, — сначала нужно было пройти мимо танцпола и барной стойки, а потом еще спуститься на нижний этаж.

Несмотря на то что клуб только-только открылся, уже множество людей находилось на танцплощадке и возле огромной пятиметровой барной стойки, да и все столики в зоне отдыха были заняты теми, кто хотел весело провести субботний вечер и ночь. Большое количество отдыхающих и веселящихся было на среднем уровне — то есть на балконах,

расположенных по периметру танцевального зала, который как раз считался уровнем первым. На балкончиках было расположено много диванчиков, и в прошлый раз, когда я приходила в клуб вместе с Нинкой, мы сидели именно там, наблюдая шоу-программу сверху. ВИП-зал, где располагались журналисты, находился на третьем, верхнем уровне.

Нинка с сожалением оглядела нижний уровень — ей тоже хотелось на танцпол. Танцевать она обожала и делала это очень красиво. Все-таки не зря все детство в школу бального танца проходила, а потом еще и танцем живота занималась.

— Хочешь здесь остаться? — спросила я девушку, вновь повышая голос, чтобы моя речь достигла ушей Нинки.

— Нет, конечно. Пошли в это самое «Конфетти». Я сейчас его задушу, эту скотину. — Она никак не могла называть Келлу по имени. Она была зла на весь мир и выругалась вновь, оглядевшись: — Чертова алкашня.

Многие разогревались спиртными напитками — оба бармена были заняты нескончаемым потоком клиентов. Кстати говоря, встретить под сиянием цветковых эффектов можно было не только молодых людей и девушек — люди гораздо старшего возраста тоже были не прочь посетить «Горизонт» и хорошо провести время. Только вот подростков младше восемнадцати не было: фейс контроль работал усердно и не пропускал несовершеннолетних.

— Не отставай! — горела озлобленная Нинкина душа мстью, и девушка, несмотря на свои мозоли, быстрым пружинистым шагом направлялась мимо большой и медленно крутящейся в самом центре зала сцены в противоположный конец этого огромного помещения.

На сцене, кстати говоря, уже находился subtilный и сосредоточенный субъект в наушниках — веселый диджей. Он стоял, слегка покачиваясь в такт музыке около диджейского пульта, и проделывал какие-то манипуляции с вертушками. Именно он был источником всех этих ритмичных долбящих звуков.

Опасливо косясь на внушительных размеров дискобол, медленно вращающийся на самом верху, я поспешила за подругой. Почему-то этот огромный зеркальный шар мне не понравился еще в прошлый раз — я все боялась, что он оторвется и грохнется вниз.

Увернувшись от какого-то размахавшегося руками молодого человека, который, по-моему, вошел в транс из-за однообразной музыки, я выдохнула и сердито уставилась в спину Нинки. Ну не люблю я такие шумные и людные места — что поделаешь?

Через пару минут мы вышли из этого царства громовой музыки и

ярких подсветок, лазерной иллюминации и попали в холл. Музыка была слышна во много раз слабее, что не могло не радовать. Народу здесь было тоже совсем не мало — он все прибывал и прибывал.

— Смотри, куда прешь! — крикнула Нинка какой-то девушке, которая вместе с большой компанией шагала ко входу на танцплощадку. Кажется, девушка наступила ей на больную ногу.

— Сама смотри! — не осталась в долгу кудрявая и сильно загорелая брюнетка.

Остановившись, Нинка тут же высказала ей, почему та может считать себя ночной бабочкой — только в нецензурных выражениях. Та тоже сказала Журавлю что-то обидное. Я испугалась, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы, но молодые люди, которые сопровождали брюнетку, решили не обострять конфликт и молча утащили ее подальше.

— Вот же шалава! Ну что ты стоишь, Катя, пошли быстрее! Вдруг он мои деньги украдет? — Хмуро кинула на меня взгляд Нина и повела дальше.

— Ты не веришь, что он в тебя влюбился? — с улыбкой поинтересовалась я.

— Верю, — не поворачиваясь ко мне, буркнула девушка, — я с этой Альбиной еще поговорю! И не напоминай мне о ней.

— Почему? — невинно спросила я.

— Потому что эта экстрасенсша, мать ее, у меня на втором месте в черном списке!

— Что это у тебя еще за черный список появился?

— Список тех, кого мне убить надо. И хватит задавать глупые вопросы, а то займешь там почетное третье место.

— Ну и ладно, — пробормотала я, понимая, кто в списке на почетном первом месте.

Мы еще раз спустились по высокой мраморной лестнице, прошли мимо огромного аквариума с желтыми и красными рыбками, испуганно шарахающимися от тех, кто стучал пальцами по стеклу. Пройдя мимо еще одной небольшой, но уютной барной стойки и входа на второй малый танцпол, изолированный от первого, мы остановились возле высоких дверей, ведущих в VIP-зал «Конфетти». Скучающая охрана, стоящая около них, увидела болтавшиеся на наших шеях удостоверения журналистов и пропустила. Приятно, ничего не скажешь. Один из мощных парней-стражников только сказал Нинке вежливым тоном, что ее ждут в первой комнате. Видимо, Келла предупредил охрану.

VIP-зал «Конфетти» состоял из четырех комнат, рассчитанных на

десять-пятнадцать человек. И, как успела заметить подруга, каждая из них была оформлена в индийском стиле и имела многочисленные мягкие диваны, подушки и занавеси.

— Ты там была раньше? — заинтересовалась я.

— Была, — кивнула подруга. — Я же не то, что ты. Я везде успела побыть...

Она замолчала на полуслове — одна из дверей, из-за которой тихо лилась какая-то нежная музыка без слов, приоткрылась, и к нам вышел синеволосый — все с такими же растрепанными волосами. Он приветливо нам помахал, держа в одной руке бокал с пивом. Потом указал пальцем на Нинку и поманил к себе. Морда у него была при этом наглая-пренаглая. У моей подружки от ярости даже глаза покраснели и ноздри затрепетали. Не Нина Журавль, а настоящий бык, увидевший беззащитного тореадора! Жаль только, что на этом Келле одежды красной нет — только черные джинсы с тяжелыми цепочками и светлая футболка.

— Нина, — успела я шепнуть ей, прежде чем она бросилась на парня, — не убивай его!

— Убью. Я буду его убивать, а ты иди и повеселись где-нибудь. Папа не отмажет нас двоих.

— Но... — растерялась я.

— Подожди меня там, — почему-то приказала мне добрая подруга. — Он ведь нарик. Мало ли что еще и с тобой сделает.

— Хэй! Как тебе концерт, леди? — выкрикнул синеволосый в это время.

Нинка ненавидит, когда ее ласково называют, и всяческие нежности тоже терпеть не может. Поэтому ее злость выросла еще чуть-чуть.

— Леди? — прошипела она.

— Ага. Ты моя леди. Иди ко мне. — Молодой человек вновь поманил ее ладонью, пальцы которой были унижены черными перстнями.

— Сейчас приду, — пообещала подруга.

Келла точно получит гордое звание самоубийцы!

— Жду, киса.

— Ну что? Ты готов к смерти, моллюск? — очень и очень нехорошо посмотрела на парня Нина, проигнорировав его слова.

Она небольшими, но твердыми шагами надвигалась на музыканта, потирая руки.

Тот как-то нервно сглотнул, но все равно ответил с улыбкой:

— Я готовился к встрече с тобой, медвежонок!

— Урод! Какой я тебе медвежонок? — неожиданно схватила его за

ворот футболки девушка. — Я что, на медведя похожа? У меня волосатое коричневое лицо, страшная пасть и когти есть?! А? Живо отвечай, рыло!!

— Я... я не рыло, — попытался перехватить парень руки Нинки.

Наглость в нем постепенно испарялась. Кажется, его так еще никто не называл. И я его вполне понимаю — не каждый человек удостоивается такой «заманчивой» клички.

— Ну, если я, по-твоему, медведь, значит, ты — самое настоящее рыло, — стала трясти парня за плечи Нинка, — отдавай мою сумку, мерзкий придурок! Козлоногий выродок!

Интересно, а мне нужно идти и помогать Нинке трясти парня, или она сама управится? Вот уже ногами лягаться начала, как будто с детства занималась не танцами, а кикбоксингом.

— Слушай, — очень ловко увернулся от пинка Келла, — принцесса, я тебе твою сумку отдам, перестань же...

— Убью!

Вдруг Нинка прекратила боевые действия, прислушалась, повернув голову к приоткрытым дверям, откуда он вышел.

— А кто это сидит вместе с тобой? — вкрадчиво, словно кошка, проговорила она.

Синеволосый пожал плечами — поведение Нины внушало ему опасение.

— В ВИП-комнате? — с недоумением спросил он. — Парни из группы. Ты же видела меня на сцене? Я крут? — и он рассмеялся, обнажая чуть заостренные зубы.

— Парни из группы? — сама у себя переспросила Нина. И вдруг лицо ее буквально просветлело.

Я тут же уловила ход ее мыслей — если там сейчас сидит группа «На краю», то и ее обожаемый Кей тоже там. А это просто невероятное везение...

Хищница почувствовала жертву и спешно натянула на себя маску невинной овечки.

— Извини... я очень нервная. А ты такой замечательный ударник. Талантливый, — вдруг очень милым голосом проговорила Нинка, аккуратно разглаживая складки футболки на плечах Келлы. — Я прямо засмотрелась на тебя.

— Да ну? — в голосе парня сквозило искреннее недоверие, как будто девушка сообщила ему, что она — прямой потомок марсианских правителей-инопланетян.

— Ну да, — ничуть не смутилась Нинка. — У тебя руки такие

сильные, — не преминула заметить эта притворщица, все еще надеющаяся на встречу с Кеем. Она, задорно засмеявшись, провела ладонью по его предплечью. — И голос такой сексуальный. Скажи мне что-нибудь? Я ведь тебе нравлюсь?

От такой смены поведения в шоке была не только я, но и сам синеволосый. По-моему, если он купится на такую открытую лесть, то сможет считать себя дураком всю оставшуюся жизнь.

И он купился! Поверить не могу, что такие глупые парни бывают!

— Ну... нравишься, — взглянул ей прямо в глаза Келла, проверяя, шутит ли девушка или нет.

— Тогда пойдем туда? — едва заметно кивнула Нинка в сторону комнаты. Кажется, оттуда медленно разносился тягучий и сладкий аромат кальяна. — Мы бы с тобой хорошо провели вместе время. Познакомишь меня с друзьями, представишь как свою девушку.

Обернувшись на меня и словно бы говоря: «Повеселись где-нибудь пока», Нинка, позволившая Келле взять себя за руку, направилась к своей мечте, которая, вероятно, курила в шикарной комнате кальян. Синеволосый с опаской вглядывался в лицо новоприобретенной девушки, ожидая подвоха. Последнее, что я слышала, были слова молодого человека о том, что он «просто офигел, когда увидел такую красотку».

Я в гордом одиночестве направилась вон из ВИП-зала «Конфетти». Обиженная. И что мне тут делать одной? Я ведь даже одета совсем не по-клубному. Эта Нинка вечно так — сначала позовет с собой, а потом какую-нибудь свинью подложит. Никогда больше не соглашусь на ее уговоры.

Сначала я решила вернуться в «Карамель», но поняла, что абсолютно не запомнила дорогу туда. Потому, немного поразмыслив, я направилась на свободное место возле барной стойки, мимо которой мы шли. Над нею висел здоровый плазменный экран, транслирующий все, что происходит на большом танцполе. Вроде бы прошло не так много времени, а там народа стала раза в два больше, чем было.

Приобретя странный слабоалкогольный коктейль «Вирус весны» и отбившись от какого-то настойчивого мужика с ярко выраженным кавказским акцентом, желающего со мной познакомиться, я, ерзая, стала осматриваться по сторонам. Табурет был жесткий и неудобный. Слава Богу, хотя бы звук здесь был не такой громкий, как на танцполах, и людей намного меньше. И не такое яркое освещение, от которого рябит в глазах — скорее полумрак.

Вот же невезенье. Пришла в место, где нормальные люди развлекаются и отдыхают душой и телом одновременно, а сижу в

одинокестве и скучаю. И Нинка хоть бы с собой позвала — мне бы тоже хотелось познакомиться с ребятами из группы. Так, ради интереса.

А чужое веселье теперь только лишь раздражает.

Напротив меня за одним из больших столиков расположилась очень шумная компания. Вот уж люди умеют веселиться! И смеются, и шутят, и напитки один за другим покупают, и девушки вокруг них слоняются.

— Выпьем за Наталью! — Выкрикнул кто-то из них и с шумом открыл шампанское. — Нимфа, за вас!

Наталья, длинноногая рыжая девушка с очень миловидным лицом, захихикала и залпом опрокинула бокал с искристым напитком.

— А теперь за прекрасную Елену! Не вы ль та самая Елена, из-за которой началась Троянская война? Не вас ли воспевал Гомер?

Еще одна девушка в очень коротком открытом платье засмеялась. Так же громко выпили и за нее. Я с возмущением глядела на них — чего так показушно радоваться, когда мне, несчастной и одинокой, скучно и грустно?

Оттянутся же парни. Точнее, не парни — я вгляделась в веселящихся — им уже лет по тридцать пять — сорок, не меньше. Один из них даже папу напоминает — одет в рубашку, похожую на томасовскую любимую и с такими же русыми растрепанными волосами до плеч...

Напоминает ли?

Нет, не напоминает. Это и есть мой драгоценный родитель. С ума сойти, даже мой папочка посещает ночные клубы!

Как я раньше не узнала! Сидит в окружении своих друзей-художников и кучи девушек, говорит нетвердым голосом какой-то тост, посвященный творчеству и «великой старушке-Античности», которая почему-то «течет в наших жилах». А сам же сказал, что всю ночь в мастерской будет сидеть. Вот же врун несчастный! Но ничего, я ему сейчас обломаю веселье.

Дело в том, что Томас очень любит всячески развлекаться, но при собственных детях, то есть при мне, Эдгаре и Нельке, он старается выглядеть очень положительным и образцовым.

Я встала на ноги и подошла к веселящейся компании со спины. Один из дядек, который уже лет пятнадцать известен мне как Славон, заметил меня и ткнул папу в бок. Тот не обратил на тычок никакого внимания и продолжал говорить что-то игривое рыжеволосой Наталье.

Я, заметив взгляд Славона, приложила палец к губам. Тот пожал плечами и кивнул.

Это очень странный мужчина, кстати говоря. Самому лет так под пятьдесят, а он все называет себя вечным подростком, не терпит, когда его

называют на «вы», и заставляет всех подряд величать себя не как-нибудь, а только Славонем. Совершенно чокнутый дяденька! Однажды он жил в нашей квартире около месяца — его шестая жена выгнала его из дома. А со своей седьмой супругой, у которой Славон живет до сих пор, он еще не познакомился. Так как своей жилплощади у папиного друга не было, Томас предложил ему пожить у нас. Мы все, кроме папы, чуть не сошли с ума от такого соседства. Славон едва ли не каждый день приглашал домой кучу знакомых, наплевав, что находится не у себя в квартире. Его гости пили, пели, ели, играли на различных музыкальных инструментах и шумно разговаривали. Папа был в восторге. Нашу квартиру посещали как люди искусства, так и представители цыганского табора и лица без определенного места жительства, которые обществу более известны как бомжи. Леша грозился выставить из дома и Томаса, и его друга, а мы с братом и сестрой горячо его в этом поддерживали. Ситуация накалилась под Новый год, когда я, Нелли и дядя ушли в совместный поход в супермаркет (такие походы бывают у нас не чаще чем один раз в году!). Брат тоже слинял из дома — в ближайшее интернет-кафе, не выдержав шума и гама. А папа уехал в командировку — на очередную выставку. В доме остался только Славон, который тут же пригласил «поиграть в картишки» пару друзей. Те, естественно, не замедлили прийти. Когда домой вернулись мы, нагруженные по самые уши покупками, то вдруг обнаружили, что не можем открыть двери, — чьи-то заботливые руки услужливо поменяли один из замков. Как же тогда разозлился Леша! Он словно оказался на месте тех несчастных девушек, которые прыгали у нас под дверью и грозились убить неверного Алексея. Теперь он сам стучался в свою собственную квартиру, пинал дверь и грозился вызвать милицию. Добрые соседи открыто злорадствовали. А за стенами нашей квартиры тем временем шла веселая гулянка, в ходе которой Славон благополучно заснул, а его гости невежливо сообщили моему дяде, что не пустят в дом их друга неизвестно кого, и посоветовали Леше уйти на три народные буквы.

В результате мы поделили покупки на троих и отправились в разные стороны — приближалась ночь. А провести ее в подъезде никому не хотелось. Нелька пошла к какой-то своей приятельнице, я нашла приют в Нинкином доме, которую охватила настоящая истерика, когда она узнала причину моей временной «бездомности», а дядя уехал к очередной подружке.

В свою квартиру мы попали только следующим вечером — когда прилетел папа. После этого Томас упросил какого-то знакомого принять на время Славона. Знакомому этот сумасшедший надоед достаточно быстро, и

он сплавил его двоюродной сестре, которая отчаянно искала мужа.

Я тихо остановилась за спиной папы, не забыв спрятать лже-удостоверение в кармане, и тронула его за плечо. В это время в клубе почему-то заиграл ремикс на «Розовую Пантеру».

— Олечка? — спросил Томас радостным тоном, ожидая увидеть кого угодно, только не меня.

— Олечка, Олечка, — зловеще произнесла я. — Ты чего это тут делаешь, а?

Увидев среднюю дочь, то есть меня, папа вскочил на ноги, одновременно пряча открытую бутылку с пивом куда-то под подушки диванчика и отсаживаясь подальше от рыжеволосой девушки.

— Кэ... ка... Катриночка?! — возопил он. — Доченька, ты что тут делаешь?

— А ты что? — выразительным взглядом обвела я всю дружную компанию.

— Да так, — стушевался папа.

Пиво из бутылки стало весело литься на диван и на подол платья Натальи. Она взвизгнула:

— Томас, аккуратней со своей выпивкой!

— Какой выпивкой? — гневно уставился на нее мой родственник. — Я не пью, между прочим, что вы несете при моей дочери?

— Вы? — пробормотала девушка, которую Томас только что называл «милым ангелом».

Я бы тоже удивилась.

— Отодвиньтесь от меня подальше! Что вам надо? — потребовал папа. — Нет, лучше вообще уйдите, сюда сядет моя дочь. Ребята, — глянул он на присутствующих, — кто не знает — это мой второй и любимый ребенок Катрина. Поздоровайся, Катечка, — обратился он ко мне, как к маленькому ребенку.

Пришлось сказать «здрасьте».

— Какая ты выросла большая! — засюсюкал тонким голосом нечесаный круглолицый человек в мешковатом балахоне. — Я тебя еще маленькую помню! Ты смешно грызла кубики, помнишь, Томас? Ты отбирал у нее кубики, а она их грызла. А потом ты вспомнил, что с утра ее не кормил, ха-ха-ха-ха-ха!

— Не было такого.

Под грозной папиной мимикой его друзья под шумок стали убирать на пол бокалы и бутылки, как будто бы я до сих пор была маленьким ребенком. Бармен около своей стойки давился от смеха, пара посетителей

тоже с интересом на нас уставилась. Этот Томас из-за всего балаган сделает! И, главное, будет выглядеть хорошим и добрым, а остальные будут казаться полнейшими дебилами!

— А еще твой папа тебя однажды на улице оставил и только через три часа вспомнил, — никак не мог успокоиться обладатель странной одежды. — Оставил в песочнице, убежал, а когда прибежал, ты там уже заснула посреди ведерок и лопаток! Помнишь, Катенька?

— Нет, — помахала я головой, наблюдая, как спутницы папиных друзей по одной отчаливают от столика. Лица у них были обиженными.

Впрочем, некоторые папины приятели уходили следом за своими дамами, и вскоре нас осталось только пятеро: я, Славон, сюсюкающий надо мной мужик в хламиде, сам Томас и тощий дядя Боря — тот самый, который установил в нашем доме идиотский звонок. Этот дядя Боря пьяно щурился и дрыгал ногой в такт музыке.

— Таня, — с нотками раздражения сказал папа, обращаясь к круглолицему, и я с ужасом поняла, что это не мужчина, а женщина, — Таня, не смущай ребенка.

— Это я тебя смущаю? — басовито захохотала Таня, — это тебе стыдно, что был таким беспечным папашей!

Остальные тоже засмеялись. Я вздохнула. Честно сказать, я даже не знаю, как он меня с братом и сестрой не угробил в раннем детстве.

— Я был и остаюсь совершенно нормальным! — буркнул Томас и поспешил перевести тему. — Катя, а зачем ты, собственно, сюда пришла?

— С Нинкой, — честно ответила я, — а что, нельзя?

— Как раз можно! Даже нужно! Ты же девушка — просто обязана бывать в таких местах! Как можно чаще!

Таня выразительно на него покосилась и покрутила пальцем у виска.

— Нормальные отцы дочерей в такие злчные места не отпускают, а ты поощряешь. Допрыгаешься.

— Но не сидеть же ей целыми днями дома! Правда, Катрина?

— Неправда.

— Вот видишь, Томас, благодари Всевышнего, что твоя дочь умная, — хмыкнула мужеподобная Таня. — И скромная, даже оделась прилично, и пупа не оголила, и ног тоже, как все эти девицы, — с этими словами она выразительно обвела взглядом немногих присутствующих в баре девушек.

Я неуютно себя почувствовала — я бы тоже нормально, как эти девчонки, оделась, если бы знала, что после пресс-конференции попаду на ночную вечеринку в «Горизонте»!

— Да ну тебя в баню, Таня, ты ничего в моде не понимаешь.

— Куда мне? — хохотнула женщина-мужчина, не обидевшись.

— А где Ниночка-то?

— Ниночка занята. А ты сам-то объясни, как сюда попал. Ты же в мастерскую собирался? — спросила я папу, поскольку мне вовсе не улыбалось сообщать ему правду.

— Они позвали, — обвел взглядом присутствующих Томас.

Славон тут же возмутился, заикаясь от переизбытка алкоголя:

— Че-чего несешь? Э-это ты на-нас позвал по-пойти разве-ве-веяться! И бу-бутылки за-заставил спрятать!

— Не слушай его, — махнул руками отец, — он у нас чуть-чуть чокнутый. А давайте я вам лучше расскажу про свою первую зарубежную выставку?

— Спасибо, не надо, — хором отказались Таня и дядя Боря. А я добавила:

— Мы о ней уже около трех сотен раз слышали.

Папа надулся:

— Ну, дорогие мои, тогда сами что-нибудь веселое рассказывайте, — и, подумав, добавил: — Зануды.

— Давайте я вам лучше поведаю, как папа в школу к Нельке приехал? — предложила я, чувствуя, как настроение падает еще на градус, — сидеть с молодящимися взрослыми в известном ночном клубе — что может быть лучше для девушки? Не дай Бог меня в таком окружении увидит кто-нибудь из знакомых, слухов и смеха не оберешься!

— Пожалуй, не надо про школу, — не захотел папа, — давайте лучше коктейлей... молочных закажем?

— Давайте я лучше расскажу, как он своего сына в первый класс потащил? — вмешался дядя Боря, которому стало скучно.

Я с интересом на него посмотрела. Такого я еще никогда не слышала.

Однако эту занимательную историю я так и не узнала — к нашему столику подошел мужчина и поздоровался со всеми мягким, шелковым голосом. Я мгновенно обернулась — так и есть — тот самый менеджер группы «На краю». Есть же справедливость на белом свете!

— Андрей! — светским тоном приветствовал его папа, пожимая руку. — Добрый вечер — добрый вечер! Садись с нами — места достаточно.

— Спасибо, — улыбнулся мужчина и сел возле меня.

Я чуть руками не захлопала от восторга — на таком близком расстоянии он казался еще красивее. Черная рубашка с острым воротником подчеркивала его обаяние.

— Ты почти всех здесь знаешь, — говорил тем временем Томас, — это мои друзья. Они, как и я, принадлежат искусству.

И он стал перечислять их по именам.

А то я их не знала! С детства едва ли не каждую неделю наслаждаюсь их обществом.

— Славон, — немедленно поправили папу.

— Эта обворожительная леди, — указал она на Таню, закутанную в черную хламиду (я захихикала), — Татьяна. Почти что пушкинская героиня — ее фамилия Карина. Карина — Ларина, похоже, правда?

Я закашлялась — много раз мне доводилось слышать имя известного российского дизайнера Татьяны Кариной (Леша ее едва ли не боготворил), но не думала, что дизайнер может выглядеть вот так... стремно! И так ужасно одеваться! Вот уж чудеса...

— Наслышан-наслышан, — склонил голову Андрей с улыбкой.

Таня почему-то басовито захихикала.

— А это моя дочь — Катрина, — представил папа наконец и меня.

— У тебя уже такая взрослая дочь? — удивился менеджер.

Все удивляются, что у такого шалопая, как Томас, вообще могут быть дети.

— Взрослая и красивая! — с гордостью сообщил папа.

К моему нескончаемому восхищению, Андрей поцеловал мне руку, коснувшись губами кожи. Справедливость все же существует!

— А это Андрей, бывший музыкант и мой старинный приятель. Очень талантливый и деятельный молодой человек, — дал хорошую рекомендацию вновь пришедшему папа.

— Я хотел кое-что уточнить по нашему договору, — сказал менеджер группы «На краю».

— Я со всем согласен! Все будет в срок! — взмахнул рукой папа, лишь чудом не ударив дядю Боря по носу.

Хм, какие у них могут быть личные дела? Странно. Но здорово. Хоть бы наш гостелюбивый папочка Андрея позвал к нам домой! Я была бы в восторге — появился бы повод поближе познакомиться с ним. Отчего-то мне кажется, что этот Андрей — человек, который способен дать девушке очень стабильные отношения, а стабильность, по моему глубокому мнению — самое главное для крепких отношений.

Они разговорились. А я сидела и смотрела на мужественный профиль Андрея, наслаждаясь его мягким голосом. Просто взгляда оторвать от него не могла. Неужели такие совпадения бывают? Мой отец знает менеджера группы «На краю». Похвастаться ли этим Нинке? А хотя зачем? Она же все

равно сейчас сидит вместе со своим Кеем, игнорируя синеволосого и терроризируя блондина. И что теперь делать несчастному влюбленному? Если он будет преследовать Нинку, моей подруге придется пойти к Альбине и просить сделать так, чтобы любовные чары растаяли. А все же: предположим, Нина сейчас рядом со своим возлюбленным. Сумеет ли она понравиться ему? Ведь Журавль из кожи будет лезть, чтобы Кей на нее обратил внимание, а лезущая из кожи вон Нинка — это сильно. В переносном смысле, я хотела сказать. Она же все-таки не змея, чтобы действительно кожу сбрасывать. Ну, может где-то в глубине души только гадюка редкая.

Мои размышления прервали чьи-то заглушающие музыку вопли, и я обернулась на шум. К моему огромному удивлению, вдоль бара неслась Нинка, и была она похожа не на змею, а на какую-нибудь испуганную лань. Следом за ней мчался синеволосый Келла.

— Стой, стой, подожди! — кричал он. — Ниночка! Малышка, стой! Это была шутка!

Та, не останавливаясь, пронеслась мимо нашего столика, Келла ловко перепрыгнул через соседний диван и едва не поймал ее. Брови менеджера Андрея удивленно изогнулись:

— Келла? — тихо пробормотал он. — Опять начал... Я же им сказал...

Что он там сказал своим подопечным, я так и не узнала, потому что в это время опять подала голос Нинка:

— Убери руки! Не смей ко мне приближаться! Не смей меня трогать!!! А-а-а! — заорала она, юрко метнулась в сторону и через мгновение скрылась в проходе, ведущем на маленький танцпол, а уже оттуда во всеуслышание добавила, что он, Келла, не только рыло, но и мерзкий извращенец.

Что у них там случилось такого? Он приставал к Нинке?

— Нина! Малышка!!! Да остановись ты! — не мешкая бросился за ней синеволосый, но в ответ услышал только смачное ругательство.

— Как на Ниночку похожа, — изрек папа, глядя им вслед, — но в отличие от нее совсем невоспитанная.

— Молодые сейчас все такие, — кивнула Таня.

— А сама-то какой в юности была? — ехидно спросил дядя Боря. — Кто однажды старосте группы трусы снял при всех?

— Не помню такого, — отрезала женщина. — Боря, алкоголь и воображение живут прямо пропорционально — меньше пей, меньше всякой чуши казаться будет.

Я прыснула, но что он там ответил, не слышала. Сказав папе, что мне

надо отлучиться, я поспешила за подругой. Вдруг привороженные влюбленные с ума сходят? И привораживающие тоже...

Следом за мной, извинившись, торопливо ушел и Андрей. Он набрал чей-то номер в навороченном мобильном телефоне и раздраженно кричал, чтобы собеседник его хорошо слышал:

— Это ты, Рэн? Что там опять с Келлой случилось? Он сейчас гнался за какой-то девицей. Такое чувство, что он к ней конкретно приставал. Да... Дебил! Естественно, я найду его. Но об этом могут узнать журналисты — их тут сегодня целое море. А нам сейчас не нужны негативные статьи! Ищите этого дурака. Он на первом этаже. А я пока насчет обложки поговорю. Поторопись, я еще ребят отправлю и охрану. Ну идиот...

Мужчина, извиняюще улыбнувшись, обогнал меня, коснувшись моего плеча, и первым оказался в малом танцевальном зале.

Так я опять попала в царство оглушительной электронной музыки, от басов которой все вокруг вибрировало — даже мое сердце.

Этот зал был оформлен совершенно по-другому, нежели его большой собрат. Места меньше, зато софиты и лучи намного ярче. Всю заднюю стену занимает несколько больших плазменных блоков, соединенных в гигантский квадрат. На этом огромной экране были видны то диджей, крутящий пластинку, то сами танцующие, то изгибающиеся в двух высоких клетках девушки в коротких кожаных шортиках.

В отличие от холла здесь было жарко. Очень жарко. Я поняла, что долго здесь в своем жакете не выдержу, — недаром танцующие были едва ли не полураздеты.

Я опасливо отошла к стенке, вдоль которой тянулись маленькие диванчики, на которых сидели влюбленные парочки, и, щурясь от дикого света, изредка падающего на лицо, стала высматривать в плотной толпе Нинку и Келлу. Андрей куда-то пропал, и в толпе танцующих я его не видела.

Осторожно начав обходить зал по периметру, я вглядывалась в фигуры людей, то и дело ускользая от чьих-нибудь локтей. Ну и где эта парочка?

Нинку и Келлу я не увидела — я их услышала. Сквозь гром звуков, где-то впереди, вдруг раздался яростный визг. Я бросилась в ту сторону и увидела, как подруга, отобрав у какой-то девушки алюминиевую банку с очередным алкогольным напитком, швыряет ее в синеволосого, пытающегося поймать светловолосую беглянку. Того вновь спасла природная ловкость — он уклонился, и вся жидкость, очень весело шипя, попала на широкую грудную клетку очень спортивного молодого человека в темных очках. Молодому человеку это очень не понравилось — он

оскалил рот в злобной улыбке и направился к Келле. Тот, не обращая внимания на промокшего парня, вновь бросился за Нинкой. Обиженная девушка и бывшая обладательница банки с пивом тоже в стороне не захотела оставаться и, решив показать Нинке, где раки зимуют, кинулась за моей подругой. Бойфренд этой девицы устало вздохнул, поманил друзей и поспешил вслед за любимой.

Я утерла лоб ладонью — они тут сейчас устроят веселье! Но размышлять мне было некогда — мне тоже пришлось бежать вслед за этими чокнутыми людьми.

К тому же синеволосого, кажется, узнали какие-то девчонки, потому что кто-то радостно завизжал под моим ухом, выкрикивая:

— Это Келла, Келла! — и еще пара человек пустилась вслед за нами.

Такой веселой вереницей мы начали огигать весь танцевальный зал. Некоторые танцующие очень пофигистично относились к мчащейся вперед толпе, а кто-то весело махал руками и выкрикивал:

— Куда вы все бежите?! Это новая фишка на пати?

Когда мы оказались около небольшой сцены, диджей, задорно прыгающий под собственный трек, заметил нас, помахал нам руками и закричал в микрофон:

— Сегодня здесь настоящий драйв, ребята! Музыка повышает вашу активность! Музыка делает нас счастливыми!

— Да-а-а! — поддержали его танцующие.

— Музыкальный забег! Это музыкальный забег! Давайте устроим крутую ночь! Диджей Лэймерс подарит вам лучшую техно-музыку!

— Да-а-а-а! — вновь согласились с диджеем все присутствующие.

Как потом мне рассказывала моя соседка Настя, в тот вечер гости «Горизонта» устроили сначала на малом, а потом и на большом танцполах самый настоящий хоровод. Но в то время, пока этот Лэймерс заводил публику, я просто хотела не отстать от бегущей подруги и ее навязчивого поклонника. При этом чувствовала я себя самой настоящей, неподдельной кретинкой, которую снимает скрытая камера.

Тогда, когда мы вновь выбежали в холл, я чуть было не отстала от ребят — пришлось проявить осторожность, чтобы не попасться на глаза Томасу и его компании. Я только краем глаза заметила, что на их столике вновь появилось некоторое количество бутылок и та самая Наташенька. Папа не обратил на меня никакого внимания — он что-то увлеченно доказывал Тане.

Остановились мы на мраморной лестнице, ведущей наверх, — хорошо еще, что она была широкой и уместились все. Вышло очень комично.

Нинка тяжело дышала в углу, кидая откровенно злые и брезгливые взгляды на Келлу, но к нему почему-то не приближалась. Синеволосый барабанщик, засунув руки в карманы, укоризненно и задумчиво смотрел на облитого парня в солнечных очках, который считал, что во всем виновата не блондинка, кинувшая банку, а «этот драный панк» (эти слова я отчетливо слышала). Именно этот молодой человек сумел остановить Келлу, а Ниночка почему-то остановилась сама.

Моральная и физическая поддержка в виде пары тяжеловесных друзей защищала тыл молодого человека в очках. Обиженная девушка и ее подкрепление в виде парня и его друзей тоже жаждали мщения — все они стояли на ступенях ниже. Восторженные фанатки, не понимающие, в чем дело, оставались у самого основания лестницы и доставали сотовые телефоны, чтобы запечатлеть Келлу. Я остановилась позади всех, озадаченно решая — как помочь Нинке?

Первой боевые действия открыла, как ни странно, именно моя подруга.

— Если ты ко мне подойдешь, — бросила она презрительный взгляд на музыканта, — я перегрызу тебе сонную артерию.

Вместо Келлы ей в ответ завопила девушка, и я осознала, что Нинке повезло вырвать напиток не у кого-нибудь, а у той самой кудрявой брюнетки, с которой она поцапалась перед входом на большой танцпол.

— Ах какая ты смелая! А ну-ка извиняйся, стерва крашенная! Ты себя кем возомнила, корова? — качала права кудрявая.

— Это кто тут еще крашенная корова? Да ты тут рамсы попутала, страшила. — Рассвирепела Нинка, мгновенно забыв о своем барабанщике.

Всем и каждому моя подруга сообщала, что эти светлые, редкого золотистого оттенка волосы — абсолютно естественные и не порченные перекисью. «Я — натуральная блондинка», — любила повторять Журавль, слушая, как начинают восхищаться люди. Ну на самом деле она, конечно, красилась — на пару тонов осветляла свои светло-русые густые волосы. Но признавать это, особенно в такой ситуации, Нинка вовсе не желала. Между девушками завязалась перепалка. Представители мужского пола в нее пока не влезали.

Тем временам активизировался молодой человек в солнечных очках:

— Ты, — грубо обратился он к Келле, — ты че, крутого из себя возомнил, <запрещено цензурой>!? Ты на хрена на меня это вылил? — ткнул парень себе в мокрую грудь большим пальцем.

Келла проигнорировал этот выпад. Наверное, ему было обидно — бросалась банкой ведь какая-то там Нинка, а наезжают на него. Он молчал.

— Я тебя спрашиваю, эй! — вновь обратился к нему бугай.

— Разуй глаза, — раздраженно прошипел музыкант из группы «На краю», которому, кажется, вовсе не улыбалось вступать в драку, — я тебя вообще не трогал.

— Девка твоя трогала, — не смутился его соперник. — Отвечай за нее. Или в штаны наложил?

Келла совсем не влюбленным взглядом окинул стройную фигурку моей подруги, что-то грозно оравшей кудрявой брюнетке. Кстати говоря, возле лестницы стали останавливаться заинтересованные возможной разборкой посторонние люди и с откровенным интересом смотрели вверх.

А между тем молодой человек в темных очках продолжал грубым тоном:

— Че, панк? Дупло синим намазал и крутым стал? Да?

Я с некоторыми затруднениями поняла, что под дуплом он имеет в виду голову.

— Синим! — захохотал кто-то из его друзей, поигрывая мышцами. — Синие синее любят! Особенно если это синее с голубым отливом!

Словно бы по заказу неоновые огни, чей свет замысловато украшал холл, вспыхнули лазурью и аквамарином и осветили голубым оттенком лица тех, кто стоял на лестнице. Лицо барабанщика тоже. Накачанные парни громко заржали. Друзьям брюнетки тоже стало смешно. Даже я невольно улыбнулась.

Келла оказался вспыльчивым. И подобного рода обвинения принять никак не мог.

— Я сейчас тебе дупло синим намажу, хоре, — отозвался он, неуловимым движением доставая из кармана шипованный металлический кастет. Другой рукой с видимым удовольствием вытащил на свет мягко поблескивающий в неоне ножик. Кажется, тот самый, который в гримерной нашла Нинка. Видно было, что с обоими «инструментами» ударник на короткой ноге.

Грозное оружие ребятам не понравилось, но они все равно не отступали, хотя в активное наступление идти теперь не решались. Ножа и кастета они опасались.

— Ой, — тем временем встревоженно зашептались девочки-фанатки за моей спиной, — это же правда Келлочка! А вдруг его побьют?! Он же один, а их много!

— Надо ребят позвать! — спохватилась вдруг одна из них — с точно такими же синими волосами, как у барабанщика, только у нее пряди были длинными и струились по спине. — Наши парни Келле помогут!

Когда я оглянулась — этой девушки уже и след простыл. Та-а-ак, сейчас она еще желающих подраться позовет. Тогда они точно тут устроят старую добрую потасовку. И где вообще охрана, интересно мне знать? А менеджер куда пропал? Почему я нашла синеволосого и Нинку, а он нет? Может, мне самой позвать охрану?

Я подняла глаза на подругу — надеюсь, ей хватит ума не вмешиваться и перестать ругаться с брюнеткой? Увы, она оправдала мои ожидания только наполовину. Заключив временное перемирие, одновременно обе кричащие девицы обратили внимание на своих спутников. Брюнетка вопила:

— Что ты стоишь, Игорь! Надери ей задницу! Она меня оскорбляет!

— Я не бью девушек, — слабохарактерно отозвался этот самый Игорь.

— Тогда парню ее врежь! — требовала реванша брюнетка. — А я ей сама устрою, слышишь, стерва?

— Настенька, успокойся, — попробовал успокоить ее Игорь.

Нинка тем временем, уперев руки в боки и вновь оскорбив барабанщика, а потом повернулась к недругам Келлы и зло выговаривала:

— Ты, мистер-Я-Крутая-Мышца, делай отсюда ноги. Побыстрее.

— Чего? — вытаращил на нее круглые рыбы глаза тот. Очки облитый уже снял.

— Того! Вали домой к мамочке дальше жрать анаболики! А этим синим я сама займусь! И убью тоже сама! А пока не трогай его! — грозно прорычала подруга, явно пугая своим поведением этого парня.

— Э-э-э, ты что, киска?

— Убирайся, смерд, — фыркнула еще раз она. — Я сказала, пошел вон. И не смей его трогать. — И она кивнула на напряженного Келлу.

Надо же, можно сказать, моя подружка решила защитить синеволосого умника, прозванного ею же рылом!

Мне оставалось только удивляться.

Если так подумать, Нинок и музыкант похожи на безумную парочку... Экстрим-парочку.

— Ты мне че, приказы приказываешь? Вот же ты мразь немытая! — удивленным тоном одарил качок Нинку милым эпитетом. — Все такие девочки-блонди — **<запрещено цензурой>!**

Один из молодых людей из его группы грязно выругался, подтверждая слова друга, но и для него заботливая Ниночка нашла доброе слово:

— Замажь хлебало, увалень! Я тебе сейчас кишки изо рта вытащу.

Келла с уважением покосился на мою подругу и что-то ей сказал, но я не расслышала его слов.

— Парни, давайте его вместе проучим? — обратился затерроризированный собственной пассивностью Игорь к приятелям.

— И девку его заодно! — выкрикнула Настенька, мечтающая вырвать Нинке все волосы на голове и пересадить их на лицо блондинки.

— Это мы сейчас вас проучим! — прибыли новые действующие лица — молодые парни неформально-хулиганского вида.

Одеты они были в темные футболки, на которых красовался логотип группы «На краю» — контуры летящего вниз молодого человека с абстрактными прозрачными крыльями, над которыми развивались замысловатые буквы «Н.К.». Эти ребята не выглядели накачанными, напротив, были жилистыми, но даже я могла определить, что кое-какой опыт уличных боев у них точно есть.

В этот момент совершенно некстати вспомнилось, что в нашей семье никто, кроме дедушки-военного, к его большому разочарованию, драться не любит и не умеет. Из представителей мужской половины, я имею в виду. Нам с Нелькой это совершенно и не нужно. Хотя сестрица та еще боевая штучка. В отличие от нее Эдгар дрался, а вернее, был бит целых два раза в жизни: лет в шесть и в одиннадцать, когда старшеклассник хотел отобрать у него деньги на школьные завтраки. Папа, как убежденный пацифист, вообще выступал против всяческого насилия, пытаясь все решить мирным путем, а Леша имел очень быстрые ноги — при случае просто сбегал от опасности куда подальше.

Зато эти поклонники «На краю» драться любили и, что самое главное, умели.

— Келла, хай! — крикнул один из них, видимо, знавший барабанщика лично, а потом без лишних разговоров кинулся на парня в мокрой майке и вмазал тому по лицу.

Я и глазом моргнуть не успела, как завязалась драка. Почему-то некоторые глазевшие на это безобразие молодые люди приняли лестничный бой за некое развлечение и тоже полезли в самое его пекло. Наверное, косточки решили размять.

А охраны все не было. И это казалось мне странным. Зато появились заинтересованные и нетрезвые журналисты (их я сразу узнала, недаром же мы вместе просидели столько времени в VIP-зале, поглощая халявную пищу).

— Ух ты, какая баталия! — возник около меня тот самый мужик в зеленом пуловере, которого нагло обманула Нинка. Меня не вспомнил. — Девушка, — обратился он ко мне, — а что тут происходит?

— Кажется, пьяные дерутся, — наврала я, высматривая среди парней,

схватившихся друг с другом, подружку. Ее я почему-то не видела, как и синей макушки Келлы.

— А директор говорил, что у них тут такая охрана знатная, — усмехнулся мужик, — и камеры наблюдения повсюду. Девушка, девушка! Вы это куда? Вернитесь!

А я, громко сглотнув, решила пробраться на лестницу, чтобы найти Нинку. Вдруг ее там уже по кумполу тюкнули и она валяется без сознания?

Честно сказать — было страшно. Мне один раз чуть было не заехали по голове, а во второй раз я едва увернулась от чьего-то острого локтя совершенно случайно.

Что же, Катя, больше не будешь осуждать молодых девиц в романах со странным поведением — сама только что расписалась в собственном ярчайшем кретинизме. Может быть, это у тебя больше шестнадцати тараканов в собственной головушке?

— Дура! — заорал мне один из ребят Игоря, отчаянно отбиваясь от совершенно левого парня, не имевшего никакого отношения к «разборке». — Ты куда лезешь?

Какой же заботливый! Жаль, что, отвлекшись на меня, он получил от противника профессиональный хук справа, под ребра, и выбыл из игры под названием «драка дискотечная, ночная».

Не знаю, парень, куда лезу, честное слово — не знаю. Я же ведь действительно — дура. Да, с этого момента меня так и нужно называть... Я ведь и имя все хотела себе поменять — теперь на Дуру и оформлю новый паспорт.

А потом, проползая около самых перил, я увидела кровь — на лице одного из дерущихся. Темно-красная, почему-то густая, как кисель, она беззаботным ручейком текла из носа, капая на белую футболку и оставляя на ней замысловатые разводы.

Кровь...

Я очень-очень боюсь вида крови. Каждый раз, когда мне нужно идти в поликлинику, чтобы сдавать анализы, я едва ли не хлопаюсь в обморок только от одного вида многочисленных прозрачных пробирок, в которых находится чужая кровушка. Те два раза, когда у меня брали кровь из вены, я теряла сознание — на радость врачам, привыкшим ко всякой гадости еще в своих медицинских вузах и почему-то дико радующимся, если другие, непосвященные во всю «кроваво-мясную кухню», боятся крови или вида трупов. А уж как весело мне становится раз в месяц....

Итак, моя мнительная нервная система в очередной раз дала сбой. Стало нечем дышать, закружилась голова... Мозговой центр отдавал

нервным клеткам ясную и четкую команду: обморок. Нет, если я здесь упаду, это наверняка ничем хорошим не закончится! Я попыталась взять себя в руки — но, естественно, этого у меня не получилось. До сих пор ощущая себя набитой дурой, я смиренно прикрыла глаза и сползла по стенке вниз, ожидая, что меня сейчас затопчут дерущиеся с азартом (и поэтому ничего не видящие) парни. Но нет — такому не суждено было случиться. Кто-то взял меня за плечи, приподнял, затем ловко, но небрежно схватил за талию и уволок наверх, подальше от дерущихся. А потом прислонил к стеночке, не забывая поддерживать, — ноги у меня до сих пор подкашивались.

— Спасибо, Господи, — пробормотала я, облегченно вздыхая.

— Наедине можешь не называть меня Господом, — услышала я в ответ чуть хриплый мужской голос, показавшийся мне знакомым.

Боже, кто бы это ни был, награди его, ладно? Любовью награди, деньгами, исполнением желаний. Он же меня спас типа...

— Ты в порядке, девочка? Что с тобой? Тебя ударили?

— Нет. Я боюсь вида крови.

— Вот как. Тебе лучше? Сможешь сама пойти?

— Да, спасибо, со мной уже все хорошо, — отозвалась я, открывая глаза. Понемногу тошнота, подступившая к горлу от вида крови, улетучивалась, захватив в свою компанию головокружение. Я так и видела, как эти две заразы улетают, пакостно смеясь, куда-то наверх, обещая еще вернуться, как только я вновь увижу чью-то жидкую ткань сердечно-сосудистой системы.

— Уверена?

— Да.

— Волшебнo. Идем. — Молодой человек твердо взял меня за руку, чтобы вести за собой.

Но... Куда идем? С кем это я иду? И кто мой благодетель?

Я снизу вверх поглядела на нежданного спасителя. Сначала взгляд наткнулся на плечи, обтянутые черной плотной тканью водолазки. Потом на шею, на которой висела серебряная цепь с замысловатым кулоном, в центре которой блестел топаз или какой-то другой голубой камень. Следом заметила кончики серебристо-белых волос, и только потом до меня дошло, что я этого человека уже где-то видела. Не раз и не два... и кажется даже не три.

Точно — на меня смотрели знакомые янтарные глаза. Нинкин Кей! Чтоб мне лопнуть! Это солист «На краю»! Как говорит мой дедушка — «вот так номер, чтоб я помер».

А Кей-то здесь каким боком? А, он же друг Келлы. Пришел спасать одноклассника... Но мне почему помог? Спрашивать это у музыканта я как-то постеснялась, просто шла за ним, цепляясь за твердую ладонь. Совсем обычная у нашей рок-звезды ладонь, не холодная и не горячая. Ничем не отличается от руки нормального человека — пять пальцев, запястье: все на месте. Только пальцы эти унизаны широкими кольцами из холодного металла, а так — ничего особенного.

Ух ты, Нинка от зависти съест свою собственную сумку, которую у нее стащил Келла! Нет, она съест собственную ногу! Хотя... ей лучше не говорить о моей встрече с ее любимчиком, а то тогда будет велика вероятность того, что сгрызет она мою ногу, и не только ее...

Нет, этот светловолосый мне совсем не нравится, но так приятно, что он меня вроде бы как защитил. А теперь за руку ведет куда-то. Нет, я, серьезно, самая настоящая дура — даже не спросила куда!

— Молодой человек, — не пожелала я показывать свою осведомленность о популярности Кея, — а вы кто?

— Молодой человек, — услышала я очень неоригинальный ответ.

— А мы куда идем?

— К твоей подруге, — ответил он кратко.

К Нинке, что ли? А-а-а, она, наверное, с этим синеволосым сейчас. Может быть, Ниночка все-таки умудрилась познакомиться с лидером «На краю» и попросила его привести меня к ней? Я даже восхитилась своей подружкой-балдой. Это она что, за неполный час охомутала Кея так, что он ее распоряжения выполняет? Но почему тогда она устроила с барабанщиком клоунский кросс по клубу?

— А зачем вы меня спасли? — продолжала я, не в силах обращаться к нему на вольное «ты».

— Могу обратно вернуть, — сообщил он, расталкивая какую-то компанию на своем пути.

Пришлось отказаться.

В этот момент мы вновь проходили мимо той самой барной стойки и столиков, за одним из которых сидел мой родитель с друзьями. Сейчас они что-то бурно обсуждали. И до меня долетели отрывки фраз мужеподобной Тани:

— Слышали, в этом «Горизонте» только что драка была? А ты, Томас, все твердил, что это «тихое, спокойное местечко»! Я бы на твоём месте не разрешала твоей Катке здесь шариться!

Кей неопределенно хмыкнул и даже прибавил шагу, но я его тормозила. Тошнота и головокружение свалили, забыв прихватить

слабость.

Таня громогласно продолжала:

— А то будет Катенька твоя, как вон та девица, — и она небрежно кивнула на меня, не узнавая, — с такими вон дружить наркоманами крашеными! Видали, какие у него глаза красные от очередной дозы? И сама она наркоманка — идет, шатается!

Дядя Боря, единственный из всей компании сохранявший более-менее трезвую голову и острый взор, меня отлично разглядел и подмигнул, показывая большой палец кверху. Одновременно с этим он взглянул на Таню, скорчил кислую мину и закатил глаза к потолку. Мол, совсем они меня достали, а ты молодец, что сбежала и нашла себе крутого парня!

— Ты что, — заявил тем временем папа, который от энного количества спиртного в крови не смог узнать родную дочь, — моя Катюша очень порядочная и скромная. А ее молодой человек — очень интеллигентный мальчик. Совсем не похож на этих всех проколотых-шипастых. Искусство любит...

— Не наговаривай, — услышала я громкий голос еще одного папиного друга с огромной рыжей бородой, — сам-то в молодости ушел в глубокий андеграунд. Тебя из-за этой антисоветчины даже из института выгнали.

— Сравнил наше поколение с ихним! — опять возмутилась Таня, а дальше их разговор я не слышала.

— Идем, — сжал мою ладонь Кей.

Минуты через две я находилась в той самой ВИП-комнате, оформленной в шикарном индийском стиле. Здесь главенствовали все оттенки красного. Всюду были искусно выполненная резьба и роспись. Под ногами мягкой волной стелился пушистый темно-оранжевый ковер с геометрическими яркими рисунками. Огромный круглый и удобный диван, заваленный горой вышитых подушек, был застелен алым покрывалом ручной работы. Напротив двери сияли огромные зеркала в бирюзовых богатых рамах с замысловатым орнаментом. Всюду на меня глядели вазы, шкатулочки, какие-то индийские божества, милые столики, заваленные остатками чьего-то пиршества и заставленные разнообразными бутылками и банками. В воздухе летал тот же самый сладкий и чуть терпкий запах кальяна. Сам прибор для курения расположился в углу комнаты, на низеньком столике. А еще здесь находились качели — в виде длинной скамейки с кольцами по бокам, в которые были вдеты толстые и прочные малиновые веревки, уходящие под высокий потолок.

На качелях беззаботно качался Келла. Нинка, как принцесса на горошине, возлежала на овальном диване в окружении пары-другой тысяч

подушек: маленьких и больших, круглых и квадратных, пурпурных и зеленых.

— А вот и ты, недостающее звено! — радостно приветствовал меня синеволосый.

— В смысле? — не поняла я.

— В прямом. Воссоединилась с подругой. Смотри, Кей, эта фурия в ангела превратилась, — обратился он к светловолосому солисту группы.

Его друг скептически посмотрел на Нинку — та безмятежно улыбалась.

— Катюша пришла! — тоненьким и добрым-предобрым голосом сказала она, приподнимаясь. — Ой, как хорошо, что ты здесь!

— Что с ней? — спросила я Келлу встревоженно.

В это время Кей молча спиной завалился на диван, опершись на локти, и принялся рассматривать Нинку. Та захихикала и попыталась потрепать его по волосам.

Барабанщик тем временем пожал плечами:

— Это я у тебя хотел спросить. Вы же подруги, ты должна знать все странности этой девочки. У нее раздвоения личности не наблюдается?

— Ты дал ей алкоголь? — похолодела я, узнавая симптомы «перепития».

Подружка превысила свою планку. Как я домой ее потащу теперь? К папе, что ли, за помощью побегу? Или к дядя Боре?

Я устало вздохнула и подошла к Нинке.

— Еще пила? — строго спросила я.

Нинка блаженно зажмурилась.

— Это вы ей дали спиртное? — вздохнула я, поворачиваясь к Келле.

— Она сама к нему присосалась, — фыркнул барабанщик, раскачиваясь все сильнее. — Мы оттуда свалили — ну, оттуда, где драка была по милости этой великолепной феи...

Я кивнула. А парень продолжал:

— Только мы сюда пришли, она сама себе виски налила и выдула пару стаканов. А потом увалилась на диван и стала требовать подругу. Ну, тебя. Она вообще странная, — прошептал он, чтобы Нина не слышала, — у нее настроение меняется каждые полчаса. То она меня убить хочет, то на колени лезет.

— Ты же ее любишь, — ехидно заметила я, переставая стесняться.

Подумаешь, звезды! Да те же «Красные Лорды» намного круче, пусть я их тоже не сильно люблю! А эти так, странные какие-то парни с не менее странным причесом.

Келла засмеялся (и Кей тоже улыбнулся), а потом серьезно ответил:

— Да, я в нее внезапно как-то влюбился. Увидел — и все, моя крыша сорвалась окончательно. Я до сих пор в шоке. Вот она, любовь, мать ее...

— Мы отвезем вас домой, — прервал его Кей.

Синеволосый вскинул брови, но ничего не сказал.

— Поедем домой, мышка? — весело обратился Келла к Нинке.

— Я маленькая мышка, — фальшиво пропела Нинка, встала с кровати и пошла обниматься с синеволосым. — А ты мой мышонок, правда? Обними меня? Ты же сегодня стал моим парнем? Моим любименьким...

Вулкан добра был разбужен алкоголем.

Келла отчего-то закашлялся, услышав про «любименького», и опять обратился ко мне, отстраняясь от блондинки:

— Вот видишь? А она, между прочим, меня сегодня зарезать хотела.

— Покатай меня, синенький. Будь моей лошадкой, — детским голоском попросила Нинка.

Келла вздохнул и усадил ее рядом с собой, придерживая рукой за тонкую талию. Если бы моя подруга была бы в обычном состоянии, она бы за такие фриivolности врезала нагледцу между ног. Ну уж по лицу — это точно!

— Покатаю, леди. Какая ты милая, когда выпьешь! Улет!

— Не надо, — поспешила предупредить я парня, начинающего раскачиваться, — а то Нину тошнить будет. И вообще она сейчас слабой станет. И ее придется тащить.

— Почему? — тут же остановил качели синеволосый, затормозив длинными ногами.

— Реакция на алкоголь, — пожала плечами я.

— А у тебя на что реакция? — из-под челки посмотрел на меня Кей внимательным взглядом, — зачем в драку полезла, подружка демоницы?

Демоницы? Ого, значит, они точно познакомились! Только вот почему Келла за Нинкой бегал?

— Я это... — почему-то замямила я, — думала, там Нинку того... пришибли вместе с ним, — и я кивнула в сторону второго музыканта. — Помочь хотела.

Тот расхохотался:

— Ну, ты даешь, девочка! Да мы вместе с ней сразу же свалили, как только наши фаны набросились на тех ублюдков. Я бы там поразвлекался, да менеджер сверху не вовремя появился вместе с охраной и этим вот красавцем, — покосился на лидера группы Келла.

— А почему охрана не стала никого разнимать? — удивилась я.

— Чтобы внимание отвлечь. Ну чтобы никто не засек, что я там был, мне внимание лишнее не к чему. И менеджер все твердит, что сейчас группе скандалы не нужны. — Стал пояснять синеволосый с чувством собственного достоинства. — А то бы я тому хорьку зад точно надрал.

Ха, не зря его обладатель солнечных очков панком называл, а критик Лина — хулиганом и задирой. У него что, до сих пор кровушка кипит?

— Бери свою королеву на руки, — опять чуть хриплым голосом произнес Кей, — и через отдельный вход пойдем на стоянку.

— Чего-то у тебя с голосом не все в порядке. Кальяна перекурил или на концерте наорался? — поинтересовался барабанщик, приподнимая мою подругу, но остался без ответа.

— Заткнись уже, твою мать.

Вот что такое настоящий друг — он всегда вежливо ответит на интересующие тебя вопросы!

— Пойдем в машинку, мой котенок? Я расскажу тебе красивые сказки, — обвила его шею руками Нинка, как только оказалась поднятой.

— Ага, — буркнул Келла и спросил у меня, — а она точно драться не будет? А то мало ли — у нее ногти острые.

— Не-а, она сейчас смирная, — ответила я ему, озадаченная тем, рассказывать ли завтра утром подруге то, что случилось сегодня, или она сама будет помнить свой позор? И станет ли Нинка потом мстить синеволосому, или он успешно уедет? А своего ненаглядного Кея она вспомнит? Ведь она о таком только мечтать могла раньше — побывать с ребятами из «На краю» в одной VIP-комнате...

— Худая, а тяжелая, — проворчал парень, но, заметив мой взгляд, тут же приторно-нежно заметил: — Любовь — штука такая, что любые тяжести вынесешь!

Кей, которому он проорал это в самое ухо (проколотое, между прочим, в пяти местах, — я специально считала), поморщился и попросил друга вести себя потише и быстрее вытащить свой зад на улицу.

— А я не только свой зад вытаскиваю, — хмыкнул в ответ на это молодой человек и пошел куда-то к большому окну, задрапированному многочисленными яркими шторами в индийском стиле.

Неужели в окно хочет выброситься? Хотя нет, оно же декоративное.

Выбрасываться Келла не спешил, а всего лишь прошел во вторую комнату, которую я не видела ранее. Это помещение было таким же большим, полутемным и представляло собой что-то вроде караоке. Здесь даже своя маленькая сцена была, на которой одинокой тоненькой вышкой торчал микрофон, а всюду висели колонки и плазменные экраны.

Естественно, сейчас техника была выключена. Пройдя мимо удобных диванчиков, на которых, видимо, должны были с комфортом располагаться гости VIP-комнаты, а также мимо личной барной стойки с высокими изящными табуретами, мы подошли к едва заметной двери, которая вела сразу на улицу. А еще точнее — на охраняемую стоянку клуба. Второй выход существовал специально для удобства дорогих гостей, способных снимать себе дорогие залы и номера.

Таким образом, мы сразу же и попали на улицу, освещенную не только большой круглой и самодовольной Луной, зависшей на небе в окружении звезд-подданных, щедро рассыпанных по бархатному небу, но и огнями ночного клуба, которые призывно горели то голубыми, то вишневыми, то искрящимися белыми цветами, заманивая к себе прохожих.

На улице было довольно прохладно, но никого это не смутило, кроме меня. Моя и Нинкина верхняя одежда, между прочим, осталась в гардеробе. Если я сейчас этим двоим скажу о том, что мне очень хотелось бы вернуться в «Горизонт» и забрать одежду, они нас вообще никуда не повезут. Ладно, эту проблему мы решим вместе с подругой — она в клуб все равно часто ездит — вот и заберет. А не сделает этого — я ее убью.

— Свежий воздух! — вздохнул полной грудью синеволосый и едва не уронил Нинку.

— Держи ее аккуратней, — серьезно попросил Кей, обводя своими странными глазами стоянку, а потом направился к темно-синей машине, кажущейся этой ночью черной. — Келла, ты со своей девушкой на заднее сидение, а ты, — повернулся он ко мне, — вперед. Не забудь пристегнуться. И скажи, куда ехать.

Он отключил сигнализацию, и все мы уселись в дорогую машину с тонированными окнами и кожаным бордовым салоном. Ух ты, даже телевизор здесь маленький есть! Шикарная тачка у солиста рок-группы, однако!

— Солнышко, — проворковала Нинка, устроившись головой на коленях Келлы, — спой песню. И одновременно она принялась грызть крышку собственного телефона.

— Какую еще песню? — офигел он. По-другому и не скажешь.

— Красивую. О любви хочу. Ска-а-а-азочной.

— Не-не. Давай я лучше тебе анекдот расскажу? — стал вытаскивать парень телефон из цепких зубов моей подружки.

— Не хочу анекдот, — надулась подруга, заметила проколы на лице парня и потянулась к пирсингу на губе, с явным намерением его оторвать.

Келла успел перехватить ее руку и тихо посетовал, что «лучше бы она

была прежняя».

— Я классный знаю, про трех патологоанатомов.

— Не-е-е-ет. Про сказку песню дай.

— Пристегнулась? — повернулся тем временем ко мне Кей. Как же необычно общаться с человеком, которого до этого вживую не видел ни разу, а лишь лицезрел его на картинках и постерах! Теперь у меня такое чувство, что я светловолосого где-то видела, а где — вспомнить не могу. А потом сразу понимаю — где-где, в Интернете, в клипах, да у Нинки в доме я его имела удовольствие лицезреть! Да что у Нинки — и у себя дома тоже — Нелька любит таких милых мальчиков, исполняющих тяжелую музыку... А голос знакомый — потому что слышала его песни.

Этот Кей прямо не человек, и даже не звезда, а сплошное дежавю на ножках. Нет, ножки — это сильно по-женски. Белобрысое дежавю? Музыкальное?

— Пристегнулась? — повторил он, отбрасывая волосы со лба и не глядя на меня.

— А? Нет, не получается... — вздохнула я и добавила: — Извини.

— Ничего, — ответил он и застегнул ремешок на сиденье сам. Когда парень наклонился ко мне и коснулся рукой, стало немного труднее дышать и совершенно неожиданно захотелось коснуться его бело-серебряных волос.

Потом я возмутилась про себя, искоса глядя на Кея. Вот же он козел. Он обаятельный мальчик, и сам это прекрасно понимает, но своим обаянием меня смущает все равно. А какой девушке не польстит, что рядом с ней известный красавчик с выразительным взглядом?

— Адрес? — не поворачиваясь, спросил блондин.

Я покорно назвала свою улицу и дом, справедливо полагая, что Нинкины родственники не сильно обрадуются, увидев среднюю дочь в немного неадекватном состоянии. А у меня взрослых вообще дома сейчас нет.

— Ты такой замечательный человек, такой заботливый, — говорила подруга то Кею, то Келле, — и ты, Катя — лучшая на свете подруга! Мир чудесен?

— Чудесен-чудесен, — проворчал Келла, — ведь в этом мире ты, блин, живешь. Мышка, ты не радугой питаешься?

— Да, чудесен? Тогда спой! Ну-у-у... спой мне, миленький! Спой! А то укушу! — принялась ныть Нинка на заднем сиденье.

— Да я не хочу петь! Принцесса, спи! — отбивался от нее Келла.

— Спой! Я отдам тебе за это свои серьги, милый, — принялась

нетвердой рукой стаскивать украшение из ушей Нинка. — Купишь себе много красивой одежды.

— Не надо! — остановил ее Келла и взмолился: — слушай, Кей, ты же у нас певун. Сбавай этой мышке куплетика два, а?

Подумав, он добавил:

— Или я тебе морду набью, честное слово.

— Ну, если только морду, — улыбнулся вдруг Кей и запел.

Молодой человек решил исполнить что-то странное, незнакомое ни мне, ни Нинке, ни его другу. Тихое, медленное, лирически-спокойное и даже приятное на слух.

И голос у него, против моих ожиданий, оказался интересным и, можно сказать, красивым — чистым, бархатным, низковатым баритоном. Не таким, как на концерте, — там голос солиста «На краю» искажали микрофон, громкая музыка и общая акустика. Сейчас я могла сравнить его голос с хрустальным водопадом, с уступа которого грациозно падают вниз водные потоки. На концертах — с океаном во время шторма, мощным, чуть неясным и неистовым.

Кей не фальшивил, да и дыхание у него, как я успела заметить, было поставлено правильно, а ведь всем тем, кто хотя бы немного соприкасался с музыкой, известно, что дыхание — это основа правильного пения.

Но лучше бы он не открывал рот, честное слово!

Успокойся и глазки, малышка, закрой,
Я сегодня всю ночь проведу здесь с тобой.
До зари буду петь, охраняя твой сон.
Я твой шут, ты — принцесса, а ночь — это трон.

— Как здорово! — по-детски захлопала в ладоши Нинка и укоряюще сообщила Келле, — а ты, дурашка, петь не умеешь! Я ему свои серьги подарю.

Келла как-то странно поморщился — я видела его недовольное лицо в зеркале заднего вида. Но он промолчал.

Я касаюсь твоей нежно-бежевой кожи.
Ты ведь любишь меня? И я тебя тоже.

Ну и песенка, не думала, что наш рок-герой такие слащавые слова будет подбирать. Это меня даже немного развеселило. Наверняка где-то в глубине души этот малый с вычурной прической мечтал быть поп-кумиром миллионов девчонок, а из него вышел всего лишь фронтмэн группы, исполняющей то ли альтернативу, то ли нью-метал.

Спи, пожалуйста, спи, я останусь с тобой,
Веришь, что я — твой принц и что я — твой герой?

— Верю, — прошептала Нинка, приподнимая голову.

Келла вдруг хмыкнул, но упорно продолжал хранить молчание. А Кей, следя за пустой дорогой, освещенной десятками стоящих в ряд фонарей, продолжал напевать, и голос его становился постепенно громче и громче.

Тонкий месяц и звезды я тебе с неба снял,
С ними вместе навечно свое сердце отдал.
Я любить тебя буду все годы свои.
Ты не бойся, малышка. Ты спи. Просто спи.

Нинка шмыгнула носом от переполняющих ее эмоций, Келла произнес непечатное слово, которое я могу перефразировать как: «Просто капец». Но я так и не поняла, к кому он обращался: к солисту, позорящему славное имя группы «На краю», к восторженной Нинке или к самому себе? Точно могу только сказать — что не ко мне.

Я его вполне понимала — зачем обесславливаться такой глупой любовной лирикой, которая больше к лицу молоденькой эстрадной певице? Зачем ронять имидж брутального мэна?

Кей пел, и я осознавала, что герой песенного произведения производит впечатление не просто парня, а влюбленного дурачка. Одного из тех, которые не замечают многочисленных измен со стороны благоверных и

верят в то, что их ребенок, подозрительно похожий на соседа-грузина, уродился таким смуглым и черноволосым в двоюродную бабушку тети дядиной племянницы по отцу супруги.

Да, голос есть, слух тоже, и мелодия красива, но эта сахарность и розовые слюни все портят... Разочарование.

Пока моя подруга радовалась, а я с большой долей скептицизма размышляла над текстом песенки, светловолосый певец, видимо, решил, что с двух полужнакомых девиц хватит его бесплатного концерта, поэтому закруглился, и финал был немного не таким, каким представляли его мы с Нинкой. Конец песни воистину был феерическим.

Едва заметно улыбаясь и глядя в зеркало, отражающее лицо поднявшейся Нины, Кей спел заключительную часть своей незамысловатой песни.

Вышло чудесно.

Спит. Доверилась. Дверь я плотнее закрыл.
И с улыбкой ей в сердце свой нож я всадил.
Ночью тело увез в океан в чужой лодке.
Бросил в воду. Поверила мне, идиотка?

Первые секунд десять в салоне машины стояла тишина и слышен лишь был звук шин. Кей закончил песню и молча повернул руль, а заодно и свой крутой транспорт налево.

Келла оглушительно расхохотался, я едва выдавила из себя какой-то странный звук, напоминающий удивленный смешок. Я ведь думала, что последним куплетом будет что-то милое про свадьбу этого чокнутого влюбленного и его засыпающей красавицы. А вот Нинка почему-то разрыдалась. Как будто бы была не студенткой университета, а первоклашкой, у которой злые ребята отобрали булку, да еще и за косы подергали.

Честно говоря, Нинка никогда не плачет. Она много раз мне говорила, что «рыдать — удел слабохарактерных придурков» и вообще «один мудрый чувак сказал: ни один человек на свете не достоин твоих слез, а тот, кто достоин, никогда не заставит тебя плакать». Подругу я видела всякой: раздраженной, злой, очень злой, разъяренной, демонически гневной, но плачущей — никогда. Я даже сомневалась, способна ли эта сумасбродка из

себя хоть одну слезинку выдавить?

Оказалось, что способна, причем не одну, а сто одну. Крупные, прозрачные слезы потекли из ее глаз бусинками, попадая не на саму Нинку, а на майку синеволосого, к которому она в ужасе прижалась. Тот довольно улыбался, чувствуя себя настоящим героем, — еще бы, такая фурия, как Нинка, просит у него защиты. Вальяжно поглаживая ее по светлым волосам, он говорил что-то вроде: «ты чего, это же весело» и «ну ты даешь, хватит реветь».

И плакала она вовсе не бесшумно, напоминая современный аналог библейской иерихонской трубы, той самой, которая за пару мгновений разрушила крепостные стены города.

— А-а-а, — орала подружка, кривя губы, — ты плохой человек, беленький Кей! Мне страшно теперь!

— Ну я же с тобой, — проговорил синеволосый тоном, который предполагал, что этот факт должен заставить Нинку петь и плясать от радости.

— Мне ее жалко-о-о-о-о! А-а-а-а-а, он ее убиииил! За что? — сквозь обильные слезы вопрошала девушка. — Ка-а-а-а-а-а-а! За что?

Я прикинулась, что не слышу. Раз с ней на заднем сиденье находится барабанщик «На краю», то пусть ее и успокаивает, и объясняет.

— За что-о-о-о он ее так??

— Он маньяком был, наверное, или серийным убийцей, — не нашел лучшего объяснения парень.

Мою подругу, конечно же, оно не устроило, поэтому она завопила еще громче.

— А ты талант, мужик! — обратился к Кею Келла, пытаясь зажать Нинкин рот ладонью. — Минута — и девушка кричит. Готова.

— Это что, ваша новая песня? — поинтересовалась я, глядя на то, как мы мчимся мимо большого гипермаркета. До дома еще минут десять, если мы будем ехать так же быстро и без задержек. Если этот шедевр станет их новым треком, то триумф группе обеспечен.

— Нет, — ответил Кей и спросил, — налево поворачивать?

Я кивнула, а тем временем синеволосый принялся посвящать меня в музыкальную жизнь своей родной группы:

— Этот чувак сочиняет все на ходу, девочка. Стихи, музыку — все! — хвастался барабанщик. — Кей у нас молоток! Менеджер на него не наумиляется, ха-ха-ха. Круто он сейчас забацал, да, девочка?

— Я Катя.

— Ага.

Парень что-то хотел сказать мне еще, но в это время Нинка заверещала ему под ухо:

— Синенький, синенький, я его боюсь! Синенький, спаси!

— Не надо звать меня синеньким, — попросил ее почему-то Келла, не переставая поглаживать девушку по волосам.

На миг Нинка отвлеклась от плача и спросила заинтересованно:

— А как мне тебя звать? Голубеньким? — она слабым движением взъерошила волосы парня, вспомнила, что вообще-то рыдает, и вновь принялась отчаянно плакать, переживая за лирическую героиню, как за родную сестру.

Настроение барабанщика тут же изменилось: он перестал веселиться и попросил называть его Келлой и не как иначе. Это меня изрядно позабавило, и сразу же вспомнились нехорошие намеки парней в клубе.

Не обращая внимания на ор, стоящий в автомобиле, Кей весело бросил не оглядываясь:

— А я говорил тебе, не крась волосы в этот цвет.

— А я тебе говорил, ко мне с этим больше не лезть. И вообще чего ты за хрень сейчас спел, — совершенно забыл Келла, что минуту назад сам хвалил друга, — моя королева меня визгом уже достала. Перепевай, давай.

— А-а-а-а-а, — подтверждая слова молодого человека, как-то по-волчьи провыла Нинка.

— Ага, сейчас, — больше не собиравшись устраивать представления светловолосый, — вполне приятная песня. Не находишь? — спросил он у меня, и я кивнула в ответ. Парень улыбнулся мне.

Пока Нинка орала, Кей вдруг почему-то резко затормозил, выругавшись. Нинка заглохла, опять едва не упав под сиденье, как в том такси, я на пару мгновений перестала дышать, резко подавшись вперед, а Келла заорал:

— Ты дурной?! Водить разучился? Ты чего творишь, олигофрен?

— В окно посмотри, — мрачно посоветовал другу Кей, всматриваясь вперед, в освещенный фарами кусок асфальта.

Перед темно-синей машиной музыканта стоял полубоком большой светлый джип-внедорожник с тонированными окнами и выключенными фарами — он перекрывал нашему автомобилю дорогу, специально обогнав нас и подрезав. За окном послышались громкие хлопки дверьми, и через пару мгновений мы смогли разглядеть чью-то большую и внушительную фигуру, смутно мне знакомую.

— Это еще что за?.. — пробормотал обладатель синих волос. — Неужели с «Горизонта» эти кретины решили нас догнать?

— Какие еще кретины? — внимательно наблюдал Кей за тем, как к нашей машине медленно и уверенно подходит этот высокий и накачанный человек.

— С которыми драка началась. А все из-за нее, — кинул сердитый взгляд Келла на Нинку, уже переставшую вопить и лишь тихонько утиравшую слезы кулачками.

— Папа! — вдруг поняла я, кто это. Шкаф три на три — Иван должен же был приехать в клуб по просьбе этой ненормальной, сейчас впавшей в глубокое детство Нинки! Он, наверное, каким-то образом заметил, как его «сестренку» выносит в полубессознательном состоянии из ночного клуба незнакомый парень, и решил поехать вслед за «наглецом». Мало ли что задумал тот против его названной родственницы! И угораздило же эту дуру ему позвонить!

— Это Папа, — кивнула я на бугая, властным жестом требовавшего, чтобы мы вышли из машины. Позади него, шагов через пять, маячили точно такие же спортивного вида парни.

— Папа? — Как-то даже побелел Келла, вглядываясь сквозь тонированные окна. — Ну и харя... А папа-то добрый? — спросил почему-то он у меня.

Я только пожала плечами. Как же, добрый, как Санта-Клаус. А вон те широкоплечие квадратные ребята — наверняка эльфы, помогающие разносить подарки на Новый год и Рождество.

— Не злите его, а то он нас всех вместе в ближайшем лесочке закопает, — прошептала я, зачарованно глядя в окно.

— Мило.

— Давайте выйдем? — предложила я, понимая, что Папу не надо заставлять ждать. Я первой нажала на ручку двери и вновь оказалась на улице. Налысо побритый бандит успел стать еще более накачанным с тех пор, когда я его видела первый и единственный раз. А произошла наша встреча месяцев так шесть назад, когда мы с Ниной, гуляя по ее любимым местам — бутикам, нечаянно наткнулись на грозного Ивана. Тогда же Журавль и познакомила нас, очень лестно назвав меня своей лучшей подругой и почему-то правильной девчонкой.

— Добрый вечер, — произнесла я, надеясь, что Папа меня узнает. Кто знает, может, у него память короткая и он сам как персонаж из той самой поговорки, где говорится, что «большая фигура, да дура».

Бугай хмуро кивнул и не стал долго задерживать взгляд маленьких прищуренных глаз на мне — переключился на Келлу и Кея, вылезших из машины с явной неохотой.

Пять к одному, что эти парни не понравятся Нинкиному знакомому. Я почему-то давно заметила, что представители любых неформальных культур и нарушители закона всех мастей друг друга, мягко сказать, не уважают.

Пока Папа не начал боевые действия, я, ощущая себя героем, поспешила произнести как можно внятнее и четче:

— Папа, я Катя, Нинина подруга. Мы виде...

— Я помню, бубен еще работает, — прервал меня здоровяк, и я облегченно вздохнула, — Нина-то где?

— В машине, — честно призналась я и принялась объяснять, — она напилась, поэтому нечаянно вам и позвонила. А теперь в машине сидит и спит.

— А это что за фраера? — с некой брезгливостью уставился Иван на лица музыкантов. — Прицепились к вам, типа?

— Это наши друзья детства, — принялась я вдохновенно врать, понимая, что Папу надо как-то задобрить и показать, что с Нинкой все в порядке и молодые люди с нами не несут никакой угрозы, а то мало ли что он устроит... Наверняка после разборки злой — вон как прищуренно и нехорошо смотрит на парней.

— Че-то мне друзья детства не нравятся, арбузы у них больно наглые, — ухмыльнулся Папа и подошел к ребятам поближе.

Келла устало смотрел куда-то в сторону, как будто бы оказался здесь случайно, а Кей с безразличием уставился вперед — его взгляд как раз падал в район мощных плеч Папы. С тем же взглядом солист сидел и на пресс-конференции. Молодец, хорошо его отработал!

— Они очень хорошие, — бросила я быстрый взгляд на участников группы «На краю», — вон тот, синеволосый, он вообще крестник Нининой мамы.

С еще более возросшим интересом Иван оглядел Келлу:

— Не ширяльщик? — спросил он грубовато.

Парень кисло посмотрел на Папу и отрицательно покачал головой.

— А че лещега синюшная?

— Что? — пришлось переспросить мне. Я блатной жаргон не очень понимаю.

— Хаер почему синий? — нехотя пояснил детина, приехавший к Нинке на помощь, и для полной убедительности показал пальцем на голову.

— У него болезнь волос, — не придумала я ничего лучше, не давая барабанщику и рта раскрыть. — Это реакция на лекарство.

— А-а-а... — совершенно не обладал медицинскими знаниями

здоровяк, поэтому и поверил: — Точно не шоркается утюг? Не нарик?

— Нормальный я, — даже с каким-то небольшим вызовом сказал Келла. Надо же, его за один день пару раз наркоманом обозвали. И при этом совершенно разные люди. Это навело его на определенные мысли?

— Тогда нормалек. Крестник, значит? — подобрело немного лицо у Ивана, — привет Нининой мамке передавай. И не ширяйся, типа, дальше.

Ударник неестественно улыбнулся и, почему-то назвав Нинкину маму тетей Ирой, сказал, что и привет передаст, и ширяться не намерен. Хорошо, что этот шкаф не знал, как в действительности звучит имя Нинкиной родительницы.

— А второй кто? Че за акробат? — тем временем заинтересовался Папа кумиром моей подруги. — Не ухажер ли сестренки? А то она мне тут жаловалась на одного черта подкошенного. Типа, он ей отдыхать мешает. Пристает. Лапает.

И, грозно нахмурившись, Папа решительно стал подходить к Кею, приняв за того самого назойливого кавалера. Я испугалась — если бандит ему сейчас вмажет, то завяжется драка, и тогда группа «На краю» окажется на грани развала, потому что даже самому опытному менеджеру не найти будет одновременно хорошего нового вокалиста и барабанщика взамен умерших. А некромантией, как известно, в нашем мире еще не занимаются, ну если только не брать в расчет загадочных колдунов-вуду с далекого и солнечного черного континента. Но даже если Кея и Келлу оживить, то сомневаюсь, что их тела буду так же хорошо справляться со своими обязанностями в группе, как прежде...

— Папа, — выкрикнула я, не дожидаясь, когда лысый Иван подойдет к светловолосому, — это совсем не Ниночкин ухажер, ты ошибаешься! Это мой парень!

— Твой? — остановился бугай. — А, ну твой, тогда лады. Живи, волосатик. Ты, типа, на нее запал? — спросил он невнятно Кея. — Смотри мне, я за сестренкой и за ней вот, — показал на меня большим пальцем Папа, — в ответе, типа. Они правильные девчонки.

Светловолосый, кажется, понял то, о чем говорит бывший уголовник, и молча кивнул. Ну, надо же, жаргон блатной знаем!

— Эй, сестренку-то мне покажите, фраерки, — почти по-доброму обратился он к парням, и Келла тут же распахнул заднюю дверь, словно говоря, вот она, твоя сестренка, смотри — все с ней в порядке!

— А тачила шикарная, — легонько пнул знакомый бандит колесо машины Кея, — волосатик, типа, мажор?

Волосатик, типа, музыкант.

Но ответом ему оставалась тишина. Только лишь слышался шум приближающегося к нам чужого автомобиля. Когда он проезжал мимо, то я заметила — водитель увеличил скорость, чтобы быстрее удрать с этого участка дороги. Наверное, подумал, что тут разборка намечается. Какие люди вокруг — все, как один, смелые и отзывчивые!

Иван засунул плечи и голову в салон машины (да-да, шея у него продолжала отсутствовать как часть тела!) и смог наконец убедиться, что со светловолосой девушкой все хорошо. Вот только поговорить им не удалось — Нинка дремала, с удобством устроившись на чьем-то рюкзаке с символикой группы «На краю». Скорее всего это вещь Кея или Келлы — вот они как себя любят и ценят, не стесняются с сумками имени себя ходить. Такое чувство, что у обоих музыкантов и у Нинки был один общий учитель по предмету «самолюбие и высокая самооценка». Культ себя — это сильно!

— Ты? — распахнула большие голубые глаза Нинка и увидела морду Ивана, — приветик, а я тут с мальчиками... Немного выпила... И я ни на кого больше не злюсь. Ну просто совершенно!

И она звонко засмеялась. Папа с братской нежностью поглядел на покрасневшую от приема алкоголя Нину, и на его грозном лице появилось некое подобие улыбки.

— Я же говорю — выпила она немного больше, чем ей можно. Крестнику ее мамы даже на руках пришлось Нину нести, — сказала я, боясь, что подруга скажет лишнего. Но, слава Богу, она закрыла глаза и засопела, как бульдог.

Когда Папа, небрежно попрощавшись, вразвалочку пошел к своему джипу, а его верные соратники заспешили за ним следом, чтобы уехать в одни известные им дали, я облегченно вздохнула. Не вечер, просто жесть какая-то! Словно я не в модное ночное заведение ходила, а пережила Варфоломеевскую ночь.

Келла и Кей продолжали стоять около распахнутой «шикарной тачилы» и молчали, провожая глазами удаляющийся джип.

Вот же трусы, не могли из себя крутых построить, с Иваном поперекаться? Эх, крутые рокеры, или кем там они себя считают, не оказались настолько крутыми. Не захотели лежать в больнице с переломанными костями... Но вообще-то это у меня логики нет совершенно — сама же только что боялась, что Папа и его широкоплечие друзья решат побить музыкантов, которые будучи парнями высокими и не сильно слабыми на вид, намного уступали в размерах Ивану и Ко.

— Это твой папа? — поинтересовался барабанщик со странным

смешком, когда я повернулась в его сторону.

Он достал откуда-то сигарету и нервно курил. Нинка ненавидит запах сигарет еще больше, чем мяту, если бы она не спала, заставила бы Келлу сигарету съесть.

— Нет, — помотала я головой, — это не мой папа.

— А кто это тогда? — не отставал синеволосый, выпуская дым чуть ли не мне в лицо.

— Папа, — почувствовала я себя не в силах все толком объяснить. После такой знаменательной встречи мои нервы не давали головному мозгу прийти в себя.

— Так папа или не папа? — сдвинул брови к переносице Келла, чувствуя, что он что-то не понимает.

— Ну, Папа. Иваном зовут, — устало откликнулась я.

— Отчим? — выдвинул новое предположение барабанщик. — То-то я смотрю, вы не похожи. Трудно с таким папочкой?

— А почему он королеву сестренкой называл? — спросил и Кей, первым усаживаясь на свое место.

— Считает своей сестрой, — отвечала я, все сильнее раздражаясь собственной глупостью и непонятливостью этих двух, — вы же слышали, она «правильная девчонка».

Новоявленный крестник Нинкиной мамы не спешил залезать обратно в машину. Он с неподдельным изумлением уставился мне в лицо и начал нудно выяснять, зажав сигарету в пальцах:

— Он твой неродной отец и брат моей принцессы?

— Ты с ума сошел? Сплюнь!

— Да не может он быть отцом подруги твоей демоницы, — тихо произнес Кей, заводя мотор, поэтому синеволосый парень не расслышал ни меня, ни его и продолжал:

— Моя девочка Нина чего, твоя тетка, что ли? Не, какой-то бред. А ты сама, получается, своего папашу боишься? Ну, я бы тоже боялся.

— Своего папашу я не боюсь, — сделала я акцент на первом слове. Теперь я понимала Нинку! Вот почему она злилась, когда я никак не могла взять в толк, кто такой Папа и почему он приезжает. Оказывается, тупых людей всюду хватает. И это не только я.

— Садитесь, — раздался недовольный голос Кея, — поехали. Или вы ждете, что они вернутся и проведут с вами остаток ночи?

Нас мигом задуло в салон. Но и там Келла не прекращал попыток узнать, кто такой Папа и состоим ли мы с Нинкой в родственных отношениях с этим бугаем. А я наконец сумела объяснить, что Папа — это

всего лишь кличка. Потом мне пришлось пересказывать историю знакомства Ивана и Нинки, а потом отвечать на радостные вопросы барабанщика, заключающиеся в следующем: «Какого зайца королева помогает гопникам?» и «Она совсем не знает, что такое чувство страха?»

Когда мы прибыли наконец к моему дому, чьи многочисленные окна были темны, часы на моем мобильном телефоне показывали, что сейчас половина третьего ночи. Это то самое время, когда мне снятся самые красивые сны. Любимое время. А сегодня оно было потрачено зря. Почти зря.

Я открыла подъездную дверь, пропуская гостей вперед. Хорошо еще, что около лифта и на всех лестничных площадках горит свет, — наши бдительные соседи на каждом этаже даже дежурство установили по смене перегоревших лампочек.

Пройдя в гостеприимно распахнутую мною дверь, Келла едва не ударил Нинку головой об косяк и воровато огляделся — не видел ли кто? Кей не заметил, а я ничего не сказала. В моей душе поселились определенные подозрения насчет точности метода Альбины. Наверное, этот синеволосый не всегда Нинку так сильно любит, как ей говорил. Ну что поделать, ненастоящие чувства никогда не смогут перерасти в искреннюю привязанность.

— Нам навстречу по лестнице, — проинструктировала я парней.

— Вот она, слава, — изрек вдруг дурашливым тоном барабанщик, глядя вправо, на стену.

Второй музыкант последовал его примеру, но сразу же отвернулся, будто увиденное его ни капельки не заинтересовало. Но я знала, что и Кей тоже польщен.

— Круто быть известным, — очень нескромно изрек неугомонный барабанщик, — и быть известным рокером — круто в кубе! — И он довольно засмеялся.

Ну-ну, рокер несчастный.

Причиной очередного роста самолюбия у обладателя эксцентричных волос являлась надпись: огромная, почти во всю стену, очень корявая и с подтеками внизу, но выполненная с душой. Почему? Да потому что она была посвящена его собственной и, видимо, очень любимой группе. «Банда „На краю“ — the cool!» — было намалевано багряно-красной краской на первом этаже. Каждый, кто проходил к лифту, видел этот шедевр наскальной живописи и, так сказать, имел возможность насладиться его видом.

— Я тоже такие граффити раньше оставлял, — похвастался Келла и

стал перечислять непонятные и незнакомые мне названия групп, — только мы с мужиками писали Metallica, Guns N Roses, Korn, Marduk, Wolves in the Throne Room...

— А я думал, ты Бритни Спирс слушаешь, — серьезно заметил поднимающийся впереди Кей.

Его друг посоветовал блондину правильнее выбирать выражения, а также засунуть мисс Спирс в некое отдаленное местечко, проделать с ней пару таинственных манипуляций и больше не вспоминать об этой знаменитой певице, чьи интимная жизнь очень, по его, Келлиному, мнению, весьма и весьма разнообразна.

— Вы о чем? — дернуло меня спросить.

— Он проиграл пари и на квартирнике исполнил партию одной из ее песенок, — ответил солист, и в голосе его слышался откровенный стеб, — жаль, что в Интернете видео так и не появилось.

— Чего стоим? На какой этаж? — спросил проигравший, делая вид, что ему все равно.

— На последний, — жизнерадостно отозвалась я, подумав про себя, что было бы очень смешно соврать, что лифт не работает, — тогда кое-кому пришлось бы тащить кое-кого на самый последний этаж. А этот факт точно не добавит хорошего настроения этим полужвездным мальчикам.

Лифт казался рабочим, и его скрипучие двери открылись сразу же, как я нажала на кнопку вызова. В него я зашла первой, следом за мной синеволосый, которому, судя по всему, надоело таскать свою королеву. Кей почему-то оглядел лифт задумчивым взглядом и вошел последним.

Жалобно протонав, средство перемещения по этажам неспешно поехало вверх. Скоро будем дома. Счастье. Я наконец улягусь в свою мягкую кровать, забыв всех этих людей, стоящих сейчас около меня. И «Горизонт» забуду. Только красавца менеджера забывать не хочу. Может быть, он мне приснится?

Лифт опять вздохнул и стал ползти медленнее.

— Давай, давай, «бентли», набирай скорость, — скомандовал Келла. И пнул одну из стен. Взамен лифт злорадно затрещал и выключил лампочку. Наверное, на «бентли» обиделся.

— Ну и домик, — почему-то обрадовался синеволосый, — главное, чтобы ваш домашний «Феррари» не остановился. Мне принцессу держать надоело. Я же не ваш Папа-качок.

Может быть, наш лифт был очень эмоциональным и не смог стерпеть такого наглого оскорбления, а может быть, просто так захотела шутница-судьба, но лифт действительно замер, напоследок пару раз натужно

кашлянув.

Мы застряли неизвестно на каком этаже и в полной темноте.

— Вашу мать! Чертов лифт! — взвыл Келла, поняв, в каком он оказался положении. — Чтоб я еще кого-то провожать поперся! Фак мой мозг!

В отличие от синеволового Кей сохранял относительное спокойствие. Конечно, он очень обозлился, потому что вообще мало кто любит сидеть в поломанном лифте, но не ругался и не извергал проклятия. Он тут же достал зажигалку (а певцам курить вредно — так и хотелось сказать мне) и осветил лифт. Я последовала его примеру и достала телефон, в котором, слава Всевышнему, был встроенный маленький фонарик.

— И часто он у вас ломается? — почти что спокойным тоном спросил блондин, пытаясь приоткрыть створки лифта, — это у него получалось плохо.

— Часто, — кивнула я, нажимая на кнопку вызова лифтера, но никто нам не отвечал, — очень.

И с сотовыми телефонами тоже была проблема — связь отсутствовала.

— Проклятые сотовые операторы! — не преминул отметить этот факт барабанщик. Вообще-то вместо слова «проклятые» он произнес кое-что другое, очень неприличное. — Халтурщики тупые. Чтобы вас <запрещено цензурой>!

Мне было стыдно, что мы застряли в лифте именно в моем доме. Так неловко — словно в этом была моя вина. Почему-то Келла считал иначе — он, поудобнее взяв спящую Нинку, метнул на друга злой взгляд и заявил, что «во всем виноват этот придурок». А потом добавил, чуть поразмыслив:

— Это все потому, что тебе заняться больше нечем, чувак! Я бы мог эту ночь провести с тел... — тут он посмотрел на меня, — ну не важно, с кем и где провести, но что с пользой — это факт. А твои тупые идеи...

— Закройся, — вновь подал ему очень добрый совет Кей, и я так и не узнала, в чем заключаются «тупые идеи» солиста. Этот парень прямо как моя Нинка — она тоже любит при любом удобном случае велеть всем молчать.

— Ну а что нам делать? — вскинулся барабанщик. — До утра лифтера ждать?! Этот лось обкуранный, менеджер, нам все мозги про..., — он опять покосился на меня и сказал, — проест. Ну что делать? Что?

Не нервничать. Ты же мужчина, возьми себя в руки.

— Лифтера ждать, — ответил Кей, еще больше приоткрыв створки лифта, и попросил меня посветить телефонным фонариком в образовавшийся небольшой проем, чтобы узнать, где конкретно мы

застряли.

Я с готовностью выполнила просьбу блондина. Вместе с дверьми лифта я осветила и его руки. Красивые, надежные, аристократичные, что ли... Да чтоб ему эти руки прищемило, зачем я о них в такой момент думаю? Аристократичные, ага, как же. Лучше бы я подумала, сколько женских тел перелапано этими руками! Все более-менее известные рок-звезды жуткие бабники и алкоголики. Ну, или наркоманы. И хотя эти двое на вид кажутся нормальными, все равно в них что-то должно быть не так. Что-то, отличающее их от обычных, здоровых людей. От таких, как я, например. Нинку в расчет брать нельзя — она, по рассказам ее мамы, в детстве много ударялась головой. А такие удары бесследно не проходят.

— Ну что там? — недовольно спросил Келла. Тяжело, наверное, бедненькому. — Надеюсь, можно ваш «ламборджини» разжать и пролезть?

Оказалось, что нельзя, — мы застряли между этажами. Узнав это, барабанщик тут же поспешил выразить свое драгоценное мнение по этому поводу. Кей же молчал, прислонившись спиной к стенке и пробуя набрать чей-то номер на своем навороченном мобильнике. Слабо-фиолетовый свет от экрана падал на симпатичное лицо, придавая ему какие-то вампирские черты: заострил нос и скулы, щедро добавил глубоких кругов под глазами, увеличил яркость оранжевых радужек и придал общее хищное выражение.

— Связи нет и, думаю, не будет, — спокойно ответил парень.

— Красота! — взревел Келла таким басом, что я вздрогнула. — Вы что, издеваетесь? Лифт, тварь, чтоб его...

— Веди себя нормально. Испугаешь девушку, — раздраженно ответил ему одноклассник.

Конечно, ему-то лучше, всякие тяжести на руках держать не надо.

— Может быть, он сам поедет попозже, — устало сказала я, следуя примеру фронтмена группы «На краю», и привалилась к прохладной кабине, одновременно освещая кабину экраном своего телефона. Только сейчас я начала чувствовать, что устала от этой бесконечной ночи. Это Нинка сова — ей в темное время суток не спать в удовольствие, а я так не могу.

— Чувак, дай куртку, я королеву положу на пол, — попросил Келла после очередной порции ругательств.

— Где ты видел на мне куртку?

— А, черт. Ну, тогда я ее так положу. Мне надоело.

Нет, чары Альбины-экстрасенса все-таки не сильно эффективны. Или, может, ночью их действие уменьшается?

— Не надо Нину на холодный и грязный пол бросать! — возразила я,

представляя, какой скандал учинит Журавль, если вспомнит, что валялась на грязном полу, где не только люди в уличной обуви ходят, но и кое-кто еще и малую нужду изредка справляет...

— Не буду, — проворчал синеволосый. Он успокоился, но ему становилось все скучнее и скучнее. Поэтому он предложил:

— А давайте на спор кто-нибудь разденется? Тогда на его одежду мы королеву и положим.

А давай ты ерундой страдать не будешь? Но вслух этого я, конечно, не сказала. Я не такая дерзкая, как Ниночка, безмятежно спящая на чужих руках. Хорошо, что Кей проигнорировал слова друга. Представляю, как я орала бы, если бы сомнительная честь раздеться ради Нинки и рук барабанщика досталась мне.

— Ну? — гнул свою линию Келла. — Давайте повеселимся, что ли?

— Как? В бутылочку поиграем? — с досадой спросил фронтмен «На краю».

— Можно и в бутылочку, — плотоядно отозвался второй музыкант, глядя на меня. — Во взрослую бутылочку.

— Катя, лифтеры у вас когда на работу выйдут? — не слушал его Кей.

— Часов в девять. Или в десять. Или в одиннадцать... — со вздохом ответила я. — Но бывает, что этот лифт сам по себе начинает работать.

— Прекрасно.

На минут пятнадцать в кабине повисла тишина. Кей засунул в уши наушники-капельки, включил плеер и погрузился в мир тяжелой музыки. Какой равнодушный! Вот бы еще Келла замолчал. А он, напротив, превратился в некое подобие радио. Сначала этот парень долго ругал лифтеров, которые, по его мнению, плохо работают и поздно приходят на место службы. Потом так же долго бранил жильцов нашего дома из-за того, что они посмели так сильно запустить лифт и что он функционирует из рук вон плохо. Затем синеволосый вновь перекинул свое недовольство на «коллегу», но быстро прикрыл словесную лавочку под нехорошим янтарным взглядом друга, который, оказывается, имел феноменальный слух: не только одновременно наслаждался громкой музыкой, но и мог слышать то, что творится в кабине лифта.

А вот Нинка, не обращая ни на кого внимания, спала. Счастливая. Зато завтра она все волосы себе выдерет, когда узнает, сколько у нее было возможностей соблазнить Кея. Если, конечно, она его еще не соблазнила в клубе. Хотя кто этих троих знает... Только завтра подруга сможет поведать мне о том, что произошло в «Горизонте» в мое вынужденное отсутствие. И я сомневаюсь, что представители славной группы «На краю» дадут мне

ответы на все интересующие меня вопросы.

— Выберемся отсюда, сфоткаюсь около стены, — сообщил не умеющий долго хранить молчание синеволосый.

Он только что перестал пинать со злости дверь и из-за этого чуть даже не свалился.

— Какой стены? — не поняла я, светя сотовым телефоном в пол. Свет криво падал на мои закрытые туфли и почему-то на толстую рифленую подошву каких-то уж сильно крутых высоких ботинок Кея. Что за странная мода заправлять джинсы в обувь, пусть даже если эта обувь крута на вид или вызываясь дорога? Прищурившись, я принялась разглядывать чужие ботинки: четыре ремешка, много дырок для шнуровки, металлическая вставка на носке. То ли «каamelоты», то ли «гриндерсы», то ли «рейнджеры», которые в простонародье называют «гадами». У Нинки что-то подобное тоже есть — она, когда перевоплощается в некое подобие сумасшедшей неформалки, их на концерты таскает.

— Что значит какой? Такой, где про нас написано, — пояснил синеволосый таким тоном, что я должна была сама догадаться, какую стену он имеет в виду, и добавил — даже подпишу что-нибудь. Типа, «Келла тут был». И автограф оставлю. Будет стена поклонения нам, — и он опять разразился нездоровым смехом.

То сердится, то радуется, странный какой-то.

Вот же детский сад! Если он там свой комментарий нарисует, то наш подъезд снова взбунтуется. Дело в том, что не все получали эстетическое удовольствие от надписи, посвященной модной группе этих двух разгильдяев, и реагировали на разрисованную стену по-разному. Мне, например, как и дяде, абсолютно все равно, что написано в родном подъезде, — главное, не на моей собственной двери. Многим соседям тоже плевать на какие-то каракули. А вот некоторые личности, типа моих престарелых соседок Семеновны и Фроловны, просто с ума от злости сходят, когда видят в подъезде очередное безобразие. Каждую неделю рейд полусумасшедших старушек чуть ли не со всего дома обходит подъезды в поисках новых надписей или иных, по их мнению, гадостей. Возглавляет рейд староста нашего подъезда. И под его предводительством старшее поколение не жалея сил проверяет все углы и стирает ацетоном надписи. Добровольцы стараются поймать тех, кто, по их словам, «портит общекультурный уровень всех жильцов, обезображивая подъезд».

С мазней «На краю» у меня были связаны не самые приятные воспоминания. Когда эта надпись только появилась (а тогда она была маленькая и очень аккуратненькая), старушечий рейд ее, естественно, стер.

Неизвестные художники узнали и восприняли этот акт как святотатство, поэтому не поленились восстановить свое творение. Староста и старушки через пару дней с ругательствами убрали и вторую надпись. Но... Их неведомые оппоненты и поклонники «На краю» опять воссоздали буквы, правда, увеличив в размерах. И понеслось — целую неделю одни стирали, другие писали. При этом обе стороны показали всему подъезду, что такое истинное упорство! Староста со своими друзьями-пенсионерами, их подружки-бабушки, старенький слесарь дядя Костя, а также затесавшиеся в их маленький отряд три дедка с соседнего дома дошли до того, что стали выслеживать злоумышленника, портившего стену. Они установили дежурство. Даже ночами караулили! Но так никого и не поймали. Подумав, что «мерзкие наглые подростки-вредители» сдрейфили, рейд целую неделю радовался, что стена чиста и девственна. Пенсионеры ее даже новой краской покрасили и едва ли не боготворить начали. Честное слово, не стенка — а просто алтарь какой-то. Но хулиганы не дремали, и одним тихим воскресным утром жильцы стали свидетелями того, как на прежнем месте всего за одну ночь появилась большая, нет, просто огромная красная надпись, сделанная какой-то суперстойкой краской.

Так фанаты группы «На краю» восторжествовали над подъездным «дневным дозором». Но на этом история не кончилась — староста, будучи мужиком умным и внимательным, вспомнил, что мой папа недавно хвастался ему, будто приобрел некие несмываемые краски, которые ему привезли прямо из Америки для создания очередного шедевра. Пораскинув мозгами, отряд в полном составе явился к нам домой, чтобы предъявить обвинения в хулиганстве и порче общественного имущества. Они даже заставили участкового прийти вместе с ними. Милиционер, молоденький, но уже очень усталый парень, не мог сопротивляться бешеному наскоку старшего поколения и пришел. В это время дома были я, брат и дядя. Эдгар в наушниках зависал в виртуальном мире, я спала, заткнув уши маленькими поролоновыми берушами, — Нелька до этого слишком громко играла на компьютере, а Леша принимал душ. Именно ему и пришлось идти открывать двери — потому что яростные звонки слышал он один. Выругавшись, дядя не нашел ничего лучше, как обмотать вокруг пояса длинное полотенце и в таком виде пойти к незванным гостям. И даже в глазок не посмотрел — так и открыл.

Я к этому времени тоже успела проснуться и подойти в коридор, поэтому все видела собственными глазами. Бабушки при виде полураздетой бывшей модели сначала оторопели, немного поразглядывали ухоженное тело, а потом почему-то завяли и стали бормотать, что «такой

славный мальчик так плохо не стал бы поступать». Мужская часть отряда, видя, как стушевались «их женщины» перед молодым мужчиной в непотребном виде, немного обозлилась и заявила Алексею, что он, дескать, рисует в подъездах всякую мерзость. Это стало настоящей новостью для моего дяди.

— Что вы несете? — сердито спросил Леша, которому было холодно стоять около двери из-за сквозняка.

— Ты наш подъезд изгадил! — сообщили ему нестройным хором дедушки. — Бандой своей!

— В смысле? У меня, знаете ли, собственный туалет есть, — еще больше рассердился он, подумав немного о другом. — Нужно мне гадить в вашем подъезде.

— Ты изрисовал стену! — гаркнул слесарь дядя Костя. — Хату свою измазал богоненавистными картинками и за подъезд теперь взялся!

— Какую стену? — хотел, было, закрыть дверь Леша, но ему этого не позволили сделать.

— Возле лифта. Красными буквами, — пояснили дяде любезно.

— Месяц уже нас изводишь, — заявил еще какой-то воинственный дедок, скептически рассматривая наш коридор.

— Мы стираем, а ты пишешь, мы стираем, а ты пишешь, — пришла в себя и Фроловна.

— А-а-а, вы про первый этаж? — Леша был наслышан о местных баталиях отряда пенсионеров и мелких хулиганов и крайне удивился такому повороту событий, не ожидая, что обвинять в таком будут именно его.

— Вам что, — поглядел он на толпу бабушек и дедушек, — врачи всем что-то не то навывисывали? Что вы несете? Офигеть...

Его слова вызвали целую бурю протестов.

— Не хами!

— Хулиган!

— Гражданин участковый, сделайте что-нибудь!

— Что я сделаю? — развел руками позади стоящий паренек в форме, которому совсем не хотелось ввязываться в подобного рода скандалы. — Зачем этому человеку писать всякую чушь? Видно же, что про группу подростки писали, а не взрослые люди.

— И то верно, — оживился староста, — извините, Алексей Евгеньевич, значит, да, не вы преступник. Кто-то из вашей семьи.

— С чего вы это решили? — удивился еще больше Леша. — Вы все с ума сошли? Я думал, старческий маразм — штука не заразная. Идите,

пожалуйста, отсюда.

Пенсионеры опять завозмущались, загалдели, демонстрируя, каким может быть рассерженный улей.

— Каков молодец на язык!

— А квартира-то у них какая, а? Обои какие, гляньте! А пол? А потолок?

— Кому кроме них над нами издеваться?!

— Да видели мы, Аркадьич, ужас, а не дом! Таким что у себя малевать пакость всякую, что на общественных стенах...

— Вы унижаете искусство! — дополнил общую картину дребезжащий голос члена-корреспондента Академии наук, а ныне первого сплетника во всем доме. — Айвазовский и Шишкин перевернулись в гробу, когда увидели бы это!

— Сектанты, — проорала какая-то бабушка — божий одуванчик, — вы что, ритуалы тут устраиваете? Ну и харя вон там у них! Это что, ваш божок? — И она очень невежливо ткнула пальцем в сторону Чуни, надменно глядевшего на незваных гостей.

При этом пара старушек, стоящих на лестничной клетке и выглядывающих из-за плеч дедков, перекрестилась. Мне, не спешившей представать перед соседями, было дико смешно.

— А какая вам разница, — вызверился Алексей, — какой у нас дома интерьер? Как хотим, так и живем!

— Вот именно, — поддержал его вдруг милиционер, вспомнивший, что именно в этом доме живет какой-то знаменитый, но чудаковатый художник, — пойдемте, господа жильцы.

— Я сначала хочу узнать, — упрямо заявил Леша, не стесняющийся того, что он стоит в одном полотенце, — почему вы думаете, что эту вашу глупость на стене писал кто-то из моей семьи? Нам что, заняться нечем больше?

Староста, рассыпаясь в извинениях (все-таки он был самым культурным из присутствующих), объяснил, что в этот раз стену изрисовали особенной краской и подобного рода красящая жидкость есть только у моего отца. На это Леша сардонически расхохотался и заявил, что его брату-художнику больше заняться нечем, как разрисовывать стены в подъезде дорожкой краской, когда как у него куча заказов в мастерской.

— Да как он вообще художником стал? — в один голос возмутились Семеновна и академик. — Да в наше время бы его...

— Как стал, так и стал, — вдруг вышел из лифта Томас, который возвращался из своей мастерской. Его очень задело слова соседей. — Я,

между прочим, художественную Академию искусств заканчивал. И что тут вообще происходит?

— Это не ты ли, случайно, им подъезд разрисовываешь тихими ночами? — язвительно спросил Леша, застывший статуей Аполлона на пороге.

— Что? Подъезд? — удивился тот. — Я такие заказы не принимаю. Рисую исключительно на холстах.

Когда папе с шумом объяснили, по какому поводу делегация отважных пенсионеров пришла к нам, он даже рот приоткрыл. Если для дяди слова незваных гостей были новостью, то для Томаса — настоящим открытием. А когда ему сказали, что многострадальная стена изрисована вроде бы как его краской, он возмутился и принялся ругаться.

Староста, который подумал вдруг, что молодой сосед, зябко поеживающийся на сквозняке, все-таки не может быть автором надписи, да и его старший брат-художник с гнездом на голове на эту роль не подходит, предположил, что виновники — это дети, живущие в квартире: то есть я, сестра и брат.

Началось новое разбирательство, на которое были вызваны я и Эдгар, сонно потирающий красные глаза. Он не спал целую ночь, воюя против флотилии пришельцев. Кажется, несмотря на все усилия домашнего компьютерного гения, выиграли все же инопланетяне. Такой вывод я сделала тогда, потому что братец все бормотал: «Моя Венера, мой Марс, мои колонии...»

К счастью, за меня заступилась Семеновна. Как-никак, ее внучка Настя общалась со мной с самого детства, и эта старушенция меня хорошо знала и жалела, что я родилась в такой ужасной семье. И даже подкармливала в детстве, считая, что я недоедаю!

— Катя в ихней семейке самая приличная, — удостоилась я похвалы от разошедшейся Семеновны, — не сошла еще с ума девка. Не будет она такой ерундой страдать.

Мне лишь оставалось скромно кивать головой.

Моего братца комиссия пенсионеров тоже призвала негодным для подобного рода дел, потому что, как оказывается, наши соседи считали его кем-то вроде дауна. Потом принялись обвинять отсутствующую Нелли, но в результате папа, Леша и почему-то молоденький милиционер просто-напросто закрылись в квартире, решив переждать бурю добровольных избавителей подъезда от хлама и надписей.

А через неделю староста и его дружки-подружки вновь явились к нам. Просить прощения — они вроде бы почти поймали настоящих любителей

исписывать чужие стены, и теперь им было очень стыдно, что они подумали на нас. По их словам, это были мальчишки в капюшонах и с баллончиками в руках. Ребята успели подписать над названием группы словосочетание «тупая попсытина». Видимо, они очень не любили группу «На краю» и решили таким образом показать свою нелояльность к ней, но были пойманы бдительной подъездной охраной. А уж та, не разбираясь в современном жаргоне, приняла пацанов за давешнее хулиганье. Участники рейда даже оттерли нехорошие слова ацетоном.

Через пару дней после повторного «визита вежливости» я все-таки узнала, кто был автором нелепой мазни.

— Ну, красиво вышло? — спросила Нелька, когда мы вдвоем проходили мимо памятной надписи, возвращаясь из магазина.

— Что вышло? — не поняла я ее, обдумывая, есть ли в учебнике ответы на семинарские вопросы или мне лучше пойти к Нинке и все списать у нее?

— Надпись, — довольно откликнулась девочка.

— Какая?

— Вот эта, — указала на стену сестра, — про группу «На краю». Это же я со своими тогда ее рисовала полночи, — и сестра расплылась в широкой улыбке. — А стариканы поймали каких-то левых...

— Прием, девочка, о чем задумалась? — услышала я голос Келлы. — Эй, певун, пни ее, мне скучно говорить в пустоту.

Сам себя пни. Что за манеры вообще?

— Вы должны быть очень счастливы, — почему-то произнес барабанщик, которому Кей ничего не ответил, — очень!

— Почему мы должны быть счастливы? — не совсем поняла я.

— С вами два крутых парня. Рок-звезды и все такое, — вежливо пояснил музыкант.

— Какие рок-звезды? — прикинулась я валенком, но тут же поняла, что это будет выглядеть глупо и наигранно. Поэтому пришлось добавить: — Мне все равно.

— Да ну? — искренне удивился Келла, — даже автограф не попросишь?

Я так же искренне поразились. Какой еще автограф? Может, мне ему еще руку пожать и неделю не мыть или попросить на попе расписаться и сделать потом татуировку?

— Мы тебе можем дать автограф, — продолжал обладатель синей копны волос как ни в чем не бывало, — могу даже мой медальон в форме

логотипа группы подарить.

Вот она, звездная болезнь. Отвратительно.

— Спасибо, не надо, — с достоинством отозвалась я, оскорбившись в лучших чувствах.

— А я так понял, что ты наша фанатка. Думал, ты Кея разденешь глазами! — многозначительный смешок синеволосого мне совсем не понравился.

— Чего? — возмущенно проговорила я и, к своему ужасу, покраснела. Хорошо, что в темноте не видно. — Никого я не раздевала, это ты сумасшедший. Или видишь плохо.

— Нормально я вижу, — не спешил соглашаться со мной молодой человек, — объяснись тогда, девочка!

— Это тебе лучше объяснить надо, что ты такое сделал с Ниной, что она от тебя бегала, как угорелая по всему «Горизонту»! — не нашла я ничего лучше, как опробовать метод: «Лучшая защита — это нападение». Он сработал.

Услышав мои слова, Келла захохотал, как полубезумный, и сквозь смех я разобрала:

— Она... боится... Ха-ха-ха-ха-ха! Она... паук... Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

— Нинка, что ли, паук? — в этом я несколько не сомневалась — эта бешеная девушка вокруг любого способна соткать прочную паутину лжи и обмана, опутать ею и сожрать с потрохами очередную несчастную жертву.

— Нет, — потряс головой тот, — она моего искусственного электрического паука-тарантула испугалась. Я его вытащил, а детка чуть ли не на люстру взобралась, стала визжать и свалила, как будто она — спринтерская чемпионка. Кей, Кей, — обратился он к другу и толкнул его локтем, — королева же забавно смывалась?

Светловолосый опять промолчал. Наверное, его музыка совсем засосала.

— Какое-то странное у тебя отношение к любимой девушке, — поджала губы я.

— Нормальное, романтическое, — ответил Келла.

Единственный Нинкин кошмар и ужас — это пауки. Их она боится и ненавидит с самого детства до истерики. Теперь ясно, почему Нинка от этого дебила бегала и почему потом вискарь хлопнула. Хотя откуда ему знать, что у его королевы арахнофобия?

— Это не у меня странное отношение, а у тебя, — продолжал Келла.

Он умудрился сесть на корточки и таким образом продолжал держать Нинку, которая и не подозревала, что может быть тяжелой. А Келла

ворчливо утверждал именно это.

Так мы и стояли вместе в темном лифте, как самые настоящие дураки. Келла что-то говорил-говорил-говорил, рассказывая про бесконечные концерты или клубы, просто шутил. Я изредка вздыхала. Кей стоял и просто слушал музыку. Наверное, если бы на нашем с Нинкой месте оказались нормальные и компанейские девушки, они бы точно знали, как развлечь двух красивых популярных парней. А у нас с подругой получалось только хорошо сохранять тишину. Нинка едва слышно посапывала, болтаясь на руках Келлы, а я стояла у стеночки и не знала, что можно вставить в бесконечную речь синеволового и как заговорить с блондином.

Говорят, что темнота — лучший друг молодежи. Ну-ну. В нашем случае эта темнота никаким мне другом не была, впрочем, как и врагом. Она была абсолютно бесполезной. Или я как представительница прекрасного пола оказалась бесполезной...

Умудрилась же застрять в лифте с этими людьми! Хорошо бы было так вот остаться наедине со своим молодым человеком, или, например, с красивым и импозантным менеджером Андреем, или хотя бы с одним из этих двух ребят, но никак не с ними двумя и не со спящей Нинкой.

Я принялась от нечего делать фантазировать. Почему бы немного не помечтать, если уж заснуть стоя я все равно не смогу?

Вот если бы я тут оказалась только с Келлой... Нет, с кем, с кем, а вот с этим молодым человеком мне оставаться наедине не хочется! Лучше бы я осталась вдвоем с Кеєм — он мне больше нравится, хотя этот парень все равно странный.

Ладно, пусть с этим самодовольным недорокером...

Если бы мы здесь стояли вдвоем, то это по крайней мере было бы романтично. Можно было бы даже сделать вид, что мне страшно, и ненароком прижаться к его плечу или там коснуться руки. А он... ну мало ли что может посетить голову юноши, который оказался наедине с девушкой? Гормоны не дремлют, знаете ли, особенно весной... Может быть, так и завязываются серьезные отношения. Он в принципе парень приятный на вид, яркий, хотя и с энным количеством тараканов в светловолосой головушке.

Вот дура! О чем я опять думаю-то! Мерзкий Кей, перестань источать обаяние. Я все же не робот, а живая девушка.

Но он не переставал. Мало того этот парень нагло стоял около меня и один раз даже повернулся так, что задел меня плечом. Лучше бы не толкался, а взял бы меня, к примеру, на руки — у меня ноги уже в этих

туфлях устали.

Нет, лучше бы я здесь оказалась с каким-нибудь жутко заботливым и милым мальчиком, который боготворил меня... тогда я бы, напротив, желала, чтобы лифт застрял бы навечно... Приехал бы к нам в гости менеджер Андрей, а я бы пошла его провожать, и мы вместе сели бы в эту железную кабинку...

А вот если бы я застряла с Антоном, то было бы крайне забавно. Это чучело наверняка смутилось бы. Оно, по-моему, вообще девушек боится как-то. Или меня оно не боится? А, да, чего опасаться девчонку, в доме которой ты имел возможность спать, умудрился познакомиться чуть ли не со всей семьей и заставил ее отца называть себя «сынок»?

Надо будет с этим милым дурачком потом пообщаться в тайне от Нинки, уговорить его не кончать жизнь самоубийством, что ли... Да и просто поразговаривать — он интересный. А есть ли у меня номер его мобильного, кстати?

Я достала сотовый телефон с садящейся батареей, чтобы проверить записную книжку, и его экран осветил волосы впереди стоящего Кея. Мне очень почему-то хотелось узнать, натуральные они или крашенные? Мягкие или жесткие? Может, это вообще парик, а сам музыкант плешивый, как старый дед? Подумав, что на самом деле на голове солиста популярной группы удобненько расположилась идеально ровная милая залысина, я не выдержала и засмеялась. Мой смех был принят неоднозначно.

— Ты с ума не сходишь в закрытых помещениях? — поинтересовался откуда-то с пола Келла. Голос у него был слегка сонный.

— Нет, — несколько смутилась я.

— Хватит светить телефоном мне в затылок. Раздражает не меньше, чем твои смешки, — не заботясь о вежливости, произнес Кей.

Вот осел. Думаешь, вытащил меня из драки, можно хамлометом работать? Ах, драка... Я же его даже не поблагодарила, кажется, за спасение собственного тела и, возможно, души.

Скрепя сердце, я проговорила:

— Извини. То есть спасибо. Большое. И извини.

— За что? — повернулся он ко мне и произнес: — Ты же не виновата, что у вас лифт плохой. Надеюсь, утром нас выпустят отсюда. И не обращай внимания, что мы попали в такую глупую ситуацию, не выспимся, в таком виде предстанем перед Андреем, а он наверняка подумает, что мы всю ночь развлекались с девочками и выпивкой. То же самое подумают и журналисты, которые завтра с утра будут брать еще одно интервью. А то, что у нас не будет времени поспать еще около суток из-за репетиций, — не

беда, мы железные парни. Извинения не нужны.

Келла засмеялся. Я почувствовала, что сейчас провалюсь сквозь землю. Как будто я заставляла нас провожать! Не я же лифт испортила!

— Я имела в виду, что вытянул меня из драки. Я не успела тебя поблагодарить, как следует, — стерпела я его слова. — Я тебе признательна.

— Красивая девушка знает только один способ хорошо поблагодарить парня, — вмешался барабанщик.

— А меня бы устроил такой способ, — отозвался таким же тоном противный Кей, которого я сначала приняла за почти нормального человека.

— Кто о чем, а вшивый о бане, — туманно ответила я, стараясь сохранить спокойствие. Может, эти два дурака извращенцы какие-нибудь? Не стоило соглашаться на помощь неизвестных парней. Хотя нет, они очень даже известны.

— Да не бойся, — без труда разгадал мое состояние синеволосый. — У меня вон есть королева, и я ее безумно люблю. Не изменяю. А у Кея тоже есть дама сердца. А он типа рыцаря.

По-моему, он типа дебила. И даже не типа.

— Наш роковой солист парень со странностями, — продолжал вещать Келла, — любит он про...

— Я же попросил тебя захлопнуть свой большой рот, — четко выговорил его друг тем же немного хриплым голосом. — Не надо в мои дела посвящать посторонних.

Ну и ладно, подумаешь. Такие секреты, будто блондинчик — тайный некрофил и боится, что общество узнает об этом.

Чем красивее человек, тем он более надменен. Вон Антон не страдает избытком красоты, зато характер хороший и мягкий. Кей, по всей видимости, считает себя главным секс-символом города, зато надменный и противный. Я уже не знаю, у кого самомнение больше и толще — у синеволосого или у его приятеля.

И чего-то перед Папой он, Кей, не выставлялся. Я почти что пожалела, что остановила Ивана, принявшего светловолосого за Нинкиного ухажера. Пусть бы Папа ему вмазал как следует. Не нравится ему, что я телефоном свечу! Да мне самой много чего не нравится. Ты сам, например, но я же об этом не говорю!

— Не пыхти мне в спину так злобно, — попросил вдруг предмет моих размышлений, снимая наушники, — ты же не дракон.

— Я так дышу, — несколько зло отозвалась я.

— Тогда у тебя гайморит, — ответил он тут же, и мне нечего было сказать в ответ.

Ух, надменный хрен.

Я стала светить экраном телефона, экономя энергию, в сторону. Нет-нет да и падал мой взгляд на впереди стоящего Кея, опершегося на стену лифта около щитка с кнопками. А у Нинки все же губа не дура. Милый молодой человек. С таким не стыдно и перед обществом показаться. Наверняка этому павлину все девушки вслед смотрят. И, может быть, даже некоторые парни. Ну и почему вы, Катрина Томасовна, не можете найти себе приличного молодого человека уже пару лет? А родственники теперь думают, будто мой парень — это чмо в смешных очках.

Да, такая я невезучая. Единственный раз в жизни я влюбилась, и то отношения кончились весьма трагично. Но об этом как-нибудь в другой раз. Не слишком хочется вспоминать такие печальные истории. Лучше думать о хорошем. И попытаться, например, найти плюсы в таком вот соседстве по лифту. Как-никак, я тут не с бомжами застряла. Будет потом что рассказать подружкам в универе. Или им лучше не рассказывать? Помоему, они меня засмеют, что я даже и не разговаривала с известными музыкантами.

У меня вдруг возникла идея. У меня же в сумке есть диктофон. Запишу-ка я голоса Кея и Келлы на диктофон. Ну хотя бы для того, чтобы Нинке показать, — пусть помучается от зависти!

— Ребята, а как вы песни пишете? — скомканно произнесла я, нажимая на нужную кнопку.

— Как и все, — тут же отреагировал Келла.

— А это как? — полюбопытствовала я.

— А зачем тебе? Тоже, что ли, хочешь музыкой заняться?

— Да нет, просто мне интересно. Ну как к вам идеи песен приходят? — не сдавалась я.

— У него спроси, — посоветовал барабанщик, — наш неотразимый фронтмен придумывает все тексты, я же говорил, девочка. Я занимаюсь музыкой.

— Я Катя, а не девочка.

— Ага.

— Кей, — обратилась я к блондину, чуть подумав, — как у вас песни получаются такие... э-э-э... какими они получаются?

— Обыкновенно.

— Обыкновенно?

— Да.

Обыкновенно получаются необыкновенными. О да, мило. Не завязывается у нас нормальный разговор. Я со вздохом опустила на корточки. Плюнуть, что ли, на начищенные ботинки солиста? Нет, я не Нинка, не должна делать пакости. Кстати, о моей подруге. Что-то я не видела у нее той самой сумки, коварно похищенной барабанщиком группы «На краю».

— А где сумочка, кстати? — вкрадчиво спросила я.

— Какая сумочка? — они оба не поняли, о чем я повела речь.

— Нинкина.

— А, в клубе, — отмахнулся Келла.

— У Нинки, между прочим, там кредитки лежат, — невзначай заметила я.

— Да верну я ей все, — рассерженно проговорил тот, — чего ты такая мелочная? И вообще напомнила бы раньше про эту сумку.

— Да мне-то что, сумка не моя. А Нинка вполне может Папе пожаловаться, — развела я руками, — она ведь его как раз ради сумки попросила приехать.

— Не беспокойся, — чуть-чуть задрожал голос у храброго парня, — в лучшем виде верну ей все в целости и сохранности.

— Верни, — откинула я голову вверх, стараясь рассмотреть в темноте очертания Кея. Не получалось.

— У тебя парень есть? — поинтересовался вдруг Келла. Наверное, хотел тему сменить. Теперь его голос звучал откуда-то сбоку.

Ага, сейчас, так я тебе и признаюсь, что нет. Вы ведь наверняка начнете интересоваться почему и вообще всячески подкалывать.

— Есть, — хмуро ответила я не моргая, глядя в темноту.

— Откуда? — так удивился Келла, как будто бы мое лицо победило на всемирном конкурсе «Ужас Вселенной» и у меня по определению не могло быть собственного молодого человека.

— От верблюда.

— И какой он, твой парень? — поинтересовался сверху Кей.

А им-то какая разница?

— А вы что, отбить его у меня захотели? — удивленно ответила я. — Нормальный у меня парень.

Услужливая память тут же подкинула мне картинку, на которой вся моя семья расписывала некого Антона, дизайнера то ли из Москвы, то ли из Питера. Я нечаянно расхохоталась.

— Странная реакция, — с насмешкой сказал Келла, — ты угораешь просто так или над своим чуваком?

Угорают в огне, а чувак — это бык кастрированный.

— Просто вспомнила кое-что, — уклончиво ответила я.

— Часто в цирк ходите, наверное? — задал крайне странный вопрос Кей почти одновременно с другом.

— Нет, — ответила я правду, растерявшись.

— Странно. Я уже думал, что твой парень — клоун.

— Он — дизайнер! — запальчиво воскликнула я. Быстро придумывать неправду у меня не получается, поэтому я подсознательно решила пользоваться «заготовкой-вракой» своих родственников.

— По клоунскому прикиду? — опять развеселился синеволосый и пожаловался, что ему надоело держать Нинку.

— Это же твоя королева, терпи, — не пожалел его друг.

Хорошо, что они перевели тему...

— У меня все ноги затекли, — стал опять надоедать Келла, — ну почему я сижу тут, а не с парнями в каком-нибудь крутом месте? Я хочу курить, а сигареты в машине. Я пить хочу. Я есть хочу.

А в туалет ты не хочешь? Дите малое.

Про туалет я подумала не одна. Но я-то промолчала, а вот Кей эту мысль озвучил.

— Иди ты, — отмахнулся барабанщик.

— Куда? — зевнул солист.

Синеволосый, уже не стесняясь меня, озвучил предполагаемое место, куда мог бы пропутешествовать его друг.

— Тут же дамы. Как тебе не стыдно, — похоже, Кей решил немного поиздеваться над другом.

— Стыдно, когда видно, — огрызнулся тот, — ясно?

Пока я задумалась над тем, что имеет в виду парень, произошло чудо.

Лифт опять зашелся железным кашлем, а потом, поразмыслив, какую бы нам бяку еще устроить, вдруг резко поднялся на несколько метров. Я немного не удержалась на ногах и вынуждена была схватиться за стену кабины, чтобы не упасть. Стена оказалась мягкой и довольно теплой. К тому же у нее были руки, мгновенно поймавшие меня. Ну, подумаешь, в темноте я перепутала лифт и предплечье Кея. Но он точно подумает, что я это специально делаю! А я не желаю, чтобы обо мне думали так же, как и о прочих фанатках, безмерно влюбленных в своих кумиров.

— Аккуратней, — тихо сказал мне светловолосый обладатель целой кучи пирсингов в ушах и еще неизвестно где.

— Извини, — так же тихо произнесла я.

— Не ударились?

— Об тебя точно нет.

— Хорошо.

— Поехал!!! Вашу мать! — радостно заорал в это время Келла, вскакивая вместе с Нинкой на руках.

Услышав неподдельную радость в голосе молодого человека, лифт тут же остановился, пару раз крякнув.

— Ты на него плохо действуешь, — услышала я в темноте голос Кея.

— Лифтик, лифт, я тебя умоляю, выпусти нас!

И противный лифт внял просьбам синеволосого.

Когда створки распахнулись, я поняла, что чувствуют души, перед которыми открылись ворота в рай после долгих мытарств по чистилищу.

Восторг и неопишуемая радость! Чувство свободы и неумное желание улыбаться! Хорошо еще, что лифт продержал нас в себе не так долго. В прошлом году папа застрял в нем на целых шесть часов и своими рассказами об искусстве довел интеллигентного соседа с пятого этажа до белого каления.

— Сорок минут в гребаном лифте, — тут же переменил мнение о средстве подъема людей на этажи Келла, — чтоб ты, тварь, сломался навеки!

— Не надо нашему лифту такое говорить, — попросила я возмущенно, оглядываясь и понимая, что мы всего-навсего на третьем этаже, — мне, между прочим, тут жить и жить!

Оставшийся путь мы проделали пешком, причем Кей все же решил взять Нинку на руки, ибо его приятель уже порядочно устал. Моя подруга будет в диком восторге, когда проснется!

К моему удивлению, именно на нашем этаже не горел свет. Ах да, это же наша очередь менять лампочки, а никто не озаботился этим... Теперь в темноте дверь открывать.

— Проходите, — завозилась я над замком, — в гости.

— В гости? — почему-то заинтересовался Келла. — А вдруг у тебя сломается замок и мы навечно будем заперты в твоей квартире?

— У нас тут хороший замок, — ответила я, тыкая ключом куда-то в дверь, потому что в темноте не могла попасть им в замочную скважину.

— Я вижу, какой у вас тут замок, — услышала я от Кея.

И недовольно на него оглянулась. Шутник.

— Давай посвечу, — решил помочь барабанщик, доставая свой телефон. Какие мы вежливые, — а то ты ключом дырку продолбишь.

Наконец, промучившись с непривычки еще минуты три, я открыла входную дверь. Надеюсь, ни папа, ни Леша еще не вернулись, иначе

вопросов не избежать.

— Прошу, — устало пригласила я музыкантов, включая свет.

Тут же раздалось любимое:

— Кто меня потревожил? Убью на хре-е-е-ен!

А одновременно с этим звуком, от которого синеволосый музыкант так вздрогнул, словно услышал о внезапном вторжении инопланетян в наш мир, раздался нехороший вопль:

— Стоять, ворье!

В коридор навстречу мне, Келле, Кею и Нинке спешили два натуральных идиота в длинных простынях. Моя сестрица, которую я узнала даже под белоснежной тканью с прорезями для глаз, трясла кухонными ножами, а братец, почему-то выставив вперед картину с Чуней, металлическим голосом проорал:

— Мы уже вызвали милицию!

— Это что? Это кто? — зачарованно взирал синеволосый на бесплатное представление. Одновременно он оглядывался на дверь, словно бы желая удостовериться, что в любой момент сможет выбежать из квартиры. На его месте я бы вообще сразу смылась из такого домика.

— Ангелочки, — вдруг четко проговорила Нинка, открывая глаза, чтобы через секунду вновь их закрыть и забыться сладким сном.

На ангелов эти две нелепые фигуры в белых простынях, что застыли перед нами живописными статуями, ни капельки не походили. Чуня в нетвердых руках брата тихонько покачивался в разные стороны. Ножи в каком-то странном ритме клацали друг о друга.

— Мы дверью ошиблись, или ты с ними знакома? — с неподдельным интересом разглядывал сестру и брата Келла. — Может, нам пора отсюда смываться, пока менты не приехали?

— Это моя квартира... — тихо-тихо проговорила я, готовая провалиться сквозь землю.

— Может быть, они под кайфом? — выдвинул новое предположение парень.

Нелька протестующе взывала. Эдгару тоже такое предположение пришлось не по душе, и он замахал Чуней.

— А мы не зря сюда зашли, — в тон другу произнес Кей, которому барабанщик передал эстафету по держанию почти что бездыханного Нинкиного тела, — здесь, наверное, точка распространения дури местная.

— Извините, — пришлось вновь извиняться мне, — это небольшое недоразумение. Мои брат и сестра.

— Да ничего, — махнул рукой Келла, — за такое не нужно извиняться.

— Мы, наоборот, очень тебе сочувствуем, — услышала я смех в негромком голосе Кея.

Во время нашего маленького диалога Эдгар и Нелли молчали, только затравленно на нас взирали.

— Овощи, — медленно произнесла я, обращаясь к родственникам и чувствуя, как во мне разгорается злоба — ну почему я опять попала в идиотское положение? — овощи, прекратите, пожалуйста, превращать эту квартиру в филиал главной городской психиатрической больницы.

— Ка... ка... катя? — услышала я из-под ткани голос Нелли.

— Ка-ка-катя, — передразнила я ее, продолжая щуриться от яркого света, — а что вы тут собственно устроили? Какое еще ворье? Вы в своем уме?

— Там кто-то скребся в замочной скважине... мы и подумали, что это жулики, — очень неуверенно произнес брат, продолжая прикрываться картиной.

— Жулики? — метнула я в него гневный взгляд. — Ты что, Карлсона пересмотрел и решил в привидения поиграть?

— Почему Карлсона? — жалобно спросила Нелька, не забывая своими хитрыми глазками осматривать моих гостей.

Всевышний сжалился надо мной, и сонная Нелли не узнавала музыкантов. Наверное, то, что родная сестра может притащить в дом сразу двух кумиров молодежи, никак не укладывалось в ее голове.

— Ты еще спрашиваешь почему? Потому что он тоже воров в виде привидения встречал, — прошипела я и обратила гневный взор на брата, — а ты немедленно повесь Чуню на место! И марш оба в свою комнату!

— В какую свою? — впилась взглядом в Кея самая младшая из Радовых, — у нас же разные комнаты.

— В Эдгарову! Быстро. И не дай Бог, вы действительно вызвали милицию! — совсем не хотелось мне оставшиеся полночи разбираться с дяденьками в форме, которым совсем не понравится, что вызов был ложным.

— Мы не успели ментов вызвать, — сознался брат.

— Молодцы, — с силой выдохнула я, слыша, как за моей спиной едва ли не во весь голос смеются Келла и Кей, — в комнату, овощи.

Наверное, в моем голосе было что-то такое, что заставило сестру и брата, так и не повесившего картину с Чуней на свое законное место, покинуть, оглядываясь, коридор и пройти в одну из спален.

— Стоять, — грозно окликнула я Эдгара, — картина!

Он оглянулся и принялся вешать картину на место, недовольно пыхтя.

А нечего было ее со стены снимать! Распыхтелся он теперь! И кто из нас старше, а?

— Вау, — насмешливо поглядел на меня Келла, когда я, утирая лоб, повернулась к гостям, — я же говорил, что у вас в квартире будет весело.

Оглядевшись, он одобрительно добавил:

— У вас не домик, а прямо царство авангарда. Теперь я понимаю, почему ты и твои родственники такие... странные. Но картины у вас улет! Не каждый нарик такие глюки увидит!

— Заткнись, ты в гостях, — сказал Кей другу. — Но здесь реально... весело.

Я проглотила эти слова и, преувеличенно дружелюбно улыбаясь, произнесла, кивая в сторону пустующей папиной комнаты.

— Извините, проходите, пожалуйста, сюда, располагайтесь, я сейчас приду!

— Наверное, тоже за дозой пошла, — излишне громко шепнул другу синеволосый, разуваясь и вновь принимая на руки Нинку.

Девушка приоткрыла глаза, обвила его шею руками и, почему-то запечатлев на его лбу смачный поцелуй, заснула тем же самым беспробудным сном. Вот же нервы у человека! Или моя подруга не человек, а действительно кто-то вроде демона?

— Ну, рассказывайте, — плотно захлопнула я дверь в комнату брата, — как вы докатились до жизни такой?

Папа говорит, что, когда я действительно злюсь, он меня слегка пугается. Очень надеюсь, что эти шалопаи меня сейчас тоже будут бояться.

Провинившиеся сидели на диванчике, скромно поджав ноги. Боялись, наверное. Нелька качала головой туда-сюда, словно обдумывая, как бы мне все это преподнести. Эдгар просто пожимал плечами.

— Быстрее, — поторопила я эту парочку прирожденных идиотов, — я, между прочим, не одна пришла. Вы вообще понимаете, в какое вы меня положение своей тупой выходкой поставили?

— Катечка, — подала голос Нелли, — ты только не нервничай, мы же не думали, что ты с парнями придешь...

— Значит, если бы я пришла одна, — возмутилась я, — то можно было этот балаган устраивать? Это новый способ издевательств надо мной, что ли?

В моем голосе зазвенел металл. Как же я была зла, как зла!

— Ну, мы не специально, Катюшечка! — заюлила девочка, оглядываясь на брата, и, вздохнув, поведала воистину душещипательную историю.

Этим вечером они, Нелька и Эдгар, остались в квартире одни. Брату этот факт был абсолютно параллелен, он вообще имел удивительную особенность не замечать присутствия или отсутствия домашних, а вот младшая сестренка обрадовалась — целый вечер и, если повезет, ночь, никто не будет ей указывать, читать нотации, гундеть насчет невыполненного домашнего задания, заставлять мыть посуду или делать любимую джей-рок-музыку тише. Да и телевизор с DVD-плеером будут целиком и полностью ее — Неллин. Свобода!

Сестра позвала в гости подружек, и они вместе занимались всяческой ерундой, в том числе и просмотром новых аниме, до позднего вечера. Кроме того, девицы устроили драку подушками, а потом решили поиграть во что-то, отдаленно напоминающее косплей привидений. Недрогнувшей рукой юные идиотки вытащили пару новых простыней из дорогого постельного комплекта, привезенного хозяйственным Лешей откуда-то из заграницы, и даже пододеяльником не погнушались. В таком виде они носились по дому, визжали, пели песни, торчали на балконе, пугая прохожих. Кстати говоря, на следующий день целых трое соседей умудрились пожаловаться папе на поведение Нелли. Похоже, все большее количество людей: как жильцов нашего дома, так и окрестных, убеждалось, что мы — сектанты. У кого еще на балконе будут разгуливать люди в белых балахонах и махать руками во все стороны, крича замысловатые фразы (девочки орали на японском, который многим совершенно неизвестен).

После бурного веселья, сопровождающегося громкой японской же рок-музыкой, девчонок заставили идти домой рассерженные мамы, а сама хозяйка принялась в гордом одиночестве пересматривать какой-то любимый японский сериал — на этот раз уже с живыми актерами. За просмотром восьмой серии, во втором часу ночи, ей очень захотелось спать, и девочка пошла сдаваться в плен Морфею.

Разбудили девочку какие-то неясные шорохи и глухой металлический скрежет. Сначала она прислушивалась, думая, что это кто-то из родственников решил вернуться домой. Но потом вдруг до сонной Нельки дошло, что ни отец, ни дядя, ни сестра не будут ковыряться около двери так долго.

«Воры!» — пронеслось в юном мозгу, и через пару мгновений его обладательница стояла около входной двери, чтобы удостовериться в своей правоте. К своему вящему ужасу, он смогла разобрать за дверью несколько мужских голосов.

— Я вижу, какой у вас тут замок... — произнес какой-то незнакомец.

— Давай посвечу, — вторил ему его поделщик (по крайней мере так

подумала моя сестра), — а то ты ключом дырку продолбишь.

И опять послышался какой-то странный металлический скрежет в замке. На пару секунд Нелли оцепенела, а потом принялась за самые активные действия. Во-первых, она пулей влетела в комнату старшего брата, который, высунув кончик языка, с усердием играл в какую-то очередную компьютерную игру-стратегию.

Нелли, заламывая руки, испуганной скороговоркой поделилась с братом, что в их квартиру кто-то ломится. Эдгар, который в это время играл не во что иное, как в игру, посвященную Гильдии воров, так проникся словами сестры, что вскочил и заорал:

— Надо что-то делать! Что-то делать! Это воры из гильдии... — тут он осекся и поправился, — домушники это... Что делать?

Он не до конца еще отошел от виртуальной реальности, и парню повсюду теперь мерещились воры и мошенники.

— Ты же старший брат! — завопила девочка в ответ, — я думала, ты что-нибудь сделаешь!

Ее голова стала лихорадочно соображать, что им предпринять, чтобы сохранить в целости и сохранности имущество, нажитое непосильным трудом старшего поколения. Про то, что существует такая полезная штука, как телефон, оба родственника благополучно забыли. И про милицию вспомнили, только увидев незваных гостей. А Нелли не придумала ничего умнее, как облачиться в то, что еще недавно было новыми и мягкими простынями. На мой закономерный вопрос! «Зачем?» она лишь пожала плечами. По пути сестра умудрилась схватить пару тупых ножей, которые Томас и Леша все время забывали поточить, а ошеломленный Эдгар решил отпугнуть наглых воров устрашающей картиной-тотемом. Про милицию он не вспоминал, наверное, потому, что действие в его компьютерной игрушке происходило в фэнтезийном мире, где царствовало что-то вроде анархии. В общем, брат решил обороняться картиной. Наверняка Чуня был против такого странного использования себя, любимого, но противостоять вандальским действиям моего братика не смог.

Каково же было их облегчение и удивление, когда вместо воров эти ослы увидели родную сестру, сопровождаемую незнакомыми парнями, один из которых держал на руках Ниночку.

Как говорит бабушка, цитируя фольклорную мудрость: «Дураков не сеют, не жнут, они сами растут». В этом я была полностью согласна насчет Эдгара и Нелли. А если бы это были настоящие воры, эти двое ненормальных рассчитывали, что преступники умрут со смеху, поэтому ограбление не состоится? Так, что ли?

Но я выслушала этот бред воистину с ангельским терпением, решив отложить расправу над братишкой и сестренкой на потом. Нечего музыкантам «На краю» становиться свидетелями кровавого убийства. Не думаю, что они захотят вывозить чьи-то трупы...

— Значит, так, дорогие мои, — произнесла я, обращаясь к притихшим Радовым. — Ко мне пришли гости. Один раз вы уже опозорили меня перед ними. Поэтому сейчас делайте что угодно, но не показывайтесь им и мне на глаза. Ясно? Второго такого позора мне не пережить. И вам тоже.

Брат кивнул, жадно глядя на мерцающий в темноте экран компьютера. Все, теперь для него существует только этот зомбирующий ящик.

Сестра печально вздохнула и кивнула, не забыв спросить:

— А это кто? Ваши новые мальчики?

— Да! — рывкнула я, собираясь как раз провести «новых мальчиков». Кто их знает, на что они способны в чужом доме? Иногда вот приходят такие гости со странными волосами и в странных костюмах, а потом у честных людей серебряные ложки пропадают. — И не смей показываться мне на глаза этой ночью! Поняла?

— Да поняла, поняла, что же тут непонятного, — буркнула Нелли и почему-то смерила меня презрительным взглядом, — ты плохо поступаешь с Антоном. Он хороший вроде, а эти парни хоть и круто, кавайно выглядят, но...

— Нелли, — прервала я ее, стараясь копировать Нинкины жесткие интонации, — дорогая моя, пожалуйста, помолчи. Вы и так виноваты в том, что я себя полноценным дауном ощущаю. И, похоже, буду ощущать еще долго.

— Позерка, — почему-то было ответом мне, — все равно ты с Антоном плохо поступаешь.

Силы небесные, вот же привязалась!

— Нормально я с ним поступаю. И не смейте мне сегодня мешать.

— Угу, — ответил вяло Эдгар, как пиявка вновь присосавшийся к компьютеру.

Интересно, белый друг его подпитывает какой-то особенной энергией?

Когда я выходила из комнаты, то думала, что сестренка прожжет на моей спине самую настоящую дыру. Нашла кого жалеть — этого чудика Антона! Если ей он так нравится, то пусть сама с ним и общается, вот же пара будет — малолетняя девица с заскоками и чудо-юдо в перьях. Над ними полгорода потешаться будет.

Когда я вернулась к Келле и Кею, они вообще обо мне забыли. Синеволосый вальяжно сидел на круглом диванчике (второй был занят

телом подруги), а Кей осматривал одну из последних недоделанных папиных работ, которую он принялся писать в приступе вдохновения буквально за пару часов до ухода в клуб. На квадратном холсте сидело двухголовое существо, обхватившее костистыми и перепончатыми пальцами электрогитару.

— А, вот и ты, — приветствовал меня Келла, — добрая хозяйка! Успокоила своих зависимых?

Я нехотя кивнула. И когда эти прелестные молодые люди намерены будут покинуть мое более чем скромное жилище?

— Теперь накорми нас, — очень наглым тоном попросил ударник. — Пока я нес королеву, которая, между прочим, является твоей подругой, я устал и у меня кончились все жизненные силы.

Ввиду определенного воспитания я не могла им сказать «убирайтесь», поэтому с неестественной улыбкой пригласила на кухню.

— А тут лучше! Не похоже на ад, ха-ха-ха! — заметил Келла, углядел на подоконнике забытые Лешей сигареты и тут же их схватил.

Не успела я и глазом моргнуть, как гость завладел зажигалкой, лежащей там же, и прикурил, с огромным удовольствием начав дымить.

— Круто, наконец покурю!

Ну, Алексей! Не мог взять свое добро с собой! А я тут сиди и задыхайся в дыму. И все из-за того, что он, Леша, никак не может бросить курить. Какой-то неизвестный ни мне, ни папе, ни бабушке хрен дернул дядю начать увлекаться табаком еще в классе десятом. С тех пор прошло уже немало лет, дядя, наконец, понял всю опасность курения, вроде бы как бросил, но иногда ему все же хотелось «полечить нервы сигаретами». Хорошо, что курил он очень редко и только на балконе — в нашей семье дым очень не любят. Даже папа своим табакозависимым друзьям не разрешает смолить папиросы в квартире и выгоняет их на лестничную площадку или на балкон. Только в подъезде много не накуришь — пенсионерский отряд такое не прощает...

— Будешь? — предложил Кею чужие сигареты Келла. Тот покачал головой.

— А, ты же у нас куришь, только если сильно нервничаешь. Ну ладно, мне больше достанется.

Я злобно покосилась на идиота. Хорошо еще, что Кей не увлекается этим делом, но ему, похоже, все равно, чем занят его шепутной дружок, и дым белобрысому ничуть не мешает.

Чтобы дышать было немного легче, я открыла окно и встала около него, чувствуя, как в спину бьется ночной прохладный ветерок.

— Так ты накормишь нас? — с таким наслаждением выпустил очередную струю дыма синеволосый, словно не курил не пару часов, а по меньшей мере лет восемь.

— А что вы хотите на... э-э-э... ранний завтрак? — осторожно спросила я, соображая, что у нас осталось из Лешиных приготовлений. Несмотря на возраст, я готовлю плохо — об этом я уже упоминала — и спектр моих кулинарных услуг весьма и весьма скуден.

— А что у нас есть? — положил длинные ноги на соседнюю табуретку Келла.

Ты еще их на стол закинь. Или сразу однокласснику на голову. Вон с каким скучающим выражением тот сидит, прямо так и просит красивое раскрашенное личико получить пяткой в глаз. А лучше — в оба.

— Это сложный вопрос, — стала по очереди открывать я шкафчики, в которых либо ничего не было, либо лежала какая-нибудь дрянь вроде приправ, подсолнечного масла или использованной коробки от суши-набора.

Барабанщик внимательно смотрел за моими действиями и качал головой.

— И что ты предлагаешь? — спросил он у меня очень укоризненным тоном.

Я предлагаю не курить и свалить из моей квартиры — я спать хочу!

— Она предлагает своим гостям самим себе что-нибудь приготовить, — как-то иронически отвечал обладатель янтарных глазок.

Интересно, парню в линзах постоянно находиться комфортно или не очень?

— Самим? — осведомился Келла.

Пришлось развести руками и признаться в том, что ничего путного, тем более вкусного, я приготовить не в состоянии.

— И ты будущая хранительница семейного очага, — развеселился синеволосый, — ты заморишь свою семью голодом. Детишки будут голодать, муж будет слезно просить тебя приготовить ему хоть что-нибудь... хоть похлебку!

— Какую еще похлебку?

— Чесночную. Такую Папа Карло Буратино готовил, — проявил недюжинные познания в литературе ударник.

Естественно, Кея это развеселило.

— Когда муж появится, тогда готовить и научусь, — хмуро отвечала я двум весельчакам, которые, кажется, хотели сделать меня своей рабыней.

— Точно ничего нет? — решил самостоятельно обшарить холодильник

и шкафчики Келла.

Вот что называется, воспитания — ноль.

— Приготовленного ничего... — Если за ближайшие пару часов эти ребята заставят меня почувствовать стыд еще за что-либо, я умру. Сколько можно меня шпынять?

— Точный адрес назови? — задал странный вопрос, который больше напоминал мне требование, Кей совсем не в тему.

Я назвала, не понимая, зачем это ему надо. Правда, спустя секунду до меня все же дошло.

— Хорошая идея, чувак, — воскликнул Келла, как дракон, пуская в воздух дым.

— Закажем пиццу, — решил за всех его светловолосый дружок и не дожидаясь, пока я начну возражать, вытащил из кармана джинсов свой телефон (теперь я могла хорошо его разглядеть и поняла, что в руках Кея был крутой смартфон не менее крутой фирмы) и позвонил в круглосуточную службу доставки пиццы.

Пока он что-то заказывал, Келла крутился рядом и выкрикивал что-то вроде «побольше бери!» или «хочу с грибами!». А как только лидер группы «На краю» положил смартфон на кухонный стол, ударник привязался к другу с одним-единственным вопросом:

— Скоро они там приедут? Когда они будут? Я жрать хочу!

Я почти что с умилением посмотрела на дурачка. Если вдруг какое-нибудь вселенское чудо соединит его с Нинкой, то из них получится просто отменная пара: они вместе будут уничтожать огромные запасы еды, а также возвращать чувство собственного достоинства, чтобы оно становилось все больше и больше. Да и общее количество головных тараканов эти двое смогут увеличить, просто общаясь друг с другом.

— Слушай, — смерил его усталым взглядом Кей, — сиди тихо.

Вот именно, у меня, между прочим, брат и сестра спят. Наверное. А может быть, подслушивают, но это уже не важно. Главное, чтобы не подглядывали. Не хочу, чтобы Нелли узнала в этих ребятах известных музыкантов, которым она со своими друзьями собственноручно устроила «стену памяти» в нашем подъезде.

— Я не могу тихо, я голодный! Если пиццу не привезут через минут десять, я съем ее, — схватил меня за плечо барабанщик и слегка потряс.

Вот у него ладони горячие, как печка, — их в этом смысле обычными назвать нельзя, не то что у некоторых. Я помотала головой — я что, теперь людей по температуре их рук буду различать?

— Отпусти ее, — зевнул Кей, — у тебя королева есть. Это мой завтрак.

— Да, точно. Ну, где моя еда?

А почему бы им не устроить завтрак где-нибудь у себя в квартирах? Чем им мой дом так понравился? Или им просто нравится изводить меня? А может быть, они дожидаются того счастливого момента, когда проснется Нинка? Все музыканты со странностями, это точно!

Пока мы ждали эту чертову пиццу, Келла опять успел закурить, а Кей заставил меня сварить ему в кофеварке кофе. Мне как гостеприимной хозяйке пришлось подчиниться. Он, наверное, думает: спас меня один раз, так теперь командовать мною можно будет всю вечность. А я ведь не Нинка, возражать не стала. Ну как моей подруге может нравиться такой противный, надменный Буратино с волосами неизвестно сколько раз крашенными-перекрашенными? И звездной болезнью он все-таки страдает, даже если и сделал вид, что надпись-признание в любви группе «На краю» его не заинтересовала, но меня-то не обманешь!

Звездная болезнь — штука страшная. Вот у моего папы есть один друг, писатель-фантаст с сумасшедшими глазами навывек, которые чем-то напоминают рахьи. Из-за этого дядьке в далекой молодости дали кличку Краб. Сначала его вообще-то хотели прозвать Раком, но в их веселой компании один гражданин такое прозвище уже имел, поэтому остановились на Крабе. Так вот, этот фантаст лет пятнадцать клепал романы и повести, и были они настолько плохими, что их даже мой всеядный до искусства отец не мог прочитать до конца. Прочие же вообще счастливо засыпали на странице двенадцатой. Но однажды к Крабу на огонек и на стаканчик коньяка залетел муз совсем из другой оперы, то есть жанра. И всего за неполный месяц этот мужик написал повесть в стиле последних тенденций постмодерна, смешав в ней стихи и прозу. К огромной неожиданности как самого писателя, так его многочисленных родственников и друзей, а также редакторов и литературных критиков, книга оказалась едва ли не гениальной. Краб получил за нее кучу премий, постоянно осчастливливал своим присутствием популярные передачи и культурнозначимые мероприятия и всего за три года стал известным прозаиком. Но из более-менее нормального человека, чей уровень заскоков не превышал норму, Краб превратился в натурального безумца, помешанного на собственной популярности. Он так загордился, что с ним перестали общаться едва ли не все родные. А потом добрые врачи, к которым его уговорила пойти собственная мать, поставили диагноз: «мания величия». Краб полечился какое-то время, стал получше, но до сих пор молится сам на себя.

У этих двух мальчиков тоже есть приятная возможность проделать

такой же путь, как и у папиного друга. Особенно у Кея. Его синеволосый товарищ кажется мне немного более нормальным человеком. Только дымит сильно.

— Курить вредно, — заметила я как бы между прочим. Почему я на собственной и крайней любимой кухне чувствую себя чужой?

— Правда? — наклонился близко к моему лицу Келла и старательно выдохнул мне в лицо струю дыма.

— Говорят, капля никотина убивает лошадь, — неуверенно произнесла я, так как сама не проверяла эту информацию.

Ничуть не смущаясь, синеволосый парировал:

— А никотин убивает лошадь в человеке.

— Но все равно это очень вредно для легких! — закашлялась я.

Келла в очередной раз выдохнул прозрачный белый дым и выдал:

— Никотин уничтожает тридцать шесть видов микробов, и из них восемь вредных, девочка.

— Катя, — едва уже не скрипнула я зубами, раздумывая о том, сообщить ли злостному курильщику о том, какие заболевания вызывает табак.

— Ага, Катя, — тем временем произнес он, — на вот, сама затянись.

— Я не курю, — с достоинством сказала я.

— А ты покури. Где там эта доставка? Почему курьер такой тормоз? — заныл Келла. — Эй, девочка, я тебя все-таки слопаю, так что давай поиграем в Красную Шапочку и Волка?

— А мне тогда кем быть? Бабушкой или охотником? — серьезным тоном спросил мистер-Я-Крутой-Певец.

— Я не девочка, я Катя, — вновь произнесла я, не надеясь, что мое вроде бы несложное имя можно будет запомнить.

Мы продолжали ждать доставку и одновременно слушать то нытье, то шутки Келлы до тех пор, пока не зазвонил киевский смартфон. Тот молча что-то выслушал и сказал всего лишь одно слово: «хорошо», после чего повернулся ко мне и спросил:

— У вас что, звонок не работает?

Я только прикрыла рот руками. Точно, не работает же! Как я могла забыть! Люди из службы доставки могли сколько угодно нажимать на красную кнопку звонка, а мы бы все равно ничего не услышали. Какой неудачный день! Нет, ночь! Хотя, если серьезно поразмышлять, это просто неудачные выходные.

— Курьер приехал и уже давно возле двери торчит, — поведал Кей, с улыбкой глядя на меня.

Не могу передать, как посмотрел на меня голодный Келла и сколько неприкрытого веселья было в глазах второго парня. Еще бы, будь я на месте кого-то из них, сама бы с удовольствием посмеялась бы над нерасторопной девицей. Ха-ха-ха, ну ничего, подумаешь, какая-то там пицца с опозданием прибудет. Зато я им кофе какой вкусный сварила, его тягучий аромат так и разносится в воздухе.

Келла и Кей вдвоем забирали «гостинцы» из пиццерии — так много всего решил заказать Кей. Кто бы мог подумать, что эта зануда с пирсингами такая щедрая? Или зануда просто элементарная обжора?

— Угощайся, девочка, — сразу подобрел Келла, — и налей мне кофе, окей?

— Окей, блин, окей, — пробурчала я и спросила у светловолосого, нужен ли кофе и ему? Оказалось, что нужен.

Пока они ели, я работала официанткой. Изредка я бросала на Келлу взгляд и понимала, что они с Нинкой ну очень похожи — столько-то есть не каждый сможет.

Вместе с ними и я тоже вяло откусывала от большого куска грибной пиццы — по принуждению синеволосого, который, видите ли, не любил, когда он ест, а кто-нибудь в этот момент не набивает свой желудок продуктами. Пока я жевала, размышляя о том, придет ли сейчас кто-то из взрослых или мне повезет, музыканты принялись за какой-то деловой разговор. А я под шумок еще раз попробовала записать их голоса на диктофон, и к моей огромной радости, на звукозаписывающее устройство попали: монолог Келлы о том, «какая тут кле-е-евая пицца, блин», а «паста еще круче!», и их вполне серьезный разговор с Кеем, посвященный не какой-нибудь фигне, а барабанной партии для записи новой песни. Мол, ее нужно украсить какими-то «разбросами» в середине, переделать сочетания бас-барабана и малого барабана, что-то сотворить с какими-то там «скоростными зарубами» и т. д. и т. п... Их монолог был разбавлен кучей странных специфических словечек и музыкальным сленгом, который воспроизвести я была бы не в силах.

Еще, попивая маленькими глотками холодную колу, я узнала кучу ненужной мне, но крайне необходимой другим информации. Например, свой будущий хит они желали назвать «Равновесие» (ну и название, по-моему, оба они не уравновешенны совершенно). К другой песне им нужно было обязательно переделать какую-то ритм-секцию (по словам Келлы, их гитарист, видите ли, указывает ему, какой ритм играть, а сам в этом вообще не шарит!). И на следующем концерте надо сказать какому-то неведомому мне Лису, чтоб в конце песни «Освещение жизни» барабанный звук вывели

в мониторы громче (что за мониторы, я так и не поняла), потому что на этом концерте, по авторитетному мнению барабанщика, их было «ни хрена не слышно!».

Они говорили о многом, но в их разговоре я вновь мало что поняла.

Зато их голоса есть на диктофоне. Покажу Нинке, она послушает и умрет от зависти! Будет знать, как напиваться. Если бы не моя подруга, я давно бы уже спала в своей кровати, не бегала бы по клубу и не застряла бы в лифте с этими двумя. Кстати, когда Келла и Кей разговаривали о серьезных вещах, они не ехидничали и не подкалывали друг друга, и не ржали, казалось, понимали друг друга с полуслова. Сейчас светловолосый фронтмен группы казался очень даже нормальным молодым человеком. И жесты его мне нравились. У синеволосого движения немного порывистые, резковатые, уверенные, а у Кея — более плавные, размеренные, но казался он от этого еще более самоуверенным и одновременно (парадоксально, но факт!) надежным. Знаете, в душе у каждой представительницы прекрасного пола есть некий тайный архетип того, каким должен быть ее идеальный мужчина-защитник. Проклятый Кей каким-то образом вписывается в этот самый архетип, засевший в глубинах моего мозга. Вот Келла не вписывается, хотя я не смогу назвать его слабым или хилым, по-моему, не каждый способен долгое время на руках держать шестьдесят килограммов (это я Нинку имею в виду). Хотя он же барабанщик, руки у него должны быть сильными...

Но и знакомых парней я надежными назвать не могу. Даже бугая Папу, хотя при случае он защитит, наверное, даже от стаи голодных крокодилов. А вот этого музыканта с крашеными прядками волос и серебряным медальоном, в топазе которого самозабвенно играет электрический свет, могу. Надо же, вот незадача. Единственный раз в жизни, когда меня посещали подобного рода мысли, я имела честь влюбиться первый и последний раз в жизни. В том, что последний — я обещаю себе. Еще одного такого раза моя тонкая чувствительная психика не выдержит! Лучше я вообще буду доживать свой век в гордом одиночестве. Ну вот, заговорила, как бабушка. Грустно, Катя, грустно, когда такие мысли приходят в твою темноволосую голову. Но еще грустнее будет, если ты вдруг начнешь что-либо чувствовать сейчас по отношению к человеку, с которым ты никогда не будешь.

Я силой воли отогнала от себя эти непрошенные мысли, которые, кажется, обиделись и пообещали, что придут позднее, приведя с собой ментальную подмогу, — вот тогда они меня и производят.

— Делайте что хотите, — тихонько шепнула я сама себе, а Кей,

сидевший близко ко мне, тут же услышал и подмигнул, не прерывая разговора с другом.

Чего моргаешь, клоун? Я ведь тоже могу подмигнуть, и даже двумя глазами.

Они вышли из кухни через минут тридцать или сорок, оставив после себя кучу коробок, немытую посуду и довольно-таки приличную в размерах пиццу, посоветовав мне съесть ее утром. Настенные кухонные часы сонно показывали начало пятого. Но, несмотря на столь позднее время, я была счастлива, что гости засобирались по домам. Да, мальчики мои, вам уже давно пора оставить Катеньку в покое. Потом бы еще Нинку выпроводить...

И спасибо за оставленную пиццу — утром я и мои родственники наверняка захотим позавтракать.

В коридоре вновь не обошлось без маленькой сценки. На удивление быстро Кей натянул свои длинные тяжелые ботинки со шнурками и цепочками и решил на прощание уделить мне немного своего звездного внимания.

— Мы с тобой еще встретимся, — повернулся ко мне он.

Слова светловолосого звучали как приговор. Знаете, таким же тоном говорят представителям закона преступники, которых те только что поймали. Вроде как: «Мы встретимся еще, волчара ментовская, и эта встреча станет для тебя фатальной».

— Зачем? — нехотя поинтересовалась я, все больше понимая, что вкус на молодых людей у Нины дал серьезный сбой.

— А разве я тебе не нравлюсь? — склонил голову набок Кей.

— Ну, не очень, — почти что искренне ответила я, — что за странные вопросы?

Великий и ужасный рок-музыкант и по совместительству президент Страны дуралеев, положил руку мне на спину, наклонился к моему уху и, чуть касаясь волос губами, прошептал:

— Нас с тобой ждет прекрасное свидание. Моя Катенька, ты очень хорошенькая, — и он не нашел ничего умнее, как осторожно подуть мне в ухо.

Я скосила на парня глаза, а он провел губами по моей щеке, явно играя. Вторую руку он осторожно положил мне на затылок. Я даже разозлиться не успела.

— Целуемся? — одобрительным отеческим тоном поинтересовался Келла, которому были видны лишь наши затылки. Он все неправильно понял в меру своей испорченности.

— Нет, конечно! — тут же шарахнулась я от Кея, как от прокаженного.

— Да ладно тебе, — добродушно усмехнулся обладатель синих волос и, поразмыслив, какую бы еще гадость сказать, добавил: — а с дядюшкой Келлой обняться? А то он обидится.

— А у тебя есть королева, парень. На чужое не зарься, — ударил друга по плечу фронтмен группы «На краю» и первым, не прощаясь, покинул мой дом.

— А я уже с ней попрощался, — задорно подмигнул мне барабанщик. — Пока, великолепная хозяйка, ты клевая!

Когда они ушли, я перекрестилась, глядя на желтеющий восточный край неба, из-за которого в скором времени должно было выползти румяное весеннее солнце.

«Увидимся, Катенька...»

Да пошел ты...

Я люблю наблюдать за закатами и рассветами, но сейчас у меня не было сил на это. Я едва дошла до своей кровати и рухнула в нее, заметив, как младшая сестра прищуренно косится в мою сторону. Она что-то пробурчала насчет Антона и неверности, укрылась с головой любимым оранжевым покрывалом и, кажется, заснула.

Я последовала ее примеру и уже через пять минут сладко спала в своей прекрасной кровати, свернувшись клубочком. Мне снились клубы, мигающие неоновые светильники и сумасшедший диджей с крылышками, танцующие веселые люди и большой розовый заяц с недовольной мордой, прыгающий в такт очередному треку в стиле хауса. Ушастый, кося на меня лиловыми глазами, утверждал, что он — это и есть я. Я же старалась объяснить ему, что этого не может быть и что он на самом деле зовется Нинкой. Изредка мне казалось, что музыка затихает и кто-то начинает петь печальную, красивую песню, слова которой сливались и я не могла их разобрать — слышала только мелодию. Я спрашивала, кто это, и тогда голос, прерываясь, шептал мне на ухо нежные, успокаивающие слова, и от этого тихого голоса по телу начинали бегать мурашки.

— Ты кто? — в очередной раз спросила я, чувствуя себя защищенной кем-то сильным и смелым.

— Хочешь знать? — раздался тихий шепот так близко, что я вздрогнула. — Ты меня знаешь. Я — это...

— Катька! — заорал прекрасно знакомый голос.

Но ведь это меня зовут Катей. Как только я об этом подумала, то моментально проснулась. Что еще случилось?

Судя по тому как падали в комнату косые лучи солнца, было всего

лишь часов восемь или в девять. Кто меня разбудил так рано? И той распоследней сволочью, которая меня разбудила, оказался не кто иной, как Нинка.

— Катька! — ворвалась она ко мне со скоростью маленького тайфуна. — Катька!

— Чего? — разлепила я с большим трудом глаза. Я совсем уже забыла о наличии подруги в собственном доме. Неужели папа пришел и выгнал Нинку из своей комнаты? Оказалось, нет, он вообще еще не приходил домой, как и Леша, а мои брат и сестра мирно смотрели десятые сны в своих спальнях.

— Катька! Я опаздываю!

— Куда? — хриплым со сна голосом осведомилась я.

— Домой, куда! Не на тот свет же! — заорала она таким тоном, как будто я была ясновидящей и все должна была знать и понимать.

— Где моя верхняя одежда и сумка? — продолжала кудахтать подруга, бегая по всей моей комнате и ища свои вещи, которые остались в клубе «Горизонт», о чем я Нине и сообщила, не вставая с постели.

Я была разбитой и уставшей, как будто на мне всю ночь возили бревна, а суетливые крики подруги заставляли мой мозг как-то съеживаться и замирать, приостанавливая свою умственную деятельность.

Вещи, сумка, красивый голос из сна, привкус грибной пиццы во рту...

— Почему мои вещи там, а я тут? — нависла подруга надо мной. — Как ты смеешь спать, когда я ищу свою сумку!

Я отпрянула в угол и заорала в ответ, мгновенно все вспомнив:

— Пить надо было меньше, дура! Привезут тебе твою сумку!

— Пить? — озадачилась Нинка и произнесла намного более спокойным голосом! — Я что, напилась?

— Вот именно, дорогуша, ты напилась и крепко заснула! Ты вообще помнишь, как домой-то попала?

Нинка соединила указательные пальцы вместе и приложила их к губам. В такой странной позе она слегка подумала, заведя глаза к потолку, и ответила:

— Нет... Тебе пришлось меня тащить?

— Ну не совсем мне, — ответила я осторожно, — ты что, ничего не помнишь?

— Пресс-конференцию помню, концерт помню, как мы с тобой сидели и разговаривали — помню, синеволосого ублюдка помню, чтобы его собаки драли. Паука его мерзкого, — задрожал ее голос, — тоже помню... Рыло его в руках держал, и у паука лапы шевелились! И он хотел коснуться меня

после того... как подержал своего уродца. — Ее передернуло от отвращения.

— Паук был игрушечный, — вставила я. Думаю, это Нинку должно успокоить. Но, словно не слыша меня, светловолосая сумасшедшая загибала пальцы дальше.

— Как мы бегали и драку тоже помню. Как мы пошли обратно в ВИП-комнату — тоже. А остальное... словно вылетело из памяти.

Девушка застыла и принялась отчаянно тереть виски, думая, наверное, что это поможет ей вернуть утраченные за ночь воспоминания.

— Естественно, не помнишь, — начальственным тоном проговорила я. — Потому что кто-то решил чужое виски выпить.

Нинка с интересом на меня поглядела:

— Я, что ли, выпила?

— Нет, это был старик Хоттабыч. А потом он опьянел и наложил на тебя сонное заклятие.

Думала, подруга одарит меня миллионом вопросов, но она вдруг опять заметалась и заорала:

— Ладно, потом разберемся! Мне срочно нужно домой!

— Чего это вдруг? — Заинтересовалась я, не припоминая, когда моя подружка в последний раз так рвалась под родную крышу. По-моему, так домой она мечтала попасть только в раннем детстве, когда по телевизору ровно в пять часов вечера показывали ее любимый мультфильм.

— Того! Сегодня пасмурно и холодно. Срочно дай мне свою куртку!

Подумав, она решила все-таки пояснить причину своего спешного отбытия:

— Папочка сегодня устраивает семейный день! Если он узнает, что я именно сегодня не ночевала дома, он мне голову оторвет!

С этими словами она выбежала в коридор, включила свет и ответила на сердитый металлический голос вечно спрашивающего о том, кто там его опять потревожил, нецензурной бранью, касающейся одного крайне интимного процесса. Бедный Чуня, наверняка от моей подружки наберется плохих слов и в день, когда он заговорит, выдаст всем нам немало полезной информации.

Значит, у Нинки сегодня особенный день. Семейные дни Журавлей были мне очень хорошо известны. Нинкин папа тоже мужик непростой — как ему что взбредет в упрямую голову, так непременно должно выполняться, не зря же он отец моей подружки.

Два раза в месяц с недавних пор дядя Витя решил устраивать для ближайших родственников Дни семьи. По его грандиозным замыслам, в

этот день все члены их славного семейства должны были находиться дома и посвятить все свое свободное время друг другу, чтобы укрепить отношения. Глава Журавлей мог даже заставить дочерей, сына и жену отправиться в зоопарк, музей или в театр — для «духовного обогащения». А в конце такого вечера в гости обычно приглашались другие родственники, чтобы в тесном кругу провести с ними праздничный ужин.

Пропускать семейный день дядя Витя категорически запрещал и создал для свободолюбивых домочадцев прекрасную мотивацию: не подчиняешься его, дяди-Витиной воле, остаешься на неделю без наличных и карточек. Действовало это безотказно — вон как Нинка волнуется, даже про вчерашний день ничего не спрашивает, да и сама не рассказывает.

Когда я, отчаянно зевая, вышла в коридор вслед за Нинкой, она уже успела расчесаться, подкрасить слегка потрескавшиеся губы моей помадой (для этого она задрала голову вверх, чтобы смотреться в зеркальный потолок), а также найти мое прошлогоднее пальто, подаренное мне ею же самой.

— Копуша, — проговорила она, — и соня.

Я прислонилась к стене, наблюдая за манипуляциями Нинки.

— А ты алкашка.

Оглянувшись, Журавль немного поразглядывала меня и без обиняков выдала:

— Кожа бледная. Взгляд тусклый. И синяки под глазами у тебя здоровые. Ты такая хилая, Катя. Всего лишь один раз в ночной клуб сходила, а смотришься теперь так ужасно, как иные после трехдневного запоя не выглядят.

— Ну, спасибо тебе, — в свою очередь я попыталась найти изъяны на ее ухоженном лице и с неудовольствием заметила, что для меня это невыполнимая миссия.

— Я это говорю для того, чтобы ты начала ухаживать за собой, — раздраженно отреагировала Нинка.

Я решила оставить эти ее слова без внимания и принялась делать вид, что рассматриваю маленькую картину Томаса, на которой изображены три красные акулы в бронежилетах, над которыми летают странные птицы, напоминающие уток с металлическими перьями. Утки усердно гадили на прямоходящих акул, а те, не замечая этого безобразия, уставились вдаль — на довольную рожу пингвина со змеиным хвостом, который нанизывал на копье бедных рыбок. Тут была целая куча маленьких интересных деталей, а само произведение называлось «Дружба народов». Большая копия этой картины висела сначала на международной выставке в парижском Музее

современного искусства, а теперь находится в частной коллекции одного итальянского миллионера, на свою беду посетившего эту выставку. Папа хвастался, что этот Томмазини (такая фамилия у этого богатого дядьки) буквально влюбился в его творчество и отвалил за оригинал «Дружбы народов» нехилую сумму. Только мой родственник решил, как любит говорить Нинка, «шикануть» и отдал большую часть в благотворительную организацию. Справедливости ради стоит заметить, что поступил так не только он один — большинство его коллег тоже оказались щедрыми людьми. Зато когда Томас вернулся, на оставшиеся деньги мой дядя, собственно, и решил открыть свое дело.

— А ты помнишь, — осторожно начала я, не отрывая взгляда от рисунка, — что было вчера? Ты... м-м-мм... в примерной своего Кея видела?

— Кея? — повернула ко мне голову подруга, — нет, не видела. Ты прикинь, я его не видела! Сдохнуть можно! Его там не было! Там сидели близнецы, они, конечно, милашки и все такое, но моего лапусечку не превзошли, и синее рыло, — вдруг вспомнилось Нинке прозвище, придуманное ей для Келлы.

— И что? — не спешила я пока рассказывать Нинке о ночных злоключениях, оценивая ситуацию.

— Этот бегемот трехзанный...

— Но, по-моему, он стройный, — пробормотала я, но подруга опять меня не расслышала, по своему обыкновению.

— Лез ко мне, лез, лез, приставал, приставал и в заключение всего вытащил паука!

— А ночью ты...

— Ой, Катька, давай потом, я очень сильно опаздываю!

— Но, ты же с Ке...

— Пока-пока!

— Да послушай, ты же...

— Вот что мне в тебе нравится — это твоя вежливость! Я же сказала, что спешу, отстань от меня со своей болтовней! Пока, созвонимся!

И Нинка убежала, грозя всеми возможными и невозможными карами несчастной синеволосой голове. О том, что было после того, как она сдуру глотнула виски, эта сумасшедшая не помнила! Мало того, и выслушать до конца не пожелала и накричала ко всему прочему. Ну, ничего. Будет и на моей улице праздник. Посмотрим, как ты, милочка, будешь падать в обморок, узнав, что всю ночь рядом с тобой твой кумир сидел, а ты спала и едва ли не храпела!

Ну и ладно. Зато твое так называемое рыло тебя таскало на руках и чуть не надорвалось, а меня Кеечка ненаглядный держал за руку, застрял со мной в лифте и даже накормил пиццей за свой счет. Ну чем не свидание, а? Раздумывая над всем этим, я совершенно забыла, как всего пару часов назад ругала светловолосого. А вспомнив, который по счету раз решила, что я дура. Напевая, я подошла к Чуне, криво висевшему на своем месте. Его устрашающая морда со временем перестает пугать. Ну просто не картина, а аналог домашнего неподвижного любимца!

— Спит. Доверилась. Дверь я плотнее закрыл... — принялась я вдруг напевать, — и с улыбкой... Тьфу ты, заело же!

Чуня очень ехидно на меня посмотрел, но деликатно промолчал, словно знал какую-то чудесную тайну, но мне говорить не хотел. Ну и молчи, животное страшное, дальше. А я пойду в свою комнату и буду спать, спать, спать...

В очередной раз то, о чем я мечтала, не осуществилось: как я ни пыталась, так и не смогла больше заснуть, только зря проворочалась в постели целый час в надежде, что сон все-таки придет и часов на шесть я смогу оторваться от этой реальности.

В результате я отлежала себе руку, ударилась ногой об стену и направилась пить кофе — для поднятия жизненной энергии и тонуса.

Болтая пушистой тапкой, которую кто-то добрый успел уже растянуть, поэтому мне эта домашняя обувь стала очень уж большой, я пила маленькими глотками кофе. И одновременно обзревала ночные залежи мусора, аккуратно отодвинутые чьей-то заботливой рукой на самый дальний край стола. Наверное, рано вставшая Нелли завтракала и не стала, по своему обыкновению, убирать мусор, а просто освободила место для себя, любимой. Еще и оставшуюся пиццу схомячила. А может быть, ей Эдгар помог. Кто их знает.

Выпив холодный кофе, я решила убрать мусор и вообще привести кухню в порядок. В течение следующих четырех часов я опять продолжала работать домработницей, приводя в порядок по очереди все четыре комнаты, коридор и «пункт питания». Нелька, на помощь который я надеялась, все не приходила. Когда я позвонила ей на телефон с целью узнать, куда она умчалась в столь раннее время, сестренка сообщила, что она с подружками убежала, чтобы попасть на самый первый утренний сеанс нового фильма про якобы одного очень романтического вампира-красавчика и его потенциальный «энергетический» коктейль женского пола, в которую вампир по непонятным причинам влюбился. А вернуться домой она пока не может, потому что вместе с теми же подружками

умчалась на какую-то аниме-выставку.

На правах старшей сестры я тут же решила, что уборка ванной комнаты и туалета, а также повторное мытье полов в коридоре и на кухне будет прерогативой Нелли завтрашним днем. И еще что-нибудь придумаю.

Пока разговаривала с сестрой, домой явился папа. Что характерно, вчерашним алкоголем от него не пахло, а выглядел он бодро и свежо, как только что распустившийся цветок. Наверное, ночевал у какого-нибудь друга. По понятным только ему причинам Томас считал, что должен приходить домой в нормальном виде. Однажды я случайно слышала, как Леша говорит бабушке, что «Томас не хочет перед детьми в непотребном виде представать, хотя, можно подумать, они не знают о его недостатках», на что та вполне разумно ответила: «Ты тоже женщин в дом не водишь, хотя все прекрасно осведомлены, что ты, милый, Казанова».

Папа почему-то не стал поднимать тему нашей встречи в «Горизонте», а, заглянув в холодильник, направился в магазин, вытащив из-за монитора Эдгара. Наверняка он применил к нему грубую силу, потому что просто так вызволить брата из компьютерного плена очень нелегко.

Эти двое рискнули отправиться в магазин и смогли купить целых три пакета продуктов, которые, кажется, не были испорченными или отравленными.

Эд решил отличиться еще раз и захотел помочь младшей сестрице с уборкой. Невероятно, но он чувствовал себя немного виноватым в том, что опозорил Катю, то есть меня, перед парнями. Томас, который тоже попытался загладить свое маленькое вранье насчет того, будто бы он пошел в мастерскую, сказал, что пропылесосит всю квартиру. Честно говоря, я уже успела это сделать, да и пылесос мне было жалко, поэтому я доверила ему пару других хозяйственных заданий.

Часов в пять вечера домой вернулся напраздновавшийся на дне рождения Алексей. Он по глупости забыл ключи и долго звонил в квартиру. Только после того, как он позвонил на домашний телефон, дверь ему наконец открыли и с милыми улыбочками попросили пройти в кухню.

— Зачем? — раздевался в прихожей дядя.

— Для приготовления ужина, — улыбнулся папа, — Эд голоден.

— Ничего я не голоден! — возмутился брат, который сам себя начинал считать сумасшедшим — уже часа четыре он не за любимым белым другом сидит! — Это ты есть хочешь!

Вот, вот она, сущность мужчин — все разговоры о еде!

— Я что, похож на кухарку? — мрачно спросил дядя, аккуратно укладывая в шкаф дорогие ботинки с длинными, как у султана, носами,

чуть загнутыми вверх.

— Нет, — радостно ответил ему брат, — но мы в тебя верим — захочешь, будешь похож!

Леша окинул тяжелым взглядом всю нашу компанию, одетую по случаю уборки в старую, застиранную одежду и спросил, изогнув бровь:

— Какие вы стильные, ребята. Дом моды решили устроить?

— Мы не можем с тобой конкурировать, Лешенька. И вообще мы ждем тебя на кухне, — таким же радостным голосом проговорил Томас и скрылся.

Эдгар поспешил за ним, изредка бросая в сторону своей комнаты печальный взгляд.

— Катя, — задумчиво проговорил дядя, обращаясь ко мне, — ты не хочешь научиться готовить? Ты все-таки будущая жена и все такое.

Еще один нашелся. Может быть, я на всю жизнь останусь одинокой старой девой.

— Не хочу, — отрезала я. Хватит с вас, что я убираюсь постоянно и счета все оплачиваю. Ну, деньги, конечно, не мои, зато я мотаюсь в кучу разных мест. Видите ли, офисы по оплате коммуникационных услуг, телефонной компании, фирмы, предоставляющей кабельные каналы и Интернет, и многое-многое другое находятся едва ли не в разных частях города.

— Не успеешь домой прийти, как окружают голодной стаей и ноют: «Жрать, жрать», — бурчал, моя руки в ванной, дядя, — я, может быть, вообще устал...

Я не стала дослушивать его речь и тоже направилась на кухню. Этот вечер обещал быть спокойным и умиротворенным. Я хочу взять реванш в настольной игре «Корона Эмбера»...

Но только у меня этот воскресный день прошел относительно спокойно. Нинка все-таки получила и свою долю нервотрепки!

О том, что происходило с моей подругой, я даже не подозревала. Впрочем, о большей части этих забавных событий сама Нинка узнала лишь через какое-то время. После того как девушка прибежала домой, она сразу же улеглась спать, словно это не она продрыхла едва ли не всю вчерашнюю ночь. Поэтому многое ей стало известно лишь со слов собственного папы.

А началось все с того, что дядя Витя, или Виктор Андреевич, как уважительно его называли многочисленные подчиненные и партнеры по бизнесу, удобно устроился в мягком кожаном кресле с недавно приобретенной книжкой Умберто Эко. Сегодняшний выходной день его

очень радовал. Во-первых, в кои-то веки все члены семьи Журавлей собрались дома: и жена, и дочери, и сын. Не зря, он, глава дома, придумал семейный день! Будучи вечно занятым деланием денег, отец Нины нечасто видел ближайших родственников в сборе. Правда, и Нина, и Ира, и Сергей до сих пор спали в своих комнатах, хотя время уже позднее — первый час дня. Виктор Андреевич хотел разбудить детей и сходить с ними, допустим, в семейное кафе, но его жена, Софья Павловна, почему-то не разрешила отрывать ребят от сна, мотивируя тем, что дочерям и сыну завтра нужно рано подниматься, чтобы попасть на учебу, и в воскресный день они непременно должны отдохнуть. В отличие от мужа она прекрасно знала, что все трое отпрысков провели ночь не дома, а где-нибудь в ночных клубах или барах. Жесткий же по отношению к остальным людям, в особенности к работникам своей фирмы, Виктор Андреевич своих детей несколько недооценивал и считал их вполне приличными. К тому же он строго-настрого запретил им употреблять любые алкогольные и наркотические вещества. Также он постоянно читал им нотации и учил жизни. Нинкин папа вообще был диктатором и довольно жестким человеком, которого закалил бизнес. Но его супруге, Нинке, Ирке и Сергею все-таки удавалось им немного манипулировать.

«Ладно, не буду будить, пусть спят», — подумал он и решил почитать книгу.

А во-вторых, причиной хорошего настроения дяди Вити было то, что на сегодняшней ужин должны были приехать его многочисленные родственники, перед которыми Виктор Андреевич вместе с супругой желали похвастаться новым ремонтом, полностью преобразившим их жилище. Нинкины родственники со стороны отца очень сильно отличались от родни ее матери, переехавшей в город из деревни. В деревне родственники были простыми и открытыми людьми. А вот братья, сестры, тетки и дяди Виктора Андреевича постоянно находились в скрытых конфликтах и, будучи небедными людьми, пытались друг друга перещеголять своим достатком. К тому же на сегодняшнем ужине должна была присутствовать родная тетка Виктора Андреевича, старая и противная Эльза Власовна, властная, ехидная и очень богатая женщина лет шестидесяти пяти, с безупречным маникюром и прической. И дядя Витя, и его семейство, и все его дальние и близкие родственники очень не любили тетю Эльзу, но терпели, надеясь, что свое большое наследство она оставит кому-то из племянников, так как своих детей у нее не было. Вполне вероятно, что свой характер Нинка получила именно от этой Эльзы Власовны через своего папу, нрав которого тоже легким назвать было никак

нельзя.

Сейчас хозяин дома, правда, совсем забыл о противных родственниках и пытался насладиться книгой, купленной заботливыми руками его супруги Софьи Павловны.

Виктор Андреевич продирался сквозь откровенно скучный для него текст всемирно известного шедевра «Имя Розы» и зевал. Читать этот роман, наполненный многочисленными аллюзиями, составными метафорами, игрой со словами, а также философско-культурным смыслом и многими другими сложными вещами, он решил только потому, что не хотел ударить лицом в грязь в разговорах с более начитанными коллегами. Нинкин папа, как и она сама, очень любил быть главным во всем — это, наверное, некая генетическая черта, передающаяся из поколения в поколение в их семье.

Пролистав еще пару страниц, мужчина все-таки решил больше не мучить себя «глупой писаниной» и принялся за чтение очередного детектива Рекса Стаута, которым в последнее время очень увлекался. Одновременно он ловил себя на мысли, что сегодня отличный день.

Хорошие мысли Виктора Андреевича прервал звонок. На него мужчина не среагировал, решив, что дверь откроет жена или кто-то из прочих домочадцев. Однако дети не спешили узнать, кого там принесло, а Софьи Павловны вообще не было дома — она уехала договариваться насчет блюд, которые на званый семейный ужин должен был приготовить квалифицированный повар в хорошем ресторане. После третьего звонка Журавль дернулся, отложил в сторону книгу и направился к дверям. Как и у Нинки, у ее отца был не самый легкий характер, и они оба раздражались по всяким пустякам.

— Кого там нелегкая принесла, — распахнул дядя Витя дверь и слегка попятился.

Прямо перед ним стоял высокий малый в красном комбинезоне и в малиновой кепке. В руках парень держал огромную корзину алых роз, закрывающих едва ли не половину лестничной клетки.

— Доставка цветов, цветочный салон «Цветы и искры», — весело произнес парень, протискиваясь в прихожую. Он виртуозно протащил сквозь дверь пышный и замысловатый букет, не помяв ни одного цветка, — распишитесь!

И с этими словами работник службы доставки поставил цветочное чудо на пол, утер лоб и протянул Виктору Андреевичу бланк.

— Экий ты быстрый, — быстро пришел в себя тот, — мы цветов не заказывали, дружок.

— Так вам прислали, — заулыбался парень так, как будто бы отправителем был он лично. — Вы же Журавль?

— Журавль, — подтвердил собственную фамилию дядя Витя.

— Значит, точно вам, адресом-то я ошибиться никак не мог, — бойко ответил паренек, — распишитесь, и я пойду. У меня еще заказов вагон.

— Подождут твои заказы, — всегда ставил себя выше других хозяин дома, — кому цветы-то?

— Да там открытка есть, — кивнул парень на розы, — прочтите. И, главное, распишитесь, что вам все в целости и сохранности доставлено.

— Жди, — коротко бросил Виктор Андреевич, наклоняясь к цветам.

Его съедало любопытство: кому предназначены красивые и явно дорогие ароматные сорняки под названием «розы чайные, гибридные»? Будучи очень ревнивым, дядя Витя сначала заподозрил, что, может быть, это тайный поклонник его жены решил отправить такой букетище, а потом ему подумалось, что, наверное, один из нелюбимых родственников прислал розы для украшения стола и прочего интерьера, чтобы позлить хозяина дома. Но в записке, а, вернее, в маленькой открытке с изображением плюшевого котенка с милой улыбкой, говорилось совсем другое:

«Моя прекрасная королева, эти цветы подтвердят тебе мои самые искренние чувства. Прости за вчерашнее — я верну твою сумку. Келла, с любовью».

— Это еще кому? — уставился в великом подозрении на корзину Виктор Андреевич и принялся размышлять.

Теперь ему стало понятно, что это кто-то из многочисленных поклонников его красавиц дочерей. То, что вокруг Нины и Иры молодых людей крутилось в достаточном количестве, мужчина прекрасно знал, и все эти неотесанные парни его бесили и злили. Дядя Витя был очень деспотичным отцом, и любые претенденты на руку и сердце девочек казались ему мерзкими и противными сопляками, которые в жизни ничего не достигли и не могут не то что общаться с его дочками, даже смотреть на них им не разрешается! Нинкина мама постоянно жаловалась родственникам, что бедным девочкам приходится прятать своих мальчиков, потому что всего одна встреча с отцом — и этих парней как ветром сдувает из жизни Ирочки и Ниночки. Если их брат слышал эти слова из уст матери, он неизменно подтверждал их: «А кому охота общаться с девчонками, у которых такой папаша ненормальный? Если бы у моей девушки такой предок был, я бы себе другую нашел уже через пять минут!»

— Хм, кому? — проговорил себе под нос хозяин квартиры, который не

мог определить, старшей ли дочери предназначены эти цветы или младшей?

— Ну, вы же Журавль, — заканючил парень в малиновой кепке, — значит, вам! Распишитесь, а?

— Я что, — поглядел на него, как на отсталого, Виктор Андреевич, — похож на «прекрасную королеву», кретин? — и Нинкин папа с выражением зачитал кусочек таинственного послания.

Курьер скептически оглядел несколько грузного мужчину с круглым твердым лицом, цепким взглядом, широким носом с залегшей вертикальной складкой между грозно нахмуренными бровями и помотал головой.

— Нет, что вы, вы просто похожи на того, кто должен расписаться! — нашелся парень, которому вовсе не улыбалось надолго задерживаться в этой квартире.

Нехотя дядя Витя поставил широкую размашистую подпись, выпроводил курьера и, едва не запнувшись и при этом прокляв всех парней на свете, вместе взятых, вновь удалился читать книгу. Сыщик Арчи Гудвин только-только вышел на след хитроумного преступника, и Журавлю-старшему хотелось узнать, кто же является убийцей, отправившим на тот свет троих хороших людей. Но планам Виктора Андреевича не удалось свершиться. Он успел пролистать не больше десяти страниц, как в дверь опять позвонили.

— Соня, что ли, ключи забыла? — сам у себя спросил он, отправляясь в прихожую и намереваясь прочесть жене лекцию о том, что перед выходом из дома всегда необходимо брать с собой ключи, а также не забывать закрывать все окна, проверять, все ли приборы выключены, и ставить квартиру на сигнализацию.

Но за дверью оказалась вовсе не Софья Павловна, а еще один молодой человек, на этот раз коренастый и коротконогий, зато державший еще более необъятную цветочную корзину — но уже с белоснежными лилиями.

— А ты еще кто такой? — удивленно произнес дядя Витя, поправляя на носу очки для чтения.

— Вам доставка от фирмы «Цветочный сад», получите, пожалуйста, и распишитесь! — с пыhtением отвечали ему из-за цветочной горы.

— Убирайся со своими цветами! Нам уже все доставили, — вежливо отвечал Виктор Андреевич.

— Ничего не знаю, — обиженно проговорил коротконогий парень, — тут все оплачено, возьмите, пожалуйста.

— Сам поставь, — не собирався мараться хозяин квартиры, — и

проваливай.

Отец подруги стал заводиться. Назойливые кавалеры Нины и Иры вообще обалдели — решили домой цветы слать тоннами, а он, уважаемый бизнесмен, между прочим, обязан играть роль любовного курьера — принимать корзины и передавать по назначению! Ага, сейчас! Ему в свой единственный выходной делать больше нечего! И это в семейный день, день, который он, Виктор Андреевич, посвятил не кому-нибудь, а семье! Этим прохиндеям, которые изволят дрыхнуть по двенадцать часов в день!

— Давай, давай, — повторил мужчина, кивая на свободное место рядом с первой корзиной.

Курьер тут же выполнил поручение дяди Вити — такого начальственного тона не всякий бы посмел послушаться.

— А подпись поставите? — поинтересовался он, тыча мужчине бланками под нос.

— Поставлю, — пробурчал Виктор Андреевич недовольно, — вот тебе мой автограф. Радуйся.

Как только сотрудник «Цветочного сада» удалился, обозвав про себя интеллигентного хозяина парой крепких выражений, Журавль обошел второй неожиданный подарок вокруг, пригляделся и выудил из цветочных сплетений еще одну записку. Надпись в ней была идентична предыдущей.

— И ни намека, кому прислали эту драную траву! — вспылil дядя Витя, который никак не мог решить, кому из дочерей устроить профилактический втык по случаю того, что его всю первую половину дня беспокоят «кретины с цветами».

— Я им тут бегай, как секретарша, а они дрыхнут, неблагодарные, — проворчал мужчина, помахивая открыточкой. Его взгляд почему-то упал на имя отправителя.

— И что за имена глупые придумывают? — сам у себя очень ворчливо спросил он, — Келла! Еще бы Маугли назвался, скотина блохастая, — не пожалел для потенциального парня одной из дочерей красивого эпитета Виктор Андреевич. — Или это у него родители валенки и изуродовали именем ребенка? Келла — Мелла — Пелла — Охренелла. Хорошо, хоть Унитазом не нарекли.

Тут Нинкин папа опять задумался: «Келла — вроде бы оканчивается на „ла“. Значит, скорее всего... это имя — женское! Если имя женское, — продолжал развивать логическую цепочку мужчина, — то тот, кому предназначены цветочки, — мужчина. В нашем доме мужчина только я, мой сын Сергей и наш кот. Я и Сережка явно мужики. Кота в расчет не берем. Но, с другой стороны, обращение в открытке звучит как „прекрасная

королева“, значит, послание все-таки женщине. Итого: открытка от женщины Келлы другой женщине в моем доме. Значит, кто-то из женской половины нашей семьи... не той ориентации, что ли?»

— Да быть того не может! — басом прогудел Виктор Андреевич.

Кот, сидевший неподалеку, поддержал хозяина: принялся умываться.

Нинкин родитель стал ходить туда-сюда, обдумывая сложившуюся ситуацию. Ситуация казалась ему явно из разряда «кретинистических». Сына и дочерей он будить пока не стал, обдумывая, как половчее вытрясти из них правду. За то, что его жена нормальная, дядя Витя ручался самолично. У Ниночки и Ирочки мужского внимания хоть куда. Зачем им какие-то еще девушки? И вообще его дочери не такие. Они крайне положительные, пусть и несколько избалованные.

Может быть, кто-то разыграл их? Или как сейчас говорит молодежь, кто «для прикола» так подписался? Этому железному человеку, дяде Вите, совсем не хотелось верить, что кто-то из его отпрысков выбрал не ту любовную стезю. Позор для всей семьи!

Третьего звонка дядя Витя как будто бы ждал — не зря он устроился читать свой детектив возле входа в квартиру, на мягком пуфике около телефонного столика.

Как только раздалась долгожданная трель, папа Нинки вскочил и молниеносно отпер дверь, за которой стоял очень улыбчивый представитель одной из солнечных стран — соседок Российской Федерации. Загорелыми руками он держал изящную цветочную корзину, в которой по меньшей мере ютилось около ста прекрасных декоративных растений: и хризантем, и роз, и тюльпанов, и орхидей, и калл, и даже странного вида темно-синих и фиолетовых цветков, усыпанных блестками.

— Опять! — хищно переводил взгляд с очередного работника службы доставки Виктор Андреевич. — Ты откуда? «Цветочный сад» или «Цветы и искры»?

— Я прѣдставытэл салона-магазына «Прэкрасный букэт», — гордо ответил ему черноволосый курьер. — Роспыс дайтэ и бэрыты.

— Подожди, — поморщился дядя Витя, — кто прислал?

— Нэ знаю, — всучил ему в руки корзину парень, оказавшийся самым наглым и проворным. — Роспыс дай. Мэна ждут.

— Я тебе сейчас дам, — неизвестно что пообещал ему папа моей подруги, — упадешь.

— Зачэм упадешь? — удивленно спросил курьер. — Ручкой роспыс сдэлайтэ.

— Я же сказал, подожди! — рявкнул мужчина, поставил тяжеленную,

как оказалось, корзину на пол около двух ее сестер и потер лоб. Кем бы ни был отправитель и какой ориентации — он обнаглел!

— Кто прислал? — Хмуро поинтересовался Журавль вновь, мягким носком домашнего тапка пиная новую корзину.

— Нэ положыно гаварыт, — опустил взгляд в пол курьер, которого давно уже ждали по нескольким адресам, и с некоторым трудом выговорил, — конфыдэнцыал.

— Конфыдэнцыал, говоришь? — хмыкнув, дядя Витя достал из лежащего на столике бумажника небольшую купюру в долларах и передал курьеру. — Теперь скажешь? — осведомился он. — Или все равно конфыдэнцыал?

— Отчыго жэ нэ скажат харошэму чэлавэку? — молниеносно спрятал в одном из многочисленных карманов яркого комбинезона деньги молодой человек. — Сыный парэн, — имея в виду цвет волос, произнес курьер и для наглядности показал на свою собственную черную шевелюру.

Его словарного запаса немного не хватало на то, чтобы как следует обрисовать заказчика. Между прочим, курьер самолично заказчика не видел, а только слышал от девушки, которая продавала цветы в салоне, что приходил «такой потрясный божественный мальчик с синими волосами и пирсингом», который «заказал крутую композицию!». Слова «потрясный», «пирсинг» и «композиция» уроженцу солнечной страны были не совсем понятны, но про синие волосы он понял отлично и подумал про себя на своем родном языке: «Какие стукнутые на всю свою голову бывают. Волосы в синий красить — вот же позор для всей его семьи!»

— Сыный парэн? — не понимая, что передразнивает гостя города, произнес дядя Витя, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Неужели его единственный сын Сережа стал... стал... стал... ненормальным?

— Сыный, сыный, красивый как Бог, — постарался точнее передать молодой человек услышанные им слова касательно внешности заказчика, хотя и считал, что нельзя сравнивать человека со Всевышним. — И пыр... пырс... пырс... у него есть.

— Издеваешься? — зашипел растерянный и поэтому обозленный донельзя Виктор Андреевич. — Какой к упырям собачьим пырс?

— Пырсынг, — вспомнил слово честный курьер, которому было стыдно просто так брать деньги.

«Пирсинг, — пронеслось в голове несчастного отца, который уже в воображении закапывал сыночка в землю, — этот джинн, наверное, имеет в виду серьгу в ухе, такие... такие они все серьги носят!»

— Вот держи, — вдруг протянул ему еще одну купюру только куда

большого достоинства отец Нинки, — и никогда не становись таким, как мой сын.

— Спасибо, — ничего не понял курьер, но деньги взял и исчез — его ждали новые заказы.

Захлопнув в очередной раз дверь, дядя Витя замер и несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул — так учил его психолог.

«Если я сейчас не успокоюсь, я этого мерзавца задушу, — подумал он про себя, направляясь к комнате младшего ребенка, — а все Соня виновата — назовем Сергеем, назовем Сергеем! Вот и назвали, на свою голову говорящим именем! С таким-то окончанием как синеньким не стать! Я же предлагал назвать его в честь моего прадедушки Фомой! Так нет, она уперлась всеми копытами. А этот негодяй мерзкий, сынуля мой, и рад стараться, чтобы его переклинило! На мальчиков его потянуло! Совсем дошел! Королевой стал. Ну, я ему сейчас устрою Страшный суд! Все цветочки эти заставлю сожрать!»

Подходя к комнате сына, дядя Витя еще раз сделал глубокий вдох и приоткрыл дверь.

Сергей, не подозревающий, в каких страшных грехах он сейчас будет обвинен, уже проснулся и разговаривал по мобильному телефону с другом, с которым они вчера разминулись и поехали в разные клубы. Одной рукой младший Нинкин брат придерживал трубку, другой натягивая штаны.

— Ну чего, оттянулись вчера в «Горизонте»? — говорил он. — А мы с телками в «Турецком папе» были, на конкурсе мокрых маек... Не, мы клево оттянулись, там было много девочек, хороший диджей сет и все такое. А вы как? Что говоришь? Драка была? И чего? Менты аж приезжали? Не, круто у вас в «Горизонте» вчера было! Трех на белой карете увезли? А мы в «Папе» спокойненько так, в дружеской атмосфере, с приятными малышками посидели... А из-за чего мочиловато началось? Телку не поделили? Сколько-сколько человек не поделили? Да ну на фиг, за одной девочкой сразу десять мужиков не могут бегать! В «Горизонт» Водянова, что ли, приехала? Чего-то я, Лерыч, не понял, это как такое может быть? Заливаешь!

Друг, которого Сережа называл Лерычем, принялся долго и доходчиво объяснять младшему Журавлю то, что вчера произошло в популярном клубе. И если бы те, кто непосредственно участвовали в этих событиях, услышали этот разговор, то сильно удивились бы такой интерпретации случившегося. Вот так и рождаются слухи...

По словам Лерыча выходило, что ночью в «Горизонте» появилась какая-то «суперкрутая телочка-блондиночка» и «была она такая вся из

себя», что понравилась очень большому количеству «тусующегося пипла». В результате чего за девушкой обалдевшие парни стали просто-напросто бегать, а потом они и подрались, привлекая к этому делу большое количество постороннего народа. Сережин друг, правда, не участвовал в этом безобразии — в это время он как раз был занят в хороводе, который решили поводить на малом танцполе, но зато двое его приятелей, которые вышли покурить, едва не попали в эту драку.

Дядя Витя, который прекрасно слышал разговор и не спешил заходить к Сергею, понял, что вроде бы его сын нормальный — раз все-таки девушками интересуется, — не зря же он о них по телефону беседует. Правда, для любящего отца стало большим открытием узнать, что, оказывается, его сыночек вчера не ночевал дома, а пришел ранним утром в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести.

«Ладно, пусть по клубам шляется лучше, чем с „сынымы парнами“, — подумал про себя дядя Витя, — а насчет выпивки я сегодня вечером с ним поговорю и урежу карманные расходы этому паршивцу. А пока кое-что уточню, а то вдруг ему и те и другие нравятся...»

Он приоткрыл дверь шире и вошел в комнату, ярко освещенную электрическим светом, — за окнами стало почему-то пасмурно. Сережа тут же свернул разговор, довольно почтительно сказал «доброе утро» и выжидательно уставился на отца, который просто так в спальни своих детей не заглядывал. Чаще всего Виктор Андреевич приходил читать нотации. Нинка, как самая хитрая, обычно умело переводила разговор на другую тему и сбивала отца с толку, Ира тоже была девушкой довольно-таки изворотливой, а вот их брат, не обладающий женской смекалкой, отдувался за всех троих.

— Хороший сегодня день, сын, — с такими словами глава семьи Журавлей уселся на стул перед компьютерным столом, — правда?

— Хороший, папа, — согласился Сережа и подумал про себя с отчаянием: «Чего он опять придумал? Взгляд у него какой-то странный, изучающий».

— Сегодня на ужин к нам приедут гости, — сообщил давно известную информацию дядя Витя, — мы должны показать себя с лучшей стороны.

— Конечно, папа, — парень не понимал, куда клонит отец. Но то, что родителю от него что-то нужно, он не сомневался — слишком уж хорошо знал его повадки.

— Мы им покажем, как нужно принимать гостей! Правда?

— Правда, — кивнул Сережа, не сводя глаз с Виктора Андреевича, который в свою очередь буравил молодого человека пронзительным

взглядом.

«Чего он от меня хочет? — в некоторой панике подумал Сережа, — в чем я опять виноват? Где я накосячил?». И он принялся вспоминать все свои маленькие грешки.

— Хорошо, что я придумал семейный день, — сам себя похвалил Нинкин отец, — теперь отношения между нами станут крепче и лучше. Журавли всегда должны стоять друг за друга горой. Уютный вечер с родственниками, что может быть прекрасней? Мать уже уехала в ресторан, а я договорился насчет вина — нам привезут прекрасное коллекционное вино, сынок. И пусть все видят, что мне, Виктору Журавлю не жалко заплатить всего за одну бутылку кругленькую сумму!

«Про вино заговорил! Батя узнал, что я сегодня ночью выпил, — пронеслось в голове Сережи, — а теперь он ждет от меня признания в этом! Издевается. А как он догадался-то? Или от меня пахнет? Да нет, вроде... Стукнул кто, может быть?»

Дядя Витя очень строго относился к употреблению алкоголя и не разрешал просто так его пить не только дочерям и собственной жене, но и сыну, который не очень-то слушался папу, но прекрасно все скрывал.

А в голове у хозяина дома были совершенно другие мысли: «Что-то он на меня испуганно смотрит и не разговаривает почти. Скрывает какую-то информацию. Щенок! Если он все же с этими светло-синими связался, а другу насчет клуба с девочками лапшу на уши навешал, я его из окна выброшу!»

Еще раз смерив обычно веселого и разговорчивого сына пристальным взглядом ярких голубых глаз, Виктор Андреевич произнес ласково:

— Ну, признавайся, дружок.

Сережа, который вовсе не хотел лишаться карманных денег или подвергаться любому другому наказанию папы, решил, что лучше стоит признаться. Сказать, что выпил он всего один раз, потому что... потому что вчера в клубе перепутал бокалы, вот и все! И вообще он, Сергей, алкоголь не признает.

— Папа, — опустил глаза в пол сын, проклиная, на чем свет стоит, догадливость родителя, — это было всего один раз. Один.

Виктор Андреевич схватился за сердце, чувствуя себя так, словно он только что потерял контрольный пакет акций собственной фирмы.

— Первый, — покаянным тоном произнес его ребенок, не догадываясь даже, о чем думает глава семьи.

— Первый? — слабым голосом проговорил Журавль, хватаясь руками за стол. «Убить его сейчас или дослушать?»

— Первый, — кивнул Сергей. — Это нечаянно произошло. Я просто перепутал в темноте — ну, в клубе же темно было. Вот поэтому и получилось так. Но я не хотел.

— Не хотел, значит? — прошептал Журавль-старший в страшном гневе.

— Нет. Папа, мне это не понравилось, — честными и печальными глазами посмотрел на отца сын. — Я больше так не буду, мне очень стыдно. Я понимаю, что это... неправильно.

— Готовься к смерти, — вдруг поднялся со стула дядя Витя и стал надвигаться на молодого человека, скрючив пальцы. — Тебе только стыдно, а мне позор на всю жизнь, да? А я тебя всем обеспечил, ничтожество! Ты совсем заелся, я смотрю! По клубам своим шляешься! Женщину от мужчины в темноте отличить не можешь!

— Могу! — мигом вскочил на кровать Сережа, и никто из его друзей сейчас не узнал бы в этом растрепанном и испуганном парне самодовольного и бравого красавца мажора.

— Папа! — младший из Журавлей чувствовал, насколько взбешен отец, и прижался к стенке, словно надеясь, что сможет стать невидимым и пройти сквозь нее.

— Я тебе больше не папа! — рывкнул дядя Витя, бешено вращая глазами. — Гад! Чего удумал! В темноте перепутал, а теперь какие-то синие да голубые цветы носят!

— Папа, не бей меня! Я же твой сын!

— Ты мне теперь дочь!

— Папа, я больше никогда не буду пить! — заверещал Сергей, так и не поняв, при чем тут какие-то синие цветы. — Я нечаянно же перепутал бокалы в клубе! Папа, клянусь, этого больше не повторится!

Виктор Андреевич, уже сжавший руки в кулаки, чтобы по-боксерски точным ударом врезать собственному ребенку, на шаг отступил.

— Так ты что, просто пил?

Парень кивнул, и в его глазах застыло покаяние праведника.

— И все?

— А что еще? Ну, мы с девушками танцевали, смеялись, — пожал плечами Сережа, видя, что отец внезапно успокоился и вновь вернулся на место.

«Слава Богу, что он нормальный!» — подумал мужчина, чувствуя, как благодушное настроение маленькими шажками возвращается к нему обратно.

— Ладно, поговорим с тобой об этом позже, но помни — расплата тебя

не обойдет стороной, — решил покинуть комнату сына дядя Витя. — На семейном ужине води себя прилично, ясно? Не зли тетю Эльзу.

— Я-ясно, папа, — удивленно произнес парень, понимая, что гроза миновала.

— И это... ты Келлу какую-нибудь знаешь?

— Кого?

— Никого.

Виктор Андреевич вновь отправился в прихожую, уверенный в том, что сын не виновен и может жить спокойно. Еще раз задумчиво поглядев на цветы, он стал размышлять дальше:

— Если отправитель все-таки парень, значит, это его так по-бабьи зовут: Келла. Вот же мать его. Значит, этот сосунок подкатывает все-таки к кому-то из дочерей, — бубнил он, меряя коридор шагами. — Тогда почему джинн сказал, что парень-заказчик «сыный»? Наверное, перепутал. Может, этот соплик был одет в синее?

Еще немного поразмышляв, он решил, что три корзины с цветами — это не так уж и страшно. Вот сын, который не оставит тебе внуков, — гораздо хуже. А эта цветная трава, воняющая на весь коридор, пойдет в дело — будет подарена родственницам на ужине. Таким образом, он и галантным хозяином себя покажет, и от этих проклятых корзин с растительностью избавится. Нинкина нелюбовь к цветам тоже передалась ей от родного отца, как, наверное, и ее красивые голубые глаза, потому что остальные Журавли пошли в тетю Соню — глаза имели карие.

Дядя Витя сходил на кухню, взял себе огромную пригоршню конфет и вазочку с орехами, тяпнул хорошего коньячка, схватил книжку и, делая сам с собой ставки на возможного убийцу, вновь принялся за чтение, сидя на том же самом мягком пуфике около столика с телефоном. Поэтому через полчаса, когда аппарат связи зазвонил, именно Виктор Андреевич прошамкал сам себе:

— Квофо таф февти фа нофу девнуфи фофонить? — имея в виду фразу: «Кого там черти за ногу дернули позвонить?» и быстрее прожевывая конфету, мужчина молча схватил трубку телефона.

— Это ты? — раздался незнакомый голос, принадлежащий, судя по всему, какому-то молодому человеку.

Дядя Витя молчал, только злорадно подумал: «Я, я». Он очень любил хамить людям, которые не туда попадали. Или глупо разыгрывать. Однажды один из ошибившихся, молодой человек, звонивший из самого Лондона любимой девушке, попросил к телефону некую Леночку, а дядя Витя тут же ответил ему, что Леночка вчера вышла замуж, а теперь

собирается в свадебное путешествие, и он, Виктор Андреевич, как отец жениха, не может позволить ему общаться с ней. Звонивший устроил едва ли не целую истерику, доведя Нининого папу-шутника до слез — так сильно он смеялся.

Сейчас Журавль предпочел не отвечать — он избрал выжидательную тактику. Да и конфета мешала.

— Молчишь? А я тебе звонил на мобильный телефон, а он отключен. Как же так, королева? Ты ведь знала, что я буду тебе звонить. Скрываешься от меня? — укоризненно произнес парень.

Виктор Андреевич закашлялся от возмущения. Это тот самый, что присылал корзины с сеном! В записке ведь что-то про прекрасную королеву сказано!

— Ниночка, я понимаю, что ты на меня обиделась, — мягким голосом говорил молодой человек дальше, не подозревая, что на том конце провода сидит раскрасневшийся Нинкин папа, — но я все готов для тебя сделать, лишь бы ты стала моей девушкой.

«Ага, сейчас, станет моя Нина твоей девушкой, квазимодо несчастное!» — тут же приревновал дочь к незнакомому парню глава семейства Журавлей.

— Ты все молчишь, девочка моя?

«Молчу, придурок. Ну как только эта красавица встанет, я ей покажу, как всяким хмырям вроде тебя давать наш номер телефона!»

— Зай, я понимаю, что мы встретились совсем недавно, но этого времени хватило, чтобы мои чувства стали крепкими, как железо.

«Сам ты железо. Дровосек, мать твою, чтобы тебя Пугало покусало! Глаз на мою дочь положил? Ну ничего, я тебе положу! Я тебе так приложу, когда увижу, костей не соберешь. Хм... неужели этого сосунка зовут Келла? Надо бы проверить!».

К этому времени Виктор Андреевич дожевывал свою ириску, поэтому мог говорить вполне внятно.

— Ниночка, ты меня слышишь? — между тем спросил музыкант группы «На краю», а это был именно он. — Не игнорируй меня.

Журавль, отодвинув трубку подальше, прокашлялся, а потом тоненьким-тоненьким голосочком, явно копируя волка из сказки «Семеро козлят», осведомился:

— Келла?

— Э-э-э... Келла, — мигом заподозрил неладное синеволосый, — что у тебя с голосом, Нина?

— Я тебе не Нина, шалопай, — уже нормальным тоном изрек хозяин

дома и услышал в ответ:

— А это еще чего за хрен вылез?

Пока дядя Витя соображал, он или не он является «хреном» и что в таком случае лучше ответить молодому идиоту, Келла задал вопрос кому-то, кто находился рядом с ним:

— Кей, это точно ее номер? Тут мужик какой-то сидит. Блин, он озабоченный, я демонице в любви признаюсь, а он слушает и молчит. Капец просто!

— Ах ты, молокосос засоленный! — прорвало наконец Виктора Андреевича, которого уже много лет никто не обзывал в глаза. — Я же тебя на части разорву собственными руками! Я тебя твою ногу сожрать заставлю, тварь ты паршивая! Ниночку ему подавайте! Девочку! Щас!

Но Келла уже повесил трубку под смех своего друга. Зато в это время дверь отворилась, и в квартиру, распространяя вокруг себя сладкий аромат духов, вплыла Софья Павловна.

— Опять ругаешься? — укоризненно взглянула она на мужа. — Не знаешь, к кому придраться, Витя, и орешь сам на себя?

— Что значит опять? — стукнул кулаком по столу ее супруг, но промахнулся и попал по ни в чем неповинному телефонному аппарату, который лишь жалобно звякнул. — Проклятие! Больно!

Тетя Соня поджала губы и сказала:

— Мне, конечно, телефон, не жалко. Но нужно быть бережным хотя бы к самому себе. Вон смотри, руку поцарапал. И красный весь... Если хочешь, мы к семейному психологу сходим.

— Сама сходи куда хочешь, а я пошел спать! — разозлился дядя Витя и пошел в спальню, не забыв прихватить с собой так и недочитанную книгу Стаута.

— Ужин привезут через три часа, я обо все договорилась, — крикнула ему в спину жена, — не беспокойся, Витенька! Хорошо отдохни!

— На том свете я отдохну, — проворчал Журавль, — от всех вас.

Уже в своей спальне, которую, между прочим, обставлял какой-то именитый дизайнер, отец семейства развалился на огромной кровати с высокими золотистыми резными спинками и принялся дочитывать детектив, изредка поглядывая вправо — там, через стенку находилась комната его средней дочери, которой мерзавец Келла присылал цветочки и звонил по телефону. А Нинка, не подозревая угрозы со стороны любимого отца, продолжала сладко спать.

Виктор Андреевич и сам не заметил, как провалился в объятия Морфея, — книга была для него лучшим снотворным, даже если являлась

интересной. Пока дядя Витя предавался сну, его вторая дочь успела проснуться, пообедать, посплетничать вместе с собственной мамой, поглядеть на цветы (Нинка так и не догадалась, от кого они, потому что все три открытки были у ее отца), послушать жалобы Сережи на папу и даже посмотреть телевизор вместе с сестрой Ирой, успев обозвать всех как знаменитых, так и неизвестных актрис и актеров неприятными словами.

Софья Павловна вместе с приходящей домработницей, вызванной в выходной день для помощи, хлопотала на кухне. Потом ей позвонили из ресторана и сообщили, что у них с транспортом возникла накладка, и с извинениями попросили забрать приготовленные блюда на своей машине. В результате все четыре представительницы женского пола уселись в большой джип Иры, Нинкиной сестры, и поехали в ресторан, оставив дома спящего дядю Витю и Сергея, увлеченно играющего в компьютер. Именно эти двое стали невольными свидетелями следующего акта любовной драмы.

Проснулся старший Журавль поздно и не по своей воле. За окном раздавался какой-то резкий громкий звук, напомнивший мужчине сначала звук лопнувшей струны, а потом что-то, отдаленно напоминающее металлическое гудение.

— Что там опять? — резко сел на кровати Виктор Андреевич, который очень не любил, когда его будят. — Какая подлюка меня разбудила?

Шум усилился, стал более ритмичным и плавным, и до дяди Вити вдруг дошло, что кто-то за окном играет на электрогитаре, чей звук искусственно усилен какой-то современной техникой. В далекой молодости, прежде чем стать уважаемым бизнесменом, Витя Журавль тоже играл на гитаре, сочинил пару песен молоденькой тогда еще Сонечке и даже мечтал, что когда-нибудь у него будет своя рок-группа. Поэтому сейчас он заинтересовался происходящим, открыл окно и выглянул наружу. Хотя Нинкина семья жила на шестом этаже, ему хорошо были видны три молодых человека, двое из которых колдовали над привезенной аппаратурой, чьи шнуры тянулись в припаркованную рядом с ними машину — новенькую «тойоту» серебряного цвета. А их друг в черной бандане с какими то яркими синими неровными полосками по краю держал в руках навороченную электрогитару. Именно он перебирал пальцами по струнам. Усиленный колонками звук раздавался, наверное, на весь квартал.

«Совсем молодежь распоясалась», — подумал Виктор Андреевич, продолжая наблюдать за молодыми людьми, около которых начали останавливаться прохожие, преимущественно подросткового возраста. Сам Журавль тоже не прочь был бы вспомнить молодость и поиграть на гитаре.

— Эта песня посвящается моей любимой девушке! — Провозгласил в микрофон, торчащий из-за уха, парень в бандане, наигрывая на своей гитаре довольно приятную мелодию.

Один из его друзей, малый с замысловатой модной прической, взял в руки вторую гитару и принялся самозабвенно подыгрывать певцу.

«Хорошо играют, только непрофессионально, — подумал про себя Нинкин папа, который без критики жить не мог, — ребятам опыта выступлений явно не хватает. Посмотрим, что петть будут».

Откуда же бизнесмену было знать, что эти ребята и есть самые настоящие профессионалы и даже довольно известные?

Парень в бандане задрал голову, улыбнулся и громким, залихватским голосом начал:

В осенних солнечных бликах,
В потоке ветра весны
Мелькают тысячи ликов,
И где-то прячешься ты.

— Хорошо начал, — ободрительно проговорил Нинкин родитель сам себе, — почти не фальшивит. Вот я в его возрасте...

— Что тут, папа? — появился в комнате и Сергей, которого тоже привлекли звуки на улице. Он все еще опасался отца, но понимал, что скорее всего гроза миновала. Но на всякий случай молодой человек хотел задобрить папу и отвлечь его внимание.

— Тут концерт бесплатный, — кивнул массивной головой вниз дядя Витя, — наверное, сейчас в любви будет очередной девице признаваться. Помню, у меня в молодости был друг-гитарист, так он для каждой своей девушки такие вот концерты под балконами устраивал. Только у этих оболтусов техника профессиональная, а у него была развалюха с тремя струнами.

— Вот приколы, — обрадовался возможности поиздеваться над другими с безопасного расстояния Сережа и открыл второе окно. По примеру отца он тоже высунулся на улицу по пояс и уставился на играющих.

«Чего-то мне парни эти знакомыми кажутся, — подумал Сергей, но его мысли тут же перескочили на другое, — классный приемчик! Если так к какой-нибудь несговорчивой чиксе подкатить и под ее окнами на гитарке

полабать, она сразу растает! Молодцы, чуваки!»

Тем временем молодой человек запел припев, быстрый и ритмичный.

Выйди, выйди ко мне,
Моя малышка.
Выйди, выйди ко мне,
Котенок, солнышко, мышка.
Выйди, ну, выйди к тому, кому ты сердце разбила.
Выйди, принцесса, ты ведь меня простила?

— Ага, выйдет она к тебе, пацан, после дождичка в четверг, — усмехнулся Виктор Андреевич. — Ну а текст не такой уж плохой. Хотя бы рифма есть.

— А мне больше мелодия нравится, — притаптывал ногой в такт звукам Сергей, которого музыкальное зрелище очень развлекало.

Этот парень вообще любил музыку, а его вкусы в этой области были весьма разнообразными — задорненькая мелодия, поп-панковская.

Откуда отцу и сыну было знать, что эту песню буквально за час придумал сам Кей по специальной просьбе Келлы. А тот в свою очередь подключил к этому делу одноклассников-близнецов, немного прорепетировал только что родившийся «шедевр» в студии и приехал вместе с ними к дому Нины. Этот парень довольно хорошо владел не только игрой на ударной установке, но и на гитаре. В свое время Келле было трудно сделать выбор между инструментами.

— Естественно, не будешь же ты девушке под окном хэви-метал играть, — изрек Виктор Андреевич, показывая сыну, что и он прекрасно разбирается в современной музыке. В юности ко всему прочему он уважал тяжелый метал, а особенно любил старых-добрых Scorpions, Judas Priest и Black Sabbath, в котором играл небезызвестный Оззи Осборн.

— Интересно, эти ребятки кого из соседей позорят? — стал перебирать в уме возможные варианты дядя Витя. — Наверное, дочку Олега Романыча из сто тридцать седьмой. Ее окна вроде бы сюда выходят.

Соседа Олега Романовича Нинкин папа очень не любил, потому что тот постоянно хвастался успехами своей дочери-художницы, у которой недавно прошла выставка в Лондоне. У Виктора Андреевича пока еще никто из дочерей не блеснул так же ярко, и мужчину это здорово бесило.

— А все паинькой притворялась, — был совершенно солидарен с отцом и Сергей, которому эта строптивая Надя отказала в свидании, а такого молодой человек не прощал, — видишь, пап, какие у нее чуваки? Неформалы какие-то. Может, даже нарики — среди них таких много, кто травку любит или таблетками балуется.

— А это не наше дело, сынок, — миролюбиво произнес дядя Витя, продолжая смотреть вниз. Толпа вокруг парней увеличивалась. — Это проблемы Олега Романыча.

— Да, точно. Ну, поют клево, молодцы мужики. Растопят этой Надьке лед, она в подоле принесет, — заржал вдруг Сергей, — видишь, я тоже, типа, рифмы сочиняю!

Бьется сердце. Рвется
Тонкой нитью в тиши.
Скажи — и душа разорвется,
Ты, Ниночка, только скажи.
Тебя мне найти дело чести,
Не нужно со мною играть.
Несет от меня ветер вести:
Журавлик, тебя буду ждать!

— Что-то мне слышалось насчет Нины, — пробормотал вдруг Виктор Андреевич, который вдруг начал все яснее и яснее осознавать, что песня посвящается совсем не дочери Олега Романовича, а его собственной.

— А мне про журавлика, — так же растерянно произнес его сын, которого, кстати сказать, многие друзья так и называли — Журавль, — слушай, пап, а это...

— Ну-ка, быстро ведро воды неси, — приказным тоном сурово сказал ему отец, — живо!

Пока певец, играя на гитаре, исполнял припев, дядя Витя сжимал ладони в кулаки и проклял всех его родственников до девятого колена. Каков мерзавец, а! Решил опозорить всю их семью перед целым домом! Приперся Нинке песни петь! Совсем уже обнаглел! То цветы, то звонок, теперь ор под гитарку!

«Ну, если так старается, то точно моя Ниночка на него не реагирует! Келла-Хренелла», — подумал он про себя и вдруг понял, что полоски по

краю банданы на самом деле волосы экстравагантного синего цвета.

— Это песня посвящается моей любимой королеве! — прокричал в микрофон парень под аплодисменты собравшихся, которые не стесняясь фотографировали молодых людей и снимали на камеру.

— Я ее очень люблю! Ниночка, выходи ко мне! — совершенно не подозревал ударник о том, что его королевы нет дома, зато за ним наблюдают ее отец и брат.

— Вот ведро, пап, — ворвался в это время Сережа, таща огромную двадцатилитровую емкость.

Следом за парнем следовал кот семейства Журавлей, черный, с пушистым хвостом, на конце которого красовались две белые кокетливые полоски, и с желтыми хитрыми глазами. Удивительное дело, но кота принес одним славным декабрьским вечером не кто иной, как ныне разгневанный дядя Витя. Животных порой он жалел куда больше, чем людей. Возвращаясь домой тридцатого декабря, с мешком подарков для супруги и детей, мужчина совершенно случайно обнаружил маленького котенка в пустом темном дворе. Котенок, как собака, увязался за Журавлем и, застревая лапками в небольшом слое снега, помчался вслед за своим будущим хозяином. Сначала Виктор Андреевич решил его аккуратно пнуть, чтобы «наглая кошка» не мешала ему идти, но потом вдруг вспомнил, что назавтра обещают целых тридцать градусов, и взял животное с собой. Обрадованный котенок тут же нагадил на Нининого папу, когда тот запихнул его за пазуху, а потом спокойно уснул. Кот жил у Журавлей уже лет пять, гадить где попало перестал, зато с завидным постоянством воровал еду и рвал острыми когтями все газеты. Кстати, имя у киски было очень экстравагантным и простым одновременно — Кот.

— Ниночка! Твой Келла будет ждать тебя! — орал парень под одобрительные выкрики прохожих за окном. Сергея разбирал смех.

— Нина! Ты моя королева!

— Ого, — присвистнул Нинкин брат, стараясь скрыть улыбку, — это кого там так на мою сестру проперло? Вот же дурак, да, пап?

Сережа не понаслышке знал об ужасном характере старшей сестрицы, и когда его друзья говорили ему, увидев Нину, о том, какая она красивая и классная, Сергей только загадочно улыбался. О том, как они до сих пор дрались, и о том, как Нинка могла без угрызений совести подставить или обмануть братишку, парень предпочитал помалкивать.

— Молчи, дурень. Нам его проучить надо. Помоги ведро поднять, — тем временем командовал Виктор Андреевич.

— А мы ему оборудование не сожжем?

— Даже если и сожжем, то только пусть попробует явиться. Я ему тогда руки-ноги сожгу, отрежу и выброшу на помойку.

Не споря с кровожадным родителем, Сережа поднял тяжелое ведро вместе с дядей Витей. Тот, бормоча что-то нелicenseприятное в адрес синеволосого, вдруг споткнулся о непонятно откуда взявшегося кота, и вода в радостно накренившемся ведре щедрым фонтаном полилась на грудь хозяина дома.

— Папа, осторожней! — закричал Сергей, а Виктор Андреевич еще долго, очень долго ругался. Сначала на «проклятых музыкантов, у которых нет ни ума, ни фантазии», затем на собственного «сына — перманентного дебила», а потом еще и на «кота-идиота», по милости которого произошла трагедия.

Коту подобные фривольности со стороны дядя Вити не понравились, и он, улучив момент, покусал хозяина за ногу. Это еще больше разозлило Нинкиного отца, и он стал, грузно пыхтя, гоняться за котом по всей квартире. Сергей, видя, что ребята, добивающиеся внимания его сестры, ушли, дал волю смеху, запершись в своей комнате.

В результате, когда домой вернулась Нинка с сестрой, мамой и домработницей, Виктор Андреевич, так и не поймавший Кота, бил боксерскую грушу, принадлежавшую Сергею, выплескивая на ней, по совету психолога, свои негативные мысли.

— Вить, скоро гости придут, — осуждающе покосилась на него жена, — перестань заниматься ерундой.

Ее супруг только вздохнул и вновь скрылся за дверями собственной спальни. На вопрос дочерей, не знает ли он, откуда и кому цветы, дядя Витя предпочел не распространяться.

Через два часа гости действительно начали стекаться в дом семейства Журавлей. На сегодняшнем семейном ужине должны были присутствовать: два кузена Виктора Андреевича с отпрысками и супругами; его родная сестра с мужем; престарелый, но молодящийся седовласый и бородатый дядюшка, который обзавелся недавно молоденькой женой; три тетушки, в том числе и упомянутая выше Эльза Власовна; а также партнер по бизнесу и по совместительству крестный отец Нинки, начавший в недавнем прошлом строительство собственного кинотеатра. Нинка, которая скрепя сердце подчинялась тирании отца, встречала родственников доброй улыбкой и отмечала про себя, что в этом «семейном сброде» она самая красивая. Родственники, а особенно старая, но элегантно одетая Эльза Власовна, безмерно раздражали девушку, и каждому хотелось вылить на голову немного кипятка и отправить туда, откуда их принесло. Но Нина

продолжала притворяться и пыталась сделать все, что в ее силах, чтобы родня считала ее за образец женственности и обаяния. К тому же нужно было произвести хорошее впечатление и на Эльзу Власовну, которая все никак не могла решить, кому из многочисленных племянников оставить наследство. Нинке казалось, что злобная тетка никому ничего не оставит, зато с удовольствием понаблюдает за тем, как остальные будут перегрызать друг другу глотки в борьбе за деньги.

Гости, хваля красивый ремонт, чинно расселись в столовой, арчатые двери которой вели прямо в холл. Супруги Журавли очень гордились своей столовой: большую ее часть украшал длинный дубовый стол, красиво сервированный немецким фарфоровым сервизом на большое количество персон. Большие окна, украшенные светло-розовыми пышными портьерами, вычурные хрустальные люстры, блестящие так, словно были посыпаны бриллиантовой крошкой, несколько натюрмортов, выполненных рукой хороших мастеров-классиков, которых так презирал авангардист Томас, новенький блестящий паркет из дуба — все это создавало дополнительный уют. И, по мнению Нинкиных родителей, должно было стать предметом восхищения их гостей. Те, впрочем, кто искренне, а кто нет, новый ремонт и дизайн хвалили. Одна только тетушка Эльза бросила, поджав губы: «Мещанство и профанация». Но это был далеко не первый ее комплимент. С той минуты как пожилая женщина ступила на порог дома племянника и бросила тому в руки дорогое кашемировое пальто, украшенное пушистым песцовым воротником, Эльза Павловна успела сказать множество добрых слов всем своим родственникам, старательно следя, чтобы никто не остался без ее внимания. Причем старалась почетная гостья указать на самое слабое место и с нездоровым интересом смотрела, как человек будет реагировать на замечания. К примеру, одной из Нинкиных кузин, которая несколько лет боролась с лишним весом, но недавно набрала пару килограммов, тетушка заявила, что «кто-то скоро будет в дверь не пролезать».

Родной сестре Виктора Андреевича, Наталье Андреевне, даме грубоватой и веселой, Эльза Власовна сделала замечание по поводу того, что «кому-то давно пора сделать пластическую операцию на самую выдающуюся часть лица, ибо, как в анекдоте, скоро Наташин нос будет приходить в гости на пару часов раньше, чем она сама».

Ира Журавль, старшая сестра Нины, была едко похвалена за откровенный наряд, «в котором и на панель не стыдно, не то что в приличное общество». Кстати говоря, это мини-платье, купленное за большие деньги в очередном бутике, самой девушке очень нравилось. А

после слов старушки Виктор Андреевич отправил Иру переодеваться.

Нинку же тетя тоже успела отчитать, когда молодая хозяйка дома, мило улыбаясь, предложила родственнице принести чего-нибудь попить. Внимательно глядя в голубые глаза внучатой племянницы, Эльза Власовна хрипловатым от многолетнего курения контральто произнесла:

— Дорогуша, хоть ты и кажешься вежливой, я наверняка знаю, что ты плюнешь мне в стакан. Уйди и не мешайся.

— У вас хорошее чувство юмора, тетушка, — сдержалась моя подруга, помня о завещании, которое могло бы быть оформлено на нее, Нину.

— Ты что, дура? При чем здесь чувство юмора? — степенно ответила Эльза Власовна. — Я просто тебя боюсь. И не отбеливай зубы так часто — отвалятся. А теперь дай мне отдохнуть от себя и найди другого собеседника.

«Мерзкая старая ведьма», — сжала кулаки Нинка, но улыбаться не перестала и поспешила к крестному отцу. Его, пожалуй, среди присутствующих гостей девушка уважала больше всех. Вернее, так — его единственного она уважала и даже немного любила. Крестный, которого она с самого детства привыкла называть просто Сашей, никогда не забывал про дни рождения шептунной племянницы и дарил ей хорошие и дорогие подарки. Одним из таких подарков-сюрпризов стал огромный трехэтажный домик для Барби, полностью заставленный мебелью. Этот домик до сих пор стоит у Нинки в комнате, правда, в шкафу. У Катрины есть такие нехорошие подозрения, что иногда подруга достает старые игрушки, чтобы полюбоваться на них и повспоминать счастливое детство.

А еще однажды этот самый Саша принес Нинке в подарок сотовый телефон. Было это еще в то славное время, когда мобильники имелись только лишь у самых обеспеченных и крутых бизнесменов, а больше были распространены забытые ныне пейджеры. Нинкиной радости тогда не было предела. На следующий день она принесла подарок на место учебы, и едва ли не полшколы приходило к гордой пятиклашке Журавль смотреть «крутую новинку».

— Прошу к столу! — громко прогудел Виктор Андреевич. Этот вечер он хотел провести празднично и весело. И даже составил план развлечения гостей, куда входили караоке, танцы и также приглашенный фокусник, который уже явился и ждал своего выхода на кухню.

Гости, услышав призыв, радостно бросились к длинному столу. Журавлей не нужно было приглашать дважды. Крестный Нинки даже как-то иронически заметил, перефразируя рекламу: «В кругу Журавлей не щелкай клювом».

Сегодня родственники намеревались не только вкусно поесть и провести отличный вечер в компании друг друга, но и вести незримую борьбу за внимание тети Эльзы, чье состояние давно не давало им покоя. Виктор Андреевич, показывая свое уважение тете, даже посадил ее во главе стола, называя про себя «старой гримзой». Та, впрочем, осталась недовольной:

— Почему ты посадил меня во главе стола? — недовольно спросила она низким прокуренным голосом.

— Из уважения, тетя, — проговорил Виктор Андреевич, который очень сильно хотел получить наследство и старался быть заботливым племянником.

— Из уважения ты мог вообще не заставлять меня ехать к тебе, дорогой. Живешь-то ты у черта на куличках.

Честно сказать, Журавли жили почти что в центре города, а вот тетюшка как раз обитала в элитном коттеджном пригороде, но пожилая женщина была твердо убеждена, что мир крутится вокруг нее, а, значит, место, в котором проживает она, является центральным и основным.

— Простите, тетя, в следующий раз мы сами приедем к вам, — откликнулся Нинкин отец, вкладывая в голос как можно больше почтения.

— Нужны вы мне. Я притворюсь, что меня нет дома, — очень откровенно заявила Эльза Власовна. Ее родной брат, тот самый дядюшка с молоденькой женой, захихикал дребезжащим смехом. Он единственный из всех родственников на наследство не претендовал, поэтому вел себя с сестрой так, как ему вздумывалось.

— А ты, братец, не смейся, — медленно повернулась к нему тетя Эльза, — смех у тебя больно противный. Боюсь, все молочные продукты, которые в этом доме и так не первой свежести, скиснут совсем.

Мама Нинки только поджала губы, но ничего не стала отвечать. Она уже давно поняла, что чем меньше общаешься с подобными представителями родни супруга, тем меньше неприятностей.

— Хочу и смеюсь, — отреагировал дядюшка, не сильно любивший старшую сестру, и повернулся к молоденькой жене. — Да, Олечка?

— Что? — поморгала длинными ресницами девушка, которая в это время усердно заигрывала с Нинкиным крестным.

— Я прав, птичка моя? — с нежностью поглядел на нее дядя Виктора Андреевича.

— В чем? — никак не могла взять в толк девушка.

— В моих словах, ласточка.

— В каких?

— Твоя Олечка не способна быстро оценивать ситуацию и давать ответы на простейшие вопросы, старый пень, — отозвалась тут же Эльза Власовна.

— Не ссорьтесь, не ссорьтесь! — мигом встрял дядя Витя, который хотел поддержать хотя бы видимость теплой семейной встречи.

— А ты только этого и ждешь, — отпила из бокала пожилая женщина и тут же скривилась, — ну и вино! У какого местного барыги ты его покупал, Виктор?

— Это коллекционный дорогой напиток, — прекрасно понимал Нинкин папа состояние Раскольников, зарезавшего старушку-процентщицу. За этот рубиново-красный алкогольный напиток, он, Виктор Андреевич, отдал кучу денег.

— Его что, долго и бережно коллекционировали местные пьяницы, прежде чем продать тебе? — с такой брезгливостью понюхала бокал тетюшка, будто в нем находились продукты жизнедеятельности Кота.

— А мне нравится, — задумчиво произнес шури́н дяди Вити, пробуя вино вслед за Эльзой Власовной.

— А я и не удивлена. Тебе и Наташа нравится, — с улыбочкой посмотрела пожилая тетя на свою племянницу.

— Ну да, а что? — не заметил подвоха глуповатый шури́н. Наташу, свою жену, он очень любил.

— А то. Вкуса у тебя нет, — никогда не любила племянницу Наталью Эльза Власовна, — вот всяческие гадости тебе и нравятся. Вкусы меняются, безвкусица — никогда. Это, милый мой, про тебя.

Виктор Андреевич довольно захихикал. То, как подкалывала людей тетя, ему очень нравилось. Правда, до тех пор пока дело не касалось его самого.

Пока хозяин дома вел милую беседу с главной гостьей, остальные приглашенные перешептывались между собой, сплетничая и обсуждая последние новости.

— Тетя Эльза очень сильно напоминает мне Нину, — прошептала одна из кузин моей подруги на ухо другой девушке.

Они сидели на другом конце стола и не боялись быть услышанными.

— И мне тоже, — согласилась та. — Две стервы: старая и молодая. Только одна прикрывается маской.

— А второй это уже не надо, — хихикнула одна из клана Журавлей, отправляя в рот целую ложку какого-то дорогого и вкусного салата.

— Тетя Сонечка, очень вкусно, — умудрилась прощепетать она полным ртом, а потом добавила шепотом своей соседке: — Какая гадость.

Родственницы прислушались к веселому смеху обсуждаемого ими объекта: в это время кто-то из мужчин интересовался, «Не нашла ли его племянка-очаровашка себе жениха?» Девушка отвечала, что, «конечно же, нет» и у нее «нет времени на всякие глупости».

— Нет, ну ты смотри, какая эта Нина! Прямо вся из себя, недотрога! — гневно прошептала девушка, поедавшая салат. Она училась в том же университете, где и Катя с Ниной. — Будто мы не знаем, что она парней, как перчатки, меняет.

— И как только люди ее за ангела принимают? — поддержала процесс перемывания косточек вторая Нинкина кузина. — Эта крашенная кукла — стерва. И точка.

— Значит, она точно крашенная? — обрадовалась девушка с салатом, которой Нинка упрямо втирала, что «это ее натуральный цвет волос».

— Точно, точно!

На беду этих молодых сплетниц, их разговор Нина все-таки услышала и в этот же вечер решила разнести про них не самые приятные слухи.

Пока хозяйка дома ухаживала за гостями и рассказывала им о блюдах, а Виктор Андреевич помогал ей в этом нелегком деле и выслушивал похвалы от родственников, один из кузенов Виктора Андреевича начал развлекать остальных удивительно долгой и нудной историей о том, как он однажды подшутил над друзьями. Он нанял актеров из агентства розыгрышей, чтобы те изобразили бандитов с оружием и в шутку взяли его друзей в плен.

Помахивая бокалом, мужчина громко и отрывисто говорил:

— Значит, я и друг мой Вася наняли этих актеров, нехилую сумму им отвалили, между прочим...

Эльза Власовна, которая только что раскритиковала почти все блюда, сервировку и даже Кота, высунувшегося из-за арки, громким шепотом дополняла его незамысловатый рассказ. Дополнений, правда, ее племянник не слышал, иначе бы предпочел замолчать.

— Отвалили мы нехилую, ребята, сумму этому агентству...

— Лучше бы хорошему психиатру заплатили, — задумчиво произнесла тетя Эльза. — Пользы было бы куда больше.

— А агентство, ребята, называется «Гадость». Ну, вроде как, знаете, сделал гадость — сердцу радость...

— У некоторых это смысл жизни, знаете ли... — кивнула на родственника пожилая женщина под ехидные тихие смешки гостей. Она явно намекала на рассказчика.

Виктор Андреевич опять криво улыбнулся. Он с самого детства любил,

когда над двоюродным простоватым братцем подтрунивали. «Вот глухая тетеря! Неужели не слышит? А наши молодцы, — имея в виду Журавлей, подумал он, — и не говорят же кузену, что тетка его передразнивает!»

— Мы, ребята, с менеджером агентства договорились, когда его актеры приедут. Нам с Васькой надо было, чтобы они прибыли точно в семь вечера в ресторан один. Называется «Золотой петух». Там мы с друзьями и собрались. Дружки наши веселятся, а мы с Васьком ждем. Даже пить не стали...

— Крайне странно, — вставила реплику тетушка, — мир скоро перевернется!

— Ждем-ждем-ждем. Их все нет, — продолжал Нинкин дядя, удивленный, что его слушают практически все гости. — Нам даже друзья говорят: «Мол, чего вы не пьете-то?»....

— У меня такое чувство, что в том ресторане собрались форменные алкоголики, — поделилась мыслями с родственниками Эльза Власовна все тем же шепотом.

— И тут наконец врываются актеры! Все в черном, на мордах маски, в руках автоматы! Игрушечные, правда, но все равно страшно, ребята! Актеры давай орать: «Всем лежать! Руки за спину!» Наши друзья тут же улеглись на пол, а мы с Васьком едва ли не лопаемся от смеха. Но тоже послушно под стол ползем, чтобы, значит, не поломать игру. Эти, в масках, вокруг нас скачут и орут бешено, убить обещают...

— Вот же идиоты. А если бы среди этих несчастных, кто умудрился стать другом моего племянничка, были больные сердцем?

— Они нас так двадцать минут на полу держали, — захлебывался смехом Нинкин родственник, — и только потом один умник догадался, что к чему! Что это подстава чья-то!

— Это не он умник, это все остальные подозрительные, — трагически закатила глаза тетя Эльза.

— Кто там меня все время перебивает? — почувствовал неладное рассказчик и обернулся. — Ну что за лошадь? Чтобы ее перекосило... — вообще-то брат дяди Вити грешил на одну из невесток, поэтому и выразился так фривольно.

— Мне очень приятно быть перекошенной лошадью, дорогуша, — хрипло произнесла Эльза Власовна.

— Ой, — повернулся к ней племянник, расплескав вино в своем бокале, — простите, я же не знал, что это вы! Тетя! Вы же совсем на лошадь не похожи!

Та смирила его пронзительным взглядом, но промолчала.

— А давайте лучше тост поднимем! — спохватилась хозяйка дома. — За нашу большую и дружную семью!

Родственной беседе и потенциальному тосту помешал звонок в дверь.

— Кого там принесла народная молва? — не страдал избыточной вежливостью дядя Виктора Андреевича, впрочем, как и все Журавли.

— Не открывай, Витя, — поддержала брата его родная сестра, демонстрируя высший культурный пилотаж, — гони в шею — здесь же все свои.

— Правильно, — поддержал ее еще кто-то из родни. — Нечего кормить чужих!

— Культ-у-у-у-у-у, — протянула Эльза Власовна, откидываясь на высокую мягкую спинку стула. — Никто из вас, — обвела она пристально голубыми глазами своих родственников, — никто из вас не сможет стать приличным интеллигентным человеком. Как говорит мой садовник, быдлом рождаются, а не становятся. Это, друзья, про вас.

На тетушкины обидные слова никто не отреагировал.

Дядя Витя развел руки, словно бы говоря, что он никого не ждет, а кого там принесло, он и понятия не имеет. С расставленными в разные стороны руками он и пошел в холл. Его не сильно волновало, кто это там неожиданно-негаданно нагрянул. Принимать нового гостя хозяин дома не очень-то спешил, решив про себя, что скорее всего он просто последует совету своей сестры.

Каково же было его удивление, когда он увидел на небольшом экранчике видеоглазка, которым решил в кои-то веки воспользоваться, не кого иного, а этого самого недомерка, игравшего на гитаре дурацкую песенку, посвященную его дочери!

«Да за что мы все охране деньги платим?! Пускает всякую дрянь в элитный подъезд! И как он посмел проникнуть в наш дом?» — подумал про себя снова начинающий злиться Нинкин папа, рывком распахивая дверь. Он решил по душам поговорить с синеволосям поклонником Ниночки и показать ему, где раки зимуют.

— Ты! — с кровожадностью в голосе обратился хозяин квартиры к наглому парню, который стоял, беспечно прислонившись к стене, и развязно жевал жвачку.

— Что я? — кивнул ему гость.

«Хмырь в сережках. Крутым, наверное, себя считает», — тут же отметил наличие пирсингов дядя Витя. Он очень не любил подобного вида парней, выделяя всех неформального вида молодых людей в категорию «гнусь уличная». Осмотрев барабанщика группы «На краю», Нинкин

родитель решил удостовериться, кто имеет честь стоять перед ним и подпирать плечами стену.

— Келла, да? Ты — Келла? — спросил Виктор Андреевич зачарованным тоном, будто перед ним предстал джинн из сказки.

— Ну да, — заинтересованно посмотрел на него нахальным взглядом молодой человек, не переставая жевать. — А вы кто такой?

— Корова жвачная! — взревел дядя Витя, пораженный наглостью синеволосого, имея в виду не себя, а незваного гостя. Вопрос парня он вообще пропустил мимо ушей.

— Странное у вас имя, — не спешил отлепляться от стенки парень, — но если хотите, я буду вас так называть.

— Я тебе сейчас назову! — совершенно позабыл Виктор Андреевич, что у него в доме сидит куча гостей, которая будут очень рада любому скандалу. — Я тебя, щенок, сейчас на пельмени изрублю!

— Вы чего, дядя? — устало потер виски Келла. — Пьяный, что ли?

— Я тебе не дядя, молокосос! Ах ты, гнида ты ушастая! Я тебе покажу пьяного, урка! — почему-то перешел глава семейства на блатной жаргон. — Пошел вон! Или я тебя с лестницы спущу!

— Да я вообще-то к Нине, — не хотел уходить просто так синеволосый. Засовывая руки в карманы кожаной куртки, он поглядел на дядю Витю и сделал для себя неожиданное открытие: «А мужик на королеву похож определенно. Глаза — один в один».

— Я тебе покажу к Нине! Я тебе сейчас такую Нину покажу, сволочье синее! Ты меня весь день достаешь! — пуще прежнего разорался хозяин квартиры и стал надвигаться на барабанщика.

— Я вас вообще в первый раз вижу, — немного отступил к лестнице молодой человек, — дядя, вы что, буйный? Ниночку позовите.

— Что там такое? — выглянула на гам Софья Павловна, встревоженная шумным поведением мужа. — Кто к нам пришел?

— Погань к нам пришла! — ткнул широким пальцем в предплечье Келлы Виктор Андреевич. — Не было печали — черти накачали!

— Но это не погань, милый мой, это всего лишь молодой человек, — удивленно разглядывала Келлу мама Нинки. — А вы к кому?

— Я к Ниночке, — очень смиренно сказал барабанщик, поняв, что эта кроткая с виду женщина не будет на него наезжать. — Она дома? Я ей сегодня несколько раз цветы посылал и звонил, но она трубку не берет.

— Так это ты подарил эти чудесные цветы? — всплеснула руками женщина. — Ты такой галантный! Как тебя зовут, мальчик?

— Келла, — не стал называть настоящее имя парень, потому как не

очень сильно его любил.

— Проваливай из моего дома, гад! — заорал на него опять Виктор Андреевич, видя, как положительно настроена к этому крестину супруга.

— Как ты разговариваешь с Ниночкиным поклонником! — кинула на мужа укоризненный взгляд Софья Павловна. — Пожалуйста, давай потише — гости беспокоятся.

— Гости не беспокоятся, — раздался вдруг сзади них хриплый контральто, принадлежащий Эльзе Власовне, которая решила самолично проверить, что является причиной воплей в доме племянника, — гостям крайне интересно узнать, куда делись хозяева дома? Вы абсолютно бестактные. Кого вы там держите на пороге, дорогие мои?

«Сейчас она увидит это синеволосое чучело в сережках и точно на нас всех обозлится за то, что мы этого уродца в дом притащили», — с отчаянием подумал дядя Витя, зная любовь противной тетушки ко всему консервативному и ненависть к авангардному и современному. Ему тут же очень живо представилась сцена, в которой строптивая тетка тут же уходит из их дома, заявляя, что «не вынесет такого позора — находиться в одном месте с такой неформальной канальей».

— Ну-ка, ну-ка, — поправила стильные очки на серебряной цепочке Эльза Власовна, легким движением худой руки отодвинув грузного племянника в сторону. Она увидела Келлу, который в этот момент последними словами обзывал друга Кея, подавшего идею зайти к любимой королеве на огонек. Бабка в длинном парчовом платье ему очень не понравилась. Она, по мнению молодого человека, напоминала смесь Бабы-яги и Маргарет Тэтчер.

За спиной царственной старушки маячила фигура Нины, которая смотрела на Келлу с не меньшей ненавистью, чем ее папа. Во-первых, девушка никак не могла забыть паука, во-вторых, не могла вспомнить других событий, произошедших вчерашней ночью, а в-третьих, понимала, что сейчас старая жаба устроит скандал по поводу того, что к ним в дом заходят всякие непонятные личности. А злить тетку никак нельзя — иначе в таком случае сильно обозлится и папа, у которого большие планы на наследство старой перечницы. Нина лихорадочно соображала, что «синильному рылу» тут понадобилось и как его выпроводить из дома с наименьшими последствиями.

«Проклятая Альбина, не могла в меня Кеечку моего влюбить. Теперь этот клоун будет мне жизнь отравлять», — думала она, и счета, которые девушка собиралась предъявить экстрасенсу, все росли и росли.

— Кто это, Витя? — спросила пожилая женщина, разглядывая

синеволового, чувствующего себя экспонатом в музее. — Я не припоминаю его среди своих родственников.

— Дверью ошибся, — буркнул тот, не желая разьяснять тетке, кто такой Келла и почему он, Виктор Андреевич, очень сильно его ненавидит.

— Ты не умеешь врать, дорогой мой племянник. По крайней мере мне. Кто вы таков, господин с синими волосами?

Келла немного затравленно поглядел на Эльзу Власовну и произнес:

— Парень... э-э-э... Ниночкин.

— Ниночкин парень, значит? — хмыкнула тетя Эльза и почему-то двумя пальцами коснулась ярко-синих прядей, падающих на лоб молодого человека, словно бы проверяя — настоящие или нет. — Тогда заходи к нам на обед, коли так. Соня, я надеюсь, у вас в доме найдется лишний прибор?

— Конечно, — прощепетала удивившаяся Софья Павловна, — найдется, и не один.

Со стороны грубоватой и язвительной Эльзы Власовны такое гостеприимство было просто чудом из чудес!

— Но, тетя, он сильно спешит, — опешил Нинкин отец, которому совершенно не хотелось кормить за свой счет какого-то голодранца вызывающего вида, — и не может...

— Я сказала, что может — значит, может. И точка, — отрезала тетушка и плавным движением руки пригласила Келлу в столовую, откуда выглядывали заинтересованные Журавли. — Поздоровайся со своей Ниной, мальчик, — разрешила она Келле, которому больше всего на свете хотелось расхохотаться. К тому же мальчиком его не называли с шестого класса средней школы.

Синеволоный, под гневным взглядом папы и дочери, галантно поцеловал своей светловолосой королеве руку, а та костяшками пальцев попыталась вдавить ее в лицо барабанщика, но он ловко уклонился.

— Ты что тут затеял? Я тебя убью, — прошипела ему на ухо Нинка, одновременно обтирая кисть прямо о новенькие обои, — слышишь?

— Слышу. Я тоже тебя люблю, — весело улыбнулся ей Келла и в очередной раз подумал про себя: «Демоница».

— Пошлите же дальше ужинать, иначе, Витя, твои гости растащат все семейное серебро, — призвала всех за стол тетя Эльза, — а вам, дорогой друг, цвет синий к лицу. Как ваше имя?

— Келла, — повторно представился парень, не собирающийся открывать истинное имя даже перед этой властной женщиной.

— Оригинально, — хмыкнула пожилая родственница Нинки. — Можешь называть меня тетя Эльза, раз ты любимый парень моей внучатой

племянницы, — демонстрируя свою лояльность, добавила она.

Виктор Андреевич прожег широкие плечи синеволосого огненным взглядом, но от возражений в присутствии тетушки воздержался.

— Спасибо, тетя Эльза, — тут же обратился молодой человек к тетушке, — я даже не ожидал.

— Не ожидал прийти сюда к молодой подружке, а встретить старую перечницу? — насмешливо спросила женщина.

Келла расхохотался.

«Забавная бабка!» — подумал он про себя, но сказал:

— Не ожидал, что Ниночкин папа разрешит мне пройти в дом. По-моему, он меня не любит.

— Наш Витя просто желает оставить дочерей старыми девами, — была наслышана о грозном отношении племянника к кавалерам дочерей Эльза Власовна, — да, племянник?

— Ну что вы, — почти что спокойно отвечал Виктор Андреевич. Но на самом деле он считал, что лучше действительно остаться старой незамужней женщиной, чем выходить замуж за абы кого.

— Или желаешь найти богатого зятя? — проницательно прищурилась тетушка, опять угадав мысли Ниного папы. — Перечитай «Евгению Гранде» Бальзака, дорогой.

Как только пожилая родственница повернулась к нему спиной, чтобы войти в столовую, Нинокин папа схватил мою подругу за руку и отвел на кухню, чтобы допросить с пристрастием. Он начал подозревать, что средняя дочь специально так все хитро обставила.

— Это еще что за... за... дуринэ синеволосое, а? Он что, твой парень? — прошипел он, плотно закрывая дверь на кухню. — Немедленно объяснись, дорогуша.

Нинка сердито посмотрела на отца, села на стул, обдумывая, как бы побыстрее донести до разгневанного отца то, что Келла — просто назойливый поклонник (о том, что он нечаянно «приворотился», ей говорить совсем не хотелось), и наконец возмутилась:

— Папа, ты что? Зачем мне такой нужен? Он просто знакомый.

Такой ответ Журавля не устроил. Он принялся машинально ломать кусок белого хлеба. Нинка устало поправила прическу, про себя клянясь всем известным ей богам уничтожить барабанщика.

— А зачем он пришел, твой просто знакомый? Признавайся, ты его позвала? — Никак не мог успокоиться дядя Витя. Наглое вторжение Келлы его нервировало так сильно, как будто он был не просто незванным гостем, а причиной падения акций его фирмы на бирже.

— Не звала я его, — исподлобья поглядела на родного отца девушка, — он просто сумасшедший, не обращай внимания.

— Как это сумасшедший? И что же его, такого психа, наша жаба вдруг за стол пригласила?

— Я не знаю, — отчетливо проговорила Нинка, которой надоел этот разговор.

Виктор Андреевич, до сих пор нервно ломающий хлеб, уронил пару крошек на бережно расправленное платье сидевшей дочери.

— Аккуратней, папа! — взвизгнула она. — И хлеб в покое оставь. И вообще тебя гости ждут.

— Подождут, куча идиотов, — был не самого лучшего мнения дядя Витя о собственной родне. — Ладно, я поверю тебе, дочь, что этот голодранец просто за тобой бегаёт. Но смотри, если я узнаю, что вы...

Нина в негодовании перебила его:

— Папа, ты что? Да он же противный! Ты его рожу видел?

Насчет рожи Нинкин отец мог бы поспорить. Он как раз считал, что обладатели подобных лиц и разгильдяйского характера и являются злостными соблазнителями приличных девушек и порядочных дочерей.

— Ладно. Ладно. Пусть это... этот... Зелибоба пока сидит с теткой, — почему-то вспомнился дяде Вите персонаж с синей шерстью из детского сериала «Улица Сезам», который в детстве буквально обожал его сын Сережа. — Он на Эльзу хорошо действует. Пусть старая карга думает, что он к тебе. Может, раздобритя, — принял решение Журавль. — Только ты с ним, смотри, не сильно общайся. А потом я с ним проведу профилактическую беседу, с этим поганцем....

Нина только кивнула и первой вышла из кухни, успев затолкать в рот маленький бутербродик с красной икрой. Внимание ударника с экстравагантными волосами ей все-таки импонировало.

Зайдя вновь в светлую и большую столовую, Виктор Андреевич почувствовал на себе взгляды удивленных родственников, которые просто горели желанием узнать, что это за молодой парень со странной прической сидит рядом с улыбающейся Эльзой Власовной и почему она общается с ним так, будто он ее родной внук?

Нинкин отец решил ответить им жестом: он очень выразительно покрутил у виска указательным пальцем и ткнул им в спину тетушки. После чего растерянно пожал плечами.

Его сестра незаметно для тети Эльзы развела руки в стороны и выразительно подняла брови, словно говоря, что она в шоке от происходящего! Сидящие рядом с ней гости проделали точно такой же

жест, показывая, что они все с ней солидарны. Кузен Виктора Андреевича, Петр Ильич, кивнул в сторону Келлы и одними губами спросил: «Кто это?»

Подумав, хозяин дома покрутил пальцами уже у обоих висков. И опять развел руки, закатив глаза.

Петр Ильич под заинтересованные взгляды некоторого количества Журавлей указал на волосы, а потом на голубую салфетку, лежащую у его столовых приборов, и опустил большой палец вниз, высказывая свое негативное отношение к парню вообще и к его прическе в частности.

Нинин папа согласно кивнул, потом ткнул рукой в сторону только что вошедшей дочери, благополучно прожевавшей свой бутерброд в коридоре, после чего сложил большие и указательные пальцы в форме сердечка и направил их в сторону ненавистного синеволосого. И состроил кислую физиономию, даже язык высунул, дав понять, что Келла — поклонник Нины.

Его любопытный брат решил уточнить, а нравится ли в таком случае Нине этот молодой человек, который так занял внимание Эльзы, что она даже подобрела? Для этого Петр Ильич, почесав лоб, кивнул на племянницу, нарисовал в воздухе знак вопроса и тоже сложил ладони в кривом сердечке. Виктор Андреевич понял родственника с полуслова, сделал вид, что его тошнит, схватился рукой за шею и отчаянно замотал головой. Его кузен-гость широко открыл рот, беззвучно произнося: «А-а-а».

На то, что прочие родственники усиленно подмигивают им и машут, оба брата не обратили никакого внимания. Дядя Витя сощурился, как гoblin, и, скривив рот, сделал вид, что его вновь тошнит, только уже на Келлу. Его кузен повторил этот же самый жест и не оборачиваясь показал ладонью в сторону почтенной тетушки.

— Ну и долго вы будете рожи корчить? — взирала на них с великим любопытством Эльза Власовна. То, что она успела повернуться, оба брата не замечали, увлеченные мимикой и движениями. — Вот, дорогой Келла, посмотри, нет-нет, это не приматы, это мои родственники. Один глава фирмы, второй преуспевающий юрист, но на самом деле они... и не маленькие дети, отнюдь. Они просто-напросто придурки.

Кузены Журавли разозлились, но опять проглотили слова тетушки. Остальные засмеялись. Громче всех веселился Келла. И Нинка чувствовала, как сильнее и сильнее она начинает ненавидеть этого монстра. «Как его только в группу взяли? — думала она с негодованием, — мой бедный Кеечка, наверное, с этой бездарностью совсем замучался. Ну чем, чем это было так понравилось старухе Эльзе?!»

Оглядев еще раз синеволосого, Нинка вдруг представила картинку,

будто бы она открывает глаза и видит над собой знакомое лицо, обрамленное синими волосами. «Спи, королева, спи», — шепчет ей противный голос Келлы на этой картинке. Ну, голос не то, чтобы был очень противным, очень даже симпатичным, просто Нинке все в этом парне казалось ужасным и отвратительным после того, как он напугал ее мерзким пауком.

«Вот же фигня в голову лезет», — подумалось девушке. То, что она случайно вспомнила эпизод из вчерашнего, ей верить не хотелось. Келла поймал ее взгляд и послал ей воздушный поцелуй. Эльза Власовна тут же узрела этот жест и потребовала, чтобы внучатая племянница сидела рядом с ними.

— Раз уж она твоя невеста, — иронично произнесла пожилая женщина, — вы просто обязаны сидеть рядом друг с другом. В скором времени вам предстоит дать клятву о том, что вы будете вместе, пока смерть не разлучит вас, — пафосно процитировала известные строки тетя Эльза.

Каким-то совершенно невероятным образом синеволосый драммер известной группы так приглянулся пожилой женщине, что она заставила посадить парня рядом с собой и целый вечер расспрашивала о жизни и дальнейших планах. Тот честно признался, что он — музыкант, на жизнь зарабатывает своим увлечением и менять свои предпочтения не собирается, и это все тем же чудесным образом тете Эльзе вновь понравилось.

— Я люблю людей искусства! — патетически воскликнула она. — А все эти мои... родственнички, — скривила тетушка губы, — сплошные антидуховные особы, у которых на плечах растут тыквы. О да, прямо из шей.

— Зато у меня хотя бы волосы нормальные, — пробурчал тихонько Виктор Андреевич.

— А у меня своя юридическая фирма, — так же тихо произнес Петр Ильич. Двоюродные братья стукнулись бокалами и залпом выпили вино.

— Все как в детстве, — прошамкал на ухо молоденькой жене дядюшка Журавль. — Эти двое вечно всех выводили из себя, особенно мою сестренку!

— Приходите к нам в студию, тетя Эльза! У нас крутая студия, вам понравится. — Тут же пригласил ее в гости молодой человек, одновременно касаясь под столом рукой безвольно опущенной ладони Нинки. Кожа у нее была мягкая и приятная, только вот ногти оказались очень острыми — девушка тут же вцепилась в наглую руку барабанщика, пытаясь оставить на ней царапины-полосы поглубже.

— А, может, я люблю боль, — шутя прошептал Келла так, чтобы его слышала только его разозленная королева. — А ты садо-мазо тоже увлекаешься?

— Ах ты, урод, — тут же отпустила драммерские пальцы Нина и принялась обтирать их о скатерть, — убирайся из моего дома. И что значит тоже? Я нормальная, абсолютно адекватная. Убирайся!

— Меня тетя Эльза пригласила. Я не могу отказать старушке.

Вместо ответа Нинка с силой наступила ему на ногу. Парень дернулся.

— Еще одна такая выходка, — склонился он к ее уху, — я тебя при всех поцелую.

— Только попробуй, — отозвалась девушка, но больше причинять физическую боль Келле не стала, поняв, что он действительно сможет принести ей **большой** моральный вред.

Еще около двух часов девушка, а также ее папа Виктор Андреевич терпели присутствие синеволосого музыканта из группы «На краю». К большому разочарованию Нины, во время импровизированных танцев, которые устроила Софья Павловна, Келла пользовался большой популярностью у всех ее кузин и даже тетюшек. И даже ее родная сестра Ирина не погнушалась Келлой, заявив Нинке, что у той «губа не дура, а синеволосый мальчик с пирсами — это круто».

Еще никогда ни один из молодых людей Нины не задерживался в ее доме так долго. Нет, вообще не был в ее доме. А присутствие улыбающегося барабанщика, чьи смех и шутки приводили в восторг не только престарелую Эльзу Власовну, но и почти всю женскую половину Журавлей, неприятно раздражало. Да и все мужчины, кроме дяди Вити и Петра Ильича, восприняли синеволосого довольно-таки хорошо. Дядя Саша, крестный девушки, вообще заявил, что Келла напоминает ему Виктора Андреевича в далекой юности, и со смехом сказал, что его «крошка-крестница выросла и превратилась в невесту, у которой такой подходящий молодой человек». Эльза тут же заявила, что Александр — самый адекватный человек на вечере, не считая Келлы. Прочие, видя, как дружелюбно настроена пожилая родственница к гостю, стали с ним еще более вежливыми и добренькими. Нинка ничего не могла сделать, а быть беспомощной она ненавидела.

«Убью, убью, убью», — вот что пульсировало в ее голове, когда Келла обращался к ней или когда остальные хвалили музыканта.

Так и прошел семейный день у Нинки...

Обо всем этом я узнала только поздним вечером этого дня, когда гости уже покинули гостеприимный дом родителей моей подруги. Нинка, с

которой только что очень долго беседовали родители, позвонила мне и долго жаловалась на Келлу, а также на собственного отца и тетю Эльзу, принявшую их за пару. Я в голос смеялась, как будто мне рассказывали какую-то замечательную историю.

— Что ты все время издаешь хрюкающие звуки? — с обидой произнесла подруга в трубку телефона. — Тебе это кажется смешным? Папу чуть удар не хватил из-за этого синюшного дебила! Кто его вообще к нам звал!

— Да это я так, не обращай внимания.

— И главное, зачем этот псих домой-то ко мне прибежал? Хорошо, хоть сумку вернул и вещи не тронул.

— Зато ваша тетя Эльза была к нему благосклонна, — нашла я плюс, обдумывая одновременно, как половчее рассказать подруге про ее Кея и мою квартиру, — вдруг она вас полюбит и свои капиталы вам оставит.

— Не напоминай мне про эту старую жабу, — рассердило Нинку одно только упоминание о родственнице, — когда она уже там лапы склеит и перестанет всех мучить!

— Нина! Ты что, — воскликнула я укоризненно, — нельзя так говорить!

— Ты когда-нибудь тетю Эльзу видела? — скрипучим голосом осведомилась подруга, шурша чем-то мне в ухо. Опять ест что-то.

— Нет, — ответила я. Об Эльзе Власовне я только слышала, причем только все самое плохое.

— Вот именно. Если бы ты пообщалась с ней раза два-три, ты бы возненавидела ее до конца своей жизни. Она бы рассказала тебе о всех твоих недостатках и высмеяла так, как только могла. Поэтому — молчи.

— Но ведь Келла же ей понравился!

Нинка скрипнула зубами:

— Гадина гадину издалека видит, — пояснила она, — ведьма с ума сходит, вот и чудит. Все родственники были в легком шоке. Папа говорит, Эльза просто решила поиздеваться. А дядьки шутили, что крысу на молоденьких мальчиков потянуло. Ты прикинь, бабка его даже в гости звала. Катя, это полный триндец.

— Да перестань ты, — принялась я успокаивать подругу, — ничего же плохого не произошло.

— Ага, знаешь, как потом папа бесился? А этот гад Сережка ржал так, как будто веселящего газу глотнул. Пришлось его стулом успокаивать.

— Это как? — заинтересовалась я.

— По спине, как, — обыденно произнесла Нина, а потом снова

перешла на волнующую ее тему. — Катя, однозначно эта экстрасенс Альбина, может быть, и имеет силу, но в моем случае явно что-то напутала. Вот что значит, когда руки из задницы растут! Я ведь себе Кея хотела, а не эту гадину! — кипятилась Нинка, и я была уверена — еще немного и телефон в ее руках расплавится и жидкая пластмасса потечет меж ее железных пальцев.

— Так ты не помнишь Кея? — наконец задала я вопрос, ответ на который очень хотела узнать весь сегодняшний день. С утра Нина не пожелала ничего слушать, днем я до нее не дозвонилась, а вечером она была занята.

— Что ты имеешь в виду? — позевывая, произнесла подруга.

— Я имею в виду, помнишь ли ты, что произошло, после того, как ты решила принять на грудь лишние граммы алкоголя? — устало поинтересовалась я.

Нина на пару секунд задумалась, а потом ответила отрицательно.

Тогда за рассказ принялась я, предвкушая, что сейчас кто-то (и это буду не я) испытает глубокий шок. К моему глубокому удивлению, Нинка молчала и даже не перебивала меня, что с ней бывает крайне редко. Когда я, изредка запинаясь, дошла до того момента, когда Кей решил помочь другу и взял мою светловолосую подругу на руки, Нина очень скучным голосом произнесла:

— Ну, хватит. Очень смешно. Катрина, ты даже забавных шуток не можешь придумать. Несешь ерунду.

Мой замысел с шоковой терапией не удался, вернее, он не подействовал на нее. Вот уж никак не ожидала, что эта сумасбродка мне не поверит!

— Но, Нина... — растерянно произнесла я, не зная, что сказать еще и как переубедить упрямую подругу.

— Катя, — покровительственно произнесла девушка, — не быть тебе Петросяном. И Задорновым тоже. И резидентом «Камеди клуба». Даже в уличные клоуны тебя не возьмут, но ты не печалься — Академия кумушек и врушек тебя будет ждать с нетерпением. Особенно факультет глупостей.

— Какая еще академия! — завопила я громко. — Нин, я же тебе правду говорю!

— Ага, правду-правду, — саркастически произнесла подруга, — ну, и что там дальше в твоей правде?

Я поведала ей всю эту эпическую историю до конца, а подруга, по моему, даже рассердилась слегка, считая, что я ее разыгрываю.

— Думаешь, я поверю во все эти нелепости вроде встречи с Папой,

глупой песенки, от которой я якобы визжала, застрявшего лифта посреди ночи? А про бред с твоим братом и сестрой я вообще скромно промолчу. Даже твоим родственникам не придет в голову встречать грабителей в простынях и с несчастным Чуней на руках.

И Нинка расхохоталась. Я от злости и такой клеветы сжала губы, попинала валяющуюся на полу мягкую диванную подушку и угрюмо произнесла, выдвигая свой самый главный козырь:

— У меня есть аудиозапись их голосов.

— Чьих? — так же весело откликнулась на том конце провода Нинка и принялась что-то активно жевать. — Собственных галлюцинаций? Слушай, в этой академии факультет глюков тоже имеется...

— Твоего Кея и Келлы.

— Да ты что! — я так и видела, какое на лице подруги появилось ехидное выражение. — И о чем они разговаривали? Ни о том ли, как взять тебя в группу новым вокалистом, а? Или вы все вместе захотели на Луну слетать? Или Кей оказался вампиром, Келла — оборотнем, а твоим настоящим именем оказалось имя Белла? Ой, Катя, ты такая глупышка.

Глупышка, как же!

Хорошо, что Нинка вручила мне прекрасный диктофон, и голоса вышли более-менее похожими на оригинальные.

Трудно передать, в каком «восторге» была Нинка уже через пять минут.

— Ну что, — сладким голосочком спросила я у подруги, выключая запись, ту самую, когда Келла и Кей обсуждали дела группы на моей кухне, — убедилась?

Вместо ответа Нинка закашлялась, словно подавилась не одной из конфет, чьими фантиками она шелестела весь наш разговор, а целой буханкой хлеба, который кто-то по неосторожности засунул ей в рот.

Она долго и натужно кашляла, а потом, так и забыв извиниться, деревянным голосом начала выуживать у меня подробности, после чего, узнав то, что ей было интересно, разоралась, как милицейская сирена. И ее обвинения были воистину фантастическими!

— Как ты могла не проследить за мной?! Я не должна была больше пить! Это твоя вина! — орала она на меня неженственным басом так громко, что я отодвинула трубку от уха сантиметров на сорок. Если бы я положила ее в дальний конец комнаты, то, уверена, я бы все равно слышала Нинкины ругательства, грозящие плавно перетечь в истерику.

— Почему ты не привела меня в чувство, когда рядом был Кей?! Почему ты ничего не сделала?! Ты же знала, как я хочу увидеть его!

Почему ты ничего не сделала? Почему ты ничего не сделала, а?! — заело бедняжку.

— Но, Нина, — уже больше не чувствовала я восторга по поводу того, что имею редкую возможность ошарашить Нинку, — тебя невозможно было привести в чувство...

— Все невозможное возможно! — рывкнула она и повесила трубку.

Я перевела дух. Ну вот, теперь виноват не кто иной, как я, Катрина. Я вчера еще беспокоилась о Нинке, а она теперь закатывает скандалы, будто бы это я ее подпоила, а потом и вовсе продала в рабство! Подумаешь, Нинка проспала момент личной встречи с этим сумасшедшим Кеем, зато у нее теперь есть синеволосый поклонник, которого она нечестным путем влюбила в себя. И вообще, может быть, это ей кара свыше такая предназначена — не встретиться со своим «лапочкой», потому что она, Нина, решила приворожить парня, совершая, таким образом, страшный грех! А что, любить поневоле — это ли не грех? Ведь любовь — это вроде как одна из основных ценностей человека, дарованная как великое сокровище, и все такое, а все эти магические воздействия на чувства к добру не приведут...

Телефон тонко запищал, сообщая, что меня кто-то осчастлиливливает очередным звонком.

Вот и пяти минут не прошло! Опять звонит Журавль! Ну, я ей сейчас про небесную кару и сообщу. Не надо было ерундой страдать, тогда бы все хорошо и было... а я ни при чем.

Но ничего такого Нинке я сказать не успела, потому что, как оказалось, моя подружка успокоилась и почти совсем нормальным тоном спросила:

— Слушай... Кей меня, правда, на руках держал?

— Правда, — не ожидала я от нее такого вопроса, поэтому решила повременить с гневными нотациями.

Моя подруга вдруг счастливо и звонко рассмеялась.

Вот же эта Нинка — не человек, а загадка. Никогда не знаешь, что она следующее спросит или сделает, скоро вообще бояться ее буду. А смеется-то так, как будто бы ей щекочут подмышки сразу рук семь или восемь.

— Расскажи мне еще раз, как это произошло, — отсмеявшись, попросила она, — и не дуйся ты там в трубку. И не пыхти.

Странно, почему мне постоянно говорят, что я пыхчу. Нормально я дышу. Или все-таки пойти провериться насчет гайморита?

Спать этой ночью я легла только в два часа, пересказав одной любопытной девице едва ли не каждую деталь прошлой ночи.

Я в очередной раз убедилась, что Нинка — чокнутая, а мозги у нее

сдвинутые набекрень. Наверное, тараканы всей своей стаей сдвигали, подперев спинами серое вещество.

Интересно, а я от нее сумасшествием заразилась, или еще все впереди? Наверное, все еще было впереди.

И началось это «впереди» с еще одной моей нечаянной встречи с Кеем, которого я уже и не планировала встретить, хотя, может быть, где-то глубоко-глубоко в душе и хотела этого.

Совсем скоро, в один прекрасный воскресный день, после всех этих ярких событий мне в компании брата и сестры пришлось тащиться в новый, только открывающийся гипермаркет, потому что Леша вручил нам скидочку аж на 50 % — достал ее у очередной пассии, работающей в этом магазине.

Нелли пошла со мной исключительно из-за того, что ей было скучно. Она же предложила взять с собой Эдгара — как бесплатного носильщика.

— Как бы мы его потом не потащили вместе с сумками, — подумав, отвечала я, но тому, что брат оторвется от компьютера и пойдет с нами, обрадовалась.

Доехав до нового торгового центра, на открытие которого прибыло довольно много народу, обрадованного наличием всевозможных конкурсов, скидок и призов, обещанных в этот день организаторами, и, побродив по действительно огромному магазину, в котором можно было приобрести не только всевозможные продукты, но и технику, книги, одежду и лекарства, мы втроем направились вверх. Там, судя по голосу, доносившемуся из громких динамиков, должен был презентоваться музыкальный супермаркет. Вообще же вместе с открытием гипермаркета состоялось открытие едва ли не целого этажа новых магазинов.

Из-за этой чертовой скидки мы набрали много всего и тащили кучу пакетов с ненужными продуктами. Нельке казалось, что пятидесятипроцентная скидка — это почти тоже самое, что и стопроцентная. Сестра радовалась и постоянно озиралась. В этом европеизированном магазинище ей нравилось буквально все, к тому же в каком-то отделе она умудрилась купить какую-то редкую мангу, о которой грезил целый год. Сейчас она напялила на голову большие наушники и слушала на полной громкости любимый j-рок, или как там его. Брат, напротив, был сумрачен, скучен и напоминал вялую амебу, вытащенную из привычной среды обитания. Мое же настроение было ровным: ни радости, ни огорчения я не испытывала. До поры, до времени.

Когда мы вместе с большим количеством людей поднялись на третий

этаж по длинному эскалатору, сзади вдруг кто-то присвистнул и выкрикнул:

— Смотри, это же Кей и Рэн из «На краю»!!!

— Где??

— На третьем этаже!

Я, услышав эту фразу, тут же оглянулась — сзади стоял неформального вида молодой человек, чьи волосы были поставлены забавным ежиком, и две девушки в свободной небрежной одежде и с черными рюкзаками наперевес.

— Думаешь, это они? — с сомнением спросила одна из них, теребя пирсу на брови.

— Уверен.

— Ого, братья-демоны, это точно они! — заверещала вторая девушка. — Круто, блин! А что они тут делают?

— Может, они музыкальный магазин презентовать будут? Там хозяин кто-то из их друзей, что ли, — задумчиво произнес парень. — Кажись, на их сайте фаны что-то об этом писали. И в их блоге это было... Жесть! Точно, смотрите, сколько внизу собралось народу с их символикой!

— Флешмоб, черт, — рассмеялась первая девчонка.

Я с удивлением глянула вниз, на здоровый квадратный зал, отделанный мрамором, где находилось множество прозрачных лифтов. Там действительно собралась совсем не маленькая толпа парней и девушек разных возрастов, на чьих футболках, сумках или штанах был изображен на черном фоне белый силуэт падающего человека, за спиной у которого развевались большие крылья. Символика «На краю». Действительно, этот Кей и его группа популярны. А Нинки опять тут нет! Как она прозевала такое событие? Позвонить ей, что ли? Увы, индикатор связи в мобильнике говорил о том, что позвонить не получится...

Теперь я во все глаза смотрела на беловолосого, стоящего рядом с невысоким черноволосым парнем, очень живым и подвижным на вид. Они находились около стеклянной прозрачной стены на территории музыкального магазина, который пока был закрыт для посещения, и все желающие толпились в большом холле, уставленном диванчиками и столиками, где бойкий ведущий разыгрывал какие-то призы.

Когда я подъезжала к третьему этажу, Кей заметил меня, поднял ладонь вверх, склонив голову набок, и что-то сказал другу. Тот тоже посмотрел на меня и вдруг улыбнулся во весь рот, показав беловолосому большой палец, поднятый вверх. Я резко отвернулась. Что бы это значило? Наверняка Кей рассказал этому парню, как знатно ему недавно пришлось провозиться со мной и с Нинкой, и таким образом, опозорил меня в глазах

черноволосого, да и не только его, наверное. Парни — жуткие сплетники, почище девушек.

Надо же... Я опять случайно встретила с Кеем, без пяти минут мировой рок-звездой, и, кажется, он помнит меня. С чего бы это вдруг?

— Я иду участвовать в конкурсе! — заявила сестра, сдергивая наушники, вручая мне тяжеленные пакеты и забирая недовольного Эдгара, — там можно автографы «На краю» выиграть!

— А я-то тебе зачем? — вяло спросил он.

— Мне одной скучно! Катька, посиди на диванчике с пакетами, мне очень на конкурс надо! — и с этими словами моя неугомонная сестрица ввинтилась в толпу, а я осталась сидеть позади всей этой шумихи, прижимая к себе пакеты с продуктами, пятьдесят процентов из которых были совершенно нам не нужны. Фанаты группы Кея появились на этаже во всей красе и почти что оккупировали музыкальный магазин. Вот же бешеные! А до Нинки так и не дозвониться, потому что связи все нет...

Вот так я и сидела пару минут, скучая, вдалеке от радующейся и все увеличивающейся толпы, пока ко мне не подплыло Его Высочество, облаченное в кепку с длинным козырьком, закрывающим пол-лица.

— Хай, девочка, — кивнул мне Кей.

— Привет, — в моем голосе звучало удивление.

— Ты начала меня преследовать? — с легкой иронией в голосе спросил он.

— Я сюда случайно пришла! — выкрикнула я излишне громко. — Это ты ко мне подошел!

— Тихо, детка, не кричи так. Я не хочу, чтобы сюда налетели все они, — кивнул на спины поклонников парень, присаживаясь рядом и без стеснения заглядывая в пакеты.

— Что?

— Что-что? — вытащил пачку апельсинового сока парень. — Попью?

— Ага...

Без комплексов мальчик. Что ж, это качество очень хорошее.

— Спасибо, девочка, — Кей, напившись, переставил пакеты и сел рядом со мной.

— Я не девочка, я Катя.

— А я Кей.

— Я знаю.

— Так и я знаю твоё имя. Мне нравится называть тебя девочкой.

Я взглянула на него и невольно улыбнулась ему. А он — мне. Честное слово, это не было галлюцинацией, он улыбнулся, и его улыбка была

искренняя и, может быть, знакомая. Но потом его лицо вновь сделалось надменным и холодным. Он просто сидел рядом, пил мой сок и смотрел то на меня, то по сторонам. А я не знала, что спросить у него, хотя, естественно, мне было до жути интересно, зачем он подсел ко мне, проигнорировав поклонников.

— Ты любишь развлекаться? — вдруг спросил беловолосый после нашего обоюдного молчания.

— Безумно, — до сих пор не могла я взять в толк, что нужно музыканту.

— Я тоже — и именно безумно. Ты подобрала хорошее слово. Знаешь, — подвинулся он ближе и закинул руку на спинку скамьи, — мне нравятся хорошие девочки.

— Я — хорошая девочка?

— Кажется, так.

— Это хорошо или плохо? — от его близости неожиданно стало щекотно в районе солнечного сплетения.

— Для меня — хорошо. Это так необычно — понимать, хороший ли человек передо мной или плохой. — Как же загадочно это прозвучало. И напыщенно одновременно.

— Вот как?

— Да. Ну, мне пора.

Кей встал с лавочки и, сказав «до встречи, моя хорошая девочка», пошел в ту же сторону, откуда его вынесло пару минут назад. Я смотрела ему вслед, напоминая глупого удивленного котенка, у которого перед носом помахали забавной игрушкой, а потом унесли ее.

— Кстати, — все же повернулся он ко мне, — ты понравилась моему другу.

— Да? — я уже не знала, что мне думать о Кее.

— Да. Он тоже за хороших девочек. Ладно, малышка, мне правда пора идти. Мы еще встретимся.

— Не думаю. Я и ты... как бы это сказать... Абсолютно разные.

— Именно, но противоположности притягиваются, Катя. — Кей приподнял козырек кепки и посмотрел на меня. О выражении его лица в этот момент в книгах часто пишут что-то вроде: «его лицо исказилось ухмылкой» или «его губы растянулись в довольной усмешке». Раньше я никак не могла представить, как это. Теперь, глядя на этого парня, представила.

О том, что мы встретимся еще неоднократно, я и не знала.

Кей выполнял свои обещания.

Когда он ушел, я сожалела только о том, что наш странный разговор был недолгим. Именно в эти минуты я поняла, но не до конца осознала, что меня тянет к нему. И не только к нему...

За что я люблю свою подругу — так это за ее страсть к такси. Честное слово, ну кому бы не было приятно, если за ним или за ней частенько заезжали на машине или такси и отвозили на место учебы, до которого на автобусе добираться не меньше часа?

Вот и мне очень нравилось, когда Журавль в очередной раз приезжала за моей скромной персоной на обожаемых ею такси. Нет, не подумайте, что я нахлебник. Первое время мне было стыдно, что Нинка всегда заказывает и оплачивает автомобиль, а я являюсь бесплатным приложением к ней. Я возмущалась и отказывалась ездить с ней. Но она начала обижаться и заявила мне, что перестанет со мной общаться вообще, если я не буду садиться к ней в авто.

«Понимаешь, Катя, ты из той породы людей, которым неловко делать что-то за счет других, — любила подруга читать мне лекции, — но ты должна уметь приспособливаться. Это жизненно важно, особенно для такой простофили, как ты. Подумаешь, ты будешь ездить со мной в такси — так ведь намного удобнее: не нужно стоять в пробках, мерзнуть на остановках и болтаться на поручнях. А то, что я беру тебя с собой, должно тебе нравиться, а не возмущать. Ты же в конце концов знаешь, что в нашей семье теперь денег достаточно, и мне ничего не стоит брать тебя с собой. Тем более моя мама почти каждый день напоминает мне, чтобы я не забыла заехать за тобой».

На это я возражала подруге, что мне все равно неловко, а она, опять вздыхая, отвечала: «Стыдливая ты моя! Я тебе говорю радоваться. А не стыдиться! И вообще считай это выплатой. Услугой за услугу. Кто меня всегда брал с собой летом в деревню и к родственнице на озеро, когда мой дорогой папочка еще не разбогател? А чей отец по имени Томас нашел для папиной фирмы первых выгодных клиентов? И кто постоянно помогает мне во всех моих делах? Но если тебе до сих пор стыдно, то считай свои поездки такси платой за мое поведение. Некоторые, представь себе, считают его странным. Вот же глупые дебилы. Чтобы им череп газом разорвало».

Постепенно я к Нинкиным такси привыкла и была благодарна подруге за то, что она не забывает меня. Хотя, знаю-знаю, некоторые могут воспринимать мою персону как некое приложение к богатой, красивой и успешной девушке. Но мне все равно, что говорят у меня за спиной. Ну,

хорошо, почти все равно.

Этим весенним утром мы вновь сидели в удобном салоне автомобиля. Нинка все жаловалась на мозоль, которая так до конца и не прошла, и снова обзывала Келлу, который продолжал ей названивать. Журавль не знала, что ей с ним делать, и добавила с горечью, что никак не может повторно записаться к Альбине, чтобы та объяснила ей идиотизм ситуации или вернула бы деньги. После объектом монолога подруги стал прекрасный Кей. Он, видите ли, сегодня ей приснился, сон был с явным эротическим уклоном, и теперь ее, Нинку, просто распирает от восторга, что кумир нес недавно ее на своих руках. Страсть к нему все не утихала. Только росла.

— Хорошо, что сегодня у нас всего лишь две пары, — начала разглагольствовать подруга чуть позже, — лекция по уголовному праву и семинар. А потом — домой. В пятницу нельзя много учиться! Да, Катька?

— Зато все остальные дни забиты, — пробурчала я, не принимая ее оптимизма. Это разделение на недели: четные и нечетные, меня порядком раздражало — я все время путала расписание и уточняла его у Нины или у старосты. И вообще расписание у нас было составлено чьей-то кривой рукой: в день стояли то всего лишь две пары, то целых пять. Что такое равномерное количество лекций, в нашем учебном отделе, видимо, не знают.

— Не ворчи, — отмахнулась Нинка, — живи сегодняшним днем. Как Скарлетт О'Хара.

— Какая еще О'Хара? — не врубилась я.

— Неуч, — закатила глаза подруга. — Из книги.

— А, эта! Из «Унесенных ветром»?

— Ничего себе, твой мозг работает! — захлопала в ладоши Нинка.

— Я не хочу так жить, — отказалась я. Ну, не нравилась мне героиня известного романа, и ее отношение к жизни — тоже. Даже ее выбор мужчин в спутники жизни!

— Ну и ладно. Мучайся своими проблемами дальше. А я вот сегодня не буду думать ни о чем плохом. Отсижу спокойно лекцию по уголовному праву, семинар с тестом, а потом...

— Стоп! — взволнованно перебила я подругу. — С каким тестом?

— Обыкновенным, — пожалала она плечами, — тестом, который наш Денисич обещал устроить еще два занятия назад. По всему пройденному материалу.

— Чего-о-о? — совершенно не помнила я такого.

— Того, — вздохнула Нинка, — ты раззява. Не готовилась? Да?

Вместо ответа я помотала головой. Если я не напишу этот проклятый

тест, у меня будут большие проблемы с этим предметом. Препод, Натан Денисович, и так мужик противный, все норовит сделать какую-нибудь подлянку несчастным студентам, а уж тесты свои безмерно обожает. И что теперь делать? Я не успею за одну лекцию выучить большое количество материала... С моими темпами заучивания мне весь день понадобится. А где я возьму этот день? Машины времени пока еще не существует. Вот дура! Почему я не учила? Что мне помешало? Уверена, этим вопросом задаются тысячи учеников и студентов, когда приходят на очередную контрольную или зачет.

— Да не парься ты, — разгадала мое состояние Нинка, — я тебе помогу.

Вот повезло же моей подружке! Она на лекциях материал сразу запоминает. И, кажется, на всю жизнь — потому что в любой момент может воспроизвести давно услышанное. И дома она делает только письменные задания.

Эх, вот же невезенье.

— Как ты поможешь? — грустно спросила я, видя, как мы приближаемся к печальному пятиэтажному зданию, около которого топились курящие и просто дышащие свежим утренним воздухом люди.

Родной университет. Привет тебе.

— Я все равно быстрее тебя тест напишу, а Денисыч тех, кто все написал, отпускает раньше. Я выйду и тебе передам бумажку с ответами или смс буду посылать, если не получится передать.

Натан Денисович, которому было лень делать много вариантов, раздавал всем одинаковые задания, но зато рассаживал студентов по всей большой аудитории достаточно далеко друг от друга. К тому же он очень внимательно следил за дисциплиной и хронически ненавидел, когда кто-то списывает.

— Спасибо, Нин, — поблагодарила я подругу. Она улыбнулась мне.

Лекция прошла спокойно. Я пыталась одновременно учить и записывать теорию, которую давал преподаватель. Некоторые сокурсники были заняты тем же, чем и я. Видимо, не только Катрина Томасовна была не готова. Ребята из параллельных групп, у которых семинары стояли в другие дни недели, сочувствовали нам и просили запомнить вопросы и ответы. Наша группа всегда была первопроходцем на уголовном праве, а этот Денисыч постоянно только удивляется, отчего мы на его предмете самые отстающие по оценкам?

Кстати, сколько я ни искала среди студентов светлой головы чудика Антона, не могла найти. Почти всю неделю в универе его тоже не было,

парень появлялся всего лишь пару раз... Он же там не утопился нигде, верно? Не повесился и не кинулся под еще одну машину?

Надо бы вам, сердобольная матушка Катрина, взять хотя бы номер телефона этого молодчика. Будете выполнять при нем роль сиделки, контролировать. А если Нинка, которой ничего не стоит без спроса залезть в чужой телефон, особенно в мой, увидит в адресной книжке запись: «Антон», то наверняка подумает на того самого мнимого Антона — друга Леши. Вот же веселье будет. Хотя, если я запишу чудика под именем «чудюдо», она не догадается, кто это, только замучает расспросами о том, кто это таков и почему имя такое странное. Я не говорила, что у Нинки какая-то странная мания контролировать меня?

Анто-о-он. Ну, и почему его нет? Хотя вообще-то он часто прогуливает, но мне все равно интересно! Алло, гараж, давай передвинь свое туловище поближе к универу, а еще лучше — к аудитории 3-05, в которой мы сейчас сидим и слушаем про международное уголовное право. Я хочу тебя увидеть.

Мое любопытство было удовлетворено — светловолосый парень в своей дурацкой темно-зеленой толстовке все же явился на вторую пару в самом конце перемены, и в начале занятия, когда отмечалась посещаемость студентов, был удостоен сердитого взгляда Денисыча, имевшего острую память на то, присутствовал ли тот или иной учащийся на его лекциях или посмел прогулять.

Но я даже обрадовалась, когда увидела, как наконец этот дурак тихо заходит в аудиторию и садится через две парты от меня и Нинки. Пока подруга весело щебетала с несколькими девушками и той самой Олей, которая посоветовала пойти к Альбине, я помахала рукой Антону. Ну, раз мы провели ночь в одном доме, то почему бы теперь не общаться?

Он поймал мой взгляд и кивнул мне с улыбкой. Я облегченно вздохнула — все же живой. Надеюсь, он уже забыл Нину. С ней парню, бедненькому, не светит ничего, кроме большого количества разочарований. С его слабохарактерностью, которая точно имеет место быть, лучше не слышать недобрых и язвительных замечаний подруги.

Интересно, почему этот Антон не хочет за собой следить? Ведь таким странным, неуклюжим и каким-то пыльным его делают именно внешние факторы: очки, одежда, странная прическа, обувь, нерасправленные плечи, словно на них находится тяжелый-тяжелый груз. Замкнутость, отгороженность от всего внешнего мира, неразговорчивость тоже не придают ему шарма. Но вот если бы его отвести к опытному стилисту и парикмахеру, да, еще и к тренеру в спортивный зал, парень вполне бы мог

стать довольно симпатичным.

Мне кажется то, как тебя воспринимают окружающие, зависит от того, как ты сам себя подаешь. Вот, допустим, на одной из последних парт сидит еще один мой одноклассник — Женя, которого острая на язычок Нинка зовет не иначе, как Мастер Прыщавого Дела. Я кучу раз говорила, что нельзя людей обзывать из-за их каких-то недостатков, но Нинка только отмахивается от меня, как от комара, и говорит: «Ты еще не знаешь, что эти людишки говорят про тебя или про меня». Так вот, этот Женя имеет кучу недостатков во внешности, в том числе и плохую, проблемную кожу, настоящую мечту дерматолога. Да и лицо у него круглое, несимпатичное, не слишком высокий рост и грубоватый неприятный голос. Зато Женя носит со вкусом подобранную одежду из дорогих модных магазинов, оптимистичен, весел, даже развязен, постоянно общается с девушками, ходит по различным увеселительным заведениям, а в последнее время активно приобщается к клубному делу и хочет стать диджеем — даже учится у кого-то. Он не умен, но всегда знает, что можно сказать преподавателю, даже если Жене незнаком материал. И этот парень в нашем потоке, несмотря на все свои недостатки, считается одним из самых популярных! Умеет человек приспосабливаться ко всему. А вот Антон не умеет, поэтому и незаметен. Поработать бы над ним, и...

— Крошка-кулема, — толкнула меня в бок Нинка острым локтем, — семинар начался.

Я тут же забыла об Антоне, и в моей голове поселилась только одна мысль: контрольная!!!

Первые сорок пять минут коварный Денисыч держал группу в напряжении, спрашивая ответы на вопросы по методичке, которую он сам и составлял. Я боялась, что препод доберется до меня, но, к моему большому счастью, этого не случилось. Во время вторых сорока пяти минут Натан Денисович, внимательно нас оглядев, рассадил по своему разумению. К моему большому сожалению, Нинка отправилась далеко — на первую парту. А я осталась сидеть на прежнем месте, обретя зато соседство Антона.

— Ты готов? — шепнула я, перегнувшись через парту, пока преподаватель раздавал задания.

Антон почему-то улыбнулся и помотал головой.

— И я, — грустно отозвалась я, — и даже не знаю, что делать.

— Не разговаривать, молодые люди, — подошел к нашему ряду преподаватель и положил на мою парту несколько листков с вопросами.

— Не бойся, — шепнул мне в спину Антон.

Расшептался. А я уже где-то слышала, как он говорит шепотом? Ладно, об этом я подумаю потом, нужно решать тесты...

— Приступаем, — посмотрел на наручные часы Натан Денисович. — У вас достаточно времени. Пожалуйста, не списывайте, иначе мне придется понизить вам баллы или попросить покинуть аудиторию. И помните, что в одном вопросе ответов может быть несколько.

Студенты одновременно вздохнули и с обреченным видом принялись за вопросы.

Всего их было около тридцати, и примерно половину из них я, кажется, знала. Но вот ту часть, в которой нужно было самостоятельно писать ответы, а не выбирать их из готовых вариантов, или решать задачи, я совершенно не представляла, как делать. Если только очень-очень отдаленно... Но, думаю, мои скудные знания по предмету преподаватель явно оценил бы не слишком положительно. Одна надежда у меня была на Нинку, которая, конечно же, что-то быстро строчила — ее прямая спина и спадающие на нее светлые густые волосы мне были хорошо видны.

Эх, не получится у нее передать мне записку с ответами. Наверное, писать будет по телефону. Но ничего, надеюсь, как-нибудь изощрюсь и спишу. С Денисычем у меня пару раз это прокатывало.

Студенты — народ изворотливый, а технический прогресс, принесший такое великое благо, как сотовая связь, очень помог ученикам средних и высших заведений в нелегком «списывательском» деле. Теперь даже на экзаменах у самых строгих преподавателей у каждого из нас была возможность списать, к примеру, с помощью наушников, блютуса или фотоаппарата.

К примеру, на прошлой зимней сессии наш курс сдавал один ужасный предмет, название которого мне даже вспоминать страшно — сразу перед глазами встает образ жуткой преподавательницы-академика. С виду она вроде бы совсем и не страшная: улыбчивая, но требовательная и решительная красавица женщина, которая была глубоко погружена в свой предмет и жить не могла без университета. Но именно эту преподавательницу все боялись так, как будто бы именно она была предсказанным Антихристом и несла на своих широких рукавах-крыльях конец света. Честное слово, эта женщина самый настоящий энергетический вампир, который питался и питается за счет своих студентов, трясущихся на каждом ее семинаре. Она выглядит на тридцать пять, хотя ей уже почти полтинник — вампиры всегда кажутся моложе, чем есть на самом деле. Еще бы, источник драгоценной жизненно важной энергии у Елены Яновны всегда под рукой! Целые аудитории!

Так вот, этой преподавательнице, любящей с вежливой улыбкой подковырнуть студента и принизить его самомнение вежливыми словами, нужно было сдавать экзамен. Восемьдесят вопросов, куча труднозапоминающейся теории, множество дат, фактов и мелочей, которые нужно было знать. Даже Нинка была в легком шоке, что уж говорить о нас, простых смертных? В результате сотовый телефон выручил меня, а также еще добрую половину группы. В страшный день сдачи экзамена мы все пришли не только с большим количеством шпаргалок, отданных нам добрым предыдущим курсом, но и с наушниками от родных телефонов или блютусами. Те, кто заходил в аудиторию на растерзание Елены Яковлевны, умудрялись через смс-сообщения посылать друзьям-подругам вопросы, а те быстро (или не очень) находили на них ответы, перезванивали экзаменующимся и диктовали нужную информацию. Чаще всего почему-то диктовка происходила в туалете — в самом тихом месте, так сказать.

Сдающие же надевали только один наушник, а второй заталкивали за воротник, чтобы не возникло глупой ситуации, когда студент даже не сможет услышать препода. Провода удачно и незаметно тянулись под одеждой и прятались под волосами, звук в микрофоне был минимальным, поэтому наша дорогая Елена Яковлевна ничего не замечала. Она только удивлялась, глядя на то, как студенты строчат не отрываясь. Откуда ей было знать, что изредка кашляющие студенты боятся не успеть за словами диктующих? Кашель, кстати, становился единицей языка: прокашлять один раз означало «да», два раза — «нет».

В конце экзамена, кстати, случилась забавная вещь. Слава Богу, я уже получила законную четверку, а Нинка — пятерку, и мы сидели на первом этаже. Один из одноклассников, который использовал не просто наушники, а арендованный «жучок» телесного цвета, вставляемый в ухо, едва ли не слезно упросил меня поддиктовать ему ответы. Я согласилась. Подруга за компанию осталась со мной — в тот день она была очень довольная и почти что добрая.

Парень написал вопросы, я перезвонила ему и неспешно, громко и выразительно принялась диктовать текст. Этим же делом были заняты еще человек 6 или 7, разбросанных по всему длинному коридору. Уже шел пятый час вечера, в здании, где почти не осталось других студентов, кроме нашей группы, было относительно тихо и спокойно.

Пока я диктовала, в экзаменационной аудитории скучающая Елена Яковлевна, склонив голову, наблюдала за студентами, только что поставив очередной трояк.

— Скучно с вами, — проговорила она, — даже не списываете.

Едва она произнесла это, как дверь открылась, и удивленному взору студентов и преподавателя предстал наш декан. Оглядев гневным взглядом моих одноклассников, он выдал:

— Что тут творится? Елена Яковлевна! Тут все списывают!

— Как списывают? — подняла тонко выщипанные брови преподавательница. — Не может быть, я за ними слежу.

— Да им диктуют по телефону все! — едва ли не взвизгнул незваный гость. — По всему университету сидят и диктуют! Даже в туалетах!

В результате оба преподавателя заставили всех поднимать волосы — но никакого результата не получили. Догадливые студентки и студенты попрятали наушники в воротниках, а телефоны в карманах.

Сдали этот предмет все. К счастью.

Жаль, сейчас я не додумалась про наушник...

А другие пишут, кстати? Или я одна дура?

Украдкой я оглянулась на Антона: он задумчиво глядел на свои вопросы и, кажется, отчаянно хотел спать. Ну и что за отношение у него к учебе? Ладно, это его дело... А вдруг он работал ночью? Он вообще где-нибудь работает? Может быть, поэтому его часто нет на занятиях? Я на время отвлеклась от учебы. И в голову теперь лезли всякие дурацкие мысли касательно Антона. Может быть, он так однообразно и по-идиотски одевается, потому что у него не вкуса нет, а нет достаточного количества денег? И из-за этого он работает днями и ночами, и еще и учиться пытается. Бедняга. Надо же, сколько вместе учимся, а я ничего не знаю о нем. Надо бы у нашей старосты Татьяны спросить насчет Антона — эта девица все про всех знает, к тому же если у чудика тяжелое финансовое положение, он должен получать материальную помощь...

Пока я думала, прошло минут двадцать, и от мыслей меня отвлекло звонкое цоканье Нинкиных шпилек. Она самая первая справилась с контрольной и положила на стол преподавателя свои листки.

— Можете идти, — благосклонно принял ее работу Денисыч.

Когда она скрылась за дверьми, Натан Денисович на всю аудиторию сказал:

— Учитесь у студентки Журавль. На моих лекциях болтает, зато все контрольные и тесты на высшие баллы пишет. Удивительная девушка.

— Бывают странные блондинки, — хмыкнул кто-то из парней на задних рядах, и работа вновь закипела.

Мое сердце стучало сильнее — раз подруга вышла, значит, скоро напишет смс. Надо незаметно вытащить телефон, чей звук я заблаговременно выключила, положить на колени и ждать сообщения...

Давай, Ниночка, напиши мне, иначе я завою от ужаса...

Подруга не подкачала (и как только она такими длинными ногтями так быстро строчит эсэмэски?), и уже через пару минут я, кося глазами вниз, читала ответы. Господи, сделай так, чтобы Натан Денисович не увидел моих списываний, он же меня на куски разорвет. Я по максимуму закрыла лицо падающими прядями волос, чтобы он не увидел моих косящих вниз глаз, и продолжала читать. Изредка поднимала глаза, чтобы убедиться, что препода сидит на своем месте. Сегодня, ко всеобщему удивлению, он был не слишком придирчив и слегка задумчив. Я бы даже сказала, что Денисыч пребывал в почти добродушном настроении. Пока не случилась катастрофа. А произошла она по моей вине.

Я дочитывала последние слова уже в третьем по счету, длиннющем, на двенадцать листов, сообщении, как всего лишь одно неверное движение ногой, и мой идиотский телефон, заскользив по капроновым колготкам, вдруг грохнулся на пол. И не куда-нибудь, а в проход!

Отвратный звук соприкосновения мобильного и поверхности пола раздался на всю аудиторию. Студенты мигом повернули голову в мою сторону, а преподаватель привстал со своего места и заспешил к проходу.

— Так-так-так, и кто тут такой ловкий? — зацокал он языком, узрев аппарат сотовой связи. — Ну я же сказал — не списывать! Вы же не первый курс, неужели не понимаете простых истин! Уважаемые, вы должны были все выучить!

Одногруппники молчали. Они явно так не считали.

— Ладно бы, хотя бы с бумажных шпаргалок списывали, так нет, перешли на технику! — возмущался Натан Денисович. — Обленились, коллеги! Чей это телефон? Немедленно покиньте аудиторию. Будете мне сдавать все темы устно во время консультации. Ну, чье это?

Я уже открыла пересохший от ужаса рот, чтобы попросить прощения, как меня опередил Антон.

— Это мое, — тихо произнес он, вставая как ни в чем не бывало. Засунул в рюкзак свои вещи, подобрал телефон, всучил несколько оторопевшему Денисычу полупустые листки с заданием и ушел. Просто свалил с моим сотовым к кармане, куда небрежно его засунул под гул одногруппников. Одни были очень удивлены поведением обычно тихого и неприметного Антона, другие под шумок начали списывать, но Натан быстро это дело пресек: и списывание, и шум.

— Ничего себе. Даже не извинился! — покачал головой преподаватель, глядя на дверь так, словно бы за ней скрылся не обычный учащийся вуза, а фашист с гранатой. — С этим молодым человеком у меня

будет крайне долгий и серьезный разговор, так ему и передайте! Так и передайте!

Я дрожащими пальцами дописывала ответ на последний вопрос. А в уме крутилась картинка того, что сделал этот чудик. Он точно ненормальный! Как он теперь зачет Денисычу сдаст? И зачем он так поступил? Меня пожалел? Решил отблагодарить? А я тоже хороша, сама не встала и не сказала, что телефон был мой. Вот же я тупица! Если бы я выучила материал, такого не произошло бы! Все было бы нормально! Бедный, бедный Антон, как теперь мне, жуткой трусихе, извиняться перед ним? Что делать? У кого спросить совета? Ну не у Нинки же... Или все же у нее?

Теперь мне стало совсем безразлично, как напишу этот никчемный тест. Я чувствовала себя виноватой, а стыд — это одна из самых ужасных эмоций, которые только может чувствовать человек, и сравнимый лишь со страхом. А мне было и страшно, и стыдно. Стыдно за себя, страшно за него. Может быть, мне подойти к Натану и все объяснить? Но тогда он подумает, что я покрываю Антона, и тому будет еще хуже.

Я сдала свою работу вместе со звонком и едва ли не бегом бросилась за дверь — искать Тропинина. В коридоре его не было. И куда мне идти? Он же не убежал под новую машину бросаться, правда?

Я искала глазами в потоке людей знакомую фигуру, но каждый раз либо путала Антона с другими парнями, либо не замечала вообще ничего похожего на него. Зато я наткнулась на старосту Таню, которая чопорно о чем-то разговаривала с одним из преподавателей. Подождав, когда ее разговор закончится, я тут же подбежала к ней.

— Привет, — улыбнулась Таня, — как контрольная? Что-то в этот раз Денисич совсем уж странные вопросы внес, да? Я на тринадцатый даже ответить не смогла.

— Ага, — кивнула я безразлично. — Слушай, Тань, это странный вопрос, но... известно ли тебе как старосте группы, есть ли у нас... бедные студенты?

— Бедные? — удивленно поглядела на меня девушка. — У нас все нормальные. А зачем тебе?

Наверное, от Нинки я заразилась вирусом вранья, поэтому легко солгала:

— Да я теперь журналист как бы... в студенческой газете, а Сеточкину, ну, главному редактору, дали задание из ректората — написать про не слишком обеспеченных студентов. Наш университет вроде как желает им оказать материальную помощь, а газета должна весь этот процесс осветить.

— Да? — загорелись глаза у Тани. — Здорово! Слушай, а как ты попала в газету? Сможешь меня взять?

— Я попробую, — осторожно пообещала я, — так что у нас со студентами? Есть ли кто из неблагополучных семей? Или с тяжелым материальным положением?

— Попробуй, Катюша, я очень хочу в газету! А, ты знаешь, у нас все примерно одинаково обеспечены. Вот в соседней группе, знаю, что у...

— А этот... Антон Тропинин — он не?.. — перебила я старосту, с некоторым трудом вспомнив фамилию чуда-юда.

— Тропинин? Нет, нормальный, — пожала плечами староста, — учится, как ни странно, на бюджетной основе, и как его до сих пор не выгнали — ума не приложу. Интересный он, конечно, неразговорчивый, тихий. Зато у него своя машина есть, — добавила неожиданно девушка.

— Да? — жутко удивилась я такому повороту событий. Взору почему-то предстали какие-то старые модели «жигулей» и «москвичей».

— Да, — кивнула Таня, — я сама видела, как он к универу в ней приезжал. Хорошая такая машина, дорогая, иномарка новая, только я марку не знаю — не разбираюсь в автомобилях.

— Может, он водителем работает? — предположила я, не в силах поверить, что этот мухомор умеет водить машину.

— Да ну, я пару раз его на машине видела. Думаешь, хозяин машины будет ждать, пока его водитель отучится и домой поедет? Это его машина. Так что Тропинин у нас очень даже хорошо обеспеченный студент. По машине же можно понять, что она недешевая, даже если и марку не знаешь... Ой, ладно, Кать, мне пора, сегодня еще в деканате собрание будет, и мне туда надо. А насчет газеты обязательно поговори!

И староста убежала, оставив меня в полном недоумении. Я села на лавочку, вытянула ноги и закрыла глаза. Нинки нет, Антона, который, оказывается, у нас водит машинку и не страдает, наверное, отсутствием денег, тоже нет. Телефона нет. Зато есть головная боль.

— Ты спишь? — раздалось вдруг у меня над головой. Я открыла глаза и тут же увидела Антона, который улыбался, держа два стаканчика с дымящимся кофе.

— Ты! — вскочила я, едва не задев один из пластиковых стаканчиков с горячей коричневой жидкостью.

Нет, вот мой спаситель, человек, взявший на себя чужую вину, а я, вместо того чтобы поблагодарить его, ору ему в лицо «ты!» и даже чуть было не сделала его счастливым обладателем мокрой одежды и пары-другой ожогов на груди.

Ничего не говоря, а только поправив очки, он сел рядом со мной и так же молча протянул кофе. Терпкий любимый аромат тут же заставил меня схватить стаканчик и начать перемешивать тоненькой ложечкой сахар.

Я столько всего хотела сообщить Антону, пока его искала. И о том, что он круглый дурак — раз совершил такой глупый и безрассудный поступок, и то, что не нужно это было делать ради меня, и слова препода я хотела ему передать, и кучу вопросов задать: и про тесты, и про машину, и про самочувствие — не хочет ли он, Антон Тропинин, еще раз под машину того... броситься? А теперь и не знала, что сказать, кроме скромной фразы, которую я и произнесла перед тем, как принялась за горячий кофе:

— Спасибо, Антон. Ты... ты меня здорово выручил. И за кофе — спасибо. — И мои пальцы сами собой стали дальше ложечкой перемешивать тающий сахар.

Да, я не вставляла в свою речь ветвистые украшения, и моя благодарность не была эмоциональной и горячей, зато я была искренна. Это Нинка, к примеру, стала бы рассыпаться в благодарностях и даже может быть, поцеловала в щечку, а час спустя могла уже забыть благовидный поступок и плести за спиной интриги против своего спасителя.

Правда, я была очень искренней.

Наверное, одноклассник понял меня, потому что он только чуть улыбнулся, кивнул и, сидя рядом со мной на лавке, отпивал из своего стаканчика, время от времени касаясь меня локтем — когда подносил кофе к губам.

Так мы и просидели всю перемену молча. Интересно, а почему он мне решил кофе купить-то? Откуда он знает, что именно этот напиток меня успокаивает и бодрит? Хотя я что-то преувеличиваю, ведь кофе — универсальное средство для тонизирования большинства населения Земли. Опять, Катя, ты напридумывала себе. Решила, что месье Тропинин — маг и экстрасенс вроде Альбины?

Ну в конце концов хорошо, что он заботливый. Пообщавшись с такими молодыми людьми, как Келла и Кей, я уж было думала, что подавляющее большинство современных парней эгоистичны, как три Нинки, вместе взятые. Хорошо, хоть Антон не такой. Заботливость — очень хорошее качество. По мнению моей бабушки, этот чудик был бы едва ли не идеальным кандидатом в мужья любой достойной девушке. Потому что самым главным критерием при выборе спутника жизни бабушка считала именно заботливость. «Самый лучший муж — это тот, кто будет крутиться вокруг тебя, Катенька, и делать все, что ты пожелаешь», — повторяла

родственница мне каждый раз, когда решала поговорить со мной по душам. Хорошо, что живет она в соседнем городе, иначе эти ужасные разговоры по душам повторялись бы через каждые два дня. А еще бабушка очень часто любила повторять, что «муж должен быть лишь немного красивее обезьяны». Антон определенно не красавчик, но все-таки лучше горилл и орангутангов. Хотя вообще-то в нем есть один, по мнению бабули, недостаток. Она считает, что, допустим, Нинке подойдет муж тихий и спокойный, чтобы она смогла его «подкаблучить», а мне вот, видите ли, нужен кто-то активный и смелый, подталкивающий вперед. Эх, бабушка, я вообще замуж не выйду...

За такими мыслями кончился кофе. Я покосилась на «почти что идеального мужа». Он не подозревал о моих мыслях и смотрел куда-то вдаль: сквозь большие окна напротив нас, сквозь деревья, чьи ветки еще не спешили распускаться, сквозь здание соседнего корпуса, в котором учись студенты-филологи и историки. Какие мы отстраненные!

Антон заметил, что я уставилась на него, и достал что-то из кармана.

— Вот возьми, — протянул он мне средство сотовой связи.

— А, точно, спасибо еще раз, — я быстрым движением запихала телефон в карман сумки, словно боясь, что Денисыч будет проходить мимо и догадается, что мобильник на самом деле мой. Нет, все-таки я должна удовлетворить свое любопытство и спросить у Антона, зачем он это сделал? Мало ему, что ли, проблем с учебой?

— Антон, — начала я, — можно вопрос? Зачем это тебе нужно было? Мне, конечно, очень приятно и все такое, но и неловко теперь...

Тот слегка повернул ко мне голову и задумчиво ответил:

— Не знаю.

Я ожидала чего угодно, но не такого ответа. Честно сказать, я думала, он поведает мне, как сильно благодарен за то, что я позвала его к себе в гости, помогла привести его в порядок и даже об одежде позаботилась, а вдобавок еще и с любимым художником познакомила. Еще одним вариантом его ответа в моей голове было что-то примерно вроде этого: «Ты очень хороший и добросердечный человек в отличие от своей подруги, и я сделал это, потому что ты успокаивала меня».

А он сказал: «Я не знаю»!

— Не знаешь? — озадачилась я. — Как это? Э-э-э... ну и ладно. Короче, тебе не стоило этого делать, потому что Натан обозлился. Сказал, чтобы ты в пятницу к нему пришел — устно сдавать все.

Одногруппник кивнул.

— Не боишься? Он же завалить может! Будешь ходить к нему и до

сессии, и во время, и после.

Нет, я не хотела напугать своего спасителя, просто моей целью было показать ему, что дела намного серьезнее, чем он думает. Натан Денисыч — это не дед Мазай. Если бы этот преподаватель оказался на месте этого легендарного дедушки, спасающего бедных зайчиков, а на месте ушастых, собственно, оказались мы, студенты, Денисыч в роли Мазая вообще никого бы не спас.

— Слушай, Антон, ты из-за моих кривых рук пострадал, так что я буду с тобой заниматься, и ты все выучишь! — не придумала я ничего лучше, хотя со мной заниматься — все равно что дырявой ложкой вычерпывать воду. — А если хочешь, мы пойдем к Денисычу и я во всем признаюсь. А?

Опять молчит. Да что же это такое? Я, как радио, трещу, а он не отвечает. Неужели до сих пор в шоке от собственного поступка? А может быть, он понял его безрассудность и теперь злится? Кто сказал, что такие чудики не умеют злиться. Я не хотела, чтобы он сердился на меня.

— Антон, — потормошила я его за плечо, — ну не злись! Я ведь не заставляла тебя это делать, и я даже не знаю, с чего ты вдруг сказал Натану, что телефон твой.

— Я не злюсь, — ответил спокойным тоном одnogруппник, — я задумался. Не бери это в голову — все хорошо. — Заметив мой удивленный взгляд, он опять едва заметно улыбнулся и добавил: — Правда. У меня все будет нормально. У тебя, кажется, телефон звонит.

Ох, точно! Засунутый в сумку мобильник глухо заиграл всемирно известную «Лунную сонату», которую несовременная я поставила на звонок, отвергнув настойчивые попытки Нинки засунуть в мой телефон очередную песенку ее «Красных Лордов» и «На краю».

— Да? — поднесла я трубку к уху.

— Написала, клуша? — услышала я родной голос подруги.

— Да, Ниночка, спасибо тебе большое, — как можно более веселым тоном начала говорить я, — я даже не знаю, что бы я делала без тебя! Спасибо!

Об инциденте с телефоном и Антоном я говорить ей не стала. Во-первых, рядом сидит сам Антон, которому наверняка не захочется, чтобы я рассказывала о нем и его поступке девушке, отвергшей его. А во-вторых, Нинка начнет ехидничать и обязательно высмеет или меня, или его, или нас, вместе взятых, еще и Денисыча приплетет.

— Ты должна еще раз поблагодарить меня, — самодовольно сказала девушка, — я забрала наши вещи из «Горизонта». Хорошо, что твой номерок был у меня.

Это я хорошо помнила, только вот самой мне ехать в клуб не хотелось.

— Молодец какая.

— Не слышу слов благодарности!

— Спасибо еще раз тебе большое-пребольшое. Я даже не знаю, что бы без тебя делала.

— То-то же, — хмыкнула Нинка, — и, да, твой номерок был у меня — пока ты на ленте ворон ловила, я достала его из твоей сумки. Катя, ты такая простая, я даже удивлена, что тебя до сих пор не облапошили или не обворовали!

— Обласкала, — проворчала я, — я что, по-твоему, совсем дура и разиня?

— Да, — ответила подруга. — Ладно, Катька, пока, мне тут отец по второй линии звонит. Не зевай.

С этими словами подруга отключилась. Виктор Андреевич очень не любил, когда на его звонки не отвечали.

— Что-то у меня сегодня день Большого Спасибо, — повернулась я опять к Антону, — всех благодарю, благодарю. Я дура? — почему-то спросила я и подумала, что, если чудик ответит положительно или опять скажет: «Не знаю», я обижусь и ударю его.

— Нет, — к своей радости, услышала я и неожиданно сама для себя сказала:

— Пошли гулять?

Глядя на озадаченное лицо дурачка Антошки, я едва не засмеялась. Может быть, я первая девушка, которая куда-то по собственной воле приглашает этого парня. Или первая девушка, которая просто с ним нормально общается и разговаривает. И кстати, да, у меня такое чувство, что у него романтических отношений никогда не было, а представительниц женского пола он побаивается. Представляю, сколько он мучился, перед тем как подойти к Нинке, жестоко открывшей ему правду.

— Пошли, — вновь предложила я, — я тебе куплю все, что захочешь, ну, почти все. В знак благодарности! Хочешь, в кино сходим, по магазинам пройдемся...

Стоп, какие магазины? Он же парень.

— По центру пройдемся, — поправила я, — можно в парк зайти. Кстати, тут неподалеку экстрим-парк открывается, можно туда зарулить.

— Ну... пойдем. А когда? — тихо спросил одноклассник.

— Когда хочешь, — пожала я плечами, — хоть сейчас, хоть вечером.

— Вечером я занят, может быть, сейчас?

— Сейчас так сейчас! — обрадовалась я. Как раз мне нужен

свободный вечер — на вторник домашку сделаю, а то я совсем об учебе не забочусь.

Таким образом, и свершилась мечта идиота. Я и Антон пошли гулять по городу. Хорошо, что наши одноклассники разбежались кто куда после учебы и не видели нас вместе. А то слухов бы было... И дошли бы они до Нинки, а уж она мне бы устроила. Наверное, самой первой ее претензией было бы то, что я, общаясь «с третьесортными людьми», порчу ее замечательную репутацию. Да и мало ли что эта сумасбродка могла бы еще придумать.

Из здания университета мы вышли молча, и эта молчаливая неловкость меня порядком раздражала. Парень, расслабься, ты же даже дома у меня был, чего стесняешься-то? Надо что-то сделать, чтобы разрушить эту тишину.

— Слушай, — медленно спросила я, когда мы неспешно шли по широкому проспекту, — ты там точно не обиделся? Если что — ты мне должен сказать.

Антон кивнул. Ух разговорчивый ты наш. Жаль-жаль, что рядом со мной этот зайка-чудик, а не тот лже-Антон, которого мои родственники недавно описывали Нинке. У их коллективного сознания вышел классный образ. Татуировка, серьги, клевая прическа, бездна обаяния и харизмы, стильная одежда... Не парень, а идеал, блин. Почему их враки не воплотились в жизнь? Почему я впервые за пару лет иду гулять с парнем, которых моя сестренка Нелька ласково называет «отстойниками»? Хотя, если подумать, я же его не на любовное свидание пригласила, а на дружескую увеселительную прогулку. Иметь парня-друга — это очень заманчиво. Конечно, лучше всего иметь друга-гея, но, боюсь, Антоша все-таки обыкновенный, а менять свою ориентацию ради моих безумных идей вряд ли станет. Нет, но друг-гей мне очень нравится...

Что-то я опять много думаю. Надо моего рыцаря развлечь.

— Слушай, хочешь мороженого? — настойчиво продолжала я. — А чего-нибудь выпить? Ну, я имею в виду не алкоголь, а то так странно слово «выпить» звучит... В общем, ты пить хочешь? А может быть, я тебя в кафе свожу, например? Здесь классная пиццерия есть. Итальянская.

— А ты хочешь? — спросил он у меня.

— Хочу, — ничего не имела я против пиццерии, — пошли?

— Пошли.

Да, оратором тебе не стать. Интересно, это он меня начал так вдруг стесняться или по жизни такой?

— Это классная пиццерия. Самая лучшая в городе, — нахваливала я

заведение, которое называлось «Гранд пицца» и располагалось как раз в непосредственной близости от нас — через дорогу, на первом этаже модного торгового центра, где я встретила как-то Его Кеевское Высочество, — там очень уютно и столов много, поэтому никогда не надо ждать, когда освободятся столики.

Мы пересекли дорогу (я проследила, чтобы Антон вдруг опять не бросился под какую-нибудь машинку) и вошли в торговый центр, по которому туда-сюда сновали желающие обзавестись покупками. Пиццерия располагалась недалеко от входа. Сейчас за стеклянными дверьми, среди чудесных запахов, витающих в воздухе, за прозрачными столиками сидели несколько семейных пар с детишками, компания развеселых друзей-школьников, явно прогуливающих занятия, и две влюбленные пары, которых в весеннюю пору становится больше, чем собак нерезаных. Я с некоторым недовольством посмотрела, как один из молодых людей нежно поцеловал свою девушку в висок, а потом стал гладить по лицу и губам, и отвернулась. Не люблю таких откровенных нежностей на людях.

Я выбрала один из столиков около большого прямоугольного окна, занавешенного тонкой невесомой шторкой, кинула свою сумку на один из четырех удобных и мягких стульев, а сама уселась рядом. Антон расположился напротив меня, и я сразу же всучила ему меню, лежащее на столике.

— Заказывай все, что хочешь, — щедро распорядилась я, чувствуя себя едва ли не бароном, решившим накормить целую деревушку. Хорошо, что щедрый Леша подкинул мне денег на карманные расходы. Правда, втайне от сестрицы и братика, иначе он бы точно разорился.

— Что хочу? — неторопливо листал яркое меню парень.

Рюкзак он скромно поставил под ноги. Замарает же собственную вещь. Пока он возился с тем, что ему выбрать, я подняла его сумку, чтобы поставить на соседний пустующий стул. А довольно тяжелый у него рюкзачок, объемный. У меня бы руки умерли таскать это целый день. А чудик носит, и хоть бы хны. Выносливый, однако. Почему даже самые слабые с виду мужчины сильнее девушек?

Нет, ну что Антон там, интересно, таскает? Явно не учебники и методички. С ними этот дружок не заморачивается, несмотря на типичную «ботаническую внешность». По-моему, у него вообще одна тетрадь на все предметы сразу, а в библиотеке он ничего и никогда не брал. Не понимаю — зачем нужно рюкзак тяжеленный брать в университет, если в нем всякий посторонний хлам болтается. Из-за своего любопытства я попробовала сунуть туда нос — благо рюкзак был наполовину раскрыт. Единственное,

что я успела увидеть, — огромные черные наушники, длинные тетради с потрепанными листками и что-то темное, напоминающее вверх ботинок. Подробнее мне рассмотреть не удалось — наглые руки Антона вырвали рюкзак и вновь поставили в район между ногами и ножками стола.

— Ты чего? — удивилась я реакции одноклассника. Я же помочь хотела, а не стащить его драгоценность!

— Не надо, — был мне короткий ответ.

— Э-э-э... извини. Глупо вышло — я хотела как лучше. На полу-то запачкается.

— Все в порядке. Там вещи для работы, — словно извиняясь за свое поведение, негромко произнес Антон.

— Понятно. Решил, что будешь? — поинтересовалась я, делая вид, что ничего не произошло.

Антон кивнул и отодвинул меню на середину стола.

— Кофе.

— Все? А дальше? — уже встала со своего места я, чтобы подойти к прилавку.

— Спасибо, это все.

— Как все? — удивленно произнесла я. — Э, я же угощаю! Пользуйся моментом! Заказывай кучу всего — Катя сегодня щедрая.

— Но...

— Без но! — попробовала я скопировать командный Нинкин голос, но у меня плохо получилось.

Добрых десять минут мне пришлось его уговаривать, как маленького.

— Антон, — устало приводила я аргументы, — я тебя пригласила в пиццерию, чтобы отблагодарить за твой поступок. А ты меня обижаешь, раз ничего не хочешь. Ну не стесняйся, а? Думаешь, у меня денег не хватит? И вообще я есть одна не могу. Я буду лопать, а ты мне в рот смотреть, да? Хочешь, чтобы я давилась, что ли? Немедленно закажи что-нибудь.

В результате Антон сдался и сказал, что будет есть все, что буду я. Я обрадованно потрепала его по голове (это вызвало подозрительный взгляд) и в хорошем настроении пошла делать заказ. Глаза мои просто разбегались: круглые пиццы всех сортов (даже вегетарианская имеется!), равиоли, спагетти с соусами, фокаччо, паста, салаты, десерты, напитки.... И столько всего хотелось заказать сразу! Ладно, гулять так гулять. В порыве щедрости я заказала кучу всего, явно копируя Нинку, и официантка, молодая девушка, наверняка подумала, что мы с Антоном жуткие обжоры.

— Эй, — крикнула я однокласснику, задумчиво смотрящему в

окно, — помоги мне все это унести!

Сама я схватила то, что были способны унести мои руки, и направилась к столу, где мы расположились, сосредоточенно глядя перед собой. Не дай Бог свалиться.

Антон только коротко кивнул, молча встал и подошел ко мне. Ну почему он такой неразговорчивый? Или это я во всем виновата? Неужели я выгляжу так, что со мной никто и разговаривать не желает? Да нет, вроде остальные же не гнушаются бесед со мной. Просто этот чудик странный. Не хочет ни с кем общаться. С одной стороны, это правильно — только раскрой кому-нибудь душу, как в нее обязательно плюнут. А иные не просто плюнут — их в нее, душу, еще и стошнить может.... А кто-то вообще может воспринять душу как унитаз. Катя, что за мысли! Ты же пришла пообедать!

Я поставила на столик только что испеченную горячую пиццу «Пепперони», салаты и пасту на подносе и возвратилась обратно — расплатиться. Надеюсь, Антон сможет утащить все остальное. Ага, вон он идет, нагруженный. Молодец парень.

Кстати, на какую сумму вышел мой заказ? Может, мальчику заказать пиво — пусть побалуется. Глядишь, опьянеет с одной бутылки (я уверена, он алкоголь употреблял только по праздникам в семейном кругу), стал бы веселым и разговорчивым. Вот мой дядя как выпьет лишнего, так становится настоящей находкой для шпиона. Болтает так, будто лет двадцать пять рта раскрыть не мог.

Но тогда, когда я вернулась к прилавку, оказалось, что расплачиваться мне уже не нужно.

— Сколько с меня? — спросила я официантку в желтом фирменном фартуке, доставая деньги из кармана (кошельками я принципиально не пользуюсь — мне с ними неудобно).

— Нисколько, — улыбнулась девушка, обнажив ровные зубы.

— Как это? — удивилась я. Халяву я люблю, но ведь бесплатный сыр бывает только в мышеловке, верно?

Официантка тут же поспешила меня обрадовать. С улыбкой до ушей она выдала:

— А, вы, оказывается, наш тысячный клиент, девушка. А каждому тысячному клиенту — бесплатный заказ! Поэтому поздравляю вас! Приятного аппетита!

Откровенно говоря, я слегка прибалдела. Чего-то раньше я о таком не слышала... Да и не тот я человек из круга избранных счастливицов, которым везет всегда и везде.

— А почему у вас по этому поводу даже и объявлений никаких не висит? — Спросила я, сама понимая, что голос у меня удивленный, а вид — озадаченный.

— Девушка, все бесплатно, не сомневайтесь! Идите к столику. Вам сейчас принесут еще и специальный подарок!

— Какой такой подарок? — широко открыла глаза я. Шутит, что ли?

— Увидите, — многообещающе проговорила работница пиццерии, а ее помощник, невысокий парень, тоже одетый в форменную одежду заведения, закивал головой и, улыбаясь, добавил:

— Спасибо, что пришли в нашу пиццерию! Мы всегда будем вам рады.

— Да не за что, — растерялась я. Сидящая неподалеку парочка — те двое, что в порыве страсти приросли друг к другу, тоже улыбались — они слышали наш разговор. И чего радуются? Завидовали бы, что сами не стали этими тысячными клиентами. Я вообще об этой акции впервые слышу!

— Девушка, поторопитесь к вашему спутнику, подарок скоро будет, — опять сказала официантка, — это, кстати, ваш друг, да?

— Не друг он мне, — хмуро поглядела я на спину Антона, — так, одноклассник.

С этими словами я пошла к чуду. По-моему, он без меня подпитывать свой почти что выросший организм точно не начнет. Английский кокер-спаниель моей подружки Насти никогда не ест в одиночестве, кстати. Антоша тоже такой, что ли?

— Ты представляешь, — села я на свое место, — тут все бесплатно!

— Как это? — удивленно произнес он, подняв на меня свои серые глаза, закрытые массивными очками в толстой оправе.

— Мы — тысячные клиенты, — радостно поведала я, — представляешь? Слушай, нас само Провидение притащило в эту пиццерию! Меня еще нигде бесплатно не кормили! Я Нинке расскажу — не поверит, знаешь какая она обжора?

Блин, да что же я все время вспоминаю его несчастную любовь? Я прикусила язык и для порядка пару раз назвала себя дурой.

— Почему не поверит? Ты рада, что нам так повезло? — глядя куда-то в район моей макушки, спросил парень. Он воспринял эту новость совершенно спокойно, как будто бы в любом заведении, куда он приходил, ему давали подарки и скидки.

— Естественно! А здесь еще и подарок обещали... Жизнь почти что чудесна! Знаешь что? — проникновенно поинтересовалась я.

— Что?

— Надо было побольше заказывать... раз бесплатно, — сообщила я ему с улыбкой и расхохоталась. Мое настроение все повышалось. Быть везунчиком — это круто.

— Заказывай, — кивнул мне однокурсник.

Ели мы молча, изредка я только развлекала своего молчаливого и очень аккуратного собеседника своими восторженными отзывами о том или ином блюде. Тот, впрочем, был куда более сдержан, чем я. Да и я сама не часто была столь эмоциональна и восторженна. Ниночка подтвердит — обычно в обществе роль восторженной девочки-ангела с глупенькими милыми глазками исполняет она.

А потом нам принесли подарок. Как у меня глаза на стол не вылезли и не поселились среди тарелок, я не знаю.

Улыбающиеся официанты во главе с администратором пиццерии — молодящейся ухоженной женщиной в строгом костюме, выстроились вокруг нашего столика и под неизвестно откуда-то появившуюся музыку преподнесли необычный квадратный белоснежный торт, украшенный взбитыми сливками, тертым шоколадом, кусочками фруктов и большим количеством сахарных лепестков. Смотрелся он просто офигительно — других слов у меня на тот момент не нашлось.

— Для наших дорогих тысячных посетителей! — улыбаясь, проговорила менеджер. — Спасибо, что посетили наше скромное заведение! В подарок — торт «Шокомикс». Шоколадный бисквит, пропитанный коньяком, украшен миндальными перьями, свежей ягодой и фруктами в сочетании с ванильным муссом и шоколадным декором! Наслаждайтесь! И почаще приходите в наше заведение со своим молодым человеком!

И они все громко захлопали, включая и посетителей, которых заметно прибавилось. Все эти незнакомые аплодировали нам так радостно, будто мы им только что по миллиону рублей подарили. Приятно, конечно, только раздражает, что одноклассника опять приняли за моего парня! Что за странности творятся вокруг меня? Это что-то типа намеков судьбы?

— Спасибо, — только и оставалось кивнуть мне. Антон тоже кивнул — только он ничего не произнес. Тоже, видимо, обалдел от того, что нас обозвали парочкой. Он вообще мальчик застенчивый. Даже меня в этом переплюнул.

— А вообще вы можете заказывать все, что пожелаете, дорогие и почтенные гости! — сказала администратор и хлебосольно развела руками. — Все для вас. Абсолютно!

— Да-да, что вы хотите? — тут же склонилась около Антона та самая

официантка, которая сообщила мне радостную новость о халяве.

Футболка с довольно большим вырезом, надетая под фирменный желтый фартук, слегка обнажила то, что некоторые называют женскими прелестями. Длинные темные волнистые волосы касались руки молодого человека, ее восхищенные глаза уставились на него так, будто бы Антон был мистером Вселенная. Вот что значит получить выигрыш! Давай, милый, не теряйся, попроси у нее телефончик, что ли. Поговори, сделай пару комплиментов... Мой одноклассник ничего из этого делать не собирался. Только сказал, что хочет кофе без сахара и без сливок. Девушка побежала исполнять его указание, а прочие работники сферы питания с улыбками удалились по своим делам, успев разрезать нам торт. Честно сказать, я даже и не знаю, как нам его съесть, потому что я больше вообще есть не хочу, да и Антон, по-моему, тоже. А оставлять-то жалко.

Я проводила официантку, виляющую бедрами, взглядом и тут же наклонилась к Антонову уху и жарко зашептала, касаясь губами его волос:

— Ты чего! Надо было с ней позаигрывать!

— Что? — отпрянул парень от меня. — С кем?

— Да с ней же, — метнула я взгляд в сторону ушедшей, — попроси у нее телефон. Слушай, если тебе тяжело с девушками общаться, то ты должен это из себя искоренить, а то будешь аналогом старой девы. Старым девам.

— Я не боюсь девушек, — посмотрел Антон на меня в упор, подумал и почему-то добавил — хотя нет, боюсь некоторых.

— Вот видишь, — обрадовалась я, — а этой красотке ты понравился, так что отбрось все комплексы и...

— И что? — очень странно взглянул на меня парень.

Вот же безголовый. Точно девам останется, старым и занудным.

— Она тебе нравится, правда? — зашла я с другой стороны. Девушка эта вполне симпатичная, с отличной фигурой и обаятельной улыбкой.

— Нет, не нравится.

— Как это? — удивилась я, забыв, что больше не могу есть, и засунула в рот кусочек торта. Он оказался просто великолепным! Нелька и Нинка съели бы его за пару минут.

— Я не знаю ее. Как она мне может понравиться? — продолжал говорить глупые вещи одноклассник.

Вот, вот поэтому у него девушки и нет! Я права — в женском поведении он совсем ничего не понимает. Не знает он ее, видите ли! А по внешности определить, нравится ли официантка ему или нет, не судьба? Этот вопрос я и задала Антону, прожевав торт. И получила довольно

странный ответ.

— Человек не может понравиться одной лишь эффектной внешностью, — задумчиво проговорил он таким тоном, словно был не Антоном Тропининым, тихоней и малозаметным типом, а гордым красавцем, разочаровавшимся в жизни и в людях, — важно то, что у человека здесь, — и он приложил чуть сжатую в кулак ладонь к левой стороне груди.

— Вот здесь? — спросила я, повторяя его жест и удивленная таким длинной и сложной фразой, услышанной мною из его уст.

— Внешность может быть обманчива. Что она может рассказать о человеке? То, что он или она хотят показать, — вот и все, — все так же задумчиво продолжал он, подперев подбородок рукой: — И не всегда понятно с первого взгляда, кто этот человек: демон или ангел. Даже в зеркало стоит глядеть с долей осторожности — вдруг там ты разглядишь собственное лицо?

— И ужаснешься, — ехидно произнесла я.

Философствующий Антон — это почти как... как... Кей, подающий милостыню у церкви. О, опять мне этот умник в голову забрел. Такое чувство, что мой мозг стал сборной помойкой для мыслей о всяких неприятных личностях.

— Может быть, и так.

— Нет, по внешности о человеке можно сказать многое! — уперлась я и решила привести в пример все того же Кея, — допустим, знаю я одного неприятного типа. Да, первые полчаса или даже час я думала о нем очень хорошо, потому что он мне помог. К тому же он был красив и... и... популярен, а эти факторы очень сильно влияют на женские сердца, поверь. Зато потом я точно поняла, что он за фрукт. Наглый, самоуверенный и даже немного гнусный.

Вообще-то я не думала, что светловолосый фронтмен «На краю» сильно уж гнусный. Просто словечко мне это нравилось.

— Он — как прогнившее внутри красивое яблоко, выращенное с помощью усилителей роста. А вот ты — человек хороший, хоть и со странностями, — возомнила я себя великим психологом, — и приятный.

О том, что Антон похож на дачные яблоки, может быть, невзрачные, но вкусные и экологически чистые, я добавлять не стала.

— Вот ваш кофе, — появилась в этот момент официантка, чьи губы были теперь подкрашены яркой помадой, а глаза подведены.

Странно, только что этого всего не было. Зацепил ее, однако, мой одноклассник! Не хилая у него, видимо, харизма. А видок скучный,

неприметный. Может быть, он сам яркий пример того, что внешность обманчива?

Заигрывания симпатичной работницы пиццерии не принесли должного успеха — Антон, не обращая на нее внимания, стал пить кофе. Девушка обиделась. А я обрадовалась. Позлись-позлись. Он, наверное, ни на кого другого смотреть не может из-за моей подружки. Так втрескался в нее, что другие девушки ему и не нужны. В таком случае вот это у него любовь! Сильнее привороженной.

Мы еще немного посидели в этом уютном месте, я развлекала его многочисленными байками о том, как мой папа портит жизнь всем окружающим. Особенно Антону понравился рассказ о том, как Томас рисовал Чуню.

— Тотем папа задумал очень давно, но все никак не мог его нарисовать — видите ли, у него не было особенного состояния души для подобных экспериментов! А под один из Новых годов, когда я еще училась в школе, в классе в девятом, его вдруг посетила какая-то необычная муза. И Томас не отрываясь рисовал Чуню почти трое суток в своей мастерской. Там же он спал и ел. Точнее, забывал это делать, и мы с сестрой приходили к нему по два раза в день, чтобы накормить его обедом и ужином. На четвертый день папа поволок картину домой. Ты же видел Чуню? Красавец, правда? А теперь представь, Томас идет с ним по улице, улыбается сам себе, шатается от усталости: три дня подряд почти без перерыва рисовать — это большой напряг и для тела, и для мозга. Особенно для мозга — иначе папа что-нибудь нормальное бы изобразил, а не колобок после атомного взрыва. Значит, папа идет-бредет в темноте около самого нашего дома и наталкивается на патруль. Милиционеры подумали, что он пьяный, и захотели забрать его в вытрезвитель. Они Томаса останавливают, просят дыхнуть. Папа, соответственно, дышит — а спиртным-то от него не пахнет. Тогда они подумали, что он — наркоман. А папа начал свои права качать: «Вы что, с ума сошли? Какой я наркоман? Я художник!». Они ему говорят для прикола: «Докажи, мужик». А он им в нос Чуней тычет: «Это, — говорит, — оборотень с душой человека в мировом пространстве! Романтики только твердили о некой душе мира! А я ее изобразил!» — тут я очень хорошо передразнила папу, и Антон улыбнулся.

— Менты от Чуни прибалдели, обозвали облезшим мутантом и решили, что папа не просто наркоман, а со стажем. И под белы ручки его подхватили. Он стал от них отбиваться — и нашего лупоглазого Чуню уронил в снег. Томас едва ли не зарыдал, вырвался и быстрее на колени встал, чтобы картину от снега отряхнуть. Хорошо еще, наш пенсионный

рейд обход вверенной ему территории совершал — они папу и спасли.

— Как? И что за рейд? — заинтересовался Антон. Ему нравились истории про Томаса.

Я захихикала и сначала поведала ему о старичках-рейнджерах, а потом продолжила:

— Пенсионеры папу увидели и тут же к ментам подбежали, чтобы узнать, за что они Томаса взяли. Стражи говорят: «Этот гражданин наркоман!». А Семеновна ему в ответ: «Он не наркоман, а сектант!». Остальные тут же подхватили: «Точно, он сумасшедший! Видите, опять какой-то богомерзкой пакости прям на коленях молится! Перед людьми, на улице! Как не стыдно только!» А Томас в это время Чуню отряхивал, так и не вставая со снега. Староста тогда был немного поумнее, чем сейчас, и поведал милиционерам, что мой родственник — знаменитый художник со слабой психикой, который, по мнению старосты, увлекается магией и оккультными науками. И только после всего этого папу отпустили, и он притащил домой Чуню...

Я много чего рассказывала Антону, и он внимательно меня слушал, глядя прямо в глаза. Честно сказать, его внимание мне нравилось. И он сам — тоже.

А потом мы решили покинуть гостеприимную пиццерию. Вернее, я решила. Потому что устала сидеть, да и говорить без умолку тоже не было моим амплуа, а вот Антоша был совершенно аморфный — просто слушал меня, наверное, я его заболтала.

Торт, естественно, мы так и не доели, и мне было его безумно жаль.

— А ведь он такой вкусный, — протянула я, глядя на причудливо украшенный прямоугольник из чудесного бисквита, — как бы его с собой забрать? Хотя даже если заберем, он у нас помнется или вообще испортится.

Антон залпом допил остывший кофе и произнес:

— Я возьму еще? — и указал на пустую чашечку.

— Бери, — пожала я плечами. Я ему про торт, он мне про кофе. Ему, кстати, не надоел этот напиток? Или он хочет походить на одного известного французского писателя, чье имя я не помню, обожающего кофе. Мне про него всезнающая Нинка рассказывала. Этот дядька за день выпивал до пятидесяти чашек! А Антошка сколько кофе в день пьет? И зачем оно ему нужно? Организм посадить хочет в таком молодом возрасте, что ли? Прочитать ему нотацию надо бы... Вот опять возвращается с очередной порцией!

— Я допью и пойдем.

Я кивнула и уже хотела открыть рот, чтобы начать разглагольствовать про вред этого напитка, как перед нами предстали сразу две официантки, улыбки которых были абсолютно американскими: широкими и глупыми.

— Вы не доели тортик, — затараторила одна, оглядывая наш прозрачный столик.

— Поэтому наша пиццерия предоставляет вам как нашим лучшим клиентам услугу...

Когда мы это лучшими клиентами успели стать? Да я тут в жизни от силы раза четыре побывала! Но девушка продолжала:

— Услугу, по которой в следующий раз, когда вы придете к нам, мы снова бесплатно подарим вам точно такой же торт! Вот вам особенный сертификат!

И мне, ошалевшей совершенно от такого наплыва бесплатной еды и подарков, в руку была засунута простая бумажка с печатью и росписью администратора, которая махала нам рукой от стойки. Ничего себе тут обслуживание! Катя в шоке! Нинка мне не поверит, пока я ее сюда не притащу!

Из пиццерии мы вышли, провожаемые всем обслуживающим персоналом. Даже повара в белых колпаках вышли из своей кухни.

— Антон, я в шоке, — то и дело оглядывалась я на приветливо улыбающуюся физиономию — логотип пиццерии, который украшал фасад здания.

— Просто нам повезло. А сертификат возьми себе, хорошо? Я сладкое не люблю.

— Точно? — я растерянно посмотрела на Антона снизу вверх.

— Да.

— Нет, ну повезло же нам! — возликовала я. — Слушай, это ты такой удачливый, что нам сегодня повезло?

— Я похож на везунчика? — спросил Антон.

Честно говоря, не очень. Скорее на немного побитого жизнью щенка похож, с грустными серыми глазами. Но ответила я другое:

— Откуда я знаю — похож или нет! Но сегодня у нас с тобой определенно классный день! — я в шутку ткнула его в плечо.

И мы шли, щурясь от яркого солнца, куда-то вперед. В такой день неплохо погулять с собственным парнем, но и этот дурачок сойдет. С ним хорошо молчать. Вот с Нинкой молчать плохо — если подруга молчит, а не тарыхтит, значит, она или обиделась, или обозлилась, или придумывает очередную пакость.

— А пошли в кино? — вдруг предложила я, увидев перед нами

оранжево-красное здание кинотеатра, увешанное афишами.

— И поторопилась добавить: — За мой счет. Деньги-то у меня остались. В пиццерии все было бесплатно — значит, я тебя еще не отблагодарила. Пошли?

— Пошли, — двинулся следом за мной Антон.

— А я тебе не надоела?

— Нет.

Это хорошо, помучаю тебя еще немного.

Уже поднимаясь по широким ступеням, ведущим к главному входу, я почувствовала знакомый запах попкорна. В моей голове сидели стойкие ассоциации: кинотеатр без этого сладковатого запаха полноценным кинотеатром не будет. Попкорн — некая таинственная атрибутика подобных заведений, которую обязательно нужно покупать перед просмотром фильма.

— А ты в этом киноцентре был когда-нибудь? — поинтересовалась я.

— Пару раз.

— А с кем? — тут же нетактично спросила я.

— Один.

— Один? Слушай, если тебе не с кем идти в кино или там еще куда, ты не стесняйся, я в любое время смогу пойти, хорошо? — подергала я Антона за рукав. Он не ответил, но мне показалось, что обрадовался.

Оставив вещи в раздевалке, мы поспешили к кассам. Народу было совсем немного: основная масса любителей кино была на работе или на учебе. Это время — когда первая половина дня едва-едва заканчивается, было моим самым любимым. В залах зрителей немного, все сидят далеко друг от друга, никто почти не кричит, не шуршит, не выкрикивает глупые фразочки.

— Куда пойдем? — прильнула я к стеклу, за которым сидели операторы.

Выбор фильмов был довольно большой: много комедий, фэнтези, слезливые мелодрамы, над которыми можно в свое удовольствие порыдаться. Хотя я плакать не желаю — лучше бы посмеяться. Комедия — то, что нужно.

— А куда ты хочешь? — вежливо спросил Антон.

— А ты куда? Только не говори, что тебе все равно, а то я буду думать, что у тебя нет собственного мнения!

— Раз так... тогда ужасы, — выдал он мне, кивая на черный постер с милым изображением пары мертвяков, чьи кровожадные руки тянулись к запуганной девушке со светлыми волосами, — ну как?

Вот балбес, а? С девушкой, особенно такой, как я, только и смотреть ужастики. Мало меня ими Нинка пугает, так теперь и он решил. Молодец, что тут еще скажешь?

— Ужасы так ужасы, — вздохнула я, мрачно разглядывая мертвецов, — посмотрим их.

— Наверное, ты не хочешь? — вдруг решил проявить что-то вроде участия Антон.

— Хочу.

Парень проявил несвойственную себе осведомленность касательно женского пола:

— Кажется, девушки такие фильмы не любят. Извини, я не подумал.

— Любят, — упрямо произнесла я, — а когда кажется — тогда крестятся.

— Но...

— Пойдем брать билеты, — перебила я одноклассника. Может, ему другие жанры кинематографа не по душе? А на ужастиках он душой расслабляется. И вообще он ведь меня спас, значит, он и выбирает! Будет сегодня первой скрипкой в нашем маленьком дуэте.

— Пойдем, — покорился моей воле Антон.

Я долго и придирчиво выбирала места в одном из залов, глядя на маленький экранчик перед собой, который показывал расположение мест в нужном нам зале кинотеатра. Выбор был большой, а когда выбор большой, я имею свойство теряться.

А тут еще мужик, стоящий рядом, принялся, глядя на нас, давать тупые советы:

— Последние места — для поцелуев. Туда и берите. Слышите? Эй, парочка! Парень, скажи своей девушке про последний ряд! Берите туда!

— Сами берите хоть на потолке места, — процедила я сквозь зубы. Какие еще поцелуи? Пусть он, дядька, идет и целуется с кем хочет — хоть сдохлыми кошками.

Я назвала оператору ряд и кресла, стараясь не обращать внимания на приставучего мужика, которому явно было скучно. Работница кинотеатра выделила места красным — и экран стал показывать, что они заняты. Ну, слава Богу, почти купили билеты. Девушка за стеклом назвала сумму, но только я вновь вытащила чуть измятые купюры из кармана, как увидела, что Антон опережает меня и протягивает в полукруглое окошко пятитысячную купюру.

— Стой, — схватила я его за руку, — это я плачу.

Он укоризненно на меня посмотрел, подозрительно легко отодвинул в

сторону и получил билеты, а также сдачу, забыв взять мелочь. Зато ее сгрэбла я и вручила Антону, небрежно запикивающему деньги в карман джинсов. Не зря Таня-староста говорила, что он небедный! А я его еще жалела!

— Ты забыл, — протянула я ему монеты.

— Я не люблю мелочь, она теряется.

— Возьми немедленно, — рассердилась я, — или мне тебе это в карманы самой запихать?

Он вздохнул и принял мелкие деньги. Хотя не сильно они были и мелкими — железные десятки и пятерки. Кому как, а я их за мелочь не считаю.

В конце концов, приобретя билеты на центральный, девятый ряд, мы отошли от кассы, уступив место какой-то обнимающейся парочке. Вот они-то точно на последний ряд усядутся и там будут заниматься друг другом. А мы идем кино смотреть, а не глупостями страдать.

— Зря, парень, на последние ряды билеты не взяли, — весело сказал нам в спину мужик, — там парочке удобнее всего, я же говорю! Опыт — сила!

И он захохотал.

— Мы не парочка, — злобно бросила я, не поворачиваясь, схватила Антона, как всегда, за рукав и поволокла на второй этаж — там как раз располагался наш зал.

— Удачного просмотра, парень! — не унимался мужик. — Я в тебя верю!

— А я верю, что ты вылечишься от маразма, — очень тихо сказала я, так чтобы мужик не услышал. В случае чего не думаю, что Антоша меня сможет защитить от этого бугая. Хотя... кто знает. Фигура у него вполне ничего, как я выяснила дома.

— Ну, — хмуро взглянула я на своего спутника, — пошли за попкорном, что ли? И его куплю я, ясно?

— Как тебе угодно.

В почти что пустой зал мы, держа два сладких попкорна и колу с трубочками, пришли вовремя — как только мы не без некоторого труда нашли наши места, свет погас, а из громких динамиков раздалась скрипящая музыка, наполненная таинственностью и мрачностью. Ну, сейчас начнется «трупная веселуха». Я уже успела ознакомиться с аннотацией к фильму, и меня она не впечатлила. Эх, Антон, Антон, не умеешь ты все-таки в девушках разбираться.

Мы расположились в мягких глубоких креслах, и я с удовольствием

вытянула ноги. За что я люблю этот кинотеатр, так за то, что здесь большие проходы между рядами, и если ты сидишь всю ночь на нон-стопе, то конечности не затекают, и подгибать их каждый раз, когда кто-то пробирается мимо тебя, тоже не нужно.

Начался фильм с того, что два полудурка и блондинка, скучая в загородном особняке, в который они невесть как попали, решили прочитать заклинания из какой-то книги. Мозговым центром в этой троице, видимо, была блондинка, поэтому читать они стали не что иное, а черномAGICESкие тайные слова для поднятия мертвецов. Зачем им это в месте, далеком от кладбища, понадобилось и кто вообще всучил им такую ценную книжечку, ума не приложу. Они, наверное, ждали, что покойники к ним припрутся на огонек и развеселят своими потусторонними байками.

— Спасибо, — шепнула я внезапно парню — он наклонился ко мне, чтобы лучше слышать, и я коснулась кончиком носа его волос, — ты опять за меня заплатил.

Да, этот наглец вновь опередил меня! Ох как я была зла, но поделаться уже ничего не могла, к тому же одноклассник отказался принимать от меня деньги и, по-моему, даже слегка рассердился.

— Ты же девушка, — ответил мне он с полуулыбкой, но прищурив серые глаза.

Эх, рыцарь ты мой. Не иначе, как Антон Тропинин — вторая реинкарнация души Дон Кихота.

— Я чувствую себя в долгу, — призналась я молодому человеку.

— Все в порядке. Ешь.

Я послушно засунула в рот попкорн и стала смотреть на широкий экран. Трое героев, так и не дождавшись мертвецов, уснули сном праведника. Они ни о чем не подозревали. А восставшие жители потустороннего мира с ближайшего кладбища коварно пробирались к их дому. Путь они проделали длинный и за время своего путешествия уколошили кучу ни в чем неповинного народа. Крови и вывернутых наизнанку внутренностей в фильме было немало. Нинка пришла бы в восторг.

Не то чтобы я сильно боялась, но неприятно было — это да. Фильмы ужасов и триллеры — не самый мой любимый жанр. Смотреть на реки крови, отваливающиеся куски плоти и прочие гадости удел Нинки, а не мой. Я больше люблю романтические комедии. Старомодно, наверное, но изредка я люблю пересмотреть какие-нибудь старые фильмы типа «Цыпочки» или «Десять причин моей ненависти».

Да, мой одноклассник-чудик — странный человек. Недаром он даже

не вздрогнул, когда пришел ко мне в гости и услышал утробный металлический голос, возмущающийся тем, что его потревожили. Человек Железные Нервы.

Антон, почти не мигая, глядел, как полуразвалившийся труп бежит, издавая какие-то кряхтящие звуки, за миловидной блондинкой, почему-то одетой только в нижнее белье. Она визжала, труп хрипел, а один из молодых людей, вызывавший мертвецов вместе с блондинкой, сидел в машине и круглыми от ужаса глазами наблюдал за этой дивной картиной и подбадривал девушку словами вроде: «Давай быстрее, твою мать, он сожрет тебя» и «Беги, беги, беги! Я здесь!» Третий член их маленькой компании сидел около забора рядом со своей откушенной головой, которую операторы долго показывали крупным планом. Ну и гадость, хочу я сказать. А Антону нравится. Сидит как ни в чем не бывало и ест попкорн. Нинке бы тоже понравилось! Может, зря она его отшила?

Эх, как было бы здорово сейчас оказаться на хорошей, желательной романтической комедии рядом с симпатичным молодым человеком, который обнимал бы меня за плечи, держал за руку. Почему-то сразу вспомнился менеджер группы «На краю». С этим импозантным красавцем я бы три нон-стопа подряд сидела в кинотеатре! Ну, и его подопечные, конечно, тоже неплохой вариант. Хотя с Келлой, по-моему, лучше вообще не связываться, а Кей до такой степени высокомерен, что с ним было бы элементарно неприятно. Просто уверена, что он выбрал бы какой-нибудь скучный фильм с пафосно-драматическим уклоном, чтобы показать, что он высокоинтеллектуальный человек, чье ай-кью запредельно высокое! А на всех прочих фильмах этот валенок с крутой прической сидел бы и бухтел, высказывая свое драгоценное мнение по поводу любых мелочей. Нет уж, лучше с Антошкой посидеть. Он хотя бы молчит.

На экране лились кровавые реки. Живой осталась только одна блондинка, которая неизвестно как смогла сесть на авто и уехать, оставив трупы своих друзей в одиночестве. Я потянулась за колгой, воткнутой в ручку сидения, и в самых лучших традициях наткнулась на руку Антона, который, естественно, именно в этот момент тоже захотел попить. Катя, ты непроходимая идиотка! Твоя кола торчит не слева, а справа от тебя!

— Прости, — извинились я, убирая ладонь от пальцев парня, — я перепутала.

— Пей, — протянул он мне высокий прохладный стакан.

— Нет-нет, это же твой... У меня свой стоит справа.

Он улыбнулся и вновь принялся смотреть на происходящее на экране. Девица благополучно сматывалась в город по ночному шоссе. Трупы

неспешно шагали за ней, прячась в рядом расположенном лесочке. Как они узнали, куда именно направила свои изящные стопы блондинка, я понятия не имею. Наверное, по запаху догадались.

Какой идиотский сюжет. Перепуганная блондинка приехала в большой город, думая, что оторвалась от преследователей, и ничего лучше, чем отправится к ночной клуб, она не нашла! У нее же только что два друга детства на тот свет отправились, а ей хоть бы хны. Сама жива — и ладно! Даже Нинка на ее месте расстроилась бы и немного погоревала.

Следующие пятнадцать минут ничего интересного не происходило. Только кто-то в зале громко ржал в задних рядах. А потом, в самый разгар вечеринки, где человек пятьдесят, в том числе и героиня, встретившая своего парня, танцевали под занудную музыку и курили травку, стали происходить удивительные события. В клуб ворвались трупы и тут же с большой радостью принялись всех убивать. Когда один из мертвяков снес голову какой-то темнокожей девушке, а потом вставил в шею, из которой фонтаном хлестала кровь, бутылку пива, мне стало жутко неприятно: все снималось крупным планом. Я даже вздрогнула и чуть не уронила свой попкорн на пол — хорошо еще, что у растяпы Антона была на удивление хорошая реакция — он спас мое лакомство, подхватив его в воздухе.

— Ты что? — спросил удивленно мой сосед. — Тебе страшно?

Нет, что ты, мне жутко весело. Такое чувство, что мертвяки вот-вот и выпрыгнут на меня.

— Тебе страшно, — уверенно заявил Антон. Он скорее всего вдруг почувствовал свое превосходство над девушкой. Ну и забавный же он парень!

— Мне не страшно, мне неприятно, — с неприязнью смотрела я на еще одну кровавую расправу. — Вот так и ходи по клубам...

Молодой человек вдруг протянул мне руку — ладонью вверх.

— Чего тебе? У меня нет мелочи, — пожала я плечами, вспомнив одну из многочисленных дурацких шуточек Нинки. — И мы уже поздоровались вроде.

— Возьми меня за руку, тебе не будет так страшно, — серьезно сказал Антон, не опуская руки. А что, собственно, я потеряю, если позволю чучеловской ладони себя коснуться. И я выполнила его просьбу.

— Не бойся. Если что, закрывай глаза, — дали мне совет, больше подходящий маленькому ребенку, а не студентке.

Я почти что с уважением поглядела на однокурсника. В тихом омуте черти водятся! Надо же — так вот взял и предложил влегкую почти посторонней девушке свою руку в темном кинотеатре. Или это только в

фильмах показывают, как мальчики и юноши мнутя, пытаясь коснуться своих пассий? Антон — второй молодой человек, с которым я потащила в кинотеатр, но не он, а его предшественник боялся взять мою руку. Или это со мной что-то не так?

Кстати, он оказался прав — как только мои пальцы оказались в его ладони, я перестала бояться — я вообще перестала думать о фильме, и даже душераздирающий вой, который оказался вовсе не воем, а странным языком мертвяков, меня не задевал. И все потому, что мои мысли перескочили на Антона.

Боже, Нинка умерла бы, если увидела меня с ним! А от чего бы она отбросила копыта быстрее, я даже не знаю: от хохота или от злости. Иногда подруга похожа на заботливую мамочку-сваху и пытается найти мне подходящую, по ее мнению, вторую половинку. Но вкусы у нас абсолютно разные, и поэтому все ее любовные предприятия оканчиваются крахом.

Я и не заметила, как уснула, а моя голова не нашла ничего лучшего, как склониться к плечу Антона и успокоиться на нем. Спала я беспокойно и иногда просыпалась, медленно открывала глаза, а потом вновь закрывала их, чтобы забыться и отрешиться от ужасного кино и не менее дурацкой жизни. Иногда мне казались странные вещи: вместо динамичных оров и писков в фильме я слышала чей-то далекий красивый голос, а иногда мне казалось, что кто-то гладит меня по волосам, осторожно касаясь, чтобы не разбудить. Это было очень приятно.

Мой сон кончился с особенно диким воплем на экране. Я резко распахнула глаза, увидела впереди себя клыкастое склизкое личико темно-коричневого цвета (зомби как-то побурели и сгнили за время своих странствий, что ли?), которое нежно улыбалось, словно позировало для обложки «Космополитена». Я машинально сжала пальцы так и держащего меня за руку Антона. Он повернулся ко мне, и его лицо было так близко от моего, что это показалось мне неприличным и странным. Давай-давай, отвернись...

Я подняла голову от его удобного плеча, едва не задев его подбородка своим лбом, и зевнула.

— Я это... — следя за происходящим на экране, сказала я, — заснула. Прости... Сама от себя не ожидала.

— Ничего. Спи дальше, Катя.

Я отказалась, хотя не против была бы поспать еще немного. Удобно, однако, на мужском плече дрыхнуть. Хотя вообще-то не на каждом плече будет комфортно располагать головушку, так что Антошка может гордиться собой.

— Скоро конец, да? — радостно спросила я. — Что тут произошло? Блондинку убили?

— Нет, — покачал головой Антон, — она и еще пара человек до сих пор живы.

— Жесть, — всплеснула я руками, увидела, что у Антона закончился попкорн, и протянула ему свой, — кушай, деточка, я больше не могу, — всучила я ему в руки коробку. Пусть ценит. Нинка вот своей законной едой никогда не делится, тем более с парнями.

— Спасибо, — так осмелел рядом со мной молодой человек, что даже не стал жеманиться и, отводя взгляд, говорить, что он ничего не хочет.

— А можно, я опять прилягу? — поинтересовалась я, тоже нагледя прямо на глазах. Нинка бы мной гордилась.

Антон кивнул и опять погрузился в мир мертвячного ужастика. Так мы и досматривали фильм, держась за руки, как влюбленная парочка. Зато я была довольна — если закрыть глаза, то можно представить, что рядом находится совсем не мой странный одноклассник, а менеджер Андрей, который мне ну очень нравился, или и вовсе парень моей мечты — а такой у меня был, как, впрочем, почти и у любой девушки. Надо бы подружиться с Антоном и почаще с ним в кино ходить, что ли?

Я, попивая свою теплую теперь колу, уже почти с равнодушием следила за кровавой драмой на широком экране. Из-за блондинки полегло довольно много людей, а она сама и ее друзья прятались где-то в подвалах клуба, отбиваясь от атак нежити. По телефону они позвонить никуда не могли — связи тут не было, а вот почему они вместо того, чтобы выбраться из здания, забрались в его подвалы, где, кстати говоря, находился цех по производству американской поддельной валюты, я так и не поняла. Хотя если блондинка опять взяла на себя руководящую роль, я уже ничему не удивлюсь.

Кончилось доброе кино тем, что умершие в начале фильма приятели блондинки явились по ее душу в виде свеженьких прямоходящих трупов, причем один из них нес свою голову в руках, и эта часть его тела умудрялась насвистывать песенку. Новоявленные мертвецы с легкостью расправились с остатками людей, и лишь оставшаяся до сих пор в живых блондинка и ее парень, которые были щедро перемазаны кровью, словно купались в ней полдня, умудрились переместиться в канализацию. Армия трупов побежала за ними в погоню. Молодой человек, который еще недавно веселился и курил легкие наркотические вещества, вдруг героически решил спасти девушку и с лицом истинного мученика принес себя в жертву зомби. Пока они его разрывали на кусочки, блондинка

сбежала. Конец меня поразил. Девушка выбралась на свежий воздух, мертвяки, переговариваясь между собой, ловко выпрыгнули вслед за ней, но тут же были каким-то невероятным образом истреблены тремя крутыми парнями, представившимися членами группы ОСИНА. Расшифровывалось это так: «Особая Служба Избавления от Нежити и Антисуществ». Антисущества, как я поняла с подсказки догадливого Антона, как раз и были эти самые ожившие трупы. Блондинка, не долго думая, вступила в эту странную организацию и пообещала бороться с «этими проклятыми тварями», как будто не она сама была виновата в их восстании на данном участке. Наверняка создатели этого шедевра планируют очередное продолжение. Это очень жестоко по отношению ко мне. Несмотря на незамысловатый сюжет, ничем не оправданной жестокости, крови и оторванных кусков тела здесь было предостаточно, чтобы это кино понравилось Нинке. А если оно ей понравится, очень возможно, что она будет смотреть и пересматривать его в моем присутствии.

Когда свет в зале вспыхнул, я очень обрадовалась и даже спросила Антона:

— Ну, как тебе фильм?

— Средний, — ответил он мне.

— А, по-моему, глупый и жестокий. Но многоэмоциональный, — выбралась я первой из прохода. — Я сегодня, может быть, буду спать со светом. Если смотришь фильм дома — не так страшно, честно сказать.

— Ну, он был немного смешным, — высказал свою точку зрения парень.

Я аж остановилась и развела руками.

— Где? Где он был смешным?

— Аккуратней, — раздался капризный голос какой-то девушки. Кажется, я попала ей по плечу. Что ж, перенимаю лучший Нинкин опыт!

— Извините, — тихо сказала я, опуская руки. Когда я прошу у кого-то прощения, подруга мне говорит: «Ты еще поклонись!».

— Извините! — оказалось, я сбила с девушки шарфик, и теперь она была очень недовольна. — Надо смотреть, что делаешь!

Вот же скандальная дура! Я же попросила прощения. И не надо на меня повышать голос.

— Если бы ты мне по прическе попала? — все тем же противным голосом говорила она, скептически осматривая меня с ног до головы.

— Ну ведь не попала же, — пришлось ответить мне. Блин, неловко перед Антоном — выставила себя клушей в очередной раз.

— И радуйся, что не попала, — поправила сложно закрученные

волосы девушка-скандалистка, — знаешь, сколько эта прическа стоит?

Три рубля она стоит, знаю. Сама, наверное, дома делала, а теперь выпендриваться решила! Нет, ну что за люди? Я же извинилась! Возникает так, как будто я ей по шее треснула или по голове, выбив последние мозги!

— И вообще кто ты такая? Что ты на меня так смотришь? — уловила мой озлобленный прямой взгляд эта наглая девица.

Антон, который молча стоял рядом со мной, решил, наверное, оставить меня одну, потому что пошел вперед, по направлению к раздевалке, и в это же время парень, проходивший между ним и моей врагиней, почему-то потерял равновесие, споткнулся и вылил на девушку, жаждущую скандала, целую банку холодной колы.

Как же она заверещала! Она орала, визжала, одновременно принялась стряхивать с нежно-розовой кофточки и волос сладкую воду и попыталась ударить парня по щеке. Но этот замечательный человек с боксерской ловкостью уклонился и обозвал ее нехорошим словом.

— Пошли? — позвал меня Антон, чуть улыбаясь.

— Ага... пошли.

На улицу мы вышли почти в шесть часов вечера. Почему-то стало теплее, домой совершенно не хотелось, и я тут же предложила еще немного прогуляться. Антон согласился, и мы опять бесцельно отправились бродить по знакомым и не очень, улицам.

— Слушай, я хочу кое-что спросить, можно? — сказала я ему, когда мы проходили мимо нашей местной достопримечательности — мимо компактной, но искусно выполненной статуи Аполлона, изящного молодого человека в греческой тоге, с золотой кифарой в руке.

В городе существует поверье, что если приложить ладонь к плоскому корпусу этой самой кифары, постоять так немного и загадать желание — оно обязательно сбудется. Прошлым летом я тоже хотела так сделать, но со мной была Нинка, и она мне этого не позволила, заявив, что «все это глупые суеверия, какие-то умники решили приколоться и придумали эту прибаутку, теперь наблюдают за такими, как ты, и веселятся!»

— Конечно, — ответил Антон.

— Может быть, сядем на лавочку? — указала я на одну из свободных лавочек неподалеку от статуи. Почти все они были заняты гуляющими горожанами, которым захотелось вылезти из дома в этот теплый вечер, но прямо перед нами она из лавок освободилась.

— Какой у тебя странный вопрос, — ответил Антон, присаживаясь рядом со мной.

— Да нет же, я хотела спросить у тебя о тебе.

— Это как?

— Ну, обыкновенно — пожала я плечами, — Расскажи о себе, — мы же все-таки одноклассники и все такое. — Что такое, я уточнять не стала.

— А что ты хочешь знать, Катя? — спросил он.

— Расскажи мне о своей семье? О себе?

— Обо мне скучно рассказывать. Родился, вырос, живу.

И умничаю — забыл добавить. Ну что ты такой стеснительный, когда не надо!

— Ну, Расскажи про родственников. Моих-то ты знаешь, даже познакомиться успел, а я про твоих ничего не слышала, — продолжала я гнуть свою линию.

— Даже и говорить нечего. У меня не такая хорошая семья, как у тебя. Обычно я живу с отцом. Он бизнесмен, занимается своим делом. Его практически не бывает дома.

— Поэтому у тебя есть машина? — не сводила я с него глаз.

— Откуда ты знаешь? — недовольно спросил Антон.

— Староста сказала, — призналась я, — сегодня.

— Понятно. Да, есть. Я редко ее беру. А еще у меня есть мать и брат, но они живут отдельно от нас.

— Ты скучаешь по ним? — тихо спросила я, зная, что жить отдельно от мамы — тяжело. Почему-то мне вдруг показалось, что и ему одиноко жить с вечно занятым отцом.

— Нет. С отцом жить куда удобнее.

Я не стала спрашивать почему. Поторопилась перевести тему:

— А чем ты больше всего любишь заниматься? Какое у тебя хобби?

Этот вопрос заставил Антона задуматься.

— Пишу стихи, — наконец ответил он, — это глупо?

— Нет. Почему ты считаешь, что это глупо? — удивилась я искренне. В нашей семье отношение к самовыражению и к творчеству, как к его продукту, было почти священным.

— Мне кажется, мои стихи — не самые лучшие стихи. Далеко не лучшие.

— Думаю, тебе стоит судить не по своему мнению, а по мнению других, — рассудительно сказала я. — Если хочешь, я когда-нибудь прочитаю их, — добавила я, интуитивно зная, что Антон не тот человек, который будет давать свои стихи кому попало. А с ним мы только еще начинаем общаться. Может быть, когда-нибудь потом.

Он кивнул мне, а я принялась уверять его, что писать стихи парню — это совсем не глупо, а напротив, очень здорово. Я люблю творческих

людей.

— Кстати, мой папа тоже писал стихи. Еще в школе. Показал их как-то классному руководителю, а она вызвала в школу его маму, то есть мою бабушку. Томас пишет стихи еще хуже, чем картины, — поведала я старую семейную байку.

Парню явно стало смешно.

— Он создает чудесные вещи, — отозвался он. — Кать, и почему я раньше не знал, кто учится со мной в одной группе?

— С тобой учится всего лишь дочь современного полусумасшедшего художника, — улыбнулась я в ответ, все-таки польщенная. — И если применить к прилагательному «чудесные» синоним «неадекватные», то я соглашусь.

— Почему ты называешь отца по имени? — спросил Антон, перехватывая у меня инициативу в задавании вопросов. — Не папа, а Томас?

— Мы так привыкли. Томас очень демократичный. Он и сам хотел называть бабушку и дедушку по имени — у него на почве авангарда крыша совсем поехала, ну, ты заметил. И лет в восемнадцать, когда он уже учился в Санкт-Петербургской академии художеств — да-да, его туда приняли на свою беду — тогда Томас и решил называть своих родителей по именам. Бабушка этого не стерпела и побила его тапкой. По крайней мере Томас жаловался на это однажды одному из друзей... Мол, не знал, что обычная тапка может причинить столько ущерба! А Леша все никак не хочет признавать, что он не молодой мальчик, а взрослый мужчина. Не хочет быть дядей. Хотя у нас разница в возрасте около десяти лет. Смешно будет, если я его буду дядей звать, правда?

— Наверное, так, — согласился Антон. Он не был многословен, но слушал внимательно, с большим интересом.

— К тому же он — бывшая модель и помешан сам на себе, — продолжала я. — А Нелли требует называть ее сестрой по-японски. С ума сойти. Но, знаешь, я решила, что если у меня будут дети, они будут звать меня, как и положено — мамой, а не Катей или Катриной.

— Почему так? — внимательно посмотрел на меня Антон.

— Я хочу быть консервативной. Может быть, в пику родственникам. А может быть, сама по себе такая. Я хочу хорошую, нет, правильнее будет сказать, нормальную семью, — задумчиво отозвалась я. — Знаешь, мне не хватает этих слов. Мама, папа.

— Наверное, ты будешь хорошей мамой.

— Не знаю. Я хочу быть строгой, но понимающей, — призналась я.

Антон задумчиво стал разглядывать лазурное чистое небо.

— Катя, знаешь, когда ты рассказываешь мне про своих родственников, мне становится тепло.

— Тепло? Почему? — удивилась я и поняла, что мне самой тепло и уютно находится с этим странным человеком в устрашающих очках. Ну и что, что очки? Зато у него глаза красивого чистого серого цвета. А Антон продолжал:

— Я всегда мечтал о двух вещах. И второй моей мечтой была именно большая, крепкая семья.

— Вот как?

— Да. И не важно, как ты называешь своего отца: папа или Томас, важно, что он тебя любит, а ты — его. Моя мать ни за что не позволила бы называть себя по имени, но, поверь, то, что я и брат зовем ее мамой, не делает ее мягче или добрее, Катя.

— Наверное, ты прав. А второе твоё желание?

— Пока не скажу, — Антон улыбнулся мне. — Когда оно исполнится — тогда обязательно узнаешь.

— Ну и ладно, — широко улыбнулась я в ответ. — Я не буду расспрашивать, хотя мне очень-очень интересно! И я хочу сказать тебе, что твои обе мечты станут реальностью! Катрина Томасовна гарантирует.

— Катрина? — удивленно переспросил парень.

— Это мое полное имя, не Екатерина, а Катрина, только не говори никому. Да, это Томас постарался, а еще он...

Мне не суждено было закончить эту фразу. Телефонный звонок перебил меня.

— Да? — схватила я трубку и вынуждена была отодвинуть ее от себя — так громко орала Нинка.

— Катя! Катя! Это катастрофа! — истерично вопила она.

— Ты чего, Нин? Что случилось? — испугалась я слегка.

— Катя! Эта сумасшедшая крыса Эльза сошла с ума! — надрывалась подруга.

— Эльза Власовна? — уточнила я.

— Да! Эта карга... эта свинья в бриллиантовых апельсинах, — задыхалась от избытка эмоций Нина, — ты знаешь, что она сделала? Что она удумала?

— Что? — естественно, не знала я.

— Жабa позвонила отцу и сказала, что ждет меня в гости, — с сарказмом произнесла Нинка, — но не одну. Эта старая перечница мечтает увидеть рыло! Ты представляешь!?

— Чье рыло? — не врубилась я.

— Не чье! А кого! Сумасшедшего идиота Келлу! Она ждет меня в гости с моим парнем Келлой, ха-ха-ха! Очень уж он ей в душу запал.

— Так в чем проблема? — покосилась я на Антона, который, кажется, заскучал — казалось, он полностью погрузился в себя. — Не ходи и все.

— Катя, ты знаешь, что такое практичность? — осведомилась Нинка. — Бабку нельзя обижать. И надо выполнять все ее капризы.

— Зачем? — устало спросила я, — ты же ее не любишь?

— Ее никто не любит, — буднично отозвалась подруга и проорала вдруг. — Наследство! Наследство, Катя!!! Она еще не знает, кому оставить все свои миллиончики! А я очень хочу быть ее наследницей!

— Слушай, — возмутилась я, — ну тогда иди к ней в гости! Чего ты орешь! Раз он ей так понравился, то ты должна быть, наоборот, счастлива. У тебя больше шансов будет на это самое ваше наследство! И вообще ты меркантильная. Подумай лучше о его чувствах.

— Да по барабану мне его чувства, — заявила Нинка.

— Ты его приворожила, — как можно тише прошептала я.

— Чего ты там бубнишь? Говори громче. И подумаешь, приворожился он. Отворожится, блин, гад ползучий! Дело не в этом. Отец решил, что с помощью синенького мы жабу и разведем. Мне теперь с ним... — голос подруги задрожал.

— Что с ним?

— Встречаться мне с ним придется. Вот уроду будет счастье, чтобы его лошадь взасос поцеловала. Ой, Катя, у меня батарея садится....

К моему несказанному счастью почти в этот же момент у Нинки отключился телефон. Любовь к деньгам эту сумасшедшую не доведет до добра. Это все Божье провидение все-таки — раз присушила себе Келлу, вот и встречайся с ним.

— Это Нина? — поинтересовался Антон. Какой догадливый! Я кивнула в ответ.

— Вы занимаетесь магией? — спросил парень.

— Ты что, нет, конечно, — удивилась я.

— А кого вы приворожили? — вновь поинтересовался он.

Вот же блин! Услышал все-таки.

— Да так, Нина ерундой страдает. Пойдем прикоснемся к кифаре Аполлона? — перевела я тему. Как раз в этот момент тройка девушек-школьниц со смехом дотягивались по очереди к музыкальному инструменту бога искусства и предсказаний.

— Чтобы загадать желание? — внимательно посмотрел на

веселящихся девчонок одноклассник.

— Точно! Ты загадаешь свое — то, которое ты не сказал. А я свое.

— А у тебя какое желание? — уже вставая со скамьи, которую тут же заняли мамочки с детишками, поинтересовался он.

Я хитро улыбнулась:

— А это тоже секрет! Пошли быстрее к богу!

Мы, как маленькие дети, побежали к величественной статуе наперегонки. Антон специально бежал медленно и даже остановился, чтобы я его обогнала.

— Мистер Галантность ты, а не Антон Тропинин! — засмеялась я, присматриваясь к Аполлону. Свою кифару он держал в вытянутой руке, как раз на уровне моего лица.

— Ты первая, — сказал он.

Я кивнула и почему-то добавила:

— А ты знаешь, что в Древней Греции на этом инструменте только мужчины играли? Ладно, я загадываю желание....

Я закрыла глаза, с трепетом приложив руку к стенке кифары, нагретой чужими ладонями и садящимся оранжевым солнцем, и произнесла про себя:

«Привет, Аполлон. Я — Катрина. Не знаю, с чего начать, да и времени у меня мало. Как ты понял — к тебе ведь многие приходят из-за этого — у меня... есть жаление. Оно... В общем — я хочу настоящей любви. Взаимной, искренней, красивой. Да, я глупая и восторженная девчонка, делающая вид, что любви не существует, но отчаянно пытающаяся найти свою вторую половинку. Но все-таки... Милый Аполлон, помоги, а? Затяни мои старые раны. Дай вместо надежды исполнение моего желания. Я никогда никому не говорила этого своего желания, но тебе я доверяю. Пусть хотя бы немного я буду счастлива, как дурочка из слезливых мелодрам с хеппи-эндами. Я хочу быть рядом с любимым и понимать, что счастье может быть даже в том, чтобы просто держать этого человека за руку. Помоги мне. Найди его для меня и дай знак, чтобы я поняла, кто это. И... спасибо, что выслушал».

На миг мне показалось, что сквозь закрытые веки я вижу златокудрый прекрасный лик греческого бога света и искусства, и в груди моей стало отчего-то тепло, как будто бы в область сердца падал теплый солнечный луч.

Я облегченно вздохнула.

— Все, — медленно, словно пытаюсь очнуться ото сна, открыла я глаза и уступила место Антону, все это время внимательно наблюдающему за

мной.

Он без промедления дотронулся твердой ладонью с широко раздвинутыми пальцами до кифары, но закрывать глаза не стал — просто смотрел не мигая вверх — на высокое небо, все такое же лазурное и чистое. Казалось, взгляд Антона пронзает сам небосвод, и у меня вдруг по рукам пробежали мурашки. Интересно, а что он хочет загадать для себя? Тоже любовь? Деньги вроде у него есть. Обычно ведь люди просят или взаимности, или хорошего материального положения. Хотя Тропинин не очень-то и обычный. Может быть, исполнения давней мечты? Или все же любви? Это было бы мило. Хотя, говорят, многие желают мести.

Я посмотрела в лицо Антона, теперь кажущееся мне очень милым. В груди стало еще теплее.

О чем же мечтает этот странный парень, пытающийся взглядом серых глаз пронзить небеса? Я еще очень долго не могла этого понять, да и сейчас я не знала, что Антон станет для меня одной из самых больших загадок в жизни. Загадкой, которую одновременно приятно и больно разгадывать.

Как только мой одноклассник и, надеюсь, будущий друг отнял пальцы от мрамора, так его мобильный зазвонил. Сначала я не поняла, что это именно его телефон — потому что заиграла какая-то ужасная тяжелая мелодия в лучшем стиле «На краю».

Антон извинился и отошел, чтобы поговорить. А через минуту вернулся и сказал со вздохом, в котором я уловила искреннее сожаление:

— Кать, мне пора на работу. Прости.

— Жалко, — немного расстроилась я, — но работа — это святое. Давай телефонными номерами обменяемся?

— Конечно.

Когда я забила его имя в свой мобильник, молодой человек произнес:

— Я буду звонить тебе иногда, хорошо?

— Конечно! — обрадовалась я. — А я тебе.

— Тогда договорились. Пошли?

— Куда? — удивилась я.

— Я поймаю тебе такси, — серьезно ответил Антон.

Я даже руками замахала. Только Нинка меня может изводить с частным извозом — это ее священная прерогатива! Но Антон так не считал.

— Катя, я хотел тебя проводить, но мне правда срочно надо быть на работе, поэтому садись в такси, хорошо?

Я и возразить не успела, как этот еще недавно скромный мальчик-нехочуха остановил машину, переговорил с водителем и открыл передо

мной дверь. Мне ничего не оставалось делать, как сесть в нее.

Уже находясь в автомобиле, я оглянулась на возвышающегося над всеми Аполлона, а в голове сама собой возникла вдруг строчка из творчества «На краю», которое мне частенько приходилось теперь слушать. Видимо, эти слова я не только слушала, но и слышала:

Мы были готовы упасть друг за другом
В самую бездну, в мир тьмы непроглядной.
Пока ты со мной, я никем не запуган,
Пока в яме ты — не вернусь я обратно.

На небо. Где ждут меня белые крылья.
Ведь ангел не может любить чудищ ада,
И, убивая себя от бессилья,
Я буду с тобой, хоть кричишь ты: «Не надо!».

— Хороший у вас молодой человек, — сказал вдруг водитель женским голосом, когда я провожала глазами одинокую фигуру Антона.

— А? Да мы просто... друзья. — Мигом записала я парня во френд-зону.

— Вижу, как вы просто, — по-доброму усмехнулась водитель, — молодец, что не за внешностью гонишься, девочка.

— Да я вообще никуда не гонюсь.

Я же не водитель, мысленно добавила я. И не гонщик.

Я переживала, что все получилась так... нелепо, что ли? Хотела отблагодарить Антона за его утренний поступок, а он заплатил за меня везде где только можно!

— Сразу видно, что твой парень заботливый и приличный, — продолжала женщина-шофер, лихо выруливая из переулка, — не то что его сверстники. Кто не пьет, тот обязательно наркоман. А кто не тот и не другой — бабник или альфонс. Приличных почти не найти.

Точно, одни козлы вокруг! Я была почти полностью солидарна с мнением этой дамы. Вот Кей, например — ко....

Нежная «Лунная соната» тихо заиграла в моей сумке.

Вот! Опять я нашла подтверждение того, что народная мудрость работает! Вспомнишь Кея — он и всплывет!

Нет, когда я брала трубку, я не знала, что это именно он, и даже догадалась не сразу. Насчет справедливости известной пословицы я радовалась уже после нашего короткого, но яркого разговора.

— Да? — ткнула я на зеленую кнопку приема звонков. Номер звонящего был абсолютно мне незнаком. И сначала я думала, что это Нинка одолжила телефон у кого-то, чтобы снова мне позвонить. Она это дело любит — мучить меня по телефону.

— Привет, — раздался очень знакомый голос.

— Антон! — обрадовалась я. Интересно, зачем он решил позвонить мне, ведь мы только расстались. И почему у него совершенно другие интонации? И вроде бы как тембр ниже... Наверное, это связь искажает голос.

— Какой еще Антон?

— А... кто вы тогда? — осторожно спросила я, поняв, что ошиблась.

— Обычно мой голос не забывают.

Я замерла от неожиданности, почувствовав, что самотканое покрывало изумления падает мне на голову, закрывая лицо.

Да, тогда я еще не знала, что эта совершенно простая история подарит мне множество тайн, похороненных в потаенных уголках людских душ. Но уже тогда я чувствовала, что готова приступить к их разгадке.

Мы были готовы упасть друг за другом в бездну — это и есть любовь? Наверное, так.

Мне кажется, я готова падать. Только не толкай меня вниз шутки ради.

Домой я приехала не скоро, тогда, когда закат уже вовсю хозяйничал на западе, раскрашивая появившиеся все-таки легкие облака нежно-золотистыми и томно-оранжевыми красками, кое-где добавляя широкими щедрыми мазками разбавленного с серым фиолетового цвета. Облака, впрочем, были совсем не против такого преобразования и с удовольствием принимали дары неведомого художника, способного раскрасить целый небосвод.

Заходящее за горизонт солнце сопровождало меня все то время, пока я была в такси, пробиваясь сквозь стекло, глядя лучами по лицу и золотя кожу. А в такси я пробыла довольно долго — мы попали в большую пробку, движение в которой было крайне медленным, а временами отсутствовало и вовсе. Я глядела то на пока еще раскрашенную западную часть неба, с которого гордое яркое солнце все еще не желало удаляться, то на спокойный темно-синий восток — колыбель первых звезд, не зная, что мне больше нравится.

Я пыталась сфотографировать обе части неба на телефон, но изображение оставляло желать лучшего — много лучшего. Слабая камера мобильного не была предназначена даже для того, чтобы верно отобразить небесную картинку, что уж тут говорить о тончайших нюансах цвето- и светопередачи?

И это заставило меня задуматься над тем, что пора все-таки починить мне свою камеру. Может быть, действительно, пора уже?

Глядя на задумавшуюся меня, женщина-водитель вдруг спросила смешливо:

— Скучаешь уже?

— По ком? — не поняла я.

— Да о пареньке, который тебя провожал, — улыбнулась она.

— Нет, — честно ответила я, щурясь от яркого солнца, и вспомнила о другом «пареньке», который мне не так давно позвонил. Разговор наш был очень уж запоминающимся и эмоциональным — по крайней мере для меня самой.

— Обычно мой голос не забывают, — сказал звонивший мне в трубку.

И тогда мне показалось, что я слышу все-таки очень знакомые интонации. И не забыла добавить про себя — не забывают обычно голоса евнухов. Очень уж они... яркие.

— Это Кей, — коротко представились на том конце телефона, поняв, что я запуталась.

— Кей? — с таким ужасом выдохнула я, словно мне звонил сам Его Высочество предводитель бабаев.

— Удивлена, да? — самодовольно спросил этот наглец.

Еще бы, я была удивлена! Я думала забыть тебя, как страшный сон, а ты тут как тут! И откуда только узнал телефон? Почему и зачем трезвонит Его Королевское Рокерское — или какое там у них музыкальное направление? — Величие? Нинку, что ли, ищет? Точно, у нее телефон же сел.

— А я не знаю, где Нина, — тут же сказала я, едва про это подумав.

— При чем здесь Нина? Ты мне нужна.

Честно сказать, я испугалась. Кажется, я ему ничего плохого не сделала.

— Зачем?

— Завтра мы с тобой встретимся. Днем.

— Днем я учусь, — отрезала я. Это что с ним приключилось, что Кей со мной встретиться желает? Мир перевернулся?

— Завтра суббота. Ты не учишься, — оказался хорошо осведомлен он

о моем расписании. — Ты должна быть рада, девочка, — продолжал лидер группы «На краю», возомнивший себя восьмым чудом света. — К тому же ты мне должна — я вытащил тебя из драки и вообще сделал много хорошего. Запоминай, котенок: я заеду за тобой. И пока твоя подружка будет прохлаждаться с Келлой, мы отлично проведем время. — О встрече Нинки и синеволосого он, оказывается, тоже был в курсе.

— Но...

— Ты рада?

— Невероятно! Я не понимаю тебя.

— Я что, на китайском разговариваю? — раздраженно ответил парень.

— Нет.

Чего это у него голос такой злой? По-моему, музыкант был противным в прошлую нашу встречу, но не злым и не раздраженным, как муж, которому только что наставила рога любимая жена.

— Тогда, думаю, Катенька, тебе все ясно, — продолжал все тем же тоном Кей. — Спрашиваю еще раз: ты рада или нет?

— А мне что, танцевать от восторга? — впервые за день с кем-то огрызнулась я.

— Можешь и станцевать, детка, — перенял нехорошую привычку Келлы называть девушек «детками» и «малышками», — хотя я не жду от тебя такого подарка. Знаешь, я люблю смотреть, когда девушки танцуют. Откровенные танцы, к примеру.

Вот же нахал!

Может, мне от радости ему пятки облизать? Мальчик что, травы обкурился прошлогодней или некачественного порошка понюхал? Чего ему от меня надо-то?

— Смотри, кто же тебе запрещает? — сердито сказала я, не озвучивая своих мыслей вслух.

— А ты станцуешь для меня? — негромко и явно как-то насмешливо поинтересовался он.

— Боюсь, что нет.

— Я умею ломать чужие «нет». Чем занимаешься? — спросил вдруг Кей без перехода.

— Еду в такси, а что?

— Одна?

— Одна.

— А до этого была с кем?

— Ни с кем.

— То есть с тобой никого не было? — радостно произнес музыкант.

Это ты никто.

— Какая тебе разница, кто со мной был? — очень мягко спросила я. — Слушай, ты какой-то странный.

— Необычный. Я не странный, я — необычный. Чувствуешь разницу? — Кей вдруг рассмеялся. — Крошка, так с кем ты была?

— С другом.

— М-м-м, вот как? Что за друг?

— Какая тебе разница? — не выдержала я.

— Я лучше твоих друзей. Поверь. Все, пока, у меня нет времени. Завтра днем жди. Заеду, — и он повесил трубку, оставив меня в средней степени тяжести шока.

Вспомнив этот разговор, я поежилась. Тетенька-таксист и моя бабушка были правы. Внешность в парне не главное.

Забота-забота и еще раз забота.

Я еще раз выслушала от хозяйки авто о пользе таких вот мальчиков, как Антон, услышала почти всю историю ее жизни и стала счастливой обладательницей около десятков новых анекдотов, посвященных отношениям между мужчинами и женщинами. Первые причем всегда оказывались в невыгодном положении и выставались дураками. Водитель явно недолюбливала представителей сильного пола. Наверное, на жизненном пути ей часто попадались Алексеи.

В своей квартире я оказалась почти через полтора часа после общения с замечательным молодым человеком Кеем, изволившим позвонить простой смертной. Не иначе он наркоман, так что, по-моему, можно вообще не обращать внимания на его слова. А Нинке про него я точно рассказывать не буду — иначе она меня задушит. Кстати, она что, действительно поедет к своей тетушке с Келлой? Бедная подруга — терпеть этого парня ради будущего возможного наследства... Это же какой стойкий характер надо иметь!

Прослушав очередное: «Кто меня потревожил? Убью на хре-е-е-ен!», я прошла в свою комнату и не включая свет устало опустилась на свой диван.

Свет горел только на кухне, и оттуда слышались голоса. Томас в застиранных домашних джинсах и вылинявшей футболке, запачканной краской, и Нелька, облаченная в длинную, до колен, ярко-желтую футболку с изображением любимых аниме-героев, сидели и спорили, бурно размахивая руками. Из нас троих сестренка больше всего похожа на папу — даже жесты у нее те же. У нас с Эдгаром почти ничего с родственником общего нет, разве что цвет глаз. Папа у нас уникал: сам светловолосый, а вот глаза у него темные, как он сам говорит: «Цвета темной умбры». В

детстве я думала, что умбра — это такой особенный цвет, и страшно гордилась, что у меня такие вот глаза, но только потом мне разъяснили, что это минеральный, окрашенный в коричневый, пигмент из глины.

— Ото-сан, ^[13] ты обязан, — ныла по своему обыкновению девочка.

— Не японизируй меня!

— Папа, ты должен!

— Я не могу, дорогая, — очень грустно отвечал ей отец.

— Как это не можешь? Как? Все могут, а ты не можешь! Это твоя обязанность! — возмущалась Нелли.

— Но, Нелличка, я правда не могу! Я улетаю! — виновато развел руками папа и помахал ими, как крыльями, для наглядности, наверное.

Сестра вскочила со своего места и, уперев руки в боки, грозно нависла над Томасом.

— Улетаешь?! — возопила она. — Как ты можешь улетать!? А я? А как же я?

— Куда это ты там улетаешь? — заинтересовалась я. Папа постоянно куда-то уезжает, а вот я, например, только на море один раз была — и то в глубоком детстве, ну, еще целых три раза в Индии...

— В Амстердам, на международную конференцию. Мне просто необходимо там быть, — сказал Томас таким тоном, будто он — крупный ученый с мировым именем, которого пригласили на крупнейший и важнейший консилиум по атомной физике.

Сестре его ответ совсем не понравился. Воинственно размахивая любимой красной кружкой, она взвизгнула:

— Ага! Ты, значит, в Амстердам, а я опять сиди дома! Даме!! ^[14]

— И я тоже, — не могла не встрять в их разговор я, потому что тоже хотела куда-нибудь за границу. Например, в Рим или Венецию.

— Но мне обязательно нужно там быть, девочки, — защищался Томас, — это же моя профессия! Я художник!

— Ты в первую очередь отец, — по-взрослому заявила сестра, — так что бери руки в ноги и иди завтра в школу. Ясно?

— Я улетаю ранним утром, прости, никак не могу! Приеду только в начале следующей недели! Обещаю привезти подарки! — с этими словами Томас просто исчез из кухни.

— Стой! — заорала Нелли, убегая вслед за ним, — стой! Меня в школу тогда завтра не пустят! Уже три недели обещаю, что ты придешь!

— Они сказали мне, что я могу не посещать твою школу! — отозвался папа, мечтая отделаться от назойливой Нельки. По его мнению, школа —

это такой пустяк, который фактически не заслуживает внимания. После той истории с байкерами, кстати, родственник в среднее учебное заведение больше не заглядывал.

— Открой! — завопила сестренка. — Это ты старой классухе пообещал! А у меня теперь новая!!

Томас, по всей видимости, попытался скрыться в своей комнате, но младшая дочь нагнала его и принялась канючить.

— Я пообещал директору больше не приходить, — раздался его голос, приглушенный дверью.

— Я так и сказала Лосихе, а она не верит в это! — копируя сирену, заверещала сестрица. Лосиха — это ее новая классная руководительница: Лосева Елена Петровна.

Я потеряла глаза. Как всегда, у нас все шиворот-навыворот. Дочь не может отца заставить прийти в школу. Просто замечательно. Хорошо все же, что у меня и у Эдгара такого безобразия не было, — мы вели себя очень спокойно и не доставляли неприятностей учителям в отличие от младшей сестрички.

— Что тут есть? — раздался сонный голос брата, выплывшего из-за криков в реальный мир. Красные глаза хищно осматривали кухню в поисках съестного.

— Тут есть я, — отозвалась я.

— А зачем ты мне? — удивился любящий брат. — Я покушать пришел. Что из еды есть?

— Не знаю, поищи сам, мне лениво, — отозвалась я, вспоминая обед в пиццерии.

— И мне лениво.

— Ленивые вы мои! — раздался голос Леши, вышедшего из своей комнаты. Он в отличие от Томаса даже дома оставался стильным — ходил в новых, специально купленных для дома джинсах и футболке, разработанной им самим. — Все ждете у моря погоды? Даже в кастрюлю лень залезть? Вы двое совершенно инертные и в жизни ни фига не добьетесь.

Это дядя так намекает, что он, Алексей — человек энергичный и занятой и в жизни добился всего, чего хотел, ну, или хотя бы половину. Эдгар, который до последнего надеялся, что его покормят, сам взял тарелку и принялся что-то накладывать в нее. Это что-то, оказавшееся картофельным пюре, закапало на пол.

— Вытрешь сам, — сурово произнесла я. — Я тебе не домработница.

Эдгар очень тяжело вздохнул и покорно потянулся за чистеньким

полотенцем, которое я только вчера повесила на кухне. Им он начал тереть пол, развезя несчастное пюре повсюду. Еще каким-то неведомым образом он умудрился уронить открытую банку с вареньем, высланную по почте заботливой бабушкой. Банка не разбилась, зато бордовое лакомство из клубники, которое так обожала Нелли, потекло на пол.

— Ты чего делаешь! — волком уставилась я на брата-криворучку.

— Я нечаянно, — пробубнил он и стал тереть тем же полотенцем, еще недавно радовавшим меня своим почти что белоснежным новеньким видом, — все уберу.

— Ты всегда нечаянно.

Брат поставил банку, заляпанную вареньем, на стол, повсюду оставляя липкие следы. Каким-то необъяснимым жестом братик опрокинул некстати подвернувшуюся штуку, в которой хранились ложки, вилки и ножи. Металлическая посуда с веселым звоном полетела на пол.

— Вот что значит — руки не из того места растут! — расхохотался Алексей.

Сам он был очень аккуратным.

— Ничего не трогай, — под залиvistый смех Леши прошипела я Эдгару. И следующие пару минут была занята уборкой.

— Я есть хочу, — жалобно произнес брат, который не испытывал мук совести, глядя на то, как я за ним убираюсь.

Господи, когда же он женится? Пусть за ним его несчастная супруга будет ухаживать, я даже ничего не имею против того, чтобы она здесь с нами жила, — главное, пусть братика на себя полностью возьмет.

— Сейчас я тебе сама все сделаю, — сказала я строго.

— А я видел, видел из окна, как ты на такси приехала, — обратился Леша ко мне, пытливо глядя в глаза, когда я, под чавканье Эдгара, тоже села за стол — мне хотелось побыть на кухне, а не идти в свою комнату, — чего вдруг? Автобусы надоели? Трамваи опротивели?

— Я не хотела, мне его заказали, — пробурчала я, — слушай, какая тебе разница, на чем я приехала, а?

— Обычно такси заказывают своим девушкам молодые люди, — невзначай произнес дядя, — тебе который заказал машинку? Антоша или второй, крутой?

— В смысле? — не поняла я, но на всякий случай покраснела.

— Знаем-знаем, что ты тут на днях, вернее, на ночах, мальчиков приводила, — ухмыльнулся дядя, — Антона-то тебе не жалко?

— Нелка — трепло! Она ничего не поняла! — тут же принялась защищаться я.

— Это кто тут трепло? — раздался голос сестры. — Это ты изменщица!

— Да это просто знакомые были! Музыканты! — защищалась я.

— Музыканты, музыканты, — покивала сестренка и противным голосом добавила: — А вы тут, можно подумать, сидели и музицировали! Видела, видела я, как в коридоре тебя беленький поцеловал!

— Ну, Катька! — опять заржал дядя. — Да ты роковая дама, блин! Тебе, видимо, блондины нравятся, да?

— Никто мне не нравится! Вы в своем уме? Стоит мне кого-то в дом привести, так вы меня на этом человеке жените!

— Женятся мужчины, — поправил меня Алексей.

— Какая мне разница? Ты, — повернулась я к сестре, — прекрати сочинять про меня небылицы, а ты, — обратилась я уже к Алексею, — перестань сочинять и пялиться в окно.

— Ага, буду я у тебя разрешения спрашивать, малявка, — парировал Алексей. Когда он так меня называет, мне просто покусать его хочется, отрастив при этом вампирские клыки. С самого детства он дразнит меня малявкой, только в последние годы остепенился и обращается по имени.

— А ты зато как дед столетний! Сидишь у окон и выглядываешь, выглядываешь, ищешь, о ком посплетничать! Что с тобой через сорок лет случится, даже подумать страшно, — опять к месту вспомнила я о возрастном комплексе любимого дяди.

— Я не выглядываю! — мигом завелся он. — Я поливал цветы, дорогуша.

— Поливать цветы — вот истинное занятие для молодого мужчины! Ты действительно дед!

Алексей не на шутку рассердился.

— А что прикажешь делать, если их больше никто не поливает? Самато ты на такое не способна! Только глупые шуры-муры крутить научилась!

— Какие еще шуры-муры? У меня даже парня нет, — возмутилась я тут же.

— Точно, парня нет, зато есть два парня, — криво улыбнулся дядя, — того и глядишь, скоро третий появится, такими темпами-то.

— Да ладно вам, — примирительно произнесла сестренка, — Леша, сходи лучше в школу, а?

— Нет, — тут же отказался он, — извини, я занят и все такое.

— Но ты даже не спросил, когда! — возмутилась сестра. — А меня новая классная убьет, если завтра кто-нибудь не прибудет для разговора с ней.

— А что ты опять сделала? — заинтересовался Леша. — Кого-то ударила, что-то разбила, нахамила училке?

— Подралась с Кирьяновой, — повесила голову девочка.

Кирьянова Лера, ученица десятого класса, была мне известна — сестра постоянно о ней что-то говорила, и самыми лестными словами, которыми девочка наделяла Леру, было что-то вроде «свинья немытая» и «позерка тупая».

— Почему я никогда не дрался, и твой отец тоже, и наш вечный ребенок, — кивнул на меня дядя, — тоже не дрался? Даже этот имбецил, пожирающий приготовленные мною блюда, умудрялся не устраивать драк, хотя его, я просто уверен, мечтали побить все местные хулиганы.

— Ничего они не мечтали, — с полным ртом пробубнил брат.

— Точно, они сразу били. Но не в этом дело. Объясни мне феномен своей задиристости?

— Кирьянова — дура! Она хотела у меня автограф любимой группы забрать!

— Ну, отдала бы, — пожал плечами Леша, — на фига тебе бумажки всякие?

— Ага, разбежалась! Это мое сокровище! Моя няшечка. Да я чуть не облезла, пока автограф достала этот! А бака^[15] облезлая Кирьянова возомнила себя крутой бабой и ходит по школе, ко всем пристаёт! Думает, что если в десятом классе — то ей все можно, недонефорша тупая!

Леша, считающий себя эстетом, поморщился, услышав речь племянницы, хотя сам мог сказануть словечки куда более хлесткие и обидные. Но, как говорится, в своем глазу и бревна не замечают.

— Вот поэтому мне классная и сказала в школу без родителей не являться завтра. Иначе со мной будет директор сама разбираться, — хлопнула носом сестра. — Приди, а?

— Я на ближайшей неделе не смогу, уж прости. Много работы, — с этими словами Алексей тоже поспешил покинуть кухню.

По-моему, дяде больше в школу идти совсем не хочется — он от тамошних учительниц натерпелся. А среди школьных преподавателей как раз царствует что-то вроде вселенской тоски по красивым и статным молодым людям.

— Катя, придется все-таки тебе, — строго поглядела на меня Нелли, — видишь сама, мужики в нашем доме — бесхребетные создания.

— Ты где таких фразочек понабралась?

— У жизни. Так, значит, ты завтра приходишь ко мне к первому уроку. Хорошо?

К первому уроку я совсем не хотела вставать — субботы я жду как манны небесной, чтобы выспаться. Сестра пошла на компромисс и заявила:

— Тогда к одиннадцати. Как раз перемена начнется, и мы с тобой сходим к классухе. Я буду ждать тебя около входа.

— Вот видишь, — заметила я, — кое-кто за мои просьбы по пятьсот рублей берет, а я все делаю совершенно бесплатно.

— Вот и спасибо тебе за это! — обняла меня эта подлиза и убежала в нашу комнату. За ней, притягиваемый тысячами невидимых магнитов двинулся и Эдгар к своему компьютеру. Может, ему жениться на железном друге? Они ведь неразлучны....

Как только я домыла последнюю тарелку, по телефону вновь позвонила Нинка, обозленная как стая оборотней.

— Катя! Я завтра иду к бабке Эльзе вместе с этим уродом, — сообщила она мне, не говоря общепринятых слов приветствия. Ну куда уж Ниночке до элементарной вежливости — она ведь выше всего этого. Вот бы быть такой же, как моя подруга!

— Это тебе твой папа сказал?

— У нас был семейный совет, там и решили, — устало откликнулась Нинка. — Решали голосованием.

— Да? — не поверила я. Я думала, только в нашей семье глупостями занимаются, но нет, семьи бизнесменов тоже бывают с приветом. — И что дало ваше голосование?

— Что дало, что дало... Единогласное решение: взять Келлу и тащиться с этим немытым рылом к крысе в гости. Между прочим, сама Эльза давным-давно не приглашала никого в свои хоромы. Так что это хороший шанс заполучить ее деньжата, если мы сумеем ее расположить к себе.

— Нин, зачем себя в жертву деньгам приносить? — устало спросила я, потрясенная предательством Журавлей. — Если тебе не хочется, ты не должна идти против себя.

— Чего мне не хочется?

— Мучиться рядом с неприятным тебе человеком.

— Мучиться — это да, но и завещание мне тоже нужно. Крайне. Эльза скоро копыта отбросит, и не дай Бог ее состояние перейдет государству. Тогда я никогда не буду платить налоги.

— Это еще почему? — не уловила я суть Нинкиных слов.

Она любезно пояснила:

— Потому что если государству достанутся мои законные денежки, то они покроют все мои расходы на налоги на две жизни вперед.

— Но чего ты взяла, что это твои законные денежки?

Говоря это, я задумалась: наглость — второе счастье, и это говорят совсем не зря.

— С того. Мои, и все. Только моя утонченная натура не хочет общаться с рылом, — опять пожаловалась подружка.

— Поговори со своими родителями еще раз, — взволнованно посоветовала я, — хочешь, я вместе с тобой с ними поговорю? Ты не должна себя мучить! Как они могли единогласно проголосовать за такой вариант и даже тебе слово и голос не предоставить?

— А мне голос предоставили, — смогла сильно удивить меня Нинка, — и я тоже голосовала именно за этот вариант.

— Что? И ты после этого мне жалуешься? — поразила я. Но подруга, по своему обыкновению, меня не слышала.

— Главное, теперь синенького с крючка не упустить. Хотя, — хмыкнула она довольно, — он же привороженный, никуда не денется. Придурок каждый день мне звонит и просит о встрече. Кстати, с Келлой закончу и пойду к Альбине — втык ей устрою и заставлю Кея приворожить второй раз.

Услышав о лидере группы «На краю», я вздрогнула — тут же вспомнились его раздраженные и властные нотки. Теперь я была очень за приворот этого ненормального грубияна к моей подруге. Пусть мучается с ней и не трогает меня.

— В общем, твоя умненькая подружка осчастливит синильное рыло своей неземной любовью, а потом примется за Кеечку. Боже, Катюша, Кей — он такой... такой... милый... он меня на руках таскал!

— Келла тебя больше таскал, — осторожно заметила я, — другой на его месте точно бы надорвался.

— Это что? — я так и видела, как Нинка сердито сдвигает идеальной формы брови к переносице. — Намек на то, что у меня лишний вес?

Нет, излишняя амбициозность. Пару часов таскать на себе около шестидесяти килограммов спящего чуда — это занятие трудноватое. А Кей всего лишь поднялся с ней на наш двенадцатый этаж. Даже не представляю, как это он решил в свои драгоценные ручки взять Нину! Наверное, выпендриться решил, показать свою силушку богатырскую.

— Нина, это всего лишь намек на то, что Келла... ну, выносливее, чем кажется, — попыталась я выкрутиться, но Нинка все равно обиделась и минут тридцать разорялась, что я, видите ли, хотела ее унижить, как будто я способна на такое. Во-первых, я друзей не унижаю, а во-вторых, мне в голову не придет, что такого можно проделать с Нинкой, чтобы ущемить ее

огромное чувство собственного достоинства. Успокоить ее мне удалось только тогда, когда я заикнулась, что видела недавно новый клип «Красных Лордов», которых подруга боготворила еще сильнее, чем «На краю». Все, что фанатам надо, — только заикнуться лишь про их любимцев. Похвали, и они тут же обрадуются и начнут самозабвенно болтать про своих кумиров, а также предлагать послушать их новую музыку, посмотреть кино с их участием или просто поразглядывать новые фото с изображением любимчиков.

— Говорят, мои «Лордики» скоро должны приехать в Россию, — восторженно произнесла Нинка, — ах, Катя, тебе, скучной и безвкусной, никогда меня не понять — я так люблю эту группу, что готова на многое, чтобы завоевать одного из них, но, конечно, лучше всего Гектора. Да, он — мой принц.

На миг перед моим взглядом предстал черноволосый красавец-солист RL, мрачно и безразлично глядящий вперед. На принца он никак не тянул — только если на Черного Властелина. У него даже и прозвище такое — Черный Гект. Черный Гектор, тебе не надо в Россию, Нинка сумеет достать тебя, честное слово. Кстати, подружкаина самооценка даже в таком деле, как фанатство, просто огромна. Что обычно говорят рядовые поклонники или поклонницы? Что они готовы на многое ради того, чтобы увидеть предмет своего обожания. А что же Нинка? Она мелких задач перед собой не ставит — только крупные и простым смертным кажущиеся невыполнимыми. Это же надо, положила глаз на мировую знаменитость, а! И по-моему, она в себе очень уверена.

— Нин, а зачем тебе Кей, если у тебя такие далекоидущие планы на Гектора? — стараюсь, чтобы мой голос не звучал ехидно, произнесла я.

— Катя, Гектор — идеал. Кей — другой идеал, но намного ближе. И вообще я не виновата, что мужчины, предназначенные мне, стали звездами.

— Однако... — пробормотала я. Вот это у Нинки планка! Куда там Насте-соседке с ее блондинами голубоглазыми.

Поговорив с Нинкой, которая закончила разговор так же внезапно, как и начала — она зевнула, сказала, что хочет спать, и положила трубку, даже не дослушав моих пожеланий о приятной ночи. Но обижаться на нее не было смысла — она такая, какая есть, и исправить ее может... ничего не может.

Последовав примеру Нинки, я тоже пошла в постель, хотя было еще довольно рано. Мне просто хотелось понежиться в постели и отрешиться от всех своих жизненных проблем. У меня была хорошая возможность провести много времени в Интернете — Нелька убежала гулять, и ее

компания сейчас удобно расположилась в нашем дворе, и даже на двенадцатом этаже через приоткрытое окно мне были слышны отголоски воплей любителей аниме и манги, которые гордо называли себя тусовкой. Нет бы сидеть дома и делать домашнее задание, они гуляют и орут. Ждут, наверное, когда пенсионный патруль к ним прибежит.

Я включила музыку в телефоне, воткнула наушники в уши и стала наслаждаться приятной медитативной музыкой. И почти уже уснула, погруженная в релаксационный спокойный звук, как в реальность меня выдернул резкий писк нового смс-сообщения.

Ну, кому там чего от меня надо? Ух ты, Антону. Ладно, сегодня он меня не бесил, так что ему можно меня будить.

Текст его смс был стандартным.

«Привет, Катя. Как дела? Ты нормально добралась до дома?»

Я перевернулась на живот и не снимая наушников стала увлеченно печатать ответ:

«Привет=) Все хорошо, спасибо за такси! Ты еще на работе?»

А зачем ему, кстати, с богатой мамой и богатым папой работа? Забавно выходит — неужели он хочет быть самостоятельным и не зависеть от родительницы? Что ж, это похвально.

«Да, я еще на работе. А чем ты занимаешься?».

Интересно, а где он работает ночью? На какой-нибудь стройке или сторожем? Представив Антона, сторожащего какой-нибудь особенно важный объект, удерживая в руках ружье, я засмеялась. Получился некий микс из образов небезызвестного Шурика из «Операции Ы» и вострапанного воробья. Кажется, грабители его не будут бояться.

«(:):) Где ты работаешь? Твоя работа тяжелая? Я слушаю музыку и расслабляюсь»

Его ответ пришел быстро, и я с удивлением прочла:

«Я работаю в команде техников „Рокового сговора“. Сейчас тоже слушаю музыку) со сцены)».

Прочитав, я даже присвистнула. Ого! Единственный на весь город рок-клуб «Роковой сговор», в котором каждый вечер звучала живая музыка и в котором начинали все молодые команды, в том числе и «На краю», приютил Антошку-картошку у себя! Я не ожидала! Вот какая у него ночная работа — он все темное время суток сидит на работе, поэтому и на многие занятия не приходит, наверное, отсыпается.

«Классно! Крутая работа, Антон! У тебя, наверное, хороший слух! Ты заканчивал музыкалку?»

«Да, я играю на фортепиано и гитаре, а про слух не знаю. Вроде бы он есть) Ты тоже заканчивала?»

«Да! И до сих пор ненавижу сольфеджио;) А что ты слушаешь со сцены? Хорошую музыку?»

«Нет. (Местная группа играет джаз-рок. А я не люблю джаз. А Катрина что слушает?»

«Катрина слушает нью-эйдж)))».

Вот так мы и переписывались почти три часа, болтая обо всем на свете — о музыке, погоде, книгах, фильмах, мировоззрении. И этот смс-разговор был очень приятным. Я больше рассказывала, а он задавал вопросы, предпочитая отмалчиваться, но это я заметила в конце нашей поздней переписки, тогда, когда действительно сильно захотела спать.

На прощание чудик написал:

«Спасибо, что позвала меня погулять сегодня. Я приятно провел время. Сходим куда-нибудь в воскресенье?»

Ну, если я отвяжусь от Нинки, которая в этот выходной день любит приходить ко мне в гости, то вполне возможно. Антону об этом писать я, разумеется, не стала. Дипломатично ответила ему:

«Сходим, если дел не будет! =) Я тебе напишу)))»

«Тогда еще раз — спокойной доброй ночи тебе и красивых снов».

«И тебе хорошей ночи) И не уставай на своей работе!»

— Чего ты там загадочно улыбаешься, дурная оне-тян?^[16] — появилась Нелька, которая уже давно пришла домой и смотрела вместе с папой и Лешей какой-то фильм. Они, не стесняясь того, что я в общем-то как бы сплю или делаю вид, что сплю, громко смеялись на всю квартиру.

— У тебя забыла спросить, улыбаться мне или плакать, — пробормотала я, перевернувшись на другой бок и закрыла глаза, чтобы провалиться в сон. И только успела услышать голос сестры:

— Завтра в одиннадцать в школу! Не забудь!!!

И Нелли ушла, оставив меня досыпать.

Дрыхнула я без снов, спокойно обняв подушку, но только до семи часов. Именно в семь утра наглая сестренка растолкала меня и опять напомнила, что, мол, в одиннадцать часов я должна обязательно быть в школе, иначе ее, Нелли, точно выгонят. Она сообщила мне, что поставила на десять часов будильник, положила его около моей подушки, и только потом удалилась из комнаты, ворча, что «одни дрыхнут, а другие должны пахать с самого утра даже в субботу».

В следующий раз я проснулась в девять часов — из-за звонка мобильного, так и лежащего рядом со мной на кровати. Он звонил, звонил, а я никак не могла вынырнуть из своего сна, словно осознавая, что мне еще спать и спать. Мелодия на несколько мгновений затихла и потом заиграла вновь с новой силой. Не совсем еще проснувшись, я схватила наконец телефон и хриплым со сна голосом произнесла:

— Алло.

— Спишь?

— Здравсти, — так и не могла я приоткрыть глаза — очень уж хотелось спать. Кто звонит, я не понимала.

— Ты спишь? — повторили вопрос. — Почему не берешь трубку с первого моего звонка?

— Да.... То есть нет... Нет, не сплю.

— Отлично. У меня изменились планы. Встретимся утром, — сказал Кей.

Кей? Что же это такое? Мне опять звонит он? И что это значит? Я мигом проснулась и резко села в кровати.

— Ты? Чего тебе? — испуганно спросила я, жалея, что вообще подняла трубку.

— Девочка, мы договорились сегодня вместе провести время, — на миг голос парня стал плохо слышен из-за шума проезжающих машин.

Наверное, он сейчас ведет свой крутой плавный автомобиль и окно рядом с ним открыто. Кей сидит на водительском месте, и его пальцы с нанизанными на них тяжелыми кольцами лежат на руле, одним легким движением поворачивая его вправо или влево. В ухе его наушник от смартфона, а само средство связи небрежно валяется на соседнем сиденье, на отброшенной туда же кожаной куртке, в которой наверняка жарко сейчас ехать — сегодняшний день синоптики называли не просто теплым, а очень и очень теплым и солнечным. Кей откинулся на спинку кресла, а ветер, красиво и безнаказанно треплет его светлые, необычные, шикарные волосы, играет с ними и... Святые угодники! Это что еще со мной?

Катя, перестань думать о всяких гадостях! Ты что, головой во сне ударилась? Или тебя кто-то сглазил?

— Я заеду за тобой в половине двенадцатого, — продолжал тем временем стальным голосом молодой человек, и мне очень не хотелось с ним спорить. Однако пришлось.

— Будь готова.

— Но я не могу, — растерялась я от такого напора.

— Почему? Сегодня у тебя выходной.

— Я должна пойти в школу.

— Я думал, ты учишься в университете.

Идиот, сказал бы еще, что я в детский садик хожу!

— В одиннадцать часов я должна прийти к классной руководительнице своей сестры, — не знаю, почему вдруг стала оправдываться я, ругая себя за это последними словами. Да кто он такой, чтобы меня смущать? Очередной зазвездившийся мальчишка, вот кто он!

— Слушай и запоминай: я заеду за тобой в одиннадцать. Так и быть, подброшу до школы. А потом мы пообщаемся один на один. Поняла? Или я опять разговариваю на чудесном китайском?

— Но... — опять попыталась я возразить, но у меня этого не получилось.

— Детка, давай без «но», ты меня утомляешь.

— Если я тебя утомляю, то зачем ты мне звонишь? Второй раз, между прочим! — прокричала я в телефон, подходя к окну. Это обращение — «детка» — мне очень и очень не нравилось.

— Не пытайся быть острой на язычок, — раздраженно бросил Кей, — у тебя не получается.

— Что тебе от меня нужно? — прямо спросила я. Я ему что, вдруг понравилась, что ли?

— Что нормальному парню может быть от тебя нужно? — услышала я

в его голосе откровенную издевку. — Ты в зеркало себя видела?

— Чего??? — натурально обалдела я от такого открытого хамства. Может быть, я не красотка, но уж и не пугало огородное!

Мне стало обидно.

— Не придумывай себе никаких глупостей, детка, я просто хочу увидаться и поболтать. Радуйся. И не забудь помолиться за такую удачу.

— Удачу? — переспросила я, понимая, как во мне, словно на медленном огне, закипает не самое доброе чувство по отношению к этому наглому музыканту.

— Если бы мы с тобой были одеждой, — туманно начал изъясняться он, — то ты была бы шмоткой с местного восточного рынка, а я... А я — мировым брендом. Понимаешь?

Я понимаю, что ты невменяемый самоуверенный трутень! Скотина.

— Ах так? И почему ты вдруг решил со мной встретиться, человек-бренд? Мы же почти не знакомы! Эй, ты где? Алло? Алло-о-о? Козел!

Но он уже отключился, наверняка довольный, что смог меня обидеть. Так и не услышал про «человека-бренда»...

— Чтоб тебя! Дурак обкуренный! Кретин! Быдло тупое! — обозлилась я и бросила телефон на кровать.

Он, описав дугу, стукнулся о стену, приземлился на подушку и выключился.

Он что, сломался??

Я дрожащими руками схватила мобильник. Этого мне только не хватало! Я уже роняла однажды свой телефончик с шестого на пятый этаж, когда утром торопилась к Нинке, а она в это время начала мне звонить. Тогда я полезла в карман и уронила свое драгоценное средство связи. Мне его сделали в мастерской и сказали, что лучше всего сотовый больше не ронять, а то неясно, к каким последствиям приведет очередное падение.

— Работай! Работай! Ну же... — стала тыкать я в красную кнопку, и, к моему большому облегчению, телефон послушно включился — только стал жутко тормозить.

А все из-за него! Из-за Кея, чтобы ему крысы на глаз нагадили! Меня еще никто так в открытую не унижал! Да ты сам себя в зеркало видел? Огурец крашеный!

— Фы ф фефкало фефя фифела? — прошепелявила я, пародируя мерзавца-музыканта. И сама себе ответила:

— Видела, видела! Я — принцесса! А ты... Гад! Страшило и дармояд! Я — красавица и умница. Коз-зел... да я тебя на части порву!

Я вскочила и открыла рывком ящик письменного стола, где Нелли

хранила свои «ценности»: всякую фигню вроде фотографий с концертов, постеров, распечатанной информации о любимых группах и актерах, значки, а также кучу дисков с шедеврами аниме. Мои руки выудили из общей кучи фото и вырезок как про русских, так и про американских и японских музыкантов аккуратную прямоугольную карточку, приобретенную сестрой в тот день, когда мы встретили Кея на открытии музыкального магазина. С этого фото на меня с загадочной улыбкой смотрел лидер «НК» собственной персоной, небрежно сидевший на стуле задом наперед: свои изящные руки он сложил на спинку стула и склонил голову чуть влево, всем своим видом показывая, какой он крутой, равнодушный к земным проблемам мэн.

— Ты! — ткнула я пальцем в фотографию, столь лелеемую Нелькой. — Мерзкий! Противный! Самодовольный! Засранец!

— С ума сошла? — просунул голову в комнату Леша.

Утром он ходит по дому в длинном белом халате, изображая мачо местного разлива. Еще один красавец! Наверняка со своими пассиями себя точно также ведет, как и Кей со мной! Все парни одинаковые.

Я злобно уставилась на дядю. Из-за одного звонка я возненавидела всех мужчин сразу. Такого со мной раньше не было. Я вообще редко злюсь, но теперь была в ярости.

— А ты не лезь! — заорала я.

— Капец! — покрутил пальцем у стильно подстриженного виска дядечка. Закрыв дверь, он сказал, обращаясь к портрету Чуни что-то вроде этого:

— Совсем сбрендил со своими парнями. Или у нее с гормонами что-то?

Что ответил ему всегда молчаливый тотем, я так и не узнала — в это время я опять тыкала пальцем в неестественно красивое лицо солиста «На краю», конечно же, подправленное умелыми руками мастера фотошопа, и орала ему проклятия. Честное слово, никогда и никто не мог довести меня до такого злобного состояния всего лишь одним телефонным звонком!

Только через минут десять я успокоилась и поняла, что как-то совершенно случайно разорвала снимок, купленный сестричкой. И схватилась за голову. Нелли ведь убьет меня. Ей-то невдомек, каков на самом деле ее кумир. И Нинке это тоже неизвестно. Но ничего, я не буду их разочаровывать. Не скажу.

Заснуть, естественно, я больше не смогла. Вот же... подлюга! Что он о себе возомнил! Мне злиться на его дурное поведение или пожалеть из-за постоянно возрастающих симптомов психического заболевания

нарциссизма?

Сейчас, буду я ждать Кеечку до одиннадцати часов! Уйду раньше, и если он не прикалывался, что подъедет, этот недомузыкант обломится — не застанет меня вообще. Уж не знаю, что ему от меня понадобилось, но что ничего хорошего — это точно.

М-м-м, кажется, я перестала понимать людей. Когда мы впервые встретились лично, так сказать, Кей произвел впечатление холодного, отстраненного парня, даже почти вежливого, приятного, хоть и странного. Потом он начал вести себя все более придирчиво по отношению ко мне, а, судя по вчерашнему и сегодняшнему телефонному звонку, вообще как с цепи сорвался. Я что, перед ним виновата в чем-то? А его предложение встретиться — это очень даже заманчиво, ведь я говорила уже, что почти любая девушка была бы рада провести время с таким популярным и красивым парнем с таинственной репутацией.

Еще немного позлившись, я привела себя в относительный порядок. Позавтракала на скорую руку, натянула темные джинсы и спортивного покроя легкую блузку, подумав, что ради какого-то похода в школу одеваться официально не буду, после схватила сумку и выбежала из дома, оставив в квартире брата, вновь вылезшего подкрепиться, и дядю, неспешно и крайне тщательно собирающегося на очередное свидание с некой Лили.

— Если кто меня будет спрашивать — я уехала в Саратов. Или в Казань, хорошо? — крикнула я Леше, который по всему дому искал какую-то особенную расческу с бормотанием: «Вечно все куда-то девается в этом дурдоме!»

— А в Магадан ты уехать не хочешь? — посмотрел на меня Алексей, как на полубезумную. — Или, чего мелочиться, может быть, ты сразу в Хельсинки свалишь или там, скажем, в Сидней? А! Вот и моя расчесочка!

И он потянулся к маленькой щетке с частыми зубцами, которая валялась под столом, теряясь в декоративных корнях, растущих от ножки-ствола.

— Это будет неправдоподобно, — уже обувалась я.

Дядя, сложив руки на груди, стоял около меня и с подозрением стал разглядывать:

— Что, парня какого-то обманываешь?

— Никого я не обманываю! — заявила я. — Это ты Нелли обманул — сказал, что занят, вместо того чтобы к ней в школу сходить.

— Хо-хо, — скучающим голосом ответил мне Леша, — я в этот ад школьный больше не сунусь. Там что училки, что старшеклассницы — все

помешанные. Но, Катька, не заговаривай мне зубы — я-то в любовных делах отлично секу. И не бойся, так и быть, скажу твоему очередному пареньку, что тебя нет. А кто у нас, кстати, очередной паренек?

— Вася Пупкин, — не стала я ничего объяснять.

— Элегантное имя. От него веет изяществом, — хмыкнул Леша.

— Спасибо! — поблагодарила его с некоторым опозданием, немного злясь на дядю за его проницательность, и вышла на лестничную площадку. Почти одновременно со мной туда же выбежала и моя соседка Настя. В руках у нее был большой мусорный пакет. Я обрадовалась. Во-первых, несмотря на такую близость, подружку я не видела уже недели две, а во-вторых, человек с полным мусорным ведром, или в данном случае с пакетом — к счастью.

— Привет-привет! — увидела меня Настя и помахала свободной рукой. — Давно не виделись! А у нас мусоропровод опять не работает, знала? Нет? Так знай. Как у тебя дела? Как учеба?

— Все нормально. А ты как? — улыбнулась я ей. Соседка еще та болтушка. Ей только на радио работать.

— Ну... Как сказать? — сама себя спросила девушка.

Далее последовал стандартный набор, включающий в себя общие фразы о своей жизни, пару предложений о том, какие сейчас тревожат проблемы, расспросы о родственниках, которым обязательно нужно передать привет, и традиционный вопрос: «Как у тебя на личном фронте?»

— У меня никак, — отвечала на это Настя, потрянув длинными русыми волосами, которые лежали ровно: волосок к волоску — девушка никогда не выходила из дома, не приведя себя в порядок. «Своего принца я могу встретить даже у помойки, поэтому всегда должна быть в боевой раскраске!» — утверждала она.

— И у меня, — вздохнула я, вспоминая по очереди Антона и Кея, который, судя по часам, через тридцать минут должен подъехать к подъезду. А я к этому времени уже буду в школе, ха-ха-ха. Пусть дергается, сколько надо — звук телефона я отключила, пусть звонит сколько влезет.

— Жизнь ужасна! Куда делись нормальные парни? — вышла из лифта первой давняя подруга. — Вокруг меня одни моральные и физические уроды. И ни одного прекрасного блондина с голубыми глазками и хорошим материальным положением!

Настя, Настя, ну у тебя и запросы. Ты так вообще старой девой остаться можешь. А ведь тебе уже двадцать шесть лет, пора бы и поумнеть. Да, моя подруга старше меня на много годков, хотя и выглядит лет на

девятнадцать: точеная фигура и милое личико скрывают ее истинный возраст. Вслух, я, конечно, ничего такого не сообщила — Насте подобные речи можно толкать часами, а она все равно будет стоять на своем: нужен ей красавчик-блондин, и все тут!

— Со мной постоянно знакомятся одни брюнеты, — жаловалась Настя (и что за манера воспринимать меня как жилетку?), — и меня это жутко раздражает! А вчера вообще какие-то китайцы привязались! Я от них едва отделалась! Ой, Кать, ты чего к нам совсем не заглядываешь?

— Я зайду как-нибудь. Ты тоже меня своим вниманием не балуешь.

— В прошлый раз, когда я к тебе заглянула, у тебя в гостях сидела твоя кошмарная Нина. А ты же знаешь, что нам лучше не встречаться, — поморщилась соседка.

Что правда, то правда. Эти две особы друг друга терпеть не могут. На одном из моих дней рождения они едва не подрались: у Насти тоже характер не сахар, хотя до Нинки ей все же далеко. С тех пор я стараюсь делать так, чтобы эти две девушки не встречались.

За разговорами мы вышли на улицу, радостно освещенную солнцем. Несмотря на то что было позднее утро, уже чувствовалось, как теплая погода берет свое. Днем наверняка можно будет снять ветровку и ходить просто так.

Около подъезда наши с Настей пути разошлись: ей нужно было направо, а мне налево. Я уже хотела с ней попрощаться и зашагать по направлению к школе, как она меня остановила фразой:

— Слушай, а ты знаешь, что о вашей семье ходят новые слухи?

— Какие еще слухи?

Честно сказать, на них я уже давно не обращаю внимания. Пусть говорят, что хотят — мне это никак не мешает. Даже помогает. Вот однажды, когда наш лифт, как всегда, дал сбой, я поднималась по лестнице и на втором этаже встретила на своем пути компанию парней, находящихся в состоянии легкого алкогольного опьянения. Таких молодых людей Леша с презрением называет «гопниками», он, кажется, с юношества их очень не любит, а они, в свою очередь, не питают к нему нежных чувств. Эти ребята были друзьями парня с третьего этажа, состоящего на учете в милиции, и вместе с ним удобно устроились на подоконнике, курили, пили пиво, щелкали семечки и громко нецензурно выражались. В общем, загрязняли родной подъезд. Я шла мимо них, опасливо косясь и боясь за свой тогда еще новый телефон, а они как по команде уставились на меня, заржали, а один из них, прыщавый малый, который еще не закончил школу, крикнул:

— Эй, чикса, иди к нам!

— Милашка!

— Какие у тебя ножки! — добавил его друг и хотел даже меня догнать.

— Отстаньте от нее, — к моему большому восторгу буркнул сосед, останавливая ретивых приятелей. Когда я, поднявшись повыше, прислушалась, то расслышала потрясающий по глупости ответ парня-соседа на возмущенные вопли жаждущих познакомиться:

— Идиоты, она и ее родственники — идолопоклонники, как бабка говорит. Магией черной занимаются.

— Какой магией, ты че, Серый? — презрительно сплюнул на пол кто-то из компании.

— Ниче, — огрызнулся сосед. — Помните, Витька избили бритые, а потом от него Танюха ушла, а после у него еще и хату грабанули?

— Ну и че?

— Эта девка на него порчу навела! За неделю до этого эти Радовы Витькину хату затопили, и он вместе с батей пошел отношения выяснять к ним. Бабка говорит, что Радовы разозлились, потому что батя Витька возбуждал сильно.

— Да ну, бред! Какие, на хрен, черные маги? — развеселились его друзья. — Мужик, ты че, «Битву экстрасенсов» пересмотрел?

— Такие! — вспыхнул мой сосед. — У них даже коридор весь черный, наверху зеркала, внизу надписи какие-то и идолы-уроды повсюду наклеенные висят! И все комнаты в таком духе сделаны! Писец полный, короче.

Я захихикала и пошла дальше. Вот это репутация, что местное хулиганье боится!

А дальше случилась очень забавная вещь, которая, к моему еще большому восторгу, заставила поверить этих дураков в то, что наша семья действительно странная и черномagическая. Не знаю, почему все произошло именно в это время, но факт остается фактом — я не успела дойти до четвертого этажа, как услышала далеко внизу папин голос. Он как раз возвращался из своей мастерской, где уже две недели готовил картины для первого в городе клуба готов и неформалов и им сочувствующих. Клуб назывался «Черная звезда» и должен был стать пристанищем для всех представителей этой субкультуры. Папу как человека, имеющего удивительную способность рисовать всяческие гадости, дирекция клуба пригласила главным художником-оформителем. По контракту он должен был написать особенные картины, а также разрисовать стены и оформить сцену. Томас с радостью согласился на это, потому что очень любил представителей неформальной культуры. Сейчас он шел в обнимку с

очередной мерзкой картиной, на которой был изображен черноволосый некто, похожий на отпрыска вампира и гоблинши. Этот монстр пожирал человеческий мозг, используя на манер тарелки чей-то трепанированный череп. Мозг мой отец прорисовал с анатомической точностью, и выглядела картина просто ужасной. А рисунок, кстати, был первым в серии «Плоть не вечна, или Давайте жить душою», и эта серия предполагала еще кучу подобной гадости, которая была у папы в проектах, — готы-заказчики хотели весь бар увесить подобными мерзкими холстами. Но сам Томас правда считал, что его творения прекрасны, а организаторы клуба «Черная звезда» вообще были в восторге. Они, кстати, должны были вот-вот подъехать. А сам Томас шел в квартиру за оставленным там очередным наброском.

Он, беспечно помахивая картиной, поднимался наверх и болтал по телефону с одним из заказчиков.

— Лох какой-то идет вроде, — прислушался парень, не верящий в существование магии.

— Вот мы на пиво и попросим, — бурно смолил сигаретой прыщавый, — не откажет нам лох.

Лох, или Томас, не подозревая о будущей просьбе, поднялся на пролет, не переставая разговаривать. Его беседа была очень содержательной:

— Олежка, я иду за печенью, — имея в виду набросок, говорил родственник, — дома ее оставил. Сейчас заберу и тебе отвезу — посмотришь и скажешь, червячков нам к ней добавить или крысу приделать... Зачем? Для антуража. Просто печень — это не весело. Да и крови там мало... Нет, мозг у меня готов, я его твоим сейчас и отдам. Я целую ночь над ним старался, теперь помню, где какая извилина, блин, расположена. А вот сердце нам придется повесить не в баре, а в холле. Нет, обычное сердце, вырезанное... Чем-чем... Ножом! Человеческое, естественно. Зачем его съедать, оно просто висеть будет. А у меня тут еще идея — кровавый фонтан... Да-да....

Сосед и его друзья молча взирали как на спину Томаса, так и на его очередной шедевр, забыв попросить немного денег на любимый напиток. А он продолжал обсуждать одну из раскрашенных им стен, на которой были изображены два вампира, поднимающих из могилы труп неизвестно для каких целей. Возможно, они хотели сделать труп себе подобным, а может быть, страдали от одной нехорошей фиили.

— Нет-нет, Олежка... Да зачем тебе два трупа? Там и одного хватит. Да он лишний будет — точно тебе говорю. Я и так едва согласился. А так люди меня вообще маньяком будут считать... Что? На стене заклинание

написать? Хорошо.

— Это еще что за хрен? — уставились друзья на соседа, когда он поднялся выше.

— Пацаны, так это тот Радов и есть! Сектант! — громким шепотом сообщил им парень, который был почти горд тем, что смог так легко доказать свою правоту. — Видали, какую он картину с собой тащил? У них весь дом таким дерьмом заставлен!

Ну, это он, конечно, преувеличивал, у нас дома почти что нормальная обстановка, хотя коридор и гостиная ужасны, да...

— Ты меня слышишь, Катя? — тронула меня за плечо Настя. — Тебе не интересно, что о вас в этот раз говорят?

— Ну, что? — отвлеклась я от смешных воспоминаний.

— Короче, моей бабки подружка, ты ее знаешь — Надежда Ефремовна, совсем из ума выжила. Говорит, что твоя сестра девочек из школы в какую-то секту склоняет, — засмеялась Настя, — она из своего окошка видела их на балконе недавно в белых одеждах и теперь всем рассказывает, что они все какую-то тарабарщину нерусскую напевали и руками махали, как будто кому-то поклонялись. Вот же ржака, да?

— Да, — хмуро сказала я. Наверняка любопытная бабка видела Нелли и ее подружек-анимешниц, которые решили испортить наши покрывала и пододеяльники. А «тарабарщина» — это скорее всего японские словечки, которыми между собой девчонки любят щегольнуть. Они даже иногда «для прикола» какой-то гимн поют... анимешный. Да, с такими родственниками, как у меня, всегда можно легко и просто опозориться!

— А староста подъезда наш тут учудил... Ой, смотри, какой молодой человек симпатичный, просто офигенный, — вдруг зашептала Настя, кося куда-то мне за спину. Одновременно она каким-то точным снайперским жестом откинула мусорный мешок за забор, где росли кусты, пышные и зеленые летом и только начинающие цвести весной.

— Ты чего делаешь? — напустилась я на соседку. — Ты зачем мешок выбросила за забор? Думаешь, дворник обрадуется? Тебе что, пять минут до мусорки не судьба дойти?

— Да тихо ты, — замахала руками Настя, поправляя прическу и ослепительно улыбаясь, — вдруг это мой принц идет ко мне, а я тут что, должна мусорным пакетом перед ним трясти?

— Какой еще принц? — обернулась я и увидела Его Высочество Кея. Он вышел из своей темно-синей машины, прислонился к ее боку и с невозмутимым видом смотрел на меня. Руки засунул в карманы темных, по обыкновению, джинсов, проклепанных и увешанных тонкими цепями, вид

независимый, голова чуть откинута назад, волосы падают так, что сквозь пряди видны многочисленные серо-серебряные серьги. Ну просто не человек, а модель!

Я тут же отвернулась и глянула на часы — он за двадцать минут приехал до гипотетической встречи! Вот же непунктуальный козел! Что это за человек такой? И эта Настя — если бы она не стала тут рассказывать про слухи, я бы успела завернуть за угол и остаться незамеченной!

— Какой красавчик! — взволнованно прошептала соседка, а ее глаза хищно заблестели. — Блондин!

— Да он наверняка крашеный! — попыталась возразить я, с неподдельным отвращением рассматривая Кея.

— Да какая разница! И глаза, я смотрю, у него светлые. Кать, какая лапочка! Я влюбилась.

— Ты чего, Настена? — широко открыла глаза я, наблюдая за реакцией давней подруги. — Не такой уж он и красавец! Ты посмотри на него! Неформал какой-то. Самодовольный. Важный. И тупой.

— Ну и что, неважно, какие у человека интересы. И сама ты самодовольная, — не произвели на шатенку никакого эффекта мои слова.

— Да ты посмотри на него! Он наверняка нас за людей-то не считает!

— Какое-то у тебя к нему странное отношение, — тряхнула волосами девушка. — Пошли с ним знакомиться!

— Да ни за что, — я представляю, как будет смешно Кею, если Настя потащит меня к нему и начнет заигрывать. Он умрет от смеха или захлебнется ехидством.

— Он в нашу сторону смотрит! Ой, он к нам идет! Катя, Катя, это точно мой принц! И тачка у него совсем не дешманская!

— Какая-какая? — не поняла я, боясь оглянуться.

— Дешевая. А-а-а, — выдохнула соседка, — он такой стильный! Одежда — как с картинки. Идет, идет! К нам!

Одежда-то у него, может быть, и как с картинки, но в моей душе надолго, думаю, даже навсегда, поселилась большая, нет, просто огромная предвзятость к этому человеку. Не каждый день мне намекают, что у меня внешность непрезентабельна.

— Здра-а-авствуйте, вы что-то хоте-е-ели? — почему-то растягивая гласные, произнесла Настя, усиленно строя глазки. Строить глазки и при этом глупо хихикать перед объектом страсти у подружки всегда хорошо получалось. Помню, когда мне было лет пятнадцать, соседка учила меня правильной «стрельбе глазами» на правах старшей.

«Катя, правильный женский взгляд — это, между прочим, призыв

самцу! Запоминай! Взгляд: в угол, на нос, на объект. Все просто, только нужна тренировка». Тогда мне очень понравился мальчик из параллельного класса, и я решила опробовать этот метод на нем. Для этого я весь вечер тренировалась дома, сидя на кухне перед медведем, представляя, что это на самом деле не игрушечный зверь, а парень. Когда эту мою тренировку увидел Леша, он расхохотался и заявил, что никогда в жизни не подошел бы к сумасшедшей, которая сначала «косит влево, потом сводит глаза в кучу, а затем сверлит полубезумным взглядом». Я очень обиделась и два дня не разговаривала с дядей, пока он не подарил мне большую шоколадку. Помню, он тогда вздохнул и сказал: «Катя, какой идиот тебя этому ужасу учил? Нет, какая идиотка? Нормальному мужчине такое в голову не придет... В угол, на нос, на объект... Вот же жесть! Так косоглазие получить можно. Надо действовать совсем по-другому!» Я, естественно, спросила: как? На что Алексей заявил, что такому он меня учить не намерен, потому что «не желает, чтобы его родственница становилась общедоступной девицей». Ему, видите ли, будет стыдно.

— Хотел подойти к вам, — оценивающе посмотрел на Настю фронтмен группы «На краю».

Соседке его взгляд понравился, и она заулыбалась еще сильнее. От нее прямо-таки начали исходить призывные флюиды. Она усиленными невербальными методами завоевывала внимание понравившегося мужчины.

— Это очень хорошо, что вы хотели подойти. Нам как раз не достает мужского внимания.

— Да?

— Да. Так что вы как раз вовремя, — теребя браслетик на левой руке, проговорила девушка.

Настя, смотри не вылезь из кожи перед этим типом!

— Я люблю появляться в те моменты, когда нужна помощь девушке, особенно если она красива, — усмехнулся он, зато Анастасия чуть в небо, подобно воздушному шарiku, не взлетела от восторга.

— Помощь от красивого парня получить втрое приятнее, — еще ближе подошла к нему моя соседка и невзначай задела рукой его локоть.

Я за ее спиной скорчила кислую рожу, Кей это увидел, и ему стало смешно.

— И чем бы я мог помочь? — продолжал обмен любезностями парень.

— Составить мне компанию... Мне так нужен один мужской совет... Сможете?

Кей вместо ответа обворожительно улыбнулся и поманил меня

пальцем, на котором красовался не просто перстень, а то, что в народе называют железными когтями. Я помотала головой.

— Сейчас я немного занят, но потом, может быть, смогу чем-нибудь помочь, — уже без улыбки произнес он, вновь жестом призывая меня к себе.

— Вы что, знакомы? — впилась в меня нехорошим взглядом подружка.

— Нет! — отрезала я.

— Точно?

— Я его в первый раз вижу, — наградила я молодого человека нелюбезным взглядом.

Кей был сообразительным мальчиком и мигом просек, что я не хочу признаваться Насте в том, что мы с ним знакомы, поэтому он вновь улыбнулся и решил, как я сразу же поняла, сделать мне «приятное».

— Совсем не первый, — сам шагнул ко мне блондин.

— А вы кто тогда? — игриво поглядела на него соседка. Кажется, ей очень не хотелось, чтобы мы были знакомыми.

— Я парень Кати, — приобнял меня вдруг светловолосый за плечи, и я от неожиданности оттолкнула его не сразу, а лишь через пару секунд, успев «насладиться» прикосновением его руки.

— Ка-как парень Кати? — едва ли не стала заикаться соседка.

— Какой ты мне парень?! — возмутилась я, отскакивая в сторону.

— Катрина, — укоризненно произнес Кей, — что с тобой? Ты же попросила меня за тобой заехать.

— Теперь это так называется? — потеряла я самообладание. — Ты что, рехнулся совсем, наркоман чертов?! Ты уже все наркотики на свете вынюхал?

Кей приложил палец к моим губам.

— Солнце мое, перестань, — противным ласковым голосом произнес он.

— Я не солнце! — обозлилась я еще больше. Притворщик и тупица.

— Хорошо-хорошо, я буду звать тебя только любимой, — засмеялся он.

Настя тем временем ошеломленно переводила взгляд с меня на него и обратно, и, кажется, информация о том, что я якобы являюсь девушкой этого недоноска, не привела ее в восторг.

— Вот как, — поджала губы девушка, явно обиженная. Еще бы ей не обижаться! Выходило так, будто я, ее подруга, во-первых, наврала ей о том, что в личной жизни у меня ничего не происходит, а во-вторых, выставила душой, которая называла принцем чужого молодого человека. — Катя, что

ж ты мне сразу не сказала?

— Да он не мой парень! Настя, ты что, мне не веришь?!

— Я верю своим глазам, — мрачно проговорила она. — И тебе очень повезло с молодым человеком, дорогая. Ладно, я пойду. Пока.

— Пока... — отозвалась я.

Обиделась... Ах этот подонок!

Я проводила взглядом гордо удалившуюся соседку, у которой опять не получилось с поиском собственного принца.

— Ты куда так рано решила уйти? — прямо в ухо раздалось мне. — Убежать захотела? Я же ясно сказал: в одиннадцать.

Тон Кея поменялся и теперь был сухим и деловым. И куда делась эта наигранная нежность? Господи, да как же он меня бесит!

— Я тебе что, крепостная, чтобы тебя слушаться? — возмущенно поглядела я на него. — Я из-за тебя с подругой поссорилась!

— Что-то я не видел, как вы поссорились.

— Да она на меня обиделась. А между прочим, я ее знаю уж ни много ни мало, а шестнадцать лет! Мы в детстве вместе гуляли! — прокричала я.

Ответ был поразительно наглым.

— Просто девушке сегодня не повезло со мной. Если бы тебя не было рядом, у нас, возможно, и получилось бы уединиться.

— До свидания, — я повернулась и зашагала прочь. Стало еще обиднее. Это я еще, видите ли, виновата! Он вообще в уме или не в состоянии контролировать свои мыслительные процессы? Дура ты, Нинка, если думаешь, что он хороший парень! Я таких вообще не встречала раньше. Вот Антон, пусть он и не знаменитый красавец с армией поклонниц, намного-намного-намного лучше! Даже если у них и есть что-то общее во внешности и голосе, то характеры феноменально отличаются! Интересная внешность — это, конечно, стрит-флеш, но заботливое отношение к девушке — флеш-рояль.^[17]

— Садись, — услышала я сбоку голос Кея, который медленно ехал рядом со мной в машине.

Я оглянулась: он сидит именно так, как я и представляла. Красивый и уверенный. И это его единственное достоинство. Хотя голос у него тоже красив. Но какая же он сволочь!

— Никуда я не сяду, — не спешила соглашаться я.

— Садись, и мы поедем в твою школу.

— Ага, сейчас. Отстань от меня, пожалуйста.

— Садись быстрее, — начал сердиться он.

— Погавкай, — вспомнила я детскую дразнилку.

Кей высунулся сильнее и умудрился дернуть меня за рукав.

— В машину. Я не люблю по пятьсот раз повторять.

— Ты повторил только два раза, — от того, что теперь начал раздражаться он, на сердце у меня становилось лучше и лучше.

— Эй, не злись сама, не зли меня и залезай в тачку.

— Погавкай!

— И что, — подозрительно спросил он, — ты тогда сядешь?

Я повернулась к нему и серьезно кивнула. Неужели ради меня он будет гавкать? Вот умора. Я захихикала под нос, представляя, как наш суперпевец открывает рот и вместо мелодичных слов очередной песни оттуда вылетает надрывный лай. Тогда я обязательно скажу ему: «А собакам не дают, они сами достают!» Ну и рожа же у него будет!

Пока я тормозила, мысленно прокручивая эту сцену, Кей опять вылез из машины, цепко схватил меня за запястье и не церемонясь, затолкал на переднее сиденье. А он сильный — я даже и сопротивляться не могла!

— Ты чего? — круглыми глазами посмотрела я на него, даже не пытаясь вылезти из машины. — Это зачем?

Парень нажал на педаль, резким движением крутанул руль, и машина быстро поехала вперед.

— Не зли меня и четко отвечай — где твоя школа?

— Надо выехать на основную дорогу и повернуть направо около кафе «Птичка», — машинально сказала я, так и не поняв мотивов поведения этого психа.

— Прекрасный ориентир — кафе «Птичка»! — глядя вперед на дорогу, скептически проговорил музыкант.

— Нормальный ориентир! Чего ты ко мне привязался? Я из-за тебя поссорилась с Настей! Чего тебе от меня надо? Ты мне ответишь или нет? — со смесью злости, обиды и чувства, что надо мной нахально издеваются, воскликнула я.

— Детка, я первый позвонил тебе, заехал за тобой, а теперь везу тебя на своей машине туда, куда тебе надо. И ты еще возмущаешься? Кстати, не мешало бы пристегнуться, — заметил он. — А, ты же не умеешь. Обидно, да?

— Что обидно? — не поняла я, вспоминая, какие из известных мне наркотических веществ приводят к таким странным последствиям.

— Ну, когда руки не оттуда растут? — весело ответил вопросом на вопрос Кей. — Ага, вон твое кафе. Теперь направо?

— Налево. — Из чувства противоречия сказала я.

Кей только тяжело вздохнул, словно имел дело с дауном, и повернул в

нужную сторону.

Бедная я. Кажется, он все же чокнутый. Если я ему вдруг понравилась, то стоит признать, объектом киевских симпатий быть нелегко. Если он с тем, кто ему нравится так паршиво обращается, то, что говорить о его отношении к врагам???

Ладно, я сейчас зайду в школу, а этого распрекрасного молодого человека с удивительными манерами оставлю в машине. А после разговора с Нелькиной классной просто сбегу куда подальше через второй выход.

Кей припарковал свою машину неподалеку от большого, недавно построенного здания школы, где училась сестра. Я и Эдгар мучились десять учебных лет совсем в другом месте, поэтому здесь я была всего лишь несколько раз. Это вместительное светлое четырехэтажное здание с собственным бассейном, большим зимним садом, хорошо технически оснащенными кабинетами, огромным актовым залом и с большим количеством наград мне нравилось куда больше, чем собственное среднее учебное заведение. А вот Нелли школу ненавидела и часто старалась ее прогуливать. Надеюсь, сейчас она меня встретит и моя беседа с ее учительницей закончится быстро.

— Пошли, — первым вышел из машины солист «На краю», небрежно натянув куртку со стоячим воротником, металлическими пуговицами и какими-то алыми вставками на рукавах и карманах.

— Пошли... Куда пошли? Оставайся здесь, — растерялась я, прикрывая глаза ладонью от светившего прямо в них солнца. Даже и не думала, что Кей увяжется за мной.

— Я сам буду решать, идти ли мне с тобой, детка, или сидеть в тачке. Давай мне лапку, и будем изображать красивую влюбленную парочку. Вот увидишь — все девушки будут тебе завидовать.

— Ничего я тебе не дам. Посиди, пожалуйста, в машине. Или по крайней мере объясни, в чем дело и почему ты ходишь вокруг меня как... как алкаш вокруг бутылки!

— Ты такая милая, когда злишься, — вновь излишне ласковым тоном произнес Кей, ставя машину на сигнализацию.

Я оторопело посмотрела на него, даже и не зная, что отвечать. Вот Нинка знала бы, как поставить нахала на место, а я на это, видимо, неспособна.

Так и пришлось мне молча, ощущая сбоку нежелательное присутствие молодого человека, идти в сторону школьного здания, около которого курили, озираясь несколько мальчишек-восьмиклашек. В каждой школе одно и то же — идет урок, но кто-нибудь обязательно дымит. Боится, что

засекут, но все равно продолжает смолить сигареты, показывая всем своим гордо-подростковым видом, что на училок и прочих взрослых ему фиолетово... Эх, дети, дети. Около входа сестры я не обнаружила. Ах да, у нее еще урок, и закончится он только через пять минут.

— Заходить будем?

— Да, наверное, — несколько вяло ответила я.

Кей вошел в школу и даже не додумался не то, чтобы пропустить первой даму, то есть меня, а и элементарно придержать дверь передо мной. В результате я едва не получила по лбу этой самой дверью.

Наградив спину умника неодобрительным взглядом, я огляделась. Широкий холл, большие окна, на которых уютно колыхались на сквозняке прозрачные шторы, светло-зеленые, фисташковые стены, украшенные стенгазетами и огромным стендом с фотографиями особенно умных или спортивных учеников, светлый мраморный пол.

В школе пока еще стояла благословенная тишина. Но как только начнется перемена, ученички дадут волю своим голосам и эмоциям, и повсюду будут слышны гам, шум, непонятный треск, вопли, визг. Когда я училась в школе, я никогда не обращала внимания на то, как шумно было в коротких промежутках между уроками, и только в спокойном университете поняла отличие студенческих и школьных перемен.

— И куда нам? — задумчиво огляделся вокруг Кей. Мы остановились около непрезентабельной будочки охранника, а, вернее, охранницы, которая дремала за стеклом, увешанным объявлениями о том, что «Найдена шапка женская, серая, в полосочку» или «ключи выдаются только преподавателям!»

— Не знаю. Надо Нелли ждать, — пожала я плечами. И только сейчас до меня дошло — сестрица при дневном свете точно фронтмена одной из любимых групп узнает! Она же меня съест, а что попытается сделать с парнем...

— Как можно не знать? Зачем ты тогда вообще сюда пришла и отнимаешь у меня время? — искоса взглянул на меня он.

— Я отнимаю время? Да я тебя вообще не просила со мной ехать куда-нибудь! — в который уже раз повторила я, раздражаясь.

Ответить он мне не успел — заиграла мелодия «На краю», от которой у меня вяли уши, светловолосый взял трубку, отвернулся и принялся с кем-то разговаривать. Абсолютно нормальным человеческим тоном, между прочим! Неужели он только со мной плохо общается, или у него со всеми девушками так? Ну и придурок он в таком случае. Жаль, жаль, что у Альбины не получилось приворожить его к Нинке. Вот бы сейчас

помучался с ней! А я, дура, его еще жалела!

Я задумчиво посмотрела на его волосы, плечи, спину, на которую небрежно была наброшена кожаная куртка, подчеркивающая его статную фигуру, и вдруг поняла, что, несмотря на трудный характер, рядом с ним приятно находиться.

На миг даже мне захотелось подойти сзади и обнять его, прислониться щекой к спине, забыться на мгновение... Сердце тут же задало новый темп в убыстренном ритме. А в моей голове тут же зашумели два голоса.

Ой, Катя, не перестаю тебе удивляться. Может быть, тебе пора в психиатрическую клинику на какие-нибудь процедуры, которые улучшат твоё мировосприятие?

Ну а вдруг он все же что-то ко мне чувствует — не зря же Кей донимает меня своим вниманием. Ему что, больше заняться нечем?

Какое это внимание? Ты просто для чего-то ему нужна. Вот, допустим, Антон действительно одарил тебя вниманием.

Но этот блондин-рокер правда очень-очень-очень красив и дьявольски обаятелен.

Знаем-знаем, для чего ему свое обаяние понадобилось. После таких усиленных выбросов обаяния некоторые становятся счастливыми мамами-одиночками.

Почему сразу одиночками? Может быть, в душе этот парень хо...

— Так куда нам идти? — закончил разговор предмет моих мыслей, поворачиваясь ко мне.

Куда-куда? Раскудахтался. Откуда мне-то знать? Сейчас придет сестра и сама ответит к своей новой классной руководительнице.

Я и рта не успела открыть, чтобы как следует ответить музыканту, как нам навстречу вдруг двинулась полная улыбающаяся женщина лет пятидесяти с абсолютно учительским выражением лица. Ей только указки не хватало и чьего-нибудь классного журнала.

— Извините, молодые люди! Молодые люди! — обратилась она к нам хорошо поставленным голосом — таким обычно младшеклассников собирают в пары и ведут в кино или в театр.

— Вы нам? — удивилась я. Сейчас выгонит! Вон как она на Кея смотрит, упакованного в неформальную одежду. Скажет, что в их учебном заведении не место таким вот крокодилам, и тогда кое-кому придется свалить в свою машину! Ха.

Но эта женщина не оправдала моего доверия.

— Вы насчет ребенка? — прощбетала она, с интересом разглядывая нас.

— Ребенка? — несказанно удивилась я. Ну вообще-то Нелли можно назвать ребенком... — Какого ребенка?

— Как какого? Вашего, естественно. В этом месяце мы набираем новую группу дошкольной подготовки. Наша программа, между прочим, разработана лучшими педагогами-специалистами и детскими психологами. Опытные учителя эффективно научат вашего ребенка всему необходимому и даже больше. Вы пришли вовремя! — еще больше ошарашила меня женщина. — Места еще есть. А я, кстати, завуч младших классов, Ирина Родионовна, приятно познакомиться!

— И... и нам, — несмело проговорила я. Мне еще никто и никогда не говорил, что у меня есть ребенок! Кей едва ли не в открытую смеялся, отвернувшись в сторону, но бойкая учительница это не видела.

Вот же придурок.

— Вам как молодой матери важно знать, что наша школа проводит чудесную подготовку дошкольников, и в первом классе им будет не так тяжело адаптироваться к урокам! Кстати, те, кто был в подготовительных классах, автоматически зачисляются на первый учебный год, — продолжала рекламировать Ирина Родионовна собственное учебное заведение. — И вы не стесняйтесь! А то я смотрю — молодая пара пришла и не знает, к кому обратиться.

Словно подтверждая ее слова, очень аккуратно, как будто оберегая детские нервы, прозвучал звонок. У нас в школе звонок ревел так, что уши закладывало и сердце подпрыгивало!

— К сожалению, у нас нет еще детей, — вдруг исполнил мою маленькую сиюминутную мечту коварный светловолосый, второй раз за это нервное утро обнимая меня за плечи. Я вздрогнула. И голос при этом у него был бархатный, соблазнительный. — Мы с моей девушкой еще молоды.

Чего уж говорить — я не стала его отталкивать, просто пожелала ему много доброго и приятного про себя. Кей слегка прижал меня к груди и коснулся подбородком волос.

Дети от Кея... Вот же жуть! Хотя... Эх... Божечки, я встряла. Я почти ненавижу этого дурака, но мне так нравится, когда он рядом. И пусть он даже меня дразнит, все равно чувствовать тепло чьих-то рук — так приятно.

— Так вы не по поводу ребенка? — несколько разочаровалась учительница. — Хотя, да-да... вы все-таки сильно молоды, чтобы иметь семилетку. А зачем вы к нам?

Последние слова женщины я расслышала с некоторым трудом. Школа загудела, как рассерженный улей, — ученики и ученицы вылезли из своих

классов. Что сейчас начнется: беготня, шум, ругань, борьба в столовой за место в очереди... И Нелли сейчас подойдет.... Вот же удивится сестричка, увидев Кея. Удивится — это еще слабо сказано, она просто упадет. И скорее всего не в обморок, а на колени, еще и лбом приложится об пол.

— Мы пришли к классному руководителю сестры моей девушки, — вновь произнес лидер известной группы, не отпуская меня.

Прекрасно, гад, понимал, что смущает девушку, меня то есть. И ему это доставляло удовольствие.

— А-а-а, — протянула завуч младшей школы. Кажется, на нее этот парень тоже смог произвести впечатление, — может быть, вас проводить в таком случае? Школа у нас большая...

Мы не успели ответить, вернее, мой музыкант не успел этого сделать, потому что вдруг откуда-то слева раздался визг, наполненный таким восхищением, будто только что кто-то узнал о миллионном выигрыше в лотерею! Мы с Родионовной чуть не присели.

— Кей! Кей! Здесь Кей! — проорала какая-то девушка-старшеклассница, вышедшая откуда-то из-за угла. Она пару секунд нас разглядывала, а потом бросилась к нам.

— Это что... — хотела, было, я задать вопрос своему спутнику, как он резко развернул меня к себе, и теперь я была вынуждена ощущать его тепло не спиной, а грудью. К тактильным ощущениям добавилось еще и дистантное: запах. От куртки этого придурка явно несло приятным и дорогим одеколоном: что-то вроде тонкого, едва заметного запаха кедра с горьковатыми нотами то ли бергамота, то ли сандала. Хотя точно сказать не могу — сколько надо мной ни билась всезнающая Нинка, запахи я не сильно понимаю.

— Тут солист «На краю»! — заорали еще в нескольких местах сразу. Гул все нарастал и нарастал. Пчелы летели на мед.

— Эй! Что там? — хотела повернуться я, но Кей не дал мне этого сделать — если все нормальные парни обнимают девушек за талию или там плечи, он решил, что мне будет очень приятно, если он прижмет руки к моей голове. И не даст ей повернуться.

— Доставай мобильник!!! Снимай! — проорал совсем рядом с нами какой-то парень неформальной внешности — я чуть скосила глаза и имела честь узреть его дреды. — Кей с девушкой!!!

— Круто-о-о! — раздалось в ответ с разных сторон.

— Что это творится? — недовольно принялась оглядываться удивленная Ирина Родионовна.

Что здесь творится? Я скажу, что здесь такое. Просто поклонники

некой прекрасной альтернативной группы, которая претендует в будущем на мировую популярность, увидели своего кумира живьем. И не где-нибудь, а в собственной школе. На перемене.

Кей почему-то сильнее прижал меня к себе.

Его не радовали собственные фанаты. Вот если бы у меня были поклонники, которые кричали мне, махали руками и снимали на камеру, я была бы очень даже счастлива. Ну по крайней мере я не застыла бы каменным изваянием самому себе, и не прижимала бы к себе совершенно постороннего человека. А вот фронтмену группы «На краю», кажется, такое излишнее внимание, перерастающее в истерию, не пришлось по душе.

— Вашу мать... — выдохнул он. — Какого... я сюда... это все ты виновата!

Действительно, кто еще может быть в этом виноват?

— С какого перепугу? — прошептала я, слыша, что криков все больше и больше.

Завуч младших классов пыталась разгонять учеников, и к ней присоединилась проходящая мимо учительница, но у работниц среднего учебного заведения ничего не выходило.

— Кей! Кей! — доносилось отовсюду. Девичьи голоса сплетались с криками парней и совсем мальчишек. — Кей!!! Дай автограф!

— Ведите себя потише! — в один голос рявкнули преподавательницы и принялись разгонять толпу, которая очень сильно хотела подобраться к своему кумиру. — Что вы за цирк устроили?

— К нам крутой чувак пришел! А вы... — крикнул парень с дредами очень весело, ни на миг не опуская камеру, а потом заорал кому-то, оборачиваясь в сторону лестницы. — Мужики! Сюда! Бегом!

— Отпусти меня, — в это время попыталась я освободиться, чувствуя себя неловко. Пожалуй, сейчас у кого-то начнется незапланированная раздача автографов, а я буду совершенно лишней.

— Не рыпайся, — и не собирался слушать меня солист популярной группы, — старайся не поднимать головы, — иначе твое лицо увидят.

Вот как? Действительно. Но... у меня что, действительно такое ужасное лицо, что этому наглому дураку так стыдно будет, что рядом с ним не фотомодел, а всего лишь простая я? Нет, это уже совсем ни в какие ворота не лезет! Нельзя быть настолько испорченным мерзавцем.

— Не смей поворачиваться, — прошипел Кей, плавно отходя вместе со мной ближе к стенке. — Они снимут твою мордашку, и уже через пару часов ты будешь веселить весь Рунет.

— Правда, что ли?

— Нет, я вру, — огрызнулся Кей.

Откуда я знаю? Может быть, ты мной, как живым щитом, сейчас будешь прикрываться?

— Кей! Дай автограф!!! — разорвался кто-то. — Поговори с нами!

— Ребята! Успокойтесь! — появилась еще какая-то преподавательница. — Ирина Родионовна, Ольга Павловна, что тут у вас творится?

— Кей! Кто это с тобой?! — не унимались какие-то девушки. — Покажи нам лицо этой стервы!!! Кей, кто это?!

Господи, по-моему, светловолосый намного умнее, чем я думала, — меня эти девицы растерзать хотят, кажется! Неужели они меня считают девушкой Кея? Это престижно, быть второй половинкой звезды? Или это немного опасно?

Ирина Родионовна замерла, пораженная наплывом учеников, которые выставляли вперед сотовые телефоны, словно хотели ими заколоть нашего популярного парня и меня вместе с ним заодно. Женщина явно понимала, что теряет контроль над ситуацией.

— Что тут такое? Что тут такое? — повторяла она, и только ее грозное присутствие отпугивало школьников, не давая им еще плотнее обступить Кея. — Прекратите! Ребята, с кем я разговариваю?!

— Вы чевой это творите? А ну брысь отседова! — выбежала охранница-бабушка из своей будочки, наконец проснувшись. Она мигом оценила обстановку.

— Вы что-нибудь понимаете? — жалобно обратилась к нам Ирина Родионовна. — Дети из-за вас так кричат?

— Этот парень — знаменитость, а это все его фанаты, — умудрилась я немного повернуть голову в ее сторону. А все-таки приятно стоять почти что в объятиях этого красавца с жутким характером. И одеколон у него со вкусом подобран. Интересно, если я немного поудобнее голову положу, Кей разозлится?

— Правда? — всплеснула пухлыми руками женщина. — Я и смотрю, мальчик как с картинки! Миленький такой, как белоснежный котенок!

И это говорит взрослая состоявшаяся преподавательница? «Котенок» тяжело вздохнул.

— Знаменитость, говоришь? — пожевала губами и охранница, видя, как коварные школьнички все ближе и ближе подбираются к солисту «На краю». — А ну, идите быстрее ко мне, не то вас эти слоны затопчут! А то потом оттирай всяких там знаменитостей с пола...

И она широким жестом указала на собственную конуру, что примостилась справа от нас. В ней трое уместились бы с трудом, зато она была огорожена от внешнего мира.

— Кей! — никак не могли успокоиться фанаты, продолжая напирать.

Надо же, а я и не подозревала, что их так много. Келла и его друг действительно очень известны.

— Мой любимый тут! — вдруг раздался истошный девичий крик. Для музыканта это стало последней каплей. — С какой-то шалавой!

Это я-то шалава??? Вот уж чего только о себе не услышишь. И все из-за этого напыщенного популярного малого. Сам он шалава.

— Нам направо, — скомандовала пожилая женщина и добавила: — хорошо, хоть не через всю толпу переть! Вот ученички, вот оглоеды ненормальные...

Светловолосый, одной рукой придерживая меня, второй резким движением снял свою куртку, умудрился накинуть ее мне на голову и сумел пройти вслед за воинственной преподавательницей и бабушкой-охранницей, расчистившей ему путь в толпе собственным телом и метлой, невесть как оказавшейся в ее жилистых руках.

— Я потрогала Кеечку! — возопила какая-то идиотка.

Хо-хо, вот оно — счастье. А наш звездный блондинчик хорошо устроился. По-моему, вздумай он заняться работоторговлей, то у него не было бы проблем с «товаром» — кое-кто сам бы ему бесплатно отдался за одно только прикосновение или какой-нибудь там поцелуй.

Парень несколько грубо впихнул меня в услужливо открытую дверцу, ведущую в крохотное прямоугольное помещение, где хранились многочисленные ключи от кабинетов. Нам очень повезло, что мы остановились именно в этом месте. Боюсь, что бешеные ученики и ученицы не дали бы нам спокойно пройти сквозь свои стройные ряды, скажем, к лестнице.

Бабка под руководством несколько пришедшей в себя Ирины Родионовны захлопнула за нами дверь. А я тут же заперлась на защелку. Злые выкрики малолетних фанатов насчет меня совсем не нравились.

— Уф... — прошептала я. Несмотря на тонкие стены и наличие не слишком прозрачного стекла, в этой камерке было намного тише, чем снаружи, и радостные и восторженные вопли превратились в один большой, долгий, неразборчивый звук. Да уж, нелегкая жизнь у звезд шоу-бизнеса. Я всего лишь один раз столкнулась, и мне стало не по себе, а им, несчастным, едва ли не каждый день приходится терпеть такое. Вот она, обратная сторона известности!

Эта ситуация напоминала мне осаду крепости, в которой засели я и светловолосый.

Учительницы и охранница, а также подоспевший к ним физрук, в руках которого торчала сосиска в тесте, обороняли сторожку-крепость снаружи. Безрассудные люди... Правду говорят, что преподаватели способны на самопожертвование.

Нападавшие, точнее, ученицы и ученики, были явно недовольны таким раскладом. Они продолжали орать и звать Кея.

— Ну что, рада? — снизу вверх посмотрел на меня Кей, сразу же усевшись на единственный стул, стоящий перед миниатюрным столиком, на котором возлежал потрепанный журнал, куда бабушка аккуратно записывала всех тех, кто брал ключи, заставляя при этом расписываться. Ответственная старушка.

— Чему рада? — не смела повернуться я лицом к стеклу, за которым бушевали раздосадованные поклонники тяжелой музыки. Хотя это стекло было зеленоватым и слегка мутным, к тому же увешанным бумажками, и рассмотреть меня было бы крайне проблематично. Но береженого Бог бережет. Кей заметил, что я боялась даже голову повернуть, и произнес довольно:

— Правильно, правильно, детка, не поворачивайся к ним лицом. Я не для того укрывал тебя. Кстати, верни куртку. Она мне дорога.

Я тут же протянула предмет одежды парню, но он не взял его, а сказал, чтобы я положила ее на стол. Пришлось выполнить его указание.

Барин чертов. И как я к училке Нелькиной попаду?

— Ты рада тому, — ничуть не смущаясь, проговорил фронтмен группы, поигрывая своим кулоном, как всегда висевшим на груди, — что из-за тебя мы тут оказались и попали в идиотское положение? Признайся, счастлива?

— Из-за меня? — я просто переполнялась праведным гневом. — Да ты сам за мной увязался!

— Я договорился встретиться с тобой. А тебя понесло в школу неизвестно зачем, — совершенно не чувствовал себя виноватым он.

Такие, как он, даже в следующей реинкарнации не смогут узнать, что такое угрызения совести.

Я ответила чуть нервно.

— Зачем понесло? Я же русским языком сказала — к классной своей сестры! Нелли попросила меня об этом вчера вечером.

Парень слегка откинул голову и в упор посмотрел на меня.

— Значит, — задумчиво сказал он, — ты сначала пообещала

встретиться со мной, а потом передумала? Как невежливо, куколка. Ай-ай-ай.

Может быть, это и невежливо, но как я должна была поступить? Я вообще не верила, что он ко мне придет. Надо же, наш мистер Крутой-Певец-В-Крутых-Штанах-С-Рокерскими-Побрякушками решил осчастливить своим драгоценным вниманием некую Катю Радову. И я ненавижу, когда ко мне так фривольно обращаются. Какая я куколка? Какая я детка?

— Отстань, — не смогла я придумать аргументов в свою защиту. — И не обращай ко мне так.

— Я могу звать тебя «эй», — пожал плечами Кей, убирая упавшую на глаз светлую прядку волос.

Кстати, что-то я сегодня не заметила в его прическе разноцветных прядей, как на концерте.

— Кей! Кей! Выходи! — стройным хором проорали за стеклом.

Людей в коридоре становилось все больше и больше. Прибыли и любопытствующие, которым было интересно, почему куча их одношкольников собрались едва ли не у входа и вопят, как потерпевшая бабулька?

— Выйди лучше к своим поклонникам! Видишь, как они тебя требуют, — попыталась вложить я в свой голос как можно больше язвительности, только у меня этого не получилось.

— Я не люблю, когда на меня обращают много внимания, — его ответ показался мне странным. Как такой, как он, считающий себя мегазвездой, не любит фанатского внимания? Это же так лестно.

Кей продолжал, задумчиво глядя в стекло на размытые фигуры страждущих увидеть его:

— Скажи, детка... а, да-да, я забыл, что ты отзываешься на «эй». Эй, скажи, почему они все хотят со мной встретиться? Почему радуются, видя Кея?

Ого, о себе мы уже в третьем лице говорим? С меня пример берем?

— Почему Кей так популярен, эй, детка?

Я недовольно посмотрела на него. Знаю-знаю, хочешь услышать хвалебные слова о том, что он прекрасен и все эти детишки желают лицезреть своего кумира. Эта его уловка из серии: «Ой, мне, кажется, пора садиться на диету!», когда эту фразу произносит вполне себе стройная или даже излишне худая девушка, желая, чтобы окружающие тут же принялись уверять ее, что никакой диеты ей совсем не нужно, она ведь и так тоненькая аки тростинка. Так и Кей хочет услышать о том, какой он

знаменитый и крутой.

— Эй, я серьезно, — вдруг совершенно неожиданным для меня серьезным тоном проговорил Кей, потирая подбородок. — Они ведь меня не знают. И все равно хотят от меня чего-то. Вот скажи, ты ведь в курсе насчет меня и моего характера. Стала бы выкрикивать слова любви, как те девушки?

— Нет, — честно сказала я, но добавлять о том, что его характер ужасен, не стала.

— Вот видишь. А они не знают настоящего меня и хотят.

— А почему бы тебе все-таки с ними не встретиться? Ну, там, допустим, не со всей толпой сразу, а то это, конечно, опасно, а просто хотя бы автографы раздать.

— Прямо в школе? — зевнул Кей. — На уроке музыки, да? Глядите, к нам пришло наглядное музыкальное пособие. Сейчас оно нам споет, и вы узнаете, например, что такое гроулинг или скрим, ребята. Оно покажет вам технику, а мы все вместе повторим на оценку.

— Нуу... — уклончиво отвечала я. — Они требуют, чтобы ты спел. Слышишь?

— Не жалуясь на слух. Петь не буду. Только на концертах.

— Почему?

— Ты хочешь это знать? — с какими-то задними мыслями спросил парень.

— А что?

— Признайся, что я тебе нравлюсь, тогда и я открою тебе свою маленькую тайну.

Я тут же отказалась. Буду я позориться, в таком признаваться. Видно же, что этот экстравагантный дурак надо мной измывается.

Я опустилась на корточки. И долго нам тут сидеть? Надо же, любая из тех девчонок, которые там сейчас едва ли не скандируют, чтобы солист любимой группы дал им автограф, была бы счастлива, если бы оказалась на моем месте. А мне вот тут торчать не очень нравится. Нет, конечно, наличие Кея — это, с одной стороны, очень даже мило. И смотреть на него эстетически приятно. Но, с другой же стороны, он вызывает у меня бурю эмоций, очень даже негативных. Я теперь во всем виновата.

Ну, Нинка, заварила кашу, спасибо тебе огромное! Сама-то дома сидишь, а я мучайся.

— Эй, тебе было приятно, когда я тебя обнимал? — с коварной полуулыбочкой спросил Кей, наклоняясь ко мне. Выкрики фанатов его никак не трогали, как и их просьбы дать им автограф.

— Что? — повернулась я к нему, сглотнув. Понравилось. Ты же знаешь, что понравилось.

— Если признаешься, я обниму тебя вновь. А может быть, даже... — Беловолосый не договорил, таинственно замолчал, протянул руку ко мне и чуть коснулся моего плеча, на которое падали волосы. Провел пальцами вдоль предплечья. Улыбнулся, глядя мне в глаза.

Я осторожно следила за его движением. Ну что за человек! Даже простое его прикосновение переполнено самодовольством! Не парень, а целая фабрика по производству комплектующих для мании величия.

Заманчивая фабрика.

— Слушай, отстань, пожалуйста, от меня.

— Признайся, тебе нравились мои прикосновения, — уже не вопросительно, а скорее утвердительно произнес он, напоследок касаясь моей ладони.

Ну вообще-то, да, только не думаю, что вы, Кей Батькович, услышите мое признание. Тогда ведь вы опять начнете упиваться собственным «я». А такого Екатерина Томасовна, пожалуй, не выдержит и самоуничтожится.

— А что твои прикосновения? Обычные. Наглые. Противные даже, — вспомнила я нечаянно его теплую удобную грудную, хе-хе, клетку.

Кей явно был разочарован этими словами.

— И все?

— А что? У тебя что, руки особые? Из них волшебство появляется?

— Да. Я тебе все-таки нравлюсь, — вынес алогичный вердикт музыкант. — Может быть, сядешь ко мне на колени?

А на шею тебе не забраться?

— Слушай, там целая толпа твоих фанатов грозит школу разворотить на камешки, а ты тут засел и спокоен, как удав? Всякой фигней страдаешь! — не выдержала все же я.

— А мне что, плакать? Эй, ну признайся мне — я тебе нравлюсь? Хочешь быть со мной?

— С ума сошел? — вздрогнула я. — С чего это вдруг? Ты вообще... э-э-э... не в моем вкусе. Прости.

— Неужели? — такое чувство, что он сам себя по затылку сейчас гладить начнет. — А кто тебе нравится? Кто в твоём вкусе?

Я не успела и рот раскрыть, а он продолжал, в упор глядя на меня:

— Помнится, у тебя молодой человек есть?

— А тебе-то что?

Какой еще молодой человек? Ах да, дернуло же меня в лифте соврать...

— Хочу знать. Какой он? Хуже меня? Лучше? Не может быть. Кей почти что идеален.

Естественно хуже. Он же не существует. А идеалов вообще не бывает.

— Вы просто разные. И отстань от меня с глупостями, — вновь не нашла я что ответить.

Подумав, я решила добавить что-нибудь плохое, чтобы этот тип отвязался от меня:

— Ты не в моем вкусе. И у тебя этот... одеколон противный, — решила я, наконец, на гадость, однако Кея это совсем не смутило.

— А у тебя нет вкуса, к примеру, — ничуть не расстроившись, произнес он. — Но я же молчу.

— Нормальный у меня вкус. Ты просто злишься, потому что не нравишься мне, — распалилась я. К тому же вдруг вспомнилось, почему я вообще пришла в школу. Интересно, сестра ждет меня или бесится где-то среди фанатов? — Повторяю, мне нравятся не такие, как ты, а импозантные и вежливые мужчины вроде твоего менеджера Андрея. Вот.

— Да я вообще-то одежду имел в виду, — смерил меня недобрым взглядом парень. — Значит, тебе нравится наш старик? Тебе ничего не светит, детка... а, прости, эй. Тебе ничего не светит с ним. Он любит блондинок с пышными формами. — И он оценивающе оглядел меня, словно бы говоря, что я на такое высокое звание никак не потяну.

— Какой он тебе старик? — уже не рада была я, что сказала такое. Пристанет же теперь и высмеет.

Кей хотел мне пояснить какой, но тут...

И тут фанаты решили выманить Кея следующим образом: они не нашли ничего лучше, как большим, нестройным, но очень старательным хором запеть одну из самых первых песен. Честно сказать — пели с чувством.

— Ну ничего себе, слышишь? — с восторгом повернулась я к своему соседу по каморке, забыв о красавчике менеджере.

Он слышал. И не просто слышал, а слушал. И лицо его неуловимым, загадочным образом изменилось. Нет, он не оброс неожиданно шерстью, и не стал обладателем хобота, рожек и капающей с синюшного языка ядовитой слюны. Выражение лица Кея приобрело мягкость, а в глазах появился странный блеск. Нет, не такой, когда человек употребляет энное количество алкоголя, совсем другой.

Кей внимательно слушал то, что поют его последователи, и постепенно его губы озаряла тонкая улыбка. Обычная, человеческая, не самодовольная, а приятная и, кажется, немного счастливая. Ого, что это

творится с нашим принцем рока? Расчувствовался, что ли?

А такое выражение лица ему, простите, за тавтологию, очень к лицу. Кей кажется действительно таким милым и... нормальным, что ли? Костяшками пальцев, явно не замечая этого, отбивает ритм.

Я с удивлением поняла, что пора отказываться от стереотипов — этот парень не всегда такой противный, каким он мне казался. Тот факт, что эти подростки поют его песню, исполняя слова, придуманные им самим, делал его... лучше? Добрее? Мягче?

Выражение, появившееся на красивом и ухоженном лице солиста «На краю», вдруг напомнило мне одну старую полузабытую картину из детства: я впервые попала на выставку Томаса, одну из первых его больших выставок, где журналисты брали у него интервью, а более опытные коллеги поздравляли с удачным дебютом. Туда, в большой белый зал, увешанный папиными картинами, я пришла в сопровождении Леши. Дядя вертелся, выискивая глазами каких-то знаменитых людей, восхищался и очень ждал фуршета. Тогда он был юным и вечно голодным, и, как следствие, жадным до еды. А я и Эдгар, который еще не знал о том, что есть такая потрясающая штука, как компьютеры, разглядывали картины и глазели на большое количество людей. До папы мы добраться не могли — слишком много важных персон его окружало и поздравляло.

Он стоял посередине выставочного зала, смотрел вперед и улыбался.

— Почему ты так улыбаешься, па? — спросил Эдгар, дергая Томаса за рукав в кои-то веки выглаженной и белоснежной рубашки.

— Потому что я подарил людям улыбки.

— Ты что, клоун, папа?

— Нет, Катенька. Я художник.

— Но твои картины не смешные, а странные, — заметила я при молчаливой поддержке Эдгара.

Томас пропустил эти детские слова мимо ушей.

— Каждый раз, когда я смотрю на то, как люди рассматривают мои картины, я понимаю, что не зря старался и рисовал эти вещи. Я подарил миру свои эмоции. И, самое главное... знаете, что самое главное?

Мы дружно помотали головами.

— Самое главное — я подарил, а мир принял мои умения. И признал, — пояснил Томас. — Понимаете?

Мы вновь помотали головами. Томас вздохнул, обдумывая, как бы еще раз объяснить своим малолетним дочери и сыну сущность искусства.

— Дети, я осознаю, что добился своей мечты, когда вижу, как все эти люди смотрят на мои творения. Они покупают и хвалят мои картины, но

главное не это. Главное — они чувствуют меня и мои эмоции, которые переполняли меня на тот момент, когда я творил.

Честно сказать, тогда нам было абсолютно все равно. Мы просто хотели домой. Или покушать — Алексей наобещал нам стащить много вкусностей с фуршета.

А папа улыбался, вновь оглядывая галерею, и выражение его лица чем-то как раз и напоминало мне сейчас то, что я могла прочесть во взгляде и улыбке Кея.

В детстве я не понимала громких слов, просто видела, как Томас счастлив от того, что то, что он делает, кому-то нужно.

— Эдгар, Катя, тот миг, когда творец понимает, что не просто создает картинку, песенку или статую, а радуется ими других, становится волшебным мигом. Творец осознает себя частью чего-то божественного. Мои картины — искры моей души.

— Кушать хочу, — поделился со мной шепотом братик, не слушая зануду-папу.

Меня тоже слова о каких-то там искрах не задели.

Тут принесло дядю Борю, в то время злостно употреблявшего все, что имело градусы, и, конечно же, он все испортил. Мужчина, слегка покачиваясь в такт весело звучащей музыке, заявил:

— Ну, ниче ты тут тусу замутил! Ну, ваще прямо! **<запрещено цензурой>!**

А появившийся рядом с ним еще один папин друг, тот самый, носящий гордую кличку Краб, заявил:

— Вот и твои каляки-маляки стали знаменитыми, дружище... Ик!

— Поздравляем, друже ты наше лохматое! — похлопал Томаса дядя Боря по плечу, а Краб, которого мы тогда наивно тоже называли дядей Крабом, стал жать ему руку с такой энергией, словно пытался оторвать.

Волшебство творчества тут же пропало, растворяясь в алкогольных парах, исходивших от друзей Томаса. Зато я навсегда запомнила глаза человека, который понимает, что может дарить радость своим творчеством. Ох как же патетично звучит, но это правда: те, кто творят, в первую очередь желают доставить удовольствие другим, заставить этих других прочувствовать определенного рода эмоции, в общем, поделиться своими душевными искрами — той самой частью божественного. Когда же от этих искр разжигаются костры чужих душ, творцы чувствуют это и осознают себя полноценными личностями.

Наверное, все творческие люди так реагируют на признание. Художник Томас осознал важность своих работ на первой своей крупной

выставке, певец Кей понял, как его песни много значат в тот момент, когда много-много голосов стали напевать его «искру».

Это круче, чем кокаин,
Это ярче последней дозы.
Это чистый адреналин.
От смертельной твоей угрозы.

Это явленный тобой лик,
Улыбнувшийся визуал,
И услышу я чей-то крик —
Стон того, кого я предал...

Нет, рядом с ним я точно сойду с ума. Ну и потянуло же меня на такие раздумья об искусстве...

Кей, ты такой дурак, и если ты начнешь мне нравиться, я... я очень расстроюсь.

В это время в переполненный и шумный холл из-за угла вывернула целая преподавательская делегация. Возглавлял ее директор, низенький и щупленький мужчина в очках, которого все в этой школе, включая и некоторых учителей, звали Помидоркой. Когда я спросила у Нелли, почему они так странно называют руководителя школы, она заявила: «А как звать по-другому человека, имеющего фамилию Помидоркин? И даже брутальное имя Лев Семеныч его не спасает от такого крутого прозвища».

Вслед за важным директором, облаченным в свой самый торжественный костюм, вышагивали несколько завучей, какие-то важные дядьки из комиссии гороно и пятеро американских преподавателей, чья школа сотрудничала с Нелькиной в международной программе обмена учениками. Нелька, как только услышала об этой программе, закатила дома едва ли не целую истерику: мол, она просто мечтает побывать в другой стране по обмену целых полгода. Правда, через пару дней ее пыл поостыл — когда она узнала, что в программе будут участвовать только хорошисты и отличники, а ей, закоренелой троечнице, туда путь заказан до тех самых пор, пока она, Нелли, не исправит свои оценки.

— Сейчас мы с вами пройдем в наш спортивный зал, — вещал громко Помидорка, надеясь произвести на зарубежных коллег впечатление, —

оборудованный по последнему слову техники, господ.

Учительница английского все сказанное тут же перевела. Американские преподаватели обрадованно закивали. Улыбка вообще не сходила с их лиц, то и дело обнажая неестественные белые зубы. Вообще эти люди были настроены очень положительно. Директора и учителей это радовало — они очень хотели показать, что российские школы тоже не лыком шиты, а школьники, да и они, сами преподаватели, не лаптем щи хлебают, а прекрасно знают свои предметы и учат подрастающее российское поколение в отличных условиях.

— Сейчас мы пройдем в холл, — продолжал Помидорка, который совершенно не представлял себе, что творится в этом самом холле, — иначе бы он никогда не повел туда своих иностранных коллег и представителей комиссии.

— А потом мы, дорогие гости, прибу... Это еще что такое?! — замолчал на полуслове директор.

Галдящие гости тоже притихли. Если преподаватели Нелькиной школы хотели удивить гостей — у них это получилось.

Перед интернациональной группой учителей открывалась замечательная картина: весь широкий школьный холл был забит орущими учениками, которые особенно плотной кучей обступили небольшое помещенье, где баба Клава, взявшая на себя роль временной охранницы, заведовала ключами и выдавала их преподавательскому составу. Учащиеся что-то усиленно снимали на камеры сотовых телефонов, кричали, вопили, махали руками... В общем, шумели так, как будто бы в сторожке престарелой охранницы был спрятан бесхозный чемодан с миллиардом долларов.

— Кто позволил?! — рявкнул Помидорка. — Что случилось?! Почему здесь весь преподавательский состав столпился?

— Лев Семенович! — завопила завуч младших классов, неведомо каким образом узрев начальство, — у нас ЧП!

— К-к-какое ЧП? — ошалел директор. «Неужели кому-то плохо стало или преступника поймали? Или подрался кто? А может, маньяк объявился?» — пронеслось у него в голове.

Комиссия из гороно заметно оживилась, а американские гости, бросая заинтересованные взгляды на толпу возбужденной молодежи, в которой нет-нет да и мелькали ученики младших классов, спрашивали у англичанки, стараясь перекричать учеников:

— Что это у вас здесь такое? Так надо? Чем заняты дети?

— Э-э-э... — сама пребывала в легком замешательстве девушка.

— Это какое-то местное развлечение, мисс Орлова? — поинтересовался у молоденькой переводчицы один из самых разумных американцев на своем родном языке.

— Не знаю... — зачарованно проговорила девушка. — Но сейчас выясню, мистер Блэк.

— Тут этот... как его... звезда! Заперлась! — простерла руки по направлению к пленникам сторожки Ирина Родионовна. — Пришла к нам! И девушке на голову куртку надела! И дети орут!

— Что вы несете? — строго взглянул на нее Помидорка, — немедленно разберитесь с этим балаганом! Какая звезда? Из планетария, что ли, ее умыкнули? — имея в виду школьный небольшой планетарий, поинтересовался директор.

— Какой планетарий, Лев Семеныч? — подоспел запыхавшийся физрук. — К нам в школу пришел парень один, певец популярный! А эти все, — кивнул мужчина на поклонников группы творчества «На краю», — его фанаты. Автограф хотят.

— Так пусть он даст и из школы на всех парах вымет... покинет наше среднее учебное заведение!

— Они же его на частички разорвут, если он выйдет, — виновато пожал могучими плечами физрук, словно это он был виноват в школьных беспорядках, — как увидели этого Кея, аж с ума посходили! Полперемены уже орут, а мы их отогнать не можем.

— Я не понял, милейший, — повернулся к директору один из представителей комиссии, — что на вверенной вам территории творится?

«Найду нарушения, — злорадно подумал он про себя мимоходом, — убереу тебя и жену свою наконец директором поставлю, а то ты тут больно засиделся, голубчик Помидоркин».

— Они что-то поют? — прислушивался вдруг один из американских учителей к шуму в холле, который стал более плавным и размеренным.

Ребята явно пытались наладить хор. Понемногу это у них получалось. На пару секунд все учителя тоже прислушались.

Это просто паденье вниз,
Головой по земле. Удар.
Ты исполнишь любой каприз,
Проклиная меня и мой дар.

Я всевластен тебя убить,

А быть может, прощу. Я — князь.
Ты — мой раб. И не сможешь забыть,
Что я тварь, подлый демон и мразь.

— О чем они поют? — спросили американцы с восторгом. — Это ваше устное народное творчество, мисс Орлова?

— Да-да, — пролепетала сбита с толку переводчица.

— Красиво! Колоритно. Национальный хор! В детском исполнении! — наперебой стали говорить иностранцы, которые несильно понимали суть происходящего. — А о чем песня?

— О жестоком русском царе Иване Грозном, — удалось девушке что-то разобрать в общем гуле про какие-то пытки и кровь, а также о каком-то князе. Молодая преподавательница понимала, что происходит нечто странное, и очень хотела спасти репутацию родной школы.

Неожиданно женщина средних лет, которая являлась заместителем директора по воспитательной части, оживилась:

— Кей, говорите? Это не тот самый Кей, который в группе «На краю» играет?

— Кажись, тот, — отвечал физрук, — ребята все как раз что-то про край орут какой-то.

— Значит, он! — воскликнула женщина. — Вы знаете, мой сын просто помешан на этой рок-группе. Недавно вот деньги с меня вытряс, чтобы я его пустила на их концерт в клуб какой-то. За это пообещал четверть без троек закончить! И, представляете, до сих пор ни одной двоечки и троечки домой не принес, а он у меня настоящий разгильдяй!

— Марина Павловна, давайте не будем о личном, — строго взглянул на нее глава школы, заметно нервничая.

— Я все-таки не понял, что у нас тут такое? — вновь вмешался введливый мужик из комиссии.

— А это у нас, собственно, посещение школы известным певцом, — всегда умел найти выход из дурацких ситуаций Помидорка. Не зря же он занимал пост директора уже много лет. К тому же он прекрасно понимал, что его явно желают сместить с тепленького места. А замечание Марины Павловны пришлось очень кстати.

«Надо сделать вид, что все в порядке! А то этот хмырь меня точно места лишит! Ну почему именно сегодня какому-то недоумку вздумалось прийти в мою школу??»

Он, яростно подмигивая завучу по воспитательной части,

протараторил:

— Это наш специальный гость! Мы хотели показать, какими известными людьми становятся наши выпускники! Каких высот добиваются! Каким успехом пользуются!

— Что все-таки происходит? Мистер Помидоркин? — опять вмешались американцы. Неведение их коробило. Да и русское народное творчество некоторые из иностранных учителей воспринимали несколько по-другому.

— К нам в школу зашла знаменитость... Рок-певец, — растерянно отвечала им переводчица и повторила слова директора.

— О, это здорово! — обрадовались зарубежные учителя, которые были очень и очень демократичными. — Рок — это прекрасная музыка!

А кто-то из них даже добавил, что «уже много столетий рок радует наши уши».

— Мы специально пригласили господина Кея в нашу школу! — радостно воскликнул тем временем Помидорка с такой счастливой улыбкой, что все американцы тут же ее подхватили. — Это, знаете ли, один из наших первых выпускников, который... который? — с надеждой посмотрел она на завуча по воспитательной части.

— Который стал известным человеком в мире тяжелого черного метала! — очень плохо разбиралась в музыкальных направлениях Марина Павловна. — Сын говорит, что этот парень покорит весь мир! Даже Америку! По крайней мере в России он популярен весьма...

— Певец Кей приедет в Америку, — тут же сказала на английском американском переводчица и добавила: — Он очень любит вашу страну, господа.

Иностранцам этот факт очень понравился. Они очень хорошо относились к тем, кто испытывал нежные чувства к Соединенным Штатам Америки.

— И что, ваш Кей будет с концертом выступать? — подозрительно посмотрел глава комиссии на директора.

«Чтобы ты провалился, дурень», — пожелал ему Помидорин, а сам улыбнулся в тридцать два зуба и согласно покивал.

— Не то чтобы с концертом, скорее с лекцией... о здоровом образе жизни.

— Какие странные у вас рок-исполнители, — произнес один из иноземных гостей, услышав перевод от «мисс Орловой». — В России, действительно, все необычно и самобытно, даже неформатная музыка... Формула «секс, наркотики и рок-н-ролл» не работает.

А Помидорка продолжал не стесняясь врать:

— Видите, как он популярен у молодежи! Друзья, пойдемте же скорее к нашему гостю, дабы препроводить его в актовый зал! А между прочим, в нашем актовом зале прекрасная вращающаяся сцена, господа! Мы имеем возможность проводить прекрасные спектакли! А какой у нас реквизит!

И директор средней школы, отталкивая вместе с физруком собственных учеников, направился к месту эпицентра, одновременно он шипел, как рассерженный кот той самой Марине Павловне, спешащей следом за начальником:

— Этот ваш Кей — он не наркоман? Рок-звезды все наркоманы...

— Кажется, нет. Мы, знаете ли, лично не знакомы, — с достоинством ответила та.

— А выступать он согласится в школе? — допытывался директор каким-то зловещим шепотом. Он явно догадывался, что здоровый образ жизни не совсем то, что предпочитают музыканты.

— Понятия не имею.

— Что вы вообще знаете?.. Этот парень на каком инструменте-то играет?

— Кажется, сын говорил, что на гитаре, — осторожно сказала преподавательница.

— Тогда срочно отправляйте кого-нибудь за гитарой! Она в музыкальном классе! Мы должны заставить этого вашего товарища Кея — кстати, какое у него имя? — должны заставить его выступить и сказать нам всем пару слов! Иначе нам крышка. — Тон директора переменялся и стал сладким, как сахарный сироп нового поколения. — Дорогие друзья, мы почти у цели! Актовый зал....

Пока шла делегация, которую пихали и толкали почти так же сильно, как и прочих участников столпотворения, не делая скидку на то, что это вроде бы как почетные гости и вообще уважаемые люди, директор Помидорка внимательно прислушался к разговору двух десятиклассников, которых он сам презрительно называл «панками малолетними» и «дебилами редкостными». Директор среднего учебного заведения даже остановился, пропустив делегацию вперед себя.

— Я хочу, чтобы Кеечка к нам вышел! — вскрикнула одна из девушек в черной майке с надписью «На краю». Щеки ее лихорадочно пылали. — Ну почему он не выходит-то??

— Мы же ждем его! — подхватил хор ее подружек, в чьих руках дрожали сотовые телефоны с камерами наготове.

— А он че, дурак? — выразительно посмотрел на друга с дредами лысый парень, который еще три дня назад мог похвастаться самым настоящим ирокезом, но стараниями директора пришлось его сбрить и теперь щеголять с лысиной. «Иначе в школу не пуцу!» — заявил Помидорка этому ученику, и тот был вынужден подчиниться злой воле преподавателя.

— Почему дурак? — не поняли девушки.

— Я на его месте в такую толпу тоже не поперся бы, — изрек лысый.

— Ты не на его месте, — презрительно заявила одна из девушек.

— Да я бы тоже шугался! — подхватил парень с дредами. — Он только выйдет, на него вся кодла эта кинется, и останутся от вашего Кеечки, — передразнил он одноклассницу писклявым голоском, — одни рожки, ножки и еще ченить хорошее.

— Например, зубы, — бестактно заржал лысый молодой человек, и несколько рядом стоящих парней поддержали его.

— Или пирсы!

Но девушки все равно оставались недовольными. Они наперебой начали возмущаться.

— Тем более он со своей подружкой! — продолжил лысый паренек. — Вы же, девки, сумасшедшие, кинетесь на нее...

— Зачем нашему Кею подружка?!

— Она дура какая-то левая! И **<запрещено цензурой>!**

— Мы бы ей все кости переломали, если б узнали, что эта за стерва!

— Вот-вот, — поиграл широкими бровями бывший обладатель ирокеза. — Вы ее живьем съедите! — И вообще, — вдруг проснулась в нем мужская солидарность, — Кей что, не мужик, что ли? Ему подружку тоже надо!

— Точно! — поддержали его остальные парни, которые слушали разговор. До девушки своего кумира им было как-то фиолетово, они бы просто не отказались заценить «фейс и фигурку» этой девицы — ведь наверняка у солиста «На краю», по выражению лысого, «все бабы — просто отпад!».

Эти слова еще больше не понравились девушкам, и они, активно работая локтями, полезли вперед, надеясь все же увидеть предмет поклонения близко.

— Не, Кей точно не выйдет, пока толпу не уберут, — покачал головой безволосый парень, потирая кожаный шипастый браслет на руке.

— Эй, Палкин! — позвал притаившийся директор своего ученика, недавно сбившего ирокез.

— Вы че, — очень сильно удивился юноша, увидев перед собой Льва Семеныча, — тоже фанат?

— Я те покажу «фанат». Палкин, Мышкин, ну-ка за мной.

— Че мы опять сделали? — заныли парни, которые каждую неделю, словно по расписанию, оказывались виноваты то в одном, то в другом злодеянии.

— Пока ничего. А если не пойдете — сделаю много чего хорошего, — многообещающе сказал добрый директор, души не чаявший в своих учениках.

— Смотрите, Помидорка! Помидорка пришел! — заволновалась толпа. Ребята понимали, что сейчас учителя в общем и директор в частности сделают все возможное, чтобы разогнать их всех на урок. Большая получасовая перемена заканчивалась через пару минут, а школа просто бурлила и кипела, как ведьмин котел, в котором варилось и булькало зелье.

«Я вам покажу, Помидорка! Я вам устрою! — очень задевало подобное прозвище степенного и важного Льва Семеновича, — мерзкие маленькие уродцы! Вылезли из всех нор, чтобы посмотреть на какую-то там рок-обезьяну!»

— Лев Семеныч! Че вы хотите? Это не мы разрисовывали портреты в классе историка! — вновь заныли друзья, когда бормочущий что-то директор отвел их за угол. Там было относительно тихо. Только младшеклассники выглядывали, пытаясь разузнать, что там происходит со старшими ребятами.

— Какие еще портреты? — строго взглянул на них самый главный человек школы.

«Уф, еще не знает», — понеслось в головах Палкина и Мышкина, и они облегченно вздохнули, переглянувшись друг с другом.

— Так, — по-деловому и без предисловия начал Помидорка, — школу без двоек в этом году хотите закончить?

Его ученики насторожились, переглянулись и коротко кивнули.

— Значит, так. Условия просты. Сделайте что угодно, но этот ваш Кей или Мей должен запеть.

— Вы чего? — вытаращился на него Палкин, почесывая лысину.

Спустя пару секунд они с приятелем, перебывая друг друга, заговорили.

— Как мы такое сделаем? Кей только на концертах поет!

— Как вы себе это представляете?

— Да вы бы лучше разогнали бы всех этих сумасшедших девок!

— А то вам ментов по ходу придется скоро вызывать!

— Вы вообще представляете, сколько этот чувак за частный концерт берет?

— Сколько? — заинтересовался тут же директор. Лев Семеныч очень любил подсчитывать чужие доходы.

— Ну, точно не скажу, но много, — опять почесал голову лысый паренек.

— Ну, наверное, ваших десять зарплат точно, — важно кивнул юноша с дредами, словно самолично выплачивал Кею деньги.

Пока директор разговаривал со своими нерадивыми учениками, делегация вполне успешно прибилась к островку учителей, держащих оборону вахтерской.

— Ошчень супер! — на ломаном русском попытался сказать кто-то из американцев, которому нравилась такая вот неформальная культура в русской школе.

— Мисс Орлова, а ваш рок-кумир сидит вон в той примерной? — вновь поинтересовался, повышая голос, чтобы переводчица услышала его слова, самый любознательный из иностранцев.

— Да-да, он в примерке! — закивала головой девушка и подумала про себя: «Боже мой, нам никак нельзя опозориться перед американскими коллегами! И зачем я вообще пошла работать в школу? Лучше бы в ту фирму устроилась, которую мама мне предлагала....»

— Что делать с учащимися? — тем временем начали что-то похожее на военный совет собравшиеся здесь учителя. Кто-то предлагал вызвать милицию, но педагогическое большинство тут же отклонило это предложение — не хотели портить репутацию школе. Мужчины из горно стояли отдельным кружком — молоденький физик в больших очках и та самая завуч младших классов, Ирина Родионовна, взяли на себя задачу сделать так, чтобы эти люди не заподозрили, что ситуация совсем уж критическая и вот-вот может разразиться скандал. Подобного в их родной школе еще не было, и если преподавали знали, как можно утихомирить одного-двух-трех (а опытные могли держать в узде и весь класс) подростков, то как воздействовать на огромное их количество, они не понимали. Опыта в подобных вещах у них не было, и все эти люди довольно смутно представляли, что такое настоящие фанатство, а о том, что в толпе все чувства заразительны и гипертрофированны — только догадывались. Вернее, догадывался физрук, который в юности часто бывал в столице на футбольных матчах и болел за московский клуб. А еще он посещал концерт одного из столпов рока, приехавшего в Россию в конце восьмидесятых, и участвовал в огромной давке, когда пробирался за

автографом. Этот бывалый человек прекрасно знал, что такое поклонники, которые ждут своего кумира. А если учесть, что этот кумир находится в такой опасной близости....

Задумавшегося учителя оттолкнули два бугая из десятого, и тот чуть не полетел на пол.

— Эй, — заорал физрук, — Палкин! Мышкин! Идиоты! Ко мне!

— Извините, — пропыхтел сзади директор, спешащий за учениками, — им некогда!

Парни действительно даже не оглянулись, хотя вся мужская часть школы физрука побаивалась — он был сильным и вспыльчивым мужчиной. Друзья-панки подбежали к завхозихе, у которой находился второй комплект ключей от всей школы, и едва ли не утащили пожилую женщину за собой.

— Лев Семенович? Что вы делаете? — разинул рот учитель физической культуры и спорта.

— Спасая школу, болван! За мной! — распорядился директор, кидаясь к самой сторожке, которая надежно укрывала рок-звезду и его девушку, чье лицо разочарованные фанаты так и не смогли разглядеть. В руках у этого мужчины был какой-то пакет.

А ученики и ученицы опять решили спеть песню любимой группы «На краю», и это у них получалось все слаженнее и дружнее.

Чистый воздух разъедает злая тоска,
Проникает в твое сердце — только не плачь.
Коснись ты просто пистолета дулом виска.
Один щелчок — освободишься от неудач.

Мы сидели и скучали. Хотя, Кей в принципе был занят — он слушал новую свою песню в исполнении школьников и был очень доволен, хотя и не показывал виду, но я понимала это по его глазам, и мне почему-то стало за этого дурака очень радостно. Наверное, это реально здорово дарить миру свои чувства, эмоции и фантазии и понимать, что мир принимает это, и принимает с искренней любовью и восторгом.

Один щелчок — и больше нет здесь этих проблем,
И ты забудешь, что такое скука и боль.

Не будет больше в твоей жизни глупых дилемм.
Один щелчок — ты просто пальцу это позволишь...

Я уже слышала эту песню, и не скажу, что она особенно мне нравилась — музыка ничего, но слова просто убивают, — это прямой призыв к самоубийству, но поклонники творчества «На краю» пели как-то по-особенному хорошо, что никаких отрицательных эмоций я не слышала — напротив, все те, кто сейчас состоял в сводном школьном хоре, испытывали какие-то сугубо положительные эмоции.

— Может быть, тебе все-таки выйти? Не год же мы будем здесь сидеть? — предложила я.

— Убери их, и я выйду, — огрызнулся тут же певец.

В это время произошло несколько коротких, но очень интересных событий. Кто-то повернул ключ в двери и прокричал:

— Откройте, это директор.

Всемогуший! Теперь Нелли точно выгонят! Сам директор. Еще бы, если бы я была на месте Помидоркина, я бы тоже примчалась сюда выяснять отношения! Из-за нас фактически его школа теперь находится в полнейшем беспорядке!

— Открой, — велел Кей.

Я повиновалась и с быстро бьющимся сердцем открыла защелку. Криков тут же стало больше. Передо мной стоял Лев Семенович, а за ним с растерянным лицом мялся местный школьный физрук — их всегда можно отличить от прочих преподавателей по спортивному костюму.

Едва взглянув на меня, Помидорка протиснулся к Кею, оценивающе оглядывая его. Мужчина в синем спортивном костюме притулился у дверей и больше смотрел почему-то на меня. Мы теперь здесь, как селедки в банке. Эх Нелька-Нелька, не могла ты нормально вести себя в школе — мне не пришлось бы идти сюда... И ничего бы не случилось.

— Господин Кей! — торжественно обратился директор к солисту популярной группы. Наверное, сейчас он у него интервью попросит дать — с таким-то официальным выражением лица. — Я — директор Лев Семенович Помидоркин! А это Леонид Петрович, физрук. Ваш поклонник, старая гвардия — почему-то добавил Помидорка и потряс кулаком в воздухе, хотя по удивленно открывшемуся рту его спутника можно было сказать обратное. — Я рад, нет... Мы рады, что вы посетили нашу школу!

Кей на Семеныча посмотрел хмуро. Тот, впрочем, совершенно не

расстроился, а продолжал:

— Дорогой господин Кей! Мы глубоко тронуты вашим появлением! Видите, как радуются дети? Но мы не знаем, как их утихомирить. Не могли бы вы исполнить им всего одну песню, и тогда они бы разошлись.

— Они не разойдутся, — безразлично ответил звездный парень.

— Думаете? — немного оробел директор школы. — Кстати, что же привело вас сюда сегодня?

— Я и моя девушка пришли к классному руководителю ее сестренки, — отвечал беловолосый.

— А кто у нас сестра? — прямо-таки впился в меня хищным взглядом глава многострадальной школы.

— Радова Нелли из... — проямлила я, но Лев Семенович прервал меня.

— Радова? — с каким-то трепетом произнес он. — Это у которой папа-художник? И дяди-мотоциклисты?

Почему-то Кей хмыкнул. Мне стало неловко. Обычно таким тоном говорят о разных ужасных личностях, вроде: «Эта та самая Иванова, у которой брат — ворюга и жулик!», «А, это же Васечкин — у него дед маньяк и садист!» А у нас папа — художник. Наверняка директор до сих пор еще не забыл этот случай с байкерами. Ну, Томас, ославил же!

— А с Нелли что-то не так? — невинно осведомился директор, как будто сам не знал. — Вам не надо больше приходить в школу. Ваша сестренка — замечательная ученица...

— Правда? — удивилась я. — Но ее классная руководительница сказала, что, если сегодня кто-нибудь из родителей не придет, она Нелли на уроки не пустит.

— Это какая-то ошибка! — всплеснул руками хитрый Помидорка.

— Тогда нам можно не заходить к ее учительнице? — поднял на Семеныча заинтересованный взгляд Кей. — У нас, знаете ли, мало времени.

— Естественно! Я сам все улажу! — закивал мужчина так часто, как только могла себе позволить его шея. — И тут такая проблемка... мы никак не можем детей разогнать.

— Уж как-нибудь разгоните, — лениво произнес музыкант, словно это не он пару минут назад радовался их песне. Точнее, своей песне в исполнении школьников.

— Мы тут вот что хотим сделать, вы уж подыграйте! — Вытащил Помидорка из какого-то кулька два микрофона, балахон и белый милый парик. — Наш уважаемый учитель физкультуры согласился сыграть вас...

— Я? — глупо спросил учитель. Это для него было настоящей новостью.

— Вы, вы, — опять закивал Семеныч. — Вы же хотите прибавку к зарплате, Леонид Петрович?

— Хочу.

— Тогда вот вам парик, — протянул своему подопечному светлый парик с короткими волосами, которые чем-то походили на киевскую шевелюру. — И держите микрофон. Завернитесь в это одеяло. Выбежите и будете изображать нашего звездного гостя.

— Я?

— Вы-вы.

Капец! И смысл всего этого? По-моему, фронтмен рок-группы тоже этого смысла не видел — он молча наблюдал за директором.

— Это... Разве фанаты не поймут, что их скорее всего надули? Они же не идиоты... — спросила я все же.

— А для этого нам нужен второй микрофон! — жизнерадостно объявил креативный Помидоркин. — Чтобы учащиеся думали, что это действительно господин Кей выходит, настоящий господин Кей будет говорить что-нибудь в своей микрофон — а они у нас очень мощные, — а ненастоящий, то есть наш физрук многоуважаемый, будучи окруженным плотной толпой учителей, будет просто держать микрофон в руках и делать вид, что это он говорит в него... Таким образом, ученики и ученицы узнают голос своего кумира, то есть ваш, подумают, что это и есть господин Кей...

— Что за бред? — высокомерно взглянул на него молодой человек.

— А что вы предлагаете? Вы будете говорить в микрофон, что сейчас начнется концерт вашей группы в актовом зале. И в это время там начнет играть ваша музыка — это мои другие ученики на гитаре и бас-гитаре будут исполнять песни вашего, господин Кей, сочинения. Поклонники подумают, что в актовом зале действительно находятся другие музыканты, и ринутся следом за нашим физруком, который будет вас играть, — крайне запутанно объяснил Помидорка.

— Вы думаете, это спасет нас от них? — кивнул на бушующих поклонников блондин.

Ух какой он важный. Прямо жуть какая-то! Не солист «На краю», а царь мира! Того и гляди, повторит пример Цезаря из фильма «Астерикс и Обеликс» и заявит: «Аве мне!», еще и хлопать сам себе будет, и на колени перед самим собой бухнется.

— Да! Спасет! Войдите в наше положение! Вам просто придется в микрофон прокричать, что, дескать, вы сейчас идете в актовый зал, где вас

ждут другие члены группы.

— Детей обманывать нельзя, — притворно вздохнул парень, который и сам уже хотел побыстрее убраться из гостеприимных стен школы, грозивших стать ему тюрьмой.

— А что же поделать, милейший? — плачущим тоном произнес Помидорка. — Приходится! Да и Нелли хочет с хорошим аттестатом и медалью школу закончить, правда? — и тут он опять посмотрел на меня.

С хорошим аттестатом? С медалью? Моя драгоценная сестра? На что только люди не идут ради собственной выгоды! Я почти с восхищением глядела на этого мужчину.

— Хорошо, — вдруг согласился светловолосый, — давайте. Я устал тут торчать. Моя девушка тоже.

— Я не твоя девушка, — но меня никто не услышал.

— Я все прекрасно понимаю! Госпожа Радова, — а так меня никто в жизни еще не называл, и я немного была шокирована, — за сестру не волнуйтесь.

— Хорошо... Только, пожалуй, ей медаль не надо.

— Ах, потом разберемся! Давайте же начнем! Пятнадцать минут от урока уже прошло! Нет, даже двадцать!

В результате получилось крайне весело. Физрук, который в белом парике походил на девочку-дурочку с щетиной, обернулся покрывалом — хорошо еще, что он с Кеем был одного роста и примерно похож на него фигурой. Директор кокетливо приобнял подчиненного — он намеревался играть меня, которая якобы пряталась под одеялом вместе с Кеем, — хорошо, что Семеныч этот — низкий и щуплый, а длинный кусок материала скрывает ноги просто великолепно!

Созвонившись с каким-то Палкиным, директор досчитал до десяти и выбежал вместе с изумленным физруком за дверь. Храбрые учителя, которые были уже обо все осведомлены, обступили актеров из погорелого театра плотным кольцом. Да уж, опасная это профессия — учитель...

О, как же в холле заорали, едва заметив лжемузыканта! В это же время где-то очень далеко, но очень громко заиграла музыка.

— Фальшивят, — только и произнес спокойно блондин, которого спасал едва ли не весь преподавательский состав.

Он с таким недовольным лицом взял микрофон, словно его заставляли есть живых мадагаскарских тараканов, а не произносить короткую речь-обманку, включил его и заговорил хорошо поставленным, приятным голосом, короткими фразами, одновременно вкрадчиво и громко:

— Хэй! Привет всем. Это Кей из «На краю». Сейчас наша группа

исполнит пару песен в вашем актовом зале. Ребята уже ждут вас там. Все в актовый зал! Устроим слем, ребятки?

Уже где-то в отдалении поклонники тяжелой музыки дружно заревели от счастья.

И несчастные дети купились. Вот же глупые, а? Зато буквально через пару минут холл опустел, а тех немногих, кто почему-то не спешил уходить, выгнала законная владелица этой маленькой подсобки.

— Из-за тебя я прослышу вруном, — мрачно посмотрел на меня блондин. — Довольна?

Я только лишь промолчала. Он облизал губы, глядя на меня, взял за руку, и мы сбежали из школы со скоростью света. Я, конечно, ноги передвигала не так быстро, как Кей, они у меня и не такие длинные. Но я очень старалась. К тому же этот дурак тянул за собой с такой силой, что я едва не упала.

Мы наконец добежали до машины, никем не замеченные, сели в ее душный салон, прогретый назойливыми солнечными лучами. И Кей, расхохотавшись, завел авто, быстро выехав на дорогу. Я устало выдохнула — смеяться мне не хотелось. Мне хотелось домой. Забыть этот кошмар.

Буквально через пять минут мы оказались очень далеко от места учебы моей сестрички. Кстати, думаю, она тоже была в той толпе — потому что девочка нисколько не обеспокоилась тем, что ее старшая сестра не пришла: Нелли не написала ни одной эсэмэски и ни разу не позвонила, чтобы спросить, где я потерялась. Надеюсь, этот Помидоркин разрулит ситуацию в непростых отношениях между ней и классной руководительницей.

— Все из-за тебя, — остановив машину, ее владелец, наконец, включил кондиционер, а потом, откинувшись на мягкую спинку сиденья, принялся писать смс-сообщение, не обращая на меня ровно никакого внимания. Как будто ничего ровным счетом и не произошло.

Я занервничала. Меня до сих пор слегка трясло после такого эмоционального и бурного похода в школу. Нет, пусть в следующий раз туда идет кто угодно, только не я. Действительно, сумасшедший дом какой-то там.

— Эй, повеселилась?

— Безумно.

Парень хотел сказать мне какую-то колкость, потом вдруг резко наклонился к моему лицу, так, что я отпрянула, но в этот момент его мобильник завибрировал, и Кей, мигом забыв про меня, принялся разговаривать по телефону вполне себе нормальным и спокойным тоном, заставляя меня с подозрением поглядывать на него — со мной-то он

почему такой эгоист с садистскими замашками?

— Едем, — закончил телефонный разговор музыкант и небрежно отбросил телефон на заднее сиденье.

— Куда еще? — волком взглянула я на него.

— Я — на репетицию, ты — домой.

— А... а зачем ты вообще за мной заезжал? Так в школу хотелось Нелькину?

Кей повернулся, опять чуть приблизил свое лицо к моему, заглянул мне в глаза и покачал головой.

— Учись включать логику, малышка. Откуда я мог знать, что ты решишься перечить мне и захочешь сбежать в школу? — с раздражением спросил молодой человек. — Ты испортила нам день. И теперь мне пора в студию. Я отвезу тебя домой. Встретимся завтра.

— А послезавтра мне с тобой не встретиться? — на воскресный день у меня были свои планы, а логику Кея я действительно не понимала.

— Ты будешь встречаться со мной тогда, когда я захочу, — излишне самодовольно отвечал мне он и завел машину.

Пр-р-ридунок.

— Да, сейчас, — совершенно не была я согласна с ним. За эти слова меня одарили не самым дружелюбным взглядом.

У Кея вновь нервно завибрировал мобильник — пришло сообщение, и он принялся отвечать на него, вновь забыв обо мне. Кажется, пару раз у него не получилось верно набрать какие-то слова, и губы его сжимались, словно от хорошо скрываемого гнева.

— Поэтому я больше люблю кнопочные телефоны, — сказала а, глядя, как он печатает сообщение. — Они проще и на них лучше набирать сообщения.

— Только они популярностью теперь не особой пользуются, — было мне ответом. Музыкант закончил с набором текста на смартфоне и включил зажигание.

В результате Кей действительно довез меня до дома, высадил у подъезда, ни слова не сказав больше. За кого он меня держит? За лесного безвольного человека, которым можно помыкать, что ли?

— А ты ничего, — произнес он только, когда я так же молча вылезла из его машины. — Жди меня завтра. Вновь в одиннадцать утра. Я скажу тебе кое-что особенное.

Я ничего не ответила, с силой хлопнула дверью и убежала в подъезд. Дома я слегка попсиховала, поговорила сама с собой и даже сделала кое-какое домашнее задание... А потом пошла к белому другу. К электронному

белому другу. Включив компьютер, который тут же тихо и радостно зажужжал, я подключилась к Интернету и зашла на свою страничку, минут десять промучившись с паролем.

Попутно случайно переключилась на соседнюю вкладку браузера, которую, по-видимому, открывала Нелька, потому что заголовок страницы гласил, что это одна из самых популярных социальных сетей, а кроме нее на таких сайтах в нашей семье никто не сидит. Томас не любит технику вообще, поэтому очень мало работает с компьютером, а тех, кто занимается фотошопом и графикой, не любит вдвойне, называя «никчемными недохудожниками». У Эдгара совершенно другие интересы, и сидит он только за своим личным и неприкосновенным компьютером, чужие не трогает. Леша, имевший пару лет страницы сразу на нескольких известных сайтах, был одним прекрасным утром атакован очередной своей девушкой-хакером, которая заподозрила Алексея в неверности и взломала его странички, поэтому он под предлогом «это не модно» удалил их все и использует только аську и электронную почту. А я как-то не слишком сильно хочу увязать в виртуальном мире, мне хватает и блога. В этом мы с Нинкой похожи — она из принципа нигде не регистрируется.

Кстати, моя младшая сестричка сидела не просто в социальной сети, а в группе, посвященной ее родной школе, а еще точнее, в теме под животрепещущим названием:

«Кто сегодня видел в школе Кея из „На краю“?! Делимся впечатлениями!»

Увидев это, я слегка прибалдела.

Ого, не успела детвора прийти домой, как уже решила поделиться друг с другом такой новостью. Даже опрос устроила, чтобы точное количество счастливчиков выяснить. Сумасшествие какое-то.

А ответов уже было предостаточно. Можно подумать, едва ли не каждый из тех, кто лицезрел солиста известной группы, спешил поделиться этим радостным событием с окружающими. Естественно, школьники почти повально сожалели, что Кей так и не спел, и винили в этом почему-то директора, который якобы всех обманул и подставил. Самого солиста «НК» никто и ни в чем не обвинял. Ему, напротив, писали дифирамбы: девчонки о его внешности, парни — о его музыке. Те, кто в этот день школу не посещал, очень сожалели о том, что не лицезрели воочию своего кумира, и только немногие смели писать сообщения обвинительного плана, мол, зачем этот блондинчик приперся в родное учебное заведение — только всем нервы попортил, уроки задержал, да еще и Помидорка из-за него

жутко ругался. Ненавистников «На краю», как оказалось, очень дружно и бурно ругали, поэтому они и оставались в меньшинстве. Одного из немногих антифанатов «На краю» после длительной приятной беседы даже пригласили на встречу под милым названием «стрелка», ласково пообещав «переломать ребра».

Если бы Келла и Кей это видели, они бы прыгали от радости, держась руками друг за друга. Какая популярность, вы только посмотрите!

— Вот это маты, вот это детки, — шмыгая носом, проговорила я вслух, читая дальше яростный спор любителей и ненавистников «На краю».

Но это были еще цветочки. Ягодками стал тот факт, что кое-кто не мог смириться с тем, что в школу Кей заявился с девушкой, то есть со мной.

Школьницы явно невзлюбили таинственную спутницу своего кумира, и не только проклинали бедную Катрину, но и придумывали для нее способы пыток и казни. «Молот ведьм», что ли, перечитали? Не дети, а кровожадные инквизиторы.

Дурацкий Кей! Все из-за него! И даже сестра моя родная с ума сошла.

Ее комментарий, который затерялся среди десятков похожих, привел меня в особый восторг. Самое доброе, что там говорилось о моей скромной персоне, было: «Та, кто приишачила с Кеечкой, — шваль изодранная».

Я вздохнула и закрыла страницу. Зачем-то зашла на официальный сайт «На краю», немного полазила по нему, еще раз полюбовалась мордашками музыкантов, искаженными великим фотошопом. Высказала Кею еще раз все, что я о нем, придурке, думаю, и погрозила кулаком Келле. Интересно, а трое остальных участника группы такие же шизофреники, как эти двое, или нормальные люди?

Задумчиво похмыкала, сама себе напоминая ежика в тумане, и ушла бродить по просторам Интернета, а потом и вовсе переместилась в дневник, где вновь окунулась в мир нормальных людей, как бы ни парадоксально это не звучало. В мир людей, которые старательно прятали своих тараканов.

А вечером я была вынуждена слушать вопли сестренки. Сначала про то, как к ним в школу зашел «сам Кей-сама!!!», который, в общешкольной интерпретации, хотел спеть прямо в актовом зале, но наглый Помидорыч не дал ему этого сделать, и Кей вынужден был уйти. Сестра так радовалась, что от избытка чувств она даже прыгала, как маленький ребенок. Про то, что ее кумир притащил с собой какую-то девушку, она тоже говорила очень долго, продолжая обзывать ее, то есть на самом деле меня, нехорошими ругательствами, используя как и родную лексику, так и заимствования из японского языка.

— Ой, Кать, а ты же в школу приходила, да? — уже поздним вечером поинтересовалась у меня сестра, вспомнившая, что вообще-то мы должны были встретиться в ее учебном заведении.

— Нет, прости, — ответила я, опасаясь поднимать эту тему. Вдруг Нелька поймет, что я с Кеем и приходила, хотя это маловероятно. Не каждый способен поверить в то, что его ближайший родственник общается со звездой, которую ты обожаешь.

— Ты не держишь своего слова, оне-тян! Но ладно, я прощу тебя, потому что из-за Кея я забыла, что ты припрешься, — великодушно заявила девочка. — Хотя ты знаешь, можешь уже не приходиться.

— Почему?

— Завуч, мы зовем ее Выдрой, подошла ко мне и сказала, что все в порядке, мои родители могут не приходиться в школу. Сугой!^[18] — с радостной улыбкой сообщила сестричка. — Кстати, наши, из школы, на официальном сайте «На краю» вопрос задали, зачем Кейка-сама приходил в школу к нам!

— И что, он ответил? — опасливо спросила я.

— Пока нет, — отвечала Нелли, жуя конфету. — Многие думают, что у нас учится его девушка, та кретинка, которую он закрыл. А некоторые говорят, что это его сестра. Катька, наверное, кавайно быть сестричкой такого парня, да? И возлюбленной тоже... Прямо как в сёдзе-манге...^[19]

Прослушав целую поучительную лекцию о том, что же это за таинственная манга такая (а у Нельки получается промывать мозги не хуже, чем у Томаса), после которой сестра вдруг решила приготовить «что-нибудь вкусненькое», я направилась в свою комнату, размышляя о таинственном обещании беловолосого дурака Кея. Не хочу я и завтрашний день на него тратить! С чего он решил вдруг, что в 11 часов я выползу из дома и попрусь, как овечка, к нему на поклон?

— Оне-тян, возьми телефон! — заорала из кухни сестричка. — У меня руки грязные, я делаю торт!

Представляю, что за торт сотворит Нелька. Но телефонную трубку я все же взяла.

— Да?

— Почему не подходишь к мобильному? — раздался сердитый голос Кея, едва слышный из-за громкой-громкой музыки.

— А что ты хотел?

— Не забыла? — услышала я тут же. — Завтра. В одиннадцать. Я заеду за тобой.

И не слушая меня, наглец бросил трубку.

— Вот же тупица, — злобно и каркаяще произнес мой голос. — Держи карман шире, пяточок немытый.

Я уже, было, отправилась обратно в комнату, как домашний телефон вновь зазвонил. Опять он! Надоел же уже!

— Что надо? Никуда не пойду, хоть убей! — выпалила я, совершенно обозлившись. — С какой это стати я должна ходить туда-сюда? Может, мне тебе еще и в ноженьки поклониться? Ты себя кем считаешь? И в это время, что ты назначаешь, я буду спать, а не бегать к тебе, как савраска, только потому что этого хочешь ты. Все понятно? — Я перевела дух.

— Более чем, — раздалось из трубки грубоватое женское контральто с какими-то истерическими нотками. — Это квартира Радовых?

— А? — как-то сразу затухла моя воинственность. — Да...

— Я новая классная руководительница Нелли Радовой, — сухо произнесла женщина. — И я хотела бы пригласить родителей Нелли завтра в школу, поскольку я так до сих пор и не видела никого из них. Вы ждали моего звонка, поэтому так ярко принялись возражать?

— А? Да нет, что вы, просто я подумала, что это один мой знакомый... — заговорила я смущенно. Представляю, что эта тетка подумала про меня.

— И не могли бы вы больше не называть меня так фамильярно, на «ты». Я все-таки преподаватель и не привыкла к такому тесному общению между мной и родителями моих учеников, — неприятным тоном сказала тетка.

— Простите, это недоразумение!

— Прощу. Вы в школу придете?

— Но... — я растерялась, — директор и завуч говорили, что мы можем не приходить. Они сказали, что все вопросы с Нелли решили.

— Это они так сказали. А я ничего не решила, — еще более неприятным тоном ответила учительница. — В нашей школе очень и очень либеральный директор, и его либеральность перетекает в беспечность. Я до сих пор хочу увидаться с родителями Радовой, то есть с вами. Надеюсь, воскресный завтрашний день у вас будет свободным и вы придете в школу, наконец.

— Что? Но директор...

— Я не согласна с политикой директора, госпожа Радова, — отрезала женщина. — Завтра, в одиннадцать часов, жду вас в школе, мы о многом должны поговорить, мама Нелли. До свидания, — и с этими словам преподаша повесила трубку. А я закашлялась — меня называли Нелькиной

мамой? Мне что, по голосу можно дать сорок лет?! Вот же блин! И почему эта училка директора не слушается? Кошмар какой-то, а не школа. Я — мама... с ума сойти.

И я направилась к сестричке, судя по звукам, бомбившей кухню. Там меня ждал «торт».

— Это тортик в честь прихода Кея-самы в нашу школу, — горделиво сообщила девочка мне, показывая рукой на большую кучу темно-коричневого цвета, возлежавшую на большой круглой тарелке. — Это моя версия торта «Муравейник». Состоит из печенья, вареной сгущенки, масла, шоколада и какао.

— Да? — скептически поглядела я на угощение.

Весь пол был усеян крошками, стол измазан сгущенкой, а руки сестрички выглядели так, будто бы она копалась в канализации.

— Чи? Тебе не нравится? Я же старалась, — надулась сестра. — Хочешь кусочек?

— Ну... давай.

На удивление, непрезентабельный тортик оказался вполне съедобным и даже вкусным. Во время чаепития я как раз и сообщила младшей сестре о том, что звонила ее классная. Нелли, естественно, завозмущалась, но потом, жалостливо поглядев на меня, умоляющим тоном произнесла:

— Сходи, пожалуйста, наша классная помешанная, честное слово... А директора она не любит, потому что сама на его место хочет и муж у нее в горно работает... Ы-ы-ы, почему у меня такая плохая жизнь?

В результате в воскресенье я вновь вынуждена была топать в школу, в которую едва ли не поклялась больше никогда не приходить. Что не сделаешь из любви к ближнему?

— Кей, дорогой мой мальчик... — излишне ласково обратился к парню менеджер группы.

— Что еще? — обернулся на голос Андрея лидер «На краю». Репетиция только что закончилась, и Кей, порядком уставший, но довольный, выплеснувший всю свою тяжелую энергетику в музыку, стоял на подземной стоянке около своей машины. Ждал вместе с Рэном Филадельфия, чтобы забросить близнецов и самого себя в одно местечко.

— Что ты делал сегодня в школе? — все тем же нежным голосом поинтересовался мужчина. Темноволосый гитарист поднял бровь и с большим интересом уставился на Кея.

Тот только хмуро взглянул на менеджера и промолчал. Хорошее настроение блондина улетучилось, хлопая огромными черными крыльями без перьев.

— Ну что же? Ты же был там?

— Что из этого?

— Ничего, совсем почти ничего, — Андрей вздохнул. Подопечные постоянно прибавляли ему проблем, словно изощряясь в том, как бы его, Коверина, половчее достать. — Почти ничего. Просто куча ребяток видели тебя сегодня в какой-то школе. Не одного, а в компании с девушкой, которую ты, Кей, заботливо обнимал. Об этом уже знает весь Рунет. Видео с телефонов появилось на паре хороших сайтов и на наших официальных ресурсах. Теперь всего-навсего пара десятков тысяч человек интересуются, что за герлфренд у тебя появилась. Скоро десятки перерастут в сотни. Не объяснишь, что случилось?

— Объяснить? Нет, пожалуй, не смогу, — отозвался Кей. — Но мне жаль, что так получилось.

«Ни хрена тебе не жаль», — устало подумал Андрей, но опять только улыбнулся.

Рэн с большим изумлением взглянул на друга. Парням из «НК» крайне не рекомендовалось бывать в одиночку в людных местах, тем более в компании с девушками. И о своем посещении среднего учебного заведения Кей никому не рассказывал: просто приехал довольный откуда-то на репетицию и вел себя, словно ангел.

— Чувак, — в шутку ткнул его кулаком в плечо гитарист. — Что за делишки в школе у тебя?

— Колеса там продаю, новую точку торжественно открывал, — ухмыльнулся приятелю Кей. Но веселым оставался недолго. — Я не подумал, что меня могут узнать, Андрей. Seriously, — он задумчиво посмотрел на менеджера. — Пусть на нашем сайте дадут официальный ответ, что я приезжал к родственнице. Забрать ее из школы. Лица девушки не должно быть видно. Я ее прикрыл.

— Это уже сделано. Ты приезжал за троюродной сестренкой. Опубликовано от твоего имени. Фанаты вроде бы успокоились, но... Не делай так больше, хорошо? И послушай меня, Кей. Мне безразлично, с какими девушками ты встречаешься, — тоном профессионального адвоката начал Андрей, внимательно глядя на подопечного, — и что ты с ними делаешь. Это только твое дело. Твое и только твое. Но тебе следует помнить, что связи с несовершеннолетними в нашей стране — вне закона. Если тебе нравятся школьницы, встречайся с ними тайно. Хорошо?

Рэн от неожиданности заржал. Кей же внимательно посмотрел на мужчину чересчур взрослым взглядом, словно был человеком, прожившим не один десяток лет и повидавшим множество удивительных и страшных

вещей.

— Я не встречаюсь со школьницами, — он ухмыльнулся. — Мне детки не нравятся, не переживай. И скажи, Андрей, если меня увидят на кладбище и заснимут на камеры, то тоже поползут слухи, что я встречаюсь, скажем, с его обитателями?

— Не думаю. Хотя твои фаны могут выкинуть все что угодно. А образ маньяка — черного романтика тебе очень идет, — по взгляду светловолосого молодого человека менеджер быстро понял, что можно не волноваться, а ведь он достаточно хорошо изучил Кея — это пришлось сделать, чтобы по максимуму эффективно организовать работу группы.

— А если я и правда черный романтик?

— Это твой выбор, — отозвался менеджер. — А ты и правда такой.

Эти трое еще пару минут поговорили, и Андрей ушел в студию — сегодня он там еще не был, а теперь желал встретиться с продюсером. А парни почти синхронно сели в машину.

— У нее был? — коротко поинтересовался Рэн, открывая банку пива. — У хорошей девочки?

— Да. Ее занесло в эту чертову школу. Эти дети... Они бешеные.

— Ну-ка, — заинтересовался гитарист, — они тебя чуть не разодрали на сувениры?

— Примерно. Хотя это все-таки было забавно. Пришлось ее обнимать и закрывать ей личико. А она все же милашка. Жаль, мы не смогли уединиться.

— О да, понимаю. Держись, — преувеличенно сочувственно похлопал Кея по спине Рэн. — Продолжаешь до конца?

— Я вообще не привык отступать от своих слов. До конца, — равнодушно отозвался Кей. — Где твой брат?

— Да вон он, идет. Заводи тачку.

И действительно, из-за угла вышел Филипп с гитарным чехлом за спиной.

Через пару минут синее авто мчалось по полутемным улицам.

В существование родственницы поверили далеко не все поклонники «На краю», но вскоре они все же успокоились.

Я вышла из дома в половине одиннадцатого, точно зная, что в это время не встречу идиота Кея.

И действительно, около дома я его не обнаружила, что меня несказанно обрадовало. Так как до «долгожданной» встречи с прекрасной классной руководительницей, которую, кстати, звали Еленой Петровной,

было еще полчаса, я решила медленно прогуляться по улице, купила себе мороженое и шагала по тротуару, наслаждаясь теплыми солнечными лучами. Кажется, выглядела я сегодня хорошо, и ветерок мило развевал мои чуть выющиеся после применения какого-то Лешиного бальзама волосы, потому что молодые люди, встречающиеся мне на пути, улыбались, а около самой школы один из них, миленький брюнет с шикарной улыбкой, даже подмигнул и подошел с намерением узнать номер моего телефончика.

Однако не успела я ему ничего ответить, как около нас затормозила быстрая машина, и из нее вылез господин Кей во всей своей красе. Одет он был все в том же стиле, что и вчера. Только вместо куртки на нем было легкое короткое черное пальто с большим количеством карманов и странными нашивками на рукавах.

— Почему тебя в школу тянет, малышка? — спросил он, с подозрением глядя на брюнета, переставшего мне улыбаться.

— Опять ты!

— О да, это я. А ты кто? — спросил белобрысый у парня.

Тот, вероятно, не узнавая нашего крутого музыканта, только хмыкнул, еще раз подмигнул мне и ушел.

— И кто это? — теперь уже у меня решил поинтересоваться этот придурок.

— Откуда я знаю кто! А ты что тут делаешь?

— Я позвонил тебе домой и узнал, что ты снова пошла в школу, детка. Ты что, плохо помнишь, что сегодня мы с тобой встречаемся? Я ведь специально звонил тебе вчера и предупреждал, — Кей свел брови к переносице.

Все-таки он красивее, чем только что ушедший брюнет.

— Я иду на встречу с классным руководителем сестры. Извини, сегодня мы не сможем встретиться, — твердо ответила я.

— Тебе больше нравится проводить время с учительницей, чем со мной? Странный выбор. Ладно, я оставлю машину тут. Пошли вместе, киска.

— Но я...

— Молчи.

И сколько бы я ни возмущалась, сколько бы ни отказывалась от этого «почетного» предложения, лидер «На краю» был непреклонен. Вчерашняя встреча с фанатами его ничему не научила. Единственно, что меня успокаивало, это то, что в воскресенье в школе учеников не будет, и это существенно облегчает мою задачу — встретиться со странной

учительницей.

Я и блондин зашли в школьное здание, печально знакомое, но такое тихое, даже почти умиротворенное, и сразу же встретили бабушку-охранницу, явно скучающую.

— Опять вы, — произнесла она укоризненно, моментально узнав нас. — Чевой надо-то опять?

— Нам к Елене Петровне, — печально отвечала я.

— А-а-а, — протянула охранница. — Предупреждала она меня, что прийти к ней должны. Идите тогда. А ты, паренек, хоть и ладный да красивый, но шебутной больно. наших детишек просто на уши поставил вчера, — выдала свое суждение старушка и вдруг добавила. — Но тебе, девка, повезло с ним.

Я волком посмотрела на Кея, сияющего, словно начищенный медный пятак, и зашагала вверх по лестнице. Судя по объяснениям сестры, прийти мне нужно было на второй этаж и попасть в кабинет 215. Кей увязался за мной.

— Может быть, я хотя бы к учительнице зайду одна? — сердито обернулась я на парня, когда мы оказались около нужного класса.

Он улыбнулся довольно-таки тепло, легонько щелкнул меня по носу и первым открыл дверь.

Сказать, что я опешила, — ничего не сказать. Он решил выдать себя за Эдгара, что ли? Вот дурак, честное слово, творческие люди такие непредсказуемые! А может быть, в этом и есть их своеобразная прелесть?

Я шагнула в ярко освещенный утренним солнцем класс вслед за молодым человеком и через пару секунд уже имела честь лицезреть новую классную руководительницу младшей сестры. Грозная с виду женщина, тщательно накрашенная и имеющая короткие, хорошо уложенные волосы, бюст которой явно превышал пятый размер, восседала за громоздким учительским столом. Вещи, книги и тетради на нем были расставлены и разложены с той самой аккуратностью и тщательностью, которой никогда не хватало в нашей семье.

— Здравствуйте, — явно ничего не стесняясь, хорошо поставленным деловым голосом произнес Кей.

— Здравствуйте, — подозрительно посмотрела на нас учительница. — Вы ко мне?

— Вы Елена Петровна? — спросила я, выглядывая из-за спины музыканта.

— Да, она самая. Что вы хотели, молодые люди? Если вы на курсы английского языка, то вам на третий этаж.

— Нет, мы по поводу Нелли Радовой, — вышла я вперед.

Ухоженная преподавательница удивленно посмотрела на нас и произнесла все тем же контрально с истеричными нотками:

— По поводу Радовой? И кто вы, позвольте узнать? Я вообще-то ждала маму Нелли, а не вас, молодые люди. Не хотите же вы сказать, что вы, — она перевела взгляд на меня, — что вы ее родная мать?

— Не хочу, — замахала я руками. — Вы вчера все не так поняли!

— Я вчера разговаривала с вами? — уточнила учительница, оглядывая меня.

— Да.

— Хм, странно, я думала, что между усыновленными детьми и родителями должна быть разница в возрасте около пятнадцати лет.

— Нелли моя сестра! — внесла я ясность.

— Садитесь, пожалуйста. А вы ее брат, так? — внимательно посмотрела на Кея преподавательница. Взгляд ее не обещал ничего хорошего.

— Нет, не брат, — первым уселся тот прямо на парту.

— Сядьте на стул, — волком взглянула на него Елена Петровна.

— Не хочу, — лениво отозвался тот. Я тут же дернула его за руку — вдруг эта женщина совсем обозлится на нас? — Кей, сядь, пожалуйста, на стул.

— А ты меня поцелуешь, мисс?

Вот дурак!

— Малышка, иди ко мне на руки? — явно издевался он.

— Молодой человек, вам здесь не дом встреч! Сидите друг у друга на руках в других местах.

— Кей, пожалуйста, слезь, — тихо, но твердо проговорила я.

Он, убрав волосы со лба, вытащил стул из-за парты, поставил его в проход и все же сел, тут же вытянув длинные ноги. Преподавательница смирла его тяжелые кожаные ботинки на шнуровке неодобрительным взглядом и сказала, словно невзначай:

— У нас в школе не одобряют неформальную одежду. И кем же вы приходитесь Нелли Радовой?

— Я не силен во всей это родственной терминологии... Я ее жених, — кивнул на опешившую меня Кей. — Поэтому буду присутствовать при разговоре с вами как заинтересованное лицо.

— Что ж, присутствуйте. Вижу, вы, молодой человек, не обременены манерами. Да и у вас что-то не то с психикой, — взглянула на меня учительница. — Вы вчера так орали по телефону, что я сначала подумала,

что вы не в порядке. Итак. Я — Елена Петровна, новый классный руководитель Нелли.

— Я Катя, ее сестра, — отозвалась я спешно.

— Прекрасно. А вы, молодой человек, представитесь? — спросила учительница.

— Кей, — небрежно отозвался он.

— Просто Кей? — сощурилась женщина.

— Конкретно для вас — да. Не могли бы вы быстрее провести свою беседу? Я и моя девушка очень торопимся.

Вот же кретин! Какая я ему девушка? Приколист несчастный.

— Хм. Сначала бы мне хотелось узнать, почему родители Нелли не приходят в школу, а посылают вас?

— Наш папа очень занят, — отозвалась я.

— У многих детей очень занятые родители. Но они находят время, чтобы посетить школу, тем более когда их дети ведут себя так же ужасно, как Нелли.

— Томас, то есть папа, — он творческий человек. У него правда, очень мало времени, — приврала я, — и сейчас он уехал в командировку.

— Куда же?

— В Амстердам.

Кей хмыкнул. Учительница покачала головой.

— Хорошее место для командировки. — Видимо, с этим городом у женщины были определенного рода неприличные ассоциации. — Ладно, а где мама Нелли?

— В США, но конкретно сейчас, кажется, на Филиппинах, — печально отозвалась я.

— Неужели тоже в командировке? — явно не поверила Елена Петровна.

— Нет, она там живет, — «обрадовала» я Нелькину классную.

— И давно? — неожиданно заинтересовалась женщина.

— Лет десять точно, — припомнила я.

— Значит, ваша мама живет в Америке и в данное время пребывает на Филиппинах, я правильно поняла?

— Моя мама в Индии, — окончательно, по-моему, сбила я с толку не только учительницу, но и Кея, склонившего светловолосую голову и слушающего меня. Как все было просто с прежней классной руководительницей Нелли! Она была в курсе всех наших семейных странностей.

— Вы же только что про США и Филиппины говорили! — всплеснула

руками Елена Петровна. — Определитесь уже!

Я вздохнула и поводила пальцем по парте.

— Просто ваши родители не хотят идти в нашу школу, а вы уже и не помните, что наврали! — Искренне посчитала меня лгуньей учительница. — А я все думала, в кого Нелли такая. Хорошо... А бабушка у вас есть или дедушка?

— Я не наврала, — возмутилась я. — А бабушка сейчас у нас в Эстонии. Гостит у своей подруги.

— Надо же, какая у вас семья интернациональная, — ехидно сказала классная руководительница. — Ладно, оставим бабушку и Эстонию. Так все-таки ваша мама в Индии или в Америке?

— Лично моя — в Индии, — стало раздражать меня такое отношение учительницы. — Она там, знаете ли, работает в консульстве, а я и мой брат живем с Томасом.

— А кто такой Томас? — потерла виски женщина.

— Мой папа.

— И что же вы его по имени называете?

— Он сам захотел.

— Это он вам из Амстердама сообщил?

Я устало поглядела на учительницу.

— Нет, это он сообщил мне в России, много лет назад. Когда поменял имя с Тимофея на Томаса.

Я отдувалась, а Кей в открытую улыбался. Изредка классная сестры поворачивалась к нему, видела его улыбочку и начинала все сильнее думать о том, что я издеваюсь над ней, рассказывая всякую чушь.

— С ума сойти, какая у вас жизнь сложная. Такое чувство, что все ваши родственники постоянно в Амстердам ездят, — с явным намеком произнесла она.

— Никуда мы не ездим.

— Ладно, я все же хочу, Екатерина...

— Я Катрина, — зачем-то поправила я учительницу, хотя сама обычно любила, чтобы меня называли Екатериной.

— Как-как?

— Катрина.

— Полное имя — Екатерина. У меня так старшую дочь зовут, — со знанием дела поправила меня Елена Петровна.

— А я именно Катрина, а не Екатерина, — заело меня.

— Не врите мне! — покраснела от гнева преподавательница. — Нет такого имени!

— Есть! — неизвестно зачем стала спорить я, понимая, что разговор превращается в фарс. — У меня в паспорте так записано.

Вот же дура эта Елена Петровна.

— Покажите паспорт, — хищно потребовала она.

— У меня его собой нет.

— Простите, что вмешиваюсь в такой увлекательный диалог, но не могли бы вы закончить выяснять всякую чушь и перейти к делу. Я спешу, — вмешался Кей.

— А вы вообще помолчите... Кей! Вы что, и в паспорте тоже Кеем записаны? — перенесла свой гнев на парня Елена Петровна, которой по ходу казалось, что мы ее дурачим.

— Чтобы узнать мое настоящее имя, журналисты готовы заплатить большую сумму, — самодовольно отозвался блондин, покачивая ногой. — Если вы перебьете их цену, то, может быть, увидите мой паспорт, окей?

Кей-окей, а звучит же.

— Хам! Я теперь понимаю, почему ваша сестра выросла такой беспризорной и наглой девочкой.

— Почему беспризорной? — начала злиться и я. — За ней всегда присматривали.

— Кто? Мама из Индии приезжала, что ли, и кушать готовила? — гневно посмотрела на меня классная руководительница Нелли.

— Кушать готовит Алексей.

— А это что еще за персонаж? — тут же заинтересовалась женщина.

И почему все знать хочет? Я уже так от нее устала...

— Это дядя.

Кей в это время встал со своего места и задумчиво начал проходить вдоль доски, увешанной сверху небольшими плакатами с какими-то правилами.

— Дядя, значит? — внимательно следила за его передвижениями хозяйка класса. — При чем здесь какой-то ваш дядя, если я хочу знать, отчего ваши родители не приходят в школу, когда я их вызываю?

— Папа занят, он художник!

— Теперь он художник! А я думала, он в Амстердаме.

— Одно другому не мешает, — рассудительно ответила я. Мне начал нравиться процесс издевательства над этой теткой.

— Забудем про папу. Отцы вообще, как правило, безответственны. Почему мама Нелли не приходит в школу, когда приезжает домой из Индии?

— Мама Нелли живет в Америке, отдыхает сейчас на Филиппинах, а в

Россию ее не пускают.

— Кто? — подняла тонкие брови учительница, явно устав от моего общества.

— Эмиграционная служба, — пожала я плечами. Не-а, это реально забавно вот так вот с ней разговаривать.

— С чего это вдруг? — постоянно оборачивалась на Кея учительница — теперь он с самым серьезным видом читал настенную газету.

— У нее американское гражданство, — пояснила я. И что там парня заинтересовало?

— А в Индию ее, значит, пускают, — сделала совершенно неправильные выводы она.

— Она никогда не была в Индии.

— Вы же утверждали, Екатерина, что она консул в Индии! — заорала басом женщина.

— Это моя мама работает в индийском консульстве! — закричала и я. — А Нелькина живет в Америке! Поймите уже, наконец, что у нас разные матери!

— Разные, значит? — сощурила тщательно накрашенные глаза Елена Петровна.

Она стала еще краснее.

— Да.

И мне пришлось долго объяснять этой женщине, что моя и Эдгарова родительница после развода с Томасом по определенным причинам вынуждена была оставить нас у бывшего мужа, то есть у папы, и заняться карьерой. Так сложилось, что она стала работать в консульстве Индии, потому что знала хинди. Она до сих пор работает там, и должность у нее не самая маленькая. И приезжает к нам очень редко, это, конечно, напрягает, но мы давно привыкли. Мама хотела, чтобы мы жили вместе с ней в Индии, но ни я, ни брат, ни папа не дали на это согласия. Единственно, целых три раза я бывала в этой стране вместе с братом и сестрой. Нелли, кстати, к моей маме относится лучше, чем к своей собственной. А я просто привыкла, что ее нет.

Ее родная мама, которая с Томасом в законном браке и даже в гражданском никогда не состояла, оставила Нелли Томасу в то время, когда сестричке не было еще и года, и уехала в Штаты, в командировку, по работе. Там она познакомилась со своим нынешним мужем, вышла за него, получила американское гражданство и хотела забрать Нелли, но Томас, а также наша бабушка воспротивились и не дали ей этого сделать. Из принципа девочка никогда не приезжала в Америку, а ее мама не могла

приезжать в Россию — в посольстве ей каждый раз отказывали во въездной визе. Почему — загадка. Возможно, потому, что первое ее гражданство было не российским, а латвийским.

— Мда, — только и оставалось сказать Елене Петровне. — Дурдом, право.

Кей, разглядывающий теперь портреты деятелей науки, один из которых сохранял на себе темные, плохо оттертые отметины пририсованной чьей-то шаловливой ученической рукой бороды, пятака и рогов, опять хмыкнул. Забавляется, гад. А я не могу все нормально объяснить этой властной женщине, постоянно перебивающей меня, особенности нашей семьи.

Придя в себя, Елена Петровна начала читать нотации относительно жуткого поведения Нельки. С ее слов выходило, что у меня сестра — самая настоящая бандитка с вывернутыми наизнанку мозгами, которая обижала всех и вся, дралась, материлась и «обзывалась не по-русски».

Прервалось это словоизлияние минут через двадцать, когда Елена Петровна настоятельно советовала проверять карманы Нелли, чтобы обнаружить там сигареты (Кей, скотина, невинным тоном предложил еще и косячки искать в ее рюкзаке). Дверь в кабинет распахнулась, и в классе показалась голова Помидоркина.

— Елена Петровна, по поводу вчерашнего нашего спора... — начал, было, директор школы, но вдруг заметил нас и даже присвистнул. — Господин Кей и сестра Нелли Радовой?! Что вы делаете в школе в воскресенье?

— Она захотела увидеть родителей Нелли, — кивнул в сторону учительницы парень.

И его, по-моему, все-таки забавляет эта ситуация.

— Елена Петровна! — свел густые брови к переносице Помидоркин. — Я же сказал вам, что нет никакой необходимости вызывать этих Радовых!

— Мне лучше знать, вызывать или нет, — стукнула кулаком по столу женщина. — Я классный руководитель Нелли!

— А я директор школы! Господин Кей, госпожа Радова, прошу вас простить за беспокойство, вы можете идти! Нелли — невероятно светлый и прекрасный ребенок, а может быть, даже ребенок-индиго! Идите, пожалуйста! — и с этими словами мужчина выпроводил нас из кабинета рассерженной Елены Петровны.

Кей ушел, не забыв нагло улыбнуться этой железной женщине, а я торопливо распрощавшись с ней, устремилась следом за ним. Вот и

сходили к классному руководителю. Школа идиотов, блин. В следующий раз пусть Томас или Алексей позорятся, а еще лучше — Эдгар.

Мы спустились на первый этаж по абсолютно пустым коридорам и вышли во двор, где, кажется, стало еще теплее.

— А теперь, когда мы закончили с твоей глупой школой, повеселимся, девочка, — произнес Кей.

Я ничего не сказала, но тут же заподозрила неладное. А вдруг он извращенец? С чего-то же он пишет свои порой извращенные маньяческие тексты?

Мы подошли к машине, сели, продолжая по-прежнему молчать. Молодой человек отъехал от школы, а потом, около оживленной дороги, под раскидистыми елями, вдруг затормозил.

— Купи мне воды, — после пятиминутного молчания, во время которого успел набрать пару сообщений, произнес Кей.

— Что? — не совсем поняла я, обдумывая план побега. Если я просто выбегу из машины, блондин подумает, что я совсем сошла с ума. К тому же он хотел сказать мне что-то — об этом он заикался вчера...

— Я пить хочу.

— А сам купить не можешь?

— Нет. И быстрее.

— А может быть, я домой? — робко произнесла я.

— Нет. Иди за водой, — не глядя на меня, ответил молодой человек. — Поторопись.

Я вылезла из машины, настороженно посмотрела на Кея через приоткрытое окно и покорно, ощущая себя рабыней Изаурой, направилась через дорогу к небольшому супермаркету. Ладно уж, пусть сидит. Ему, наверное, фанаты мозг последний вынесли, несчастному.

Я в спешке забежала в стеклянные двери, едва не столкнувшись с каким-то дядькой, и уже через пару минут была счастливой обладательницей негазированной воды известной марки.

— Вот! — протянула я холодную бутылку Кею, залезая на переднее сиденье. Он даже руку не протянул, только смерил меня усталым взглядом.

— Это что?

— Вода, — с недоумением произнесла я. — Сам же заказывал.

— Какая вода? — скривил он губы.

— Хорошая.

— Мне нужна другая.

Вот это заявление. Конечно, приказывайте, милорд! Дурочка Катя все исполнит!

— Это еще почему? — изумилась я, опуская руку. А чем эта его не устраивает? Не дорогушая «Эвиан» в стеклянной бутылочке, конечно, но вполне приличная... Кею она все-таки не нравится.

— Потому что, детка, это негазированная вода, — откинул он со лба пряди.

Вот бы мне тоже такие же волосы... Интересно, это от природы они густые и мягкие, или мальчик пользуется косметическими средствами, как мой дядя?

— И что?

— Я не хочу это, — спокойно отозвался музыкант.

— Тебе нужно газированную, что ли? Или какую-то другую?

— Газированную, — не утруждал себя длинными фразами он.

— Но ты же не уточнил, что хочешь... сказал — воду, — растерялась я.

— А тебе трудно было догадаться, что я имел в виду?

Нет, милорд! Мой встроенный в мозг механизм прочтения чужих сокровенных мыслей работает на отлично!

И пришлось мне вновь бежать в супермаркет — я не могла отказать этому надменному парню, хотя прекрасно понимала, что лучше всего надо было вылить негазированную жидкость этому нахалу прямо на голову — чтобы его шикарные волосы промокли и сосульками повисли бы над ханжеским лицом.

«Упейся!» — с тайным злорадством протянула я Кею уже во второй раз только что купленную бутылку с газированной водой и легким привкусом лимона. Между прочим, отличная вещь — хорошо помогает утолить жажду и вкусная.

— Ты дура? — брезгливо отбросил фронтмен группы «На краю» второй экземпляр воды на заднее сиденье.

— Ты что? — возмутилась я. — Это тебе не нравится, то тебе не подходит! Да кто из нас дура?

— У меня аллергия на лимоны. Эй, ты знаешь, что такое аллергия?

Нет, я туповатая от рождения. Если слово состоит больше чем из четырех букв, я не понимаю его.

— Я просто попросил тебя купить воду, обычную газированную воду, а ты валяешь дурака. Ты думаешь, у меня есть время заниматься такими глупостями?

— Хорошо. Я куплю тебе то, что ты хочешь, — сердито выдохнула я и вновь рванулась через дорогу — к знакомому уже супермаркету.

А Кей как ни в чем не бывало вновь занялся своим смартфоном.

— Девушка, — с интересом поглядела на меня скучающая из-за отсутствия посетителей кассирша в голубой форме, — у вас что, сушняк? Вы за десять минут уже третий раз к нам за питьем.

— Ага, сушняк, — кивнула я. Ну что за люди? Так и знала, что обязательно поинтересуются, почему я бегаю к ним в магазин каждые три минуты. Мало ли у меня причин. Нинка правильно делает — если ей вдруг не нравится продавец, то она с каменным лицом заявляет, что «покупатель всегда прав» и с огромной настойчивостью стремится побеседовать с администратором или с менеджером.

— Тогда вам, может быть, про запас взять? — иронично осведомилась кассир, выбивая сумму в кассовом аппарате. — Чтоб к нам не бегать.

— Нет, спасибо. Мне одного «спрайта» достаточно, — сказала я в ответ, захихикала, подхватила двухлитровую бутылку и вновь двинулась к машине Кея неспешным шагом. Представляю, какое у него лицо будет, когда я ему «спрайт» вручу. А что, нужно же и мне как-то поиздеваться над этим чурбаном. Если человек хочет пить, то сможет и простой водой жажду утолить. Или сам пойдет в магазин, а не будет гонять девушку туда-сюда, чтобы она тратила свои деньги. Хорошо, что я пару купюр с собой прихватила. И они были предназначены вовсе не для того, чтобы купить целый ассортимент напитков для господина Я-Большая-Звезда.

Я, осторожно оглядываясь, хотела, было, перейти дорогу, как заметила, что то место, на котором стояла темно-синяя машина солиста, пусто. Рядом виднелся только открытый люк, около которого Кей остановил свою драгоценную тачку.

Этот дурак пропал.

Неужели его в преисподнюю утянуло?

Его фанатки не переживут такого — мигом пополняют запасники ада, продав свои юные души, чтобы остаться рядом с ним вечно.

Ладно, если светловолосый куда-то смылся, значит, я смогу пойти домой. На миг эта мысль меня обрадовала. А потом вдруг пришла грусть. Почему он уехал? Не сказал ничего, не попрощался? С ним что-то случилось? Или его добротное эго в очередной раз сделало финт — вроде как нет хорошей воды, нет никакого общения со мной, звездным мальчиком.

Ну вот. Хоть я и ныла, что Кей меня раздражает, но все равно — так приятно было, когда он вдруг решил меня обнять. И одеколон у него все же классный: кедр и горькие нотки...

— Эй, — раздался недовольный голос справа, — залезай быстрее.

Я повернула голову на знакомый голос и сделала шаг назад от

удивления: светловолосый в комплекте со своим личным авто ждал меня около супермаркета.

— Быстрее, здесь стоять нельзя, — вновь поторопил меня Кей, и тонированное окно поползло вверх, закрывая его лицо.

Я с некоторым опасением забралась в салон. «спрайт» давать стало даже как-то стыдно.

— Ты когда-нибудь по сторонам смотришь? — Наклонился он ко мне и не спрашивая разрешения застегнул ремень безопасности.

Эй, Кей! Твое лицо в опасной близости от моего! Ты что со мной делаешь? И не надо меня касаться! Ты же нервируешь бедную Катю!

Я мысленно очень нехорошо выругалась в духе сапожников и Нинки. Почему ты такой красивый? Или ты только кажешься мне таким? Почему, когда я смотрела на твои идиотские портретики в Интернете, ты меня совершенно не волновал, как мою подружку или сестру? Почему, а? Молчишь? Правильно, молчи — ты же еще мысли не научился читать.

— Какие у тебя духи? — спросил он, чуть касаясь носом моих волос.

— А что? — осторожно спросила я, радуясь, что ему понравился мой любимый аромат от Диор, подаренный Алексеем, знающим толк в парфюмерии. И... он так со мной заигрывает, что ли?

— Просто ужасно пахнет, — вынес вердикт Кей, коснувшись волос рукой.

У него что, пара дополнительных носов на ладонях находятся?

— Чего-о-о? — взвилась я. — Ты мне просто мстишь за одеколон! Это классные духи, — поджала я губы. Мне их Алексей подарил на прошлый день рождения, а у него вкус очень хороший.

Так и знала, от блондина только подвохов ждать и приходится.

— Ничего подобного. Поменяй духи. Я люблю более сладкие ароматы.

Ага, сейчас. Поменяю гардероб, духи... может быть, мне заодно пол поменять? Вдруг он у нас не только девочками увлекается? Насколько я поняла, к парням у Кея отношение намного лучше, чем к девушкам, которых он несколько презирает.

— Все-таки что тебе от меня надо? — поинтересовалась я, нервно постукивая по сумке ногтями.

— Я же тебе сказал — хочу весело провести с тобой время. А из-за тебя, вместо того, чтобы классно отдохнуть, мне пришлось торчать в этой проклятой школе. Вчера и сегодня. И, поверь, это было утомительно и скучно.

Проще статую разговорить, чем вложить в этого паршивца мысль о том, что именно он, Кей, виноват в том, что мы вчера так задержались в

Нелькином учебном заведении и произвели там конкретный фурор. Остался бы он в машине, а еще лучше — не заезжал бы за мной вообще, глядишь, и у него, и у меня день хорошо начался бы. Я вообще не понимаю странного парня. Сам себе на уме. Как же с ним сложно! Когда я думаю о Кее плохое, в мою голову часто приплывает непрошеным гостем образ Антона. Вроде бы эти двое похожи, но как же в лучшую сторону отличается последний! Почему-то мне вспомнилось, как я спала, положив к нему на плечо голову в кинотеатре. А если бы я там оказалась с этим невыносимым Кеем, думаю, я бы весь сеанс бегала туда-сюда, выполняя прихоти и поручения этого бармалея в оболочке принца. Но его внешность, его обаяние — они действительно притягивают меня к нему неким животным магнетизмом.

— Слушай, Кей, так вышло, что мне пришлось купить «спрайт», — вспомнилось мне о том, что в руке я продолжаю до сих пор держать бутылку с третьим по счету напитком.

— Зачем?

— Тебе.

— Малыш, ты такая добрая. А, главное, очень умная. Ты знаешь, из чего делают «спрайт»?

Из лимонов и лаймов, да, знаю... Но Кею не приходила в голову мысль, что я купила ему именно эту газировку, потому что она лимонная, с целью позлить его Высочество. Светловолосый подумал, что я глуповатая и не знала, из чего состоит популярная газированная вода. Облом.

— Уже не нужно, — он взглядом указал на полупустую бутылку негазированной воды, на ту, которую я приобрела в магазине самой первой.

— Ты ее выпил? — вскричала я и потянулась за бутылкой. — Как ты мог?

— Ну, ты и жадная, — вновь свернул куда-то парень, обгоняя машины.

— При чем здесь это? Ты что, не мог сразу выпить этой воды, а не гонять меня туда-сюда, — сердито спросила я, сжав кулаки.

— Эй, расслабься. У тебя лицо при этом было забавное. И через дорогу ты перебегала уморительно. Если бы ты себя видела, долго бы смеялась, — почти по-доброму сказал светловолосый и почему-то спросил. — Скорость любишь?

— Трудно сказать, — никогда не задумывалась об этом.

— Скорость — это мощь, скорость — это радость, скорость — это незамутненная красота, — забыл добавить к такой шикарной фразе Кей слова «детка» или «эй».

— С чего это ты скорости столько эпитетов приписываешь? — надо

было ему сказать еще что-то вроде «умный, да?»

— Это не я. Это Ричард Бах.

Ого, какие мы начитанные и интеллигентные! Знаем такого писателя. Я тоже его знаю — Томас в прошлом году создавал очередной шедевр современного постмодерна: картину «Джонатан Ливингстон — не чайка!» Для погружения в творческий мир Баха папа приобрел где-то аудиокнигу, в которой какой-то мужчина с низким и очень хорошо поставленным голосом зачитывал известное произведение про чайку. На стареньком, но очень мощном музыкальном центре родственник включал эту запись раз девяносто пять, причем на всю громкость, не смущаясь, что дома кроме него живут вообще-то, еще несколько человек. «Я же вам тут не хард-рок включаю, и не черный метал, — оправдывался он, — а классику двадцатого века. Слушайте и наслаждайтесь!». Мы и наслаждались. Я до сих пор хорошо помню переживания несчастной птички.

— Ты любишь Баха? — удивилась я. Неужели Кей позиционирует себя как очень умного молодого человека? Интеллектуал, блин. Или он Ричарда Баха с Иоганном попутал?

— Нет. Ты какую музыку предпочитаешь? — продолжал допытываться светловолосый музыкант.

— Я думала, ты знаешь, что тот Бах, который написал «Чайку», — не композитор, а писатель. А другой Бах, Иоганн...

— Я не идиот, знаю, — прервал меня парень. — Так что там с музыкой?

— Какую люблю? Разную. Мелодичную, красивую, а что?

Он не дождался, что я скажу, будто обожаю альтернативу и группу «На краю»!

— Ничего. Я так и думал, что ты слушаешь всякие мутные звучания.

— Нормальную музыку я слушаю! И вообще куда мы едем? — недоумевала я. Очаровательно, правда? Я еду в машине с полужнакомым отморозком и даже понятия не имею, куда мы направляемся. Может быть, он жуткий маньяк и в его голове зреет мерзкий план расчленения одной милой девушки?

— Далеко, детка. В теплые края, — его ответ совершенно не удовлетворил моего любопытства. Ну и зачем же я с ним куда-то еду? Нормально ли это? А еще больше меня коробит то, что я слабовольная дура. Кей ведь так нравится Нинке! А ей приходится с Келлой общаться... Хотя она с синеволосым барабанщиком встречается только из-за того, что ей очень хочется задобрить тетушку-жабу, а ведь она, моя подруга, могла бы спокойно взять и заняться оккупацией Кея.

— Куда мы все-таки едем? — опять подала я голос. — Может быть, ты отвезешь меня домой?

Вместо ответа светловолосый музыкант только бросил:

— Сейчас будет весело. Потерпи еще минут десять-пятнадцать, пока мы за город не выедем.

— Зачем это? — подозрительно спросила я, оглядывая мелькающие за окнами дома и полуразмытые фигуры людей. Кстати, я заметила, что в выходные дни люди приветливее и чаще улыбаются.

— Увидишь.

— Как это зловеще звучит, — протянула я.

— Не нравится — вылезай, — тут же предложил Кей.

Вот же презренный червяк! Я закусила удила и тут же согласилась сойти, хотя в душе у меня вновь закипело что-то, напоминающее микст обиды, злости и недоумения.

— Останови, — как можно более ровным голосом произнесла я.

— Так прыгай, — и не подумал музыкант затормозить. Напротив — он даже увеличил скорость.

— Дурак ты, Кей. Если я, правда, выпрыгну? — задумчиво посмотрела я на водителя. А он не обращал на меня внимания — его взгляд был устремлен вперед.

Мое воображение тут же нарисовало прекрасную картину: Катя, бросая на красавца последний свой выразительный взгляд, полный тоски, открывает дверь, выбрасывается на дорогу... Кей в ужасе — он тут же останавливает машину, бежит к девушке, распластавшейся на асфальте, дрожащими руками переворачивает ее на спину, а по голове Кати течет тонкими струйками кровь... и вот уже целая багряная лужица на дороге, а мерзкий и очень бледный Кей понимает, что она умирает. Он опускается на колени, серые глаза его блестят от слез, он тормошит Катю, и руки его в крови, и одежда тоже, а она не приходит в себя — кровь уходит и забирает вместе с собой последние капли жизни. И тогда он дико кричит: «Катя, Катя! Нет!!», прижимает бесчувственное тело к себе и... плачет... Ведь она умирает... Вокруг собираются люди, останавливаются машины, где-то вдалеке слышится сирена «скорой помощи», а парень все кричит и молит девушку прийти в себя...

— Ты глухая? — не слишком вежливо осведомился музыкант, раскаивающийся только в моем воображении.

— Что? — очнулась я. — Нет, у меня хороший слух...

— До тебя долго доходит? Хм. Ты похожа на утку в таком случае.

— Почему на утку-то?!

Кей повернулся ко мне и с обворожительно-наглой улыбкой произнес:

— Да уток, милашка, доходит на третьи сутки. Но ты должна гордиться. Ты уточный гений — до тебя, конечно, инфа доходит не так быстро, как до обычного человека, но куда быстрее, чем до птиц.

Я тяжело вздохнула и выдохнула. Почему на Земле появляются такие противные люди?

— Да, Кей, — с достоинством произнесла я, — ты умеешь высмеять человека, гордись. — Ой, зачем я это сказала, ты ведь и так гордый — а теперь загордишься так, что просто держись! До мании величия.

— Эй, у тебя не получаются подколы, — моя речь не произвела должного впечатления на водителя.

Ну и что? Не всем же быть такими мерзкими ехиднами?

— Так ты остановишь?

— Нет.

— Ты, знаешь что...

— Дай мне солнечные очки, — услышала я приказной тон милорда-музыканта.

— Зачем? — до сих пор еще видела я превосходную картину своей гибели и киевского раскаяния.

— Малыш, — проникновенно произнес Кей бархатным голосом, — очки мне нужны, чтобы они защищали глаза от ярких солнечных лучей. Видишь ли, лучи светят мне прямо в лицо. И мешают вести тачку. А переднее стекло протонировано плохо. Ну, это я так, для справки, тебе говорю. Ты же знаешь, что такое стекло?

— А где твои очки? — почувствовала я себя кем-то средним между уткой и клушей.

— Прямо перед тобой. На панели. Взяла? Надень их на меня.

— Хватит со мной обращаться, как со служанкой, — осторожно взяла я солнцезащитные очки с абсолютно черными стеклами и зачем-то примерила, — сам надень, не маленький.

— Ты хочешь, чтобы я отпустил руль? Эй, сними их немедленно.

Я стянула с носа солнечные очки. Хорошие, стильные, дорогие. Кей, как я погляжу, очень уважает хорошие вещи. Но почему я должна заниматься всякими глупостями? А если он мне прикажет их съесть, я тоже обязана буду незамедлительно подчиниться?

— Одной рукой надень — это не сложно, — задело меня. Что за глупость — люди всегда вполне самостоятельно очки себе на нос цепляют. Если изловчиться, то это даже ногой можно сделать, по-моему. Но наш царственный Кей любит, чтобы за ним ухаживали. Не буду я ему

подчиняться — и точка!

Солист группы «На краю» смерил меня тяжелым взглядом, выхватил свои дурацкие очки и отбросил на заднее сиденье, не заботясь о том, что это вещь достаточно хрупкая и может сломаться.

Психопат!

Видел бы мой дядя, какое у солиста небрежное отношение к очкам, он бы ему целую лекцию прочел, наш домашний аккуратист!

Я, естественно, ничего не сказала вслух, только задумчиво покачала головой. Вот же псих. Видели бы его поведение фанаты! Узрели бы они его мордашку с презрительно искривленными губами! Услышали бы только его начальственный тон! Глядишь, и отполовинились бы. Наверное.

Авто лихо повернуло на широкую полупустую трассу, ведущую за город. Иногда я ездила по этой дороге, когда папины друзья, имевшие дачи или дома в коттеджном поселке, звали нас к себе на шашлыки. По этой же дороге нужно было в скором времени ехать и Нинке с ее синеньким, дабы попасть на прием к старушке Эльзе, неизвестно почему воспылавшей страстью к «панковидному» парню.

Мы молчали. Умудряясь одной рукой писать сообщения, а другой держать руль (и это еще он приказывал, чтобы я на него очки надела!), Кей вел свою машину легко и плавно. Странно — вроде бы он едва касается руля, а машина так хорошо слушается, словно ловя малейшие движения его рук. Ну, или ног — я почти не имею никакого представления о том, как нужно водить машину. Не думаю, что вообще когда-нибудь получу права — в этом мы с Нинкой солидарны.

Скорость машины увеличивалась. В ушах тут же заложило — мой организм всегда так реагирует на поездки в автомобилях.

— Давай-ка помедленнее, — предложила я.

— Давай-ка лучше музыку включим. Значит, ты любишь мелодичную? Отлично. Только для тебя, детка.

И Кей, совершенно не боясь потерять управление, вытащил из переднего подлокотника диск, повертел его в пальцах, но, взглянув на название, отбросил назад и достал другой.

— «Дарк эмбиент» или «нойзкор» ты не выдержишь, — соизволил парень пояснить свои действия, — а вот этот «хард-кор-техно» и «хард-кор-транс» тебе подойдут больше. Увы, — он не дал мне и рта раскрыть, — если ты предпочитаешь что-то другое, я ничем помочь не в силах. Остальное — только рок и метал.

С этими словами он вставил найденный диск в дисковод, понажимал на пару кнопок, и по всему салону разлилась динамичная музыка,

преимущественно состоящая из звуков «бух-бух», «бах-бах-бах» и «бз-з-з-з». По крайней мере я так воспринимаю любое резкое электронное звучание.

Акустика, конечно, здесь была хорошая, но вместо жесткого — и да, мелодичного — техно, то затухающего, то вновь готового взорваться на сотни искаженных звуков, лишь чудом сочетаемых друг с другом, я бы лучше романтическую попсу послушала, честное слово. Хорошо еще, это дисгармоничное баханье не такое громкое.

— Скоро ты полюбишь скорость! — задорным тоном проинформировал меня светловолосый парень. Он все больше жал на газ.

И как Кея только милиционеры не останавливают? Вот в нашей семье, к примеру, никто не пользуется автомобилем — разве что дедушка. Так и томится в одиночестве серебристая «тойота», купленная Томасом прямо в Японии, в стареньком гараже. Почему? Потому что мой папочка на пятый день пользования машинкой умудрился попасться сотрудникам ГИБДД в нетрезвом виде. А во всем виноваты были, как всегда, многочисленные друзья. Когда Томас вернулся из Японии, где с жутким успехом прошла очередная выставка его работ и работ еще пары российских авангардистов, к нам в гости приперлись его знакомые и друзья — отметить. Они, кстати, считают, что наш дом — это что-то вроде бесплатной таверны, где всегда ждут посетителей. Даже странно, что за последний месяц к нам почти никто не заглядывал. Леша буквально позавчера заметил по этому поводу следующее: «Наверное, у нас к квартире тихо-мирно потому, что на дворе апрель. А это вроде как месяц обострения всех заболеваний, в том числе и психических. Твои дружки, драгоценный брат, наверное, сейчас проходят интенсивный курс психотерапии. Пройдут — и снова к нам повалят, да, Катя?» Я тут же согласилась, а Томас разразился целой тирадой о том, что мы с дядей, мол, жутко невоспитанные и негостеприимные, позорим «знаменитый русский менталитет широкой души» и «образ щедрого россиянина, сложившийся в стереотипном сознании иноземцев». Алексей, конечно же, тут же ехидно поинтересовался: «Если у тебя такой вот русский менталитет, то почему ты, интересно мне знать, взял себе такое прекрасное, чудесное, воистину народное имя „Томас“?» Тогда, конечно, они опять поспорили...

Возвращаюсь к друзьям — они приехали к нам якобы за сувенирами из Страны восходящего солнца (или это Китай?), и некоторые из них задержались у нас до глубокой ночи и не могли самостоятельно покинуть нашу квартиру — так на них подействовало заграничное саке, разбавленное ими почему-то нашей российской водкой. Папа взял на себя

ответственность доставить этих дядечек (и одну тетеньку) до их домов. Они веселой компанией уселись в машину и двинулись в сторону одного из спальных районов, в котором дружелюбные ребята в ядовито-зеленых куртках и с полосатыми палочками в руках остановили папину «тойоту». Как результат — прав Томас был лишен на пару лет. За это он очень сильно обиделся на милиционеров и нарисовал на них карикатуру — ее даже в одной из газет напечатали. Если мне память не изменяет, доблестные представители закона были изображены в виде одной большой и нелицеприятной кучи коричневого цвета...

А вот Леша не получил права вообще. По очень идиотской причине: когда он проходил медицинское обследование еще лет пять назад — а это является обязательной процедурой для получения водительского удостоверения — то не смог пройти психиатрическую экспертизу. Одна из докторш, к которым он пришел, оказалась его бывшей девушкой, даже, вернее, женщиной — Алексея часто тянуло и тянет на тех, кто постарше. С той своей пассивностью он расстался очень некрасиво — умник-дядя изменил ей с лучшей ее подругой, а потом еще и с младшей сестрой. Поэтому по вполне понятным причинам бывшая возлюбленная моего дяди очень сильно Лешу не любила. Ненавидела так же, как зверек Рики-Тики-Тави змей, или как Воланд-де-Морт — Гарри Поттера. Она-то и дала ему справку о том, что у него с головушкой не все в порядке. Леша попробовал сунуться к другому врачу, проклиная на чем свет стоит свою бывшую, но, как оказалось, психиатрическая тусовка — общество довольно узкое и все в нем отлично знают друг друга, и поэтому у дяди ничего не выгорело. Так и остался он без прав.

Эдгар, по понятным причинам, может управлять только теми авто, которые можно лицезреть лишь в компьютерных гонках. Нелька вообще криворука и косоглаза: ее в детстве от этого даже лечили, кстати. А я просто боюсь садиться за руль авто. Когда-нибудь, может быть, я и решусь, но пока что не чувствую в этом острой необходимости.

Собственно, из-за вышеперечисленных причин наша семья абсолютно и неприспособлена к вождению машин...

— Все, мы за городом, детка, — вдруг потрепал меня по голове Кей, испугав. — Покатаемся!

— А сейчас мы что делаем? — спросила я устало.

Парень подмигнул мне.

— Плетемся. Но сейчас мы разгонимся. Как следует.

— Но мы и так не медленно едем, — возразила я, обеспокоившись.

— Медленно.

— Быстро!

— Медленно.

— Быстро! Я говорю — быстро!

— А я говорю — не спорь со мной! Ты же любишь уверенных в себе и в своих действиях мужчин, Катенька? — в его голосе явно звучал неприкрытый стеб. — Слушай меня и не перечь. Полетели.

И он надавил на газ, забыв сказать мне: «держись, милая». Хотя бы просто: «держись». В животе что-то противно защекотало — не иначе завтрак попросился наружу — оценить действительность...

— Тебе понравится, — пообещал мой водитель тем временем.

Понравится? Вряд ли. Хотя... Летать по воздуху вдвоем с Кеем было... было необыкновенно: и страшно, и неромантично, и даже нелепо, но почему-то и здорово одновременно.

С ним не соблюдалось никаких канонов идеального свидания, того самого, когда у молодого человека есть возможность прокатить любимую на крутом транспорте и показать себя с лучшей стороны. Многие девушки утверждают, что такое свидание, для того чтобы оно было незабываемым и переполненным романтикой, обязано включать следующие компоненты: ночь, яркие звезды, луну, мотоцикл или машину с открытым верхом — чтобы ветерок мог приятно обвевать, лирическую музыку, позволяющую создать ауру таинственности, поцелуи. Парень должен улыбаться и говорить нежные слова. Что-то вроде: «мы будем вместе вечно». А девушка, глупо хихикая и хлопая ресницами, должна признаваться в своей ответной любви и обещать, что «никогда не забудет эту чудесную ночь!»

В случае с Кеем все было совершенно по-другому. Во-первых, в этой части планеты царствовал день, и романтически перемигивающиеся звезды можно было разглядеть только в мощный телескоп. Во-вторых, Кей совсем не походил на влюбленного заботливого парня — не обращая внимания на меня, он едва ли не до предела разогнал свою машину по скоростной федеральной трассе, на которой, слава Богу, почти не было другого транспорта, иначе мы бы точно куда-нибудь или во что-нибудь врезались. В-третьих, я не хихикала, прикрывая рот ладошкой, — а если и касалась губ, то только от тихого ужаса, а мои вопли о том, что «мне страшно!», веселили музыканта, как цирковое представление трехлетнего ребенка. В-четвертых, парень ну очень громко включил это самый хард-кор — и я сразу почти поняла, что этот стиль электронной музыки теперь буду ненавидеть — если он в тихом «виде» более-менее мною воспринимался, то в громком бил по ушам не хуже тяжелого рока. В-пятых, этот дурак пугал меня тем, что сейчас сделает трюк под названием «на цыпочках» —

то есть поведет машину на двух колесах, — мы тогда бы точно перевернулись, я уверена. В-шестых, вместо нежных обращений типа «любимая» и «солнышко» Кей с милейшей улыбочкой назвал меня «трусихой» и велел мне не орать и не просить его остановить машину. Он наслаждался моей паникой, желая приучить к скорости (по его словам). Скорее всего — парень садист и в детстве мучил котят и щенков по полной программе. Избивал сверстников. Доставал сверстниц. А теперь взялся за меня... В-седьмых, Кей нажал на какую-то кнопку и открыл все окна, чтобы «наслаждаться» порывистым ветром, бьющим с силой в лицо, и я боялась, что у меня не только уши просквозит, но и всю голову заодно. Если бы в машине не было крыши, я бы вообще в аналог весеннего снеговика превратилась бы, удивив матушку-природу.

— Наслаждайся, Катенька, — излишне ласково заявил милый водитель, перекрикивая мощный звук музыки. Вот уж и не знала, что крутые рок-певцы слушают электронные мелодии. Правда, очень жесткие мелодии... Нинка будет очень разочарована. — Чувствуешь скорость?

— Езжай медленнее! — закричала я в ответ. — Пожалуйста!!

— Нет, малышка, привыкай! — быстро обогнал какую-то красную иномарку Кей, едва не задев ее.

Водитель высунулся из окна и яростно потряс кулаком. Лицо молодого мужчины было злым. Я бы тоже на его месте рассердилась.

— Осторожнее! — испугалась я еще больше. Кто Кею вообще права в руки дал? Держал бы светловолосый свой микрофон, а не руль. Гонщиком себя возомнил, что ли, великим? А права-то наверняка купленные.

— Не бойся! Я хорошо вожу, — громко обратился ко мне горе-водитель. — Эй, закрой глаза и представь, что стоишь на высокой скале, над морем. И падаешь! Падаешь с этой высокой скалы.

— Зачем? Ну давай, води машину медленнее, а? — жалобно попросила я, прикрывая уши ладонями — волосы развевались на ветру, не так красиво, конечно, как у девушек в фильмах, но тоже очень живописно: например, залепляли мне глаза и лезли в рот.

Кей не ответил. Он сосредоточенно глядел вперед: хотел обогнать еще один стремительно летящий ярко-красный спортивного вида автомобиль, которым наверняка управлял такой же дурак — любитель скоростей и адреналина.

— Ты! Я тебя сделаю! — пару раз просигналив, прокричал светловолосый музыкант, высовываясь в окно и указывая пальцем протянутой вправо прямой руки на хозяина второй машины.

При этом на губах этого смазливового паршивца заиграла самоуверенная

улыбочка. В эти секунды наше авто почти что догнало красное, и сомневаюсь, что его водитель мог слышать фразы Кей. Но думаю, молодой парень со стильной бородкой, сидящий за рулем, отлично понял ход мыслей Кей, ненормального и обаятельного. Поэтому когда наши машины поровнялись, незнакомец показал большой палец (в его авто окна тоже были открыты), резко ткнул пару раз им себе в грудь, словно говоря Кею, что он лучше, а потом послал воздушный поцелуй, который, как я поняла, был адресован мне. Я зарделась — мне незнакомые молодые мужчины в дорогих машинах пока еще поцелуи не слали.

Мальчики решили посоперничать.

Кей широко улыбнулся, изловчился и, похлопав рукой меня по щеке, надавил на газ. Меня чуть-чуть вжало в сиденье. Он что, действительно думает, что стал гонщиком?! Зачем, зачем я согласилась на эти издевательства? Почему я вообще сразу не сбежала от этого настырного идиота с морской пеной вместо мозга? Его тараканы совсем рехнулись? Стритрейсер недоделанный. У меня тут дух захватывает, а он, сосредоточившись на дороге, заставляет машину едва ли не лететь вперед.

Чтобы не видеть возможного столкновения (в лидере Нинкиной любимой группы я все-таки сомневалась — не похож он на гонщика-профи), я закрыла глаза и представила, что правда стою на обрыве. Высоком, крутом, опасном. Он так ярко представился мне, как будто бы я действительно сейчас не еду в машине на большой скорости, а нахожусь там, под седыми облаками и под бешеным ветром, обволакивающим кожу своими резкими прикосновениями. Несмелый шаг вперед — и лечу вниз. Действительно, похоже на какой-то странный, затягивающий вниз полет! Кружится голова, чуть прерывается дыхание, сердце бьется сильнее, и такое необычное чувство, что меня касаются большими легкими крыльями летящие вместе со мной то ли птицы, то ли бабочки. И из-за этого холод в животе только усиливается. Как и скорость бесконечного падения.

Кажется, Кей увеличил скорость: меня ко всему прочему затошнило, и я злобно покосилась на руки парня, спокойно лежащие на руле. Странно, мне казалось, он должен сжимать руль — при такой-то скорости.

Ну и где тут романтика? Одни только неприятные чувства. Я резко открыла глаза и посмотрела в окно слева от себя — мы только что обогнали ту самую машину, в которой находился парень с бородкой. Кей обрадованно засмеялся и вновь высунул в открытое окно, из которого хлестал ветер, руку, показывая тому, кто остался сзади, очень неприличный жест. В некоторых местах (например, в нашем дворе), за такое морду бьют, но певцу было все равно. Он же у нас знаменитость, ему все можно!

Водитель красного автомобиля с досадой ударил кулаком по рулю и начал притормаживать. Вскоре он остался позади.

— И как тебе твой первый адреналиновый скачок? — прокричал мне в ухо солист «На краю».

— Ты идиот! — честно ответила я, а Кей не нашел ничего лучше, чем потрепать меня за щеку.

Лучше бы обнял... Тьфу ты, о чем я думаю! Вот ведь козел в человеческом облики.

Положительным аспектом в этой глупой ситуации можно было назвать только наличие самого Кея. Его фанатки обзавидовались бы мне и наверняка захотели бы убить. А народную любовь девушек я уже успела прочувствовать в Нелькиной школе — до сих пор немного жутковато.

Эта странная поездка за город кончилась внезапно. Фронтмен группы «На краю» неожиданно сбавил скорость и, скользящим движением левой руки сместил руль влево, сворачивая с трассы на какую-то едва заметную дорожку из гравия. Он даже не поленился сделать тише музыку, и, слава Богу — потому что очередной электронный трек своей монотонностью и ярой долбежкой попеременно с электронным басом начал меня нехило раздражать. А потом, внимательно взглянув на меня, Кей вытащил еще один диск, и я даже сначала испугалась, что это музыка будет еще хлеще предыдущей. Однако теперь в автомобиле неспешно играла довольно милая транс-мелодия, сопровождаемая хорошим женским вокалом.

Со спокойной музыкой, без скорости и ветра стало куда лучше, а главное, не так страшно.

— Мы куда? — в некотором удивлении спросила я, высунувшись в окно. Передо мной кокетливо красовался светло-зеленый луг с желтыми точечками-одуванчиками, разбросанными всюду рукой неведомого садовника, с совсем невысокой молоденькой травкой, по которой весело и деловито, явно торопясь по своим каким-то водным делам, бежала тонкая, прямая, как стрела, небольшая речка, через несколько десятков километров вливавшаяся в большую полноводную реку, спешившую далеко на север. С запада луг обрамляла стена темно-изумрудного хвойного леса, уходившего в ту сторону на много сотен километров, а с севера — небольшие пологие холмы, плавно переходящие друг в друга. Летом на их склонах росло множество цветов, а также земляника. Половина нашего немаленького города, должно быть, приезжала в эти места за ягодами, поэтому никто не мог собрать больше трех-четырёх зеленых ягод. Однако многие с каким-то бешеным упорством продолжали кататься в эти места в надежде собрать богатый земляничный урожай, чтобы все равно уехать с пустыми ведрами

и корзинами. Однако приезжие горожане не терялись — они постоянно устраивали в этих местах пикники, оккупировали чистую, на удивление, речку, плавали там до изнеможения, по выходным даже устанавливали палатки, чтобы пару дней пожить на природе. Где-то здесь же недалеко, в лесу, умельцы-бизнесмены устроили платную зону отдыха, оградили ее, поставили туалеты и мангалы, заманивая все тех же горожан на шашлыки...

— Кей, ты куда меня ве... ве... ве... везешь? — машина подпрыгнула на какой-то кочке, поэтому я не сразу смогла выговорить последнее слово.

— Ку-ку-куда? — передразнил меня парень.

— Серьезно.

— Сейчас увидишь, — пообещал парень, всматриваясь вдаль. — Здесь есть классное место.

— Классное для чего? — тут же я представила себе какой-нибудь милый и заброшенный обрывчик или овраг, где удобно закапывать людей. Мы все дальше и дальше отъезжали от основной дороги.

— Для всего, детка. А пока признавайся, что я тебе нравлюсь, — опять заело солиста.

— Отстань, пожалуйста. Лучше скажи, когда ты меня повезешь домой. Я вообще-то занятой человек.

— Чем ты занята, милашка? — со здоровым скепсисом поинтересовался он. — Перемыванием косточек со своей замечательной подружкой?

— Эй, полегче! — возмутилась я. — Кстати, если ты имеешь в виду Нинку, то... скажи, разве она тебе не понравилась?

Вдруг сейчас выяснится, что Кей хочет поближе познакомиться с Журавликом через меня? Тогда, честно говоря, я буду рада за подругу! Хотя, что-то не верится мне, что Кей парень стеснительный и сам бы не смог подкатить к Ниночке. А может, он так сильно в нее влюбился, что стесняется? Вот это будет поворотец! Журавль умрет от счастья!

Только мне, конечно, неохота быть «связующим звеном» между этими двумя. Кажется, это немного унижительно?

— Так тебе нравится моя подруга? — еще раз спросила я, начиная нервничать.

— А она должна была мне понравиться, детка? — повернул машину налево Кей. А я даже и не знала, что тут такие дороги есть.

— Ну да, она красивая, — осторожно начала я. — Интересная.

— Не спорю — у демоницы отличная фигурка и личико ничего так, — согласился водитель.

— Может быть, ты хочешь с ней поближе познакомиться? — осторожно спросила я, глядя ему в лицо, но блондин не счел нужным повернуться ко мне. Спросил только:

— Эй, что ты имеешь в виду под этими словами?

— Ну, сходите куда-нибудь вместе... на свидание.

— Я не хожу на свидание с девушками своих друзей, — отрезал Кей, и вид у него стал такой, словно я его оскорбила — очень сильно.

— М?

Помолчав, он добавил, в очередной раз поворачивая руль:

— Келла в последнее время от твоей подруги сам не свой. Раньше у него почти каждую неделю были новые девчонки. А теперь он думает только о красоте Ниночке.

Я закусила губу — еще бы, Альбина позаботилась об этом, только, конечно, жертвой должен был стать ты, а вышло все совсем по-другому. По идее это ты сейчас должен был наслаждаться ролью возлюбленного Нинки.

— Он говорит, что любит твою подругу. Странно. Никогда не видел его таким. Если бы я верил в магию, я бы предположил, что кто-то, — с этими словами он медленно повернулся ко мне и посмотрел в глаза, словно пытался найти в них мою душу и просверлить в ней дырку, чтобы вытащить все секреты, — приворожил моего друга.

— Чего? Магии не существует, — с глуповато-невозмутимым лицом я махнула рукой, не рассчитала силы и едва не попала парню по носу.

— Сама грациозность, — сделал мне очень сомнительный комплимент этот псих. — А я верю в магию.

Не мог же он догадаться? Как такое возможно? А вдруг Кей и Келла потащились еще к какому-нибудь специалисту-экстрасенсу, и им была раскрыта эта страшная тайна?? Да не может быть такого. Им что, больше заняться нечем? Они и так заняты — о каких походах по экстрасенсам может быть речь? Я сглотнула и выдавила улыбку.

— Какие глупости. Приворожить человека нельзя. Твой Келла влюбился в мою Нинку совершенно самостоятельно. Или ты думаешь, что она стала бы бегать по всяким там магам и знахаркам в поисках того, кто смог бы ей приворожить кого-то там? Нонсенс! Как тебе такое в голову могло прийти? — врала я, как умела. — Ты просто не знаешь, что такое любовь!

— Вот как? А ты знаешь? — заинтересовался мой собеседник, по моему, еще увеличивая скорость, — может, расскажешь мне о настоящей любви?

— В книжках почитай, — не собиралась я говорить ничего такого.

— Какие? Те глупые романчики, в которых мужчина-герой готов на все ради своей очаровательной женщины? — спросил он, явно веселясь. — Если там знают, что такое любовь, то считай меня балериной, малышка.

— А разве то, что мужчина готов на что-то ради любимой, — это не любовь? — упрямо спросила я. Конечно, в любовных романах показаны лишь только сладкие-пресладкие отношения, заканчивающиеся старым добрым хеппи-эндом, но не зря они так популярны в женской среде — каждой представительнице слабого пола хочется быть любимой и все такое...

Он картинно пожал плечами.

— У тебя одностороннее представление о любви.

— Чего? — рассердилась я, — нормальное у меня представление о любви! Парень должен защищать свою девушку, быть готовым ради нее на все и...

— И все ради нее делать, — скучающим голосом закончил Кей. — Вау. А что должна делать девочка? Позволять любить себя? Позволять себя защищать? Позволять быть готовым на все ради того, чтобы ты мог ее... ладно, тебе это не нужно знать, крошка, ты пока морально не выросла. — Он улыбнулся мне неожиданно нежно, но таким же равнодушно-ироничным голосом продолжил: — Кому нужны такие отношения, детка? Все должно быть взаимным. Но ты еще маленькая, тебе не понять.

— Девушка тоже должна быть готовой на все, — тихо, но уверенно произнесла я.

— Он готов на все, она готова на все — они друг для друга сделают все что угодно. Это любовь, по-твоему?

— Почти что.

— Почти что? Тогда я не понимаю, что же такое твоя любовь? Объясни заново, — все так же насмешливо спросил парень.

Я вздохнула. Любовь. Чувства. Что это?

— Я не знаю. Это что-то особенное, о чем я не могу сказать словами.

Это мое больное место, и мне не нравятся подобного рода вопросы и разговоры. Поэтому я спешно попыталась переменить тему, но в результате сделала катастрофическую стратегическую ошибку.

— Кей, кстати, не говори Нинке, что мы встречались, ладно? — попросила я.

— С чего вдруг? — огорошил меня парень вопросом.

— Ну-у-у, ей это не понравится, — уклончиво отвечала я.

— Почему?

— Ну-у-у, — опять протянула я, не зная, как бы половчее ему

объяснить, что Нинка меня закопает живьем за такую измену, потом подожжет мою гипотетическую могилу, затем выкопает меня, отрежет все конечности, закопает вновь и опять вытащит, вздернет на виселице и будет издеваться надо мной таким образом пару лет. Наверное, даже колдунавуду выпишет из Африки, чтобы тот меня пару раз оживил для дальнейших пыток. Это, конечно, жутко преувеличенная метафора, но для меня дружба с этой балдой — очень, очень важна.

— Я жду ответа, детка, — поторопил меня фронтмен известной группы, который, кажется, очень не любил ждать.

— Кей, если ты скажешь это Ниночке, ей будет неприятно и мне будет очень плохо, — серьезно ответила я.

— Ладно, я буду молчать, мне несложно, — и даже услышав его сговорчивый тон, я не спохватилась. — Но при одном условии.

— Каком это еще условии?

— Ты будешь делать все, что я говорю.

— М? Все?

— Все. Как будто бы я твой господин.

Эти слова мне показались такими «заманчивыми», что я со злости хлопнула себя по собственной коленке. Бывают же такие мерзкие придурки! Все, Кей, даже твоя внешность теперь тебя не спасет от крайне негативного мнения о тебе. «Все, что я захочу!»

А ноги тебе не протереть моими волосами? Жаль, я все-таки не произнесла этого вслух — лишь злобно сверкнула глазами.

— Наверное, ты могла бы быть очень страстной, — задумчиво произнес Кей, увидев мой взгляд. — К тебе нужен особенный подход...

— Ты больной? — напрямую спросила я. Господи, ну зачем я вслед за Нинкой ввязалась в этот тихий ужас? Я ведь так спокойно жила...

— Есть немного, — признался он. — Ну так как? По рукам?

— Нет.

— Хорошо. Только иногда я плохо умею держать язык за зубами.

— Хочешь сказать, что ты трепло? — прямо спросила я. — Расскажешь Нинке?

— Всякое в жизни может случиться.

— Нет, я не могу так.

— Соглашайся.

— Вдруг ты каких-нибудь извращений попросишь?

— Слишком плохо думаешь обо мне. Обещаю, что просьба будет легкой. Ничего такого, — насмешливо добавил он, — что сможет бросить тень на твою честь.

— Да? — скептически протянула я, разглядывая его синий кулон. Красивый, как и хозяин, но наверняка топаз холоден, как и сам Кей.

Если я соглашусь, он ведь правда ничего не расскажет моей лучшей подруге? И... я всегда смогу его обмануть. Наверное.

— Сходишь со мной на свидание еще раз, — нарушил затянувшуюся тишину парень. — Это и есть мое желание. Идет?

— И Нина ничего не узнает? И потом ты оставишь меня в покое? Да? — тут же наивно обрадовалась я. Внутренний голос тут же протянул: «Катя, ты реальная дура. Дура! Дурочка!! Маленькая дурочка. Тебе чего, пять лет? Ты кому веришь? Он же наследник Синей Бороды — убить не убьет, а вот нервы потреплет изрядно!»

Томас говорил, что людям как бы надо верить...

Томас много чего говорил — и почти все неправильно.

Ой, отвяжись. Иди лучше покорми моих личных тараканов!

Это тебя сейчас покормят — вареной лапшой. С приправами всякими, специями, соусами. Не забудь потом с ушей снять свой обед.

— Я согласна, — объявила я, хмурясь.

— Отлично, — деловым тоном произнес Кей, словно он меня не на свидание позвал, а на совещание. — Мы приехали. Это одно из моих любимых мест.

И он, совсем выключая музыку, резко затормозил. Неужели мы приехали?

Я первой выбежала из машины и вдохнула свежий воздух, наполненный едва уловимым ароматом весенних трав и горьковатой хвои. Певец остановил машину недалеко от воды, не серой, а прозрачно-голубой, отражающей ярко-синее небо и солнечные блики. Неподалеку же начинался и сосновый лес, и большие хвойные деревья казались мне настоящими гигантами.

Это было необычное место. Сочно-зеленое, теплое и нежное. Знаю-знаю, место нельзя назвать нежным, но вокруг нас были такие нежные краски природы, что мне хотелось выразиться именно так. В городе только-только набухали почки на деревьях, и трава была хоть и зеленой, но какой-то еще по-весеннему слабой и уже пыльной, как и первые хиленькие одуванчики на уличных газонах. А здесь все было по-другому: естественно и свежо.

Кей неспешно вышел из машины и потянулся. Майка слегка задралась, и я увидела фрагмент татуировки, на мгновение показавшейся на его подтянутом животе. Следит за собой мальчик, ничего не скажешь. Наверняка его тату изображает что-нибудь величественное. А может, даже

там написано «Великий Я» или «Кей — властелин мира».

— Здорово здесь?

— Да уж, — кивнула я. Давно Катрина не выбиралась на природу.

Кей засмеялся абсолютно нормальным смехом и пошел к воде, почему-то стараясь не наступать на рано цветущие редкие растения, названия которых я не знала. Я пошла за ним, но на середине пути остановилась — мой взгляд зацепил полет небольшой черной птицы, которая взмыла куда-то вверх, расправив крылья.

— Ух ты, — восторженно задрала я голову кверху, оглядывая по-королевски величественное лазурное небо, по которому неспешно плыли, цепляясь друг за друга, кудрявые облака-гиганты — мои самые любимые небесные обитатели.

Кто-то обожает яркое слепящее солнце, кому-то нравится часами смотреть на таинственную луну, у кого-то в фаворитах ходят звезды, делано загадочно мерцающие на ночном небе. А я вот люблю красивые облака. Те самые, ярко-белые, кудрявые, которые называются кучевыми и предвещают хорошую погоду.

— Кей, смотри, какое небо красивое, — прошептала я, забыв о том, что от быстрой езды у меня немного до сих кружится голова и что только пять минут назад я нехорошими словами обзывала этого идиота. Правда, мысленно — не могу человеку в лицо столько гадостей говорить. В который раз жалею, что я не Нинка! Если бы ее так, против воли, решили бы покатать в машине, Ниночка такому наглецу откусила бы ухо, копируя Майка Тайсона, а потом бы еще каких-нибудь хороших вещей бы наделала. Машину бы там подожгла. Однажды эта истеричка, в ту счастливую пору, когда нам было лет четырнадцать, поссорилась со своим очередным парнем. Этот парень, мечта всей нашей школы, между прочим, очень сильно гордился своим новеньким белоснежным мопедом, купленным ему заботливым богатым папой. А поссорился он с моей подругой потому, что не хотел ее катать на любимом мопеде, хотя Нина очень этого желала. Она так обозлилась на своего ухажера, что, украв у собственного родителя бензин, подожгла несчастный мопед, когда паренек оставил его у дома новой своей подружки. Я в поджоге не участвовала и честно отговаривала Нинку от такого безумства, аргументируя тем, что «если тебя увидят, то в колонию для малолетних посадят!». «Посадят, как же!» — сморщив носик, отвечала она и все-таки совершила злодеяние. Помогал ей в этом какой-то туповатый ученик-громила одиннадцатого класса, запавший на Ниночку. Я, кстати, заметила, что Журавль просто огромной популярностью пользуется у маргиналов каких-то.

— Красивое, — согласно ответил Кей, присев у реки, весело серебрившейся под лучами по-летнему яркого солнца. Он поводил кончиками пальцев по воде, рисуя какие-то узоры, от которых расходилась едва заметная рябь, а потом опустил ладонь в реку и закрыл глаза.

— Ты что делаешь? — оказалась я рядом к ним, тоже окуная руку в воду. Чистая. Холодная. Пройдет еще месяц, прежде чем первые пловцы вступят в эту пока еще чистую воду, чтобы поплавать.

— Я люблю воду, — сказал Кей задумчиво.

Я вздохнула, посмотрела ему в лицо. Надо же, а у него настоящий цвет глаз — как будто водный: серый, переменчивый. У миллионов людей такой цвет радужки, но у него глаза особенные, что ли... Или мне уже кажется? Томас бы, наверное, сказал, что в темноте у этого блондина глаза грифельного оттенка. А на солнце — серебристые. А еще иногда они бывают то свинцовыми, то темно-перламутровыми. Глаза-хамелеоны, только это их чудесное свойство — менять оттенки и цвета, малозаметно, и нужно долго вглядываться в лицо человека, чтобы понять это.

И почему только у меня всегда один и тот же цвет глаз — карий?

— И скорость ты любишь, — ответила я, набирая воду в пригоршню.

— И скорость тоже, — согласно кивнул парень, глядя на воду, — волосы закрывали его склонившееся лицо почти полностью.

А мне так и хотелось коснуться этих волос. Хм... наверное, солист суперкрутой группы таким образом соблазняет невинных девушек. Вон как очаровательно он выглядит на лоне природы, так сказать. Очень гармонично с ней сливается, прямо как самый настоящий житель леса. Я искоса взглянула на задумчивого Кея, который до сих пор касался прохладной глади воды. Вот дурак.

Милый дурак.

Красивый.

Загадочный.

Хорошо, что он такой противный, потому что если бы у него был характер Антона, я бы точно влюбилась в Кея. А это не есть хорошо.

Любовь — слабость. Слабость, которой пользуется тот, кого больше любят — в паре же всегда так: кто-то испытывает более яркие чувства, кто-то менее яркие...

— А что больше любишь? Скорость или воду? — не нашла я лучшего вопроса. Но Кей меня обломал:

— Люблю, когда ко мне не пристают с глупостями.

Он поднялся, вновь сходил к машине, схватил с заднего сиденья пальто и вернулся ко мне.

— Эй, садись, — бросил на землю элемент гардероба солист «На краю». Боже, какой шикарный жест — отдать свою драгоценную и явно дорогую куртку чужой пятой точке.

— А ты?

— И я сяду. Думаю, поместимся.

Мы опустились на теплую мягкую ткань его неформального пальто рядом, но совсем не касаясь друг друга. Мое сердце забилося сильнее. Я никогда, наверное, не смогу понять этого человека. Он абсолютно нелогичный.

Кей смотрел на воду, я — на небо. Я видела, как облака плывут наверху, а он рассматривал их отражения в воде. Диковинная ситуация? Сидят рядом два человека, но они настолько разные, что даже смотреть куда-то в одну сторону не могут. Почему так выходит? Интересно, а куда бы смотрел Антон? А он-то что ко мне в голову зачастил? Мой мозг определенно стал свалкой.

— Почему ты не смотришь наверх? — спросила я все-таки. В городе редко можно увидеть красивое небо.

— Я люблю воду, — ответил Кей и зачем-то пояснил: — Вода — странная вещь. Может приобретать разные формы: жидкую, твердую, газообразную.

Я никогда раньше не задумывалась Вода — она и есть вода. Лед — он и есть лед. Пар — он пар, и ничто другое. Мне не понять творческих личностей.

— Ну, может, и что?

— В одном веществе сочетается столько разных свойств, и мало кто об этом задумывается, — уголки его губ приподнялись.

Сейчас как захочет! Он же непоследовательный молодой человек.

Но смеха не последовало — на лице Кея появилась лишь улыбка.

— А кому надо задумываться о такой ерунде? — удивилась я, продолжая глядеть вверх, на свои любимые облака. Поздней весной и летом кучевые жители неба особенно красивы и нарядны. В детстве нехстати вспомнившийся Томас говорил, что это Бог выгуливает своих овечек-тучек, а солнце посматривает за ними, как пастушьи собаки за стадами.

— Действительно, — прикусил он губу.

Нет, он определенно сейчас засмеется.

— Какая-то странная тема для разговора. А про воду все очевидно. Ой, смотри, то облако тебе голову длинноволосой принцессы не напоминает?

— Нет, похоже на пень с корягами. — Романтики в Кее было совсем

немного. — Хорошо, что очевидно. Иногда я, боюсь, что все, что очевидно и лежит на ладони — сложные вещи для восприятия большинства людей.

Я не поняла его — мало ли что творческой личности может прийти в головушку. Папа тоже частенько разоряется о всякой ерунде.

— Эй? — позвал меня музыкант.

— Да?

— Повернись ко мне.

Наверное, очередную подлянку задумал. Как сейчас в волосы жуков насыплет или там одуванчики за шиворот затолкает — больно странно блестят серые глаза.

— Зачем ты согласилась со мной поехать? — очень медленно произнес этот странный парень, глядя мне в глаза.

Его ладонь неожиданно для меня коснулась моей щеки — только если первые два раза он касался меня мимоходом, играючи, то теперь в его жесте появилась... нежность? Большим пальцем Кей осторожно провел по коже, и там, где он касался моего лица, словно что-то вспыхивало и начинало гореть.

Я не убрала его руку и не отвела голову назад — я просто оставалась неподвижной и глядела на Кея, стараясь запомнить черты его лица: чуть заостренное к низу лицо, на светлую кожу которого плавно ложились солнечные лучи, прямой нос, серые глаза со слишком сильно расширенными зрачками, ровные и длинные брови вразлет над ними, высокий лоб, падающие на него серебристо-светлые волосы. На миг мне почудилось, что такого оттенка и цвета должна быть грива у благородного единорога...

— Так зачем? — прошептал он медленно, не убирая руки.

А у меня был выбор? Ты сам заставил меня ехать с тобой. Или я поддалась, а теперь сама для себя делаю вид, что я — несчастная жертва произвола милорда с белыми волосами и какой-то татуировкой на животе?

Отведя взгляд от его лица вверх, я прошептала что-то вроде:

— М-м-м... не знаю... Я... и ты...

— Я и ты... — повторил он за мной. — Давай запечатлим...

Я затаила дыхание — неужели предложит запечатлеть поцелуй? Кей, оации!

— ...нас на фото. Сядь ближе.

Катя — дурочка. Вот уж действительно — у кого что болит, тот о том и говорит.

И светловолосый принц всея рокерской Руси (я так и не пойму, что же за жанр он со своей группой исполняет, поэтому обобщаю под емким

словом «рок») достал свой многофункциональный смартфон, в камере которого мегапикселей наверняка больше, чем минусов в линзах очков председателя нашего подъезда. А очки у него очень толстые...

— Ближе, — властно проговорил он. — Ближе ко мне.

Рука Кея опустилась мне на плечи, слегка прижимая к себе, — наши волосы касались, и на миг мне подумалось, что темное и светлое красиво сочетаются... Он вытянул вперед руку, к сияющему солнцу, уверенно держа смартфон, готовый сфотографировать нас и синее безбрежное небо за нашими спинами.

Вот это действительно — романтика! С большой буквы! Душа, притаившаяся внутри моего тела, пела и плясала, сердце ликовало, мозг хвалил за то, что я смогла завоевать внимание этого человека, и только один голос, сам себя называющий интуицией, не верил в искренность происходящего и бурчал что-то бессвязное.

Вспышки не было, но на широком экране появилась наша первая (и единственная, как заметил внутренний голос) фотография. Я, ясное дело — фу, зато Кей красив, как молодой бог.

Парень сам себе кивнул, рассматривая фото, а я молчала. Что ж тут говорить? О чем? О том, как он классно получился? Нет, Кей и так знает, что красив, а раздувать его самолюбие опасно. О том, что мне нравится этот музыкант? Так он нравится не только мне. Он нравится Нинке и тысячам других людей. А именно меня судьба забросила в этот красивый уголок природы.

Нет, надо перестать думать о плохом, а просто сидеть и наслаждаться этими сказочными мгновениями. Себя я поругаю позже.

Волшебство закончилось через пару минут, когда я только-только приняла фото на свой телефон, через блютуз, и обрадованно сохранила его на карте памяти.

— Сохранила, детка? — почти что шепотом спросил Кей.

— Ага.

— Сегодня я... Короче, повернись ко мне, я хочу те...

Его прервали. А я едва не прокляла тех, кто помешал светловолосому музыканту сказать мне что-то... важное?

Черт! Ненавижу этих идиотов! Ведь сейчас могло произойти что-то волшебное, удивительное и для меня, и для него, и даже для этого голубого неба и серой воды, но... ничего этого не произошло.

Сначала послышалась музыка — яростный громкий метал или что-то в этом духе. Звук звенящей бас-гитары, крутых барабанов и высокого вокала все приближался и приближался, смешиваясь с шумом моторов и чьими-то

воплями.

Большой, явно дорогой темно-зеленый джип остановился рядом с автомобилем Кея, каким-то неведомым мне пока образом нарушая гармонию этого места. За джипом подъехал черный двухдверный автомобиль с китайскими или японскими иероглифами на ярко блестящем под солнцем капоте, следом за ним появилось белое и тоже недешевое авто. Из машин, как горох, посыпались люди: группа «На краю» в полном составе, пара каких-то незнакомых мне парней, один из которых щеголял длинными красными дредами, а также несколько девушек, очень красивых, изящных и стильных. Среди них затесалась только одна представительница слабого пола в неформальной одежде и с большим количеством проколов на лице. Но ее личико было хорошеньким, а фигура заставила вспоминать моделей. У ребят из популярной группы априори не могло быть страшных девочек — они могли позволить если и не самое лучшее, то хотя бы качественное.

От неожиданности, увидев и услышав всю эту развеселую шайку, я отпрянула от Кея. А он нехотя поднялся, щурясь под ярким солнцем. Его тень падала прямо на меня, закрывая от лучей. Судя по недовольно опустившимся к низу уголкам его губ, парень тоже был не рад приезду дружков.

— Привет, ребятки! — радостно провозгласил ударник, появляясь рядом с нами первым. — Чем это вы тут занимаетесь без дяди Келлы? Дядюшка Келла очень недоволен! Очень!

— Привет, — кивнула я коварно привороженному злой Нинкой Келле. Хотя, несмотря на тот факт, что он вроде бы как сильно влюбился в мою подружку, синеволосый обнимал невысокую милую девушку с пепельными кудрями. Ох, вот бы Нинка обозлилась, если бы видела эту чудесную картину. Альбина халтурщица!

— Всем салют! — лихо спрыгнул один из близнецов, черноволосый, с водительского места в джипе. — Сейчас оторвемся!

Интересно, как они нас нашли? Словно прочтя мои мысли, парень с дредами стал объяснять своей девушке:

— Мисс, это наше любимое место с парнями. Мы сюда часто приезжаем. Наше тайное сборище, — и он раскатисто засмеялся. — Клево тут, да?

— Да, Лис, да-а-а-а... А это Кей, да?! А ты меня познакомишь?

— Кей занят, — рассмеялся еще громче парень с дредами, — у Кея и так уже есть герлы...

— Плохой парень приставал к тебе, да? — между тем допытывался у

меня Келла. Ему очень хотелось, чтобы я подтвердила его догадку.

— Да нет, мы просто...

— Так да или нет? — оборвал меня Келла с такой радостной улыбкой, что я подумала: а не именины ли у этого парня сегодня?

— Нет.

— Значит, он просто еще не успел. Но тебе бы понравилось, да.

Серебряноволосый ничего не сказал на это. Только задумчиво улыбнулся и поглядел на меня сверху вниз. Я так и оставалась сидеть на его пальто.

А потом хрустальные, только-только зародившиеся мечты Катрины были разрушены — на них кто-то наступил длинной тонкой шпилькой.

— Кей! — звучный высокий голос позвал парня. — Кей.

Он замер и резко обернулся на женский голос. И я вместе с ним.

— Я не при делах, — покачал головой Келла и свалил к одной из машин.

— Кей, дорогой, — третий раз окликнули по имени солиста «На краю», а он, засунув руки в карман и склонив голову набок, молча смотрел на одну из девушек с длинными, почти до талии, черными прямыми волосами и с изящной родинкой на щеке — точь-в-точь как у Мэрилин Монро.

Она была высока и красива, одета в ярко-красную модную коротенькую курточку, из-под которой едва выглядывала мини-юбка. На ногах ее, подчеркивая их стройность и правильный изгиб лодыжек, красовались такого же цвета сапоги на шпильках. И даже камень в ее стильном кольце, что было надето на указательный палец, оттенок имел пурпурный, королевский.

— Мне сказали, тебя так теперь нужно называть? — спросила она. — Не прежним именем?

— Как тебе угодно.

— Как угодно тебе.

Девушка по-хозяйски оглядела лидера рок-группы и медленно к нему приблизилась.

— Ты изменился, — произнесла она тихо, не мигая, как кошка, глядя в глаза Кея. — Стал еще лучше.

— Ты тоже выглядишь отлично, — произнес тот. — Но ты совсем не изменилась. Красивая, как и всегда.

Я мрачно взглянула на вновь прибывшую. Это что? Вернее, кто? Что ей нужно от Кея? И почему он забыл обо мне?

— Белые волосы, — она коснулась кончиками тонких пальцев с

яркими карминно-малиновыми ногтями его прически. Камень в ее кольце алчно сверкнул под лучами солнца. — Я скучала без тебя. Честно. Скажи, все хорошо, дорогой?

— Все хорошо, — повторил парень. — А у тебя?

— Тоже. Но, — она закусила алую губу, — без тебя было тоскливо. Я очень скучала.

Красавица положила руки ему на шею и, заглянув в глаза, проговорила вполголоса:

— Милый, ты ведь ждал меня?

Кей не двигался. То ли наслаждался ее объятиями, то ли не находил в себе силы обнять ее в ответ или оттолкнуть.

— Скажи, что ждал?

— Ждал. Можно сказать и так.

— Обними меня, пожалуйста. Мы так давно не виделись.

— Алина, я хочу с тобой поговорить, и кое-что объяснить еще раз, — чуть хриплым голосом произнес Кей, все же обнимая ее за талию и не сводя с нее глаз, словно был загипнотизирован незнакомкой.

Хотя какая она незнакомка? Только для меня черноволосая остается в этом милом статусе, а этот парень, думаю, прекрасно с девушкой знаком.

— Что же? Ты такой красивый. Как и всегда, — и высокая девушка потянулась к его лицу своим. Кей, кажется, довольно улыбнулся.

Я отвернулась, чтобы не видеть, как они целуются. Я не хотела этого видеть.

Внутри меня как-то незаметно, но крайне резко поселилось чувство опустошения и ненужности. Я только-только немного открыла душу, а туда умудрились спустить кучу нечистот, даже не задумываясь о том, что я все же не сточная канализация.

А может быть, я сама виновата в том, что все воспринимаю через какую-то собственную субъективную призму и не могу отличить правды ото лжи?

Да, сама.

Я украдкой оглянулась на них. Голова брюнетки лежала у него на плече — девушка крепко обняла Кея, не желая его отпускать, а он так и стоял, уже опустив руки и все так же странно улыбаясь, то ли с торжеством, то ли с затаенной болью.

Сглотнув, я отвернулась вновь. Почему я чувствую в груди что-то черное, неприятное? Почему мне так не хочется видеть какую-то красавицу рядом с Кеем?

Остальные смеялись, что-то кричали, кто-то вытаскивал из машин

пиво и другой алкоголь, а кто-то целовался или дурачился. И только один человек не принимал в этом никакого участия, так же, как и я, он оставался в стороне: длинноволосый высокий бас-гитарист с задумчивым холодным лицом и бледной кожей. Кажется, его звали Арин. Он стоял рядом с Кеем и яркой брюнеткой, но молчал. Пока я отстраненно смотрела то на небо, то на реку, то в сторону луга, этот парень внимательно изучал меня. Я чувствовала его взгляд. Казалось, он прекрасно понял мою ситуацию и спрашивал:

«Что, малышка? Разбили твои мечты?»

А небо оставалось все таким же улыбочиво-прекрасным — цвета минерала лазурита, и кучерявые облака точно так же неспешно плыли, не думая исчезать. Красивому небу не было до меня никакого дела — почему-то оно и не думало меняться на серое и облачное.

Ты прав. Кажется, разбили. Ай-ай-ай, как печально.

Пару минут я продолжала вглядываться в беспечное лазурное небо, делая вид, что мне нет дела до вновь прибывших — я здесь сама по себе. Просто вот стою и наслаждаюсь красивым видом. Хотя теперь красоты природы стали мне настолько безразличны, что даже свои любимые облака я не замечала. Я словно видела себя со стороны: вот машины с открытыми капотами; вот веселящиеся парни и девушки, и громче всех ржет Келла, хлопая одного из близнецов по спине; вот там, чуть дальше ото всех остальных, на фоне елового леса, стоят Кей и прекрасная незнакомка, наверное, они вновь целуются; а вот застыла около воды чья-то фигура с понурившейся головой, растрепанными темно-русыми волосами и немигающим взглядом. И это я.

К горлу подкатывал ком.

Очень и очень непросто делать вид, что все хорошо и сохранять самообладание. Но недаром Нинка изредка в шутку обзывала меня мисс Спокойствие. Я изо всех сил старалась, чтобы глаза оставались сухими, а горящее лицо подставила под легкие воздушные волны — прохладный ветерок усилился.

— Эй, девочка, пиво будешь? — подкатил ко мне синеволосый.

— Нет, спасибо, — отказалась я.

— А виски?

Я вновь отказалась.

— Водку, что ли, пьешь? — озадачился парень.

Вот же алкаш.

— У нас есть пара энергетиков, может, их? Давай повеселись с нами, м?

— Что ты всех спаиваешь? — приблизился к нам один из близнецов, милый парень, которого, как чуть позже оказалось, зовут Филипп. — Девушка, может быть, сока?

— Сока с водкой, — тут же вставил Келла. — Катя, подружка демоницы, ласточка, очнись! Кругом веселье!

— Спасибо, я ничего не хочу. — Отказалась я с улыбкой.

— И даже воды? — с милой улыбкой спросил Филипп.

— Воды тем более, — вдруг вспомнились мне слова кретина Кея о воде.

Хорошо, что непосредственный Келла пристаивал ко мне недолго — незнакомый мне парень с красными дредами позвал его, чтобы синеволосый помог вытащить ему из багажника джипа еще какие-то вещи, и я осталась в долгожданном одиночестве. А то вдруг бы Келла заметил, что у меня постепенно краснеют глаза? Наверняка растрезвонил бы об этом всем в округе.

Да, я вроде бы стояла и любовалась природой, изредка оглядываясь на компанию, и с необъяснимой тоской замечала, как черноволосая красотка, цепко ухватив Кея за ладонь обеими своими руками, что-то говорит ему, а он слушает внимательно и не перебивает ее.

— Ну подумай! — услышала я голос девушки. — Пожалуйста.

У Кея обычные ладони — не холодные, и не горячие, и очень приятные, с музыкальными длинными пальцами, как будто они...

Стоп! Не время думать сейчас о таком — точно ведь разревешься, а этого делать никак нельзя. Бери пример с лучшей подруги: не плачь.

Что она ему говорит? Это его девушка? Почему Кей такой урод, урод моральный? Зачем он решил поиграть с Катей и устроил ей такой замечательный день? Почему все, что он делает, остается для меня загадкой? Он любит издеваться над теми, кто слабее?

Я в который раз, не в силах сдерживаться, повернулась с Кею и черноволосой девушке, но разглядела только их серьезные лица: теперь Кей что-то говорил черноволосой, а потом музыканты-близнецы, каждый из которых обнимал по одной из девиц (черноволосый к тому же громко предлагал своей начать раздеваться из-за жары), загородили эту сладкую парочку.

Какое-то время рядом с ними продолжал стоять и задумчивый бас-гитарист, принимая очень короткое участие в беседе, и я, несмотря на свое грустное положение, умудрилась заметить, что у девушки и у этого парня волосы очень похожи, как будто бы эти двое купили одинаковые парики.

Почему все веселятся, а я должна грустить? Девушки смеются, парни

открывают бутылки, Келла, конечно же, ведет себя громче всех.

— У тебя новая тачка? — громко спрашивал он у обладателя дредов. — Папа опять постарался?

— А где я еще столько денег возьму? — ухмыльнулся тот в ответ и погладил белое авто по двери, как любимую женщину. — «Альфа-Ромео Брера». Самое прикольное — звук двигателей. Подвеска офигенная, панель приборов, как у летчиков. Дизайн — кул. Драйверская тачка!

— Дай погонять? — загорелись глаза синеволосого.

— Да бери, — с воистину барской щедростью протянул ему друг ключи. — Гоняй, бензина много.

— Тогда и я тоже, — тут же встрял черноволосый парень, один из близнецов, уж очень откровенно обнимавший девушку.

— Вы с ума сошли? — тут же вмешался его более светловолосый брат. На нем, как груши на дереве, самостоятельно висели уже две девушки, то и дело называющие парня миленьким медвежонком и пытающиеся поцеловать его. — Лис, заberi у них ключи. Они сделают все, чтобы ты простился с машиной.

— Зануда, — протянул его брат.

Девушки захихикали. Я злобно покосилась на смеющихся радоваться во время моего личного горя. Самое обидное — не замечают же меня, собаки такие.

— Е-е-е-е-е! — неизвестно почему прокричал Келла. — Давайте включим музон!

Включите, включите, похоронный марш, например, сейчас мне будет очень кстати.

Кей, ты тварь. Ты тут же оставил меня, когда увидел обладательницу этих шелковых, блестящих на солнце волос.

А ведь она не только шевелюрой может похвастаться — фигура той девушки женственна, лицо симпатично, ресницы длинные, глаза умело накрашены и подведены, а брови как-то по-стервозному изогнуты и придают ее образу какую-то дополнительную изюминку. Даже для Нинки черноволосая будет опасной соперницей, что тут говорить обо мне?

Проклятый красавчик! Бабушка, ты тысячу раз права! Внешность — не самое главное в человеке, хоть в парне, хоть в девушке!

Я все же встала со своего места. Пятнадцать минут назад я так удобно устроилась на дорогом пальто мерзавца Кея, наслаждаясь окружающим миром и его, кеевым, присутствием. А теперь хочется рыдать от обиды и кричать от ревности, и убежать куда-нибудь, подальше от них всех, мне тоже хочется. Я бы убежала, честное слово, если бы мы были в городе, а не

за пару десятков километров от своего родного населенного пункта. Если я убегу, то шансов на то, что домой попаду именно сегодня, у меня очень мало: с моим темпом ходьбы я явно дойду пешком до своего жилища как раз к завтрашнему вечеру. А такси в такую глухомань точно не приедет, да и не знаю я, где точно нахожусь. И денег на вызов авто у меня тоже нет.

Кей — ты овца.

Овца, овца, овца! Ты предводитель овец планеты Земля! Ты их божество! А эти парни — твой пантеон!

Я обязательно поделюсь этой мыслью с собственным подъездом. Напишу краской около надписи, посвященной твоей группе.

Ты-то там сейчас счастлив — с такой-то мадам. И забыл обо мне, как о выброшенной сигарете.

Я опять не выдержала и обернулась на пару секунд к машинам, около которых кипело веселье и слышалась очередная тяжелая музыка. Кея и черноволосой девушки я уже не увидела, и только на миг мне показалось, что что-то красное мелькнуло среди густых деревьев.

— Где Кей? — выкрикнул кто-то из парней. — Моя крошка хочет его автограф!

— В лесу, — отозвался Келла и заржал. — Сказал, сейчас он... того... поговорит чуток и вернется.

Эти слова синеволосый сопровождал такой выразительной мимикой, что прочие просто грохнули.

Скотина Кей. Если вы решили укрыться в лесу (даже не знаю, для каких целей), пусть вас там медведь раздерет или волки вами отужинают! И плевать, что здесь и одного представителя этих животных нет! Жаль, жаль, что здесь только белки водятся. А какие пакости могут сделать маленькие белочки этому козлу и его девице? Разве только сверху нагадить.

Пальто козла Кея так и лежало на прежнем месте, и я со злостью посмотрела на него и уселась прямо на землю, не заботясь о том, что джинсы могут замараться, да и то, что холодная земля служит источником многих нехороших и неприятных заболеваний, меня не волновало.

Я уселась на землю, проигнорировав черное пальто предателя, подобрав колени к себе и обхватив их руками.

Что же ты за человек?

Я, наверное, сейчас расплачусь. От обиды, от ревности, от осознания того, что я не такая же шикарная девка, как та черноволосая, от того, что меня можно называть только досадными «эй» или «детка», от того, что опять все оказалось не так, как я, наивная, себе представляла, от такого... предательства? А разве можно считать это предательством? Ведь с

объективной точки зрения этот беловолосый и заносчивый парень мне ничего не должен. Просто привез сюда, окончательно сломил оборону слабого девичьего сердца, которое все-таки мечтало о Большой Настоящей Любви и Красивой Романтике.

Хе-хе-хе.

Ну почему моя Нинка никогда не ревет, а я такая плакса? Глаза наверняка уже совсем покраснели, в горле ком, сердце обиженно бьется.

Не давать волю слезам. Не заплакать. Не разрыдаться.

Нет, только попробуй. Только попробуй показать свои эмоции на людях! Совсем посмешищем станешь же! Опозоришь меня!

Но мне так плохо... Почему все так произошло? Я уже ведь верила в чудо?

В какое чудо? Единственное чудо здесь — это ты. С приставкой юдо. А я ведь говорила, что этот валенок — опасный парень и ничего хорошего от него ждать не приходится! А ты ему поверила.

Он ведь такой... Но я думала...

Ты много думаешь, и все неправильно. Радуйся лучше.

Чему мне в такой ситуации радоваться? Он там, в лесу, с другой, и чем они там занимаются, я хо...

Дура! Ты радоваться должна — если бы эти веселые ребятки не приперлись бы так вовремя, что ты бы точно была накормлена полноценным лапшинным обедом и твои уши были бы просто погребены под тонной вермишели. А так тебе нужно снять всего лишь пару лапшинок.

И что дальше? Дальше что?

А дальше — живи и радуйся. Или вон с ними пива попей. И еды вкусной у них там всякой много. Пикник все же. Глядишь, ты себе даже парня отхватишь. Вон тот, с тощей харей, грустными глазенками и длинным хаером, как раз свободен. Не фонтан, конечно, но что поделаешь?

Я его вообще знать не знаю. А если он без женского сопровождения, может быть, не той ориентации. Не зря же у него волосы такие, и глаза он, судя по фото, которые я видела у Нинки, подводит. Эй, внутренний голос, ты почему мне так лучшую подругу стал напоминать?

С кем поведешься, от того и наберешься. Иди лучше утопись, хватит ныть... Надоела.

Я зачем-то коснулась воды рукой. Почему в такой маленькой речке такое быстрое течение?

— Холодная?

— Холодная. Противная, — не задумываясь, обозвала я ни в чем неповинную реку. — Идиотская.

И только потом до меня дошло, что ко мне кто-то обращается. Я подняла глаза и увидела над собой длинноволосого молодого человека, меланхолично-спокойного и с печатью легкой, едва заметной печали на лице. Наверное, во всем были виноваты спадающие уголки его губ. У них с Кеем прямо-таки родственная любовь к черному цвету в одежде. Вот Келла нацепил на себя яркую фиолетовую безрукавку и рад: она как раз его крепкие руки и широкие плечи подчеркивает. А что этот черноволосый, что Кей — оба выбирают самый темный оттенок: от футболки до ботинок.

Только я козла-блондина при всем желании готом назвать не смогу, а вот этого бас-гитариста — с легкостью. Очень уж у него образ такой мрачный.

Длинноволосый с невозмутимым видом смотрел на меня. Да, я не ошиблась, кажется, его зовут Арин — с ударением на первый слог.

— Идиотская? — повторил парень.

— Да.

— Ты Катя? — спросил он, и от неожиданности я даже слегка вздрогнула.

— А? — опять на мгновение превратилась я в еще одного супермрачного человека-гота с явными наклонностями тормоза.

— Ты — Катя, — утвердительно произнес длинноволосый, подходя ближе. На его правой руке виднелась кожаная перчатка без пальцев, увешанная какими-то цепочками.

— Да, я Катя.

— Кей привез, — опять утвердительно произнес музыкант, — почему не идешь к ним?

Под «ними» Арин подразумевал своих смеющихся и веселых друзей и их девушек, напропалую кокетничающих с известными молодыми людьми. Нет, а Келла хорош — так заигрывает с одной из них, как будто экстрасенс Альбина вообще ничего не стоит. Надо бы Нинке намекнуть на такое поведение синеволосого. Хотя ей плевать на это с высокой башни — ей бы главное — умаслить тетю Жабу и получить наследство.

— Я никого не знаю. Только Келлу немного. А откуда вы... ты знаешь мое имя?

— Кей о тебе много рассказывал, — был немногословным его ответ.

Как-то странно этот Арин говорит: спокойно, даже безэмоционально, не жестикулируя и не глядя при этом на человека. Но высокомерности в его голосе нет — только отстраненность. Может, он, действительно, гот какой-

нибудь? Мое стереотипное сознание просто-таки очень хочет запихнуть Арина в эту субкультуру. Спросить его, что ли: «Извините, а вы не гот случайно?». Арина мне так и хочется уважительно на «вы» называть, словно он старше меня лет так на десять, но по возрасту, думаю, мы ровесники.

— А-а-а. Кей. Ясно, — мрачно произнесла я, поднимая камешек и запуская его в серебряную речку. Томас умеет кидать плоские камешки так, что они несколько раз подскакивают над водой, как будто они не неживые предметы, а какие-то неадекватные серые лягушки, весело подпрыгивающие над водной гладью. У меня так никогда не получалось — и сейчас тоже не вышло. Отлетев совсем недалеко от берега, камень благополучно утонул, оставив небольшие круглые разводы.

— Он тебя обидел?

О да. Он меня унизил и растоптал. Этот мудак заслуживает высшего наказания.

— Нет, все хорошо, — делано улыбнулась я.

— Холодная земля? — почему-то опять заинтересовался парень температурой.

— Холодная, — кивнула я.

— А сидишь зачем?

— Просто так.

— Тебе скучно?

— Скучно. А тебе? — я подняла на него глаза.

— Нет. Вставай. Земля еще слишком холодна, — и Арин протянул мне руку, ту, которая была без перчатки. Я встала, осторожно взявшись за его холодные бледные пальцы.

— Спасибо.

— Почему ты такая печальная, Катя?

Надо же, он один заметил это.

— Просто чуть-чуть испортилось настроение. Вот и все.

Он медленно кивнул.

— Давно вы здесь?

— Нет, приехали совсем недавно. Здесь... красиво. Правда?

Еще один медленный кивок.

— И свежо.

— О чем ты думаешь, когда смотришь на небо? — совершенно невпопад спросил меня длинноволосый.

— А почему вы... ты спрашиваешь?

— Заметил, что чаще всего ты смотришь вверх. Мне стало

интересно. — Сказал в ответ этот необычный Арин. Он взглянул на небо, а потом перевел взгляд на мои плечи.

— Я думаю, что было бы неплохо увидеть мир с таких высот, — задумчиво отозвалась я.

Рядом с бас-гитаристом «На краю» я совсем не чувствовала неловкости, как будто мы были знакомы несколько лет, а не минут, просто давно не виделись. Удивительно.

— Это было бы неплохо, да, — согласился он.

— А еще я хотела бы посидеть на облаке. И попробовать его на вкус, — я невольно улыбнулась. — Мне с детства казалось, что облака как мороженое. Небесный воздушный пломбир.

— Пища богов, как и амброзия? Забавно.

— Ага.

— У тебя глаза красные. Кей точно тебя не обидел? — вновь перевел Арин тему разговора.

— Нет.

— Хочешь, я отвезу тебя домой? Парни надолго еще останутся здесь.

— Меня? Домой?

Честно сказать, я очень сильно хотела домой, подальше отсюда. Очень уж хотелось закрыться в своей комнате от всех — даже от Нельки, с которой мы спальню и делили. Хотелось отгородиться от внешнего мира и дать волю слезам.

— Везти?

— А, ну... мне как-то неудобно, — очень задумалась я над таким интересным предложением. С одной стороны — я Арина знать не знаю, точнее, знаю заочно — он бас-гитарист группы и все такое, и непонятно, какие мысли вертятся в его симпатично-готичной голове. Но, с другой, удрать отсюда хотелось, и еще как хотелось.

— Нет, — спасибо, — ответила я, вспоминая многочисленные случаи таинственных похищений девушек.

— Уверена?

— Да.

— Не хочешь — как хочешь, Катя, — к моему большому сожалению, не стал уговаривать меня дальше Арин.

Он отошел немного левее и стал всматриваться в реку, словно надеялся, что оттуда сейчас вылезет прекрасная русалка и запрыгнет к нему на руки.

Подумав немного, добавил:

— Помни, тебе может быть неудобно, если парни решат остаться здесь

до поздней ночи.

До ночи?! Что я тут буду делать до ночи? Смотреть на Кея и его пессию?

Иди лучше, врежь обоим! Покажи себя!

— Слушай! — окрикнула я длинноволосого в некоторой панике и добавила с таким видом, будто бы решалась не на поездку в родные пенаты, а на предложение руки и сердца: — Я согласна!

— Пошли, — не стал говорить лишних слов молодой человек из группы «На краю».

Он напоследок еще раз посмотрел куда-то вдаль, словно запоминая пейзаж, зачем-то опустил острый носок черных, конечно же, высоких, украшенных ремнями, ботинок в речную гладь у самого берега и с силой ударил им по воде. Тысяча брызг взметнулась вверх, тяжело падая обратно в речную гладь.

Человек пнул речку. Оригинально. Только что Кей в ней руки держал и рассуждал о том, что вода — штука крутая, а Арин так пренебрежительно к ней отнесся. А этот парень определенно вызывает у меня симпатию.

Ни слова не говоря, музыкант двинулся к машинам, не обращая внимания на то, что одна из девушек зачем-то его позвала. Кажется, эта была пессия наглеца Келлы, а сам обладатель синих волос волшебным образом растворился в воздухе. Может, тоже в лес подался?

Подсматривать?

— Садись, — кивнул Арин на черную машину и распахнул передо мной блестящую черную дверцу, окна которой казались такими же черными — вот это тонировка так тонировка!

— Спасибо, — мгновенно оказалась я на мягком кожаном сиденье. Хотелось исчезнуть из этого места до того, как вернется мерзавец со своей брюнеткой.

Арин залез на водительское место, высунулся в окно и окрикнул кого-то (кажется, парня с дредами):

— Лис, я через часа два вернусь.

— Окей! Не забудь только вернуться! Сейчас еще ребятки приедут, еще милашек с собой привезут, — раздалось в ответ громкое и фривольное. — Эй, девочки, может, потанцуем?

Что ответили ему «девочки», я уже не услышала: Арин мягко отъехал, развернул машину, и уже через минуту приехавшие на природу скрылись из виду, оставшись за поворотом. А эта машина едет намного плавнее, чем авто блондинчика.

Белки, белки, пожалуйста, свершите возмездие!

«Да будет так», — сказали белки.

И ремень, что самое противное, в этой машине я смогла застегнуть сама — очень легко и просто.

Я в последний раз обернулась, чтобы моя голова запечатлела далекое красивое небо с огромными кучевыми облаками. Одно из них показалось мне похожим на микрофон. Проклятый Кей! Надо отвлечься от мыслей, связанных с ним... Может быть, поговорить с этим Арином? Хотя он такой сосредоточенный, будто ведет не машину, а управляет подводной лодкой, что и вести беседу, наверное, не захочет.

Но стоит попытаться. Заодно, может быть, я выясню, что же это все-таки за девушка в красном?

— Извини, а мы далеко от города? — подала я голос. — Я просто плохо ориентируюсь в расстояниях и... ну даже не знаю точно, на сколько мы отъехали.

— Через минут тридцать будем, — аккуратно вел черную машину по гравийной дороге Арин.

Хм, а на машине Кея мы намного быстрее доехали. Ах, да, он же гнал, как сумасшедший. Не дай Бог, у меня заболят уши.

— Спасибо, — я вздохнула. Скоро я приеду домой. Может быть, в квартире никого не будет и тогда я смогу рыдать в голос?

— Не за что, — услышала я поразительный ответ.

Надо же, в группе «На краю» есть хоть кто-то вежливый! И это бас-гитарист Арин. Интересно, а настоящее имя у него какое? Не Арином же его мама и папа назвали? А будет смешно, если на самом деле этого готичного вида парня зовут Петькой, Вовкой или там Васькой. Я заулыбалась, глядя то на него, то на свои колени.

— Почему улыбаешься? — поинтересовался внезапно молодой человек совершенно спокойно.

— А, это у меня бывает. Ну, знаешь, смех без причины — признак дурачины, — вспомнила я любимую присказку Леши.

— Надо же, не боишься самокритики, — опять не вопросительно, а утвердительно произнес музыкант.

Впервые за все наше недолгое знакомство Арин повернул в мою сторону лицо, обрамленное густыми черными волосами (как девочка! Я чуть опять не захихикала совершенно бестактным образом), и заинтересованно посмотрел в глаза. Ух ты, какие у него оказались глаза! Светло-зеленые, словно прозрачные, с желтыми вкраплениями вокруг узких зрачков. Интересно, это линзы, как, допустим, в прошлый раз у Кея, или это настоящий цвет глаз? Наверное, настоящий. Ведь, вспомнилось

мне, на той самой кошмарной пресс-конференции у Арина глаза вообще были неживые, пугающие и белые.

— А чего ее бояться? — удивилась я. — По-моему, про себя ты можешь сказать все, что угодно, а вот когда кто-нибудь другой скажет то же самое — будет гораздо обиднее.

— Может быть, — не стал спорить парень.

Он на пару секунд открыл окно, давая возможность попавшей в машину ранневесенней мухе вернуться в свою родную среду обитания. Наверное, Арин в Гринписе в свободное время подрабатывает. Ветер, на мгновение ворвавшийся в салон, тут же растрепал его прическу, задувая длинные пряди на лицо, и бас-гитарист вынужден был пятерней убрать волосы назад, обнажая высокий лоб, который я так и хотела назвать мраморным.

Интересно, а он свои волосы каждый день расчесывает и моет специальными шампунями и бальзамами? Ухаживает? А когда их в хвост собирает, девочкой себя не чувствует? Хм, и много ли должно быть у него резинок и заколок? Хорошо, что он высокий — со спины за девушку принимать не будут.

— Ты расстроилась из-за Кея, — почему-то сказал длинноволосый, пока я любовалась на его шевелюру.

Это застигло меня врасплох. А ему-то что?

— Совсем нет, — делано улыбнулась я.

— А мне показалось, что ты была готова заплакать.

Я растеряно потерла щеки. И ответила, что ему просто показалось.

Надо же, какой человек проницательный. Но, даже несмотря на это качество, он вызывает у меня чувство уважения. Почему — не знаю. Мы ведь знакомы всего ничего.

— Я просто немного теряюсь среди посторонних людей, — нашла я.

— Точно?

— Да, — закивала я, — да-да.

— Значит, я ошибся, — не стал больше допытываться у меня бас-гитарист группы «На краю».

Нет, увы, ты не ошибся.

— Слушай, Арин, а эта девушка... кто она? — выпалила, сама себе удивляясь, я.

— Которая? Их несколько было, — вывернул, наконец, молодой человек на большую асфальтированную дорогу. Я с тоской поглядела в зеркало заднего вида — лес, река, луг, свежий воздух, наполненный ароматами ранних цветений, — все это осталось далеко позади. И Кей там

оставался. И мои самые лучшие чувства к нему и, наверное, ко всем парням в целом тоже.

— Брюнетка в красном. С родинкой, как у Мэрилин Монро, — пояснила я, с замиранием сердца ожидая ответ.

— Это Алина.

И он замолчал, словно лишь по одному имени я должна была понять, кто это такая. Я же терялась в догадках, потому что я впервые в жизни видела эту Алину, и даже среди моих знакомых не было ни одной девушки с таким красивым именем. Может быть, она — какая-нибудь звезда, и я должна была бы узнать ее, но в силу некой ограниченности не смогла сделать этого?

И кто тогда она? Певица, актриса, модель, светская львица? На неформальную поклонницу творчества группы «На краю» она никак не похожа.

— А кто она такая? — все же попробовала узнать побольше информации об Алине.

— Катя, Кей тебе нравится? — ответил вопросом на вопрос Арин.

Мне показалось, что при этом он несколько печально вздохнул. Меня, что ли, жалеет? Кей? Алину?

— Кей? Мне? Да нет, с чего бы! Ты что! — замахала я руками и чуть не попала по зеркалу дальнего вида.

Я в панике сжала край своей блузки. Неужели это так заметно? Вот же позор. Надо бы поторопиться и перевести разговор на другую тему. Черт с ней, Алиной.

— Арин, откуда ты знал, что меня зовут Катей? — поспешно выдала я вопрос, давно мучивший меня на бессознательном уровне.

Ответ меня, честно сказать, удивил.

— Я говорил, Кей о тебе часто рассказывал.

— Он что, обо мне говорит? — искренне поразились я. Наверняка этот дурак всякие глупости рассказывает, врет и обзывается.

— Бывает, — уклончиво ответил черноволосый.

— Не верь, — категорично заявила я тут же.

— Чему, Катя, не верить?

— Его словам. Представляю, какие гадости эта свинья обо мне говорит.

— Ну, не самые плохие, — чуть улыбнулся Арин.

— А что он обо мне говорит? — тут же стало любопытно мне. С чего бы вообще эта проклятая звезда ведет разговоры о какой-то простой и посторонней девушке?

— А вдруг я выдам тебе тайну друга? — веселье в его голосе увеличилось.

Надо же, готы умеют улыбаться. А ему идет улыбка.

От слов Арина я прямо почувствовала, как любопытство съедает меня.

— Какую еще тайну? — поинтересовалась я жадно.

— Самую главную тайну.

— Я представляю, какие тайны могут быть у этого недоно... извини, твоего друга. Самая главная его тайна — отсутствие необходимого уровня ай-кью, нужного обычному человеку, чтобы не считаться неполноценно-тупым членом общества.

— У всех у нас бывают тайны.

— Для меня знаешь какая тайна еще есть? Неужели музыкантом так выгодно быть в наши дни? — вдруг ни с того ни с сего спросила я.

— М-м?

— У вас у всех есть машины. И, как я погляжу, очень классные и дорогие. Ой, — спохватилась я. — Ты не думай, я не считаю чужие деньги! Просто... просто интересно! Я считала, что тяжелая музыка не самую большую прибыль приносит.

— Это не моя машина, — усмехнулся Арин. — А у Кея две тачки. У него обеспеченные родители.

— Понятно. Ясно.

Я тут же подумала, что Кей с детства избалован излишним вниманием и родительскими денежками. Наверное, на их средства он и смог раскрутить свою группу. Такому зазнайке, как он, необходимо показать себя, любимого, всему миру как личность неординарную, творческую. Опять же — есть фанатки и фанаты. А что еще надо дураку, мания величия которого увеличивается в геометрической прогрессии?

— Ты давно играешь на бас-гитаре?

— Да.

— А почему именно на этом инструменте?

И тут мне вспомнился очередной стереотип: все бас-гитаристы — жуть какие дураки и олухи. Как в том самом анекдоте, в котором говорится, что в людоедском магазине мозг этих музыкантов оказался самым дорогим, потому что его было трудно наковырять. Хм. Арин на идиота не похож, напротив, выглядит галантным, милым и в какой-то степени интеллигентным, что ли. А вот Келла, к примеру... Ладно, не будем о Нинкином «возлюбленном».

— Мне нравится, — дал очевидный ответ на мой глупый вопрос парень.

— А петь ты не хотел бы? — задала я новый «умный» вопросец.

— У меня есть партии бэк-вокала. Катя, ты не против, если я немного увеличу скорость?

Я с восторгом помотала головой. Да он само воплощение мрачноватой галантности. Точно-точно, если ему клыки отрастить и кожу еще сильнее выбелить, а радужку глаз перекрасить в красный или по крайней мере бордовый цвет, Арин будет похож на учтивого вампира, которые в последнее время необычайно модны у нас, девушек. Даже я пару книг об этих очеловеченных монстриках читала. Их любовь к потенциальной еде вызывает у меня искреннее умиление. А вот Нинка вампиров терпеть не может. Единственным вампиром она считает Эльзу Власовну. Интересно, кстати, когда она и ее Келла собрались идти в гости к престарелой родственнице и знает ли об этом сам синенький?

— Почему ты на меня смотришь? — в голосе его не было упрека, просто любопытство.

Я даже не смутилась. Вот если бы Кей спросил (о, я представляю, каким тоном он бы это сделал!), я бы побледнела или покраснела бы.

Но сейчас только улыбнулась. Общение с этим человеком каким-то неестественным образом повышало мне настроение. Странно — такого у меня давно не было — со школы. А сейчас... Разве что только с Антоном. Ох, Катька, сколько вокруг тебя мальчиков. Казалось бы — выбирай, не хочу! Кстати, об Антоне — надо бы ему позвонить. Обязательно. Позову завтра погулять, если он не занят. Или в гости. Пошел этот редкостный красавец и не менее редкостная сволочь Кеечка в далекие заграничные края.

Оставил меня одну, бросил на произвол судьбы едва ли не в чистом поле, убежав со своей девкой Алиной. Непонятно почему, но к ней я испытываю не меньше негативных эмоций, чем к солисту группы «На краю».

— Спрашивай, Катя, — вдруг понял Арин, что меня очень мучают вопросы.

— Что это за Алина? — прикрыв глаза, спросила я, глядя в окошко, за которым мелькали большие коттеджи и высокие заборы — мы проезжали новый поселок.

— Бывшая девушка.

— Кее? — расширились у меня глаза.

— Да.

— А что, они с Кеем до сих пор встречаются?

— Она бывшая. Нет, не встречаются.

— А-а-а... Но зачем она приехала? Расскажи мне об их отношениях? — почему-то попросила я, ругая себя за бесхребетность. Я хотела знать все.

— В таком случае признайся сначала, что мой друг тебе не безразличен. Честность за честность. Идет?

— А зачем тебе знать, нравится ли он мне или нет? — удивленно произнесла я, продолжая комкать край блузки.

— Я — заинтересованное лицо.

Заинтересованное лицо? Я на миг задумалась. Потом перед глазами всплыл фрагмент, где Кей, Алина и Арин стояли вместе и что-то обсуждали. Да-да, Арин смотрел на девушку немигающим взглядом и изредка переводил слегка обеспокоенный взгляд на высокомерного блондина. Наверное... она ему нравится? И он не хочет, чтобы эти двое, его друг и брюнетка, вновь воссоединились? Значит, этот парень — мой союзник!

Союзник в чем, дура? Как завоевать мерзавца Кея? Зачем он тебе, глупая, нужен-то? Ты же сейчас приедешь домой и будешь рыдать, забыла? Ты что, собралась собачкой бегать за этим убудком?

Нет, не собралась. Я не такая. Я на корню уничтожу все свои светлые чувства к звездному блондину. По крайней мере я знаю еще одного светловолосого парня — Антона...

Антон она знает. Чтобы завтра же с ним встретилась. У вас этот идиотский купон остался еще. Сходи с ним куда-нибудь. Поцеловала его чтобы! Ясно?

Не очень... ладно... Да-да, Арин не мой союзник. Он просто такой же пострадавший, как и я.

— Хорошо, Арин, мне нравится этот урод, — честно призналась я. Вспомнив Кея, я опять расстроилась. Ну что ты сделал с Катей? Тебе все равно, у тебя куча девушек и поклонниц, а у меня — только жалость к самой себе и фото на мобильном телефоне, где наши волосы касаются друг друга.

— Просто нравится или любишь? — решил уточнить Арин, безразлично глядя на дорогу. Он очень аккуратно обгонял машины, которых в это время становилось все больше и больше.

Я резко опустила голову и зарделась, зная, что скорее всего напоминаю сейчас томат.

— Я не могу сказать точно. Во всяком случае, с этого дня я ничего не чувствую к этому вашему солисту.

— Ну, хорошо. Что ты хочешь знать об отношениях Алины и Кея? Я

немного знаю.

— А мне много и не надо. Они давно расстались?

— Года два-три назад.

— А... как это произошло?

— Как это могло произойти? — Арин вдруг усмехнулся. — Кей ее бросил.

— Ого! Такую красавицу! — сначала я даже не поверила.

— Считаешь Алину красавицей?

— Еще бы! Особенно на фоне меня, например! — сейчас я совсем не комплексовала по поводу того, что в мире есть девушки, внешность которых намного ярче, чем моя собственная. Пообщаешься с Нинкой столько — вообще никаких комплексов не будет. Кроме одной небольшой мании — мании ничтожности.

Арин вновь пытливо посмотрел на меня, чуть склонив голову:

— Ты так легко можешь говорить о себе такие вещи?

— А что? Разве это плохо? По-моему, гораздо хуже хвастаться, — пожала я плечами.

— Наверное, в моем окружении нет таких простых людей, как ты.

Я замолчала, переваривая слова «простые». Это было сказано с пренебрежительностью или все-таки комплимент? По тону бас-гитариста совершенно не поняла...

— Прости. Я не так выразился. Ничего плохого не имел в виду, — тут же понял мое замешательство парень. — В последние годы, когда я всерьез занялся музыкой, приходится общаться с людьми, чье ЧСД завышено. Конкретно завышено.

— ЧСД? — Не смогла я понять, что это за странная аббревиатура.

— Чувство собственного достоинства.

— Понятно. Точно, одно только общение с тупицей Кеечкой чего стоит. У него это ЧСД уже весь мозг съело.

Я думала, парень поддержит мое мнение о том, что светловолосый музыкант имеет комплекс Наполеона, но о своем друге Арин думал не так уж и плохо.

— Кать, Кей не такой уж и плохой. Просто с девушками у него отношения натянуты.

— Н-да? — не поверила я. Хотя... с другими же он как-то нормально общается, только вот со мной разговаривает, как барин с крепостной крестьянкой. Ладно, надо вернуть разговор в нужное русло.

— Да. Он может быть прекрасным человеком.

— Арин, а почему они расстались?

— Это спроси у Кея, — не получила я точный ответ. — Хотя... У Алины сложный характер. Я слышал, у тебя есть подруга. По которой... — он несколько замялся, — сходит с ума Келла.

— Он просто сходит с ума, — до сих пор было мне обидно за Нинку, о которой, по словам экстрасенса, синеволосый должен сохнуть днем и ночью, а не прохлаждаться в компании посторонних девушек. — А при чем здесь моя Ниночка?

— Келла сказал, что у нее и у Алины характеры едва ли не один в один. Поэтому ты можешь иметь некоторое представление о бывшей Кея.

— О, у Ниночки характер — просто ужас! — прекрасно поняла я музыканта. — Все удивляются, почему я с ней до сих пор дружу! Но, знаешь, в глубине души, моя подружка хороший человек. Ну, где-то очень глубоко... Арин, а Кей не смог терпеть характер Алины и бросил ее?

— Может быть. Они расстались, но Алина не хотела этого. Она до сих пор желает вернуть его.

Его брови чуть сдвинулись. Почему-то мне стало жаль этого парня. Он, наверное, действительно любит брюнетку с родинкой, как у Мэрилин Монро.

— Да и он не прочь к ней вернуться, — вскользь заметила я. Опять стало обидно, только теперь весь негатив почти полностью переместился на девушку в красном. Приперлась, чертова кукла, обломала мне всю малину! Но Кей тоже хорош...

— Нет. Мой друг с ней не хочет больше иметь никаких дел. Пока не хочет.

— А зачем она приехала? — удивилась я.

— Парни позвали. Келла, наверное. Кей не видел ее больше года.

Ах, это синеволосый! Права Нинка, права, он — настоящее рыло.

— Зачем это Келле?

— Хочет, чтобы они воссоединились, — молодой человек как-то криво улыбнулся. — Считает, что они прекрасная пара. Чертов романтик, — вдруг добавил Арин, и даже это странное ругательство не казалось злым или язвительным — эмоций в него было вложено столько же, сколько и в другие его фразы.

Интересно, а чисто теоретически этого парня можно вывести из себя? Сможет ли он орать или драться с кем-то? Вот Келла точно сможет — в этом я не сомневаюсь. Кей скорее всего — тоже, кажется, он не слабый. Блин, что за мысли меня волнуют?

— Зачем синенькому это нужно? — поразила я.

— Синенькому? О, он обрадуется, если я его так назову. Спасибо, Кэт,

за подсказку. Можно, я буду тебя так называть? Кэт — мне нравится, как звучит.

— Да, пожалуйста. Меня так еще никто не называл, — я была даже польщена. — А почему Келла так ратует за эти отношения?

— Не знаю. Может быть, потому что Алина — что-то вроде первой любви Кея?

— Ого! Даже так! Кей может влюбляться? — удивилась я. Ничего себе — наш блондин, влюбленный в кого-то другого (а не в себя), — это нонсенс!

— Я думал, ты удивишься, что именно Алина удостоилась этой чести. Кэт, ты меня поражаешь. Ты милая.

Я опять зарделась, как маков цвет, и по-детски захихикала в кулак. Блин, а приятно, ничего не скажешь! А бас-гитарист продолжал:

— Они встречались почти пять лет.

— Сколько?! — я очень удивилась. — Я теперь понимаю, почему у этой девушки такой же характер, как у Нинки! Это же надо столько терпеть! Вот это да. Но... если они пять лет были вместе, то зачем Кею ее бросать? Да она наверняка за него уже замуж хотела выйти! Пять лет — это же срок. Вот же этот Кей — ловелас чертов.

— Кэт, нас не касается, почему они расстались.

— Ну да, — чуть помедлив, согласилась я.

Арин немного помолчал и произнес задумчиво:

— Надеюсь, ты не станешь говорить Кею, откуда ты все это узнала.

— Конечно! — молитвенно сложила я руки. — Арин! Спасибо огромное, что ты мне все это рассказал!

— Тебе это поможет? — удивился он.

— Ну-у-у... не то чтобы поможет, просто мне было интересно.

— Девушки — любопытные существа.

— Еще бы, — легко согласилась я. Только судя по собственным родственникам, к примеру, могу сказать, что мужчины не менее любопытны.

— Да, любопытны, — словно прочел мои мысли Арин. — Расскажи о себе. У тебя приятный голос. Мне нравится его слушать.

Я улыбнулась. И мы просто разговаривали, как старые приятели.

А потом началась череда телефонных звонков. Очень редко столько народа вдруг вспоминало о том, что Катя еще существует. Только Нинка никогда не забывала мне позвонить. По телефону мы с ней общались очень часто. И днем, и ночью, и время не было помехой для ее звонков.

Нинка, собственно, и начала звонить мне первой.

— Катюша, привет, — каким-то неестественно добрым голосом проворковала она в трубку. Я даже подавилась собственной слюной от таких добрых слов.

— Что, кхе-кхе-кхе? — спросила я, стараясь сдержать кашель, но это у меня плохо получалось.

— А я тут тебе рефератики сделала, какие нужно, и домашнюю работу на среду, — сообщила мне подруга таким подхалимским тоном, как будто была моей личной служанкой и надеялась, что я увеличу ей жалованье.

— Чего? Кхе-кхе-кхе... — кашель все не проходил.

— Милая, ты в понедельник свободна? — спросила Нина.

Из-за майских праздников, выходным днем у нас был кроме обычных уик-эндов еще и первый день недели.

— Да...

— Прекрасно! — воскликнула все тем же добрым голосом Нинка. — Пойдем погуляем?

— Па-пойдем, — я опять закашлялась, из-за того не могла задавать подружке вопросы, по какому это такому поводу она делает за меня домашнюю работу даже без моей просьбы? Приятно, конечно, но... странно! Чего она хочет?

— Выпей, — протянул мне Арин пластиковую бутылку с зеленым чаем.

— С-спасибо, — я с благодарностью открыла крышку, а парень даже притормозил авто, чтобы я могла спокойно попить. Кашель почти сразу же прошел — вода мне всегда в этом случае помогает. Хорошо, что он не предложил мне «постучать по спине». Честно говоря, я терпеть не могу, когда это делают. А во всем виноват, конечно же, Томас. В глубоком детстве, он привел меня и Эдгара в гости к своему другу-художнику с экзотическим именем Даниэль. Кроме папы в гостях было еще человек восемь людей творческих профессий. Все они отмечали первую крупную выставку хозяина дома и были в очень хорошем настроении. Особенно хорошо себя чувствовал Славон, тот самый, который, несмотря на свой возраст, просит называть себя только Славоном, и никак иначе.

Томас, который в те времена не мог оставить своих детей, то есть меня и брата на чье-нибудь попечение, взял нас с собой. Чтобы мы не мешались, он по предложению хозяина дома вывел меня и Эдгара погулять по широкой застекленной лоджии и предоставил в наше распоряжение кучу красок и кисточек, чтобы мы рисовали и не скучали. Томас постоянно приходил к нам, чтобы удостовериться, что с нами все в порядке. Жена Даниэля тоже частенько заглядывала — она была совсем юной

семнадцатилетней девушкой, которая безумно влюбилась в знаменитого художника и по совместительству являлась его музой. Но как обращаться с детьми, она совершенно не представляла. И вообще была (и остается) дурой. Тогда у папиных друзей своих детей еще не было, и мы с братом казались всем им инопланетянами, над которыми можно ставить эксперименты. Славон, у которого, как я уже говорила, настроение было такое, словно он принял на грудь не пару стаканов коньяка, а по меньшей мере хороших синтетических таблеток, на пару с этой самой девчонкой-музой решили провести эксперимент. Пока папы не было, они, перемигиваясь, как сумасшедшие, принесли нам две кружечки с какой-то светлой жидкостью, напоминающей лимонад.

«Детки, газировка!» — провозгласила юная хозяйка квартиры, и Славон всучил нам кружки. Мы с братом как раз хотели пить и одновременно, даже не понюхав подношения, сделали большие глотки. Оказалось, что нам дали пиво. Эдгар глотать такой напиток, который показался нам до ужаса горьким, не стал и выплюнул прямо в улыбающееся лицо Славону, а вот я проглотила. Даже такой слабый алкогольный напиток может немного повредить горло ребенку — поэтому я сильно закашлялась. Ругающийся дядька и девушка испугались и со всей силы принялись стучать меня по спине. Я орала и кашляла, а они стучали. Хорошо, что пришел дядя Боря, который среди папиных друзей единственный имел отпрысков. Он-то и освободил меня из цепких лап этих дураков и не дал им сломать мне спину.

С тех далеких пор я ненавижу, когда мне стучат по спине, — детский страх, наверное.

— Не за что. Тебе лучше? — спросил Арин с беспокойством.

Я кивнула.

— Это еще кто? — ожила Нинка. — Ты с кем? Ты где?

— С Томасом, — соврала я. Если Ниночке все объяснять — я рехнусь.

Арин, кажется, не думал, что его настоящее имя — Томас, поэтому взглянул на меня крайне странно. Но промолчал.

— Катюша, так значит, завтра готовься к событию, — продолжала Нинка, поверив мне.

— Хорошо... К какому еще событию? — спохватилась я.

— Мы идем на свидание, — радостно сказала подруга.

Ого! Со мной, что ли?

— Мы? — подняла я брови. Совсем подруга того? — Зачем мне с тобой на свидание идти?

— Надо, милая, — сказала Нинка.

— Зачем? — недоумевала я.

— Мы завтра идем на свидание, и точка! Отказаться не можешь, — отрезала девушка.

И куда подевался милый и любезный тон?

— Нин, ты что? Ориентацию поменяла? — осторожно произнесла я, шокированная.

— Ничего я не меняла, дура, — ответила подруга с чувством глубокого собственного достоинства.

— Зачем мне тогда с тобой идти на свидание-то? — недоумевала я. — Мы же девушки.

— Господи, Катя, — очень четко произнесла Нина, — я с тобой с ума сойду. У тебя какие мысли в голове, а? Ты что, со своей сестренкой ее любимого яоя пересмотрела? И юри заодно?

— Какие Юры? — не поняла я.

— Юры? Какие Юры? — заорала подруга зло, потом она на пару секунд успокоилась, глубоко вдохнула воздух и продолжила: — Нет, никакие. Мы идем на свидание. Без всяких Юр, балда. Без Юр, Кость, Вась... Я за тебя все твои домашние задания сделала, поэтому ты отказаться, дорогая, не можешь, — повелительным тоном произнесла светловолосая девушка в трубку телефона.

— Но мы же подруги! — закричала я, откровенно испугавшись за психику Ниночки.

Арина, похоже, разговор забавлял. Если бы я была на его месте, тоже бы посмеялась, а он только улыбается, сдерживается. А блондинка между тем продолжала:

— Катя. Мы. Завтра. Пойдем. На. Двойное. Свидание.

— Это еще как? — озадачилась я.

— Ты, я и двое парней. Как-как, — проворчала она. — Дошло до тебя?

— Да... Но я не хочу на свидание, — не желаю, чтобы бессовестная Нинка опять начала сводить меня с какими-нибудь, по ее мнению, «привлекательными образцами».

— Катюш, ты должна это сделать, — опять проворковала девушка. — Помоги мне, умоляю.

— Чем я помогу? — удивилась я. — Нин, ты чего?

— Пообещай, что пойдешь, и я тебе все объясню. Ты же моя лучшая и единственная подруга. Помоги. Просто сходи. Ну скажи «да».

Все эти слова Нина говорила с такой грустью и печалью, что любой посторонний человек мигом бы решил, что она едва ли не плачет, и сделал бы все, чтобы помочь ей. Но я-то знала, что она притворяется. Будет сейчас

использовать две тактики: «плакательную» и «орущую». Честное слово, с ней проще согласиться! Иначе она будет старательно вынимать мою душу до конца жизни.

— Хорошо! Хорошо! — прокричала я в ответ. Пойду познакомлюсь с очередными мальчиками этой сумасбродки. Может быть, я встречу того, кто поможет мне вытащить из сердца Кея, основательно в нем засевшего за столь короткий срок.

Нинка обрадовалась и тут же совершенно нормальным тоном произнесла:

— Ты — моя спасительница. Спасибо. А вини во всем ведьму Эльзу. Нет, лучше синильное рыло, — со злостью добавила она.

Всегда найдет виноватых!

— Почему их? — удивилась я. Надо бы поскорее разговор заканчивать — а то Арин терпеливо ждет и даже машину не заводит.

— Ты же знаешь, что Эльза, тупая бабка, чтоб ее... она позвала меня и Келлу-засранца к себе.

— Знаю.

— Я сообщила этой придурковатой свинье, — прошипела Нинка, — о том, что мы к ней пойдем завтра, а он... — девушка выдержала эффектную паузу и прокартавила, — а он сказал: «Я ифовню фвое вефание, а фы — мофё»!

— Чего? — не поняла я.

— Он сказал: «Я исполню твое желание, а ты — мое!» — сердито произнесла подруга, которая не привыкла, чтобы ей перечили или ставили условия. — А желание его — двойное свидание.

— А почему ты меня зовешь? Возьми кого-нибудь получше.

— В смысле? — возмутилась Нинка. — Ты — самая лучшая кандидатура! И вообще кричи и пищи от восторга.

— Это еще почему? — с тоской посмотрела я в окно, на длинное светло-зеленое поле, над которым летали, тяжело взмахивая крыльями, две большие птицы.

Арин тоже заметил их и наблюдал за пернатыми. С натяжкой можно сказать, что он и сам в какой-то степени на ворона похож.

— Почему? Да потому что... та-дам!.. там будет не кто иной, как Кей! — провозгласила Нина с восторгом.

— Кто? — я опять чуть не закашлялась. Господи, это что еще за странные совпадения?

— Кей, — обрадовалась моей реакции подружка. — Я буду вроде как с рылом, а ты с Кеечкой моим. Я ведь только на тебя могу надеяться, что ты

его очаровывать не станешь. Кей же мой.

Твой, твой. Он сейчас Алинин.

— Нет, — отрезала я, сглотнув.

— Что нет? — не поняла девушка.

— Не пойду.

— Я тебе дам, не пойдет она! — опять разоралась блондинка, и мне даже пришлось немного трубку от уха отнять, чтобы ее крик меня не оглушил. — Если ты не поедешь, я с тобой очень и очень сильно поссорюсь.

Я чувствовала, что Нинка не шутит. Проклятый Кей! Ты и так заставил меня страдать. Теперь хочешь, чтобы между мной и лучшей подругой появилась трещина? С Настей фактически рассорил, теперь за Нинку взялся? Урод... Если я не соглашусь — Нинка очень сильно обидится.

— Ниночка, ну возьми кого-нибудь другого, а?

— Ты моя подруга, кого я еще возьму? Папандра, что ли? — хмуро спорила девушка.

— Ну, сестру, — промямлила я.

— Ага, и брата. Сейчас, обломится моя Ирка. И вообще она в Египет уехала. Может, тогда мне Эльзу взять? Типа, вот тебе, мумия, молодой мальчик в самом соку, сожри его с потрохами.

— Ладно, Нин, ты меня... уговорила. Я потом тебе перезвоню.

— Хорошо, — не стала допытываться подруга, почему я не могу сейчас говорить. Она была рада, что добилась своей цели — заставила меня согласиться.

— Все? Поедем? — спросил Арин.

— Прости, — потупила я взгляд, — это моя подруга. Кое-что случилось.

— Ничего страшного, Кэт.

Он плавно завел машину и вновь выехал на дорогу. Не успели мы проехать и двадцати метров, «Лунная соната» опять дала о себе знать.

— Извини, опять кто-то... — мне стало неловко. Я сама не люблю когда общаюсь с кем-то и у этого человека постоянно трезвонит сотовый.

— Все в порядке.

— Алло, — схватила я телефон, увидев на его экране жизнерадостную надпись «Любимый дядя».

— Катя, ты? — раздался в мобильнике голос Леши.

Нет, это ее фантом.

— Я.

— Ты где?

В Караганде.

— Еду домой, а что? — спросила я осторожно. Мало ли что понадобилось этому шепутному родственничку?

— Слушай, езжай быстрее, мы на шашлык сейчас поедem, — весело проговорил он.

— С кем? — удивилась я. Ни на какие шашлыки совершенно не хотелось. Не то настроение.

— Да Борька и какой-то Томасов друг позвали, — охотно пояснил Алексей. — Они на машинах вот только что приехали.

— Я не хочу, не ждите меня, — отказалась я.

— Даже Эдгар поедет! Я его с трудом от компа отлепил. Давай, мы тебя ждем!

— Мне ехать часа два, — солгала я, чувствуя, что в последнее время становлюсь едва ли не профессиональной врушкой.

— А, блин. Ну ладно. Ключи-то не забыла?

— Нет, — я на всякий случай нашарила связку в кармане джинсов.

— А ты с кем? — любопытствовал родственник.

— С подругой, — отвечала я.

«Подруга» с интересом посмотрел в мою сторону и хмыкнул.

— Ну ладно, тогда пока. Зря ты с нами не поехала! Борька обещал крутой шашлык!

И Леша отключился. Ну и пусть они все уехали. Зато в кои-то веки посижу дома одна. С Чуней поговорю.

— Мама? — задал вопрос Арин.

Я отрицательно покачала головой:

— Дядя.

— С кем ты живешь?

— Я? С папой, дядей, братом и сестрой. Станный набор, правда?

— У каждого своя семья. Главное, чтобы было комфортно.

— А ты с кем живешь? — спросила я.

— С сестрой.

— А родители? — удивилась я. Наверное, я бы не смогла жить вместе со своей сестрицей. Или братиком.

— Они живут отдельно. Мне надоело с ними. Я мешаю им, они мне. А сестра недавно переехала в мою квартиру, — лаконично ответил Арин и добавил: — Кэт, впереди авария. Пробка.

Я тут же прилипла к окну. Саму аварию видно не было, только перед нами вместо привычного свободного асфальта показался длинный хвост машин, которые очень медленно ползли вперед. Вот уже и за городом

заторы. И это в воскресный день! Ужас просто.

— Наверное, ты очень хороший брат, — задумчиво произнесла я. — Твоей сестре повезло.

Длинноволосый только пожал плечами.

— Я тебя не знаю, но мне кажется, что ты классный, — сказала вдруг я, хотя редко бывала столь откровенной.

— Да ты меня не знаешь. Но мне приятно это слышать. Я не знаю, какой я брат, но я старше ее на год, поэтому с детства мне внушали, что я должен защищать сестру.

— Я тебя хорошо понимаю, — кивнула я, — у меня тоже есть младшая сестра, и мне всегда приходилось приглядывать за ней. А еще у меня есть старший брат, у нас разница в возрасте тоже чуть больше года, только мне кажется, что это я его старше, а не он меня.

— У тебя вновь телефон играет, — первым услышал знаменитое произведение Бетховена молодой человек. Я сердито свела брови к переносице, схватила мобильник и нажала на зеленую кнопку.

— Да?

— Катюш, это я! — услышала я веселый и чуть взволнованный голос Тани, старосты нашей группы.

— Привет.

Интересно, что она хочет? Просто так наша глава группы не звонит. Изменения в расписании? Конференция? Какие-то дополнительные занятия?

— Как дела? — спросила Татьяна.

— Отлично. А у тебя?

— И у меня. Слушай, ты говорила с Сеточкиным насчет меня?

— Что? — не поняла я.

И Таня тут же пояснила преувеличенно доброжелательным голосом:

— Ну, помнишь, ты сказала, что с Сеточкиным поговоришь обо мне. Я ведь тоже, как и ты, хочу в нашу университетскую газету попасть!

О Господи! Она действительно хочет этой ерундой заняться! А эта девушка такая: она доставучая, прилипчивая, немного нагловатая, хотя до легендарной Нинкиной наглости ей еще очень далеко. Как Кею пешком до звания нормального человека. Теперь мне от нее не отделаться, будет постоянно звонить...

— Тань, я еще не успела, — осторожно отозвалась я.

— Ну, я так и поняла, — сказала девушка. — Я ведь только что к Сеточкину в редакцию ходила.

— И что?

— Сказал прийти вместе с тобой и почему-то Ниночкой Журавль. Во вторник, после праздников. Особенно Нину ждал. Ну, у них же роман, — Татьяна захихикала.

Я грустно улыбнулась. Дурак Славик. Еще надеется, хотя Нинка с ним целенаправленно не встречается с тех самых пор, как побывала в клубе.

— Вы же придете?

Хм. Ссориться со старостой группы очень опасно. Придется идти. Ничего, я Нинку заставлю. Я же на свидание двойное иду, так что она все, что хочешь, сделает.

— Конечно, Тань, в чем вопрос. Придем.

— Ну, спасибо огромное! Я так хочу быть журналистом!

Эта девушка так и мечтала заняться полезной общественной деятельностью. Не человек, а чистой воды энтузиаст.

— Да пока не за что.

Я кое-как распрощалась с одноклассницей и вытерла лоб. Мы продолжали медленно передвигаться в пробке.

— Кэт, — позвал меня Арин.

Я взглянула на него.

— Что? — мой взгляд упал на его украшение — кожаную черную перчатку без пальцев со множеством цепочек. Классная штука!

— А ты хочешь быть девушкой Кея?

— Что? — я удивилась, но не показала виду.

— Прости, если этот вопрос неприятен. Не хочешь отвечать — не отвечай.

Я почти с умилением посмотрела на парня. Хотя упоминание об идиоте-солисте «На краю» было очень болезненным, а я только-только отвлеклась на другую тему, но сказала:

— Да ничего страшного. Нет, я не хочу быть его девушкой. Это ужасно. Если он бросил ту, с которой встречался пять лет, то что же меня ждет? И вообще быть вместе с такой славной знаменитостью — нет уж, увольте.

— Вот как? Ведь у тебя нет сейчас молодого человека?

— Нет. А у тебя девушка есть?

— Есть.

Это стало для меня полной неожиданностью. Мне показалось, он любит черноволосую Алину, которая где-то там сейчас находится с Кеем. Наверное, он ее держит за руку, обнимает и целует. Мне сразу же вспомнилось, как светловолосый музыкант касался меня и прижимал к себе. Сердце заныло. Я опустила глаза, которые, кажется, опять

покраснели.

Катя, все в порядке. Все хорошо. Нам не нужен какой-то там известный красавчик с дурацким именем. Да, имя у него точно дурацкое — из трех букв... Кей. Интересно, а почему Кей?

— А ты любишь свою девушку? — почему-то спросила я.

— Нет.

— Вот как? А зачем тебе нелюбимая девушка? — наивно спросила я.

Арин взглянул на меня своими чудными светло-зелеными глазами с желтоватыми вкраплениями, почему-то потер губы указательным пальцем, как будто бы обдумывая, как бы поточнее мне ответить. А потом сказал, отводя взгляд вверх:

— Ты думаешь, что все встречаются только с любимыми?

— Ну... нет, — признала я. — Просто я думала...

Я замолчала.

— Что?

— Да так. Ничего. А ты кого-нибудь любишь? Или это миф, что мужчины могут к кому-то испытывать настоящие чувства?

— Люблю. Я не могу быть с той, которую, кажется, люблю, — негромко ответил он.

Наверное, ему тяжело любить эту красотку Алину. А она с ума сходит по его другу. А Кей... он к кому-нибудь что-нибудь испытывает? Нет, он эгоист до мозга костей.

— Любишь, но ты все равно с другой девушкой, — произнесла я медленно, и мне стало жаль его. Кажется, Арину нелегко. А ведь мне он показался таким хорошим... Хорошим и необычным.

— Да. С другой. Скоро выедем из пробки.

— А может быть, это и неплохо — пытаться забыть о любимом человеке рядом с другим или другой, — задумчиво произнесла я.

— Я не пытаюсь забыть, — чуть подумав, сказал парень. Кажется, он не лгал.

— Почему? — я осторожно потрогала висящую на зеркале переднего вида безделушку — длинного черного паука с мохнатыми лапами, который наверняка напугал бы Нинку до колик в животе.

— Не хочу этого. Не хочу отпускать ее, — он оторожно объехал чью-то машину. — А девушка рядом — она мне просто нужна. Я думаю, Кэт, ты понимаешь зачем. Тебе нравится кто-нибудь, кроме Кея?

Я неожиданно кивнула. У этого человека очень удобные плечи — у того, кто мне нравится.

— Да, — я вдруг улыбнулась. — Он абсолютная противоположность

этому мерзавцу.

Кажется, мои слова порядком удивили молодого человека. Он откинул прядь прямых черных волос назад и, чуть склонив голову, посмотрел на меня.

— Кей кому-то проигрывает? — спросил он.

— Проигрывает.

— Если он об этом узнает, будет беситься, — сказал бас-гитарист, с некоторым одобрением глядя на меня.

— Да он вроде спокойный. Спокойный и противный, правда, — я вновь вспомнила его объятия с Алиной и разозлилась. — Дебил.

— Он умеет сдерживать эмоции.

И ты умеешь сдерживать эмоции, верно?

— Арин, ты не переживай, — решила я немного успокоить его. По себе знаю — когда плохо, любое, даже самое незначительное приятное слово способно улучшить настроение.

Однажды в третьем классе, когда я получила очередную двойку за контрольную по математике, я шла по скверику и рыдала — очень уж классная руководительница кричала и злилась. Бабушка, которая кормила голубей в этом скверике, пожалела меня и сказала, узнав мою проблему: «Ты плачешь из-за двойки, деточка? Запомни. Неученье — тьма, ученье — свет, а за свет надо платить. У кого-то хорошие отметки, зато мама с папой строгие и гулять не отпускают. Тебя отпускают?» Я кивнула, а бабушка, кидая голубям из кулька семечки, продолжала: «Или, например, им сладкое есть нельзя по болезни. Ты же ешь сладкое? А некоторые детки ходить не могут, а ты зато бегаешь быстро, да? Ну-ка, вот тебе семечки, корми птичек. А двойка — это так, пустяк». Я тогда, честное слово, очень обрадовалась. И когда получила в следующий раз очередного лебедя, уже по русскому языку, пересказала слова бабушки учительнице. Ох она и ругалась! Даже Томаса хотела в школу вызвать, но мне повезло — начались весенние каникулы.

— Арин, все будет в порядке, — авторитетно заявила я, словно работала Купидоном. — Если любишь, то обязательно будешь вместе с любимой! И тогда...

Меня прервал новый звонок.

— А ты популярна, — заметила Арин, объезжая место аварии: две машины, явно дорогие иномарки, врезались лоб в лоб. Никто не пострадал, зато они полдороги перекрыли. Милицейская машина остановилась как-то некорректно и тоже мешала движению. А владельцы авто, не обращая внимания на представителей закона, едва ли не дрались.

— Алло? — вновь проговорила я. Да что же такое? Почему всех прорвало. А номер, кстати, был неизвестным.

— Это Екатерина Радова? — сказал знакомый слегка гундосый и официальный до невозможности голос Славика Сеточкина. А этому-то что надо?

Нет, это ведьма Урсула.

— Да, это я. Слава?

— О, ты узнала меня, — обрадовалась трубка. — А я, собственно, хочу узнать, готов ли материал?

— Какой? — удивилась я так, как будто бы будущий журналист представился ведьмой Гингемой.

— Как какой? — гундосо удивился редактор университетской газеты. — О группе «На краю». Ниночка сказала, что ты все сделаешь, Екатерина.

Я убью эту Ниночку.

— А когда надо предоставить материал? — уныло спросила я и тут внезапно вспомнила один из любимых Нинкиных приемов: она дует в трубку, отдаляя ее от губ и кричит, что ей ничего не слышно. А потом сразу же отключается и трубку больше не берет.

Я, под очередной заинтересованный взгляд Арина, стала усердно дуть в трубку и орать: «Я... Слава? Ты меня слышишь? Слава, ты где?»

Трюк удался. Не буду я ничего писать. Нинке надо — сама пусть этим занимается, она у нас барышня умная, никакими талантами не обделенная, настроит прекрасную статью. А я пас.

Но Сеточкин был упрямым — он продолжал звонить. Я, кусая губы, глядела на экран. Ну не могу я ему прямо так взять и сказать: «Я ничего писать не буду, а Нинка — вруша и дура».

— Не берешь? Почему? — спросил музыкант.

— Да так, — махнула я рукой.

— Помочь?

— Как? — удивилась я.

— Возьму трубку, скажу, что не туда попали. Назойливый поклонник?

— Если бы, Арин. Нет, глава студенческой газеты, Сеточкин. Ждет статью.

Телефон временно замолчал, потом опять истошно заиграл надоевшую мелодию. Поменяю я ее на вибрацию, однако.

Молодой человек, не спрашивая меня, взял сотовый в свободную руку, продолжая рулить, нажал на кнопку принятия вызова и поднес телефон к уху. Ух ты, какая у него серьга классная — черный череп с красными

глазами-камешками. Я благодарно посмотрела на Арина. Не известный бас-гитарист — а чудо. И милый, очень милый. Вот бы себе такого друга-парня. Было бы здорово.

— Вы не туда попали, — с некоторой заминкой сказал тем временем Арин. Выключил телефон. Потом посмотрел на меня удивленно и спросил:

— Кэт, ты уверена, что это твой Сеточкин? — задумчиво спросил длинноволосый.

— Да, уверена, — кивнула я. — Эх, теперь же будет все выходные мучить.

— Какой-то у него голос... знакомый.

— Да? Может быть, вы виделись раньше, — не придавала я значения его словам. Мы, кажется наконец въезжали в город.

Телефон заорал вновь. Я вздрогнула. Нет, я прямо сейчас его в беззвучный режим поставлю.

— Еще раз взять?

— Давай. Спасибо заранее!

— Но, по-моему, это не Сеточкин или как там его, — не сводил глаз с незнакомого номера молодой человек. — Первый раз твой журналист звонил вот с этого номера?

Я посмотрела на светящийся экранчик.

— Я не запоминаю цифры с первого раза, — жизнерадостно ответила я.

— Сделай громкую связь. У меня есть кое-какие подозрения.

— Какие еще подозрения? — перекрикивая надоедливую мелодию, спросила я. Скоро я буду дома! Ну, если пробок, конечно, нет. Как же хорошо, что я встретила Арина.

— Веселые подозрения. Тебе понравятся. Слушай этот голос, — вдруг как-то сильно уж радостно улыбнулся черноволосый музыкант.

— Ага.

— Да? — произнес Арин, все с той же улыбкой.

Надо же, в ней проскальзывает ехидство. Или мне кажется?

— Это кто? — мрачно осведомился красивый бархатный голос, который никак не мог принадлежать гнусавому Сеточкину, если, конечно, тот за эти пару минут не обратился к практикующему волшебнику из книг о Гарри Поттере.

Я удивленно уставилась на водителя. Это же голос Кея! Это Кей! Кей! Сердце забилось, как сумасшедшее. Почему... он звонит? Беспокоится? Одумался? Или... что-то случилось?

— А это кто?

— Я могу услышать Катю?

Вау, я больше не «эй» и не «детка»? Вот это да! Я едва ли не с щенячьей радостью глядела на телефон и еще плотнее прижала голову к Арину. От его волос пахло хвоей.

— Вы не туда попали, — произнес с большим удовольствием длинноволосый и подмигнул мне. Мое лицо осветила улыбка.

— Да? — чуть хрипловато спросил голос.

— Да. Точно.

— Арин, ты реальный козел, — Кей узнал друга. Только его тон был совсем недружелюбный.

— Почему же, Кей? — спросил тот спокойно.

— Катю дай.

— Зачем?

— Твою мать, — выругался солист «На краю», — передай ей трубку.

— А если Кэт не хочет? — решил потрепать блондину нервы Арин.

Я его прекрасно понимаю. Алина, его любимая девушка, приехала не к нему, а к этому наглому эгоисту. Я бы тоже бесилась. Надеюсь, фронтмен их группы лопнет от злости. А может быть, белки в лесу все-таки отомстили за меня?

— Хочет, — самоуверенно отозвался Кей.

— Уверен?

— Сегодня мы встретимся, и я покажу тебе всю свою уверенность.

— Иногда я тебя безумно боюсь, — ровным голосом произнес Арин.

И черноволосый музыкант передал мне мой телефон. Я чуть дрожащим от удивления и любопытства голосом произнесла незамысловатое:

— Да?

— Ты, — с какой-то злостью прошипел Кей, услышав меня. Потом правда стал разговаривать мягче. — А вот и ты. Наконец я смог услышать голос нашей беглянки.

Какая я ваша? Ну, чувствуешь себя слегка униженным или просто обозлен? Или ты беспокоишься? Стало стыдно, что оставил в одиночестве Катю?

— Э-э-э... А что? — почему-то слегка оробела я. В мыслях я намного смелее.

— Малышка, — преувеличенно ласковым голосом произнес Кей. — Ты куда уехала? Я отлучился на пару минут, а ты свалила куда-то сразу. Зачем?

— Ну... — я задумалась. Приятно, однако, что этот хрен злится.

— Ну? — нежно подбодрил меня парень на том конце невидимого провода.

Где-то в отдалении слышался веселый смех и визг девушек. Я опять вспомнила то, как Кей и Алина стояли друг напротив друга и их губы почти что соприкасались — остального я почти не видела, отвернувшись. Кажется, с этого момента произошло много часов. А на самом деле мое сердце разорвалось не так уж и давно.

— Не молчи, детка. Или ты у нас теперь Кэт? — издевательски спросил солист «На краю».

— Ты куда-то ушел с красивой брюнеткой, а я поехала с Арином, — пожала я плечами, словно Кей мог увидеть меня. — И еду теперь в город. Что ты хочешь?

— Быстро выходи из его машины, — отрывисто приказал Кей.

— Ага, сейчас. У меня благодаря тебе даже денег нет на автобус, — не спешила я играть роль рабыни.

— Детка, ты не понимаешь, что ты делаешь.

— Нет, Кей, это ты не понимаешь, — устало отозвалась я. — Оставь, меня, пожалуйста, в покое. А Арина я очень благодарна. Если бы не он, мне пришлось бы идти пешком, наверное. А тебя ждет твоя девушка.

— Не неси ерунды. Что он тебе наговорил? — ого, в его голосе слышится нервозность!

Мое настроение чуть-чуть улучшилось.

— Так куда вы направляетесь? Я сейчас приеду за тобой, — заявило Его Королевское Высочество, словно делая всем одолжение.

— Не скажу куда, — заело меня.

— Эй, прекрати, — раздраженно произнес светловолосый фронтмен группы «На краю».

— Кей, с кем ты разговариваешь? Иди ко мне, солнце мое. — Услышала я высокий голос Алины и почему-то вздрогнула.

А трубка неожиданно разрядилась.

Я отняла мобильник от уха и растерянно и озлобленно посмотрела на бесполезный уже аппарат. Как не вовремя-то. Или, может быть, наоборот — очень вовремя? Эта Алина, она там, рядом с идиотом Кеем, а меня словно сама судьба защищает от того, чтобы я знала, что между ними сейчас происходит. Да, наверное, это что-то вроде знака свыше, который говорит мне: «Не общайся с ним, не думай о нем, у него есть любимая девушка, а с тобой он просто развлекается, потому что он неординарная личность и ему скучно!»

— Сел, — коротко полуутвердительно-полувопросительно произнес

мой водитель. У него бывает странная манера разговаривать.

— Да, — не заметила я, как начала перебирать что-то вроде длинных четок, висящих на зеркале заднего вида, которое было не просто каким-то там зеркалом, а имело какой-то особый датчик и видеокамеру — в машине Кея было нечто подобное, и за время нашей увеселительно-скоростной прогулки он успел мне даже что-то по этому поводу объяснить. Господи, опять этот дурак на уме — что же делать-то?

— Ты только что улыбалась. Почему опять расстроена? — без какого-либо перехода поинтересовался черноволосый.

Кстати, мы были почти около города, над которым собирались некрасивые тучки все серых оттенков. Ну вот, а небо еще недавно было такое красивое.

— Я расстроена? Тебе, наверное, показалось. Просто, — я слегка покривила душой, — я не могу понять, что от меня хочет этот человек, а чувствовать себя игрушкой — неприятно.

Арин, кажется, хорошо понимал меня.

— Не переживай. Он сильно тебе мешает?

— Ну, не то чтобы сильно, — задумчиво глядела я в окно на поток машин. Теперь я не люблю автомобили синего цвета, — просто он как-то внезапно появляется и делает то, что заблагорассудится.

— Игнорируй его, — посоветовал Арин, не отрывая взгляд от дороги. — Не замечай. Когда Кея не замечают, он перестает общаться с таким человеком. Я хорошо его знаю.

— Я и так! — с пылом воскликнула я, вспоминая, как он и Алина держатся за руки. — Зачем он мне нужен! Слушай, Арин, а ведь вы же друзья. Он не рассердится на тебя?

— За что?

— Э-э-ээ... за то, что ты увез меня. По-моему, он злился. — Это согревало душу.

— Нет, — односложно ответил Арин и попросил показать дорогу к моему дому.

Я тут же предложила высадить меня, потому что мы уже въехали в город и отсюда я могла добраться на автобусе.

— Значит, мне надо его игнорировать? Не брать телефон и все такое? — грустно переспросила я.

— Да. Чем больше он будет осознавать, что ты обращаешь на него много внимания, тем больше будет докучать. Пока не добьется своего.

— Чего? — задала я очередной глупый вопрос, пополняя свою копилку наивности.

Арин чуть прикрыл рот свободной рукой — наверняка улыбался, а потом осторожно так ответил:

— Не сведет тебя с ума.

— А-а-а. Но я и так уже чокнутая, — с некоторой долей гордости сообщила я молодому человеку, но что-то внутри меня сжалось.

— Ты нормальная. Но если скажешь Кею, что равнодушна к нему, он действительно...

Теперь его прервал телефонный звонок — правда, не мелодия, а вибрация, настойчивая и очень громкая.

— Извини, — слегка улыбнулся он мне. — Слушаю, — произнес он в телефон — чем-то схожий с киевским смартфоном. В отличие от меня разговор Арина был коротким и односложным.

— Да. Да. Хватит, перестань. Да, я все сделал. Нет, я скоро приеду. Это обязательно? Нет, не утомительно, просто немного лишнее... Только это. Хорошо. До встречи дома.

Я поймала на себе его взгляд светло-зеленых глаз и ободряюще ему улыбнулась: «Говори-говори, я совершенно не против!» Арин кивнул мне, но быстро свернул разговор, после чего спросил у меня, правильно ли он едет. Ничего не препятствовало тому, что через десять минут черная машина плавно и быстро въехала в мой родной двор и затормозила около подъезда. Этот парень — отличный водитель.

— Кэт, приехали.

— Спасибо, — от чистого сердца поблагодарила я длинноволосого музыканта и уже открыла дверь с намерением вылезти на улицу, по которой, кстати, разнесся знакомый запах озона. Неужели скоро будет дождь? А ведь эти дураки, родственнички мои, именно сегодня решили поехать на шашлыки. А Кею с его компанией так и надо! Пусть мокнут. Надеюсь, он попадет в самую настоящую грозу.

Перед тем как я вышла из машины, Арин тронул меня за запястье, останавливая.

— Что? — улыбнулась я. — Тоже запах озона почувствовал?

Оказалось, что нет.

— Кэт, не общайся с Кеем, — очень усталым голосом произнес Арин, снимая свою перчатку без пальцев с руки и глядя куда-то под ноги.

— Почему? То есть, конечно, я не хочу и не буду, но почему ты мне это говоришь? Вы же друзья, — растерянно произнесла я. На миг мне подумалось что-то вроде: «О, а вдруг моя скромная персона понравилась Арину», но я быстро отбросила эту мысль очень далеко. По-моему, такими темпами я скоро буду думать, что вызываю симпатию у каждого второго

мужчины.

— Забудь его, — повторил длинноволосый. — Да, он красив и популярен, но тебе совсем не нужен. Скорее всего он вернется к Алине, потому что... — он замялся. — Перед ней невозможно устоять. А ты, ты хорошая девушка, найди себе такого же хорошего парня.

— Хорошего парня? — переспросила я.

— Да. Заботливого и милого, как и ты.

— Спасибо, конечно, хотя и так не собиралась... — я замолчала, так и не продолжив фразу.

— Кэт, не обижайся. Seriously, это для твоего же блага — Кей хороший друг, но как чей-то возлюбленный... — Арин тоже не договорил фразу до конца и, вздохнув, отбросил перчатку на заднее сиденье, как будто бы она ему очень сильно надоела.

— Я не обижаюсь, — грустно улыбнулась я.

— Тогда не сердись, — он легонько коснулся моих пальцев дружеским, как мне показалось, жестом. — Ты сердишься, я знаю. В глубине души ты ждешь, что Кей только с виду — колючий и властный, а в душе — восхитителен и прекрасен. Нет. Кей бывает не совсем чистоплотным по отношению к девушкам.

— Я и не сержусь, — вынуждена была улыбнуться я, потому как на самом деле Арин угадал мое состояние — я опять начинала злиться на саму себя. За то, что наивно поверила в собственные глупые мечты, а бас-гитарист только подтверждает эту мою глупость.

— Кэт, Кей любит играть с наивными девушками. Такой уж у него характер, — опять не глядя на меня сказал Арин.

— Что ты имеешь в виду под словом «играть»? — удивилась я.

— Самое прямое значение, — медленно потер висок Арин. — Как с куклами.

Я вопросительно посмотрела на Арина. Я-то думала, что Кей просто безответственный бабник. Что-то вроде Леши, только хуже раз в шесть или в семь. Или хуже Алексея быть невозможно?

— Ему нравятся эксперименты, — почему-то он стал отстукивать какой-то странный ритм по кожаной середине руля, на которой блестел фирменный знак производителя данной марки машин.

— Не так давно он довел одну девушку едва ли не до попытки самоубийства. Нет-нет, — тут же произнес он быстро, видя выражение на моем лице, не специально. Девушка очень эмоциональная, после разрыва не смогла спокойно жить.

— А что с ней сейчас? — во все глаза смотрела я на парня.

Что же он такое сотворил с несчастной? Кей что, действительно псих?

Судя по текстам, которые он пишет, дорогуша, я уже давно убедилась, что он не в ладах с собственным мозгом. И со спинным. И даже с костным.

— Сейчас с ней все в порядке, не переживай, — поспешил успокоить меня музыкант. — Не думай, что он чудовище, просто прими к сведению.

— Да... Я просто несколько обескуражена.

— Разочарована?

— Да, — призналась я ему и тут же спросила. — А как его Алина-то терпела? Он тоже с ней так? Все пять лет мучил? Вот жесть.

— Он ее любил... любит, — поправился молодой человек, — поэтому с ней все по-другому, да и она сама по себе с очень крепкими нервами. Я же говорил тебе, какой у Алины характер.

— Слушай, я что-то в шоке слегка.

— Ты тоже слишком эмоциональна, хотя и не показываешь этого. Кей играет с девочками, но не может жить без Алины. Да, он странный, и он мой друг. Но я хотел сказать это тебе, пока не поздно, чтобы ты подумала над этим.

— Я подумаю.

— Но его не стоит осуждать, хорошо? Просто забудь, — все не оставлял в покое руль Арин. — Знай, что с ним опасно связываться, не общайся с моим другом, и все будет в порядке.

Я улыбнулась от уха до уха, чувствуя себя настоящим американцем, у которых, кажется, есть привычка постоянно широко улыбаться.

— Конечно, Арин, я вообще и не думала о Кее, как о... ну, ты понял меня. Спасибо тебе еще раз.

— Не надо благодарить меня.

— Почему же? Ты меня предупредил! Я же не знала, что Кей настолько... урод, — глухо сказала я.

— Он не урод. Он своеобразный. Вот мой номер телефона, — вложил мне в руку небольшой клочок бумаги парень. — Если будут сложности — звони. Или если станет скучно. Я с удовольствием с тобой поговорю. Или схожу куда-нибудь. Или если вдруг Кей будет вновь приставать к тебе — тоже звони.

Даже так? Неужели Арину так меня жалко?

— Конечно, я позвоню. И ты мне звони, — продиктовала я свой телефон, а бумажку — вырванный из небольшого блокнота лист, я осторожно засунула в карман джинсов. Не забыть бы дома вытащить и переписать номер. Вдруг мне этот длинноволосый то ли гот, то ли не гот

понадобится. Вроде бы очень приятный и вежливый человек. Заботливый. Жаль, что у меня старший брат не такой, а всего лишь компьютерный завсегдатай, который намного больше собственной сестры любит системный блок. На прошлый мой день рождения Эдгар вообще забыл меня поздравить и был крайне удивлен, когда в очередной раз выполз из своей комнаты на кухню и увидел там накрытый стол, а также гостей, решивших обрадовать меня, именинницу, своим присутствием.

— Это в честь чего? — ткнул на торт любящий братик.

— А сегодня Новый год, — услужливо сказал Леша. — С новым счастьем, блин.

— Не понял, — растерянно оглядел всех Эдгар и почесал голову пятерней. — Как Новый год?

— Вот так, — поддержала Лешу Настя, на время переставшая кидать в сторону Нинки уничтожающие взгляды, — пересидел ты за компьютером, дружок.

Вообще-то я справляю день варенья в конце декабря, и до всеми любимого праздника оставалась еще пара дней, но Эдгар вдруг, ко всеобщей ехидной радости, поверил и тут же начал бегать по комнате с воплями:

— А елка-то где? Даже у меня на мониторе елка есть, а тут нет! И гирлянд нет. И почему стол днем накрыли? И меня, главное, не позвали? А ладно, давайте мне шампанское! — расхрабрился братик.

— Я тебе по голове дам, — ткнула его в бок острым локтем Нелли и добавила: — имбецил и бака. Бакацил.

— Молчи, козявка, — уселся во главе стола обнаглевший братец и всех поздравил «с наступающим».

Когда ему все же сказали, что вообще-то сегодня мой день рождения, Эдгар, вместо того чтобы смутиться, обиделся. Я тоже, но уже через полчаса и думать о невеже забыла. Каково же было мое удивление, когда следующим утром в дверь позвонили курьеры из службы доставки, которые принесли посылку с большущим медведем и огромной коробкой конфет. Братик додумался заказать подарок по любимому Интернету. Медведь мне понравился, правда, через пару дней его забрала Нелли — она, видите ли, не может уснуть без мягкой игрушки, а ее старый медведь якобы «прохудился». Конфеты я тоже не попробовала — утром мне не довелось их съесть — я спешила на учебу, а к вечеру их просто-напросто не осталось. В гости к Томасу пришли очередные друзья, для которых было совершенно естественно зайти на чужую кухню, пошарить в чужом холодильнике и съесть чужие конфеты. Между прочим, когда я усталая и

голодная притащилась в половине восьмого вечера домой, кто-то из них сказал мне, что, мол, у нас были совершенно отвратительные конфеты, которые тем не менее были дружно уничтожены чужими ртами....

— Арин, я пошла. Пока. Спасибо за то, что довез.

Он кивнул и, сказав, чтобы я не думала расстраиваться, послал воздушный поцелуй. Галантный. Я засмеялась — это выглядело так элегантно и забавно одновременно. У Кея движения более резкие. А Келла по сравнению с Арином так вообще неуклюжая обезьяна с хоботом.

Я, оглядываясь, пошла по направлению к дому, вдыхая озон, пропитавший воздух так же сильно, как коньяк коржи хорошего торта. Вокруг поднялся ветерок, небо заслонило темными низкими облаками, цвета «грозной терановой сини», как говорит Томас. Определенно будет дождик. Кажется, первая капля только что попала мне на нос.

Около подъезда стояла Фроловна с женой старосты. Они вовсю глядели на меня, как будто я обзавелась рожками, хвостиком и даже перепончатыми крыльями. Началось. Почему же нельзя меня просто не замечать.

— Здравствуйте, — первой сказала я, потому как почему-то многие пожилые люди очень не любят здороваться первыми, считая, что первыми обязаны здороваться те, кто моложе и неопытней. Нелли, кстати, вообще с ними не здоровается, так они ее не любят в несколько раз сильнее даже, чем Лешу, считая наглым подростком.

— И тебе здравствуй, — ответили хором соседки, все так же оглядывая меня пронзительными взглядами, как будто я была дичью, а они охотниками. Когда я уже входила в дом, то услышала их шушуканье:

— Эта Радова тоже обнаглела! Вчера уехала с одним хахалем, сегодня приехала с другим. Вся из себя, вы только посмотрите!

— Вот она, наша современная молодежь. Слово «верность» им незнакомо, — более интеллигентными словами выразилась жена старосты — не зря он работала учительницей целых пятьдесят лет. — А ведь из семьи все идет.

— Насмотрелась на дядьку! С их Лешкой-шалопаем еще и не двух кавалеров будешь сразу иметь! А подружку ее вы видели?

Про Нинку я уже не услышала и зашагала по ступенькам. Ха! Да были бы они моими хахалями-кавалерами, я бы даже рада была. А так они всего лишь малознакомые молодые парни, которые принадлежат другому миру и, наверное, другим людям. Второе особенно прискорбно.

А как только я зашла в подъезд, начался самый настоящий ливень. С громом и, кажется, даже парочкой молний. Дождь, ты ждал, чтобы я успела

дойти, поэтому и не начинался? Что ж, спасибо. Хоть ты меня понимаешь.

— Ну и ладно, нужен мне больно ваш Кей, — прошептала я сама себе, стоя перед лифтом, который скрипел где-то далеко, спеша ко мне. Мне хорошо одной, потому что я так привыкла. А еще мне хорошо, что я все-таки ударила стену с надписью, посвященной группе «На краю», и мне казалось, что я пнула не бетон — или из чего там сделаны стены? — а самого Кея. Жаль, подошва моей обуви не была грязной — с удовольствием бы оставила отпечаток на стене, чтобы хоть как-то замарать имя блондина, возомнившего себя суперзвездой.

Лифт, надсадно кашляя и изображая из себя больного старика, нехотя довез меня до последнего этажа. Я кинула еще один взгляд в окно — на то место, где только что стояла машина Арина. Естественно, ее уже там не было. Спасибо тебе, что ты предупредил меня насчет этого овцекозла, дорогой бас-гитарист группы «На краю». Я буду осторожней и больше не буду общаться с Кеем. Хотя завтра еще идти с Нинкой, которая удумала черт-те что. Я притворюсь больной, да. Думаю, это выход — потому что не могу я лицезреть Кея. И я не пойду. Тогда Нинка не обидится и Кей обломится — а то кажется мне, это не совсем идея Келлы — сходить на глупое парное свидание. Вот же сволочь — действительно поиграть мною желает. Кукловод хренов. Кем он себя возомнил?

Дом встретил меня благословенной тишиной и прохладой — кто-то не закрыл окно на кухне, и теперь по ней и по коридору гулял влажный ветер, а весь подоконник и край стола, прилегающий к нему, были забрызганы водой. Я поспешила закрыть окно. Ох уж эта водичка, пусть, даже если она и небесная, все равно делает мне пакости. Да уж, вода уникальная, ты прав, болван Кей. Только не тем, что у нее куча никому не нужных свойств, а тем, что она может достать кого угодно и разрушить что угодно. Даже такой крепкий материал, как дерево, вода может размочить. Она даже камень точит, что тут о деревяшках говорить!

Передумав, я вновь почему-то открыла окно, механически отправилась в свою комнату, которая не в пример коридору и кухне оставалась душной. Нелли плотно закрыла не только окошко, но даже и дверь. Нашла зарядное устройство, сунула его в мобильник, который тут же обрадованно замигал.

— Ешь, ешь, голодный, — тихо подбодрила я сотовый телефон.

Переоделась в домашнюю потрепанную, но удобную одежду. Затянула волосы в хвост Нелькиной розовой резинкой, валявшейся на полу. Зачем-то включила музыкальный центр. Эмоции, которые долго копились глубоко в груди, вот-вот должны были вылезти из несчастной меня, а я очень не хотела плакать. Или хотела... Когда душевный настрой у меня плохой,

музыка всегда помогает выплеснуть эмоции. А сейчас как раз очень удобный момент — дома никого нет.

Для слез нет удобных и неудобных моментов, дорогуша. Люди просто плачут, когда им хочется, а ты всегда сдерживаешься, а потом рыдаешь непонятно из-за чего.

Я плачу, потому что мне бывает плохо, но не могу, как и Нинка, плакать при ком-то — лет с одиннадцати. Хотя подруга просто не плачет, а я стесняюсь. Всего одно отличие, но зато какое огромное.

И зачем я включила центр? Эннио Морриконе и его «Одинокий пастух», исполненный оркестром Джеймса Ласта, тут же наполнили комнату гармоничной объемной мелодией, создаваемой совместными усилиями симфонического оркестра и пан-флейты. Да ведь эта песня — лучшее средство, чтобы мне сейчас помочь разрыдаться, как маленькому ребенку.

От слишком громкого звука я даже вздрогнула — не ожидала, что флейта будет такой громкой: кто-то забыл убавить звук после прослушивания этой знаменитой композиции.

И так настроение никудышное, а тут еще такая лирическая мелодия, грустная, нет, даже трогательная, заставляющая замереть и прикрыть глаза.

Флейта так красиво играет в умелых руках, что, кажется, она просто тонко плачет.

Эти звуки стали для меня последней каплей — через минуту мои щеки были мокрыми от слез, а сами слезы и не думали прекращаться, словно решили всем своим водным составом перекочевать из меня на другое место жительства. Они все капали и капали, некрасиво стекая по щекам, носу, шее. Парочка умудрилась попасть даже на плечи. Они были солеными и холодными, как та вода в реке, и я не могла успокоить себя. Да, наверное, и не хотела. Я мысленно жаловалась чудесной грустной мелодии, как будто сама и была одиноким пастухом, оторванным от людей и от того человека, которого патетически называют любимым и единственным и, бывает, ждут всю жизнь. И дело тут даже не в Кее, а в том, что я все еще не встретила такого парня, хотя очень-очень желала этого — в этом я признавалась себе редко, в моменты безрадостной тоскливой хандры, наступающей внезапно и обнимающей меня холодными костлявыми руками.

Я не стала делать музыку тише — пусть играет. Вдруг одинокий пастух собирает как раз мои слезы в свое странное стадо, чтобы они действительно больше не вернулись ко мне?

Я посмотрела на свои ладони. Ждать?.. Так, как Ассоль ждала алые паруса? В пору такой тоски, как сейчас мне начинало казаться, что

сероглазый капитан Грей был всего лишь видением воспаленного сознания Ассоль и в розовую долину ее никто и никогда не увозил.

Едва я подумала об этом, как тут же мне стало жаль и героиню знаменитой повести-феерии Александра Грина, и себя, и тех, кто ждет, надеясь на лучшее будущее...

На глазах тут же появились новые горячие слезы.

Хорошо, что никого нет, потому что сдерживаться столько времени мне было бы нелегко. Так внезапно все произошло — я умудрилась влюбиться и сейчас все яснее и яснее это осознаю и больше не строю никаких иллюзий. Почему человеческое счастье может быть разрушено за пару часов? Или даже за пару минут? Почему люди чувствуют друг к другу эти странные эмоции, которые заставляют стучать сердца, разгоняют кровь, играют гормонами и просто вынуждают удерживать в памяти образы тех, кого, как нам кажется, мы любим. Почему любовь почти никогда не бывает взаимной? И почему именно я должна страдать и вспоминать и почему мои глаза должны мокнуть не от дождя, а от собственных непрошенных слез?

Нет никого, и я могу делать все, что хочу. Я высунулась в окно, подставляя руки ладонями вверх под косые капли воды, приятно холодившие кожу. Сейчас, сейчас я немного поплачу, а потом больше не буду вспоминать ни Кея, ни кого другого, кто способен причинить боль своим одним существованием.

Я стояла, высунувшись по пояс, подставляя руки, лицо, плечи под сильный дождь, и не боялась упасть — только в детстве я пугалась высоты. А теперь я боялась, что моя прежде налаженная жизнь пойдет под откос из-за глупых чувств, а ведь мне было так хорошо и уютно, когда я существовала в замкнутом пространстве и общалась с небольшим количеством привычных людей.

Гром вырвался из темных облаков вместе с моим глухим всхлипом — обычно я плачу молча.

Нет, нет, забуду об этом всем! Ничего страшного не случилось! Просто в очередной раз придумала себе Катя что-то странное. Все-таки какая же красивая, душевная музыка. Каждый раз, когда я ее слышу, передо мной раскидываются шикарные альпийские луга, на которых играют краски и греется земля под нежными лучами осторожного солнца, боящегося растопить далекие снега, а одинокий человек со свирелью в руках ловко, но грустно играет, и никто его не слышит и не услышит. Свирель плачет, пастух плачет, и я тоже. Прямо-таки сопливое трио получается — от этой мысли я даже улыбнулась. Утирая лицо ладонями, продрогающая, но почему-то резко успокоившаяся, наконец захлопнула окно, за которым

успокаивался понемногу и кратковременный ливень.

И из-за чего я расстроилась? Из-за того, что кто-то целовался с другой девушкой и любит поиграть в Хозяина Мира? Я предупреждена — а значит, мне бояться нечего. И думать о нем, милом блондине, тоже не нужно.

«Одинокый пастух» играл уже который раз подряд. Режим у музыкального центра был поставлен таким образом, что одна и та же мелодия играла до тех пор, пока ее не остановят и не поменяют на другой трек на диске. Знаменитая мелодия, казалось, не имела конца и начала, но... все-таки я уловила в ней и какие-то позитивные успокоительные нотки.

Пора бы и выключать музыку. Кажется, слезы сами собой перестают идти.

Музыка все же умеет успокаивать.

Я успела лишь сделать музыку потише и тут же услышала, как телефон вновь неугомонно заиграл. Правда, мелодия казалась вновь нормальной, а не раздражающей.

Интересно, кому я опять понадобилась. Если звонит... один человек со светлыми волосами, то я, наверное, занесу его в черную книгу, чтобы он не трепал мне нервы.

Но к моему большому облегчению, мне звонил совсем другой человек. Тоже светловолосый, но не Кей, а Антон.

Классно! Какой же все-таки парень хороший — почувствовал, что мне плохо.

— Алло, — не мешкая взяла я трубку. Голос у меня до сих пор был глухим и хриплым — после обильных «слезоизлияний» он у меня всегда такой.

— Катя?

Нет, это Чуня.

— Да, — чуть откашлялась я. — А это ты, Антон? Ну да, это ты, какие я глупые вопросы задаю.

— Ты дома?

— Ну да, — удивилась я такому вопросу, — а что?

— Может быть, мы сходим погулять?

Я захихикала, вытирая все еще мокрые уголки глаз. Эта фраза так напоминает детство — мы с подружками тоже звонили друг другу и говорили: «А может, погуляем?» А однажды в шестом классе мне так позвонил мальчик-одноклассник и так же пригласил меня погулять. Эх, почему же тогда, в ту пору, когда и я, и Нинка, относились к представителям сильного пола как к существам наглым и враждебным, я

гордо отказалась. «Фиг тебе, а не гулять», — сказала я однокласснику. «Ну и дура», — тут же сообщил он мне тогда и пригласил другую одноклассницу. Уже через год у них была «любовь», и они стали первой парой класса. Стоит ли говорить, что ваша покорная слуга чуть локти себе от досады не отгрызла? Честно говоря, мне не сильно хочется высовывать нос на улицу — и небо там такое мрачное, — но вдруг, если я сейчас откажу одnogруппнику, он завтра встретится с той же Татьяной или с Ольгой, или еще с какой-нибудь девушкой из группы. Тогда я сама себе отгрызу голову.

— Ты не хочешь? — обеспокоенно спросил Антон, потому что я замолчала и нервно засмеялась. Вот оно, последствие моей кратковременной истерики.

— Хочу. Пошли.

— А ты точно можешь? Почему у тебя голос такой странный? — осторожно поинтересовался парень.

Судя по шуму и гаму, он находился где-то на улице. Его голос изредка пропадал.

— У меня нормальный голос, — как можно веселее откликнулась я и нечаянно всхлипнула — после слез у меня совершенно непроизвольно бывает и такое. Верный признак того, что я успокаиваюсь.

— Ты что, плакала? — почти что с ужасом спросил одnogруппник. Наверное, он один из тех парней, кто боится женских слез и не знает, что с ними делать.

— Нет, — сама себе улыбнулась я, — просто порезала палец.

— У тебя все в порядке? Точно? Больно? — засыпал меня вопросами молодой человек.

— Да все хорошо, — до сих пор несколько в нос заверила я его, — не беспокойся. И я могу, Антош.

— Как ты меня назвала? — почему-то удивился одnogруппник.

— Антошей. Тебя так никто не называет?

— Никто.

Надо же, этого чудика никто не зовет ласкательно-уменьшительным именем. Тогда я буду первопроходцем.

— А тебя так звать можно вообще? — Вдруг ему такие сокращения не по душе?

— Зови как угодно, Кать, — засмеялся он. — Во сколько тебе будет удобно встретиться?

— Во сколько? М-м-м...

Я задумчиво покосилась на большие круглые часы в виде радостного

солнышка, в которое какой-то умник вставил механизм часов. — Давай часа через два.

— А где? Хочешь, приеду к тебе и подожду около подъезда? — и эти слова были мной едва расслышаны — шум машин и какое-то гудение перекрывали голос парня.

— Давай, — обрадовалась я. — И знаешь?

— Что?

— Хорошо, что ты позвонил.

Антон удивился, но, по-моему, ему было приятно.

— Тогда берегись — я буду звонить тебе чаще, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал он мне, и на миг мне почудилось, что я разговариваю с Кеєм.

— Ага, — коротко отозвалась я, чувствуя, как во мне начинает протестовать сердце.

Галлюцинируем, милочка?

Еще бы! Проклятый Кей! Вот, вот уже до чего дошло — в голосе другого человека я слышу его противный наглый тон. Неужели я в него не немного влюбилась, а сильно? Я даже похолодела от такой перспективы — я различала две степени влюбленности. Сильную и слабую. Слабая — это то, от чего излечиться можно будет быстро, сильная — лечение долгое и страшное, сопоставимое с лечением от пристрастиям к наркотикам. Интересно, а сам Антон как сильно любит Нинку? Вот прямо сейчас и спрошу. Он, честно сказать (да, что тут уж таить), начинает мне нравиться, но не могу же я общаться с человеком, у которого есть уже любимая девушка?

— Антош... Антон, — поправилась я, говоря почти уже своим нормальным голосом, — скажи. Прежде чем мы пойдем, скажи вот что. Мне просто надо знать.

— Что сказать? — мне показалось, голос его стал напряженным, а может, во всем были виноваты все тот же шум дороги и отдаленные разговоры людей.

— Ты Ниночку сильно любишь?

— Ниночку? А... а почему ты спрашиваешь?

— Ну, так, — уклончиво проговорила я, — интересно мне.

А потом я спохватилась — а ведь он из-за моей подружки под машину чуть ли не бросился! А я тут с такими вопросами. Где твоя голова, Катя?

— Прости, я задала тупой вопрос, — спохватилась я.

— Совсем не тупой, — в голосе Антона, который опять показался мне похожим на киевский, слышался искренний смех. — Она мне больше не нравится.

От удивления я села на стул, глупо прижимая трубку к уху.

— Как? Разлюбил, что ли?

Ого, вот это темпы! Да уж, мужчины кардинально отличаются от женщин. Будь на его месте я, то моя любовь длилась бы еще очень долго, я бы страдала, рыдала, вспоминала отказавшую девушку, терзала бы себе нервы — в общем, проделала бы полный комплект из набора «Что делать отвергнутой или брошенной девушке. Пособие для самовытягивания нервов». А Антошка — настоящий парень, попереживал и забыл. Вот это да. Завидую, однако.

...или это просто различие полов?

— Давай не будем об этом сейчас, ладно? — мягко попросил Антон. — И вообще мне нравится кое-кто другой.

Ух ты, все-таки Леша каким-то таинственным образом передал этому парню какие-то особые микробы ловеласничества. Уже другая! Вот это скорости. Почему же мы, девушки, должны так долго мучиться от несчастной любви?

А... кто ему, собственно, успел понравиться? Вот ведь лопух!

— И кто тебе нравится? — прямо спросила я, раздумывая о том, что все-таки жизнь несправедлива и никуда я сегодня не пойду.

— Это очень хороший человек.

Об этом «очень хорошем человеке» я подумала не совсем прилично. Почему — не знаю.

— Еще точнее? — угрюмо попросила я уточнения. — Хороших людей великое множество.

— А ты смеяться не будешь? — опять как-то по-детски спросил Антон.

Мне почему-то казалось, что он даже губу закусил.

Буду, буду, как самая настоящая лошадь.

— Нет, — пообещала я. Я злиться буду, наверное — я ведь жутко невезучая.

— Катя.

— Какая Катя? — включилась во мне дурочка.

— Радова, — тихо и как-то таинственно произнес одноклассник, словно бы признавался в симпатиях не мне, а папе римскому.

На пару секунд я замолчала. Я? Я! Вот это здорово!

— Я тебе нравлюсь? — тихо, с каким-то глупым придыханием вырвалось у меня, и свободной рукой я прикрыла рот, чтобы не засмеяться от радости. Вот же дура. В следующий раз, когда буду знакомиться с людьми, так и представлюсь: «Дура. Дура Радова». Может быть, даже на

дверь комнаты повешу табличку такую же, чтобы все знали, что здесь живет Дура с большой буквы. Дура, которая все-таки кому-то нравится!

Да хватит повторять, знаю я, что ты дурила!

— Да. Кать, до встречи, — вдруг спешно распрощался Антон со мной, — через два часа я буду ждать тебя. Одевайся теплее — на улице холодно.

И он отключился.

Настроение мигом поднялось, немного, но все же...

— Ха-ха-ха, — произнесла я вслух, глядя на окно, за которым почти уже стих неожиданный ливень. — Кей, я нашла тебе замену, и на фиг ты мне нужен. Оставайся со своей Алиной или с любой другой девушкой. Хотя с Келлой оставайся! Хорошая парочка из вас получится. Два гада-переростка.

Я опять улыбнулась — надо же, я нравлюсь Антону. Мое женское самолюбие пело и плясало, только что джигу-джигу не танцевало. Почему — не знаю. Вроде бы Антон не такой парень, из-за которого можно восторгаться, но с другой стороны, он заботлив и вежлив, и с ним очень приятно и чисто по-человечески тепло. Только вот не странно ли это — так быстро ему разонравилась Нинка. Или это нормально?

Нет, не стоило мне вспоминать солиста группы «На краю». Потому что сразу в памяти, услужливо подкидывавшей время от времени различные эпизоды из моей жизни, всплыла наша совместная фотография, которая хранилась не только на его смартфоне, но и на моем телефоне. Я тут же схватила мобильник, нечаянно выдернув его из зарядного устройства, и чуть дрожащими руками принялась искать фото на карте памяти.

Вот и оно. Поверить не могу, что это произошло всего пару часов назад. Весенняя зелень и два лица, едва касающиеся друг друга волосами. Я нажала на «увеличить» и приблизила лицо Кея. Ну и почему ты такой красивый? Идиот. Смотришь на меня? Ну, смотри-смотри. И я на тебя посмотрю.

Значит, как сказал Арин, ты любишь играть с наивными девушками, да? А я все думала, почему у тебя такое поведение странное...

Для тебя ничего это не значило, а в моем сердце поселилась надежда на чудо, которое ты разрушил. А разве не чудо — быть вместе с таким, как ты? Да, мы встречались всего пару раз, хотя раньше я видела тебя по телевизору и в Интернете, но почему же я чувствую себя такой обманутой?

Потому что ты... сама знаешь кто.

Как ехидно. И кто?

На букву «д» начинается...

Знаю. Девушка?

Не-а. Ду-у-у-у-ура.

Чем больше я вглядывалась в фото, тем больше во мне копилась злоба, которая больше к лицу троллям и гоблинам, нежели юным девицам. Я смотрела, и во мне боролось два неестественных желания. Первым было удалить фото, но победило второе, более радикальное. Как только я вспомнила прикосновение наглых киевских рук к моей несчастной щеке, а потом перевела взгляд на его лживо-печальное лицо на экране, я просто-напросто кинула телефон в стену. Второй раз за это воскресенье.

Помогло! Злость моментально словно рукой сняло, как только я увидела, что мой драгоценный сотовый больше не включается. Сломала все-таки.

Как же я орала, только уже не на Кея, а на саму себя! Удалила бы фотографию, и все, а теперь вообще без средства связи осталась!

Надеюсь, очень надеюсь, мой бедный телефончик сделают вновь, или, может быть, он сам оживет и будет работать, как и прежде.

А все из-за этого типа, не хочу произносить его имени всуе.

У меня оставалось много свободного времени, и я решила посвятить его Интернету — именно всемирная паутина поможет мне избавиться от идиотских мыслей, с завидной регулярностью посещающих мою голову. И время быстрее пройдет до вечерней встречи. Как раз я пару дней уже в свой родной блог не заглядывала, пора бы уж и запись новую сделать, с друзьями пообщаться.

Ответив на пару писем, совсем ничего не значащих, я задумалась — а что бы такое написать, собственно? Обычно я излагаю в электронном дневнике мысли, которые меня мучают. Сейчас, естественно, я хотела бы обсудить проблему, связанную с Кеем-отморозком, но, думаю, если я объявлю о том, что знакома со знаменитым звездным парнем из крутой рок-банды «На краю», мне никто не поверит. Наверняка процентов семьдесят посетителей обрадуются еще одной дурной фанатке, которая выдумывает всякие глупости про кумира, и посоветуют мне пойти и в особо изощренной форме убиться об стенку, ибо они — настоящие фанаты, а я — то, что портит любое общество. Еще процентов десять-пятнадцать начнут активно возмущаться и писать гневные комментарии о том, что на современную молодежь очень плохо влияют ужасные исполнители, все эти модные стили и направления. И что у таких, как я, даже цели настоящей нет — только лишь потребность увидеть своего идола еще один разок.

Некоторые напишут в ответ что-то вроде: «Ты знакома с Кеем? А мой дедушка Ленин!!!», «Я — внебрачный сын Тарантино», или «Я и есть Кей,

давай дружить, лапо».

И только два-три процента, может быть, и поверят мне. И то, очень маловероятно.

А потом все совместно решат, что я просто захотела приколнуться над уважаемыми пользователями и решила «всех потроллить».

Поэтому я, немного подумав, настрочила:

«У меня странный вопрос. Возможно, он покажется не странным, а мегаглупым, но... Скажите, кто-нибудь знаком со знаменитостями? Каковы они в своей реальной жизни? Такие же, как и сотни других людей или заносчивы и узколобы? Помешаны на своем „я“, или эгоизм — удел немногих? Они вообще люди или марсиане? А еще у меня странная ситуация. Мне очень нравится один человек, но он мерзкий, как тысяча змей, зато красив, как... как не знаю кто. Но он действительно ужасный, и я понимаю, что из себя обязательно нужно изжить любую симпатию к нему, потому что все его поступки — ужасны. Почти все».

Ответы на эти животрепещущие вопросы я не получила — как только я допечатала последнюю фразу, Интернет, собака, отключился. Провайдер, я люблю тебя...

Немного подумав, я решила пообедать, а потом в ожидании встречи, которая меня немного все же волновала, смотрела телевизор — главное для меня сейчас было чем-то заняться, не дать голове запустить какие-то «думательные процессы», из-за которых я могу разреветься. Я даже сделала то, что не люблю делать самостоятельно — накрасила ногти Нелькиным темно-красным лаком и долго ходила с вытянутыми вперед руками, боясь испортить свой получасовой труд.

Антон, надеюсь, нам удастся хорошо провести время!

Я вышла из подъезда ровно тютелька в тютельку — с точностью королей, и сразу же увидела Антона, как всегда в своей зеленой толстовке и с чуть взлохмаченными волосами, который, прислонившись к стене, ждал меня, с рассеянным видом оглядывая окрестности. Ну просто почти что классический ботаник, только учится плохо.

— Привет! — окликнула я его, потому что одноклассник меня не замечал.

— Привет, — улыбнулся он в ответ и подошел ко мне.

Антон осмотрел меня с ног до головы, как будто бы что-то на мне искал. Или во мне.

— Ты чего? — спросила я, чувствуя себя несколько неудобно.

— Да ничего... А почему ты плакала?

— Я не плакала, тебе показалось. Я же сказала, что просто палец порезала, — нахмурилась я.

— Какой? — внимательно оглядел мои руки Антон.

Несуществующий.

— Какая разница? — с улыбкой поглядела я на него снизу вверх. Вот же привязался. Да, плакала я, плакала, но не нужно теперь об этом лишний раз мне напоминать.

— Кать, если у тебя что-то случилось — скажи мне. Я постараюсь тебе помочь, — медленно произнес парень чуть хриплым от волнения голосом. Не дай Бог, этот тембр мне опять начнет напоминать Кея.

Я улыбнулась.

— Да так, ерунда. Поссорилась кое с кем, но это все неважно. С подружкой, — осторожно соврала я. Уже в который раз. Но не буду же я Антону про Кея рассказывать, правда?

— Точно? Тебе точно не нужна помощь?

Я помотала головой. Нет, милый мой, мне помощь, конечно, нужна, но, по-моему, ты не сможешь мне помочь.

— Как прошел день? — спросила я немного невпопад, а в это время из подъезда вылезла Фроловна. Увидев меня рядом с третьим за пару дней молодым человеком, она поджала губы и произнесла:

— А энтот что, без машины, что ли? Чевой-то, Катька, энтот твой хахаль без личного транспорту? Непорядок.

С головой у тебя непорядок.

— Что вы имеете в виду? — повернулась я к любезной бабушке. Вот только если из-за нее Антон на меня обидится — я ей ночью глазок жвачкой залеплю!

— Чего имею, чего имею — сама знаешь, чай, не маленькая. А ты, парень, — обратилась она ко слегка оторопевшему Антону, — лучше у подружки-то спроси, кто ее на машинах зарубежных катает. И чевой она с ними делает?

Я с возмущением уставилась на Фроловну. Чего я с кем, интересно, делаю?

С чувством выполненного долга соседка удалилась в сторону лавочек, на которых уже собралось несколько представителей пенсионного отряда. Вот же дура.

— О чем она говорит? — полюбопытствовал одноклассник.

— С ума она сходит по-тихому. Весна, — притворно вздохнула я и развела руками.

— Но кто тебя катает? Ты... несвободна?

— Свободна, — закусила я губу. — Пойдем, Антон?

— Но у меня есть машина, — несколько упрямо сказал он.

— Ой, давай забудем об этой бабушке. Пошли лучше гулять и веселиться.

— Пошли. Осторожно, здесь лужа, — предупредил он меня.

Мы не успели пройти и десятка шагов по мокрому тротуару, как Антон вдруг остановился, а я, конечно же, едва не врезалась в него.

— Ты чего? — испугалась я, что он все-таки обиделся.

— Я тут хотел... А, вот, — вдруг достал он из кармана что-то маленькое и блестящее, — это тебе.

Я тут же с любопытством уставилась на его ладонь, ожидая, когда он раскроет ее. И заметила, что у него, как и у Кея, красивые руки. Приятные и надежные.

Нет! Кей — вон из моей головы, несчастный аист!

— Это что? — с удивленной улыбкой спросила я.

— Подарок.

Мне давно не дарили подарки молодые люди. Да что тут говорить, только один парень мне и дарил...

— Ух ты, что это?

— Ничего особенного. Но он мне очень понравился, — Антон раскрыл ярко-красную коробочку и вложил мне в руку что-то прохладное и металлическое. Оказалось, это был женский милый брелок — к тонкой цепочке его были прицеплены маленькие яркие вкусности: кусочек торта с миниатюрными ягодками, сердечко, конфеты, шоколадный рогалик. И все это смотрелось настоящим, только уменьшенным в размерах и просто прелестным. Нелли наверняка выпалила бы свою любимую фразу: «кавай», если бы увидела этот брелок. А вот Нинка только бы носик наморщила и заявила, что «такую фигню она не разрешила бы подарить себе, великой».

А мне очень нравится! Я вообще люблю неожиданные сюрпризы и знаки проявления внимания. Жаль, мой телефон теперь не работает. Зато я могу прицепить эту штучку к ключам.

— Как мило, — слегка зарделась я, отворачиваясь, чтобы Антон этого не заметил.

— Нравится?

— Очень! Я прямо сейчас и прицеплю на ключи, — тут же достала я связку, но в результате не смогла присоединить чудесный подарок к кольцу.

— Давай я, — протянул руку мой одноклассник, и я с благодарностью посмотрела на него. Его ловкие пальцы быстро все сделали.

— Спасибо, Антош! Так классно! — завладела я через полминуты своими ключами и прикрепленным к ним ярким брелком со сладостями. Для наглядности потрясла ими в воздухе, словно бы их звон мог убедить парня в моей искренности. Он только улыбался. Красивая у него улыбка, открытая. А Кей все только ухмыляется, как сова, ищущая очередную мышку-норушку, осмеливающуюся тихой ночью вылезти из своей норки. Даже странно, что этот поганец говорит, а не ухает, и вместо носа у него не загнутый вниз хищный клюв.

А вот Антон в противовес блондину похож на плюшевого мишку. Надо обязательно усадить его на лавочку и поэксплуатировать его удобное плечо собственной головешкой. Но не получится — лавки-то все мокрые, и хотя солнце опять выползло, оно не успело просушить покрытое лаком дерево. Значит, мы просто будем гулять.

Не выбирая путь нашего прогулочного маршрута, мы с Антоном просто шли по улице и болтали обо всем. Я все чаще ловила себя на мысли, что с ним все-таки очень удобно и легко. А главное, я ему нравлюсь, и между нами нет никакой коммуникативной стены. Почему раньше мы с этим загадочным парнем не общались, а? Или просто все приходит в свое время?

— Хочешь мороженое? — спросил он, когда мы проходили мимо киоска.

— Не-а.

— Почему? Все девушки любят мороженое, — с недоумением спросил он.

Ага, все. Вот Настя, например, его ненавидит.

— А пить хочешь? — задал новый вопрос Антон.

— Не-а, — так же беззаботно отвечала я, хитро поглядывая на него.

— А что ты хочешь?

Ну вообще-то есть у меня одно неестественное желание — идти с кем-нибудь за руку, как ходят все эти влюбленные парочки, на которых у Нинки аллергия. Но не могу же я тебе об этом сказать?

— Ничего не хочу. Эй, смотри, радуга! Видишь! — вдруг обернулась я, разглядев на высоком небе широкую разноцветную дугу, в которой ярко выделялись семь основных цветов этого мира.

Вообще-то я хотела сообщить это только Антону, но, по-моему, сделала это громко, и это услышала вся площадь, по которой мы шагали. Многие тут же подняли головы вверх, кто-то заулыбался, кто-то перестал хмуриться, а кто-то даже попытался сфотографировать случайную небесную гостью.

— Редко кто смотрит на небо и восхищается им, — очень задумчиво произнес Антон. — Катя, ты правда необычная девушка. А ты знаешь, что радуга — пояс Лады? — спросил он, неотрывно глядя в небо, как будто бы хотел перевести разговор, испугавшись своих слов.

— Ты имеешь в виду славянскую богиню Ладу? — спросила я.

— Да, ее. Однажды Лада заметила на земле прекрасного юношу, и он очень понравился ей. Она развернула свой самоцветный пояс так, что между небом и землей протянулась радуга-дуга, и спустилась по ней к нему. Они уединились в лесу, а тем временем ее супруг Перун...

— Это который самый главный был, да, в пантеоне? — переспросила я.

— Кажется, да. Громоносный Перун захотел найти Ладу, но в тереме ее не обнаружил, зато заметил в небе ее пояс. Он решил спуститься по поясу вниз и непременно бы увидел свою жену и красавца, но бог любви Лель решил ей помочь и сбросил с небес этот пояс-радугу. Воцарилась тьма.

— И Перун ничего не увидел? — подхватила я.

— Точно. С тех пор Лада часто приходила к юноше по радуге, но делала это лишь с наступлением темноты — чтобы Перун не заметил. Поэтому радуга никогда и не светит ночью.

— Серьезно? — удивилась я, изумленная тем, что Антону, не самому приличному ученику, известны такие факты из славянской мифологии. Нет, надо заняться своим самообразованием...

— Конечно, — подтвердил Антон, не переставая улыбаться. — Увидеть радугу ночью сможет не каждый.

— Ты говоришь так, словно видел ее.

— Нет, я говорю так, потому что хочу, чтобы это кто-нибудь сделал.

И мы пошли дальше.

Наверное, мы кружили по улицам часа три, и мое настроение рядом с Антоном повышалось, как градусы на ртутном градуснике, который нерадивый школьник поднес к нагретой лампочке или батарее, чтобы не ходить в школу, притворившись больным.

С ним было легко и интересно разговаривать — почти как с Нинкой, только он не вставлял ехидные замечания, не обсуждал всех вокруг и не давал мне миллион советов. Странно, но он не говорил плохого о людях, и мне это нравилось.

А потом моя подруга опять все испортила. Умудрилась же! Мы ее встретили. Почти встретили.

Я и Антон, обсуждая какой-то фильм, неторопливо шли по длинной,

недавно заасфальтированной дороге около высокого десятиэтажного дома, вдоль которого росло огромное количество высоких деревьев (Ниночка это место в шутку называет лесом).

— А мне очень понравилось, как режиссер... — Я замолкла на полуслове и даже остановилась.

Впереди, спиной к нам, стояла Нинка, но не одна, а в компании с двумя молодыми людьми, в одном из которых я без некоторого труда опознала младшего Нинкиного брата Сергея, а в другом — ее постоянного поклонника Валерия, очень странного парня лет двадцати семи. Этот Валерий приводил в замешательство не только меня, но и даже ко многому равнодушную Журавлика, которая вынуждена была терпеть его признания в любви уже третий год подряд. Кстати, этот парень являлся единственным сыном директора одной известной туристической фирмы, но даже факт его обеспеченности не заставил Нинку проявить к нему хоть сколько-нибудь теплые чувства.

Познакомился Валерий с Ниночкой одним теплым летом, в августе, перед поступлением в университет, в каком-то известном клубе, куда подружка заявила вместе с сестрой. Внешность паренька была не шибко привлекательна, и когда он, краснея и потея в жарком помещении, где стены сотрясались от грохота музыки, пригласил блондинку на танец, она, естественно, отказала Валерию в его просьбе и тут же, расхохотавшись, обозвала Бабой-ягой в мужском эквиваленте. Этому прозвищу немало способствовали такие внешние данные, как: длинный, слегка крючковатый нос, кроличьи кривые зубы, близко посаженные белесые глазки, неимоверная худоба и светло-рыжие растрепанные волосы, на которых словно бы кошки дрались — такими странными клочьями торчала его шевелюра. К тому же парень от застенчивости слегка шепелявил и проглатывал окончания, и после его попытки пригласить мою подругу на танец она смеялась так долго, что, по ее словам, у нее даже скулы сводить начало.

Нинка до сих пор неизменно величает кавалера-неудачника только Бабой-ягой, и никак иначе, хотя за три года внешность Валерия претерпела воистину волшебные метаморфозы! Поняв, что Ниночке нравятся красивые и накачанные молодые люди, этот сумасшедший, не долго думая, решил сделать ряд пластических операций в лучших клиниках Европы, а также долгое время упорно занимался в тренажерном зале под руководством опытных тренеров. Валерий стал за собой следить так, как этого не делают иные девушки, и в итоге из него получился довольно симпатичный молодой мужчина с весьма накачанным торсом и широкими плечами. Даже

ноги-палки стали выглядеть нормально. Говорить и вести себя он стал уверенно и вообще едва ли не полностью изменил свой характер. Я всегда изумлялась — вот же сила воли у человека! Мне бы такую.

Однако интересная внешность все равно Журавлика не привлекла, и она относилась к Валерию с долей отвращения.

Проявив упорство в достижении поставленной цели (завоевать неприступную красавицу, разумеется), Баба-яга пытался привлечь внимание любимой всеми мыслимыми и немыслимыми способами, изрядно раздражая Ниночку. Отказы и грубые слова на него не действовали — ко всему этому парень имел удивительный иммунитет и не обращал внимания. К просьбам не прислушивался. Доводов не понимал.

Зато он мог совершать феноменальные и одновременно глупые поступки. Однажды нанял целый цыганский табор, чтобы тот несколько часов подряд пел под Ниночкиными окнами о «большой любви Валерия». Хорошо, что Виктора Андреевича не было дома, а сама Нинка убежала из квартиры, оставив соседей наслаждаться песнями и плясками и проклинать Бабу-ягу, выглядывающего из-за ближайшего дерева.

В другой раз он нанял пару детективов, которые настойчиво следили за девушкой и ее личной жизнью, докладывая Валерию обо всех Нинкиных передвижениях. Но о том, что за дочерью следят какие-то недоумки, узнал дядя Витя (вернее, это заметила его охрана), и он, защищая дочь, буквально разорил частное детективное агентство.

Однажды поклонник подруги подрядил каких-то громил отмутузить очередного парня, с которым неугомонная подруга временно встречалась. Жаль, что тот парень оказался боксером...

Как-то подарил ей ровно пятьсот ярко-алых роз, но даже яростная отповедь Журавль не сразу помогла ему осознать, что четное количество цветов дарить как-то немного неприлично, тем более любимой девушке.

А один раз, когда Ниночка и какой-то ее парень пришли в кино на нон-стоп, перед началом фильма на большом плоском экране вдруг появилась Нинкина фотография и пылкое признание в любви от Бабы-яги. Зал зааплодировал, думая, что Ниночка примет ухаживания сияющего Валерия, занявшего целый ряд ВИП-диванчиков, однако та схватила своего друга за руку, выволокла его в проход и страстно поцеловала на виду у всех, поэтому все зрители подумали, что это признание было именно от него, а не от Бабы-яги. Это же подумала и администратор, притащившая парочке заказанные Валерием корзину с фруктами и шампанское.

Самый глупый поступок влюбленного в Нинку заключался в том, что он подарил подружке какого-то жутко дорогого породистого щенка (и это

при том, что она терпеть не может собак!). Собаку принесли курьеры в красивой коробке с кучей открыточек, и Журавль чуть от досады не сгрызла эти самые открыточки, вскрыв «посылочку» и обнаружив спящее животное.

Постучав длинными багровыми ногтями по столу в бессильной злобе, Нинка притащила щенка ко мне, перепутав, видимо, мою квартиру с зоопарком, а Нелли, повосторговшись забавным беленьким песиком, похожим на игрушку, отдала его какой-то своей подруге. К слову сказать, та девчонка пару месяцев думала, что Персик (так называли собачку) — совсем обычная пушистая дворняжка с белоснежной шерсткой, улыбающимся личиком и ласковым нравом, а вовсе не дорогушая и редкая самоедская лайка. Когда же девочка и ее родители узнали, какое счастье бесплатно досталось им в руки, они тут же помчались в какой-то элитный собачий клуб, где их с радостью приняли. Теперь они всей семьей разводят этих лаек и постоянно повышают свое материальное благосостояние, выгодно продавая собак. А Баба-яга, узнав, что любимая отдала прелестного щенка, очень расстроился — чуть ли не до слез в глазах, потому что, видите ли, хотел жить вместе с этой собакой и Ниночкой вместе.

«Ты — чмо, — заявила на это Журавль, — и собака твоя — чмо. Живи с кем хочешь, хоть с президентом Тимбукту, хоть со Смешариками, хоть с голубыми мальчиками, только, пожалуйста, без меня».

С одной стороны это было дико смешно — иметь вот такого настырного и немного наивного богатого поклонника, который активизировался несколько раз в году, преимущественно осенью и весной — в это время он как раз возвращался из Европы, где, по слухам, и жил. Хотя Нинка считала, что Валерий, как и бессмертный одноименный герой «Идиота» Достоевского, просто лечится в хорошей психиатрической лечебнице где-нибудь в Швейцарии и лишь пару раз в году посещает родные пенаты. С этим, конечно, она загнула — по-моему, Баба-яга действительно проживал то ли в Париже, то ли в Риме, помогая отцу с турагентством.

А с другой стороны, это было весьма утомительно: казалось, мания Валерия к Нинке вот-вот могла перерасти в филию — таким настырным он был, пытаясь добиться внимания моей подружки.

Вот и опять торчит около нее... Сегодня, видимо, Валерий вновь вернулся в родной город и с места в карьер начал доставать мою подругу.

— Провались ты! — взбешенно отвечала на какие-то его заигрывания Ниночка, и я прямо-таки видела, как ее охватывает пламя праведного гнева.

— Парень, иди отсюда, — громко и очень недружелюбно говорил

Сергей, — мы спешим!

Баба-яга огрызнулся в ответ, Нинка заорала еще громче. Интересно, куда они там спешат?

— Антон, — в панике прошептала я, хотя понимала, что Нинка, что-то увлеченно вопящая Валерию — едва ли не слова проклятия, меня не услышит. Но вот стоит ей повернуть свою чудесную голову с копной светлых волнистых волос чуть влево, она непременно увидит свою лучшую подругу и отшитого ею одnogруппника в очках. Я, конечно же, не то чтобы преступление совершаю, но объясняться с Ниночкой совсем не хочу. Тем более она и так злая, судя по лицу. Вот же засада! Надо было думать, где гулять, и не подходить так близко к дому Журавлей.

— Антон, — повторила я, дергая его за рукав, — слушай, там Нина.

— Ты не хочешь ее встречать? — тут же понял молодой человек, с интересом глядя на живописное трио.

Немногочисленные прохожие тоже обращали внимание на кричавших.

— Да, — потупила я взгляд.

— Тогда пошли быстрее, — схватил меня за руку он, выполняя мое желание, и я даже опомниться не успела, как Антон потащил меня за собой.

Через несколько секунд мы оказались в одном из ближайших подъездов, в котором, по великой случайности, домофон был сломан, а дверь распахнута.

— Они сейчас в нашу сторону пойдут, — объяснил Антон свои действия, поймав мой удивленный взгляд, — и мы не успели бы скрыться.

— Думаешь?

Он кивнул и осторожно выглянул за дверь.

— Думаю. Нина как раз только что развернулась в нашу сторону. А кто с ней? — заинтересованно спросил одnogруппник.

— Тот, что слева и черноволосый, — это ее родной брат, а справа, — я тихо засмеялась, — ее настырный поклонник. Нинка с Сережкой вдвоем отшивают его, наверное. Ничего серьезного, просто он ее...

— Вы чего тут стоите? — зашла в подъезд какая-то тетка с носом-грушей и кучей пакетов в руках.

— А что?

— Наркоманить пришли или пить? Не позволю.

— Мы не пьем и не наркоманим. — Тут же возмутилась я такими наглыми и беспочвенными обвинениями. А Антон, к моему удивлению, оставался совершенно спокойным. Ничего не сказав, просто вновь взял меня за руку и пошел быстрым шагом вверх — к лифту.

— Стоять! Вы куда? — заорала тетка, но сумки мешали ей нагнать нас.

Наше поспешное бегство полностью убедило ее в том, что я и Антоша посетили ее подъезд с какими-то корыстными целями. Иначе зачем бы честным людям так поспешно уходить? Поэтому, едва не плюнув от досады, жительница этого дома проорала нам вслед новые оскорбления:

— Наркоманы! Молодые, а алкаши! Весь подъезд загадили и домофон сломали!

— Сами вы такая! — на ходу огрызнулась я, потому что я всегда с очень большим уважением относилась к чужим домофонам, не принимала наркотические вещества и алкоголь.

— Ах ты, шалава! — пустилась за нами вслед тетенька.

Пока она ругалась, мы достигли площадки, и Тропинин молча вызвал лифт, который, на наше счастье, прибыл удивительно быстро. Его створки успели закрыться, прежде чем тетка с грушей вместо носа успела добраться до нас.

— Сволочи! — донесся до меня ее приглушенный крик.

Видимо, дама с сумками всерьез была обеспокоена состоянием родной площадки. Пройдет еще немного времени, и она обязательно организует и в этой десятиэтажке что-то вроде пенсионного рейда, ведущего жестокую борьбу с хулиганами и непрошеными посетителями подъезда, цель которых — погадить...

— Ого, а ты решительный! Эта тетка за нами теперь гоняться будет, — вздохнула я с некоторым облегчением, но сильно не возникала, потому что мне нравилась одна вещь — мы ехали наверх и уже ни от кого не убегали, а Антон продолжал держать меня за руку, словно забыв отпустить. Я от умиления почти что плавилась, как шоколадное масло на солнце. И мне так хотелось улыбаться, что я просто не могла не позволить губам растянуться в глуповатой и широкой улыбке. И хотя тетка с грушевидным носом наверняка пустилась за нами в погоню, размахивая своими шуршащими пакетами, мне было радостно.

— Она нас выследит и убьет, — еще раз вслух воспроизвела я свои мысли. — Вот если бы на ее месте оказались мои соседки Семеновна или Фроловна, они бы точно нас нашли и наказали.

— Ну и пусть, — ответил Антон и нажал на кнопку «стоп». — Это ведь лучше, если бы Нина увидела тебя, — помолчав, он добавил, — со мной.

Я с болью в глазах посмотрела на него. Ведь неправильно все поймет, а обижать однокурсника мне совсем не хочется! Странное у меня к нему отношение: этого Тропинина я совсем не боюсь, мне легко общаться с ним, не хочется притворяться кем-то, как это часто (почти всегда) делает Нина, и

напротив, я даже чувствую себя рядом с ним... как бы это поточнее выразить... не ведомой, а ведущей. С Кеем, к примеру, совсем наоборот — он, естественно, лидер, которого все должны слушаться и боготворить, а я должна подчиняться ему во всем.

— Антош, ты не подумай неправильно, — тихо ответила я, мысленно прося его не отпускать мою руку, — просто она очень рассердится. Что я ничего не рассказываю, скрываю от нее наше общение. Я хочу ей сказать, но пока не получается. Тем более... В общем, так.

Я замолчала и стала скрести ногтем свободной руки по металлической обшивке лифта, не боясь того, что лак с ногтей сдерется.

— Что тем более? — спросил он с интересом.

— Ничего, — отвела я глаза.

Для Нинки Антоша — непрезентабельный отстой, поэтому она и не обратила на него внимания. И ей очень не понравится, если она узнает, что я с ним общаюсь. Не потому что Журавль — злая ведьма, а потому что она хочет, чтобы мой парень был идеальным для меня. Она много раз говорила мне это. Это проявление ее странной заботы.

— Тем более с таким, как я, — еще с большим интересом произнес он, но в его голосе не было обиды — только живое любопытство. И руку он мою все же не отпускал и, кажется, только крепче сжал.

— При чем здесь это? — устало откинулась я на холодную стенку лифта.

Интересно, а сколько мы будем торчать тут и откроет ли тетка с пакетами на нас охоту или оставит в покое? И странно — почему в лифте так жарко? Даже щеки запылали, как будто я два часа подставляла лицо лучам жаркого дневного июльского солнца.

Антон не ответил. Он просто придвинулся близко-близко, склонил голову так, что наши лбы соприкасались, и проделал замечательную штуку — поцеловал обалдевшую от такого количества событий Катю.

И целовал очень уверенно, не с нажимом, но опытно и ласково, не довольствуясь просто лишь легкими прикосновениями губ, а требуя ответа. А отвечать ему приходилось, тем более это было так приятно.

Если бы я и он были нарисованными героями мультфильма, то наверняка бы аниматоры изобразили в моих глазах розовые сердечки, а над нашими головами — кучу птичек, цветочков и взрывающихся от переизбытка эмоций фейерверков. А рядом бы наверняка сидела всякая радостная живность, поющая глупые песенки и подбадривающая по-идиотски хихикающую парочку совершить свой первый поцелуй. Особенно сильно любят этот прием на известной студии «Уолт Дисней».

Наверное, считают это верхом романтики.

А если бы я и Антон были героями романа, то романтично настроенная писательница не дрогнувшей рукой написала бы что-то вроде: «Горящие глаза влюбленных встретились, и он плотнее прижал хрупкую девушку к себе своими сильными руками, которые были готовы на все, чтобы защитить любимую, такую беззащитную и красивую, от всех бед этого мира. Их губы соединились в жарком и горячем поцелуе, и эти двое превратились в одно целое, не в силах оторваться от сладких и таких нежных уст друг друга...»

А вот если бы мы являлись актерами и фильм с нами в главных ролях показывали бы на большом экране, то непременно бы звучала трогательная мелодия, ставшая мгновенным хитом, и фоном для наших объятий был бы отличный пейзаж с нежными и яркими красками, который, несмотря на свою грандиозность, только лишь оттеняли бы нас. Может быть, мы бы даже стояли на палубе корабля из одного известного и печального кино, разбившего миллионы сердец на всей планете.

Но мы были просто сами собой и выглядели не так броско и эффектно, как вышеперечисленные мною герои. Зато нам обоим было хорошо, и где-то в груди порхали легкие кружевные бабочки, которые задевали тонкими крылышками мое сердце, поэтому оно и стучалось, как после пятикилометровой пробежки.

Волшебство бывает в нашей жизни. Появляется тогда, когда его никто, совершенно никто не ждет.

Жаль ли, что не было фейерверков, музыки и группы поддержки в виде животных? Нет, нисколько. И вообще не сильно мы похожи на страстную пару. Антон даже не обнял меня, просто продолжая крепко держать за руку, подняв ее вверх и прижал к своей груди. Но мне это нравилось, и я сама робко опустила ладонь на его плечо, касаясь легко-легко, потому что боялась. Чего боялась? Того, что вдруг я сплю, и на самом деле сжимаю сейчас край подушки: чуть сильнее надавлю и проснусь, потому что пойму, что все это нереально. А ведь так обидно выныривать из оков романтического сна и понимать, что на самом деле сейчас просто ночь и все, что только что казалось тебе настоящим, — всего лишь красивый вымысел, который лопнет с такой же легкостью, что и шарик.

Антон не останавливался и свободной рукой так же осторожно обнял меня, прошептав, на секунду отстранившись, мое имя.

Шарик?

Точно! Катя — воздушный шарик. Сейчас она взлетит в небо. Главное,

взять с собой Антона, которого поцелуй захватил полностью, — я понимала это по его дыханию.

Главное, не лопни, деточка-шарик. Отвратительно получится.

Не лопну, не надейся, противный внутренний голос. Как же это здорово!

Знаешь, сколько микробов ты сейчас у него нахватаешься?

Отстань! Я не хочу сейчас ни о чем думать.

Отлипни от него!

Ага, сейчас. И пусть наш вначале несмелый, но внезапный и магнетический поцелуй продолжался совсем недолго, зато сердце мое грозило вырваться наружу, проломив преграду в виде ребер, и в душе нежданно-негаданно поселилось прекрасное чувство: смесь нежности, восторга и легкого головокружения.

Да ты наверняка целуешься ужасно — практики-то долго не было. Ха-ха-ха!

Нормально я все делаю. Ему ведь нравится.

Угу, нормально. Может быть, кто-то просто умело целуется, не то, что некоторые, а?

Отстань, или я скоро буду думать, что у меня раздвоение личности. Думай, что хочешь. Но вообще-то... мне тоже это дело нравится. Ладно уж, милуйся. И глаза приоткрой — посмотри, закрыл ли он свои или нагло пялится на тебя? Если не закрыл — сто процентов, этот поцелуй не искренний.

Я тут же приоткрыла свои «зеркала души» и упокоилась — все в порядке. И какие ресницы у него длинные — длиннее, чем у меня. А я раньше и не замечала. И кожа такая хорошая, почти что идеальная... и черты лица правильные...

Ну прямо не человек, а принц!

Он остановился на мгновение, провел своими губами по моим, прижал крепче и вновь стал целовать — еще активнее.

Жаль, что совсем скоро наш поцелуй (как же мне нравится это слово!) завершился — только инициатором пришлось выступить мне. Совершенно случайно. Наверное, я не совсем адекватная, потому что после этих слов в моей голове успели проплыть картинки всех трех «поцелуйных вариантов», и мне стало смешно — от смущения скорее всего. Я отстранилась от Антона с милейшим выражением лица: рот слегка приоткрыт, глаза, напротив, прикрыты, а щеки красные. Он провел рукой по моей скуле, глядя затуманенным взглядом поверх меня.

Честно сказать, я не знаю реакцию других девушек на такие вот

приятные события, поэтому не могу точно сказать, была ли моя собственная реакция нормальной. Я отвела глаза, словно передо мной проплыли два десятка веселых стриптизеров, и засмеялась, прикрывая до сих пор горящие губы ладонью.

Если бы и Антон захихикал, я бы, наверное, заржала, как лошадь. Но этот парень оставался серьезным, может быть, только немного смутившимся, хотя чего ему смущаться — он же первым решил поцеловать девушку. Нет, по-моему, его просто несколько удивила моя реакция. Была бы я на его месте, тоже бы подумала: «Чего это она ржет? Я вроде не клоун». Но он молчал, и я постепенно успокоилась. Ну не виновата я, что у меня такая реакция на то, что произошло между нами. Мне неловко. Но ужасно приятно! К тому же он все не убирает своих пальцев с моей щеки, глядя ее.

— Антон, зачем ты так? — Мне казалось, что волшебное романтическое действие было долгим, но наш поцелуй продолжался не больше двух минут.

— Ты... тебе не понравилось? Почему? — с легкой запинкой спросил он и добавил: — Извини. Это внезапно вышло.

— Нет! В смысле я в шоке, но это было классно. Просто все это... неожиданно.

Он опустил голову, улыбаясь.

— А у тебя, — решила я высказать свою точку зрения на происходящее, — хорошо выходит!

— Что хорошо выходит? — не понял Антоша.

— Ну, это самое, — я показала пальцем на губы, потому что понимала, что если я произнесу «поцелуй» или однокоренные ему слова, то опять могу расхохотаться.

— Вот как. Хорошо, значит?

— Да-а-а. Практика, наверное, большая, — в шутку сказала я.

Блондин пожал плечами, глядя на меня в упор. Снова хотел перейти к активным действиям? Я была бы не прочь. Он очень приятный, приятный и милый. Нежный. Не из разряда тех парней, которые, будучи красавчиками, отталкивали меня всего лишь голосом или даже жестами.

Кстати, а ведь у него действительно это хорошо получалось (я закрыла на секунду глаза, вспоминая его губы), хм... сразу видно — опыт в этом деле есть. Только вот откуда у Антона такой опыт? Я думала, что у него и девушек-то не было. Будет очень смешно (а может, и не очень), если окажется, что одноклассник — опытный ловелас. Надо поинтересоваться... Хотя вообще-то спрашивать о том, сколько у него,

Антон, было девушек, сразу же после того, как мы поцеловались, — это крайне глупо. Он еще что-нибудь подумает не то.

Ладно, надо о чем-то другом поговорить. А мне, честно говоря, почему-то хочется его обнять — крепко-крепко, как любимого плюшевого медведя. В фильмах героини всегда обнимают любимых людей, уткнувшись носом в шею или плечо. Я тоже так хочу, но пока что стесняюсь проявлять такие чувства.

— Катя, о чем ты думаешь? — услышала я его мягкий баритон и вздрогнула. Мерзавец Кей, чтобы тебя в клоуны на всю жизнь посвятили! Опять ты мне чудишься! Ну нет, Антон мне намного больше нравится, чем ты, страдающий тройным ЧСД!

— Я думаю, что мне сейчас легко. А ты?

— А я ни о чем не думаю, — опять немного поразил меня ответ парня.

Ну и дурак. Или ты настолько счастлив рядом со мной, что все мысли в отпуск ушли дружно, оставив в фирме, то есть в голове, только сторожа по имени Спинной Мозг?

— Антон, а я... правда тебе нравлюсь? То есть ты же не пошутил по телефону?

— Зачем я буду шутить подобными вещами? — удивленно посмотрел на меня Тропинин. — Это ведь серьезно. И... Катя, слышишь, эта женщина поднимается и кричит? — спросил он.

Мы затихли.

— Паразиты? — ласково позвал нас знакомый голос, все так же приглушенный створками лифта. — Вы что, лифт решили сломать! А ну вон! Я сейчас милицию вызову!

— А вдруг она правда милицию, вызовет? — шепотом спросила я у Антона. Мне совсем не улыбалось разбираться с местным участковым или, что еще хуже, с нарядом. Если участкового я знаю — не зря же он после памятного случая с подъездной надписью стал одним из наших постоянных гостей, то с другими представителями этой славной профессии не знакома и при таких дурацких обстоятельствах не хочу знакомиться.

— Нам надо опять убежать на улицу.

— А вдруг Нинка еще там стоит? Мы ведь от нее в подъезд смылись. Глупо получится, если обратно выбежим и на нее наткнемся, — печально ответила я, слушая ругань бабки, к которой присоединились еще два тонких старческих голоса.

— Надо попробовать все равно. Хранители подъезда, — смешно обозвал он местных жителей, — не знают, на каком мы этаже конкретно выйдем. Это преимущество.

— Эй, вы, я же знаю, что вы в лифте! — напомнила о себе грушеносая тетенька. — Домофон сломали, так теперь и до лифта добрались? Жулики!!!

— Кать, не бойся, — ободрил меня парень. — Это всего лишь...

— Сумасшедшие поклонники собственного подъезда! — пылко выдала я. — Некоторые вот группы там всякие любят, например, по дуракам из «На краю» убиваются, — вспомнила я лучшую подругу, — а некоторые по подъездам фанатеют!

— У нас преимущество, — нисколько не обеспокоился Антон, — сбежим. Не бойся, — еще раз повторил он, и я действительно стала меньше опасаться.

— Молодежь уся — хулюганы! — проскрипел какой-то дедушка, спускающийся вниз.

Тетка-груша собирала армию. Повстанцы за подъезд, блин. Так и чувствую себя шпионом, залезшим на суверенную территорию другого государства.

— Думаю, Нины уже нет, так что теперь нам можно просто выбежать из подъезда. Идет? — нисколько не испугался дедка Антон.

— Идет. Учти, я медленно бегаяю, — поспешила я его предупредить.

— Все в порядке.

— На первом этаже вас, голубчики, уже ждут! — с такой радостью сказала тетенька-груша громким контральто, переходящим в бас, как будто нас там людоеды поджидали. — Не убежите! Будете нам домофон чинить!

В ответ я захихикала вновь — представила, как нас атакуют враги, берут в плен, а в качестве контрибуции требуют чинить домофон, красить стены и подметать полы. А мы всего лишь зашли в чужой подъезд!

— Сейчас лифт между третьим и вторым. Мы доедем до второго. Эта страшная женщина ушла выше, так что нам нужно будет пробежать немного. Готова?

Я кивнула, Антоша повторно нажал на «стоп», и двери лифта распахнулись на втором этаже.

Мы, так и не расцепляя рук, словно какой-то шутник намазал наши ладони суперпрочным клеем, небольшим вихрем пронеслись по лестнице к первому этажу. Я и Антон едва не уронили двух престарелых дедков, которые, по-видимому, были той самой охраной, успешно найденной за столь короткое время преследующей нас женщиной. Она, кстати, с индейскими улюлюканьями неслась где-то на третьем этаже и орала, чтобы «эту бесстыжую молодежь», то есть нас, не отпускали, потому что мы наверняка уже сломали лифт.

Вот посмотришь на поведение взрослых, уже сформировавшихся личностей и задаешься вопросом, а нормальные ли они? Им что, делать больше нечего?

Мы пулей вылетели из подъезда и побежали по дороге. Когда я и мой чудик (и когда он успел стать моим, собственно?) завернули за угол удачно кончившегося дома, тетка с носом-грушей, два дедка, какой-то мужик, худосочная тетка с метлой, похожая на ведьму, готовую взлететь, и пара бабулек вытащились из злосчастливого подъезда и бросились в погоню. Кажется, они успели увидеть, как мы повернули, потому что стремительно отправились за нами едва ли не по следам, как гончие собаки.

Я очень надеялась, что все сейчас обойдется и уже через пять минут мы пойдем вновь по теплой улице в полном спокойствии, и теперь уже будем держаться за руки, как я и хотела.

Но мои планы решительно не желали исполняться. К моему огромному удивлению, перед нами как раз неторопливо шла Нинка с братом, только повернуты они были ко мне и Антону спиной. И что делать?! Впереди моя подруга, что-то втолковывала младшему брату. Сзади самая настоящая погоня, состоящая из каких-то придурков, которые намерены сдать нас в руки милиции всего лишь за то, что мы немного покатались в их лифте. И куда бежать? Дорога-то одна. Справа и слева чахлые кусты, не успевшие еще зацвести в полную меру, да какой-то магазинчик.

Антоша все-таки был очень сообразительным мальчиком и имел куда более быструю реакцию, чем некоторые тормоза по имени Катрина, или просто Катя. Он свернул с дороги, и через мгновение мы притаились за надежными стенами этого небольшого магазинчика. Леша их пренебрежительно называет «ларьками» и принципиально посещает только супермаркеты. Но в данном случае даже он не стал бы опровергать полезность «ларька». Он нас прятал от погони, которая только-только появилась из-за угла, и первыми, кого заметили обиженные жители подъезда со сломанным домофоном, оказались Нина и ее родственник. Я не знаю, насколько жители этого дома имели хорошее зрение и страдали ли они групповым дальтонизмом, но так или иначе они приняли Журавлей за нас с Антоном и с криками «Попались, ублюдки!» бросились к брату и сестре, которые, кажется, шли домой.

Ниночка, прости!

Я прикрыла голову руками и опустилась на корточки.

— Ты чего? — тихо-тихо спросил меня мой спутник.

— Они сейчас к Нинке привяжутся, — так же едва слышно

проговорила я. — Они что, идиоты? Почему они приняли их за нас?

Слепые они! И тупые.

— По-моему, твоя подруга сможет постоять за себя. Как считаешь?

— Сможет, — нисколько не сомневалась я, — только у нее сейчас плохое настроение, а после этой встречи оно еще ухудшится.

— С чего ты взяла, что плохое? — удивился Антон, выглядывая из-за угла.

Оттуда слышались крики, в которых я отчетливо разбирала вопли негодования, принадлежащие Нинке.

— Когда появляется Валерочка этот, у нее настроение всегда плохое. Просто жуткое. Ты не представляешь, как она его терпеть не может, — шепотом поделилась я с Антоном. Сама я выглядывать не решалась. Вдруг меня заметят, тогда вообще цирк начнется.

— Почему так? Разве ей неприятно, когда рядом с ней такой импозантный поклонник?

— Это он-то импозантный? — удивленно зашептала я в ответ. Нет, он действительно странноватый. — Слышишь, как подъездные аборигены вопят?

Жители подъезда действительно очень громко просили остановиться Журавлей, крича им:

— Негодяи! Стоять!

Сначала Серега и Нинка, по-моему, даже и не поняли, что эти люди обращаются к ним. Родственники обсуждали какие-то совершенно другие, ведомые только им проблемы. А когда бегущие обступили их полукругом, Журавли-младшие весьма и весьма прибалдели.

— Вы чего? — ошалело обвел взглядом Сергей каких-то странных и воинственно настроенных личностей, которые окружили его и Нинку, словно военнопленных.

— Ты нам лифт сломал! — ткнула его сухоньким пальцем одна из бабушек. Хотя она сейчас и тяжело отдувалась, бежала она быстро и проворно. Все ради того, чтобы поймать наглецов, которые повадились ходить в их родимый подъезд.

— Когда? — еще с большим недоумением спросил парень. Вообще-то он за свою недолгую, но крайне насыщенную жизнь действительно пару раз ломал чьи-то лифты, сжигал в них кнопки и оставлял всяческие непотребные надписи, но в последнее время Сереже стало вовсе не до чужих домов — тусовочная жизнь отнимала очень много времени и сил.

— Сейчас, — тут же весьма точно определила временной промежуток

тетка с грушевидным носом. От своих пакетов она уже успела избавиться. Но казалось, она до сих пор продолжает шуршать сама по себе.

— Сейчас? Что вы несете? — поморщился Нинкин брат.

— Это не мы несем, это вы несетесь, — надтреснутым голосом проговорил один из дедушек, мимо которых мы с Антоном проносились на первом этаже.

— Мы идем спокойно, — тут же заспорил Сергей и подумал про себя: «Это что, какой-то новый вид кидалова? Бабла у нас отработать хотят, что ли?»

— Бесстыжие! — заорал мужик, грозя кулаком. — Моя теща из-за вас на восьмой этаж вынуждена будет опять подниматься пешком! А я, между прочим, должен буду все время таскать ее и помогать! Как будто у меня других дел нету!

— Так вы скажите своей теще, что лифт существует, — пожал плечами Сергей, который до сих пор не мог взять в толк, что тут такое происходит.

— Он еще и издевается! — с силой стукнула по плечу, обтянутому модной фирменной футболкой, глава всей этой шайки-лейки.

— Я не издеваюсь! — обиженно проговорил Сережа, который искренне считал этих людей немного отстающими.

«Чего еще за гопники в возрасте? Куда мир катится?»

— Домофон! Ты сломал домофон! — обвинительно заявил дед.

— И кажется, лифт! — не был так скоропостижен в выводах второй дедушка.

«Домофон? Лифт?» — начал лихорадочно перебирать в голове события минувших лет Нинкин брат. И тут ему вспомнилось, что пару лет назад, во времена почти что счастливого скейтерского детства, он и его приятели, кажется, что-то кому-то ломали именно в этом доме и баловались по домофону. Даже нужду малую где-то справляли. Сейчас, конечно же, Журавль ничего подобного делать не стал бы, но тогда чего он с пацанами только не вытворял!

«Они что, меня пару лет выслеживали? — забурлили мысли в голове Сергея с новой силой, — все ждали, когда меня поймать смогут, что ли? Вот это да, — обвел он очумелым взглядом ругающихся, — вот это злопамятность. Не люди — а натуральные зомби!»

— Почему наш подъезд, молодые люди? Зачем портите-то все? А с виду такие приличные, — обратилась к Нинке тем временем тетка с метлой.

— И не шпыняй меня своим глазками, не шпыняй! — тут же переключила свой гнев на Нинку женщина с грушей вместо носа, потому

что Журавль действительно несколько косо смотрела на обидчиков.

Терпение ее было на исходе. Девушка отмалчивалась недолго. Ее и так плохое настроение, полученное буквально только что, после встречи с мерзким Бабой-ягой, у которого, можно подумать, и дел других не было, кроме как донимать ее, Ниночку, опустилось еще на пару градусов.

— Эй, вы! — громким, хорошо поставленным голосом, чем-то напоминающим известный голосок главной злодейки из мультфильма «Сто один далматинец», заорала Журавль так, что окружившие их с братом люди вздрогнули. — Я что-то не поняла прикола, граждане, мать вашу всеобщую.

— Ты как выражаешься? — опешила предводительница балагана.

— Бескультурщина, — сплюнул мужчина на землю.

— Козлодой, — наградила его очередным ярким эпитетом моя подруга. — Проваливайте, господа психопаты.

— Мы милицию вызовем! Сколько можно уже нас терроризировать?

«И весь день — в мусорку! Да что же это такое!» — подумала она, чувствуя, как в ней поднимаются все новые и новые волны ярости, как у защитников Родины в трудные военные годы, идущих на фашистов.

Начался этот день у Нинки очень неприятно. Встала она поздно — часов в двенадцать пополудни. А всю ночь девушка провела на бескрайних просторах Интернета, уютно устроившись с новеньким сверкающим нетбуком в постели. Ее папа, Виктор Андреевич, в последнее время пересмотревший большое количество передач, посвященных вреду как сотовых телефонов, так и виртуального пространства, решил на основе увиденного и услышанного, что его уже довольно взрослые дети не могут проводить в Интернете много времени — это губительно сказывается на их неокрепшем здоровье. Поэтому в те недолгие часы, когда он пребывал дома после работы, глава семейства Журавлей начинал активно запрещать дочерям и сыну подолгу торчать во Всемирной паутине. И даже ночью проводил небольшие вылазки, чтобы посмотреть, не сидит ли очередной его отпрыск за столом перед тонким широким монитором, то и дело кликая мышкой. Впрочем, трое младших представителей славной фамилии Журавль нашли выход — в короткие сроки, при финансовой поддержке Софьи Павловны, они приобрели компактные и удобные нетбуки, которые легко можно было спрятать от спятившего, как они считали, папочки. А тот, в свою очередь, убедившись, что после его лекций и нотаций дети фактически не сидят за своими громоздкими компьютерами и ноутбуками, долго и нудно доказывал жене что, какой он, Виктор Андреевич, прекрасный и ответственный отец, обладающий большущим авторитетом у

собственных детей.

В общем, ловко обманывая папу, Нинка нежилась на горе любимых подушек, ощущая себя той самой принцессой на горошине. Только в ее случае легендарная горошина была не материальной, а метафизической. Роль того, что сильно мешало девушке, отлично исполнял Келла, которому приспичило пообщаться со своей королевой в Интернете. С тех пор как Ниночке нужно было пригласить синеволосого парня в гости к жабовидной Эльзе Власовне («скудоумная дегенератка» — так ласково прозвала пожилую родственницу лучшая подруга Кати), она старалась вести себя с музыкантом предельно корректно, и даже пару раз назвала его «дорогим». До унижительных, с ее точки зрения, прозвищ вроде «солнышка» и «котенка» Нинка не могла заставить себя опуститься. Она обзывала и проклинала Келлу только мысленно. И если бы молодой человек услышал бы то, что про себя шипела его Королева, то скорее всего хорошенько подумал бы, а стоит ли ему связываться с такой сквернословной и злобной девушкой? Но он всего лишь общался с ней по аське и не мог прочесть мыслей.

«Какие у тебя планы на среду?»

«Никаких, королева, я свободен, как ветер»

— Ветер у тебя в голове, придурок, — пробурчала блондинка, печатая скрепя сердце ответ своему поклоннику.

«Тогда, может быть, мы сходим куда-нибудь?»

Ответ от музыканта из группы «На краю» пришел быстро:

«Ого!»

«Королева, ты что, МЕНЯ приглашаешь??;))»

— Идиот! Нет, я сама себя приглашаю. Вот же рыло... — неспешно стала писать ответ Журавль. А Келла тем временем не унимался и писал дальше.

«Что с тобой, Ниночка?))))))»

«:0:):_:):?__бубубубу?%)», — явно придурился парень.

«Да. Приглашаю, — немного помедлив, Нина дописала, — **дорогой...»**

«Крошка, ты меня радуешь все больше и больше!! Пойдем:):)»

«А куда?;))»

«В кино?»

«В клуб?»

«В ресторан?»

«Куда ты хочешь, девочка моя?;))»

«Куда?» — прорвало парня.

— Я бы сказала, куда, урод. И ты бы в это прелестное место один бы поперся, — опять заругалась девушка, но набрала совсем другой текст:

«Мы ходим к моей тетушке Эльзе. Ты же не против, — ее пальцы дрогнули, прежде, чем она набрала следующее слово, — милый?»

Милый выдал ей ответ с пулеметной очередью:

«Куда??»

— Раскудахтался, рыло! — Злобно, но очень эмоционально посмотрела Ниночка на аватарку Келлы. На прямоугольнике, в котором должна была располагаться фотография или иное изображение пользователя, на Ниночку смотрела маленькая уменьшенная копия Келлы. Именно ему, крохотному синеволосому, блондинка направляла сейчас все нелестные пожелания.

«Ниночка, зачем нам идти к ней?»

«Может быть, ходим на нон-стоп?»

«Келла, пожалуйста, давай ходим к тете Эльзе. Она очень по тебе соскучилась», — писала блондинка.

«Тогда потом мы ходим на нон-стоп»

«Лады, крошка?»

— Чтобы ты провалился, лохматый, — сквозь зубы проговорила Ниночка аватарке и ткнула в нее длинным ногтем, едва не проткнув экран, — мелкий сукин сын! Как же ты меня достал! И как только ты мне раньше нравился, пока я тебя, рыло, в реале не узнала! Козел.

«Хорошо, мы ходим, куда ты захочешь»

И Нина даже смайлик поставила, чем обрадовала своего электронного собеседника, который тут же заявил, какая же она, Нина, милая и красивая.

«Королева, ты — моя жизнь», — излишне патетически написал Келла.

— А ты моя смерть. Преждевременная, — маленький ударник, запечатленный на фото опять бы обласкан грозным взглядом Нинки.

«Не надо таких слов», — с долей брезгливости напечатала она.

«Надо. Это ведь правда. Я не могу без тебя ((черт»

«Я так нечасто тебя вижу...»

— У этой Альбины все-таки потенциал хороший, — вслух подумала девушка, вспоминая экстрасенса, — только вот почему не Кей, а Келла? Надо не забыть к этой бабе съездить на неделе — пусть и Кея привораживает заново. Хотя вообще-то очень удачно вышло, что Келла от меня, милашки, без ума, — и Нина захихикала в кулак. Ей нравилась мысль, что такой brutальный чувак сидит на ее поводке.

А Келла все продолжал:

«Ты самая прекрасная, королева!»

«Почему мы так нечасто видимся?»

«Да, Дашенька, я завтра могу с тобой встретиться. Оттянемся)) Съездим на природу? А, май секси-принцесс?=)»

Последняя строчка очень сильно привлекла внимание блондинки, ибо уж очень сильно выделялась на общем фоне.

— Это еще чего за Дашенька? — полезли у нее глаза на лоб, потому что на несколько миллионов процентов Журавль была уверена, что зовут ее Ниночкой. — Секси-принцесс? Охамел, труп куриный?

«Эй!! Это ты кому?» — с нахмуренным лицом напечатала девушка.

Прежде чем написать ответ, Келла немного подумал — минуты четыре или пять, не меньше, и за это время Нинка успела всяко-разно его обругать, от злости запихать в рот кусок одеяла и ударить по ни в чем неповинной стене кулаком. В результате каким-то неведомым образом на аккуратном и длинном гелевом ногте появилась трещина, грозящая перерасти в катастрофу — ноготок мог сломаться. Боли Журавль не ощутила, зато почувствовала, как в ней поднимается ярость, а в голове всплывают образы задушенного, раздавленного, зарезанного, растерзанного и утопшего окровавленного Келлы. В гневе Нина действительно была страшна и грозна.

— Охренел, что ли? С какими это еще Дашеньками он там встречается?!

«Черт!!»

«Ниночка, ты не поверишь, но вышло недоразумение».

«Какое, твою мать, недоразумение, ты, №запрещено цензурой №???» — Не замечая трещины на ноготке, быстро печатала Журавль, злобно щурясь.

«Ты че тут, рыло №запрещено цензурой%? С какими-то %запрещено цензурой№ решил №запрещено цензурой№ или %запрещено цензурой№ ты вообще №запрещено цензурой№? Я тебе %запрещено цензурой№ и отрежу №запрещено цензурой№ и уши твои тупые, облезлый №запрещено цензурой№!!! Я тебя похороню живьем!!» — Не пожалела красивых слов девушка.

На Келлу, наверное, это произвело впечатление, потому что он опять замолчал. И ответил минут через пять, когда Нинка просто закидала его гневными сообщениями, показав свои обширные познания в области обценной лексики. Иные знатоки русского языка могли бы подумать, что Нинка специально ездила по различным местам и собирала современный фольклор, — столь интересные и необычные слова и словосочетания

появлялись в ее лексиконе.

«Нина, это сбои в Интернете!!!» — опасливо отвечал парень.

«Королева, не думай чего плохого!!!!!».

«Киска, я люблю только тебя, ты же знаешь! %запрещено цензурой%, только тебя!!!».

— Какие, на фиг сбои, синильное рыло? — фыркнула Журавль, и ее тонкие пальчики застучали по клавиатуре с барабанной дробью — она во второй раз решила высказать все, что думает о Келле, о его ближайших и дальних родственниках, а также о его деятельности, профессии и жизненных убеждениях.

Она не успела допечатать свою обширную мысль, как завибрировал телефон, лежавший рядом, на подушке.

— Алло? — хищно схватила его девушка.

— Королева, — донесся до нее взволнованный голос Келлы, — милая, я не знаю, откуда это появилось! Ниночка...

— Ты, не смей мне звонить, — с каким-то садистским удовольствием медленно начала девушка промывку мозгов музыканта.

— Но как же я объясню, что я невиновен? С Интернетом что-то! Послушай, это вообще какое-то левое сообщение! Я не знаю, что это, королева! — оправдывался тот в панике.

— Не знаешь, моя маленькая барабашка? — протянула девушка, следя, чтобы ее голос не повышался, — папа в любое время мог проснуться и услышать ночные разговоры или вообще увидеть включенный нетбук, о котором ему не следовало знать.

— Понятия не имею, девочка моя...

— Ты точно ни при чем? — сладким тоном произнесла Нинка. — Это случайность?

— Да! — обрадовался Келла на том конце трубки. — Я вообще, блин, в шоке, что такое произошло!

— Во всем виноват Интернет? Так ведь? — сахарность в голосе Катиной лучшей подруги повысилась еще на уровень.

— Точно! Провайдер — просто отстой. Буду менять. Ты не злишься, детка?

— Нет, я совсем не злюсь — ведь это всего лишь ошибка твоего провайдера. Мало ли глюков бывает у современной техники, да? — голос девушки стал едва ли не детским.

— Нин, я рад, что ты мне веришь, — искренне обрадовался Келла и облегченно вздохнул. — Значит, точно не злишься?

— Не-е-ет... Что ты, что ты. Я не злюсь. Я в ярости, свиное рыло!!! —

прорычала Нинка, давая наконец выход своим накопившимся эмоциям. — Ах ты, гнусный урод! Холера! Нагреть меня вздумал? Я тебе что, блондинка тупая? — совершенно забыла девушка, что сама носит гордое звание блондинки. — Ты, урюк синюшный, я же тебя убью!

— Нин, ты что? — совершенно ошалел от такой реакции Келла, который только что радовался, что сумел-таки приручить эту гордую красавицу. До этой минуты он ощущал себя настоящим Петруччо из известной комедии Вильяма Шекспира «Укрощение строптивой», который сумел обуздать красавицу Катарину. Оказалось, что это ему казалось. Если дочь Баптисты за внешней резкостью и остротой скрывала трепетное женское сердце, жаждущее любви и личного счастья, то за дерзостью и грубостью дочери Виктора Андреевича явно просматривался второй слой, состоящий из хитрости и наглости.

— Что? Я, по-твоему, — коброй стала шипеть девушка в трубку, и это ее шипение было громким и рассерженным, — идиотка? Не могу правды от вранья тупого отличить? Ты кому лепишь горбатого, антилопа? — перешла она на феню.

— Малышка, я... — Келла был грубо прерван.

— Иди на хрен со своей малышкой! Какая я тебе малышка, ты, клещ безмозглый?

— Но, малышка, успокойся!

— Твои малышки на панели по ночам стоят.

— Но ведь ты...

— Я? Что я? Я не стою.

— Да это же... Я не знаю, почему так, я... — все не терял надежды барабанщик на то, что все-таки сможет оправдаться перед рассерженной фурией.

— Это ты страх потерял! Какая Дашенька? — несмотря на злость, старалась как можно тише разорваться блондинка.

— Я не знаю никакой Даши! — начал злиться и Нинкин собеседник.

— Зато много Даш тебя отлично знают! — не поверила ему девушка, чувствовавшая себя оскорбленной богиней, которой вместо положенной жертвы на алтаре оставили кочан прошлогодней капусты, изъеденной гусеницами.

К тому же в этот момент Журавль действительно была похожа на какое-то inferнальное существо, недовольное своим бытием. Сейчас она стояла у распахнутого окна, в длинной, белой, кружевной ночной рубашке на бретельках, сжимая мобильный телефон, как орудие убийства. Ночная темнота эффектно оттеняла растрепанную блондинку в белом, а свежий

игривый ветер развеивал легкую ткань. Лицо Нинки в этот момент оставалось красивым, но зловещим: в прищуренных голубых глазах горела воистину дьявольская ненависть, губы были перекошены, тонкие ноздри трепетали, как у овечки, а кожа лица и шеи слабо освещались нежно-голубым светом экрана нетбука, терпеливо ждущего хозяйку. Наверняка известные режиссеры фильмов ужасов, которые так любила Журавль, пригласили бы ее сниматься в своих фильмах без проб! А операторы сказали бы, что для соответствующего антуража не хватает только свистящего ветра и яростной грозы с молниями, которые будут отражаться за спиной Ниночки, в распахнутом окне, чьи тонкие занавески, с любовью выбранные Софьей Павловной, переплетались с развевающимся белоснежным подолом ночнушки.

— Ниночка, я же только твой, — укоризненно произнес тем временем Келла.

— Естественно, мой, — подтвердила девушка право своей собственности, — и я тебя сама убью, скотина.

— Что? — вконец обозлился синеволосый, который всеми силами старался вновь обрести желанный покой в их и без того хрупких и странных отношениях.

— Глухой? Еще раз повторю — я тебя убью, падаль, — будничным тоном проговорила Ниночка. — Я перережу твоё горло и руками разорву шею до печенки... Я тебя убью, скотина.

В это время Виктор Андреевич, которому этой ночью не спалось, решил сходить на кухню и попить водички. Или, может быть, даже откусать остатки ужина — вдруг это поможет побыстрее провалиться в объятия Морфея? Сон никак не хотел идти к Нининому отцу — сказывались трудные переговоры с немцами, которые, как оказалось, прочли предложенный им и его компаньоном контракт так досконально, что нашли те самые условия, заботливо прописанные лучшими дяди-Витиными юристами, как говорится, «между строк». Эти самые условия оказались совсем невыгодными для немецкой стороны, поэтому упрямые иностранцы не желали подписывать старое соглашение, а очень хотели составить новое. Виктор Андреевич упирался, потому что до сих пор очень сильно хотел «хоть немного, но нагреть» зарубежных партнеров. Обе стороны решили взять двухдневный перерыв и затаились, и теперь глава семейства Журавлей места себе не находил из-за этого контракта.

«Вот же доскональные фрицы, за каждую мелочь уцепятся», — как-то неласково думал он о подданных Германии, проходя мимо комнаты средней

дочери. Даже невеселые мысли не могли помешать его острому слуху понять, что за дверью в Ниночкину комнату раздаются какой-то неясный шум и бормотание.

«Неужели опять за компьютером ночами сидит?» — охватил праведный гнев дядю Витю, и он решительно вошел в комнату. Взору его предстало взбешенное привидение в белом, чьи одежды и волосы развевались на фоне распахнутого окошка. Разъяренное лицо с голубой кожей было повернуто прямо в сторону, где застыл Виктор Андреевич. И бледные губы, медленно, как в кино, раздвигаясь, произносили:

— ...повторю — я тебя убью, скотина.

— Мать моя!!! — завопил вдруг Журавль и два раза перекрестился: сначала левой рукой, а потом правой. — Привидение!!! А-а-а!

Нинка, которая совсем не ожидала, что в этот час в ее комнату заглянет отец, отшвырнула телефон на постель — он беззвучно приземлился на одеяло, а затем баскетбольным прыжком, достойным лучших спортсменов НБА, ^[20] девушка успела прыгнуть в то место, где возлежал крошка-нетбук, захлопнуть его и спрятать в подушках. И только после этого Ниночка ангельским голоском спросила:

— Папа, что ты делаешь? — и зажгла ночной светильник.

Дядя Витя, который застыл у косяка и вытаращил глаза с таким ужасом, будто перед ним материализовалась пара-другая демонов, а не собственная дочь, прохрипел:

— Г-где п-привидение?!

— Какое? — удивленно спросила Нина.

— Ту-тут стояло, — ткнул на место около окна Виктор Андреевич.

— Там я стояла, — кротко сообщила Нинка.

Домашние, разбуженные воплями, уже столпились у входа в спальню и совсем не понимали, что происходит. Даже Кот, который ночами предпочитал дрыхнуть, развалившись на диване в гостиной, вытянув хвост трубой, торчал позади всех и не мигая глядел на хозяина желтыми глазами.

— Витенька, тебе плохо? — обеспокоенно хватала мужа за руку Софья Павловна. — Где болит? Врача вызвать?

— Не нужно врача! Привидение! — не слишком связно сообщил дядя Витя.

— Милый, давай я вызову нашего семейного доктора, — настаивала его супруга.

— Доктора? Не-е-ет, — протянул мужчина, — нам теперь только священник поможет!

Тетя Соня опустила на пуфик и произнесла со слезами на глазах:

— Витенька, ты что, собрался умирать?

— Пап, ты что, пил? — тем временем расспрашивал Сергей, зевая, как миниатюрный бегемот. — Белочка, наверное, у тебя. А мне не разрешаешь...

— Молчи, сопляк! — погрозил ему кулаком глава семьи.

— Что вы меня будите, у меня самолет утром ранним! Мне через три часа уже вставать! — недовольно высказалась и Ирка, собирающаяся посетить один дорогой египетский курорт, но под сердитым взглядом родителя решила помолчать. Виктор Андреевич мог и не отпустить старшую дочь никуда, если сильно обозлится. Из принципа.

— Папочка, тут не было привидения, — опять подала голос Нина, — это я там стояла. А ты подумал на меня такое... — и она скорбно умолкла.

— А ты правда привидение видел? — опять влез Сергей, который с самого раннего детства боялся не только призраков, но и таинственных бабаев, — старшие сестры умели отлично пугать маленького Сереженьку.

— Правда, — рассерженно отвечал его отец. — Одно такое большое и наглое привидение, которому нравится торчать около окошек.

— Так что же все-таки произошло? — не могла взять в толк расстроенная мама Нинки. Но буквально через пять минут ситуация прояснилась, и женщина про себя подумала, что «из-за всех этих контрактов Вите психиатру показаться стоит».

Дядя Витя уже не боялся, а только злился. Правда, руки его все еще дрожали от пережитого.

— Все по местам! — скомандовал родственникам дядя Витя, — то есть по комнатам. А с тобой, дорогуша, я сейчас поговорю. И это, Сонечка, — кинул он умоляющий взгляд на жену, поджавшую губы, — дай мне успокоительного. Я чуть коньки не отбросил. Это же надо! Захожу, а тут оно торчит! Убить обещает потусторонним шепотом!

— Папандр совсем того, — поделилась Ирка шепотом с Сергеем. И они оба захихикали.

— Хорошо, Витя. И нечего тебе бродить ночами по дому. Еще и не то померещится. Надо же, Ниночку за нежить принял. С ума сойти. И, Нина, закрой, наконец окно, холодно же. Простудишься, — с этими словами Софья Павловна удалилась.

«Главное, чтобы нетбук не увидел», — ничуть не уstraшилась дочка, только что испугавшая собственного отца.

— Ну, чего ты торчала у окна? — кинул выразительный взгляд на среднюю дочь хозяин дома. Почему-то ему подумалось, что синеволосяй варвар приперся посреди ночи и переговаривался с Ниной через окно или

даже пел ей свои паршивые песенки. «Хотя, — тут же отбросил эту мысль в сторону Виктор Андреевич, — я бы услышал. Тихонько с шестого этажа переговариваться с тем, кто на земле, невозможно».

— Я не могла заснуть и дышала воздухом, — стараясь не смотреть на то место, где лежал прикрытый подушками миниатюрный переносной компьютер, соврала девушка.

— Да? Может быть, ты хотела опять за свой Интернет засесть?

— Пап! — с таким возмущением воскликнула девушка, как будто бы она не сидела действительно в мировой сети, а предавалась праведному сну, а теперь подвергалась наглой клевете со стороны родственника. — Ну что ты несешь!

— А кого ты убить обещала? И скотиной обзывалась, — не вовремя припомнил господин Журавль.

— Никого не обзывала. Песни я пела, чтобы помогло заснуть, — не стушевалась Нинка, на собственном примере знавшая, что наглость — это второе или даже первое счастье.

— Песни?

— Да. Новое открытие психологов, — профессорским тоном пояснила девушка, — тех, кто занимаются психоанализом сновидений. По их мнению, спетые перед сном любимые песни способствуют улучшению сна.

— Да? — задумался Виктор Андреевич.

— Да, — уверенно сказала Нинка и фальшиво пропела. — Я повторю, я повторю — тебя я убью, тебя я убью... ла-ла-ла...

— Ну и гадость ты слушаешь, — тут же решил Виктор Андреевич просветить дочку в том, что такое настоящая музыка, но оставил этот вопрос воспитания на потом. — Значит, тебе просто не спится?

— Да, — сложила руки на груди Нинка, умело подражая ангелам в невинности.

Тон ее показался Виктору Андреевичу правдивым, он успокоился и ограничился тем, что прочел лекцию о том, что ночью не нужно торчать у открытого окна в одной ночной рубашке. И пугать единственного кормильца он дочери тоже не советовал.

— Ну, я же не специально, папочка, — на сей раз правдиво отвечала блондинка.

И ее отец совсем успокоился, пожелал спокойной ночи и пошел на кухню — там его ждало успокоительное. По дороге он прихватил с собой кота и исполнил ему негромкое, но чрезвычайно выразительно соло, вспомнив старые песни группы «Любэ». Уже через двадцать минут, то ли из-за таблеток, то ли из-за пережитого стресса, то ли из-за спетых песен,

мужчина провалился в глубокий сон.

— Писец, — проводила дядю Витю взглядом Нинка. — Охренеть. А все, — взгляд ее из ангельского вновь стал демоническим, — виноват этот кабан Келла, чтоб его передрючило...

В эту минуту экран нетбука, которому надоело слушать рассерженную хозяйку и вопли ее родственников, уже мирно почивающих в кроватях, сообщил, что в аське девушке пришло новое сообщение. Хорошо еще, что миниатюрный компьютер не запищал в то время, когда в спальне находился дядя Витя, иначе разборки с ним затянулись бы надолго.

— Чего за козел? — мигом залезла на кровать Нинка.

В это мгновение она была слегка шокирована. Вообще-то девушка думала, что это наглый изменщик Келла пишет ей слова извинений или оправдания, но, оказалось, Келла обиженно где-то умолк, а написавший презрительно назывался ею Бабой-ягой, хотя имел вполне приличное имя — Валерий. Этот парень уже давно преследовал девушку, и она чувствовала к нему примерно то же самое отвращение, что и к отвратительным паукам. В контакт-лист аськи она добавила этого дебила только потому, что он постоянно писал и писал, а, будучи занесенным в контакты, мог быть отправлен в игнор, в котором пребывал все свое время влюбленности в Нину не только в виртуальном, но и вполне реальном мире.

— Как это оно мне написало? — широко расширились глаза девушки. — Оно же в черном списке!

«Привет! Любимая, я так по тебе соскучился!!!» — не поскупился на восклицательные знаки Баба-яга.

«А я как раз приехал в наш город. Хотел сделать СЮРПРИЗ!! А ты почувствовала и впервые мне написала первой, зайка! Ты, наконец, стала испытывать ко мне интерес, Ниночка?»

«Как ты, крошка моя? Я, как в песне говорится, по тебе скучаю, письма не получаю=(»

— Я? — прошептала пораженная в самое сердце Нинка.

Только вот поразила ее вовсе не стрела Амура или Купидона, а что-то наподобие осинового кривого кола, предназначенного вампирам.

«Как у тебя дела, моя любовь? Я вспоминаю о тебе каждый день»

— Началось. Чтоб ты... чтоб тебя... черт... — закатила глаза девушка, так и не придумав достойной кары поклоннику.

«Скучаю. Я так хочу взять тебя за руку, Ниночка...» — Необъяснимая любовь Валерия к большому количеству знаков препинания почему-то еще больше сердила его любимую девушку.

Блондинку передернуло. Она лучше бы провела остаток своих дней с Келлой и даже родила бы ему тройню, чем всего лишь один раз взяла бы за руку Валерия. Нет, сейчас он был очень привлекателен, да и бедным человеком его было назвать весьма и весьма трудно, но презрение к этому Бабе-яге, а точнее, какая-то нечеловеческая непереносимость, перекрывали все плюсы этого молодого человека. Катя называла это «аллергией на человека», и ее подруга была полностью с ней согласна.

— С чего этот петух тупой решил, что я ему первой написала? — не понимала Ниночка, поверяя историю сообщения. К ее большому недоумению она поняла, что одно из сообщений, адресованное синеволосому дураку, какими-то неизвестными путями отправилось Бабе-яге.

— Я же не отправляла! — опять треснула по стене кулаком Нинка, забыв, что уже повредила один из ногтей.

На какое-то время она задумалась: ведь действительно, все так странно получается — чего это у нее аська так глючит? Если у нее такой казус вышел, значит... вполне возможно... что Келла не врал? И про Дашеньку было совсем левое, то есть чужое сообщение?

Поспешно вернув Бабу-ягу в обширный список тех, кого аська должна была игнорировать, Нина вздохнула и осторожно напечатала Келле:

«Прости меня, милый»

Девушка переступала через себя, но нужно же было как-то мириться с оскорбленным в лучших чувствах Келлой? Ведь с ним жизненно необходимо было появиться у жабы Эльзы.

Барабанщик «На краю» молчал. Нинка злилась.

«Келла, я очень сожалею»

«Не дуйся, — скривившись, девушка напечатала еще одно слово, — **медвежонок;»**

— Не отвечаешь? Чтобы тебя медведь избил, — тут же пожелала блондинка Келле, который по неизвестно какой причине не отвечал.

Промучившись минут пятнадцать, Нинка решила позвонить. Через восемь гудков (а она специально считала!) парень соизволил поднять трубку.

— Что? — равнодушно бросил он.

— Келлочка, — милым голосом спросила Нинка, — что ты делаешь?

— К Дашеньке собираюсь, — услышала она в ответ наглые слова. — Ну что я могу делать, королева, посредине ночи? Сплю я.

Девушка очень хотела задать неприличный и провокационный вопрос «с кем?», но вместо этого кротко сказала:

— Милый, прости меня. Я погорячилась.

— В чем ты погорячилась?

«Провались ты в яму, переполненную дерьмом!» — яростно подумала девушка, не привыкшая оправдываться перед кем бы то ни было.

— В том, что безосновательно предъявила тебе обвинения, у которых фактически не было доказательств, — решила воспользоваться юридической формулировкой Журавль.

— То есть ты извиняешься? — повеселевшим голосом спросил парень.

— Да.

— Скажи: «Келла, прости меня, пожалуйста, любимый», — откровенно веселясь, попросил драммер.

— Чего? — на миг истинная сущность каким-то звериным рыком вырвалась из тщательно маскирующейся девушки, в которой на самом деле жил дух дракона.

— Повтори, королева: «Келла, прости меня, пожалуйста, любимый», — крайне веселым тоном сказал синеволосый.

«Гореть тебе в аду. Моем личном», — сжала зубы Нина. Она вновь встала с кровати, подошла к окну, и, глядя на чуть светлеющий восточный край неба, на котором почти совсем не было видно звезд, в отличие от его западного и северного соседей, произнесла очень отчетливо:

— Келла, прости меня, пожалуйста. Лю-лю... любимый, — на последнем слове ее голос чуть не сорвался. Нинка сейчас явно готовила особо тепленькое местечко для музыканта в своем личном аду.

— Что еще за лю-лю? — жизнерадостно отозвался тот.

— Тебе слышалось.

Наверное, барабанщик известной группы понял, что немного переборщил, поэтому он примирительно ответил, что, конечно же, он прощает свою любимую и вообще ждет не дождется завтрашней встречи.

— Какой еще встречи? — не поняла девушка.

— Твоей, моей и еще двух человек, — объявил синеволосый и зевнул. «Действительно, что ли, спал? — подумала Нина, — и обо мне забыл?»

— Не собиралась я с тобой в воскресенье встречаться, — отрезала девушка. — Мы в среду к Эльзе едем.

— В среду — да. Но и в следующий понедельник тоже, девочка моя. Я же пообещал поехать к твоей родственнице, только если ты со мной погуляешь. Но ты не должна меня бояться, — и он расхохотался в голос.

«Смеется тот, кто смеется последним», — мрачно подумала Журавль.

— Готовься, королева. Я и Кей хотим двойное свидание, — поведал ей Келла.

— Чего? Вы что, японских мультиков пересмотрели, что ли? — осведомилась девушка, все больше и больше понимая, что тот, кто влюбился в нее, — тупица и мальчишка по сути.

— В общем, бери свою подругу, будет классное двойное свидание. Кею для новой песни надо, — зачем-то пояснил обладатель эксцентричной прически.

В результате девушке пришлось согласиться, и, естественно, первым и единственным кандидатом на роль четвертого, заключительного звена на таком вот безбашенном свидании стала Катрина Томасовна.

Келла, услышав согласие Ниночки, которая не хотела упустить возможность поближе познакомиться с обожаемым Кеем, еще минут двадцать распинался в том, какая она распрекрасная, и описывал перспективы подобного вида свиданий.

— Ладно, королева, ты уже, наверное, спать хочешь?

— Хочу, — тут же сказала девушка, хотя сна у нее не было ни в одном глазу.

— Тогда прощаемся, девочка. Кстати, а почему ты вдруг решила мне поверить? Ты ведь так рассердилась. Кричала, ругалась, — насмешливо спросил парень, заставив мою подругу мысленно пообещать его убить при первой же возможности.

— Подумала, что ты мне лгать не будешь, — немного подхалимски прозвучала фраза Нинки, которая совсем не хотела рассказывать музыканту о Бабе-яге, который, к ужасу девушки, вернулся в город и теперь точно будет доставать ее, несчастную.

— Тогда спокойной ночи, милая, — проговорил заботливо Келла, — самых сладких снов моей девочке.

— Спасибо, тебе тоже отличных сновидений, — ответила с такими же интонациями Журавль, а про себя подумала: «Чтобы тебя во сне слоны на части разорвали и съели. Или чтобы в рабство к извращенцам попал, червяк».

— А можно последний вопрос? — игриво спросил молодой человек, до того как Нина успела нажать на красную кнопку.

— Да, — милостиво разрешила она.

— Во что ты сейчас одета? — невинно поинтересовался парень. — Какое у тебя белье цветом, м?

— Козел, — все-таки прорвало Нинку, и она отбросила телефон в сторону, чтобы избавиться от искушения рассказать Келле о том, к представителям каких зоологических видов он относится.

Музыкант, услышав о том, что он представитель подсемейства козьих, ничуть не расстроился — более того, он расхохотался.

— Ну что? — с ленивым интересом посмотрел на него один из близнецов, входящих в группу «На краю», сняв большие наушники, в которых играла громкая агрессивная музыка.

— Норм, — поднял большой палец кверху Келла. — Поверила. А, черт, я думал, это конец! Как я так прокосячил, а? Писал Дахе, попало королеве, — и он с размаху упал на большой мягкий диван, на котором возлежал ноутбук, валялись какие-то журналы (в том числе и парочка таких, кои консервативные пожилые люди скорее всего назвали бы непотребным чтивом), пара металлических банок, хрустящие обертки от чипсов и распечатанная пачка сигарет. Именно ее схватил Келла, и, лежа закулив сигарету, с удовольствием затянулся.

— Следи за своими девчонками, и все будет в порядке. А я же говорил, что мой знакомый — отличный хакер, — покачивая в такт взлохмаченной головой, на которой еще пара часов назад красовалась модная молодежная прическа, отвечал один из близнецов.

— Точно, отличный — пятнадцать минут, и взломал почту и аську демоницы. Охрененно!

— Королевы, — насмешливо поправил синеволосого Кей, входящий в комнату с очень усталым лицом. — Называй ее королевой, не забывай.

— Не забуду. А, черт, эта Ниночка такая клева, жаль, что пока недоступная. Где шарился? — выпустил новую порцию дыма Келла, но в это время Рэн так громко включил колонки, что ворвавшаяся в помещение музыка не дала никому расслышать ответ Кея. Он решил, что тяжелую музыку лучше всего слушать не в одиночку, а всем вместе, и отсоединил тонкий провод наушников от музыкального центра.

А Нинка в это время злилась. Успокаивать свои нервы девушка стала онлайн-просмотром любимого реслинга, который транслировал известный американский спортивный сайт, а также поеданием прямо в постели большого пакета чипсов и шоколадки, которые покупались Ниной тайно ото всех. От брата и сестры — потому что они мигом могли уничтожить «неприкосновенный запас», а от родителей — потому что они не одобряли подобного рода пищу, считая ее «одним большим консервантом». Поедая «запрещенные» кушанья, девушка неотрывно следила за борьбой двух спортсменов, сражающихся за пояс чемпиона ВВЕ в тяжёлом весе. Нинка особенно болела за любимого реслера, который всегда почему-то ходил с белым, как мел, лицом и имел кучу татуировок и пирсингов. Наверное, у

нее в роду была написана любовь ко всяким «неформатным» молодым людям и мужчинам.

Уснув на заре в обнимку с нетбуком, Журавль и встала, соответственно, очень поздно. В то время когда Катрина наслаждалась обществом Кея и его машины, Ниночка неспешно и вкусно позавтракала, обсудила какие-то материальные вопросы с мамой, порадовалась отъезду сестры, посплетничала о соседях сверху и только потом вспомнила, что должна предупредить лучшую подругу о свидании в понедельник. Но не только предупредить — еще и уговорить, что в принципе у нее хорошо получилось.

С чувством выполненного долга Нинка записалась на прием к маникюрше и, пребывая в хорошем настроении (ее любимец вчера все-таки выиграл злосчастный пояс, обрушив на голову соперника неизвестно откуда взявшийся стул), даже ответила на эсэмэски Келлы и двух парней, которые решили пригласить ее на свидание. Им, правда, не повезло, ибо свое предпочтение блондинка, конечно же, отдала Келле — путеводителю к богатствам тетушки Эльзы.

Когда Нинка решила отзавтракать еще раз, ее спокойствию пришел конец. На телефон начал названивать Баба-яга, о котором Ниночка уже успешно позабыла. Каждый раз она блокировала его номер, чтобы Валерий оставил ее в покое, и каждый раз молодой человек менял номера, горя желанием услышать голос любимой. И сегодня, едва услышав в трубке знакомую восторженную речь: «Любимая моя Ниночка, это я...», девушка занесла номер неизвестного телефона в черный список, а потом и вовсе отключила телефон.

— Лучше бы на его месте был Кей, — произнесла она и задумалась. — Нет, главное, чтобы он так не унижался.

— Что ты говоришь, дочка? — не расслышала Софья Павловна, сидевшая рядом и гладившая Кота.

— Да так, мам. Пойду-ка я по магазинам. У меня завтра важная встреча, нужно что-нибудь новенькое прикупить. Папа ведь не планирует в этот понедельник День семьи устроить? — Вспомнилось вдруг светловолосой девушке.

— Нет, — улыбнулась тетя Соня, — он завтра со своими германцами встречается. Совсем на их почве чокнулся наш папа. А ты на свидание собралась, Ниночка? С Келлочкой?

Но та не успела ответить, а, точнее, немного приврать матери о том, что должно было быть в понедельник, — звонкая трель прервала разговор родственниц.

— Принесло очередную заразу, — направились ко входной двери девушка, по пути пнув косяк.

Не глядя в видеоглазок, Нина распахнула дверь и тут же попыталась закрыть ее обратно: на пороге стоял Баба-яга собственной персоной, разодетый, как жених на свадьбе, — только цветка в петлице не хватало.

— Ниночка! Я так по тебе соскучился! — простер он руки по направлению к девушке, но та лишь молча тянула на себя дверь, сожалея третий раз в жизни, что папы нет дома. Первый раз подобного рода сожаление настигло ее в раннем подростковом возрасте, когда Ирка притащила в дом кучу парней и девушек — решила устроить вечеринку в те счастливые времена, когда родители решили пару дней провести в солнечной Италии. Вся эта компания очень шумно вела себя и раздражала Ниночку, которая, в силу возраста, не была настолько физически сильной, чтобы выпроводить два десятка людей, да и было ей всего лишь тринадцать лет. Естественно, она сделала что смогла — выкинула обувь гостей с балкона, выливая спиртное из открытых бутылок, плевала в еду, подожгла скатерть, но Ирка, умудрявшаяся исправлять все вредительские действия сестры, в конце концов заперла ее в ванной.

Во второй раз это случилось пару лет назад, когда тоже еще малолетняя подруга осталась одна дома, когда вырубили свет, и ей почудилось, что к ней в дом через балкон хотят забраться воры. Но на самом деле это был нетрезвый сосед сверху, которого жена не пускала домой, а он решил попасть в родные пенаты через балконы, возомнив себя альпинистом-профессионалом.

Сейчас подруга тоже очень хотела, чтобы Виктор Андреевич оказался в квартире и спустил нежданного гостя с лестницы, перед этим предварительно намылив ему шею.

— Проваливай, — ловко тянула на себя дверь девушка, но все-таки Валерий оказался сильнее — недаром же он постоянно тренировался в спортивном зале, нарабатывая мускулы (и все ради той, которая его на порог дома не собиралась пускать!). Вот если бы на месте подруги оказалась бы Катя или другая девушка, не занимающаяся какой-нибудь борьбой или боксом, они бы точно не смогли выстоять против напора этих сильных мужских рук, чей обладатель никогда уже не сможет избавиться от унижительной клички Баба-яга.

— Солнце, стой! — очень хотел попасть в дом к Журавлям Валерий. — Я привез тебе подарок!

— Для меня лучший подарок — если ты свалишь! — пыхтя, продолжала удерживать оборону Нинка.

— Любимая! — прокричал парень, пытаясь не только открыть тяжелую дверь, но и разглядеть девушку, которую так давно не видел живую.

— Какая я тебе любимая, удад! — вызверилась Нинка.

— Это что тут такое? — спросил появившийся из кухни Сергей, вяло жующий бутерброд.

— Помогай мне, дурень! — шикнула на брата добрая сестренка.

— О, это еще кто? — выглянул Сережа и схватился за дверь. — Вор? Ментов вызвать?! Охрану?

— Это не вор, а Баба-яга! — натужно отвечала Нинка.

Сережа ее тут же понял — про этого персонажа он был наслышан прекрасно и даже слегка жалел сестричку, хотя частенько подкалывал ее насчет Валерия. Последним его удачным подколом такого рода был намек на то, что у Нинки и Бабы-яги могут родиться очень милые дети, если, конечно, они не пойдут в отца, а унаследуют красоту матери. Ведь чтобы добиться такого лица, сын владельца туристического агентства перенес ряд пластических операций. За такие слова Нинка избила Сережу зонтиком и больно ударила по скуле, поставив небольшой, но яркий фингал. Виктор Андреевич синяк разглядел и стал требовать у сына объяснений, потому что думал, что он опять дерется. Каково же было возмущение дяди Вити, когда он узнал о том, что именно Нинка разукрасила лицо Сережи.

Совместными усилиями брат и сестра стали понемногу перетягивать дверь на себя, но, однако, и Баба-яга не уступал. Окинув полубезумным взглядом обнаженный торс Сережи, предпочитавшего по дому ходить в одних шортах, молодой человек взревел.

— Иди отсюда, дебил! — попробовал прогнать Сергей поклонника сестры.

— Я тебе сейчас уйду! — не признал Валерий брата любимой в черноволосом юноше, который за последнее время сильно изменился и подрос. Поэтому, с ненавистью глядя на второго Журавля, он пообещал тому, что обязательно его убьет за то, что он посмел ходить полуголым по дому Ниночки. В ответ Сережа послал назойливого гостя на деревню к бабушке, и, пока обозленный Валерий, рвущийся к Нинке, ругался, посылая мнимого соперника к дедушке на хутор, дуэт Журавлей все же отвоевал дверь и сумел закрыть ее на все четырнадцать замков, которыми производитель оснастил ее в целях безопасности.

— Ты почему не смотрела в глазок? — напустился Сережа на сестру. — Ты зачем этому психу открыла?

— Заткнись, — бросила она ему, вместо того чтобы поблагодарить, и

удалилась в свою комнату. Появление Бабы-яги слишком сильно подействовало на ее хрупкие нервы. К тому же тот за два часа успел позвонить ей с целых пяти номеров, послал кучу сообщений как на телефон, так в электронный почтовый ящик. На домашний телефон Валерий тоже успел позвонить, и, прежде чем девушка успела вырвать трубку из рук собственной мамы, он успел поболтать с тетей Соней, которая приняла его за Келлу. Она даже сказала неудачливому кавалеру дочери, что с нетерпением ждет его в гости, потому что он, видите ли, так ей, Софье Павловне, понравился, что она хотела бы, чтобы они с Ниночкой стали прекрасной парой.

Появление соперника, который был даже удостоен чести побывать в доме Журавлей и получить если не благословение от Нининой мамы, то что-то весьма похожее, разбудило в Бабе-яге просто пламень ревности. О чем он решительным образом и сообщил своей жестокой возлюбленной. Так как она не подходила ни к одному из телефонов и не реагировала на послания во всемирной паутине, Валерий не нашел ничего лучше, как нарисовать на асфальте под журавлевскими окнами послание:

«Я его убью, любимая! Ты только моя!»

В подтверждение своих искренних чувств Валерий нарисовал черное перевернутое сердечко, похожее на пиковое. Как раз тогда, когда Валерий при помощи друга закончил выводить последний знак, во двор заехал на своей большой и очень дорогой машине с личным водителем и Виктор Андреевич с компаньоном. Оба предпринимателя были необычайно счастливы — им удалось заключить контракт с французской фирмой, юристы которой были не такими скрупулезными, как их немецкие коллеги. Теперь Нинин папа был доволен и намеревался провести отличный вечер в кругу семьи.

— Ух ты, это, наверное, хахаль соседской Лизы вытворляет, — сказал он компаньону, глядя в окошко. — Асфальт малюет, художник хренов. Ты, Иваныч, только посмотри, что пишет парень! Это ведь даже не признание в любви! На месте этого Олега Романовича, который наверху живет, я бы этому парню настучал бы ногой по шее. Такой позор! Так его дочь опозорила в глазах всех соседей! А ведь у нас дом — сам знаешь! Все люди с положением! И тут такое на глазах уважаемого общества...

О том, что это посвящено его собственной дочери, а вовсе не Лизе, мужчина даже не задумывался. Он был твердо убежден, что единственный поклонник Нины, который мог бы осмелиться на такую выходку, — Келла,

но сейчас, как говорила сама средняя дочь, «он полностью в ее руках». Конечно, Виктор Андреевич очень сильно не одобрял этого парня с синими волосами, как у гоблина (в сознании главы Журавлей гоблины выглядели примерно так, как барабанщик известной группы), но полагал, что этот дурак все-таки может способствовать улучшению родственных отношений между ними и престарелой теткой.

А вот Нинка сразу поняла, что этот знак предназначен ей. Нет, девушка не испугалась — она обозлилась и даже разбила любимую чашку, из которой пила зеленый чай с молоком.

— Мерзавец! — заорала она так громко, что Кот, сидевший на столе и пытавшийся стянуть колбасу с одного из маленьких бутербродиков, которыми Нинка поднимала настроение, подпрыгнул и в прыжке свалил стопку книг, предназначенных для одного из семинаров.

— Что за шум? — тут же заглянула к ней мама, несколько смущенная тем, что выдала стратегическую информацию дочкиному врагу.

— Кот книги уронил, — не стала говорить о надписи Нина и легонько пнула домашнего любимца, прогоняя вон из спальни. — Совсем распустился, мистер Большие Усы.

Животное, которое органически не переносило лжи, очень недовольно посмотрело на юную хозяйку и этой же ночью разодрало ей новые колготки, неосторожно высовывающиеся из шкафа. К тому же у Кота был комплекс по поводу его длинных усов.

А вот через час, когда Сергей, которому надоело сидеть в столовой между отцом и его компаньоном, наперебой расписывающими все прелести его, Сережиного, будущего поступления на экономический факультет, чтобы потом занять место главы компании Журавля-старшего, решил покинуть дом с целью посетить друга. Вот тогда и произошла совсем, по мнению Нины, странная вещь. И опять же причастен к ней был Валерий, в чьей груди пылала ревность. Он, видимо, подсознательно руководствовался словами Вольтера, доказывая, вслед за великим просветителем, что бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть. Он все-таки решил, что черноволосый парень с обнаженным торсом и есть тот самый таинственный Келла, о котором столько говорила Софья Павловна. Приняв брата любимой за ее молодого человека, он, а также двое весьма крепких молодых людей из личной охраны его папы, занимающегося в последнее время не только туризмом, но и старательно нарушающего закон, а также метящего в депутаты местного Законодательного собрания, решили подкараулить счастливого соперника. Не успел Сережа вальяжным шагом выйти из своего подъезда, как трое мужчин направились к нему с

нехорошими намерениями. Только благодаря некоторой дальнорзости, а также семейной хорошей памяти на лица Сережа успел убежать обратно в подъезд — под крыло других накачанных представителей охранного бизнеса, защищавших этот элитный дом от незваных гостей. Только вот на них Журавль-младший сильно не надеялся, а пешком дунул домой, где, опасливо прислушиваясь, не слышит ли папа, рассказал все Нинке. Та, естественно, рассвирепела. Терять младшего брата, пусть и такого раздолбая-мажора, ей не улыбалось. Поэтому она, помучив вопросами Сергея, который пребывал в небольшом шоке от случившегося, потому что так и не понял, за что его хотели побить, девушка спросила:

— Куда тебе там надо было идти?

— К другу. К Вэлу, — вздохнул парень. Он никуда уже не хотел. Вообще-то он считал себя сильным молодым человеком, но понимал, что против троих здоровых мужиков точно не выстоит.

— Когда я пойду к маникюрше, отведу тебя к нему, — решительно заявила девушка.

— Может, мы на такси доедем? — с надеждой спросил Сережа.

Но сестра была категорически против — очень уж она хотела увидеть этих смельчаков, которые решили, что Сергей и есть Келла. Сейчас Нинка ненавидела Бабу-ягу всеми фибрами своей души. Она пробовала позвонить своей Кате, но ее телефон, увы и ах, был сломан, в Интернете ее не было, а к домашнему телефону никто не подходил.

— Вечно, когда нужна, шляется где-то, — пробурчала блондинка, в пятый раз набирая номер подруги.

В тот момент, когда Катя и Антон, беспечно болтая, шли где-то недалеко от ее улицы, она и ее брат вышли из своего подъезда.

— Ниночка! — тут же дал себя обнаружить несчастный возлюбленный, выбегая из припаркованной у дома напротив машины.

— Ты! — хотела ткнуть в него пальцем девушка, но, несколько побрезговав касаться этого надоедливового человека, поэтому ее палец, как раз тот, по ногтю которого расплзлась трещина, нарушая сложный узор, потряс воздух.

— Ниночка! Ты такая красавица! — восторженно глядел на нее Валерий.

— Я-то, может, и красавица, — самодовольно ответила блондинка, — а ты морально-физический урод.

— Это все из-за него! — с ненавистью исподлобья (Сережа имел преимущество в росте) глядел на черноволосого юношу Баба-яга. — Отбил мою принцессу!

— Ты полудурок! — заорала Нинка. — Это мой брат! Еще раз увижу тебя около моего брата — я тебя прихлопну, гаденыш! Что за человек! Лицо купил, так и ума не помещает теперь приобрести! И не смей идти за нами!

Валерий, внезапно осознав, что, действительно его противник вообще-то похож на Сережу Журавля, попытался извиниться, но Нинка, схватив брата за руку, потащила его по дороге. Ее поклонник, велев охранникам оставаться в машине, бросился за девушкой, стремительно исчезающей из его поля зрения.

— Ниночка! — побежал он вслед за ней, напоминая собачку, не забывая ловко огибать многочисленные лужи.

— Слушай, а ты не боишься одна возвращаться? Вдруг этот сумасшедший тебе чего-нибудь сделает? — поинтересовался Сережа, проявляя братские чувства, что было явлением крайне редким.

— Не знаю! — рывкнула Нинка. — Боюсь, поэтому ни к какому другу ты не прешься, а вместе со мной идешь к маникюрше.

— Но... — попытался тут же сбежать Журавль-младший, однако цепкая рука сестры крепко держала его.

— Без но, малышня, — скомандовала Нина. — Вдруг он меня убьет? Ты виноват будешь. Папа тебе в наследстве долю не оставит, и все тогда достанется одной Ирке. Ты этого хочешь?

— Нет, но...

— Тогда пошли быстрее, тут недалеко! — и брат с сестрой, совершенно не замечая радуги над ними, продолжили свой путь дальше.

«Лучше бы я дома сидел», — с неприязнью покосился братик на стремящуюся вперед девушку, но спорить не стал.

Минут через десять они оказались под надежной защитой квартиры Ниночкиной маникюрши, принимающей клиентов на дому. Она ловко починила ноготь. Более того, женщина изменила дизайн — сделала «растяжку» сливового цвета, на которой красовались голубые цветочки-стразики с золотистыми стебельками и листиками. Бедный Сергей все это время терпеливо ждал, сидя в обнимку с толстыми журналами по дизайну ногтей. Более того, он был вынужден слушать женские сплетни и — о, ужас — обсуждение парней и мужчин, а также их слабых и сильных сторон.

Когда сестра царственно выплыла из квартиры довольной маникюрши, которой щедрая Ниночка переплатила денег за оказанную услугу, держа руки перед собой, словно боясь повредить новые ногти, уже совершенно высохшие, Сергей облегченно вздохнул. Именно в тот момент его юный

мозг решил, что девушки с естественными ноготками намного прелестнее, чем их сестры с наращенными.

Но не успели Журавли выйти из дома мастера маникюрных дел, как им вновь попался Баба-яга, требовавший у Нинки немедленно рассказать ему про Келлу, с которым он готовился провести мужской разговор.

— Ты отстанешь от нас, маньяк? — грубо поинтересовалась Нинка, которая всей душой уже предвкушала завтрашнюю встречу с Кеем.

— Я не маньяк! Я тебя люблю.

— Парень, ты нас достал! — пытался образумить Валерия и Сергей, на что получил яркий и емкий ответ, суть которого сводилась к тому, что он, Сережа Журавль, до сих пор еще не получил по своему смазливому личику только потому, что он — брат его, Валеры, любимой. Но стоит только девушке намекнуть, и кое-кто получит несколько великолепных, сияющих в темноте фонарей, украшающих глаза.

— Это ты у меня несколько фонарей получишь! — не понравились такие перспективы Нинке, которая считала, что бить брата позволено только ей одной. — Я их в тебя запихаю! Через горло.

Валерий пропустил ее слова мимо ушей и опять начал жалобно и одновременно очень гордо вопрошать Нинку о Келле. Все-таки слова тети Сони не давали ему покоя.

— Может, — прошептал Сережа, — скажешь ему про этого твоего синего, и этот лох от нас отстанет?

— Только попробуй, мышь! — погрозила ему кулаком светловолосая девушка. — Келла мне еще нужен.

— Всегда можно соврать, — буркнул Журавль-младший тихонько.

— Дерзай, — еще тише отвечала Нинка, утомившаяся кричать.

Сергей смекнул, что музыкант группы «На краю» (правда, сам парень не догадывался о музыкальной деятельности любимца Эльзы Власовны) действительно важен для их семьи. Поэтому, чтобы остудить пыл Валерия, выдал ему на одном дыхании:

— Слушай, что ты хочешь знать об этом Келле? Я расскажу!

— Кто он такой? — почему-то взял Сергея за плечи Баба-яга, как будто бы Нинкин младший брат и был таинственным Келлой.

«Ну, мама, удружила!», — одарила жестким взглядом назойливого поклонника Нина.

— Откуда я знаю! — барахтался в цепкой хватке Сергей. — Парень! Келлой зовут. Отпусти меня, а?

— Выглядит как? — продолжал расспросы Баба-яга в мужском эквиваленте, ощущая себя энкавэдэшником на допросе.

— Хорошо выглядит! Си... светлый, — вовремя поправился юноша, — высокий чувак.

— Что еще за сисветлый? — не понял сильный Валерий, чуть ослабив хватку, но жертву так и не отпустил.

— Блондин, говорю. Весь из себя. Нинка же блондинов любит! — не знал парень, что как раз блондинов сестрица-то и недолюбливает — за исключением Кея, разумеется.

— Не Нинка, а Ниночка, — грозно поправил родственника любимой Валерий.

Блондинка нервно засмеялась. Взглядом она искала что-нибудь вроде арматуры или хотя бы большой палки, которой с удовольствием заехала бы кое-кому по ухоженной башке.

— Ниночка, Ниночка, — кинул в сторону сестры умоляющий взгляд Сергей, который очень опасался за ворот рубашки.

— Ну что еще про этого Келлу скажешь? — наседал Валерий.

— Высокий, спортивный чувак, красавчик. Он ее ровесник, я вообще его только один раз видел. Отпусти меня!

— Отпусти его, — приказала Журавль, решив про себя, что братика нужно отправить заниматься каким-нибудь спортом. «Еженедельные походы в тренажерный зал с друзьями, видимо, не делают Сережку силачом. Наверняка он в спорт-клуб шарится только, чтобы на девок поглазеть», — решила про себя судьбу братца Нинка.

Она выпускала гнев на надоедливого Бабу-ягу еще минут десять и, в конце концов поняв, что таким образом ничего не добьется, заявила:

— Ты, насекомое, или ты сейчас оставляешь меня с братом в покое, или замуж выйду прямо завтра.

— За кого? — жадно вцепился в нее взглядом молодой, но уже несколько обезумевший от любви человек.

— Да хоть за кого. А если ты, — вкрадчиво и почти спокойно проговорила девушка, — сейчас оставишь меня в покое, то я, может быть, завтра встречусь с тобой.

Таким образом, не замечая Катрину и ее друга, успешно спрятавшихся в подъезде, Нинка успела отделаться от Валерия и поспешила с Сережей домой. Она уже задумалась над тем, что, пожалуй, стоит рассказать отцу о надоедливом кавалере. Совсем становится неуправляемым. Только вот сам Баба-яга совершенно не собирался оставлять без присмотра любимую, рассудив, что ее брат не способен в случае опасности защитить сестренку. Он тайно пробирался вслед за Ниной, так ловко, словно подрабатывал шпионом, — никто его не замечал.

Никто не замечал Бабу-ягу, кроме меня и Антона. Мы, так и находившиеся за торговым павильоном, прекрасно видели, как из-за угла дома, стараясь слиться с тенью и кустиками, крадется Валерий. Следом за ним, совершенно не маскируясь, маршировали два здоровых парня в строгих костюмах. Перебежками Нинин поклонник переместился за столб, выглянул из-за него, воровато оглянулся и спрятался за урной, считая, что она спасет его от любопытных взглядов, которыми наделяли его явно заинтригованные прохожие. Только пару минут спустя до этого дурачины дошло, что какие-то люди обступили его нареченную невесту (так он про себя называл мою подругу) и ругаются с ней. Не мешкая он кинулся на выручку Нинке. Бугай поспешили вслед за ним.

Аборигены подъезда со сломанным домофоном пополнению рады не были. Как же они начали кричать и орать! Но постепенно их вопли стали понемногу стихать. Я в который раз убедилась, что физическая сила все же неоспоримый козырь — потому как подъездные жители были как-то смущены присутствием трех новых лиц, выглядевших очень и очень достойно, я имею в виду, физически, а не морально. Разборки перешли на новый уровень, в ходе которого основное внимание переключилось на Валерия, с жаром защищающего права любимой. Вся компания мелкими шажками умудрилась достаточно прилично отойти от магазинчика. А сама Нинка и Сергей сумели вовремя улизнуть из этой свары, потому как они перестали вдруг быть главными действующими лицами.

— Теперь я за Нину спокойна, — облегченно выдохнула я, перед тем как мы с Антоном, очень осторожно, не оглядываясь, ушли. Кто там победил в словесной баталии — мне до сих пор неизвестно.

Больше в тот день, к моему большому сожалению, мы с Антоном за руки не взялись — просто гуляли и разговаривали, как будто бы забыв о небольшом инциденте, произошедшем в лифте.

С этим человеком мне было легко, очень легко, и я уже несколько раз упоминала об этом, и бабочки в животе иногда нет-нет да и начинали вновь трепыхать своими невесомыми крылышками, заставляя сердце биться быстрее. А оно, кстати, этим фактом было весьма недоволено.

Антон галантно проводил меня до дома, я хлопнула его по плечу на прощание, как будто мы были старыми друзьями, и убежала в подъезд, явственно ощущая, как за мной следят две пары глаз — Семеновны и ее очередной подруги. Добрые бабушки засели на балконе пятого этажа, позволяющего прекрасно обозревать местность.

Дома, о, чудо из чудес, до сих пор не было родственников. Один только Чуня ухмылялся со стены.

— А я сегодня целовалась, — сообщила я тотему.

Мне показалось, что Чуня скорчил презрительную мину, и я расхохоталась. А потом, уже обойдя пустую квартиру, я спохватилась. А где же, собственно, застряли остальные представители славного семейства Радовых?

За неимением теперь личного сотового телефона я позвонила с домашнего аппарата на мобильник Томаса. Он, естественно, не отвечал. У папы была дурная привычка ставить свое средство связи в беззвучный режим — чтобы его никто не отвлекал в момент написания очередной картины. А потом он просто-напросто забывал включать звук, и поэтому, бывало, никто не мог дозвониться до нашего художника часами и даже днями.

Я попробовала набрать номер телефона Нельки — но, увы, из-за отсутствия денег на ее счету меня с ней так и не соединили. Леша вообще не взял с собой сотовый. И единственный, до кого я, уже порядком взволнованная, дозвонилась, был Эдгар.

— Вы где? — тут же поинтересовалась я.

— Где, где, на бороде, — пробурчал братец. — У Краба.

— Дома, что ли?

— Нет, на даче, — с неохотой принялся объяснять Эдгар. — Мы на природу приехали, а там дождь. Пришлось на дачу валить. Она там рядом была.

— И вас приютил Краб? — поинтересовалась я. Дача у этого папиного друга великолепная: двухэтажная, большая и находится в живописном месте около разлива реки.

— Мы сами у него приютились, — без особенного воодушевления ответил брат. — Он нас даже и не ждал. Но шашлыкам обрадовался.

— А мне почему не сообщили, что домой не приедете? — возмутилась я.

— Леша тебе звонил. Не дозвонился, — зевнул Эд в трубку.

— И что? А вдруг со мной что-то случилось, а вы даже за ухом не почесались! — продолжала возмущаться я такой беспечности со стороны родственников.

— Что с тобой может случиться? Ты же дома.

— Ну и что! Мало ли. Всякое в жизни бывает. Вот утащит меня маньяк, будете знать, — мстительно сказала я братику.

— Нужна ты ему. Вот ты-то дома, — стал таким завистливым голос у

Эдгара, что я даже расхотела ругаться с ним, — а я здесь. На природе.

— И что? — Удивилась я, потому что сама была бы не прочь сейчас оказаться вновь подальше от шумного города. — Это же здорово.

— Очень здорово. Тут нет компа. Лешкин ноут сел, а он зарядку с собой не взял.

— Ничего, переживешь. Тебе полезно отдохнуть от Интернета.

— Конечно же, — с обидой произнес брат и засопел, как ежик.

— И когда вы вернетесь?

— Завтра, — с такой тоской вздохнул Эдгар, что я не удержалась и тоже вздохнула.

Послушав претензии родственника ко всему окружающему миру, я повесила трубку. Плохо, плохо без сотового телефона.

— Что за странные личности! Уехали и оставили девочку одну, — бурчала я, шарясь по холодильнику, радующему меня своей пустотой. Странно, вроде бы постоянно покупаются продукты, но и исчезают они тоже очень быстро, я бы даже сказала, с космической скоростью. Можно подумать, у нас дома живут те самые три толстяка из одноименной книги Олеши, которые то и дело совершают варварские набеги на кухню.

В результате мне пришлось вновь идти в магазин на потемневшую уже улицу, над которой набухали темно-синие тучи, грозившие разрядить на полупустой сонный город весь свой дождевой запас.

Вечер я провела классно, с фильмами, шоколадом и в одиночестве. Ливень начался тогда, когда я уже лежала в своей постели, стащив из кровати сестры коричневого медвежонка, напоминающего мне Антона.

— Ты, — ткнула я пальцем в черный блестящий нос — будешь сегодня Антошкой, ясно?

Плюшевый мишка промолчал, но ему, кажется, было все равно, кем быть. Он просто беззвучно засыпал, и я вместе с ним.

А проснулась я тогда, когда за окном еще и не пахло утром. Или пахло — но совсем немного. Проснулась из-за того, что меня разбудил домашний телефон, яростно орущий и едва ли не подсказывающий от нетерпения — кому-то очень сильно хотелось со мной поговорить.

«Это еще кто? — мигом поднялась я и с ословелыми глазами бросилась в коридор, подумав, что это, может быть, звонят мои родственнички — мало ли что ними могло случиться на даче у Краба. Это же Радовы, а не кто-то другой... Они и дачу подпалить могут. Так Томас чуть не сделал однажды, приехав на дачу к какому-то другу, который в пору бунтарской юности был ярым представителем панк-движения, а ныне стал первым заместителем мэра и метит в будущем на место главы города. Так

вот, дача у этого дяди Кости была не такой прекрасной и большой, как у Краба, и, подозреваю, мой родитель, сам дядя Костя и их друзья собрались на ней не для того, чтобы читать друг другу стихи и петь песни, а отпраздновать какой-то один им известный праздник. Они решили побаловать себя шашлыками и доверили важное дело их приготовления папе и еще одному криворукому человеку. Всего лишь за двадцать минут Томас с приятелем умудрились сотворить самый настоящий пожар, не уследив за импровизированным мангалом, расположенным не где-нибудь на участке, а прямо на веранде дома. Пожар потушили своими силами и даже продолжили гулянье, но вот родители дяди Кости были очень возмущены произошедшим. Они не знали, что на даче побывал их сыночек с друзьями, поэтому рассказывали родственникам и знакомым о том, что „наглые бичи совсем уже оборзели — залезли в дом и не только все обгадили, так еще и веранду подпалили!“»

Кто знает, что может вычудить отец теперь?

— Да? — хрипло проговорила я, схватив трубку. И к собственному разочарованию, смешенному каким-то чудесным образом с растерянностью и странной радостью, услышала знакомый голос, который мелодично, тихо, но как-то едко пропел:

— Предаешься праведному сну, малышка?

А я тут подумал, что это слишком:

Ему ты — любовь, а мне — неприязнь.

И я отправляюсь на смертную казнь.

— Что надо? — нелюбезно спросила я, узнавая строчку из известной «маньяческой» песни «На краю», которую частенько напевала Нелли, фальшивя, как слон. Кстати, на этот же трек был снят замечательный клип, а потом и небольшой фильм, длящийся целых двадцать минут, — как приложение к клипу и подарок поклонникам. Суть этого визуально-музыкального творения сводилась к тому, что лирический герой, возомнивший себя маньяком и имеющий удивительную возможность вести беседы со своими личными ангелом и демоном, донимал любимую девушку нехорошими звонками и письмами, и одновременно удовлетворял свою основную жизненную потребность — убивал, но не кого попало, а именно рыжеволосых красавиц определенного возраста. Они, видите ли, напоминали ему любимую. А любимой же он посылал страшные подарки и признания в любви, написанные кровью. Особенно сильно этот маньяк обожал звонить своей главной жертве по утрам и вещать монологи о

любви, смерти и вечности. Диалоги не получались, потому что рыжеволосая жертва даже слово боялась вымолвить... Маньяк обещал и ее прибрать к рукам и доказать свои ярые чувства. Поймать его никак не могли, и правоохранительные органы это злило немерено.

Закончилась песня на удивление хорошо — маньяка нашел особенно умный следак, его осудили и приговорили к смертной казни. Но каким-то немыслимым образом в день, когда должно было свершиться правосудие, маньяк умудрился позвонить возлюбленной, напугав ее и ее парня, с которым она проводила досуг дома, до чертиков. Страх на лице рыжеволосой красавицы стал финальным аккордом клипа.

Для зрителей и слушателей так и осталось загадкой, что случилось дальше с героями, сбежал ли главный злодей или его все же казнили. Кстати, роль романтично-демонического маньяка досталась Кею (его сумасшедшие фанатки просто влюбились в этот ужасный образ), а вот молодого человека героини заставили играть Арина. Келле и близнецам повезло больше. Первый изображал кого-то, отдаленно напоминающего того самого умного следователя (и волосы его были еще нормального естественного темно-русого цвета), а братья замечательно разделили между собой роли ангела и демона, сопровождающих преступника Кея повсюду. Когда он совершал очередное убийство, ангел закрывал лицо и плакал, а демон бился в каких-то эйфорических конвульсиях. Вещь, в общем, получилась занятной. Но мне не нравилось, что Кей напевал строчки из этой песни на мой телефон, потому что это выглядело так, будто я — жертва, а он — великий и кровавый маньяк, сошедший с ума на почве любви.

— Эй, ты не спишь? — спросил музыкант.

— А что я могу делать в четыре часа утра? — спросила я и зевнула. Меня тянуло назад в кровать. Но, с другой стороны, до жути было любопытно узнать, почему Кей звонит.

— Мало ли чем ты можешь заниматься. Почему не отвечаешь на мобильник?

— Он сломался, — была кратка я.

— Как?

— Просто, — не захотелось мне вдаваться в подробности. Ведь в поломке был виноват именно он, бабуин. Довел меня до ручки, можно сказать! — А что ты хотел?

— Напомнить тебе о том, что завтра будет отличный день.

— В смысле? — не поняла я, прислушиваясь одновременно к каким-то странным шорохам.

Оказалось, это были не шорохи, а птички, которые в эту рань расчирикались за окнами. Сумасшедшие пернатые. И чему так радуются? Ждут солнца? Надеются, что своим милым пением смогут заставить выползти из-за горизонта сияющий диск намного быстрее?

— Обещают теплую погоду, — так же загадочно произнес парень, — лучше, чем сегодня.

— А чем тебя погода не устроила сегодня? — захотелось мне узнать причину, по которой всемогущее Его Величество обозлилось на погоду-мерзавку. Может быть, он под дождь попал и стоит мокрый сейчас, мерзнет, зубами стучит? Но в голове что-то не вязалась картина того, как Кей стоит весь промокший и зубы его клацают друг о друга, сами собой сочиняя новую мелодию для очередного тяжелого хита.

— Дождь и солнце, — туманно пояснил фронтмен «На краю».

— И? — не поняла я его слов, чувствуя, как слипаются глаза.

— Должно быть одно из двух. Или солнце. Или дождь.

— В смысле? — терпеливо переспросила я.

— Только одно, — видимо, Кей решил, что сестра таланта, та самая краткость, украсит его речь. Но он очень ошибался — я вообще потеряла смысл его слов.

Тут он засмеялся. Наверное, он все же легкими наркотическими веществами балуется, не брезгует. Надо бы ему сказать, что наркотики плохо сказываются на внешнем виде, — мигом перестанет их пробовать.

— Детка? — позвал меня Кей тем временем.

— М?

— Почему молчишь? — наверное, он очень хотел поговорить.

— Я засыпаю, — сонно пробормотала я, и голова моя качнулась вправо с явным намерением упасть на руку, лежащую на столике, где стоял телефонный аппарат.

— Если бы была со мной, я бы взял тебя на руки, обнял, прижал к себе, и ты заснула бы крепко-крепко, — задумчивым и, как мне показалось, нежным тоном произнес солист известной группы. — Со мной.

— Что? — мигом расхотелось мне спать.

— Я гладил бы тебя по волосам, глядя, как ты спишь. А сам бы, наверное, заснуть не смог. Знаешь, когда ты рядом — во мне просыпается странное желание.

— Какое еще желание? — поежилась я, потому что понятия не имела, какие там желания спрятаны в платиновой голове Кея, вернее, в ее немногочисленных извилинах, большинство из которых задействовано в самом главном умственном процессе Кея — повышении ЧСД. Так и

представилась мне извилина в виде полноводной реки, на которой стоит огромная ГЭС, активно перерабатывающая воду в энергию для роста чувства собственного достоинства Кеечки. А желания эти наверняка проходят под цензурой «Детям до четырнадцати/шестнадцати/восемнадцати запрещено» Я даже закашлялась слегка, и без того напуганная странными метаморфозами звездного парня. Нет, на просто травку это не похоже. Вероятно, наркотик потяжелее. А что у нас потяжелее Мэри Джейн?^[21] Порошки, амфетамины? Даже думать об этом не хочу!

— Какое желание? — задумчивым тоном переспросил Кей, а его ответ меня почему-то нереально обрадовал. — Защищать. Быть рядом. Но по идее должно быть совершенно другое желание: обладать.

Я отодвинула трубку от лица подальше, чтобы музыкант не слышал мои сдавленные смешки. Но я весьма быстро справилась с собой.

— Ты это о чем? — спросила я не своим голосом. Вот и пойми после этого этих мужчин — днем целовался с одной, в лесочке с ней уединялся, непонятно что с ней делал, а теперь мне такие вещи говорит! У меня даже слегка щеки покраснели. Не знаю почему, но это приятно слышать!

Не отвечая на мой вопрос, Кей продолжал задумчиво:

— Наверное, ты сейчас похожа на котенка, которого разбудил злой хозяин, чтобы с ним поиграть.

— Да нет, — растерянно произнесла я. — Я на человека похожа...

— А мне кажется, что все-таки на котенка.

— Почему ты мне сейчас это все говоришь? — добавить фразу о том, что я предполагаю, будто он, Кей, находится под влиянием психотропных веществ, я не успела, потому что меня, как и всегда, перебили.

— Я просто озвучиваю твои мечты относительно меня, — омерзительно расхохотался Кей. — Ничего больше. А ты там уже себе напридумала, да? Ты ведь хочешь, чтобы... чтобы я был рядом и держал тебя на руках, защищая от всех и вся, и любил? Ты ведь поверила мне?

— Козел.

— О да, ты, наконец, разозлилась, хорошая девочка Катя?

Да! Ты же сволочь натуральная, а не человек! Да как так можно над девушками издеваться? Подумать только, чуть ли не в любви тут признавался, видите ли, ему меня защищать захотелось, а теперь, оказывается, это он так изощренно надо мной поиздевался. Вот урод! Я правда поверила!

— Нет. Не разозлилась. Это все, что ты хотел сообщить мне в четыре утра? — холодным тоном спросила я, но на самом деле голос мой звучал

довольно жалко.

— Отнюдь, детка. Я хотел предупредить тебя насчет нашей встречи в понедельник. Не придешь — сама знаешь, что будет.

— Что будет? — после сна я была не слишком сообразительной.

— Твоя подруга на тебя обидится, — многообещающим тоном поведал высокомерный выскочка. — И ты знаешь почему, — при этом он довольно заржал.

Так и вижу его красивое и довольное личико в обрамлении белых волос, на котором растянута довольная лыба. Не спится придурку — вот и названивает всем подряд. Кстати, где он вообще мой номер-то взял? Как-то я этим вопросом раньше не задавалась. Хотя... наверное, Нинка дала. Да мало ли где. Вообще не понимаю этого болвана-суперзвезду.

— Хорош-ш-шо, как скаж-ж-жеш-ш-шь, — старательно скопировала я шипящую змею, готовую к атаке, — я приду-у-у.

— Что у тебя с дикцией? — не проявил должной чуткости парень. — Не шепелявь. Ладно, киска, — придумал он новый вариант того, как можно обозвать девушку Катю, — пока. Иди спи. И может быть, я тебе приснюсь. Если будешь хорошо себя вести и поцелуешь мою фотку, которую ты, конечно, хранишь у себя под подушкой.

— Чтобы тебя черти слопали, — сказала я трубке, в которой уже слышались частые гудки.

Вот же самомнение у человека. Мне приснится кто-нибудь получше, Антон, к примеру.

Не успела я лечь в постель, как опять раздался звонок.

— Алло? — устало я подняла трубку. — Что еще?

— Повезливее, детка, — услышала я вновь голос Кея, — завтра надень юбочку покороче, что ли. И кофточку прозрачную или открытую, окей? Хочу видеть тебя милой. Ты ведь хочешь вызывать во мне желание, правда?

Вот же скотина. Я стиснула крепко зубы и сомкнула пальцы в кулак, представляя, что хватаю вовсе не воздух, а шею этого куренка с амбициями второго Наполеона.

— Надену, — мрачно пообещала я, жалея, что у меня нет чадры. Вот в ней бы я точно пришла. — Ради тебя, милый, я надену все, что скажешь.

— Тогда целую тебя, — поддразнивая меня, произнес Кей и как-то ехидно добавил, — Катюша. В носик.

— До свидания, Кейчик, — не стала я слушать его больше, потеряла зачем-то нос и отправилась спать.

Спокойного сна мне, видимо, сегодня было не суждено получить.

Часов в семь утра, когда мне снилось, будто брелок, подаренный Антошей, превратился в настоящее лакомство и я сейчас ем огромную конфету, телефон снова был атакован, и мне пришлось вновь вставать.

— Алло, — еще более хриплым со сна голосом сказала я трубке. Если бы я не хотела так сильно спать, то, наверное, почувствовала неладное, но, я как всегда, вновь показала себя потрясающей простофилей.

— Доброе утро, — раздался бархатный мужской голос, принадлежащий скорее всего человеку лет тридцати.

— Здравствуйте, а вам кого? — Я-то уже хотела начать орать на Кея — думала, это он опять решил поразвлечься. Наглотался там, наверное, всякой дряни, вот заснуть и не может.

— Простите, что разбудили вас в столь раннее утро, но это из домоуправления.

— Да ничего страшного. А что случилось? — мигом навестила я уши. Неужели соседи снизу все-таки на нас жалобу накатали за часто устраиваемые потопы? И что теперь делать? Вдруг нам вообще сейчас все на фиг отключат?

— В вашем доме проблемы с подачей воды, — официальным тоном продолжал мужчина с бархатным голосом, — не могли бы вы проверить, есть ли у вас на этаже холодная вода.

— Прямо сейчас?

— Да-да. И сообщите, есть или нет.

— Да, конечно, — нехотя пошла я в ванную комнату.

Холодная вода была — она весело заструилась из крана. Как только я сообщила о том, что все в порядке, меня попросили посмотреть и горячую воду. Она тоже имелась — правда, текла немного хуже холодной и была скорее не горячей, а теплой — не успела прогреться, но у нас в квартире это совершенно нормальное явление ранним утром.

— И горячая есть, — поспешила я сказать мужчине из домоуправления.

— Значит, и холодная, и горячая вода имеются? — Бархатный голос на мгновение затих.

— Да, — кивнула я сама себе.

— Отлично! Тогда мы идем к вам мыть слона. И сами можем ополоснуться! — услышала я в ответ несуразную глупость. А следом до моих ушей донесся веселый и воистину дебильный смех нескольких человек, которым нечего было делать в семь утра и которые веселились так, будто бы им удалось глупо разыграть не меня, а по меньшей мере президента Соединенных Штатов Америки. Среди ржущих я опознала и

Кея, вот его-то блеющий смех мне казался наиболее гнусным. К моему ужасу и негодованию, именно он сейчас и разговаривал со мной по телефону, а я его даже и не узнала. Вот ведь свинья! Умеет же голоса подделывать.

— Ты идеальная жертва, — весело бросил он уже нормальным голосом, а кто-то на заднем плане, предположительно Келла, заорал, что теперь надо и «королеву разыграть». Кей отвлекся от меня и сказал приятелю, что это скорее всего сделать не получится. Тогда еще кто-то из присутствующих тупиц заявил, что знает телефон «еще одной глупышки». На этих словах я повесила трубку, отключила в телефоне звук, а потом даже из розетки выдернула вилку — теперь уже наверняка не позвонят.

Еще одна глупышка... да, еще одна глупышка. Вот кто я в глазах их всех. Всех, кроме Арина, которого, надеюсь, не было в их развеселой дурной компании. Арин сказал мне игнорировать Кея, и я буду это делать. Сегодня я в последний раз увижусь с ним — на этом чертовом свидании, а потом буду пренебрегать обществом Кея Великолепного и замечать его не буду, как будто бы он таракан. Он и сволочь, и олух, и овечка, и еще много-много кто, и я прекрасно осознаю всю его скользкую и наглую натуру, но почему-то все равно опять думаю о нем, и в животе нет больше бабочек — там засело что-то тяжелое, давящее. Да, теперь во мне черная дыра, которая утянула крылатых красавиц в свои глубокие недра.

Надо часто-часто видаться с Антоном — ведь когда я с ним, я фактически не вспоминаю о солисте «На краю». А этот поганец Кей постоянно умудряется напоминать о своей персоне. Ему только лишь бы поиздеваться или, как правильно заметил Арин, ставить свои драные эксперименты над такими, как я. Кстати, надо будет Арину обязательно потом позвонить — пусть он всего лишь из вежливости дал мне свой номер, но мне очень бы хотелось пообщаться с этим черноволосым парнем. Именно о таком брате я мечтала в детстве, а не об увальне Эдгаре. Не зря сегодня в четыре часа утра Кей говорил о том, что ему хочется кого-то (то есть меня) защищать. Каждая девушка мечтает или желает о том, что она будет находиться под опекой сильного мужчины: отца, брата, любимого или, может быть, даже сына. Вот мой брат никогда меня не защищал — наоборот, это я в глубоком детстве защищала его от мальчишек постарше, а меня, в свою очередь, как это ни парадоксально звучит, от этих же пацанов охраняла Нинка, которая в детстве была не намного менее воинственной, чем сейчас. Когда она была маленькой и не умела еще так виртуозно притворяться ангелом, ее побаивались и девочки, и мальчики. Это только потом, в классе шестом или в седьмом, она вдруг полностью изменила свое

поведение — из сорванца превратилась в хорошо маскирующегося маленького демона с белокурыми локонами и в кружевных юбках. Эта девушка всегда была намного, намного сильнее меня: и физически, и морально. Поэтому я к ней и тянулась. Но наверное, и ей хочется, чтобы кто-то сильный оберегал ее, Нину. От того же Бабы-яги, к примеру. Интересно, а Келла может взвалить на свои плечи такую серьезную миссию? Плечи у него вроде крепкие — должен справиться. Хорошая выйдет парочка — Нинка и Келла. Они, наверное, друг друга стоят, хотя вроде бы синеволосяй не такой зловредный, как Кей, но кто его знает?

А Антон? Сможет ли он быть моим защитником? Вроде бы совершенно непрезентабельный молодой человек, на которого я не обращала раньше никакого внимания, зато он очень хороший. От него исходит какое-то едва заметное, но заразительное спокойствие, не уверенность, как от Кея, а именно спокойствие, чувство, что все будет хорошо. Арин схож с Антоном именно этим — он хладнокровен и сдержан, но вокруг него тоже присутствует некая аура того, что рядом с ним мне ничего не грозит. Наверное, именно так должна бы я себя чувствовать рядом с братом, но почему-то около него я понимаю, что на мне лежит едва ли не ответственность за него. Нет, это не значит, что я не люблю Эдгара, просто он совсем не похож на тот идеал старшего брата, о котором мечтают многие девочки и девушки, родившиеся в своих семьях в гордом одиночестве.

Я этим утром думала долго и много, и мои мысли переплетались, путались, кружили в моем сознании, как большие змейки. А я не могла больше заснуть, хотя и голова моя болела от того, что я не выспалась в этот праздничный майский день. Зато я видела, как сегодня поднималось из-за горизонта бодрое солнце вместе с замолчавшими на пару минут птицами.

Поздним утром, когда я под завязку залилась терпким кофе, мне позвонила Нинка и велела в два часа быть готовой к тому, что мы идем на крутое двойное свидание, где будет Кей. Она дала мне тысячу и одно наставление насчет того, как мне вести себя рядом с ее беловолосым кумиром. Я, видите ли, должна была, во-первых, показать себя с лучшей стороны как внешне, так и внутренне, чтобы Кей увидел, какая у нее, Ниночки, классная подруга — под стать ей самой. А во-вторых, при этом я не должна была понравиться солисту «На краю» ни в коем случае, потому что она, Нинка, откроет в самом ближайшем будущем самые настоящие военные действия, чтобы заполучить этого крутого парня в свои цепкие лапки.

— Я должна ему не понравиться, но понравиться? Так, что ли? —

кисло спросила я, боясь, как бы подруга не догадалась, что мы немного уже общались.

— Именно! — подтвердила Нинка.

— А это как?

— Задом об косяк, — очень некультурно сказала девушка. — Не смей с ним заигрывать!

— Я и не собиралась.

— Ну, это я тебе на всякий пожарный, милая, говорю. М-м-м, Катя, какой же он классный! — в голосе Журавля слышались нотки обожания. — Я едва себя удерживаю, чтобы не броситься к нему на шею.

— А ты не сдерживайся, бросайся, — посоветовала я, представив, как обалдеет Кей, если Нинка, которая, напоминая героиню известной детской считалки — липучку-приставучку, может так крепко повиснуть на парне, что даже четыре Келлы не смогут ее стащить с солиста «На краю».

— Какая ты умная. Не могу же я при Келле. Он тогда точно к Эльзе не поедет. Кстати, ты представляешь, Баба-яга опять объявился, — очень обеспокоенным голосом поведала мне Нинка и крайне эмоционально начала пересказывать события вчерашнего вечера. А я почти что полчаса слушала подругу, а также ее недвусмысленную брань.

— Сегодня с утра, долбон, уже достал, — пожаловалась Журавль на надоедливую поклонника. — Звонил и звонил, гад. Ой, Кать, мне его даже вспоминать противно. Эти мерзкие глаза, которые заживо съедают... Блевотина, не иначе! Зато я умочка — придумала, как от него отмазаться, чтобы он следить за мной не вздумал! — горделиво добавила она.

— И как?

— Согласилась с ним встретиться в дорогом ресторанчике на другом конце города. Он будет меня там ждать, а я в это время умотаю на отцовской тачке. Пусть, паучара, ждет меня там хоть до второго пришествия. — И она злобно захихикала. Я лишь вздохнула.

— А еще я ногти сделала, — похвасталась чуть позже Нинка, — такие классные — увидишь, упадешь. Только вот маникюрша — дура конкретная. Ты бы видела, как она дома одевается безвкусно — это просто нереальная жесть! И духи у нее — полный пипец! Подделка, да еще и безвкусная. Помнишь, у мисс Кривые Ноги такие же были?

— Помню. Нин, нам уже через два часа встретиться нужно, — напомнила я заговорившейся подруге.

— Где встретимся? Давай я за тобой заеду — папин шофер... Кот, тварь поганая. А ну брысь! — без какого-либо перехода заорала подруга, едва не оглушив меня. — Я тебе твои лапы вместе с когтями отрублю,

вонючка усатая! Кхм... как раз шофер свободен будет.

Я поспешно отказалась:

— Нин, скажи, где ты договорилась с Келлой встретиться, я сама туда приеду. Мне нужно... к Томасу в мастерскую заехать, — на ходу придумывала я, потому что боялась, что подруга помешает мне в моем небольшом плане мести, предназначенном Кею.

Поздравляю, Катя, ты скоро получишь медаль «За вранье» от самого господина Большие Враки.

— Мы договорились встретиться около зоопарка, — недовольным тоном произнесла подруга.

Я даже поперхнулась.

— Где-где? Около чего?

— Около зоопарка «Бестариум Генус». Надеюсь, ты понимаешь, про какой зоопарк я говорю и где он находится. И вообще тебе все-таки лучше поехать вместе со мной на машине, потому что на автобусе тебе будет ехать очень долго.

Про этот зоопарк я, естественно, как коренная жительница нашего большого города, была наслышана, и даже была там раза три — только в далеком детстве. «Животный мир», а именно так переводилось название зоопарка с латинского языка, был одним из символов города и являлся одним из крупнейших зоопарков России, каким-то чудом содержа почти две с половиной тысячи зверей, рыб, птиц и змей. Это давало повод нашей администрации очень гордиться сим фактом и постоянно упоминать о «Бестариуме» к месту и не к месту. Поэтому все официальные лица, начиная от мэра и заканчивая губернатором, постоянно выделяли, выделяют и, думаю, будут выделять деньги на покупку нового «экспоната», то бишь животного, в зоопарк.

— Э... нет, я сама, Ниночка, — вновь отказалась я. — Только почему зоопарк? Ты же ненавидишь это место?

Я прекрасно помнила, как Нинка всегда очень нелестно отзывалась о зоопарках, цирках и кукольных театрах, говоря, что это любимые места развлечений «самых искренних дебилов, которые постепенно переродятся в настоящих умственных Квазимодо». Причин ее нелюбви я не знаю. Сама Журавль, видимо, тоже. Зато до сих пор в моей памяти живут слова Нинки, произнесенные ею еще в далеком десятом классе, о том, что «только неудачники попрутся на свиданку в зоопарк». Теперь, получается, сама она — неудачница. То-то подруга до последнего молчала о том, где мы встретимся.

— Катя, — тяжело вздохнула девушка, — пожалуйста, хватит об этом

говорить. Собирайся лучше. А мне еще волосы завить и уложить надо. Так что пока.

— Пока.

— Не опаздывай, раз на автобусе хочешь прикатить, — сочла своим долгом предупредить меня подруга и добавила, — а то я тебя убью.

— Не опоздаю, — не хотелось мне покидать этот мир.

Договорив с подругой, я пошла выбирать себе наряд. Раз уродский Кей пищал что-то там про короткую юбочку и кофточку, надо обязательно его порадовать.

Злорадно улыбаясь, что вообще-то для меня нехарактерно, я пошла к древнему дубовому шкафу, притаившемуся в комнате брата (как символично — дуб в комнате дуба!). Именно там в нашем доме хранились некоторые старые вещи, которые вроде бы еще не были таким плохими, чтобы их выбрасывать, но не подходили для ежедневного гардероба. Там же, в нафталиново-дубовых недрах, пылилась длинная юбка дикой цыганской расцветки, оставшаяся после внеочередного приезда бабушки. Эту юбку я, чихая и натужно кашляя от смеси пыли и старой-престарой отравы для моли, вытащила наружу с такой радостью, словно только что получила в подарок эксклюзивное платье от знаменитых Дольче и Габбаны, сшитое специально для меня. Правда, пришлось юбку все-таки постричь и проветрить — иначе нафталином от меня разило бы за пару метров.

— Господин Кей, ваша служанка Катя оденется просто невероятно, — нараспев произнесла я. — Вы ее возжелаете на раз.

С этими словами я и пошла на поиски подходящего для юбочки верха. Мне нужна была одна из футболок сестрицы — длинная, белая, с большим серым медведем на груди, свободная и доходящая едва ли не до колен. Эту вещьцу Нелли использовала как самое настоящее платье и в теплую погоду разгуливала в ней по дому, пугая Лешу, который не переваривал безвкусицы. Бросив гигантскую футболку на стул, я еще порыскала по шкафам, собирая шмотки для того, чтобы предстать перед Кеем в воистину милым виде.

Поиски принесли ощутимый результат.

Через двадцать минут я торчала в комнате дяди перед самым большим зеркалом в доме и с удовольствием оглядывала себя. Ну, просто не девушка, а ворох безвкусицы — истинная спутница для господина Кея. Вышеупомянутая футболка болтается над бесформенной, но очень широкой черной юбкой, расшитой огромными красными маками и синими васильками (этот комплектище увеличивал фигуру размера на два или даже на три). Волосы я собрала в два косых хвоста, один выше другого,

позаимствовав у Нелли смешные розовые заколочки. У нее же взяла большие круглые темные очки в яркой красной оправе, закрывающие половину лица. Ноги я планировала обуть в кроссовки — для удобства и колорита. А в косметичку запихала яркую темно-фиолетовую помаду сестры, чтобы поразить Кея своей улыбкой.

Пусть, пусть сегодня я перенесу позор, появившись в таком виде на глазах у честной публики, зато и Кей будет чувствовать себя униженным — ему придется сопровождать такое пугало. Наверняка он долго не выдержит, и наше вынужденное двойное свидание закончится, не успев толком начаться.

Прости, подруга, но нам нужно избавиться от Кея.

Да, именно поэтому я и не еду с Нинкой. Потому что подруга, увидев, что я напялила на себя, заставит меня переодеться — с нее станется и около магазина остановиться и шмоток мне закупить, как раз таких, которые и хотел бы видеть на мне солист группы «На краю».

Я покружилась перед зеркалом, взмахнув подолом юбки, которую мне пришлось подпоясать широким ремнем от джинсов, удовлетворилась, что выгляжу «просто прелестно», подумав, воткнула в уши огромные тяжелые серьги-кольца и только потом пошла к входной двери, не забыв по пути написать записку родственникам, что убежала на прогулку.

Я чувствовала себя живым веником, пересмотревшим парад фриков на улицах Европы.

Выходить из подъезда в таком виде я боялась ровно минуту, потом я глубоко втянула воздух ртом, открыла подъездную дверь и поспешила вперед. Прохожие, конечно, на меня странновато косились, но ничего не говорили — мало ли кто как одет в наши суровые дни? Неформалы вот всякие еще хлеще одеваются. Келла с синими волосами бегают, Кей с серебряными, а Арин с неприлично длинными, и ничего — комфортно себя чувствуют. Зато, к моему большому изумлению, повстречавшаяся на моем пути Фроловна едва ли не приветливо мне кивнула и сказала, что я, видите ли, очень хорошо сегодня одета.

— Мы так на сенокос ходили, — зачем-то добавила она, вспоминая далекую деревенскую юность. — Тебе только платка не хватает.

Я поспешила отделаться от соседки и побежала к автобусной остановке, чтобы не опоздать к месту встречи — у меня времени как раз было ровно столько, за сколько можно было добраться до «Животного мира» на общественном автобусе.

На мое счастье, автобус, полупустой и большой, пришел быстро, и я забила на свободное сиденье в самом его конце, около пыльного окошка с

разводами чьих-то пальцев. Парень-кондуктор с ухмылкой «обилетил» меня, окинув заинтересованным взглядом. Наверное, ему давно не попадались столь безвкусные девицы с нервными движениями. Еще бы мне не нервничать — вдруг этот Кей действительно Нинке всякой ерунды наплетет о наших якобы отношениях? С него станется.

Не попав ни в одну пробку и удачно избежав столкновения с другим автобусом, который всю дорогу старался нас обогнать, я довольно быстро приехала на конечную остановку, около которой, собственно, и находился зоопарк. «Бестариум Генус» очень удобно располагался на склоне горы, обращённой к широкой реке с одной стороны, и к холмам — с другой. На территории его располагались не только клетки с животными и большие вольеры, но и тематизированный парк аттракционов, среди которых возвышалось огромное колесо обозрения, — я давно хотела попасть на него, а также несколько кафе, детские площадки, тир, замок ужасов и еще куча всего, что должно было привлечь внимание посетителей.

Около остановки я Нинку не увидела, поэтому поспешила подняться по ступенькам, чтобы попасть ко входу в зоопарк, думая, что подруга ждет меня там. Оказалось, я была права — она в гордом одиночестве стояла спиной ко мне, разговаривая с кем-то по телефону и нервно стуча высоким каблукком модных туфель по асфальту.

— Жди меня, — властно говорила она в трубку сотового телефона, — я попала в пробку и скоро буду.

И подруга засунула телефон в какую-то очередную новую дорогую сумку, висевшую у нее на плече. По случаю хорошей погоды, которая решила сегодня побаловать нас не только солнцем и голубым небом, но и довольно высокой температурой, заставляющей жителей города по-летнему раздеваться, Нинка влезла в короткую, но жутко модную юбку темного цвета, на которой красовались геометрические бело-аметистовые орнаменты — в тон светло-пурпурной кофточке с довольно большим вырезом. Костюмчик выгодно подчеркивал изящную фигуру подруги. Да уж, если нас с Нинкой рядом поставить, даже самому глупому станет ясно, кто из нас красавица, а кто чудовище. Сегодня я играю роль мегачудовища.

— Привет, — помахала я Нинке, но та только взглядом по мне скользнула, и только через пару секунд до нее дошло, что перед ней стоит Катя, то есть, я.

— Это... это что такое? — заворуженно поглядела на меня Журавль. Она обошла меня вокруг раза два, и только потом, брезгливо потрогав двумя пальцами Нелькину футболку за длинный, до локтя, рукав, произнесла слабым голосом:

— Ты с ума сошла?

Она еще раз обошла вокруг меня и теперь уже потрогала розовую резинку на волосах, скривившись, как от лимона.

— Тебя обокрали? Ты потеряла всю одежду? Катя, ты пьяная?

Я широко улыбнулась и, вспомнив про ядовитую помаду, полезла в сумку за ней. Едва увидев то, чем я хотела щедро намазать губы, Нинка словно бы в себя пришла. Она топнула ногой, выхватила помаду и выкинула ее на дорогу, едва не попав по голове малыша, радостно шагающего за руку с родителями по направлению к воротам зоопарка.

— Ты чокнулась! — заорала Нинка, напугав еще одного ребенка, который тоже спешил к животным вместе с мамой и ее подругами. — Ты как оделась?! Ты что, из цирка сбежала?!

Она еще раз оглядела меня и злобно выругалась.

— Девушка, — осуждающе сказала мама второго напуганного ребенка, — не выражайтесь столько вульгарно. Тут же дети.

— А пошла ты, — волком уставилась на нее белокурая девушка-ангел, чьи волосы сегодня превратились в кудряшки, блестящие на солнце.

— Сумасшедшая какая-то, — не стала связываться с Ниной женщина и быстро ушла, говоря какие-то нехорошие слова про мою подругу.

— Дыхни, — требовательно сказала Нинка, склонившись надо мной, как злая ведьма над ребеночком, которого собиралась сварить.

— Я не пьяная!

— Дыхни.

— Да серьезно! Просто... так получилось одеться, — стала оправдываться я, чуть отступая от разъяренной блондинки. Она хотела еще как-то обругать меня, но в это время на горизонте появились главные действующие лица этого дня: Келла и его противный дружок Кей. Увидев их, Нинка, естественно, тут же закрыла рот и поспешно натянула на себя ангельскую маску. Она твердо решила поразить сегодня своего кумира.

А эти двое, кстати, одеты были тоже странно: оба в темных очках и в головных уборах: барабанщик в кепке армейского покроя и цвета хаки, Кей — в черной бандане. Наверно, не хотят, чтобы их поклонники опознали. А то вдруг они их разорвут на части? Забавно получится. Хотя, думаю, в этом месте маловато будет поклонников тяжелой музыки — здесь все больше малышня с родителями.

— Привет, Журавлик! — радостно помахал синеволосый и попытался обнять свою королеву, но Нинка ловко увернулась из его рук, едва слышно прошипев, что она «посмотрит, кто из них журавлик, а кто пень с синим мхом». И быстро взяла себя в руки.

— Здравствуй, Келла, — улыбнулась сначала ему, а потом и Кею подруга, источая вселенскую радость от встречи.

— Какая ты красотка! Как у моей Королевы дела? Да, это Кей, а это моя Ниночка, — быстро представил он своего приятеля и девушку друг другу. — Ты, наверное, моя девочка, не помнишь его. Ты в тот раз была немного... пьяна. Да.

— Келла, я прекрасно знаю, кто такой Кей. Мне так приятно познакомиться с солистом самой крутой группы этой страны... — Ниночка мило смутилась. — Я даже стесняюсь...

Блондин тут же отвесил Нинке какой-то комплимент, на который она что-то ответила приятным голосом и игриво рассмеялась.

— А это что за цыганка? — почесал голову синеволосый, глядя на меня. Нинка обожгла меня лютым взглядом, но ничего не сказала, продолжая умело строить глазки Кею. Наверняка она была вне себя от счастья, но прекрасно сдерживала свои эмоции. Он тоже заинтересованно и даже слегка насмешливо (к нему ведь постоянно девки липнут) поглядывал на блондинку — пока не заметил мою скромную персону.

— А это я, — зачем-то в приветственном жесте помахала я парням. О да, бойтесь меня.

— Ты? — удивленно приподнял солнцезащитные очки драммер, а потом вдруг стал громко и заразительно смеяться, словно во второй раз позвонил ко мне домой в семь утра, чтобы предложить помыть слониху, а я опять купилась.

— Это Катя, — сквозь зубы проговорила подруга. — У нее случились форс-мажорные обстоятельства, поэтому... поэтому она сейчас уедет домой. Да, Катенька?

Я поглядела на Нинку и с радостью кивнула.

— Нет, зачем же? — задумчиво произнес Кей таким же милым голоском, что и Журавль, которую я хотела уже расцеловать за такое предложение. — Я хочу, чтобы Катя осталась.

— Я уеду, не буду вас смущать своим видом, — тут же запротестовала я, теребя юбку.

— Нет, ты не уедешь, — с нажимом произнес Кей, подходя ближе. Глядя на него, я тут же поняла, что мое сердце стало переполненным сосудом, из которого скоро хлынут в кровь два перемешавшихся чувства: что-то вроде отчаянной симпатии и такой же отчаянной неприязни.

— Но... — попробовала я все же отказаться от совместной прогулки, но Келла сквозь смех проговорил, что мне не стоит стесняться своего цыганского наряда, мол, все свои и все понимают. При этом он невзначай

покрутил пальцем у виска, а его дружок, плохо сдерживая наглый смех, показывал мне большой палец, мол, классно приделась.

В результате мы вчетвером направились в сторону ярко-оранжевых касс, чтобы купить билеты. Келла шел впереди, по-хозяйски ухватив Нинку за руку, а она почти совсем не обращала внимания на этот факт, потому что, повернув голову на девяносто градусов, о чем-то мило щебетала с Кеем. Я замыкала шествие, то и дело озираясь по сторонам.

Для того чтобы купить билеты, нам пришлось отстоять небольшую очередь. Подруга ни на секунду не замолкала, умело привлекая внимание солиста «На краю», которого, конечно же, как и Келлу, никто не узнавал. Только какой-то дедушка в панамке показал внуку на синие волосы барабанщика, выбивающиеся из-под кепки, и сказал ребенку:

— Будешь плохо себя вести, такие же волосы на голове полезут. И будешь в такой же шапке ходить.

Мальчик глянул на Келлу, самозабвенно пишущего кому-то сообщение, тыкая пальцем в сенсорный экран смартфона, и заплакал. Он не хотел себе такую же участь.

— Папа, — укоризненно воскликнула мама мальчика и дочь дедушки в панамке, — что ты опять Эдику наговорил!

— Я его жизни учил. А то будет он у тебя как вон тот малец с синим волосьем.

— Не приставай к людям, папа! — покраснела женщина, потому что Келла услышал слова деда и повернулся к родственникам с ухмылочкой. Его забавляла ситуация.

— А я и не пристаю. Ой, девушка, вы погадать можете? — обратился пожилой мужчина ко мне ни с того ни с сего.

— Это вы мне? — изумилась я.

— Ну да. Вы же, кажется, цыганка. Или нет? — поинтересовался дедушка.

— Папа! — опять одернула его дочь.

— А что? Цыганки всегда хорошо гадают, особенно такие миленькие, как эта, — к моему ужасу дедок подмигнул мне и добавил: — А вы наполовину цыганочка? А то кожа у вас больно светлая, да и волос не черный.

— Я не цыганка, даже наполовину, — ответила я, слыша, как Келла опять ржет, да и Кей тоже не скрывает смех. Одна только Нинка была солидарна со мной и молчала — но уже скорее от злости.

— Какая ты популярная, — тихо проговорил Кей так, чтобы моя подруга не слышала его слов. — Такие парни к тебе клеятся. М-м-м.

Я зло посмотрела на солиста «На краю», но промолчала.

— И панамка у него такая стильная, — шептал блондин, — я тоже хочу такую. Ты тогда обратишь на меня внимание?

И для чего я оделась таким пугалом, что аж самой стыдно едва ли не до слез? Все равно ведь вынуждена терпеть это ужасное общество. Хорошо вон Нинке, она-то рада Кею, так и норовит его случайно коснуться и улыбнуться. Интересно, а Келла-то замечает ее действия?

Келла не замечал — он как раз покупал билеты, очень поджентльменски приобретя их не только себе и другу, но и нам с Ниночкой.

— Щедрая душа, — сказала я Нинке.

— Обычная. Если я пошла куда-то с парнем, пусть он расплачивается за все. — Отвечала подруга с пренебрежением. — Иначе на фиг мне жмотнищенка? — К нам приблизились парни, и ее тон переменялся. — Ой, Кей, смотри — на тебя та девушка уставилась... Что будет, если она тебя узнает?

— Он ее тут зава... — под взглядом друга Келла замолчал и пожал плечами. А Кей, улыбаясь Ниночке, сказал, что его не узнают.

Когда мы прошли наконец в огромное светло-зеленое царство «Животного мира», обнесенное по периметру крепким и высоким забором (наверное, чтобы питомцы зоопарка не сбежали), Нинок ловко устроилась между обоими музыкантами и в какой-то миг решительно взяла обоих под руки. Я, ощущая себя кем-то вроде неместного лоха в цветастой юбке, плелась за ними, оглядывая просторы зоопарка, который расположился на нескольких квадратных километрах.

— Куда двинем? — посмотрел синеволосый на многочисленные нарядные аллеи.

У меня сразу возникло такое чувство, что у него еще никогда не было свидания в зоопарке. Интересно, это Кей придумал — прийти именно сюда? В таком случае он дурак и больше мне сказать нечего.

— Вперед, — кивнул на главную и самую широкую дорогу Кей.

Вот ты какой — всегда идешь только вперед?

— Вперед так вперед. У девочек есть пожелания? — оглядел нас синеволосый.

— Я пойду, куда скажете, мальчики, — игриво повела плечиком Нинка.

— Пошли ко мне домой, — тут же поймал ее на слове ударник.

— Келла, не смущай свою королеву, — вмешался Кей. — А ты, — посмотрел он на меня — куда-нибудь конкретно хочешь?

— Нет, — вздохнула я. Опа, и обо мне вспомнили!

И мы пошли прямо, смешавшись с веселой толпой людей, в которой то и дело мелькали воздушные шары и сахарная вата.

— Я тоже шарик хочу, — тут же сказала Нинка.

К моему удивлению, шарик ей купил именно Кей, а не Келла, который опять что-то воровато принялся строчить в своем смартфоне. От того, что САМ Его Высочество потащился исполнять ее прихоть, Нина зажмурилась, как кошка на солнце, и прошептала:

— Катька, вот приколы! Мой малыш рядом со мной! Блин, я Кеечку прямо сейчас хочу слопать! Всего, — поделилась она людоедскими планами.

— Фу.

— Ничего ты не понимаешь. Когда этот чувак рядом, у меня в мозге происходит взрыв.

— Атомный, что ли? Это тот, после которого тараканы плодятся начинают? — решила уточнить я. — И вообще я домой хочу.

— Катька, тебя один-единственный раз попросили сходить на свидание, и ты уже ноешь, как лялька. Ой, Кей, спасибо, такой шарик прелестный, — приняла подруга в руки нежно-розовый шарик с надписью «Ай лав ю».

— Я, может, тоже хочу, — буркнула я, сама себе напоминая бабушку-одуванчика.

— Хотеть не вредно, — умудрилась сдернуть с меня смешные резиночки Нинка. И она, переговариваясь с Кеем и Келлой, опять стала центром нашей маленькой компании. Изредка она поворачивалась ко мне и шипела:

— Вливайся!

— Я не газировка, — немедленно отвечала я ей с большим достоинством, тут же вспоминая известную рекламу.

— Я вижу, кулема несчастная.

— Дура.

Я вздыхала и, шаркая кроссовками по асфальту, двигалась за ними. Вспомнив про одно старинное поверье, что если точно идти по следам впереди идущего человека, то можно забрать его силы и энергию, я спешила наступать именно туда, где только что побывали «Конверсы» Кея. Сегодня он нацепил не одни из своих многочисленных крутых ботинок, а черно-белые кеды «Конверс» со сложной аппликацией сбоку. Только недолго у меня получалось ступать по его следам — он шел слишком широким шагом. Пару раз я запнулась, пытаясь носком дотянуться до его следа, еще пару раз едва ли не прыгала в длину, чтобы попасть туда, где только что находился киевский лапот. А потом, когда я едва не наступила ему на ногу и врезалась в спину, парень обернулся и очень внимательно на

меня посмотрел, будто бы почуял, что я хочу у него жизненную силу отобрать.

— Что? — отошла я вправо.

— Иди впереди, — велел он.

— Не хочу.

— Я боюсь тебя, когда ты сзади.

— Да уж не бойся.

— Катя! — тут же встала на его защиту подруга, — что ты там делаешь? Хватит дурачиться, на тебя и так все внимание обращают. Как же стыдно, как стыдно...

— Жалко, что стыдно только тебе, — прошептала я едва слышно.

Мы успели посмотреть медведей: белых и черных, волков, верблюдов и целое стадо всяких разных рогатых (причем эти трое довольно равнодушным взглядом скользили по животным и не давали мне долгое время находиться около вольеров, весело разговаривая о чем-то своем). А потом Нинка увидела табличку «Слоновник — направо и прямо». И тут же заржала.

— Сло-слоновник, — сквозь смех говорила она.

Келле тоже стало дико ржачно. Не знаю уж, чем их так это слово рассмешило, — наверное, у этих двух одинаковое чувство юмора, непонятное мне и Кею.

— Слоновник! — восторженно повторяли они, хохоча, как малолетние идиоты.

Кей с удивлением покосился на веселящегося Келлу. А я с таким же интересом смотрела на Нинку.

Только спустя минуту она замолчала и элегантно прикрыла рот ладонью, вспомнив, что сейчас находится рядом со своим Кеем, который нравился ей все больше и больше.

Подруга и ее синеволосый решили направиться в гости к слонам. Только я этого не слышала и не видела — шагала позади них и размышляла о своем, оглядывая зеленые кусты.

В середине лета здесь должны были цвести самые разнообразные цветы, в том числе и красивые большие декоративные розы, а пока что вокруг нас росло много молодой рассады, среди которой возвышались небольшие, но крайне изящные скульптуры. Эх, жаль, у меня не было телефона, чтобы здесь сфотографироваться. Красиво ведь — с одной стороны видно реку, с другой — парк аттракционов и возвышающееся над ним колесо обозрения, а с другой — ухоженные дорожки, ведущие к вольерам. А вон, кстати, и первый из них — в нем живет невероятное

количество попугайчиков, орущих и чирикающих так громко, что даже голоса друг друга слышно плохо.

Пока я высматривала разноцветных птичек, а потом остановилась около огромного и высокого вольера-скалы для хищных птиц, разглядывая пернатых, чей размах крыльев превышал метр, эта чудесная троица пропала! Ушла в слоновник, который так насмешил Нинку. Я выбежала на аллею и стала в панике озираться — потеряться мне совсем не хотелось. После того как добряк Томас оставил меня одну на городской елке, мне всегда становилось не по себе, если я теряла кого-либо. Даже уже в таком взрослом возрасте. В тот раз, между прочим, меня выручил милиционер, увидевший хнычущую девочку пяти лет в пушистой шубке. А сейчас никто не поможет — ведь я свой мобильник сломала. Вот блин, придется мне теперь, немного здесь побродив, ехать домой. Стоп. А не домой ли я хотела смотаться? Неужели уже сейчас не хочу?

Наверняка ты желаешь побыть немного с этим разгильдяем.

С каким?

С Кеем, с каким еще?

Да ну, конечно.

Несмотря на то что он Гадов Гад Гадович, тебе же нравится, когда он рядом. Ну, ты и мазохистка, милочка! Иди, лучше на степного кота посмотри, как раз впереди клетки с ним и еще с каким-то усатым... Забей на блондинчика.

В результате я, все еще надеясь на то, что меня найдут, пошла к вольерам с тиграми и львами. Около них толпилось достаточно людей, желающих поглазеть на хищников. Немного потолкавшись, мне удалось приблизиться к поручням, за которые нельзя было заходить. Диких кошек я любила. Спокойные, степенные и опасные существа. А вон тот лохматый лев, с пышной гривой, точно похож на Кея — глазки у него янтарные, немигающие. Такой же самодовольный парень, и вокруг него одни львицы.

В течение следующих тридцати минут я успела насладиться видами десятков животных, которые не казались замученными или голодными, — все-таки «Животный мир» был на удивление хорошим зоопарком. И почему я раньше не приходила сюда? Тут очень красиво и интересно, даже не слишком приятные запахи около некоторых вольеров не мешают наслаждаться видами и солнцем, разогнавшим все облака в радиусе пары километров. Жаль, что я совсем одна, правда. Здесь повсюду парочки — все-таки не только детишки с мамами и папами ходят в это место. Я даже сняла жуткую юбку, запихав ее в сумку, оставшись в длинной футболке, которая смотрелась, как белое свободное платье.

Побродив еще немного, но так и не встретив Кея, Келлы и Нинки, я присела на одну из многочисленных скамеек, аккуратно разглаживая складки на длинной белой футболке. Что-то сегодня очень и очень жарко — можно подумать, что середине лета уже...

Хм, интересно, а Нинке удастся соблазнить, так сказать, Кея? Она ему наверняка понравилась. С ней он не ведет себя по-хамски, а очень даже галантен — в меру своих скромных сил. Шарик подарил. Не обзывал. Улыбался. Compliments отвечивал.

Интересно, а что со мной будет, если Нинка вдруг действительно станет встречаться с Кеем? Я, конечно, буду счастлива за нее, но... но... все равно я определенно что-то чувствую к этому мерзавцу, потому что мне неприятно видеть, как он общается с девушками. Даже не с Нинкой — пока мы шли, ему успели построить глазки девчонки, стоящие около вольеров с мишками. А как же тогда Антон? Ведь и к нему я тоже что-то чувствую!

Вот ужас. Неужели я к обоим этим парням, почти одновременно появившимся в моей плавной жизни, испытываю какие-то глубокие чувства. Нет, Антон, определенно, лучше и заботливее, не в пример Кею. А Кей... он особенный. От него иногда бывает невозможно оторвать глаза.

Я закрыла лицо руками — небесное светило направляло свои острые лучи мне прямо в глаза. Ну, зачем же я согласилась поехать? Сидела бы лучше дома. Готовилась к урокам. У меня ведь и так есть кое-какие проблемы с учебой, а тут все мои мысли о парнях — это на меня непохоже. И не выспалась толком — все из-за проклятого Кея, чтобы ему лопнуть. И пить хочется, и себя почему-то невероятно жалко. Почему я не такая, как Нинка? Она махнула своим лисьим хвостиком — и все мальчишки около ее изящных задних лапок, а она только довольно хихикает в кулачок, пряча за спиной тесак.

И оделась я, как пугало огородное, — достойная замена одному из героев «Изумрудного города», которого героиня нашла на поле. Жаль, что волшебников не существует — так бы тоже попросила себе лишних мозгов. Эх...

Да прекрати ты жаловаться, дура!

Пока я сидела, закрыв лицо руками, чья-то ладонь опустилась мне на плечо и одновременно с этим моей щеки коснулось что-то ледяное. Я отняла руки от глаз и вздрогнула от неожиданности — передо мной высилась фигура самого Кея Великого, который держал в каждой руке по холодной банке с газированной водой.

— Ты? — вырвалось у меня удивленно-радостное восклицание. Меня нашли!

— А кого ты хотела увидеть, Келлу? — раздраженно спросил он, сел рядом и ловко открыл одну из банок. Я тут же заинтересовалась другой, думая, что Кей притащил ее мне.

— Да нет...

— Я похож на собаку? — задал дурацкий вопрос молодой человек в бандане.

— На собаку? Нет, — растерялась я, не отрывая взгляда от газировки. Если только на оленя.

На козла, ага. Со ста рогами.

— Тогда почему я тебя должен был полчаса искать по всему парку? — Раздражение в его голосе явственно усилилось, и в глазах прыгал из стороны в сторону февральский лед. — Зачем убежала? Вообразила меня псом?

— Я не убежала, я потерялась, — увидела я, что Кей открывает для себя и вторую банку. Стало обидно. Может быть, он не понял, что я хочу пить? Эй, алло, дебил!

— А можно мне? — попросила я наивным подобострастным тоном, копируя Нинку.

— Иди и купи, — тут же расставил Кей все точки над i, хотя сначала, кажется, хотел протянуть одну из банок мне.

— Не волнуйся, куплю. А где Нинка и Келла? — не глядя на дебила, который возомнил себя новым богом, спросила я равнодушным тоном, злясь.

— Мы решили разделиться на пары, — ответил парень, как настоящий кретин, попивая поочередно из обеих банок и сердито глядя на мои ноги, уже не закрытые цветастой юбкой. Чурбан бесчувственный!

— Понятно.

— Твоей подружке я очень нравлюсь, да? — проникновенно спросил Кей, потягиваясь. На животе вновь мелькнул кусочек татуировки.

— С чего ты взял? — удивилась я.

— Я всегда знаю, когда нравлюсь женщинам, — сколько же самодовольства было в этих словах. Здравствуй, реинкарнация героя-любовника Дона Жуана.

— Нинка не женщина! — косо взглянула на парня я, вложив в эти слова определенный смысл.

— А кто? Транссексуал? — притворно удивленным голосом спросил он. — Шок.

— Она девушка, — гордо ответила я.

До того возрастного промежутка, когда нас с ней смогут называть

женщинами, еще далеко!

— Какие подробности, — с явным контекстом произнес парень, склоняя голову к плечу. — А ты тоже девушка? Или женщина? Катенька, расскажешь мне о своих мальчиках?

— Обязательно, Кеечка, — встала я с лавочки. Все, мое терпение лопается и приказывает мне ехать домой.

— Ну и куда ты? — лениво окликнул меня он.

— Извини, я ухожу, — чересчур вежливо ответила я, обиженная на него, как ворона на лисицу из басни, за то, что он не поделился холодным напитком. Да, что за идиотское обращение с девушкой? Я что, действительно его персональная игрушка?

— Так дело не пойдет, — поднялся со скамьи Кей, — мы же разделились по парам. Мне одному будет скучно. А другу я мешать не хочу. Видишь ли, — хмыкнул он, — Келла любит твою Нину.

— А что ты тогда с ней заигрываешь? — уперлась я гневным взглядом в его грудь. — И вообще — мой голос глупо задрожал, а дыхание слегка участилось, — что от меня-то тебе надо, даун? Ты зачем ночью мне звонил? И утром? Я из-за тебя заснуть не могла потом, голова до сих пор болит! Думаешь, это смешно? О да, это мегазабавная глупость. Считаешь меня еще одной идиоткой, да?

— Кто тебе такое сказал? — с этими словами он почему-то подмигнул рядом проходящей взрослой девушке с длиннющими ногами.

Она помахала ему, не обращая на меня внимания, подошла и всучила ему свою визитку со словами:

— Позвони, красавчик, — мило улыбнулась ему и удалилась.

— Ну, так кто тебе что сказал? — опять поинтересовался блондин, изучая эту визитку.

Ничего себе! Действительно, знатный ловелас. А эта мадам тоже бесстыжая — как можно подойти так вот к парню, который уже стоит с другой девушкой? Может быть, у них отношения, раз они стоят вместе. Или я не похожа на ту, с которой Кея могут связывать романтические отношения?

Как же это бесит!

— Милая девочка, не находишь? Мне позвонить ей, детка? — продолжал вертеть в руках визитку Кей.

Чего он от меня ждет?

— Как думаешь, она лучше тебя?

Эта выходка парня стала последней каплей, которая оказалась кислотной — растворила железный замок, под которым я держала свои

эмоции. Почувствовав, что преграды больше нет, эмоции, как дикие звери, бросились наружу.

— Кто что сказал? Друзья твои сказали! — прорвало, наконец, меня, — твои идиотские друзья! Хотя нет, Арин-то вполне нормальный! Но те, кого я слышала по телефону, когда ты звонил, ясно сказали, что я — еще одна идиотка! И вообще отстань от меня! Хватит меня доставать! Не звони мне! Я не кукла! Не встречайся со мной! Я живой человек! И хватит, хватит, хватит ставить надо мной эксперименты. А ведь и правда тебя нужно избегать, это верно было сказано.

Кей дернулся. Ага, что, правда глаза колет?

— Кто? — зло спросил он. — Кто это сказал? Имя?

— Никто.

— Ты не умеешь врать. Говори кто.

— Келла.

— Правду, малышка.

— Келла! — отчаянно закричала я, понимая, что выдаю длинноволосого с потрохами. — Иди лучше к своей Алине, не мешайся мне и Нинке тоже!

— А, постарался мой друг Арин, — произнес блондин с противной улыбкой. — Он все что угодно может сказать. Хотя, — он задумался, — на его месте я бы тоже так поступал. В сложной ситуации наш Арин.

И он засмеялся. Засмеялся! Как будто я тут ему не претензии высказывала, а фокусы-покусы показывала и рожи корчила!

— Глупая Катя, зря ты слушаешь Арина.

— Отстань.

— Ты и правда дура, — резко сказал Кей.

Я вновь опустилась на скамейку и внезапно для себя самой тихо заплакала, прикрывая лицо ладонями, чтобы никто не видел. Я не могла сдержаться, хотя сама себя проклинала за то, что показываю свою слабость при нем. Слезы были мелкие, но их было много-много, и мне казалось, что они умудрились залить мне все лицо и даже шею.

Кей замолчал на полуслове. Первую минуту он вообще ничего не произносил, и я даже думала, что музыкант удачно свалил подальше от меня. Но нет, он все же стоял рядом. Молчал, хмуро глядел на меня сверху вниз. А через какое-то время занервничал. Чем сильнее плакала я, тем сильнее нервничал он.

— Эй? Может, хватит? — осторожно, полупшепотом спросил блондин, наконец.

Я не была с ним согласна.

— Перестань, — склонился надо мной озадаченный Кей, — эй, перестань. Ну что ты? Хватит рыдать. Что у тебя с нервами?

Я тут же заплакала сильнее, так же бесшумно, но плечи задрожали у меня куда заметнее. Увидев это, парень попытался коснуться моего предплечья, чтобы успокоить, но я дернулась, отстраняясь от его руки, и он медленно убрал ладонь назад. Лицо у него было серьезное, безэмоциональное, как будто каменное. Это я увидела сквозь слезы, когда чуть раздвинула пальцы, закрывающие лицо. А еще увидела, как Кей словно в какой-то бессильной ярости сорвал с головы бандану и кинул куда-то на землю, а потом взлохматил свои белые волосы, рассыпавшиеся красивой волной. Он замер и закрыл глаза с таким видом, что его все достало, особенно моя хнычущая персона. Господи, это он так на меня сердится? Надо быстрее сматываться отсюда — ударит еще. Может быть, Кей неуправляемый — вон каким нервным стал парень! Да и жалость к себе проходит, плакать хочется меньше... хотя так обидно — правда, до слез.

Но Кей не злился на меня — напротив, он резко сел рядом и обнял, как всегда, за плечи, чуть притянув к себе и касаясь щекой моих волос. В холодную мутную воду слез кто-то щедрой рукой налил живительной горячей воды. Голова слегка закружилась.

Я вздрогнула и попыталась отстраниться, но он не дал мне сделать этого. Еще крепче прижал к себе, как Гобсек мешок с золотом: бережно, но вместе с тем сильно, чтобы никто не отнял. Я вздохнула, и, кажется, горячее дыхание коснулось его шеи. Парень вздрогнул и в ответ провел ладонью над моими волосами, словно приглаживая их.

— Катя, ты... — и он замолчал, не решаясь коснуться моих волос. Голос его при этом был тихим-тихим и вкрадчивым, как у врача из психбольнички. — Смотри, на небе красивые облака. Посмотри на небо?

Это еще что такое? Чего это он? Что я ему сделала? И... и почему мне так тепло рядом с ним? Только через пару мгновений, когда я позволила себе насладиться его объятиями, до меня дошло, что Кей меня так успокаивает. Тут же захотелось тоже поиграть в скаредного Гобсека-жадину: прильнуть к нему, обнять и не отпускать, как свою кровную собственность, но я сдерживала себя.

— Эй, ну не плачь, — говорил он совсем другим, не таким, как всегда, голосом. И он — его новый голос, умиротворяющий и приятный, мне очень нравился. — Детка... хорошо... Катя, не реви. Тут люди. Они на тебя очень плохо смотрят, поверь. Успокойся. Что с тобой? Что я сделал? Черт, я признаю, что не нужно было звонить тебе ночью, — хорошо, я виноват в

этом, да. Но я думал, тебе тоже будет весело. Катя...

Что, Катя?

Не было мне весело, тупица.

— Мне кажется, она сильно грустная, — задумчиво произнес Кей.

Семеро парней, среди которых Катрина могла бы узнать Кея, Келлу и Рэна, находились в большой полутемной комнате, в которой приглушенно играл тяжелый рок. Они сидели, кто на диване, кто на креслах, кто прямо на полу, перед большим кальяном и почему-то замолчали, услышав, что голос подал их лидер, до этого не произнесший ни слова и глотавший виски с колотым льдом. Виски-колу Кей ненавидел.

— Кто — она? — спросил его Лис, молодой человек с дредами. — Кто грустная?

— Она, — не стал называть имени Кей. Он не моргая глядел в потолок, сидя на полу и прислонившись к стене. — Просто она.

— Его малышка по имени Катя, — подал чрезмерно веселый голос Келла.

— Твоя девушка? — спросил кто-то из парней, открывая новую бутылку алкоголя.

— Почти. У нее грустный взгляд. — Кей, все так же не мигая глядел вперед, на кальян, между указательным и средним пальцами его опущенной на пол руки была зажата сигарета. И он изредка затягивался ею, выдыхая сладковатый терпкий дым. Если бы рядом оказался Арин, он точно понял, что его друга и одноклассника что-то сильно тревожит.

— Это у тебя взгляд стеклянный, мужик!

— Кей, ну ты философ! Аха-ха-ха...

— Пофиг на взгляд, главное, чтобы фигурка была ничего, — заржал кто-то еще.

— Заткнитесь, — слабым голосом велел им Кей. — Я хочу ее развеселить.

— Как ты ее ночью развеселишь? В гости поедешь? — вновь захохотали парни. — Косячок предложишь?

— Нет, я позвоню своей девочке, — вдруг со странной улыбкой встал лидер «На краю». Его слегка шатало. — Я ей сейчас позвоню.

— Она уже твоя? — расхохотался Келла. — Ого! Ставки растут!

— Да, точно, моя, — вновь закурил вокалист их общей группы. — Нет. Не моя. Не знаю чья. Может, его...

— У великого тебя есть конкурент? — опять заржали ребята. — Да ну на фиг!

— Может, и есть... — Кей потер лицо руками.

Рэн многозначительно взглянул на друга. Келла и Лис ухмыльнулись. Остальные ничего не знали.

— Ты же ей звонил уже, — вспомнилось Рэну.

— Ну да.

— И что ты ей скажешь? Привет, леди, тебе скучно? Грустно? Невесело? Мальчонка Кей тебя развеселит. А? — продолжал подзадоривать его барабанщик.

— Я найду, что ей сказать, — отозвался Кей.

— Можно поприкалываться по телефону, — вдруг вспомнилось кому-то из парней, не самому трезвомыслящему и умному, как в детстве и в раннем подростковом возрасте он сам с друзьями накалывал по телефону дураков. И этот молодой человек, смеясь, начал рассказывать внимательно уставившемуся на него Кею разнообразные способы розыгрышей. Блондин, криво улыбаясь, согласно кивал. Келла хлопнул себя по лбу — по его мнению, чувак совсем рехнулся.

— А вы думаете, ей понравится? — спросил Лис с большим сомнением.

Кей задумчиво кивнул.

— Ну, это же буду я, — уверенно заявил он. — Значит, понравится. Эй, дайте телефон...

Рэн самолично вложил мобильник в его протянутую ладонь.

Светловолосому фронтмену «На краю» показалось, что Кате было весело. И не только ей: прочие парни, проникнувшись вдруг идеей телефонных приколов, стали названивать своим подружкам, нещадно эксплуатируя Кея, умеющего предстать предельно разговоривать по телефону с народом.

Да, тогда они отлично повеселились.

Но откуда он мог знать, что девочка начнет реветь из-за этого?

— Катя, прекрати. Хватит. Хватит!

Я мстительно всхлипнула. Думал, мне будет весело? Не было. Так что, отвечай за свои поступки, как настоящий мужчина. Ха-ха. И вообще мне обидно за Алину, газировку и за то, что я — дура, еще одна из нескольких тысяч.

А ты мне про телефонные звонки.

Совсем малоинтеллектуальный, что ли?

— Ну, хватит же, Катя, — попытался отнять мои ладони от лица солист знаменитой группы, у него это получилось с трудом, и его горячее

почему-то дыхание ту же постаралось высушить слезы на моих щеках. — Ты ведь большая девочка, перестань. Я ждал этой встречи, а ты специально оделась так, чтобы меня позлить, — так что не реви. Я тоже могу возмущаться.

Пока он говорил, я вдруг с ужасом поняла, что теперь голос Кей напоминает мне голос Антона! Кошмар! Они у меня, кажется, в сознании скоро переплетутся в одного человека. Плохо быть ненормальной, да.

Я от неожиданности даже плакать перестала. А Кей вновь обнял меня и все говорил, спокойно и тихо, проводя щекой по моим волосам:

— Тише, девочка, тише, все будет хорошо. Успокойся. Кать, маленькая, пошли на колесо обозрения? А? Только перестань плакать. На тебя, серьезно, люди смотрят. Они думают, что это я тебя обидел. Я же не виноват, что у тебя нервы слабые.

Какой непривычный жанр — оправдание. И чего это он решил остаться со мной, а не уйти? Какой же он странный.

— Мисс, прекрати, иначе я, — его шепот защекотал ухо, — я буду к тебе приставать при всех.

Я глубоко вздохнула и отняла руки от лица, тыльной стороной ладоней вытирая мокрые еще глаза. Надо же — мисс Сдержанность плачет из-за одного и того же парня второй день подряд! Кей все-таки может гордиться.

— Молодец, — увидел, что я успокоилась, Кей и решил мне помочь вытереть слезы, однако я отвела его руку назад. Без него справлюсь. Ему это не понравилось. — Ну, ты и плакса.

Я истеричка, бери выше.

— Глупая, что ты разревелась? Объяснишь мне? Э-э-э, нет, — испугался он, увидев, что я опять шмыгаю носом, — не надо опять это делать!

— Я и не плачу, — через нос сказала я в ответ и добавила: — Я пить хочу. А ты мне не дал, когда я попросила.

— Сейчас все будет, малышка, — отвесил он шутовской поклон головой и исчез.

Его не было минут пять, и за это время я, сама от себя потрясенная, успела привести себя в более или менее приличный вид, только красные и припухшие глаза меня все равно выдавали.

— Вот, — протянул мне не самый дешевый здесь коктейль в высоком белом стакане Кей.

Я уж думала, он скажет какую-нибудь гадость вроде «упейся», но он только протянул мне трубочку. Надо же, не поленился купить коктейль, а не простую газировку. Жаль только, что эта штука молочная — от нее еще

больше пить захочется потом. Но я с удовольствием выдула вкусный холодный напиток со вкусом клубники.

Кей — тоже, как коктейль из молока, клубники, сахара и мороженого. Выпьешь его — и жажда утолена необычайно вкусным и бодрящим напитком. Только вот после него вновь замучает жажда, и во рту пересохнет, и ты будешь мучиться...

Пока я медленно пила, парень внимательно рассматривал меня. Рассматривал со вкусом, вдумчиво. Может, ему денег жалко? Я молча вытащила купюры из сумки, которую все это время прижимала к коленям, и протянула ему.

— Это что? — подозрительно оглядел меня и деньги солист «На краю». Он успел поднять свою бандану и вновь ее натянуть — до сих пор боялся, что его узнают назойливые поклонницы.

— Деньги.

— Зачем?

— За коктейль.

— Ты дура? — рассерженно произнес он. — Убери, иначе я уйду.

Это почему-то испугало меня.

Какой он гордый!

Пингвин, наверное...

— Хорошо, — ответила я, засовывая банкноты обратно в карман сумки.

Кей так нехорошо смотрел на меня, что мне больше не хотелось предлагать ему вообще ничего.

— Запомни. Никогда не предлагай мне деньги. Меня это бесит. Плачу всегда я.

Я кивнула в ответ.

— Запомнила? Отлично. Так ты мне скажешь, почему разревелась?

— Просто так, — вздохнула я.

— Если просто так, тогда извиняйся, — потребовал он вдруг. — Ты мои нервы нарочно трепала.

— Что? Я?

— Я сам перед собой не привык извиняться.

— Это ты извиняйся. Ты меня достал, вот и плакала, — тут же объяснилась я. Странно дело, порывав, я теперь опять чувствовала себя очень даже хорошо, а внимание этого раба собственного ЧСД мне очень льстило.

— Достал?

— Да. Ты меня целенаправленно унижаешь, — я посмотрела на него

очень хмуро.

— Я тебя?.. Детка, ты странная.

— Я странная? Я? Это ты дурак.

— И совсем невоспитанная. Кстати, это тебе, плакса, — протянул он мне что-то черное, прямоугольное и блестящее.

Мне? Бомбу, что ли, он миниатюрную смастерил, пока я не видела?

— Не плачь больше.

— Это что? — тут же почувствовала я, как маленькие коготки любопытства раздирают меня изнутри.

— Возьми, а не смотри, — с деланным равнодушием ответил музыкант.

Оказалось, в его руке был новенький тонкий кнопочный мобильный телефон с большим экраном производства известной канадской телекоммуникационной компании. Он был слегка нагрет ладонью парня, о прикосновении к которой мечтали многие девушки, и мне было приятно ощущать кончиками пальцев это тепло на корпусе мобильного.

— Это что? — потрясенно спросила я.

— Это телефон, детка, — едва и не по слогам произнес парень. — Пользуйся. Иначе я не смогу до тебя дозвониться. И меня снова это будет раздражать.

— Но я не могу его взять! — в панике воскликнула я, вертя в руках чудесный телефончик.

— Как-нибудь уж перебори себя, — был доволен Кей, что смог произвести на меня впечатление.

Телефон, конечно, — это очень крутой подарок, но с чего почти незнакомому парню мне дарить такие вещи? Я понимаю, что он богат, но тратить деньги на постороннюю девушку... Что же ему от меня надо?

— Кей, извини, я не могу принять такой подарок.

— И почему? Предрассудки мешают? — тут же догадался он.

— Ну да. Если парень девушке дарит дорогую вещь, значит, ему что-то от нее надо, — отозвалась я, не в силах отвести заигнотизированного взгляда от сотового.

— Эй, ну ты совсем, — даже с какой-то жалостью поглядел на меня молодой человек. — Это просто подарок.

— Может, ты за него что-то получить хочешь, — отвечала я задумчиво. Солнце пекло все сильнее и сильнее.

— Ничего не хочу, поверь. А того, что хочу, ты мне, вероятно, не дашь.

— А как же все эти услуги... — произнесла я тихо. — Ну за подарок.

— Я не жду от тебя таких услуг, девочка, — высокомерно сказал он и

засмеялся, одновременно вкладывая телефон в мою сумку.

— Но как я объясню его появление родителям и Нинке?

— Как хочешь. Какая мне разница? — пожал он плечами и вытянул руки вперед, сцепив пальцы в замок. С удовольствием потянул руки.

Хоть его и нельзя было назвать парнем очень накачанным и мощным, мускулы у него все же были, — при движении они заиграли под кожей. Да и одет он был в темно-синюю облегающую майку, которая выгодно подчеркивала его фигуру, поэтому я даже на пару секунд засмотрелась на парня и только потом не без труда отвела взгляд. Солист «На краю» понял, что мне нравится смотреть на него. Он даже бровь поднял. И заискрился насмешливым скепсисом.

— Может быть, мне раздеться? — спросил он преувеличенно вежливо, — изучишь.

— Я на тебя не смотрю.

— Да? — он весело поглядел на меня и картинно дотронулся до ремня. — А если я...

Я в негодовании отвернулась.

— Кей, прекрати заниматься глупостями.

Да хоть ты будешь голой мартышкой по деревьям тут скакать со своей родней из обезьяньей клетки, я на тебя не посмотрю.

Да-а-а?

Да.

Он рассмеялся, сказал, что я временами могу быть милой, и уже через пару минут мы направлялись к аттракционам — мне все-таки очень сильно хотелось прокатиться на колесе обозрения, заманчиво возвышающемся над всем зоопарком.

— Как ребенок, — только и сказал Кей, увидев мои горящие глаза.

— Ты же сам предложил, — растерялась я.

— Не помню такого, — ответил он и пошел покупать билеты.

Пока музыкант это делал, к нему привязались две девушки лет двадцати семи, желающие познакомиться с «интересным молодым человеком, у которого „такая крутая серьга в ухе“». Кей аналогичного желания не выказал, без особенного восторга посмотрел на них и молча ушел от них ко мне.

— Ну, у него и вкусы, — громко фыркнула девушка с большим вырезом на кофточке, увидев меня.

Ее подруга засмеялась, парни, стоящие рядом, тоже заулыбались. Я нахмурилась. Вот идиотки! Привязались же. Ну да, я спецом так стремно оделась. А вот Кей несколько не смутился, обернулся и с обаятельной

улыбкой произнес:

— Зато она молоденькая. И грудь у нее своя. Очень красивая, кстати.

Парни грохнули. Девушки решили промолчать. А я от злости сжала кулаки. Он что, совсем с головой не дружит? При чем здесь моя... мое тело, в общем?

— Что стоишь, пошли, — поторопил меня светловолосый парень, — ты же на это колесо хотела, не я.

— Зачем ты это сказал?

— Я сказал правду, леди. Подберите свои шикарные юбки и следуйте за мной. А, да, вы же чуточку разделись.

И мы пошли к аттракциону, чувствуя, как наши спины прожигают взгляды обиженных девушек. Интересно, а как он догадался, что у нее грудь ненастоящая? Наметанный глаз?

— Залезай, давай, — первым оказался в закрытой кабине на двоих Кей.

Мог бы и руку подать. Но ничего, и без этого хорошо. Откуда у балбеса могут быть манеры джентльмена?

— А почему тут нет ремней безопасности? — удивилась я.

— Потому что кабинка крытая, — отвечал Кей, с удобством закидывая одну ногу на другую.

Я же сидела напротив и с восторгом ждала, когда машина начнет работать. Ждать долго не пришлось. Медленно, но верно колесо начало движение. Я обрадовалась этому, как маленькая девочка, и уставилась в окно.

Сейчас я увижу всю эту красоту с высоты! Как же я давно об этом мечтала. Раз уж я вроде бы как приняла подарок от блондина, то вытащу телефон, чтобы сфотографировать классный вид над рекой и холмами. И небо для кадра отличное — голубое-голубое. Фото будет ярким.

Я осеклась и внимательно поглядела на своего спутника. А вчера ведь я тоже я оказывалась с ним под таким же лазурным небом. Это что, знак, что ли? Почему мы опять встретились?

— Эй, — окликнул меня в своей обычной манере парень, — я кое-что хочу сделать.

— Что? — с восторгом наблюдала я, как мы поднимаемся вверх, над людьми, слегка покачиваясь в небольшой кабине.

— Ты мне помочь должна, — тоном, не терпящим возражения, ответил Кей. — Я один не справлюсь.

— Я помогу, — не отрывала я взгляда от реки, в которой отражались вершушки холмов и небо.

Рассекая водную гладь, по ней плыл величественный теплоход, а на западе, вон там, вдалеке, летела белоснежная «ракета», на борту которой явно было много человек. Они, кажется, махали руками проплывающей мимо яхте.

— Точно? — задумчиво спросил парень.

— Да точно-точно, — заметила я внизу далекий вольер с горными птицами, около которого я особенно долго торчала. Сейчас я поднимусь на высоту птичьего полета! Буду мимолетом на вершине мира и, как бы сказала Журавль, плюну оттуда на землю.

— Обещаешь?

— Да. Тем более ты мне телефон подарил, — рассеянно отозвалась я.

— Повернись тогда, — потребовал он, и мне пришлось подчиниться.

— Ну что тебе? Классно, да? Смотри, как мы высоко! Как красиво...

— Классно-классно, — согласился он и, властно обхватив меня за затылок, притянул мою голову к себе, едва касаясь своими губами моих. У него явно были не самые хорошие намерения — Кей решил поцеловать Катю.

Парень не убрал руку и смотрел мне прямо в глаза, чуть приоткрыв губы и ожидая, что я первой поцелую его. Он безумно этого хотел, и я это чувствовала. Но еще он хотел... м-м-м... сломать меня? Заставить подчиниться его воле?

Я прикрыла глаза.

Какая романтика. Просто обалденная романтика! Парень и девушка. Карусель, отгородившая на время их от прочих людей. Поцелуй на впечатляющей высоте на фоне величественной природы... Почти сказка, от которой я не прочь была бы отказаться. Сказка, в которую я всей душой втайне от себя стремилась попасть. Сказка, а ведь сказок, как известно, не бывает. Их давно поглотила суровая реальность.

Он молчал и не двигался, я не открывала глаз. Сердце выплясывало что-то вроде канкана, серьезно грозясь проломить ребра. Только бабочек в животе не появилось — там теперь нашло место что-то совсем другое, режущее, заставляющее перестать дышать, от чего становилось больно. Или больно мне становилось потому, что я остро осознала, что ничего хорошего из возможных отношений между мной и этим красивым известным человеком не выйдет — слишком уж мы разные и слишком по-разному смотрим на мир. Особенному мужчине — особенная женщина. Я не смогу совладать с Кеем, потому что я обыкновенная, ранимая, доверчивая и заурядная Катя.

Говорят, психологи умеют делать что-то с самооценкой...

А еще вчера я так ждала поцелуя. Вот что может произойти всего за одни сутки с одним человеком. Странно, правда? Ведь я, наверное... а, черт возьми, я люблю этого глупого эгоиста.

Он ждал, когда я сломаюсь и поцелую его. По-моему, он уже предвкушал момент, когда сможет перехватить у меня инициативу, обхватить мое лицо ладонями и показать, как круто он умеет обращаться с девушками, однако...

Я не смогу совладать с Кеєм, но я смогу совладать с собой.

— Нет. Нет, не надо, — сумела я вырваться и вжалась в сиденье, уже не видя красот окружающей местности.

Глаза у Кея расширились от удивления. Парень не ожидал этого. И теперь не мог понять, в чем же причина. Он смотрел на меня, а я отводила глаза.

Колесо начало медленно возвращаться вниз.

— Почему? — только и вымолвил он.

Наверное, девушки никогда не отказывали ему. А я сделала это не потому, что не хотела... нет, я очень хотела бы, но... это ведь будет неправильно? По отношению к Антону, самому Кею и ко мне самой.

— Нет, — твердо сказала я, — извини, Кей, но не надо.

Он не настаивал. Только сказал, надев вновь солнцезащитные очки:

— Да, ты права. Потом тебе будет больно. Да, точно... Забудем?

— Забудем, — кивнула я с поддельной улыбкой, сжимая пальцы, чтобы унять дрожь в них.

Больше мы не разговаривали. И первые слова проронили только тогда, когда встретили Журавлика и Келлу. Странно вышло... Мы вдвоем, молча, ходили по залитому солнцем парку, изредка касаясь друг друга то руками, то плечами, и не открывали ртов. Я боялась, а что думал он — не знаю.

С Нинкой и ее спутником мы встретились минут через тридцать или сорок. Какая же недовольная была Ниночка! Вокруг нее так и порхала хорошо скрываемая злость, голубые глаза были холодными и слегка усталыми, будто бы она выгуливала клоуна, а не общалась с прикольным парнем, а вот барабанщик, напротив, улыбался и что-то весело ей рассказывал и смеялся над собственными шуточками. Неунывающий парень, надо сказать. По-моему, он Журавля слегка забодал.

Моя подруга держала в руках белого медведя со счастливой мордой, и если бы я не знала ее отношения к мягким игрушкам, думала бы, что она даже рада этому. Но я-то знала, как хорошо она умеет скрывать свои истинные чувства... Увидев нас, синеволосый оборвал какую-то пошлую забавную историю про себя, любимого, на полуслове, пообещав Нинке

рассказать ее чуть позже, и тут же похвастался, что добыл этот большой и пушистый сувенир в тире, ни разу не промахнувшись.

Журавль при этом только криво улыбнулась и сжала медвежонка так, что будь у него внутренности, они бы точно заболели. Зато я заметила одну весьма интересную деталь — она позволяла Келле держать себя за руку — он крепко, даже почти по-хозяйски, переплел свои пальцы с ее и не собирався отпускать, а этой чести, надо сказать, удостаивались очень и очень немногие парни.

— Как провели время, ребята? — спросил ударник радостно, будто год они нас не видели.

Нинка сделала вид, что ее тошнит, а потом вопросительно заморгала мне и даже выразительно поиграла бровями.

Я скривила лицо в гримасе и опустила большой палец вниз. Подруга поглядела на Келлу и тоже повторила мой жест, а когда парни сказали, что отойдут, чтобы купить нам мороженое, тут же сообщила тоном человека, погладившего змею.

— Оно меня поцеловало.

— И как? — осторожно поинтересовалась я.

— Никак. Это же рыло, — тоскливо произнесла светловолосая девушка, а потом добавила, намотав на палец длинный локон: — Но вообще-то нормально. Оно умеет удивить, ха. По крайней мере, оно сегодня было без мятной жвачки.

— Да тебе понравилось, я смотрю?

— Ага, я чуть в космос не улетела. Но он умел, кретин, умел. Хм. — Нинка машинально коснулась указательным пальцем нижней губы, но потом, опомнившись, резко убрала руку. — А ты, голубушка, как смогла потеряться? — не захотела больше говорить про себя подруга. — И что вы с моим Кеечкой делали?

— Да ничего, — буркнула я. — Так...

— Что за тон, балда? Да ты счастлива должна быть! — возмутилась Нинка.

Все-таки после общения с синеволосым она была не такой ехидной и резкой, как всегда. Станные вещи творятся в этом мире. Может быть, он ее тоже привораживать ходил? Конечно, на железную ауру никакая магия не подействует — только немного размягчит, но...

— Поверь, Нин, мне твой Кей надоед... Если тебе так нравится, то встречайся с ним сама!

— Естественно, нравится! Я от него в восторге! Я бы не прочь с ним встречаться, ты сама знаешь. Он точно такой же, каким я его и

представляла! Милашка, просто милашка! Какой он клевый тип! А какие у него руки! А пальцы? М-м-м...

Ну-ну, а только что целовалась с Келлой. Интересно, между этими двумя идет какая-то странная борьба под названием «Кто кого» или я чего-то недопонимаю?

— У Келлы, по-моему, руки лучше выглядят, — из чувства противоречия сообщила я ей, хотя не сильно обращала внимания на синеволосого. Парень как парень. Симпатичный, слегка брутальный и яркий, но не мой типаж.

Ну, хоть к кому-то тебя не тянет. А то уже целых трое молодых людей тебе нравятся, любвеобильная ты моя!

Не трое, а двое. Арина я видела один раз. Но он классный.

— Думаешь? Кстати, Катька, если Келлочку гладить против шерсти, он злиться начинает, ха-ха-ха, — Нинка захихикала, напоминая мне ведьмочку, довольную тем, что наконец совершила долгожданную гадость.

Наш разговор был прерван внезапно появившимся Кеем, а пару минут спустя пришел и его друг. Оба парня, которые сейчас, кстати, напоминали самых обычных молодых людей, а вовсе не знаменитых музыкантов, принесли мороженое, какие-то сладости и напитки. Я была в шоке. Ведь Кей совсем не расстроился. Мне казалось, что я сама больше опечалилась, чем он. Ну и ладно! Зато телефон есть....

Я почти не участвовала в общем разговоре, больше смотрела по сторонам. Здесь еще столько разных животных — всех хочу посмотреть. Жирафы, например, они, кажется, вон в той стороне. Я перевела взгляд влево и увидела кого-то, сильно напоминающего Бабу-ягу. Неужели он Нину выследил?! Ого! А ведь подруга утверждала, что он на другом конце города!

Что сейчас будет!

Ржака...

— Там Баба-яга, — сообщила я Нинке с некоторым испугом, — может, уйдем?

— Он ждет меня в ресторане до сих пор, — несколько надменно ответила девушка, откусывая от своего мороженого приличный кусок. — Он мне эсэмэски пишет, этот козел.

— Баба-яга? — радостно воскликнул Келла, с явным восторгом глядя на меня. — А Кощей там не пробегал?

— Или Змей Горыныч? — подхватил Кей. По-моему, он повеселел после нашей неудачной поездки на колесе. Из нас двоих только я переживаю, что ли?

— Но там правда, — развела руки в стороны я, — Баба-яга! Нин, скажи им.

— Что я скажу? Катька, садись ко мне, не занимайся ерундой.

— Так что там за яга? С помелом, без? — не отставал синеволоосый и обвинил меня в том, чем я обычно грешила на него и его дружка-блондина — в употреблении легких наркотических веществ.

Подружка, вместо того чтобы поддержать меня, засмеялась. Она старательно подсаживалась все поближе к Кею, а Келла этого то ли не замечал, то ли делал вид, что не замечает.

В общем, минут пятнадцать между нами всеми была идиллия. Меня обсмеяли, а себя прозвали древнерусскими богатырями. Синеволоосый сказал, что он — Добрыня Никитич, а Кей, подумав, стал Алешей Поповичем. Нинка тут же заявила, что она в таком случае Василиса Премудрая.

— А ты кем будешь? — внимательно посмотрели они на меня, окончательно сойдя с ума.

— Никем, — поморщилась я. Что за детский сад?

— Кем? Ну, кем? — не отставала новоявленная Василиса, небрежно положив локоть на плечо Добрыни. — Жаль, Баба-яга занята... Марьей Кудесницей согласна?

Я тяжело вздохнула.

— Еще был такой персонаж — Марья Моревна. Тебе подходит, — ухмыльнулся Кей.

— Почему она? — удивился Келла.

— Моревна — от слова «мор», кажется, — поведал парень под восхищенный смех Нинки, готовый поддержать любые шуточки беловолосого.

Они так и дурачились, обзывая меня этой самой Моревной, явно намекая на что-то очень нехорошее, пока над нами не выросла чья-то тень. Первые пять секунд я радовалась, что все-таки не обозналась. Потом испугалась.

Валерий, а это был именно он, свирепо взглядом рассматривал Нинку-предательницу и парней (меня он не очень замечал, решив, что со мной любимая уж точно изменять не может). Самое комичное было в том, что никто, кроме меня, не видел этого странного типа, кулаки которого сжались, когда он узрел, как Кей подал моей подружке ее сумку, которую она оставила около него, коснувшись ее руки. Если бы взгляды могли убивать, группа «На краю» точно бы лишилась своего славного солиста. А сам он стал бы напоминать решето.

— Ниночка! — закричал Валерий, наконец. Мороженое подруги так и застыло около ее губ.

— Ты? — посмотрела на него удивленно и вместе с тем злобно девушка. — Ты чего тут делаешь? — заорала она громко.

— Это я, любимая. Ты права. Я за тобой пришел. Ты почему меня обманула? — вспомнилось ему.

— Это еще чего за кадр? — внимательно поглядел на него Келла. Сразу конкурента почувствовал, молодец.

— Я же сказала, что его видела, — проворчала я, но меня никто не расслышал.

События стали разворачиваться бурно и стремительно. Валерий, который, слава Богу, был один, без охраны, стал надвигаться на Кея, между делом сообщив ему:

— Так это ты Келла? Я тебя сразу узнал, вошь белая. Ну что, пойдём, выйдем, поговорим?

— Тебе что надо? — снял очки Кей, не понимая, что происходит. Парень оставался спокойным, но почему-то мне показалось, что в нем мигом проснулась тщательно скрываемая ярость.

— Я говорю, — красными от ненависти глазами уставился на недруга Баба-яга, — пошли поговорим.

— С какой радости? — не хотелось музыканту разговаривать неизвестно с кем.

— С такой, — матерно обозвал его Валерий, — ты мою девушку увести хочешь, козел?

Кею не понравилось, что его обзывают. Он резко поднялся на ноги, прищурил глаза. По-моему, ярость в нем возросла и плясала теперь в холодных серых глазах.

Келла, поняв, что его перепутали с Кеем, заржал. Он всегда умел найти повод, чтобы поржать.

— Чего смешного, парень? — кинул на синеволосого тяжелый взгляд Валерий.

— Проваливай, — не соизволила подняться с лавочки виновница намечающегося скандала, а может быть, даже и драки. А Нинка это дело любит. Особенно когда парни из-за нее ссорятся и бьются. А мне вот почему-то стало немного неприятно.

— Ниночка, я сейчас этого Келлу проучу, и мы в ресторан уедем, — улыбнулся ей Валерий, как будто бы обещал за молоком сходить.

Действительно, он престраннейший тип. Неужели так сильно мою подругу любит?

— Ты вообще кто, урод? — очень зло поинтересовался Кей.

А его друг все ржал. И что смешного? Мне вот страшновато. Вдруг Валерий Кея ударит? Тот сможет ему ответить? Вот же потеха начнется, если популярного музыканта избить захотят.

— Я — Валерий, Ниночкин молодой человек, — с чувством собственного достоинства поведал нам и некоторому количеству людей, которые начали останавливаться в предвкушении драки.

— Не ври! — выкрикнула подруга. — Ты мне никто. И убирайся отсюда. Кстати, ребята, не бойтесь его, это Баба-яга.

— Баба-яга? — повторил Келла, смакуя редкую кличку, а после чего с насмешкой спросил. — Он что, женщина? Парень, ты — трансвестит? Кей, вот прикол?

Лицо назойливого поклонника подруги пошло красными пятнами. Ого, да он сейчас взорвется. А Нинке хоть бы хны!

— Точно, женщина! Настырная и носатая, — откликнулась она, — буйнопомешанная. Да, Катька?

Я тактично промолчала.

— Я не понял, ты чего хочешь? — хмуро спросил Кей, не испугавшись накачанного Валеру.

— Я тебя, Келла, — выплюнул тот, — наказать хочу. Чтобы чужих девушек не уводил.

Журавль с восторгом взглянула на него. Только чуть в ладошки не захлопала.

— Маразм крепчает, — сделала она вывод елеинным голосочком.

— Идиот, — вальяжно отвечал ему просмеявшийся барабанщик. — Это я — Келла, мудак. А Ниночка, — смело притянул к себе за плечи светловолосую девушку музыкант, — моя герла.

С этими словами он смело поцеловал слегка опешившую от такого фривольного обращения Нинку прямо в полураскрытые губы.

Ох, и не стоило ему это делать! Валерий резко дернул Келлу за плечо и схватил за ворот футболки. Тот такого обращения стерпеть не мог. Прорычал что-то нецензурное. Пара секунд — и оба парня вцепились друг в друга. Журавль, так и не закрывая рта, обалдело уставилась на синеволосого. Тот успел ей подмигнуть, и она вдруг зловеще улыбнулась.

— Началось, — тихо сказал Кей, вероятно имея в виду то, что Келла постоянно влезает в драки.

— Не вмешивайся. Кей, не вмешивайся в драку. — Большими глазами поглядела я на него, потому что парень хотел уже помочь другу, опять доставшему волшебным движением кастет.

— Келла, милый, — стала подбадривать барабанщика Нинка назло Бабе Яге, — давай, сделай его! Келла! Малыш!

Синеволосому, может быть, и было лестно, только вот его оппоненту это совсем не нравилось.

— Ты дура? — попыталась закрыть я подруге рот, но потерпела сокрушительное фиаско. Естественно, Нина оказалась сильнее. Мало того, она рассердилась, потому что я мешала наслаждаться прекрасным видом: Келла как раз в это время со всей силы ударил соперника по скуле. Тот попытался заломить ему руку и повалить на землю. Однако музыкант умело отбился, поставил пару блоков и умудрился вновь ударить соперника куда-то в район печени — теперь он не улыбался, а сосредоточенно смотрел на Валерия.

— Не лезь, — поморщилась она, явно упиваясь зрелищем.

Кей легко, но осторожно оттолкнув меня, все же бросился на помощь другу, но не успел, потому что добрый Валерий, он же Баба-яга, совершил воистину бандитский поступок — схватил одну из наших стеклянных бутылок с колой и со всей своей дури и силы разбил бутылку о синюю макушку, потому как явно проигрывал ударнику, оказавшемуся на удивление сильным и ловким бойцом.

Честное слово, у меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди! Кей, выругавшись, бросился на обидчика друга. И даже Нинку проняло.

Девушка, которая до этого спокойно потягивала через трубочку свой напиток, подавилась, закашлялась, а в следующую минуту бросилась к лежащему уже Келле, который очень удобно устроился на земле с окровавленным виском и закрытыми глазами. Алая дорожка медленно пересекла его щеку.

Томас бы точно сказал, что ему нравится сочетание этих ярких цветов: синего и красного. Крови и волос.

А я поняла, что я не могу согласиться с отцом, — от такого яркого колера у меня закружилась голова. Гемофобия в который раз дала о себе знать. В обморок я, конечно, не упала, хотя очень хотела, зато неподвижно застыла. Вид крови, рубиновой и густой, меня впечатлил так, что я, судорожно вдыхая и ощущая сумасшедшее головокружение, привалилась спиной к скамье, не в силах подняться. Мне оставалось только наблюдать за тем, что происходило дальше, в полном одиночестве. Бедный Келла! Как этот сумасшедший Валерий так мог поступить! Если во мне раньше сохранялось чувство жалости к нему и его многолетним безрезультатным попыткам завоевать мою лучшую подругу, то теперь ничего этого не осталось. Подлый человек. А подлость я не люблю большего всего.

Господи, кровь. Ужас, ужас, ужас. И я никак не могу никому помочь, потому что, чувствую, помощь скоро понадобится мне самой. А на меня, слава Всевышнему, никто не обращал внимания.

Кей был явно взбешен таким бесцеремонным обращением с Келлой, около которого в недоумении сидела Ниночка. Как только она подбежала к своему вынужденному парню, то наклонилась над ним близко-близко и уставилась в его лицо взглядом, достойным малыша, у которого отобрали только что купленного, но уже очень любимого котенка, а рукой легонько сжала его неподвижную ладонь, словно хотела с ним поздороваться. Келла здороваться за руку не спешил. Он вообще не хотел приходить в себя.

Потом, опомнившись, Журавль боком отодвинулась от музыканта и зачем-то стала тыкать длинным острым ногтем в его бледную щеку. Поняв, что это ни к чему не приведет, девушка с великим опасением прикоснулась двумя пальчиками к его запястью, чтобы проверить пульс. Пульс был — и она удовлетворенно покачала головой. Тогда Журавль решила похлопать Келлу по лбу и даже пару раз сказала ему:

— Эй, ты, проснись! Вставай! Эй! Уваленъ? Ну? Я долго буду ждать?

— Да ему скорую вызвать надо! — громко посоветовала какая-то женщина с очень ответственным лицом, только подошедшая к месту баталии. Она была учительницей, сопровождающей детишек в зоопарк.

— «Скорую»? — удивилась Нинка под любопытный гам детей. Одни из них усталились на Келлу со смесью любопытства и ужаса, а другие продолжали смотреть на то, как Кей подходит к Бабе-яге не с самыми добрыми намерениями.

— Естественно, девушка. У вас ОБЖ в школе было? Не трогайте вы его голову! Это может быть опасно.

— Для меня? — тут же перестала надоедать синеволосому Нинка.

— Для пострадавшего, девушка, — укоризненно отвечала женщина, склоняясь над Келлой. — Эх, молодежь... У него удар, кажется, чуть выше височной доли пришелся, повезло парню. Нет, вы посмотрите, посмотрите, что делают! Нет, дети, вы не смотрите! Отвернитесь! У вас еще совсем неокрепшая психика, чтобы смотреть подобное. — Правильная учительница явно не представляла, что видят ежедневно в Интернете ее подопечные, поэтому ее слова звучали крайне наивно.

Конечно же, детишки, и Нина вместе с ними дружно обернулись на Валерия. Назревал новый конфликт. Сообщив Нинкиному ухажеру много ласковых слов с каким-то интимным подтекстом, в котором опять-таки фигурировала чья-то многострадальная мама, Кей ударил Валерия в солнечное сплетение, пробил его блок, задев челюсть, а затем резким, едва

ли не профессиональным боксерским боковым ударом повалил Бабу-ягу на землю и угостил парой незамысловатых старых-добрых пинков по ребрам. Мне казалось, что Кей был бы не прочь наступить Валерию ногами на грудь или сделать еще что-нибудь более жесткое, но опять же он сдержал себя, всего лишь наклонился к противнику и предложил сейчас же убраться вон. Тот, еще только что упиваясь победой над синеволосым, совершенно не ожидал от блондина такой прыти, поэтому и не смог толком сопротивляться. Только ожесточенно смотрел на Кея снизу вверх. Надо же, я и не думала, что Мальчик-Я-Звезда сильный малый, точнее, вообще способен на драку. Как мило. Потом солист «На краю» будет гордиться и постоянно всем напоминать о своей храбрости.

Ударив попытавшегося вскочить соперника еще раз, а потом, оставив Валерию на земле, Кей, тяжело дыша, подбежал к Келле, до сих пор не пришедшему в себя.

— Что с ним? — отрывисто спросил он у Нинки. Та пожала плечами.

— Я вам «скорую» уже вызвала, — вновь дала о себе знать добрая учительница, — а то вижу я, вы все в шоке.

— Спасибо, — опустил на колени перед другом Кей и с видом заправского медика осторожно осмотрел его голову.

Нинка марать ноги не хотела, поэтому вновь присела на корточки. Зевак, прибывших посмотреть, «что там такое случилось», становилось все больше. Ведь пришли же в зоопарк, так шли бы смотреть медведей, жирафов и белок, так нет же, им обязательно поглядеть на то, как кого-то бьют или калечат. И почему люди так странно устроены? Стоит произойти чему-то жестокому, как всем нам интересно узнать подробности и поглядеть на место действия. Некоторые считают своим долгом все это еще и на камеру снять, и не для того чтобы зафиксировать проявления бессердечия, а просто, чтобы иметь возможность похвастаться «клевой видеухой» друзьям. Ведь точно такие же события могут произойти с любым!

Пока Кей и Ниночка пребывали около поверженного парня, оценивая степень тяжести повреждения его головы, в беспокойные руки Бабы-яги вновь попала многострадальная розочка, с которой он и шел, медленно, как зомби, на Кея. Ну просто кадр из фильма.

— Эй, парень, берегись! — прокричал кто-то из рядом стоявших молодых людей в неформальной одежде.

Кей вовремя оглянулся — Валерий, жаждавший реванша, совершенно бесшумно приближался к светловолосому со своей расколотой бутылкой и с явным намерением оставить стекло где-нибудь в теле Кея. Он уже

замахнулся, чтобы осуществить свое злодеяние, как Нинка совершила геройский поступок — вскочила на ноги с явным намерением заслонить своего кумира от Бабы-яги. Ого, моя подруга совсем, ума сошла! Неужели этот никчемный Кей ей так дорог? Влюбленный в нее дурак едва не полоснул весело поблескивающей розочкой по Ниночкиной щеке, но вовремя остановился, попятился и схватился рукой за сердце.

— Ты в порядке? — тут же заслонил ее собой мужественный Кеечка. Он на пару мгновений напомнил мне эльфа из классических фэнтези-миров. Беловолосый герой Средиземья, блин.

— Кей! — чуть не запрыгнула на него счастливая блондинка, но, опомнившись, сказала, чтобы он подошел к Келле.

— Меня, значит, — тихим зловещим шепотом произнесла Нинка, решительно поворачиваясь к Бабе-яге, — решил зарезать?

— Нет, любимая, что ты! — запротестовал Валерий и выронил бывшую бутылку с колой на землю, едва не попав по Нинкиным ногам.

— Нет? — вовремя отскочила девушка. — Ах ты, скотина, на девушку руку поднял! А я еще с тобой встречаться хотела. — Нагло соврала она, на невидимом уровне всаживая в пылкое сердце влюбленного в нее парня целый арсенал ножей. — Ах ты, **<запрещено цензурой>!**

— Ниночка, прости ради всего святого! — возопил мгновенно переставший злиться и мечтать о драке Баба-яга.

— Не прощу, ни ради святого, ни ради кощунственного, — желчно ответила девушка, подобрала розочку, которая никому не давала покоя, и стала грозно надвигаться с нею на Валерия. — Ну, подлый таракан... мразь, ублюдок, подонок, тварь, гадливая задница, олень, гнойный нарыв, кретин, тарантул тупой, шакал трусливый, шизофреник, падаль лесная, свинья шелудивая...

— Это псы шелудивые, Ниночка, — поправил Валерий, не забывая пятиться.

— И ты бываешь шелудивым, павиан краснозадый. Вся твоя жизнь — шелудивая, — не согласилась с ним девушка, держа розочку как профессионал-убийца. Глаза ее пылали от гнева, и из светло-голубых превратились в темно-серые — то ли тень так падала, то ли от злости.

— Ты чего, любимая? Любимая, не надо! Любимая, зачем? — заверещал испуганный Валерий, чуть было не ранивший свою нареченную невесту.

— Затем, — вкрадчиво произнесла девушка, — чтобы избавить свет от таких, как ты.

— Я же тебя люблю! — пытался оправдаться он.

— А я тебя ненавижу. Ненавижу! Ненавижу! — три раза проорала одно и то же слово девушка. — Ты понял? До тебя дошло? Ты омерзителен, противен, невыносим! Ты блювотный тип!

— Девушка, ну не ругайтесь при детях, — умоляюще поглядела на нее учительница, хорошо видя, какой пример подает молодому поколению эта блондинка.

— Отвянь, — продемонстрировала всю свою вежливость к старшим всего в одном слове Ниночка и продолжи: — Ты, гаденыш, можешь себе могилу рыть собственными граблями, — и подруга крайне эмоционально кивнула на свои собственные ладони, — если с ним, — теперь она мотнула головой в сторону Келлы, около которого продолжал стоять Кей и парни-неформалы, — если с ним что-нибудь случится. Ясно, тупая рожа?

— Ниночка, он тебе нравится? Этот синий? — С каким-то неестественным испугом спросил Валерий, словно девушка призналась в ненормальной любви к животным.

— Проваливай, или отрежу сейчас тебе все, что мне покажется лишним. И начну с языка, — прошипела Ниночка.

— Тебе он нравится, да? Да? — не отставал Валерий.

Моя подруга сочла, что на этот вопрос отвечать необязательно и запустила розочкой в навязчивого Бабу-ягу, метя ему в шею или в голову. Он увернулся и позорно сбежал. Валерию явно показалось, что поступок возлюбленной по отношению к неподвижно лежащему синеволосому говорит сам за себя.

Пока Нинка разбиралась со своим незадачливым ухажером, Кей на миг закрыл глаза, словно успокаиваясь и приводя мысли в порядок, а потом вновь опустил на колени возле друга. Молодые люди, оставив девушек, тоже подошли к нему, тихо переговариваясь. Решили помочь, что ли?

Келла слабо застонал и приоткрыл глаза.

— Ты как? — тут же спросил Кей встревоженно. — Не поднимай голову.

— Чего за хрень? — прошептал он, его рука потянулась к голове, а пальцы тут же стали багровыми от крови. — Башка... болит...

— Встать сможешь, парень? — деловито поинтересовался один из подошедших, не признавая в раненом известного музыканта. Кстати, одна из девушек в их компании была с рюкзачком, на котором был изображен логотип «На краю». — Мы до машины тебя доведем.

— И я тебя в больницу отвезу, — добавил Кей.

— Да, наверное... Черт... чем это он меня так?

— Розочкой, — просветил его кто-то, помогая подняться.

Остались еще на свете хорошие люди. Большинство просто посмотрело и пошло дальше по своим делам.

Келла тут же окрестил недруга «тупым гопником» и сказал про него еще много нелестных слов, многие из которых я услышала впервые. Потом он увидел Нинку, только что прогнавшую Валерия, и почему-то слабо улыбнулся.

— Королева, — слабо позвал он, — королева, у тебя есть платок какой-нибудь?

— У меня много чего есть, — с независимым видом ответила Нинка и достала из сумки ярко-розовый платочек, заботливо надушенный с утра. — Можешь приложить к своей головушке, слабак, — она фыркнула.

— Моя красавица, — парень принял из ее рук платок и зачем-то погладил слабыми пальцами ее руку.

— Кретин.

— Странная у тебя девушка, — покосился на синеволового незнакомый парень, — нет бы поддержать, а она...

— Я привык, — смиренно ответил Келла, подмигнул Нинке и поморщился от боли.

— Вы куда? А как же «скорая»? — возопила ошарашенная таким поворотом событий учительница.

— На машине будет быстрее, — ответил ей Кей.

Мне и Нинке он ничего не сказал. Просто посмотрел в глаза, мельком обернувшись, и все. А после с парнями медленно удалился по направлению к ближайшему выходу из «Животного мира».

— Классно в зоопарк сходили, — сказал счастливый черноволосый мальчик.

— Точно! — поддержали его остальные. Уже через полминуты они были уведены своей учительницей к загону с зубрами.

Нинка вернулась ко мне с таким усталым видом, будто бы только что разгружала вагоны.

— Капец, Катька! Просто капец! Вот что бывает, когда в одном месте собирается вся психиатрическая больница! Нет, ты видела? Баба-яга — дрянь. Чтобы его сожрали с потрохами все демоны этого мира, проклятый сукин сын. Испортил мне такой день! А ты, кстати, такая трусиха, забила тут на лавочку и сидишь, носа не высовываешь. Подруга, называется! Чего это с тобой? — обратила она внимание на мое печальное состояние. — Алло, дурий гараж? Чего белая, как привидение?

— Нин, мне плохо, — прошептала я, чувствуя себя Келлой номер два. Чем плоха боязнь крови и вида ран — прийти в себя слишком быстро

нелегко. Меня до сих пор слегка трясло. К тому же еще было немного обидно, хотя обида эта была чисто эгоистической — Кей даже не попрощался и вообще почти ничего не сказал перед уходом. Понятное дело, что он тащил раненого товарища в машину, но хотя бы крикнуть что-то мог? И это человек предлагал мне... забудем, что он предлагал.

— А-а-а, — догадалась наконец Журавль, оглядывая меня сверху донизу, — это из-за крови? Сильно плохо?

— Сейчас пройдет.

— Точно?

— Да.

— Гемофобка несчастная. Тебе лечиться надо. Там, кстати, еще на асфальте кровь осталась, — и она услужливо ткнула рукой в то место. Я машинально проследила за ее жестом и тут же увидела еще не засохшее пятно противного темно-красного цвета. Меня затошнило сильнее, и голова вновь пошла кругом.

— Перестань, — слабым голосом произнесла я и закрыла глаза, так как почему-то не могла понять, где верх, а где низ в этом мире?

— Началось в колхозе утро, — протянула Нинка, схватив свой недопитый коктейль. — Милая, тебе к психиатру надо, чтобы он тебя вылечил.

— Тебе тоже, — прошептала я.

— А мне-то зачем? — с чувством захрустела остатками чипсов Нинка, — а, жаль, все мороженое упало из-за этих мутантов... Так мне-то зачем? Это у тебя фобия.

— И у тебя, — нашла я в себе силы, чтобы поспорить.

— Какая?

— Пауки, — мстительно напомнила я про самый ее главный страх.

Воинственность подруги тут же сошла на нет. Она даже чипсы есть перестала.

— Катя, ты умеешь испортить аппетит.

— Зато тебе удастся здорово играть на нервах людям, — проямлила я.

— Что есть, то есть, — не стала отрицать подобное Нинка. — Ой, гляди, охраннички прутся. Нормально, да? Драка закончилась, одному черепушку уже проломили, а эти двуногие идиоты только спохватились. Да за это время, пока охраны не было, тут могли, блин, ползоопарка разгромить и всех слонов украсть.

Я вновь открыла глаза. Совсем недалеко от нас действительно с недоуменным видом озирались два пожилых охранника в форме цвета хаки

и почему-то в резиновых сапогах. Увидев их, последние свидетели драки разбрелись кто куда.

— Девушки, — тут же обратился один из охранников к нам, — вы тут драки не видели?

— И даже не слышали, — ответила Нинка.

— Точно? — буравил ее взглядом дедок.

— Точнее некуда, дядя. И вообще камеры слежения нужно ставить, — небрежно ответила она.

— Куда их в зоопарке-то ставить? — не понял ее пожилой мужчина. — В клетки, что ли, пихать?

— Да хоть на этих ваших животных приклеивайте. Мне все равно.

— Вы можете сказать, — начал злиться охранник, — была тут драка или нет?

— Была, — не стала больше спорить подруга. — Труп унесли к крокодилам.

— Какой еще труп? — Вытаращился служитель «Животного мира».

— Свежий.

— Кы-кы-как? — Аж начал заикаться мужик. — Кого убили-то?!

— Никого не убили, а жаль, — с сожалением ответила Ниночка.

Представители закона в зоопарке удалились, оставив меня и подругу в гордом одиночестве. Напоследок они пробормотали что-то вроде «наглые девки». Вот с Нинкой так всегда. Грубит она, а все шишки делим поровну.

Подруга вздохнула, потрепала меня по волосам, что с ее стороны было едва ли не высшим проявлением дружбы и верности, и минут пять мы слышали только утробный шум какого-то странного животного, а также большое количество детских писков и визгов. В это время моей слабой во всех смыслах голове значительно полегчало.

— Кать, — грустным голосом спросила подруга, первой нарушая тишину, — как ты думаешь, он... — Она на мгновение замолчала и забарабанила своими длинными ногтями по лавочке.

Я заинтересованно взглянула на подругу. Неужели волнуется, что там с ее Келлочкой будет? Надо же... неужели он начинает нравиться Нинке? Единственные мужчины, о которых она так заботится и даже сострадает, — любимые реслеры, когда им прилетает по голове очередным предметом, неизвестно как попавшим на ринг во время очередного поединка.

— Кать, а если... — она опять замолчала и сцепила пальцы в замочек.

— Что? — с любопытством спросила я. Мне, конечно, самой безумно жаль Келлу, но кажется, что с ним все будет в порядке. Надо Нинку утешить, что ли?

Но утешать никого не пришлось, потому что лучшая подруга выдала:

— А что если в среду этот debil к жабе не сможет приехать? Что делать-то тогда? Как думаешь, может, нанять актера-двойника? Хотя, старая крыса имеет отличное зрение, да и память у нее прекрасная.

— Чего? Двойника? Ты вообще о чем думаешь? Келле по твоей милости по голове прилетело от твоего же Яги, а ты только о своей жабе волнуешься!

— А о чем мне волноваться? — искренне поразились блондинка, — не убили же они этого гада. А я очень хочу наследство.

— Можно подумать, ты бедная нищенка, — возразила я.

— Из-за причуд папандра я не могу делать все, что хочу. Тебе не понять, ты и так с головой не дружишь. Чуть где кровь — все, пиши пропало. В обморок падаешь.

— Но я же не упала сегодня в обморок. Просто мне стало плохо, — смутилась я.

— Зато в девятом классе, когда у нас брали кровь, хлопнулась, и тебя на весь день от занятий отстранили, а меня нет, а тогда, между прочим, была годовая контрольная по химии. Я тебя уговаривала с нее смыться, чтобы не писать, а ты отказалась. И я из-за тебя пострадала, — показала мне чудеса своей злобной памяти Нинка.

Действительно, тогда, в школьном кабинете, мне стало так плохо, что медсестра едва ли не вызвала мне «скорую», а потом и вовсе домой отправила.

— Девушки, — вдруг подбежал к нам парень в белом халате, — вы тут пострадавших не видели?

— Кого? — подняла брови подруга и прошептала мне: — Полная психушка, не находишь?

— Да тут «скорую» вызывали, мы приехали, а никого нет, вот бегаем по всему зоопарку, ищем, — развел руками молодой человек в халате.

— Не ищите, — посоветовала я, сочувствуя парню. — Пострадавшие уже уехали самостоятельно.

— Вот же люди, — с чувством плюнул на землю санитар, — спасибо, девушки.

— Это все учительница виновата, — зачем-то сказала Нина. — Если увидите тут пожилую даму в зеленом костюме, около которой будет много туповатых детишек, знайте — это из-за нее вы сюда прибыли.

— Понятненько. Найду — поговорю с ней. Ложный вызов — это вам не хухры-мухры.

И он убежал.

— Ну и денек, — задумчиво сказала я. — Я его долго не забуду.

— Я тоже, — выбросила пакетик чипсов куда-то под ноги Нина, не замечая мусорного бака. — Я тут такие планы на Кея строила, а из-за этих... Почему именно сегодня удача повернулась ко мне задницей, а? Что-то мне на Кеечку вообще не везет. Ну ничего, трудности мне только нравятся. Все равно моим будет.

И она стала описывать прелести того, как ей будет хорошо, как только она завоюет этого беловолосого красавца.

— Ладно, если тебе получше, может, перекусим? — Не понимая, что когда человека тошнит, он не может думать о еде, поинтересовалась Нинка.

— Давай не будем пока про еду? — скривилась я.

— Началось, блин. Хорошо, тогда пошли в слоновник, я так до него и не добралась из-за рыла. Ох, ты такое сегодня чучело, аж рыдать охота. Хоть юбку свою сняла.

— Нин, ты что, не переживаешь совсем? — поднялась я вслед за подругой, чувствуя себя почти что хорошо.

— Переживаю, естественно, — такой день мне загубили. Видала, какой у меня с Кеечкой контакт установился. Кстати, как ты думаешь, а этому психу волосы отстригут?

— Келле? Не знаю.

— Обычно, если рана на горшке...

— Где-где?

— На голове. Если на ней рана, то волосы сбывают. Фу, Катя, я не буду с лысым встречаться! А вдруг он в лысом виде Эльзе не понравится? Вот же непруха! Ладно, пошли уже к слонам, я давно хотела их за уши подергать.

— Тебе сколько лет? — только и смогла спросить я. Наверное, я погорячилась, и не нравится бедный Келла Нинке, ох не нравится.

В результате мы с ней еще часа четыре проходили по «Животному миру», успев посмотреть всю его флору и фауну. Особенно надолго мы зависли около террариума, находящегося в небольшом здании под лаконичным названием «Змеиный дом». Там подруга долго сюсюкала со змейками через стекло и выразила желание купить себе какую-нибудь пресмыкающуюся милашку.

Вдоволь находившись и наржавшись над несчастными слонами в слоновнике, она все-таки оттащила меня в открытое кафе, где накупила кучу всего, долго заигрывала с совсем юными парнями, находившимися под впечатлением от ее длинных ног.

Гордо дав мальчишкам номер местного отделения Федеральной

службы безопасности, выдавая его за свой собственный, Нинка наконец покинула территорию гостеприимного зоопарка, нашла такси и повезла себя и меня ко мне домой.

— У меня скучно, — заявила она мне свой выбор, — а у тебя всегда что-нибудь веселое происходит.

Увы, в этот день у меня ничего интересного не происходило. Родственнички еще не вернулись, потому что у кого-то там сломалась машина. Поэтому мы с Нинкой ограничились громкой музыкой и пространными разговорами, пятьдесят процентов которых было посвящены тому, какой же «Кеечка милый и классный, так и хочется его всего зацеловать»; процентов тридцать — ярому негодованию подруги на неандертальца Валерия; а еще двадцать тому, какое ей купить новое платье — красное или оранжевое, а то она, видите ли, не может выбрать цвет.

И только поздно вечером она позвонила Келле на телефон, чтобы убедиться, что он «жив-здоров и что голову ему заштопали», лишив волос только на виске. Таким образом, неугомонный барабанщик стал обладателем новой прически — над одним ухом волосы были модно сбриты, а над другим свисали длинные синие пряди.

— А ты мне почему раньше не позвонила, королева? — укоряюще спросил безвинно пострадавший от рук Бабы-яги.

Связь была очень громкой, и я прекрасно слышала каждое его слово.

— Это ты почему мне первым не позвонил? Я же ждала. Волновалась, — тут же нашлась девушка.

Ждала она, как же!

— Да-а-а? И, малышка, — продолжал парень, не слыша ее слов, — это вообще что за хрен с горы был?

— Да так, — не стала рассказывать девушка о Валерии.

— У тебя с ним что-то есть? Вы встречались? — задавал все больше вопросов Келла серьезным тоном.

— С кем? С этим хмырем? Ты что, умом двинулся? Нет, конечно! — в ужасе проговорила подруга.

Я представила ее в обнимку с Бабой-ягой и захихикала. Они вообще-то неплохо бы смотрелись вместе, если бы подружка не была бы выше молодого человека на сантиметров десять. Журавль показала мне кулак.

— Детка, ты только моя, — убежденно заявил Келла в телефон, — так что осторожнее, иначе судьбу Дездемоны можешь разделить. Поняла? Я ревнив, как ее негр. — И довольный своей шуткой, он рассмеялся.

Нинка скорчила неприятную рожу, беззвучно произнося проклятия на чью-то синюю голову, но вслух сказала преувеличенно задумчиво:

— А ты... а ты... а ты разделишь роль... Ой, я даже не знаю, кому из героев Шекспира по башке бутылкой прилетело. Такие вообще были?

— Не смешно, — надулся Келла.

— Милый, — брезгливо проговорила Ниночка, — не обижайся. Ты ведь такой туп... хм... сильный.

— Да, я такой. Не надорвался же я, когда тебя столько времени на руках держал...

В результате эти двое еще раза три поругались и помирились, а как только Ниночка закончила разговор, она стала злобно распространяться по поводу Келлы, его характера и семьи. А потом выдала:

— Видишь, как здорово приворожился Келла. Надо к этой Альбине еще съездить. Чтобы Кея точно... А, блин, звонят. Неймется какой-то собаке.

С этим словами Нинка вновь взяла трубку.

— Моя любимая королева, как мне попросить у тебя прощения? — Раздался заунывный голос Валерия.

— Отправься к праотцам, — никогда не была доброй Ниночка. — Или просто оставь меня в покое.

— А этот Келла, что тебя с ним связывает? Нина, не шути со мной. И скажи мне все. Я найду его и продолжу наше общение.

Ого, сколько у них с барабанщиком «На краю» общих интересов. Во-первых, Нинка, во-вторых, встретиться друг с другом оба хотят. Не иначе взаимная симпатия.

— Я тебе найду, козлиная ты эдакая. Найду и убью. И королевой меня может называть только он.

И Ниночка со злостью нажала на красную кнопку.

— Знаешь, — задумчиво поглядела на меня Нинка, — я, пожалуй, обращусь к Альбине, чтобы она Бабу-ягу того... наоборот приворожила.

— Как это наоборот?

— Чтобы он обо мне забыл! — выдала Нинка, выхватила у меня из-под носа последние два печенья и запихала их в рот под мой негодующий возглас.

— Обжора.

— Зануда.

— Проглот!

— Тройная зануда! Занудище!

— Кретинка!

И мы, как маленькие, стали кидаться подушками...

Нинка не ушла, а решила остаться ночевать тогда, когда мои

родственнички наконец прибыли в родной дом вместе с Крабом и двумя какими-то длинноволосыми мужиками, которых я не знала.

— Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен! — проорало басом на весь дом, но нам с Нинкой было не привыкать.

Нелли, Томас и гости пребывали в прекрасном расположении духа, наперебой рассказывая, как классно они отдохнули. Небритый Леша, ничего не говоря, ушел в ванную комнату, а вот Эдгар пребывал в самом мрачном настроении и почти сразу же кинулся к любимому. Вернее, к компьютеру.

— Компонарик, — проводила его взглядом Нинка и убежала куда-то на кухню. А я отправилась спать. Вот так глупо и закончился этот странный день. А ночью мне совсем ничего не снилось.

Следующий день веселым и хорошим я никак не могла назвать, да и среду тоже. С одной стороны, благодаря неоценимой помощи подружки-шантажистки, в учебе все было нормально. Статью Сеточкину Нинка все же написала, но велела мне передать ему с рук на руки, сказав, будто это моя работа. Со Славиком она видеться не желала, мотивируя это тем, что он «теперь на фиг не нужен, этот тощий раздолбай». Я пришла к главному редактору университетской газеты вместе с назойливой Татьяной, прилипшей ко мне, как банный лист. Каким-то невероятным образом Сеточкин принял старосту группы в свою редакцию, взял статью и, печально возведя свои унылые глаза на меня, осведомился:

— Что случилось с Ниночкой? Почему она не берет трубку и в Интернете больше не отвечает?

Я отвела глаза и сказала, что моя подруга больна. Она ведь действительно больна — не дружит с головой. Таня жадно ловила мои слова насчет Нинки и прекрасно все поняла, потому что на следующий день раззвонила всей группе, а также девчонкам из параллельной, что «Журавль бросила Сеточкина и, наверное, у нее какой-нибудь новый кавалер появился».

Узнав, что место на должность нового молодого человека ангела Ниночки свободно, пара рекламистов, учащихся на соседнем этаже, а также один физик и парень из физвоза тут же предприняли пару попыток привлечь внимание Журавлика. Только она, кажется, никого не замечала и отшивала молодых людей не так резко, как обычно. Ее мысли были поглощены Келлой.

— Кать, а если это рыло в повязке бабке Эльзе не понравится, то что делать-то? Мы уже всей семьей извелись, между прочим. Отец лучшего врача ему нашел! — Шептала она мне на очередной паре, совсем не слушая

лекцию про уголовное право, которое вел наш декан Александр Борисович. — Представляешь? Впервые в жизни видела, как папочка заботился о левом человеке.

— Да? — удивилась я такому. — А что Келла?

— А что этот лох? — пожала плечами девушка. — Ты же знаешь, отлежался в больнице один день, поприставал, мерзкая морда, к медсестрам молоденьким, и свалил оттуда на фиг. Сбежал.

— Ты ревнуешь, что ли? — изумилась я.

— К кому? — волком уставилась на меня Нинка.

— Ну, к медсестрам.

— Ты дура? У него лечащим врачом была пятидесятилетняя тетя, мне что, и к ней надо было ревновать? Да и что там ревновать-то? Битую синильную тыкву?

— Ну хотя бы.

— А вон эта мисс Кривой Нос, — с неприязнью уставилась она на Ольгу, которая посоветовала обратиться Нинке к экстрасенсу Альбине, — счастлива. До сих пор со своим Толиком ходит-бродит, задом водит. Почему у этой debilки все получилось, а у меня нет? Пойду-ка я сегодня к этой Альбиночке, — сделала какой-то нелогичный вывод подруга.

Я про эту ведьму и забыла уже...

— Зачем? — поразились я.

— Затем. Бабу-ягу отворю. Может быть, твоя маленькая память еще помнит, что я тебе про это говорила в понедельник. А во-вторых, на всякий случай еще и Кея к себе примагничу. Снова.

— Что значит «примагничу»? — стала сверлить я взглядом светловолосую девушку.

— Ох как же с тормозами тяжело. Приворожу и его. Ясно?

— Ясно, — я не стала говорить, что такого, как Кей приворожить невозможно.

Кстати говоря, Кей с самого понедельника ни разу мне не позвонил. Наверное, все-таки обиделся из-за того эпизода на колесе обозрения. Ну ладно, это ведь, напротив, очень даже хорошо. Чем меньше солист группы «На краю» будет напоминать о себе, тем меньше я буду думать о нем. А больше — об Антоне. Хотя он и не ходил эти два дня на учебу, и, честно сказать, я скучала по нему, но вечерами он писал мне смс-сообщения. Когда я общалась с ним, мне становилось спокойнее и даже легче. Он не то что Кей, появляющийся тогда, когда ему вздумается или не появляющийся вообще...

Чтобы не расстраиваться, я старалась вообще не думать о

представителях сильной половины человечества, но вот, допустим, в четверг вечером зачем-то села за письменный стол, взяла новую тетрадку в клеточку и решила рассказать о своем, наболевшем, листкам бумаги.

Эти последние недели, с тех самых пор когда неутомная Нинка потащила меня к экстрасенсу Альбине, стали просто каким-то сумасшествием. Даже мысли мои, прежде спокойные и размеренные, как стадо барашков, охраняемых собакой-пастухом, вдруг стали беспорядочными и хаотичными, словно собака куда-то исчезла, оставив подопечных на произвол судьбы. Естественно, тут же перепуганных животных начали окружать осторожные и наглые хищники-волки. Роль главного волчары, конечно же, отводилась Кею. Да и Антоша тоже хищник. Вот куда он пропал? Что делает? Где он?

Мне требовался миниатюрный самоанализ.

Чувства. Давненько я не испытывала столько сложных и разнообразных эмоций сразу! Это и хорошо, и плохо. Но самое обидное — ни с кем не поделишься. Ниночке я такое сказать не могу — совесть не позволяет. Сестра обсмеет, Настя вообще дурой выставит, и я до сих пор с ней не виделась даже, хотя ведь именно она, как дама разумная, могла бы подсказать мне, что делать. Томасу, Леше или Эдгару я рассказывать ничего не буду.

Я почесала ручкой нос, не замечая, что оставила на нем пару волнистых синих линий.

Антон и Кей. По отношению к каждому из них я определенно что-то чувствую. Можно сказать даже, эти мои незванные чувства возникают не из-за чего-то, а вопреки чему-то!

Кей. Красив, популярен. И, да-да, и в этом надо себе признаться, он нравится мне вопреки своему мерзкому, наглому, противному, нахальному и самодовольному характеру.

Антон. С ним удобно, и он мне нравится, несмотря на то что, во-первых, он какой-то странный и совсем не стильный, а во-вторых и в самых главных, ему, наверное, до сих пор нравится моя лучшая подруга.

Я задумалась, разделила красным маркером листок на две части, одну озаглавила как «А.», вторую как «К.» и решила написать все плюсы обоих парней.

В первом столбике вышло вот что: *«Добрый, честный, милый, мягкий, спокойный, надежный, дружелюбный, внимательный, скромный, ответственный, смелый, рассудительный».*

Второй ограничился парой слов: *«Красивый, талантливый, популярный».*

Больше я ничего написать не успела, потому что в комнату ввалились Нелли и ее подружки, распевая какую-то странную песенку на очень исковерканном японском языке. Наверное, у бедных японцев уши в трубочку бы завинтились. Японский с немецким акцентом (а все девочки учили именно этот язык) — это вещь сильная.

Любительницы восточно-азиатской анимации поздоровались со мной по-японски и оккупировали компьютер, заставив меня прекратить изыскания самоанализа. Зато умудрились напомнить о самом плохом. Одна из девочек, которая буквально вчера, пока мама была в командировке, выкрасила челку в яркий розовый цвет, захлеб начала распространяться, что «видела в Рунете кавайную фотку Кея с его девушкой!».

Я приостановилась на минуту, делая вид, что что-то забыла в шкафу. Глупая Катрина подумала со страхом, что девочка имеет в виду меня. Оказалось, мне казалось.

Перекрестись еще.

— И что у него за девица? — дружно набросились Нелька и вторая анимешница на подружку. — Та же самая, что и в школе?

А сестра кровожадно добавила:

— Вот бы ей ноги вырвать. Ба-а-ака! Тупая бака!

— Точно... Повезло же этой шинигами, [\[22\]](#) — вздохнула ее подруга.

— Нет! — ошарашила всех присутствующих в комнате, включая меня, любительница розового цвета. — Другая! Кея вчера с ней в клубе сняли, прикиньте! Давайте я вам в Интернете найду это видео!

Я деловито стала лазить по ящикам своего стола, одним глазом поглядывая на экран. Сердце ругалось матом.

— Вот, вот! — пощелкала мышкой гостя, — вот оно! Это кто-то из фан-клуба «На краю» на мобильник записал, качество — отстой, но кавайное личико Кейчика видно прекрасно! И морду этой девки!

Я скосила глаза и минуты полторы наслаждалась знакомыми видами сияющего неона «Горизонта», а также знакомой смазливой харей Кея, обнимавшего еще одну знакомую рожу. Ну, не саму рожу, а талию, принадлежавшую туловищу, к которому, собственно, рожа и крепилась. Алина. Опять эта Алина, чтобы у нее ноги на голове отросли обезьяньи. Интересно, почему ее лицо не закрывал Кей перед камерой? Или просто не видел, что его в упор снимают собственные фанатки?

— Красивая. Но стерва, — решительно заявила Нелли, разглядывая брюнетку. Молодец, сестренка. — Не нужна нашему Кею такая кобыла.

— Точно! Ему вообще никто не нужен! Пусть он встречается с Филом, они так миленько смотрятся вместе. — Тут же пересели на любимый яой-

конек девчонки. — Так кавайно.

Представив Кея в объятиях парня и кровожадно заулыбавшись при этом, я побрела на кухню — выкидывать исписанный листок с плюсами людей, которые мне нравились. На душе было гадко-прегадко. И очень хотелось выкинуть подаренный блондином мобильный телефон к чертям собачьим.

Мысль о телефоне вдруг крайне разозлила меня.

Я что, похожа на нищенку, которую нужно задабривать такими подарками? Или Кей надеялся, что по первому его звонку на этот дорогой кнопочный канадский телефончик я побегу к нему и исполню все его хотенья из чувства благодарности? Я немедленно вытащила сим-карту из телефона, а сам новенький и тонкий аппарат спрятала в прикроватной тумбочке, вернувшись обратно в комнату. Весь оставшийся вечер проходила злая, как удав на диете, а потом опять вставила симку в подаренный телефон. Просто я вспомнила, что мой милый Антон обещал написать мне в этот вечер.

Эх, совсем у меня нет никакой гордости, один только маразм со всеми пожитками засел в голове и уходить не собирается.

Идиотские парни.

С Антоном мне удалось встретиться в пятницу. Я увидела его на остановке. Он стоял ко мне спиной почему-то во всем черном, но я опознала его по рюкзаку. Наверное, он почувствовал, что кто-то смотрит в спину, поэтому парень обернулся.

— Ты? — радостно подалась я вперед. Как здорово было его видеть!

— Привет, — улыбнулся он обрадованно, быстрым шагом приближаясь ко мне.

Мне очень хотелось, чтобы он обнял меня, но, по-моему, Антон постеснялся этого. Ну и ладно. Главное, что он все-таки около меня и я могу видеть и слышать голос...

...Настолько похожий на голос твоего ненаглядного Кеечки.

Нисколько он не похож. Только чуть-чуть. Нашла, кого сравнивать. Утку и лебедя.

И кто из них утка-то?

Ты!

— Как ты, Катя? — спросил Антон, глядя на меня своими серыми глазами сверху вниз. Я схожу с ума, но он очарователен.

— Хорошо. А ты как?

— Как и всегда, — он вновь тепло улыбнулся и признался. — Я видел

тебя в универе, но ты была занята, поэтому решил дожидаться тебя на остановке. Что с твоим телефоном? Не могу до тебя сегодня дозвониться... Я беспокоился за тебя.

— Сломался он. Мне дали новый, но... — я отвела взгляд в землю, — он тоже сломался. Вот. Скоро куплю новый.

— Мне жаль, Катя. Не переживай из-за этого, — ободряюще коснулся он моей руки.

— А я и так не переживаю, — улыбнулась я ему в ответ. — Почему ты не был на лекциях, Антон?

— Так получилось, — пожал плечами он, глядя теперь на пыльную дорогу, по которой мчались туда-сюда многочисленные автобусы и не менее многочисленные машины, водители которых старательно пытались не замечать пешеходного перехода и порою красного света.

— Смотри, — пригрозила я ему, — вылетишь.

— Не волнуйся, Катя, — ответил он. — Куда ты сейчас едешь?

— Домой, — вздохнула я, наблюдая, как мой автобус медленно приближается к остановке.

Половина ожидающих свой транспорт ломанулась именно в него. Нет уж, не поеду я в нем, к тому же Антоша рядом, я лучше с ним поговорю...

— А у тебя нет свободного времени?

— Есть. А что? — с надеждой спросила я. Вдруг он меня хочет пригласить куда-нибудь? Было бы здорово. Просто здорово находиться рядом с ним.

— Погуляем? — мои надежды оправдались, поэтому за спиной тут же выросли прозрачные светлые крылья, готовые нести меня куда угодно вслед за этим непонятным парнем.

— Да, конечно.

И мы пошли вдоль по широкому проспекту — ровно в противоположную сторону от того места, куда мы ходили на нашу первую то ли прогулку, то ли свидание. Шли и говорили, смеялись, что-то обсуждали, рассказывали. Будто мы с ним знакомы уже сто лет!

— С тобой легко, — произнес он задумчиво и неожиданно для меня.

— И мне с тобой, — немного смутившись, сказала я, словно невзначай касаясь его плеча своим. Странное это дело — прикосновение. Вроде бы совершенно обыденная вещь, а когда я мимоходом чувствую его руку или плечо, на меня накатывает удивительное чувство того, что я все-таки не одна. Приходит осознание того, что есть тот, кто находится рядом — некая родственная душа, способная понять меня. Способная помочь и заставить мою душу петь.

— Хочешь пойти в кафе? — помолчав, спросил он, когда мы стояли на очередном перекрестке, пережидая поток машин вместе с большой толпой людей.

— Хочу, — тут же согласилась я. — А в какое?

— Я знаю одно место, где есть вкусное мороженое, может быть, туда?

Я закивала головой. Мороженое так мороженое.

— Тогда мы пойдем в «Август», — назвал один из самых больших и известных торговых комплексов одnogруппник, — оно там находится, на втором этаже.

— В «Август»? — удивилась я слегка. В этом здоровом и разрекламированном месте не было дешевых или простых как заведений, так и магазинов. Мне было не по карману одеваться там, хотя, например, Нинка и ее сестра могли сутками пропадать в «Августе». В этом современном торговом комплексе, кстати, были не только самые разнообразные магазинчики, бутики и кафе, там же располагались спортивный центр, офисы, зоны отдыха, кинотеатр, семейный развлекательный центр, ночной клуб «Эндимион» и даже бассейн. Восемь торговых этажей с кучей лифтов и лестниц меня пугали, а шоппоголиков радовали безмерно.

— Да, пойдем, — подал мне руку Антон, чтобы я перешагнула через высокий бордюр.

Больше он меня не отпускал, чему я была безмерно рада. Вроде бы он всего лишь держит меня за руку, а так приятно.

Жаль, что белые стены и огромный голубой зеркальный фасад торгового центра выросли перед нами слишком быстро. По здоровенному рекламному монитору, расположенному над выходом, транслировался трейлер того самого идиотского ужастика, на котором я побывала вместе с Антоном. Хотя и плохое это было кино, зато тут же вспомнилось удобное плечо.

— Я здесь почти ничего не знаю, — призналась я, когда мы вошли в холл. — Так что веди меня.

— Конечно, — уверенным шагом направился к большому эскалатору молодой человек, — не беспокойся ни о чем.

Я вновь кивнула. Блин, как приятно! В душе порхают птички и поют песенки. Вот у кого глупцу Кею надо поучиться вежливости и обходительности. Хотя зачем? У него же есть Алина, да и добрый миллиард поклонниц. С ними можно не миндальничать, а просто отдавать приказы. Ну и пусть, а у меня есть замечательный Антон. Как бы мне его сегодня... поцеловать?

— Пошли, — потянул меня за собой однокурсник, проводя через кучу магазинчиков, фонтанов и мимо декоративной двухметровой кроссовки, подвешенной над высоким потолком известной спортивной фирмой как ориентир на собственный магазин.

— Пошли, — поспешила я за ним. — А ты тут хорошо ориентируешься. Часто бываешь?

— Приходится, — уклончиво ответил Антоша.

— А в какие магазины ты ходишь здесь? — безмерно удивилась я.

— В музыкальный. А еще здесь есть много хороших мест. Я все покажу тебе, Кать, если ты не против.

— Не против.

Я вообще очень даже за!

Обещанное кафе, мигая яркой вывеской «Кафе-мороженое Лапландия», находилось за стеклянными ограждениями и было полностью белоснежным: белые стены, потолок, абсолютно вся мебель. А вот пол был стеклянным и создавал иллюзию того, что под ногами снег! Между столиками стояли елочки — единственные яркие зеленые пятна, и снеговики с традиционными ведрами на головах и морковками вместо носов. Официантки, милые улыбчивые девушки, расхаживали по залу в костюмах Снежных королей, или по крайней мере мне так показалось.

— Тут здорово! — тут же восхитилась я, а мой спутник обрадованно улыбнулся.

— Я рассчитывал, что тебе придется по душе, Катя. Садись, пожалуйста, — галантно отодвинул он передо мной стул, и я тут же плюхнулась на него.

— Спасибо. Тут, наверное, под Новый год миллион посетителей!

— Не знаю даже. Что ты хочешь? — внимательно поглядел на меня этот чудик. Интересно, он что, тут сидит и мороженым объедается?

— Все что угодно, — заявила я и, дотянувшись до снеговика, подергала его за нос. К моему восторгу, он оказался настоящей морковкой!

— Давай украдем? — проснулись во мне вандальские инстинкты.

— Лучше не надо, — мне показалось, что он наклонился и щекой мимолетом коснулся моих волос.

И парень заставил меня сделать заказ, хотя я твердила, что буду абсолютно все, что закажет он сам. А вот раньше было наоборот — я была на его месте. Странная штука, эта жизнь.

В конце концов я все-таки сделала выбор, раза три перелистав меню. Еще бы, сколько сортов мороженого, любая девушка зависла бы около этого меню, как старый компьютер, у которого к тому же устарела система.

— Как классно, — одновременно пила я горячий кофе «Айриш» и засовывала в рот ложечку с фисташковым мороженым, посыпанным сверху мармеладом, миндалем и клубникой. — Спасибо, Антон.

— За что? — медленно пил свой кофе. Опять кофе!

— За то, что привел меня сюда. Смотри, как тут классно! Рай для детей. Ну, и для меня, как вечного ребенка. И сели за столик так удачно — видно весь холл этажа. Надо же, сколько людей «Август» посещают, а все жалуются ведь, что денег нет, но все равно ходят по таким дорогим местам. Ой, смотри, а там лифты стеклянные, один раз я с Лешей...

— Ты испачкалась, — почему-то внимательно наблюдал за мной парень.

— Где? — испугалась я, представив, что ем как-нибудь безобразно и сейчас у меня весь подбородок в мороженом, а вокруг рта «молочные усы».

— На щеке, — и Антон протянул руку к моему лицу, легко его коснулся и убрал пальцем застенчивую капельку от белого лакомства.

— Я свинюшка, я знаю, — извиняющимся тоном, улыбаясь, произнесла я. Приятно, когда о тебе заботятся!

— Нет, ты очень милая, — возразил мой спутник. — Когда ты так улыбаешься и так говоришь, ты мила вдвойне.

— Это только ты так считаешь, но все равно лестно, — отозвалась я. — А почему ты мороженое не ешь?

Он почти не притронулся к своему заказу.

— Ем. Просто я не очень люблю сладкое, — признался парень.

— Такое бывает? — не поверила я. — Я, конечно, слышала, что мужчины не любят сладкое, но все Радовы это опровергают. У нас в семье все мужики жуткие сладкоежки. Мне и Нельке приходится иногда прятать конфеты от них, представляешь? Однажды нам принесли большой сладкий пирог, и Леша на пару с Эдгаром почти что слопали его за минут двадцать, так что нам с сестрой пришлось прятать свои куски под кроватью.

Антон неотрывно смотрел на меня, слушал, одновременно думая о чем-то своем.

А я самозабвенно болтала, одновременно рассматривая холл, по которому шел хоть и неплотный, но нескончаемый поток людей, среди которого, конечно же, преобладали представительницы прекрасного пола. Хотя и мужчины тоже были, и парни, и даже мальчики. Кстати, вон тот парень в темных очках, с волосами до середины спины, собранным в хвост, и кепкой с длинным козырьком, который явно кого-то ждет около фонтанчика, похож со спины на Арина. Интересно, а что представители неформальной культуры тут делают? По каким магазинам ходят?

Черноволосый, за спиной которого виселся чехол с гитарой, повернулся лицом в нашу сторону. Лица почти не было видно, но мне показалось, что он нереально похож на бас-гитариста «На краю»! Или не похож? Я пригляделась к парню.

Не похож... По-моему, это и есть он! Та же перчатка на той же руке. Вот уж не думала, что встречу этого парня здесь! Интересно, мне нужно подойти и поздороваться или этого делать не следует? Ведь Арин не замечает меня, а Антоша наверняка обидится. Или не обидится? Нет, не буду искушать судьбу. К тому же музыкант кого-то ждет, может быть, даже свою девушку. Все-таки не понимаю я, как можно любить одну, а встречаться с другой.

— Антон, — почему-то решила спросить я у одноклассника, — скажи...

— Что?

— Вот если парень любит одну девушку, может ли он встречаться с другой?

— Думаю, да.

— А ты бы смог?

— К чему этот вопрос? — с тихим стуком он поставил чашечку кофе на блюдце и сам вздрогнул от неожиданного звука.

— Ну, — растерялась я, — просто.

— Я тебя не понимаю. Что ты имеешь в виду? — очень осторожно спросил он.

— Просто интересуюсь. Ты, как представитель мужского пола, смог бы, допустим, любить одну девушку, а встречаться с другой?

— Катерина, — сцепил пальцы молодой человек в полном недоумении, — к чему ты клонишь?

— Да я ни к чему не клоню, — попыталась объяснить я. — Просто вопрос задаю. Я бы вот не смогла. А ты?

Он склонил голову и, не глядя на меня, а рассматривая, без сомнения, интересную кофейную чашку, ответил:

— Да. Нет. Не знаю. Почему ты задаешь этот вопрос?

— Да мне просто интересно! — воскликнула я, удивленная его поведением. — Ты думаешь, что в моем вопросе есть какие-то тайные смыслы?

— А их нет?

— Нет, Антош, я просто поинтересовалась твоим мнением. Допустим, я, как максималистка, считаю, что такое... ну, недопустимо, что ли. Противно на физическом уровне. А вот другие считают наоборот. Я не

говору, что другое мнение неправильное, просто не могу понять его. А кто-то не может понять меня.

— Знаешь, — подперев кулаком щеку, отвечал Антон, — многие могут встречаться. Я, наверное, тоже. Да — я тоже. Парни редко обращают внимание на взаимную любовь. Это делаете только вы, девочки. У нас главное — наличие подружки. Если она милая — неплохо. Хорошенькая — отлично. Красавица — еще лучше. Будет чем выставиться перед друзьями. Романтики могут мечтать о той, кого любят, и даже писать стихи и песни по этому печальному поводу. Но при этом могут встречаться и быть с другими девушками. Влегкую.

Антон произнес все это несколько злым тоном, явно утрируя ситуацию, и от этих его довольно жестоких слов мне на мгновение стало холодно, как будто бы я вместо Жени, героини «Цветика-семицветика» переместилась на Северный полюс...

— А разве ты не будешь чувствовать себя немножко несчастным с тем, кто тебе не нравится? — Тихо спросила я.

— Все равно встречаться будут с теми, кто нравится. Хотя в какой-то степени. А понятия «любить» и «нравиться» совершенно разные. Кому-то могут нравиться десятки девушек, а любить этот кто-то будет одну, — начал он рассуждать с крайне задумчивым видом более мягким тоном. — К тому же не забывай про вполне естественные сексуальные желания. Катя, если бы все встречались с теми, кого любят, может быть, и жить было бы неинтересно, — сделал он неожиданный вывод.

— По-моему, все были бы счастливы, — возразила я тут же и едва не пролила на себя кофе.

— Ты в порядке? — тут же подал мне салфетку парень.

— Да. Вот же я какая неуклюжая, — вымученно улыбнулась я.

— Нет, я же говорю: ты милая, — он сглотнул, глядя на меня. — Мне нравится в тебе все. Что ты еще хочешь, Катя? Я все закажу, что ты попросишь.

Прям все? Закажи мне киллера, пожалуйста?

Мы еще добрых полчаса сидели в «Лапландии», и я даже думать забыла об Арине. Но когда мы вышли из кафе-мороженого, обсуждая одну старую советскую комедию, которая мне безумно нравилась, я вновь увидела длинноволосого музыканта, сидевшего около фонтана, закинув ногу на ногу.

В этот раз он издали увидел меня и приветливо помахал, а потом жестом попросил подойти. Точно, это Арин.

— Кто это? — тут же спросил Антон, слегка нахмурившись.

— Знакомый, — не стала я рассказывать ему, кто это такой. Интересно, а этот чудик будет ревновать? — Можно, я подойду?

— Конечно, — очень спокойно ответил Антон, — иди к нему.

— Я сейчас вернусь.

И я, робко оглянувшись, поспешила к Арину, вставшему со своей лавки, оставив на ней свою гитару.

— Привет.

— Добрый день, — поздоровался музыкант.

— Что ты тут делаешь? — задала я неумный вопрос, чтобы поддержать разговор.

— Жду, — лаконично ответил он и посмотрел на отвернувшегося Антона. — А ты с молодым человеком. Я думал, у тебя нет парня.

— Он совсем не мой парень, — уклончиво отвечала я. — Мы просто сходили в кафе.

— В кафе, — повторил за мной тихим голосом мой знакомый. — Понравилось?

— Ну да, а что?

Светло-зеленые глаза Арина, до этого опущенные вниз, стали вновь рассматривать Антона, прислонившегося к противоположной стене, с удивлением и вниманием.

— Так. Мне любопытно. И где же ты с ним познакомилась? — с явным интересом проговорил Арин и перевел взгляд на меня.

— Учимся вместе, — почему у него взгляд стал таким хитрым? Неужели ему не нравится внешний вид Антона? Неужели Арин из тех, кто оценивает человека только по тому, как он выглядит?

— Надо же. Понятно теперь, — потер острый подбородок длинноволосый.

— А вы что, — заподозрила я неладное, — знакомы?

— С ним? Нет, — безмятежно ответил гитарист. — Как твои дела, Кэт?

— Хорошо, а твои как?

— Не знаю, — странно ответил Арин. — Иногда убеждаюсь — жизнь — дерьмо. А иногда...

Он не успел закончить, потому что его перебили.

— Арин! — раздался громкий женский голос — из одного из магазинов выходила Алина, длинноногая и стройная.

Сегодня на ней было узкое платье яркого изумрудного цвета, выгодно подчеркивающего точеную фигуру. Шелковые черные волосы были собраны в сложную высокую прическу. Надо же, как эта девушка похожа на профессиональную модель. Это вполне естественно, что Кею красавица

Алина очень нравится. А может быть... может быть, и Кей где-то здесь? Сердце забило в ожидании. Вдруг и он сейчас внезапно выйдет откуда-нибудь? Смогу ли я смотреть на то, как он подходит к высокой девушке, обнимает ее и ласково целует? Нет, смогу. Арин, наверное, видит это каждый день. Или по крайней мере видел пять лет. И ничего, живой до сих пор. Со своими тараканами, правда, но живет же он. А может, он просто сильный духом и ловко скрывает свои истинные эмоции?

— Арин, это кто? — требовательно спросила Алина.

— Это Кэт, Катя, — представил он нас. — А это Алина. Вы видели друг друга в воскресенье. На природе.

— А-а-а, — с непередаваемыми интонациями протянула брюнетка, разглядывая меня, как экспонат в музее восковых фигур — пристально и ничуть не стесняясь. Я неуютно почувствовала себя, но силой воли заставила не опускать взгляда в пол, а глядеть куда-то в лоб этой девушке.

Катя, напомнила я сама себе, ты не имеешь права плохо думать про эту Алину только потому, что она девушка Кея и предмет страданий Арина. Относись к ней предельно объективно.

Муа-ха-ха, если сможешь, конечно. Субъективность — двигатель ненависти. Объективность — кретинизма.

— Привет, Катя, — криво улыбнулась девушка в зеленом.

— Привет, Алина, — медленно кивнула ей я.

— Прости, не запоминаю всех лиц и имен с первого раза. Совершенно не помню тебя, — чуть растягивая гласные звуки, произнесла девушка.

А я тебя помню. Очень прекрасно помню.

Давай утопим ее?

— Я тебя тоже не помню, не переживай.

— Это с тобой, — по-хозяйски положила она ухоженную руку на плечо парню, — мой Арин уехал в тот день? А ты молодец. Кей, Арин — хороший выбор.

Парень, стоящий рядом, внимательно посмотрел на девушку. В его взгляде не было ничего плохого или хорошего. Только, как показалось мне, совсем немного беспокойства.

— В смысле? — не поняла я.

— Оу, Катя, как же они поругались в тот день, мои мальчики, — с удовольствием произнесла девушка, поправляя сбившийся на бок пышный локон. — Кей так кричал, так нервничал. А я не люблю видеть его в гневе.

— Алина, не начинай, — произнес Арин.

Кажется, в присутствии этой дамы он все-таки тушевался. Странно... И что вообще они делают вдвоем здесь, если Алина — девушка Кея?

Может быть, они тайно встречаются? Или эта Алина вертит длинноволосым как хочет, а он слушается ее?

— А что? — делано удивилась брюнетка. — Я просто рассказываю все как есть. Катюша, — ехидно произнесла она, прожигая меня насквозь большими блестящими темными глазами, — Кей ведь не псих — вернее, он умело это скрывает, и вывести его из себя сложно даже мне. Да, Арин? А Катюшка смогла это сделать влет, за самое короткое время. Он так психовал, — обратилась она ко мне, говоря это с каким-то садистским удовольствием, — что даже я, даже я, представляешь, не смогла его сразу успокоить. Пришлось применить кое-какие меры.

А мне-то что с того?

Давай покажем ей средний палец, что ли, а?.. Или сразу два?

— Алина... Может быть, мы пойдем? — вновь нерешительно спросил Арин, касаясь ее руки ладонью.

— Пойдем, я как раз очень тороплюсь. Пока, Катюша.

— Пока, Алиночка, — отчего-то разозлилась я. Эта «Катюша» звучала как-то противно и небрежно. Да что б ты знала, «катюшами» называли те самые знаменитые боевые машины реактивной артиллерии в Великую Отечественную, от которых у наших врагов волосы на пятках шевелились! Так что «Катюша» звучит гордо и непобедимо, а не так отталкивающе, как это произносишь ты.

— Эй, Катенька, — близко-близко подошла ко мне Алина, дав мне почувствовать тонкий и очень терпкий аромат дорогих духов, который исходил от нее, и даже зачем-то потерела мне пуговицу на кофте, — я не люблю, когда меня так называют, милая.

— Я тоже не люблю, дорогая, — улыбнулась ей я.

— Я и сама знаю, что я не дешевка, а дорогая вещь. Нет, правильнее будет так: я ценная штучка. А, да, если хочешь, могу передать привет Кею.

— Зачем? — искренне удивилась я.

— Мы скоро с ним встречаемся, — осветилось красивое лицо какой-то злой улыбкой, совсем не подходящей этой яркой девушке. Она что, ревнует ко мне Кея?

— Ну, если хочешь, передай. Хотя мы виделись с ним на праздниках, в понедельник, и, думаю, не успели соскучиться друг по другу.

— А что вы делали в понедельник? — показушно безразлично спросила эта ненормальная, чуть склонив голову и приближаясь ко мне вновь на опасно близкое расстояние.

Мне пришлось сделать шаг назад.

— В зоопарк ходили, — дернуло меня сказать правду.

Надо было сказать, что в отель... Эта девочка точно бы лопнула и самоустранилась бы таким образом. Тебе нужно было бы только подальше отпрыгнуть, чтобы не забрызгаться кровью...

— Куда? — звонко рассмеялась Алина, и даже на лице Арина появилась едва заметная улыбка.

— В зоопарк, — пришлось повторить мне.

— Ого, я думала, этот мальчик любит только дорогие места, — протянула девушка. — Особенности. У нас с ним есть пара таких мест, личных... Как ты на него влияешь, Катюша. М-м-м, а ты не так проста.

А ты так тупа... Ну, скажи ей это, скажи!!

— Кей просто поражает меня, — с ехидной улыбочкой продолжала девушка, обращаясь не ко мне, а к Арину.

Этот мальчик вообще сумасшедший. И ты со странностями. Оставьте меня в покое. Меня Антон ждет, а идиота Кея забирайте себе и не надо на меня так пристально смотреть, я не инфузория-туфелька под лупой.

— Я не знаю, что он любит, а что не любит. Мне до него дела нет, — сказала я.

— Это хорошо. Строить иллюзии — самое опасное дело, дорогая. — Преувеличенно заботливо произнесла спутница Арина.

— Я тоже всегда так считала, — хмуро ответила я, понимая, что меня косвенным образом оскорбляют.

— Мой девиз: «покончим с иллюзиями», — как-то совсем издевательски произнесла девушка, и я уже больше не могла относиться к ней объективно, вняв внутреннему злобенькому голосу.

— «Покончим с иллюзиями!» — с этого-то они и начинаются. — Вовремя вспомнила я одну из Нинкиных любимых фраз.

Алина сдвинула брови к переносице. А я продолжала как ни в чем не бывало, изумляясь собственной глупости.

— Могут ли эти слова быть твоим девизом?

— А у меня девиза нет, я просто живу свободно, без условностей и глупых фраз.

— Любишь свободу?

— Я люблю быть свободной, — кивнула я.

— М-м-м, да ты девушка с горячей кровью? Цыганочка просто, — эти слова заставили меня вспомнить зоопарк. Арин почему-то вновь едва заметно улыбнулся. — Свобода, говоришь? А разве свобода — это ли не самая большая иллюзия?

Я пожала плечами. Философские вопросы...

— Понятия не имею. И это... знаешь, я реалист, а реалист, кстати, всегда учитывает иллюзии. Ведь у всех нас их очень много, — и я посмотрела в ее глаза.

— Да ну? — уже с открытой неприязнью глянула на меня девушка своим черными глазами, искусно подведенными и накрашенными так, чтобы они смотрелись естественно. Когда я говорю: «Да ну?», Нинка всегда вставляет: «Ну да». Но передразнить таким образом Алину я не смогла.

— А я думала, что иллюзии учитывают романтики, а не реалисты, милая, — слово «романтик» в ее исполнении стало каким-то двусмысленным синонимом «психически больного».

— Кей — романтик, — тут же дернуло меня заявить подобную глупость. Хотя, из него романтик, как из меня ободок для волос.

— Мы точно знакомы с одним и тем же Кеем? — возвела подведенные глаза к потолку черноволосая девушка.

— Кажется, с одним. Их же не может быть два, — кивнула я в ответ, понимая, что наш во всех смыслах странный разговор затягивается.

— Не может, — сказал Арин. — Хотя...

— Да, мой Кей один, — выделила слово «мой» Алина.

— И мой тоже, — еще больше рассердилась я, хотя виду и не показывала.

Алина повела плечом, одновременно склонив голову набок. Какие-то странные у нее жесты, медленные, плавные, вальяжные и противные одновременно.

— Все, нам пора. Катя, мне приятно было видеть тебя, сегодня ты очень хорошенькая, — схватил брюнетку за запястье Арин, словно что-то почувствовав, попрощался с милой улыбкой и, пока Алина не видела, послал зачем-то мне воздушный поцелуй. Настоящий джентльмен...

Они быстрым шагом направились к лифту, и, перед тем как зайти в него, Алина вдруг обернулась ко мне и плавно провела указательным пальцем по шее. Арин извиняюще улыбнулся мне, что-то быстро ей сказал, девушка опустила руки — улыбка покинула ее лицо, уступив место гневному выражению. Она, как мне на мгновение показалось, хотела вернуться назад, но брюнет ловко затащил ее в лифт, и через его прозрачные створки я видела, как продолжает смотреть то ли на меня, то ли куда-то дальше эта наглая роковая красавица.

Я сглотнула и отвернулась. Что она хотела мне этим сказать? Напугать меня? Тогда ей это удалось. Но еще больше ей удалось меня изумить до глубины души. Неужели эта черноволосая леди так сильно ревнует меня к Кею? Значит ли это, что у Алины есть основания для ревности? И может

быть, Кей... он что-то ко мне чувствует?

Ага, держи карман шире, чувствует, чувствует. Что-нибудь определенно похабное, не более. И вообще тебя, по моему скромному мнению, дожидается совершенно другой молодой человек, вовсе не Кеюшка.

Да-да, я иду к Антону... Но как же все странно... И почему Арин только эту высокомерную девицу терпит?

Чего ты к нему пристала? Любит, вот и терпит!

Вот что значит известная поговорка: «Любовь зла, полюбишь и козла». Только в данном случае — козлиху.

А вот в этом я с тобой согласна.

И почему она так смотрела на меня? Так, как будто бы хотела разорвать на кусочки? Неважно...

— Прости, что долго, — вернулась я вновь к однокласснику, терпеливо ждущему меня все у той же стены. Вот Кей бы точно стал орать или выказывать недовольство, а Антон только головой качнул, что, мол, все нормально.

— Ничего страшного, Катя. Ты хорошо знаешь этих людей? — задал он почему-то вопрос.

— Да нет, второй раз в жизни вижу, — призналась я. — Они какие-то странные, что он, что она, — и я решила пожаловаться. — Девушка думает, что мне нравится один австралопитек... гм... парень. Но ты не думай, — замахала я руками, видя заинтересованный взгляд Антона, — он мне совсем не нравится! Он мерзкий, наглый, противный, тупой крокодил, который возомнил себя мировой звездой!

— Мировой звездой? — поправил очки парень, — это как?

Я тотчас подумала, что, если расскажу Антону про то, что знакома с Кеем из популярной группы «На краю», он явно посчитает меня глупой врушкой или, что еще хуже, помешанной фанаткой.

— Да этот парень на баяне играет, — жизнерадостно отозвалась я, — в коллективе одном, который старые русские песни исполняет и фольклор всякий. У него мания величия выше этого торгового центра.

— Вот как? — завернул за угол Антон, и я поспешила за ним.

Упс, как любит говорить Настя, неужели он обиделся, что я начала говорить о другом парне. Эх, Катя-Катя, рот-то надо на замке держать, иначе сама скоро в баян превратишься, вернее, в балалайку.

— Серьезно, он надменный, как будто бы инопланетный завоеватель, в одиночку покоривший нашу планету. Он меня раздражает жутко. И обидеть любит. Не человек — а натуральная помойка. А эта брюнетка — ты же

видел ее, да? — думает, что между нами что-то есть и ревнует. Ладно, забудем на него? — я просительно заглянула в лицо молодого человека.

— Конечно, Катя. А он... сильно тебя донимает? Я могу тебе помочь?

Я сомневалась, что Антоша может помочь мне в борьбе с Кеем, потому что если эти двое светловолосых столкнутся (естественно, этому не бывать), солист группы «На краю» явно будет иметь преимущество, даже если не физическое, то моральное, а это, как известно, пятьдесят процентов победы. Да и Валерия он хорошо приложил, этот клоп с именем из трех букв.

Зато как же приятно, что есть кто-то, кто готов за тебя вступить! Мечта любой особы женского пола. Антош, какой же ты милый. Спасибо, что ты мне повстречался! Я с благодарностью посмотрела на него и ответила:

— Нет, Антон, не сильно. И вообще не думаю, что мы увидимся еще. Так что все в порядке.

— Хорошо, но если что... скажи мне, ладно?

— Ладно, — я на миг прислонилась головой к его плечу. Нет, я определенно в классном настроении, несмотря на то что встретила букашку Алину.

— Пошли дальше гулять?

— По «Августу» или на улицу?

— Куда ты скажешь.

— Тогда пошли на улицу, — улыбнулась я. — Сейчас погода такая хорошая. Вот бы лето поскорее, правда? Кстати, а какие у тебя планы на лето?

— Я еще не знаю, — немного подумав, ответил парень. — А у тебя?

— Тоже не знаю. У меня вообще никогда ничего запланированного не бывает, по-моему. Все случается внезапно! Так же внезапно, как в Россию зима приходит. А ты был когда-нибудь за границей? — любопытствовала я, осторожно становясь рядом со спутником на движущийся вниз эскалатор. Ехать вниз на лифте, как Арин и Алина, мне не хотелось.

— Был, — кивнул парень.

— А в каких странах? — заинтересовалась я тут же. Таинственная заграница — мое слабое место. Я мечтаю о путешествиях с тех самых пор, как посмотрела в глубоком детстве старое кино «Римские каникулы». Но, как приятно, чем больше мечтаешь, тем дальше закон мирового свинства отодвигает осуществление твоего заветного желания, пряча его в самом темном углу. Я была только в Индии.

Оказалось, что Антоша был во многих государствах, вот же

счастливчик! Франция, Испания, Америка, Япония, Канада, Египет, Австралия, Германия, Дания, Швейцария — во всех этих странах Антон побывал. Я просто прибалдела от такого количества стран.

— Ого! Ты прямо путешественник какой-то! — вырвалось у меня.

— Вовсе нет. Отец постоянно брал меня в командировки, потому что я не хотел оставаться один. А мама и брат в это время жили в другом городе.

Интересно, почему он своих родственников упоминает только вскользь? Я о своих готова бесконечно болтать. Нет, спрашивать у однокурсника об этом я не буду, мало ли что...

Антон долго рассказывал мне о странах и терпеливо отвечал на мои глупые вопросы. Время шло и шло, а мы вовсе не замечали его неспешного хода, гуляя как самая настоящая парочка влюбленных, на которых Нинка едва ли не плюется.

И почему, когда человек рад или счастлив, он не замечает, как секунды, минуты и часы куда-то улетают, оставляя в памяти обрывочные воспоминания и хорошие эмоции, которые, если повезет, не затрутса со временем более сильными и яркими?

Арин не знал, что они встретят их в таком месте, как «Август». Он даже не догадывался об этом, иначе ни за что не повел бы Алину сюда, увез бы ее в другой торговый центр или в ресторан.

Но они все же встретились.

С одной стороны, ему приятно было видеть Кэт, и если бы бас-гитарист «На краю» мог, он бы даже пригласил ее куда-нибудь. Но с другой, беспокоился за Алину. Она ненавидела соперниц. А Кэт и была соперницей, одной из самых серьезных соперниц, хотя и не осознавала этого.

В этот день Алине было одиноко, Кей опять сумел вывести ее из себя лишь парой слов, и она позвонила Арину, когда он находился в студии, репетируя свое соло. Позвала погулять, пожаловалась на то, что ей грустно, скучно и одиноко. Когда она плохо себя чувствовала, она всегда звонила именно ему, потому что знала — отказать ей Арин не сможет. И в этот раз парню пришлось бросить все и ехать к черноволосой красавице. Он предложил ей пройтись по магазинам, заодно и сам захотел зайти в музыкальный, посмотреть на новинки. Алина согласилась, и так они оказались в «Августе».

И когда длинноволосый музыкант ждал девушку, застрявшую в магазине женского белья, куда он целомудренно решил не заходить, то случайно увидел Кэт. Около кафе-мороженого. Не одну.

Арин сразу узнал ее спутника. Не узнать он не мог. Поэтому и поманил рукой девушку, чтобы посмотреть на его реакцию. Кэт, конечно же, подбежала к нему, улыбаясь, похожая на свежий ветерок — от нее даже и пахло холодом, вернее, мороженым. У нее были любопытные глаза и взгляд девчонки, которая настроилась на романтический лад. Арин немного поговорил с ней. И даже узнал, что со своим спутником Кэт учится в одной группе, — это Арина и удивило, и позабавило. А потом неожиданно пришла Алина.

Спутника Радовой она не узнала. Она не видела его. Она вообще никого не видела, кроме девочки Кэт. Заприметив Кэт, Алина так обозлилась, что с трудом держа себя в руках, решила слегка поиздеваться над девушкой, — это было вполне в ее стиле. Подобно черной дикой кошке, Алина любила играть с разными мышками перед тем, как съесть их. Однако, как это хорошо заметил проницательный Арин, Кэт тоже оказалась не совсем простой и даже смогла вывести его Алину из равновесия. Парня это даже слегка рассмешило, хотя он и не приветствовал грубость, особенно среди представительниц прекрасного пола. А еще Арин не смог отказать себе в удовольствии на глазах сопровождающего Кэт послать ей воздушный поцелуй. Он был уверен — тот парень в очках это видит и это его совсем не порадует. Скорее наоборот.

И только тогда, когда Алина, злая, как цепной пес, оглянулась, чтобы еще раз как следует жестами пригрозить Кэт, — а Алина хорошо это умела, пугать людей, Арин сказал ей о том, кто сопровождает малышку Радову.

Услышав его слова, Алина нервно обернулась. Теперь и она тоже узнала спутника Кати, и это ее еще больше разозлило, она даже хотела вернуться, но Арин не позволил ей этого сделать.

— Ничего не делай. Просто уйдем. — Крепко взял ее за руку бас-гитарист «На краю». — Думаю, я знаю, как можно будет тебе помочь.

— Значит, он не может забыть меня. — Сделала неверный вывод Алина и вздохнула.

А когда они ехали в стеклянном лифте, девушка продолжала смотреть на спутника своей соперницы, а Арин — на саму Кэт. Он поймал себя на мысли, что если бы он встретил ее в других обстоятельствах, то все, возможно, сложилось бы иначе.

Когда мы с Антоном, кажется, переговорили уже обо всем на свете, небо стало понемногу темнеть, солнце садиться, цепляясь последними лучами за крыши высоток, а на противоположном от него конце небосвода забелел тоненький растущий месяц. Все это красноречиво говорило о том,

что в свои права плотно вступает вечер, скоро грозящий перейти в ночь.

Мы стояли под высоким фонарем, который зажегся как раз в тот момент, когда мы оказались рядом с ним, хотя было еще довольно светло для искусственного уличного освещения.

— Интересно, а кто включает-выключает фонари? Вот смотри, — тут же поделилась я с парнем, — сейчас не так темно, чтобы они горели, ведь солнце еще немного светит. А вот ночью, когда освещение действительно нужно, куча фонарей не светится. Зато иногда их можно увидеть рабочими даже днем! Вот кто...

— Застынь, — зачем-то сказал мне Антон, прервав мою речь.

— Что? Зачем? — удивилась я.

— Нет-нет, Катя, не поворачивай голову! Стой так. Хорошо?

— Стою. Только зачем? — никак не могла я взять в толк. Что это с Антоном?

— Минуту.

Он зачем-то отошел чуть назад, сбросил с плеч рюкзак, достал из него большой профессиональный фотоаппарат, в котором я опознала камеру с очень хорошей оптикой, и, вновь попросив меня не двигаться, пару раз сфотографировал. Яркая вспышка мазнула по лицу, но я сумела не зажмурить глаза и даже улыбнулась.

— Хорошо. Катя, поверни немного голову вправо. И чуть вниз, — сказал мне он, настраивая свою навороченную камеру.

Почему-то мне было приятно, что Антон фотографирует меня. Я не чувствовала себя смущенной — напротив, вела себя естественно и даже раскрепощенно. Он щелкнул меня еще с нескольких ракурсов, то отходя вправо, то влево, то и дело настраивая объектив и, кажется, остался доволен результатом.

— А ты просто так фотик с собой взял или любишь фотографировать? — не знала я о таком хобби этого скрытного чудика. Надо же, мы в этом похожи. Я ведь тоже люблю фотографировать.

— Бывает. Интересное занятие. Все. На этих снимках ты будешь похожа на фею, — задумчиво произнес Антон, глядя на полученные снимки на дисплее.

— На фею? Это которая с крылышками? — захихикала я, представляя себя в образе малюсенькой волшебницы, одновременно заглядывая в экран цифрового фотоаппарата, от которого, если честно, сама не отказалась бы. При этом я касалась щекой его плеча, и мне было очень-очень приятно просто от ощущения того, что я могу позволить себе роскошь дотронуться до этого человека. А его снимки и правда были чудесными. Кажется, когда

человек хорошо относится к тебе, он и через камеру видит тебя красиво. А если ты ему не нужен, безразличен или противен, то и сфотографирует он тебя не самым лучшим образом.

— Фея с крылышками? — переспросил Антон.

Томас в детстве рассказывал мне и Эдгару, а затем и Нелли, одну и ту же старую шотландскую сказку под названием «Фея и котёл», очень глупого содержания: муж и жена ежедневно получали от феи целый котел мозговых косточек, потому что женщина дружила с волшебницей, но однажды жена уехала, а муж конкретно ступил — он не открыл фее дверь, непонятно чего испугавшись. Волшебное существо очень разозлилось и чуть не скормило мужика и вернувшуюся бывшую подружку своим собакам-чудовищам. Больше фея к супругам не возвращалась, а где тут мораль — я не знаю. Зато папа постоянно где-то ее находил, и каждый его следующий пересказ в корне отличался от оригинала. Но с самого детства в моей темноволосой головушке сидит что-то вроде архетипа: «феи — неадекватные и крайне нервные существа, у которых характер — просто ужас».

Я тут же поведала это все Антону, не забыв пересказать саму сказку в лицах. Он заулыбался и, немного смущаясь, выдал мне к моему восторгу, что для него фея — это «милая девушка, вокруг которой распространяется волшебство».

— Вокруг меня было волшебство? — попыталась я пококетничать, нутром чувствуя, что это у меня не слишком хорошо получается. — Ты перепутал, это фонарь просто желтым светом осветил меня, — тут же принялась я отнекиваться.

— Кать, ты такая глупая.

— Сам дурак, — ткнула я его в плечо. — Антон, можно посмотреть твою камеру?

— Бери.

Я с осторожностью взяла в руки фотоаппарат. Отличная марка, одна из лучших на рынке цифровых камер, полноформатный — такие камеры дают полноценный качественный кадр, соответствующий объектив 1-го класса с хорошим стеклом.

— Ого! — искренне восхитилась я. — Да он у тебя просто чудо. Это ведь светосильный объектив, да?

— Да, — отозвался Антон. — Ты разбираешься в них?

— Чуть-чуть, — призналась я. — Я очень люблю искусство фотографии и сама люблю фотографировать, хотя, конечно, я далеко не профессионал.

— И часто ты фотографируешь, Катя? — поинтересовался с интересом Тропинин.

— Не-а. Если только на телефон, — рассмеялась я. — Хотя одно время очень увлекалась — ходила на курсы, читала много монографий, особенно о композиции — мне кажется, это основное в фотографии. Хотя, конечно, техническая сторона тоже очень многое играет.

— И почему ты перестала этим заниматься?

— М? — рассматривала я интерфейс фотоаппарата.

— Почему перестала фотографировать? — задал тот же вопрос светловолосый одноклассник.

— Как-то так вышло, что у меня пропало желание и вдохновение, — призналась я. — И камера, почувствовав это, сломалась. И я никак не могу отнести ее в ремонт. — А ты почему начал фотографировать? — я навела объектив на Антона, пытаюсь поймать его ракурс. Он понял, что я хочу его сфотографировать и улыбнулся. Правда, у меня получился лишь один снимок — долго щелкать Антон себя не позволил — покачал головой, словно говоря, что больше не надо, и я поняла его без слов.

— Успокаивает, — было мне ответом. — Умиротворяющее занятие.

— То есть когда ты на взводе, ты берешь камеру и идешь щелкать улицу?

— Вроде того. Тогда и ты ответить, почему начала увлекаться этим?

Я попинала камешек на дороге.

— Мне было плохо, а под рукой оказался фотоаппарат. Он отвлекал меня от всего плохого и грустного, — вздохнула я, решив не вдаваться в подробности. — Антон, мне понравилось, как ты сфотографировал меня. Правда, очень здорово. Я хочу скачать эти фотки. Потом распечатаю.

— Я могу тебе это сделать сам, — удивил меня парень.

— Сам?

— Распечатаю на специальном цветном принтере.

— А, точно! — хлопнула я себя по лбу. — У Нинки тоже такой есть. Спасибо. Было бы здорово. А когда? — не терпелось мне.

— Я живу недалеко. Если хочешь, — он чуть помедлил, — мы можем пойти ко мне и я сделаю все прямо сейчас.

— Кстати, а в фотошопе ты хорошо работаешь? Слушай, если что, ты мне лицо красивое сделаешь, ладно? — тут же попросила я. Эдгар классно в фотошопе разбирается, но его невозможно допроситься, чтобы он дефекты убрал на той или иной фотографии. Брат, называется. Я вот только кадрировать умею да эффекты разные ставить.

— У тебя и так красивое лицо.

Я зарделась.

— Ну все-таки как у тебя с фотошопом?

— Иногда работаю на нем, — убрал камеру в чехол Антон.

— Сложно? — не отставала я.

— Нет, Катя, если хочешь, я могу тебя научить.

— Хочу! Еще как. Вот фотошоп — это точно волшебство. Но я пока с ним не дружу.

— Пойдем ко мне, — чуть более настойчиво позвал меня парень. — Я распечатаю тебе фото, и мы вместе что-нибудь поделаем на фотошопе.

Пойти домой к Антону — вот же заманчивая идея! Я не откажусь от такого соблазнительного предложения.

Вау, а если он там тебя... того?

С ума сошла? Это же не знойный мачо-мэн Кей или какой-нибудь извращенец Келла, это Антон Тропинин. Милый и хороший мальчик.

Маньяки тоже, знаешь ли, в глазах других нормальными казались, даже тихими и спокойными...

Умолкни. Это мой Антон. И я ему доверяю. Кстати, надо не забыть его пригласить и к себе в гости, а то меня родственники уже достали. Каждый из них считает своим долгом едва ли не ежедневно спросить о том, «как дела у твоего Антона?» и «почему он не приходит, неужели даже он тебя не выдержал?». А сестра до сих пор выведывает у меня: «правда ли, что у тебя два парня, а то все сплетничают, что у тебя их четыре». На изумленные вопросы о таком количестве моих возможных кавалеров Нелли отвечала лишь, что только хранительницы слухов, то есть Фроловна и прочие подъездные бабки владеют этой информацией, а она, Нелли, им не верит, потому что «четыре парня для такой, как я, это явный перебор».

— Пошли, если, конечно, я тебе не помешаю, — кивнула я молодому человеку.

— Ты что, не помешаешь. Только... у меня немного не прибрано, так что не обращай внимания на беспорядок. В некоторые комнаты лучше... просто не заходить.

— Можно подумать, у меня всегда прибрано! — воскликнула я, обрадованная приглашением. — Ты бы видел сейчас мою комнату! Нелька искала какую-то пропавшую тетрадку по математике, так она перевернула вверх дном и шкаф, и оба письменных стола. На полу ступить негде уже второй день. Я ей говорю — убирайся, ты же все это натворила, а она мне твердит, что уберет, но ее наглые руки все никак до этого не могут дойти. Живем, как в свинарнике.

До дома Антона мы дошли за минут двадцать-тридцать, чуть поплутав

по центру. Посмотрев на место жительства Тропинина, я едва не присвистнула — еще один здоровый элитный домина, недавно построенный. Такое чувство, что большинство моих знакомых — жуткие богатеи, живущие в крутых домах. У меня скоро будет комплекс неполноценности на этой почве. Ах да, кто-то из родителей Антоши — бизнесмен, а им, как известно, положено жить в роскошных квартирах — статус обязывает. Как ехидно размышляет Леша, «если наши отечественные олигархи и прочие короли российской жизни будут жить не в шикарных хоромах, а в обычных квартирках, то другие бизнесмены начнут думать, что они, олигархи, в бедственном положении, раз не могут приобрести крутой хаты, и не станут вести с ними никаких дел».

— Красивый дом, — сказала я Антону, когда мы входили в единственный большой подъезд, пройдя мимо поста секьюрити.

— Да, правда, только безжизненный. Мне твой больше нравится, — ответил парень.

— Правда? А мне твой. Махнемся? — предложила я тут же.

— Ты еще квартиры не видела.

— О, это зловеще звучит. Дизайнер плохо обставил, что ли? — не поняла я его.

— Вроде того.

На бесшумном и скоростном лифте (лифт! Сколько воспоминаний и эмоций!) мы добрались до седьмого этажа, а уже через минуту оказались в большой и светлой квартире, в которой имел честь проживать Антон.

— Ого! Ничего себе, — с восторгом стала осматриваться я.

Квартира в стиле минимализма и хай-тека! Я такие только в журналах видела и в Интернете! У Нинки, конечно, квартира тоже не бедная, но обстановка в ней иная: классическая и тяжеловесно-торжественная. А тут все иначе: современно и легко.

Вокруг много свободного пространства, прямые линии, холодные и блестящие металлические или белые тона, изредка разбавленные чем-нибудь сапфировым или изумрудным, зеркала, витражи, создающие изумительную техно-сказочную воздушность, сложные потолки со встроенными светильниками.

— А мне у тебя безумно нравится, — вертела головой я. Взгляд мой наткнулся на абстрактную сине-зеленую картину в прозрачно-голубой раме. Где-то я такую видела... Точно видела. И кажется, рама должна быть полой, и в ней должна находиться подкрашенная вода с пузырьками.

— Да, ты правильно поняла, это рисовал твой отец, — проследил за моим взглядом Тропинин. — Я в прошлом году приобрел ее. Картина

называется «Вода играет».

— Я вспомнила. Ты действительно любишь его работы. А эта картина вполне подходит интерьеру твоей квартиры. Здесь так классно!

— Да?

— Да.

Я не лгала. «Сплетение пространства и света», как называет хай-тек-интерьер Томас, мне очень и очень нравилось, как и простые геометрические формы мебели и изящная простота цветовой гаммы.

А еще здесь пахнет свежестью и сандалом. Аромат едва уловим, но около дверей чувствуется более всего. Ого, неужели у Антона в квартире те самые навороченные двери с запахом? Отпад! Надо же, а по Антоше все же не скажешь, что он такой вот... крутой.

— Ты ведь здесь не один живешь?

— Нет. С отцом. Но сейчас он в отъезде. Очень долгим отъезде, — ответил молодой человек.

— Наверное, поэтому ты так часто и прогуливаешь, — не удержалась я от маленького подкола. — Это потому, что твой папа тебя не контролирует.

— Нет, не поэтому, — улыбнулся парень, — он никогда меня не контролирует. Меня не нужно контролировать.

— Ты уже большой мальчик? Поэтому не нужно? — лукаво взглянула я на парня, прислонившегося к стене и с полуулыбкой наблюдавшего за восторженной мной.

— Ты права, Катя.

— Нет, тебя нужно контролировать. Потому что тебе только кажется, что ты большой мальчик. Ух ты, — ткнула я пальцем в нечто, похожее на белую гигантскую виноградную гроздь, свисающую с потолка. — Это что, Антош?

— Светильник.

— Оригинально. Папа помер бы от зависти! — восхищенно произнесла я, рукой проводя по светло-серой стене, в которую был вмонтирован еще один идеально круглый синий осветительный прибор, больше похожий на нарисованную в стене окружность, нежели на источник света. — А какие потолки классные! Как будто ступенчатые!

— Проходи дальше.

Чудной холл плавно перетекал в гостиную, и я поспешила оказаться в ней, осторожно ступая по мягкому однотонному синему ковру с большим ворсом. Надо же, стены, потолок, полы — все одного серого оттенка, и граница между ними от этого почему-то словно стирается, и кажется, что ты оказался в слегка сюрреалистичном помещении без углов. Зато вся

мебель тут черно-белая. Из ярких пятен — только этот удивительно мягкий ковер, тонкие полочки длинного и изогнутого стеллажа с металлическими креплениями и высокие спинки простых с виду стульев около бара и обеденного стола в противоположном конце комнаты, который явно служит неким «обеденным уголком».

— В одной комнате сразу две зоны, — пояснил тут же Антон, — одна — для отдыха, вторая — что-то вроде столовой. Видишь вон тот желтый проем?

— Да, — пригляделась я. — А что это?

— Все думают, что это просто элемент декора, но на самом деле это вход на кухню. Нужно коснуться этой импровизированной двери в любом месте, и она сама отползет вверх.

— Я в шоке, Антош. Чего только архитекторы и дизайнеры не напридумывают! А сколько у тебя здесь комнат?

— Пять.

— И все в таком стиле? — не поверила я, продолжая медленно осматривать помещение.

— Да, к сожалению. Отец так захотел, потому что модно.

— И тебе совсем не нравится, что ли?

— Нравится, но не совсем, — туманно ответил молодой человек и повел меня дальше.

Мы сели на прямоугольный черно-белый диван с металлическими ножками и подлокотниками, стоящий посередине огромной комнаты напротив серебряного домашнего кинотеатра. Его огромный экран был виден, кажется, из всех точек комнаты. Например, как пояснил Антон, его удобно было смотреть из-за стеклянного полукруглого бара, отделанного хромированным металлом. Около бара, на серой стене, виднелись черно-белые фотографии в легких серебристо-фиолетовых рамках, развешанные в строгом порядке по стене.

— Сейчас я попытаюсь тебя удивить.

— Как?

— Увидишь.

Антон протянул руку к стеклянному столику впереди, украшенному хрупкой белой вазочкой, откуда одиноко и гордо торчал синий-синий искусственный цветок, и взял со стола большой пульт. Затем нажал на пару кнопок, и серые строгие жалюзи принялись закрываться, и одновременно с этим в определенном порядке включились все источники света в комнате: верхнее освещение, галогенные лампы в стенах и струнные светильники.

Да, ему удалось удивить меня.

Пара мгновений — и мы с ним оказались словно в другом помещении: залитом нежно сиреневым плотным светом, который сгущался вокруг дивана, освещая его. Кое-где в комнате фиолетовый перемежался с темно-синим и нежно-салатовым, создавая причудливые узоры.

— Антон, мы как будто бы в клубе! — с восторгом огляделась я. — Как тут красиво! Я никогда не думала, что такой стиль в интерьере может быть уютным.

— А я не чувствую в этом доме уюта, — вздохнул почему-то он. — Стараюсь бывать здесь не слишком часто.

— Почему? — с сочувствием спросила я. Для меня дом очень многое значит. А куда еще идти человеку, как не домой? Дома должна быть семья, то есть те, кто тебя ждет. Бедный мальчик, неужели его действительно некому ждать?

— Здесь всегда пусто, — словно прочел мои мысли одноклассник. Он не жаловался, нет, его слова звучали как констатация факта.

— Если тебе будет скучно или одиноко, приходи ко мне в гости, — тут же сообщила я Антону.

Он не ответил, только улыбнулся краешком губ. Это значит, он придет? Ты же придешь ко мне, правда?

— Почему мне иногда хочется тебя пожалеть? — спросила я вдруг тихо, повернувшись к нему. Рядом с ним я иногда чувствую себя матерью Терезой. И хочу дарить тепло.

— Я не знаю, — он немного грустно улыбнулся.

Мне вдруг показалось, что он едва себя сдерживает от какого-то необдуманного поступка, и это дается ему тяжело. — Ты делаешь со мной что-то странное.

— Что же?

— Делаешь уверенным в себе. И я постоянно думаю о тебе.

— Я тоже о тебе часто думаю, — сказала я. — Ты один из самых необычных людей, которых я встречала. — И я засмеялась, приглядевшись к парню.

— Ты что? — не понял причину моего смеха хозяин квартиры.

— Твой дом напоминает мне космический корабль, а ты сам — инопланетянина! — обрадовала я его милым сравнением. — У тебя лицо фиолетовенькое такое, как у инопланетянина, из-за освещения. У меня, наверное, тоже, но все равно смешно.

Антон нажал еще на какую-то кнопку на пульте, и по комнате медленно закружились светлые снежинки и звездочки.

— Чудеса светотехники! Я тоже такую штуку себе домой хочу.

Он ничего не ответил, просто сидел и смотрел на меня, подтянув одно колено к себе и положив на него подбородок. Я улыбнулась ему. Почему он такой милый? И почему я хочу его обнять?

Никто этого не знал.

Пару минут мы просто молчали. Я уж хотела напомнить парню о том, зачем мы пришли к нему домой, но почему-то у меня вырвалось совершенно другое.

— С тобой что-то не то.

— Что?

— Ты расстроен. Или переживаешь из-за чего-то. Может, чувствуешь себя плохо?

— Нет. Если только морально плохо. Но ты не должна об этом думать. Катя... — Антон что-то хотел сказать, но не стал продолжать, и опять повисла долгая тишина.

— Ты сегодня чудовищно напряженный, — покровительственно произнесла я, чувствуя ответственность за молодого человека, как за маленькую собачку (кстати, один из плюсов в общении с Кеем — я не чувствую никакой ответственности!), — что-то плохое случилось?

— Нет, — покачал он головой.

— Точно? Ты сегодня, как мы вышли из «Лапландии», странный.

— Катя, тебе кажется.

— Ты от меня так просто не отвяжешься! — погрозила я ему кулаком, решив взбодрить. Мне захотелось подурочиться, пока волшебство современных световых эффектов не пропало, и я, чуть подумав, какой бы фортель мне выкинуть, на коленях переползла весь широченный диван, остановилась около Антона и, взяв его лицо в ладони, поцеловала в щеку и неожиданно, от чего он вздрогнул, слегка укусила за нос. Когда я была маленькой, я частенько так делала — кусала всех за носы.

Такое бесцеремонное поведение, как я и рассчитывала, взбодрило Антона.

— Что с тобой? — потер он нос слегка обалдело, но не теряясь и обнимая меня за плечи. Я замерла — так приятно мне было ощущать его руки.

— Что с тобой? — повторил парень мне на ухо.

— Я тебя так веселю, — обиделась я, вырвавшись из его объятий, и отползла подальше. Обычно я не веду себя так в гостях, но сейчас на меня напало какое-то игривое настроение. — Ты скучный и грустный, как дерево.

— Как дерево? А оно может скучать? — потер лоб он. Чесотка у него,

что ли, началась?

— Может, ты же скучаешь. Хочешь, я тебе песенку спою?

— Хочу.

— Ну вообще-то я не умею петь. У меня есть слух, но голоса нет.

Может, ты споешь? — лукаво предложила я.

Светловолосый рассмеялся:

— Нет, я тоже... петь не умею. Хотя слух есть.

— Обидно, правда?

Парень кивнул. Ну как его расшевелить? Почему он печальный?

Почему глядит на меня, как нагадивший в тапок унылый кошак?

— Предлагаю тебе спарринг, — придумала я еще одно развлечение. —

Давай руку, выясним, кто круче. Давай-давай, не скучай!

— Ну если ты хочешь...

— Еще бы!

Мы сползли на пол, поставив сцепленные руки на диван.

Естественно, я выиграла, потому что кто-то поддавался мне крайне бессовестно.

— Ты должен со всей силы играть! Какой это тогда спарринг? — возмущалась я. — Антон, надо по-честному.

— Все и так по-честному, — отвечал он мне с такой искренностью, словно говорил правду.

— Не ври! Ты должен быть сильнее! — не оставалось мне ничего другого, как кинуть в него подушкой. Я-то думала, что он бросит ее в меня в ответ, но Антон не стал этого делать. Он поймал ее, положил на подушку голову и стал смотреть на меня с едва заметной мечтательной улыбкой. На мой вопрос: «Почему?» сказал, что не может кидаться в девушек даже подушками. Как же мне его взбодрить-то? Почему он грустный, как последний огурец в банке, знающий, какую страшную участь приготовили ему прожорливые людишки, схрумкавшие его остальных зеленых братьев.

А ты пни его, мальчик и взбодрится. Лучше всего пинай по голове и много раз подряд, глядишь, и разбудишь в нем первобытную агрессию. Обоим весело будет.

— Антон, — деловым тоном произнесла я.

— Что?

Я близко-близко приблизила свое лицо к молодому человеку, так, что почувствовала на своей коже его дыхание. Но не смогла себя заставить поцеловать его первой. Кажется, я все-таки еще стеснялась его.

Он ничего не сказал, коснулся губами моего лба, просто потянул меня на себя и упал спиной на диван, обнимая одной рукой. Я положила голову

Антону на плечо, а руку удобно расположила на его животе — парень тут же, кажется, почти перестал дышать и закусил губу, чуть сильнее прижав к себе.

А со мной происходило что-то странное, но приятное. Нет, во мне определенно живет целый выводок воздушных бабочек, которые неистово реагируют на близкое присутствие этого парня.

Я могу назвать это любовью?

Как ни назови, все равно ты набитая дура. Но... находиться рядом с ним удобненько, однако. Рядом с живым, теплым и притягательным молодым и полным сил мужчиной даже старенькой бабушке будет приятно. Ладно уж, лежи рядом с ним, кайфуй. И не прижимай свою лапу к его животу так сильно, а то он подумает, что у тебя голод.

Какой такой голод? Что ты несешь?

По мужскому вниманию голод. Да, пришла, называется, за фоточкой... Радуйся, что Антоша приличный мальчик. Вот Кей бы так лежать не захотел. Вернее, ты бы лежала в другом положении.

Заткнись, пожалуйста. Не порти момент.

Щас. Но только с Кеем тебе так не светит обниматься...

Мне все равно...

Мы валялись на мягком большущем диване, уже просто касаясь друг друга плечами, и между нами не было никакого напряжения — только тишина, которая по одному нажатию на пульт сменилась тихой красивой мелодией, исполненной чьими-то умелыми и талантливymi руками на фортепиано. Антон с закрытыми глазами слушал умиротворяющую музыку, а я с открытыми улыбалась.

Интересно, это, типа, счастье? И надолго ли оно?

Я потерлась носом об его плечо, погладила по руке. Во мне росло чувство необыкновенной нежности к Антону.

— Ты, что ты делаешь со мной, м? — едва слышно прошептал парень вдруг, нарушая идиллию и резко садясь. Он обернулся на меня и с минуту изучал. Я таким же взглядом смотрела на него, понимая все отчетливее, что хочу быть с ним. И хочу быть с ним, наверное, всегда.

— Катя? Иди ко мне?

— Неа. — Не хотелось мне вставать.

Тогда он потянул меня за руку, и я оказалась перед ним лицом к лицу. Кажется, Антон готов был с силой прижать меня к себе и вновь опустить на диван, оказавшись уже не рядом, а надо мной, и приступить к куда более активным действиям, но...

— Девочка моя, ну же, иди сюда.

...но этому блаженству пришел конец, как и приходит он всему хорошему, что есть в нашей жизни. И, естественно, в этом была виновата женщина, не вовремя решившая посетить квартиру Тропининых. Почему это произошло именно в тот день, когда я впервые пришла в гости к Антону, и в ту минуту, когда мне хотелось быть с ним, я не знаю.

— Кто-то пришел? — услышала я вдруг какой-то металлический звук, оказавшийся звонком. — Это... твой папа?

Наверное, это был вовсе не отец моего одноклассника, потому что если бы это был его отец, Антон не вел бы себя так странно. Парень резко распахнул свои серые глаза, дотянулся до пульта и первым делом выключил музыку и все освещение, кроме верхнего. Кажется, он никого не ждал и стал нервным только от мысли, что сейчас кто-то придет в его квартиру.

— Не думаю. Подожди, — он вскочил с дивана и быстрым шагом подошел к видеофону.

Я с любопытством обернулась и поглядела на черно-белый экранчик, в котором явственно проглядывал силуэт какой-то высокой статной женщины с пышными светлыми волосами.

— Это кто? — удивилась я.

— Вот черт, — проговорил устало Антон.

— Что случилось?

Вместо ответа это чудо-юдо схватило меня за руку и поволокло в соседнюю темную комнату, которая оказалась бело-зеленой стильной спальней с минимумом мебели. Кроме большой низкой кровати, прикроватной круглой тумбочки, вмонтированного во всю длину стены шкафа и странного вида зеленого мягкого кресла, здесь почти ничего не было. Огромное, во всю стену, окно, было закрыто горизонтальными темно-сапфировыми жалюзи.

— Ты что? — безмерно удивилась я, осматриваясь. На миг мелькнула в моей голове мысль о том, что на самом деле это вовсе не квартира Антоши, а чья-то другая, в которую он привел меня похвастаться своим достатком. А теперь в дом возвращаются настоящие хозяева.

Но светловолосый парень развеял мои сомнения.

— Катя, — умоляюще поглядел она ни меня. — Там моя мама. Я не знаю, зачем она пришла, но... — И он оглянулся на дверь, закусив губу.

— Что но? — не поняла я, но обрадовалась, что квартира все-таки не чужая. Мама — это мама, милицию вызывать не станет.

— Моя мать, она... Она со сложным характером, невозможным, — отрывисто произнес Антон, вдруг сильно-сильно напомнив мне проклятого

Кея манерой речи. Но его голос почти тут же стал другим. — Прости, Кать. Посиди... посиди здесь одна, не показывайся матери. Пожалуйста. Я потом, как-нибудь потом вас обязательно вас познакомлю. Хорошо?

— Хорошо, — тут же согласилась я, видя, что он очень нервничает. — Ты же от Нинки у меня прятался.

— Спасибо. Просто она... действительно сложный человек и очень конфликтный, — сдвинув темные брови к переносице, проговорил он с едва уловимым отчаянием.

— Да ничего, — проговорила я удивленно. Зачем ему прятать девушку от родной мамы? Она что, запрещает ему встречаться? Или есть какие-то иные причины?

— Мать знает, что я дома, наверняка охрана сказала ей. Поэтому она и поднялась. Она не будет заходить сюда. Не бойся. Спасибо! — повторив это вежливое слово еще раз, хозяин квартиры молниеносно поцеловал меня в щеку и выбежал. Его ближайшая родственница вновь позвонила — ей не терпелось попасть в квартиру.

Мне оставалось лишь медленно коснуться пальцами пластиковой двери, а потом сесть на самый краешек широкой кровати, на которой смогли бы размеситься три или четыре человека.

Сначала я сидела, как мышка, не двигаясь и почти не дыша. Потом поняла, что изоляция в этом доме должна быть хорошей, а значит, шумно дышать все-таки можно. И можно даже двигаться.

Осторожно встав, я подошла к самой двери и тут же услышала тихий голос Антона, но не смогла разобрать слов. Зато следующее предложение из уст его гостя я разобрала хорошо.

— Ну, дорогой мой, — раздался низкий, очень громкий и требовательный голос женщины. — Наконец-то ты дома. Твоя мать уже и не чаяла застать тебя в квартире.

— Застала же, — тихо ответил Антон.

— С пятого раза. Почему ты не берешь телефон? — требовательно поинтересовалась родительница Антона.

— Я был занят.

— Занят? — издевательски произнесла гостя. — Занят чем, позволь спросить? По-моему, мы видимся недостаточно часто, чтобы ты мог игнорировать мои звонки.

— Я не игнорировал.

— Единственный, кто меня не игнорирует, это Кирилл. Да, кстати, почему ты не поздоровался с собственной матерью?

— Добрый день, мамочка. Ты тоже сына не поприветствовала, — в его

голосе слышалось напряжение.

А парень умеет показывать зубки, когда это ему нужно. Сейчас его голос не самый приветливый, сухой, отчего-то напоминает мне интонации одного моего ненормального знакомого...

— Ох, убери свой сарказм, занятой мой. Так чем же ты занят? Такими важными делами, что смеешь пренебрегать родной матерью? Можешь не отвечать, я прекрасно знаю, чем ты занимаешься.

Неужели у Антона и его мамы не слишком хорошие отношения? Они оба не слишком-то обрадованы встречей.

— Мама, — начал, было, парень устало, но женщина властно его перебила:

— Молчи, не зли меня, дорогуша. И вообще как ты выглядишь? Это что, стиль «дохлая обезьяна»? Что ты напятил на себя? Это твоя новая фишка? Хотя у тебя нет ума и манер, ты все же красивый мальчик. В нашем роду все красивы. Не позорься. И меня не позорь. А если кто увидит тебя в таком одеянии? Или это новая мода такая, я не понимаю? «Деревенский дурачок» называется? — Женщина на пару секунд замолчала, наверное, оглядывала сына в поисках новых недостатков. — Что с волосами? Ты на идиота похож. Не сомневайся, милый, очень похож. Если к тебе подойдут на улице и спросят: «Вы, случайно, не идиот?», не удивляйся, на таких, как ты, так всегда реагируют.

Мне стало жаль Антона. Надо же, какая тетенька. Не успела прийти, так уже и обхамила родного сына. Понятно, почему он не захотел нас знакомить — если уж она ему не стесняется сообщать подобные вещи, то что уж говорить обо мне? Она все мои недостатки влегкую опишет и глазом не моргнет, даже если я утону в слезах от жалости к самой себе.

И Антоше сейчас явно неприятно это слышать, а знать, что девушка, которая ему нравится, может слышать эти нелестные слова тоже — досадно вдвойне.

— Мам, зачем ты пришла? — как-то безэмоционально спросил он. — У меня дела.

— Ох какие мы деловые, — поцокала языком женщина. — Куда деваться. И не надо на меня так смотреть, сыночек. Свои грозные взгляды оставь для своих девочек-припевочек. Слышала я, много теперь де...

Теперь Антон поспешно прервал мать.

— Мама, так зачем ты пришла? Мне правда нужно уходить.

— Ты прекрасно знаешь, зачем я пришла, — жестко ответила женщина. — И не нужно разговаривать со мной таким грубым тоном. Я пока еще твоя мать, а не алкашка с улицы.

— Не передергивай мои слова, — отвечал сердито молодой человек.

— Ох какое мученическое у тебя выражение лица. Ладно, у меня сегодня плотное расписание, поэтому перейдем сразу к делу. Что у тебя с дочерью Лескова?

— Ничего! — судя по звуку, Антон вскочил с дивана.

— Как это ничего? — зазвучали в низком женском голосе изумленные и сердитые нотки.

— Обыкновенно.

— Нет, не обыкновенно. Вы сейчас встречаетесь? После того как она вернулась?

— Не напоминай мне о ней.

— Что-о-о? Не напоминать? Я, по-моему, русским языком сказала тебе наладить с ней отношения, — повысила тон его матушка.

Интересно, она всегда такая или у нее плохое настроение сегодня? — Антон, ты меня режешь без ножа. Что у тебя с ней сейчас?

— А что у меня может быть с ней? Я не хочу ее видеть, — как-то даже злобно произнес он в ответ.

Что еще за дочь какого-то Лескова? О чем они? Мать Антоши хочет, чтобы сын с кем-то встречался? Эй, эй, зачем? А как же я?

Тем временем дама продолжала:

— Придется, дорогуша. Ее отец — мой основной партнер. У нас назревает важный контракт. А девочка тебя любит.

Кого это она любит? Антона???

Чего, конкуренция, да? Ну что я могу сказать, только вот что: «Вуа-ха-ха-ха-ха».

— Я ее не люблю, — глухо отвечал Тропинин.

— Давно? Сколько?

— Прилично. Ты совсем не знаешь собственного сына. Я не люблю ее давно.

— Люблю не люблю, — отмахнулась величественно его ближайшая родственница. — Что ты за бред несешь, дорогуша? В любовь вздумал поиграть, что ли? Если тебе так хочется насладиться игрой во что-либо, съезди на пару ролевых игр в лес.

Интересно, Антону нравится, что его зовут «дорогушей»?

— В любовь не играют, мама. Она либо есть, либо нет.

— Пофилософствуй мне еще. И что ты за человек? Раньше я могла приструнить тебя ограничением расходов. А теперь ты распоясался! — пожаловалась сама себе громким голосом женщина. — Ты ужасен. Живи, пожалуйста, в реальности, а не в этой своей музыке.

— Мама, перестань, — попытался вновь остановить ее сын.

В какой еще музыке? О чем она говорит?

— Это ты перестань. Ты прекрасно понимаешь, как для меня и моей фирмы важны отношения с Лесковым и его капиталами, а ты, вульгарно выражаясь, динамишь его дочурку по всем фронтам. Она, чтоб ты знал, имеет большое влияние на своего безвольного папашу, на этого кретина Лескова. Она вернулась, и ваши отношения должны стать прежними.

— Мама, я не хочу больше ее видеть. Меня ничего с ней не связывает, — в голосе парня появилась еще большая злость, а я буквально приросла к двери, внимательно слушаю.

— Зато меня связывает контракт. С ее папочкой! — закричала женщина, посчитав, что сын достаточно вывел ее из себя. — И если он сорвется... если он сорвется по вине моего бестолкового сына, вернее, тебя, Антон, всем будет плохо! А тебе будет плохо вдвойне — это я тебе гарантирую, мелкий мошенник!

Какая добрая мама. Прямо сцена «Все лучшее — сыну!».

— Пусть Кирилл с ней встречается! — стал бурно спорить Антон. — Он же у тебя хороший. Не так ли?

— Не трогай брата! — взвизгнула женщина. — Вечно ты к нему цепляешься! Отстань от него!

— Почему ты всегда его защищаешь? — хмуро поинтересовался одноклассник.

— Потому что в отличие от тебя он хороший мальчик и многого сумел добиться!

— А я что, ничего не добился? — теперь точно такой же сарказм, который недавно слышался в голосе Тропининой-старшей, появился и в голосе ее сына.

— Детский сад и трусы в горошек, дурачок мой. Ты занимаешься ерундой, а не серьезными делами! — грубовато возразила гостья. — И при чем тут Кирилл, если эта девка влюбилась в Твое Величество?

— Да я видеть ее не хочу! — с каким-то отчаянием выдал Тропинин, — она постоянно ищет встреч со мной, а мне она не нужна!

Какие подробности. Я испуганно взглянула на дверь. Мне стало страшно — а вдруг... вдруг эта таинственная дочь Лескова сможет забрать Антошу себе? Нет, так дело не пойдет!

Вот именно. Мы что, должны «нажитое непосильным трудом» просто так отдавать какой-то там Лесковой? Ага, сейчас.

И какая у него глупая и меркантильная мама... Наверняка Антон своим хорошим характером пошел в папу.

— Раньше хотел, и нужна была, теперь нет? — осведомилась его мама в эту же минуту, подтвердив мои догадки относительно того, что раньше они встречались.

Наверное, навстречался по просьбе мамани со всякими там девками, вот и целуется хорошо. Блин, кажется, Катрина ревнует...

Катя, ты что, злишься? Н-да, надо успокоиться...

— Теперь нет, — отвечал Антон упрямо.

— Тебе что, хотя бы вид сложно сделать, что с ней встречаешься?

— А тебе не кажется, что это слишком? — я схожу с ума, или слышу обозленные интонации Кея? Что за бред своего воображения? — Я не могу ее больше видеть.

— Чем она тебя не устраивает? Красивая, дорогая, обеспеченная, — стукнула кулаком по столу дама. — Не пугай меня, тебе что, мальчики нравиться стали, дорогуша? Неудивительно, с такими друзьями...

— При чем здесь мои друзья? — взорвался, наконец, Антон. Я никогда не слышала его крика. — Я ее просто не люблю! Я ее забыть хочу! Мама, ты понимаешь, что у меня тоже есть чувства? Понимаешь?

— Какие чувства? Какая любовь? — завопила женщина, еще больше разозленная словами сына. — Тебе сколько лет? Нет, про любовь он заговорил, смотрите! Вот и люби эту девочку сколько угодно! А я подпишу контракт с Лесковым и буду любить нашу прибыль. Всем польза!

— Мама, уходи, пожалуйста, ничего не выйдет, — устало произнес парень.

— Это все твои друзья. Их влияние. Вы что, себя современными романтиками вообразили, детки? — сделала странный вывод женщина. — Ты и твои дружки — как кость в горле.

— Отстань от них, — явно не понравилось парню упоминание о собственных друзьях, которых я, к слову, не знала.

— Что, вера в какую-то там любовь — новое хобби современной молодежи? А? Стихи про это еще не пишешь? — язвительно поинтересовалась она. — А, да, ты про другое пишешь.

— Что ты несешь, мама? — устало спросил ее сын.

Судя по шагам, он ходил туда-сюда по комнате. А еще у меня было такое чувство, что многое из того, о чем сейчас с насмешкой говорила его мать, не предназначалось для моих ушей.

— Это ты что несешь, Антон! — вновь стукнула по ни в чем неповинному столу его мама. — Вы не понимаете, что любовь — всего лишь химическое чувство! Год, два, и оно пройдет. Даже ученые это доказали, идиот! Весь в папочку! Весь! Вечно все делаете наперекор мне.

Стал заниматься фигней какой-то! Не поступил туда, куда я хотела тебя засунуть! С отцом остался! А одеваешься-то как! У нас что, средств нет, чтобы ты в фирменных магазинах одевался, как брат? Элегантность, стиль, мировые бренды... ему все это доступно, а тебе? Ты что, хуже?

— Мне плевать на него! — вскинулся Антон.

Ох и не любит он братика, однако. Плохо, когда в семье такие отношения. Понятно, кстати, почему родители одноклассника развелись. Будь я его отцом и мужем этой громкой тетеньки, то и года не смогла бы прожить рядом с такой дамой.

— Он — твой родной брат, — прошипела его мать. — Кирилл куда лучше, чем твои дружки.

— При чем здесь мои друзья, при чем? — раскричался зло Антон, и мне стало еще больше его жаль.

Что это у него за маман такая стремная? Заставляет встречаться с какими-то богатыми девочками. А ведь он сказал мне, что я ему нравлюсь... Я в раздражении сцепила руки в кулаки.

А она продолжала доказывать сыну свою точку зрения, не стесняясь в выражениях. Парень же слушал ее и изредка перебивал. Лескову он не желал видеть так же, как и брата Кирилла.

— Это что, плохо, что кто-то кого-то любит?

— С умом любить надо, сынуля, — важно произнесла женщина.

— Это иррациональное чувство. С умом несовместимо, — резко отвечал ей парень.

— Какое-какое? Ух какие мы слова знаем, деточка, не зря мы поступали куда-то против воли матери, — засюсюкала женщина. — Ну какая любовь, дорогуша? Это игра гормонов, вот и все. Только одни беды приносит.

— Кому?

— А далеко ходить не надо за примером. Вспомни-ка своего хорошего дружка, того же сыночка Лескова, братца твоей бывшей ненаглядной? Поиграл в любовь со своей девочкой тогда, пару лет назад, и вот, ее бедные родители услышали прекрасно-долгожданное: «Мам, пап, мне восемнадцать и я беременна». — И она саркастически расхохоталась. — Воистину, подарок. Помнится, ее мать чуть удар не хватил.

— Все. Хватит уже! — твердо сказал Антон, громкий голос которого в очередной раз напомнил мне Кея.

Неужели этот звездный оборкот так запал мне в душу? Глубже, чем я думала.

Но госпожа Тропинина не останавливалась. Ей нравится доставать

собственного ребенка? Неадекватная женщина.

— И кончилась тут же любовь твоего друга детства! И вы вместе начали страдать ерундой! — выдала мама моего однокурсника. А друзей Антоши она почему не любит-то? Чем не угодили?

— Хватит! Сказал же, хватит, — явно по чему-то стукнул молодой человек.

— Не ори на меня! Что, не помнишь разве, как эту бедную девочку, да какая она бедная — она дура! — сразу же увезли в Англию, подальше от него, чтобы родить в таком возрасте не вздумала? Увезли Олечку, и нет никакой любви у твоего Лескова-оболтуса. Прошла, как я и говорила! Завяли все помидоры на грядке из чувств. Зато сколько переживаний порядочному семейству их отношения доставили?

— Ты-то откуда знаешь, что он чувствует? — огрызнулся Антон.

Наверное, ему обидно за неведомого мне друга стало. Совсем я не узнаю его! Его мама точно энергетический вампир. Я с ней не общаюсь, но она за это время своими воплями даже меня из себя вывела.

— Я все, милый мой, знаю, — раздраженно откликнулась женщина. — Хватит мне талдычить про какую-то там любовь. Творческой личностью себя возомнил, что ли? Вновь встречайся с Лесковой, и дай мне возможность поднять компанию на новый уровень. Мило общайся с этой девочкой — это все, что я требую от тебя. А ведь на тебя, Антон, на тебя у меня были такие надежды! Только твой брат смог их оправдать, а ты нет.

— Хватит мне про него говорить.

— Я знаю лучше, хватит, или нет. Так что, пожалуйста, перестань спорить со мной и хорошо веди себя с сестрой своего дружка... эй, ты что, Антон? Ты куда сорвался? Вообще что ли? — во властном голосе женщины послышалось искреннее удивление.

— Мама, — все так же твердо, но с каким-то отчаянием выкрикнул он, — секунду подожди! Это важно!

— Что важно? Ты куда намылился? Вот же человек. Как отец — непоследовательный, — пробормотала его мать, и даже бормотание у нее было громким и четким, — убежал в другую комнату. Антон! Антон! Мы с тобой не договорили! — И она поспешила следом за сыном, бросив напоследок фразу о том, что он — трудный ребенок, который «явно задался целью разрушить ее драгоценную компанию из-за глупых юношеских амбиций».

Интересно, что у одноклассника там случилось? Я обхватила себя за плечи, вспоминая, как буквально только что его нежные руки меня обнимали. Да, нежные руки — это банальные слова. А что я могу поделать,

если они действительно такие?

Мама Антона, уходите быстрее, потому что я немного уже скучаю по нему. Вы унесете свой царственный зад, и я пойду утешать вашего сына — в этот раз я осмелюсь первой поцеловать его, честное слово! Никакая там ваша Лескова у меня его не отберет. Вцеплюсь в парня, как клещ в жертву, и вообще....

Я задумчиво походила по комнате взад-вперед. Ни матери, ни сына слышно больше не было — они переместились куда-то в другую комнату этой обширной квартиры. Первоначальный страх, что меня могут здесь обнаружить, почему-то прошел, оставив место усталости и сочувствию. Интересно, а это комната Антона? Наверное, да — на кровати лежит черная мужская футболка, да и никаких женских вещей нет и в помине. Надеюсь, это не комната его папы? Хотя, наверное, папа не будет таскать с собой рюкзак, который сейчас привалился к стене, и музыкальный молодежный журнал, лежащий на стуле, читать тоже не будет. Я мельком глянула на периодическое издание для любителей современной музыки. Ого, а ведь именно из него была та самая занудная критик Лина! Интересно, в этом номере про «На краю» есть? Сумела ли эта коротко стриженная тетенька с амбициями опустить группу? Наверняка да.

Я полистала журнал, тихо переворачивая страницы, но ничего дельного найти так и не смогла — мне попадались одни лишь «желтые» сплетни, поэтому я вновь принялась осматриваться.

Интересная комнатка у моего Антоши, хай-тек-интерьер странноват на первый взгляд, но все же видно, что подбирал его хороший дизайнер. Здесь очень много стекла и металла. Тихая гармония цветов. Ничего лишнего. И окно такое классное, высокое, в половину стены, с хорошим видом, его только освободить от горизонтальных сапфирового цвета жалюзи надо — такую красоту, по-моему, скрывать просто грех.

И никакого беспорядка здесь и в помине нет. Все чисто и убрано. Даже пыль отсутствует, кажется. Интересно, а тут есть компьютер? Вроде не вижу. Говорят, что в помещениях хай-тек много скрытых панелей и разных механизмов. Нажимаешь на секретную кнопку, и стена отодвигается, обнажая самую современную технику. Наверняка у Антона тоже есть такое, только, естественно, я проверять ничего не буду — вдруг его сумасшедшая мама услышит меня. Тогда мне точно несдобровать. Да и Антону тоже. Наверное, эта тетка нас вместе с ним отправит к своим близким друзьям в самое пекло... Ну, к тем самым, к рогатым.

Я вздохнула, не зная, чем себя занять. Матери и сына больше не было слышно.

О, на столике-тумбочке (сложно идентифицировать, что это за предмет мебели) потрепанный темный блокнот и ручка. Я сделала пару шагов и от скуки открыла его. Что тут записывает Антончик? Это что? Стихи? Неужели Антоша правда стихи пишет? И так много... Вот же темная лошадка, а рассказал мне об этом только сегодня, когда я спросила его о хобби. Хотя почему он должен говорить мне это раньше, ведь я не интересовалась ничем подобным. Интересно, а что за стихи он пишет? Какие они? Про что? Вдруг его лирический герой — невообразимой крутой Марти Сью?

Эта мысль показалась мне забавной.

Почитать, что ли? Или это некрасиво, читать чужие блокноты и письма?

Вообще-то да, но я точно знаю, что все девочки — прямые потомки той самой безносой Варвары, побывавшей на базаре и там же потерявшей одну из самых важных частей лица, ибо все мы любопытны до ужаса.

Эх, хорошо быть бескультурщиной, как я. Ведь любопытство, к моему стыду, взяло верх, и я залезла своим длинным Варвариным носом в исписанные тонким красивым почерком страницы, вырывая торопливо куски текстов взглядом, так как я боялась, что Антон зайдет в комнату и увидит, как я лазаю по его личным вещам. Наверняка рад он не будет.

Раз.

Я тихо тебе проиграю.

Два.

Я скромно тебе поддаюсь.

Три.

Ты знаешь, я очень мечтаю

Пробел.

Что вскоре тебе улыбнусь.

(моей, которая ничего не знает)

Он встречал рассвет в одиночестве,

Он забыл свое имя-отчество,

Не хотел вспоминать он о прошлом.

Ведь тогда все вокруг было ложным.

.....
.....

Роса играла изрезанной кожей.
Он уже не знал, что теперь ему можно.
А чего нельзя и что теперь запрет?
Что здесь есть табу? И лишь его обет
Крик в ночи едва сдерживал.....
.....

Осколки ласки.

Я бы спел тебе песню о любви, доброте и о ласке.
Я бы спел, но смотрю на тебя с опаской.
Петь? Или рот ты заткнешь мне горящим взглядом?
Скажешь: «Слушай, мальчик, заткнись, не надо»?

Я бы нарисовал тебе картину яркими красками,
Где был бы бал, джентльмены и дамы с масками.
Где было бы пар влюбленных большое множество.
Но ты медленно скажешь: «Картина — убожество».

Я бы построил тебе дворец из стекла хрустального.
Для тебя, совершенной, от меня — неидеального,
Чтоб жила ты, как princess красивой романтик-сказки.
Бей хрусталь. Только дай своей чертовой ласки.
.....
.....

.....Простишь?

Когда-нибудь меня простишь?
Я не со зла все это совершал,
А может, гневно ты проговоришь:
«Ты тварь. Я не хочу, чтобы ты дышал».

И что тогда мне делать? Умереть?
Или, расправив крылья, в небо взмыть?

Чтобы твой образ в облаках стереть,
И там же, в облаках, могилу рыть...

.....
.....

Я любил тебя, глупая <запрещено цензурой>
И хотел. До сих пор в моей душе скука.
По тебе, <запрещено цензурой>, и твоим рукам.
Хочешь играть со мной вновь? Нет, не дам.

Стихи-стихи-стихи... Очень много — почти все страницы исписаны ими. Всюду одни рифмованные строки, зачеркнутые, исправленные, с непонятными пометками. Милые и одновременно злые. Эмоциональные и как будто безличные. Спокойные и взрывные. Непохожие на Антона. Но мне нравятся. Я люблю стихи, особенно сочиненные теми, с кем я общаюсь и кто мне дорог, но сейчас читать все полностью не могу — вдруг хозяин квартиры вот-вот зайдет сюда?

Но чего это у Антона все сочинения такие депрессивные? Бедняга, от чего он мучается? Или это у него такой лирический герой несчастный?

Я, оглядываясь на дверь, как заправский вор, переворачивала страницы, и на самой последней, к своему огромному смущению, но и к радости тоже, обнаружила задумчиво выведенное: «Екатерина», а рядом кучу геометрических рисунков и схематично начерченного ангела, держащего в руках солнце.

Екатерина — это я, что ли?

Как только я подумала об этом, воздух в легких стал горячее, голова чуть-чуть пошла кругом, а щеки то ли запылали, то ли побледнели — мне на лицо словно набросили тонкое, сотканное из самих облаков кружево. На лице появилась легкая воздушная улыбка.

М-м-м, интересно, а мне стихи Тропинка-Малинка посвящал? Хоть один? Ведь какой-то девушке он там писал что-то... Вот было бы здорово, если и правда мне! Мне никто никогда не писал стихов! Вообще-то я привираю. Однажды Нелька в глубоком детстве писала в школьном сочинении: «У нас дружная семья: папа, дядя, брат да я. Еще сестра по дому бродит, только в рифму не подходит!». Помнится, я на такой шедевр очень рассердилась и съела Нелькино пирожное...

И Нинка писала, да. В пятом классе, на поздравительной открытке,

что-то вроде: «С днем рождения поздравляю, денег множество желаю». Она всегда была меркантильной. Но все равно хорошей. Потому что даже самые дурацкие, но искренние стихи лучше, чем списанные фразы-шаблоны, придуманные неизвестно кем...

Я осторожно положила блокнот на место. Пусть Антон не знает, что я так нахально брала его личные записи и читала их, отбросив все этические принципы. И уже отошла было прочь, как что-то заставило меня обернуться.

Голубой камень.

Это был голубой камень, так хорошо знакомый мне! Тот самый камень, что я видела на шее Кея столько раз.

Я с глухо бьющимся сердцем наклонилась к круглой тумбочке так низко, словно плохо видела лежащий на ней предмет. Мое внимание привлекло смутно знакомое украшение на серебряной цепочке. Я слегка дрожащими пальцами взяла в руки холодный сине-голубой топаз. Точно такой же, какой носил Кей.

От внезапной догадки украшение выпало у меня из пальцев, показавшись невероятно тяжелым, и осталось лежать около ног, ярко и дразняще поблескивая на черном полу.

Кажется, меня все-таки толкнули в яму.

Кей... Антон... Кей... Антон... Фигуры... Голоса... Лица... Образы... этих двух молодых людей со страшной силой замелькали в моей голове, и мне пришлось схватиться за нее руками.

Проклятое постоянное ощущение дежавю.

Все сходится.

Я его убью.

И я.

Примечания

Тадайма — с японского переводится как «Я вернулся, я дома».

Охаё — с японского переводится как «привет» и является неформальным вариантом приветствия.

Онэгай симас — с японского переводится как «пожалуйста». Это очень вежливая форма.

Сама — одна из приставок имени в японском языке, означающая большое уважение. В данном случае Нелли использует эту форму язвительно.

Няшный — в русскоязычной среде любителей аниме это слово означает что-то вроде «милый, прикольный, крутой».

Кавай — с японского переводится как «милый, хорошенький, прелестный».

Яххо — неформальное японское приветствие.

Десу — отглагольная связка в японском языке, используемая любителями аниме-культуры как подтверждение сказанного. Само по себе ничего не значит.

Иттай — с японского переводится как «ой, больно».

Охаё годзаймас — с японского переводится как «доброе утро».

Каккоии — с японского переводится как «крутой, красивый, офигительный!».

Гроул и скрим — виды альтернативного вокала, популярные в рок-музыке.

Ото-сан — с японского переводится как «отец».

Даме — с японского переводится как «не делайте это».

Бака — японское слово, обозначающие «дурак, идиот, глупый».

Оне-тян — старшая сестра по-японски.

Стрит-флеш и флеш-рояль — возможные комбинации карт в порядке убывания достоинства. Флеш-рояль — наивысшая комбинация в покере — 5 старших карт одной и той же масти (туз, король, дама, валет, 10 одной масти). Стрит-флеш — стрит в одной масти, то есть 5 последовательных карт одной масти, например: дама, далет, 10, 9, 8.

Сугой — с японского переводится «круто».

Сёдзе-манга — романтические японские комиксы для девушек.

НБА — чемпионат Национальной баскетбольной ассоциации, один из сильнейших баскетбольных чемпионатов, премьер-лига мирового баскетбола, организованная в США.

Мэри Джейн — одно из сленговых названий марихуаны. Этакая игра слов: Marijuana — Мария Хуана — Мэри Джейн.

Шинигами (синигами) — японские божества смерти, но многие любители японской культуры называют этим словом нехороших людей.